А. В. ДЕСНИЦКАЯ

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ

Агния Васильевна Десницкая

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ

Утверждено к печати
Ученым советом Ленинградского отделения
Института языкознания Академии наук СССР

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *К. И. Видре, М. А. Горилас* и
Ф. Я. Петрова

Сдано в набор 20/VII 1967 г. Подписано к печати 3/IV 1968 г. РИСО АН СССР № 15-133В. Формат бумаги $60\times90\ ^1/_{16}$. Бум. л. $11^7/_8$. Печ. л. $23^3/_4$ = $23^3/_4$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 25.94. Изд. № 3223. Тип. зак. № 444. М-21380. Тираж 1300. Бумага типографская № 1. *Цена 1 р. 83 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

7-1-4
177-67 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

На современном этапе развития албановедческих исследований изучение диалектов албанского языка является порогом, не переступив который по существу невозможно двигаться дальше и углублять работу над отдельными проблемами. Любой вопрос из области фонетики, грамматики, лексикологии требует для своего решения учета того многообразия диалектных форм живой народно-разговорной речи, в которых реально существует албанский язык и на основе которых слагались с конца XIX в. и продолжают развиваться сейчас его литературные формы.

Как известно, языковых памятников древнеалбанского периода не сохранилось. Старейшие тексты относятся в основном к XVI—XVII вв. и не дают картины языка в полноте локальных вариантов, составлявших реальность его существования на протяжении столетий. Материал для реконструкции пройденных состояний языковой структуры оказывается, таким образом, ограниченным как в хронологическом, так и в диалектальном аспектах. Однако недостаток этот может быть в известной степени восполнен с помощью сравнительного изучения современных диалектов. Историческая диалектология для языка с относительно поздней письменной традицией является неоценимым источником сведений о предшествующих этапах его развития, особенно когда есть возможность соотнести лингвистическое членение диалектных ареалов с фактами истории народа, говорящего на данном языке. Изучение диалектов, определение отношений между ними, сложившихся в определенной географической и социально-исторической среде, позволяет значительно обогатить сумму сведений по истории албанского языка, необходимую для понимания общих закономерностей и специфических деталей сложения его фонетической системы и грамматического строя в их современном состоянии. Материалы диалектологии в первую очередь помогают осветить хронологически более близкие к нашему времени этапы истории албанского языка, в частности тот его этап, который совпадает с периодом турецкого владычества на Балканах (XV—XIX вв.).

Именно к этому периоду в основном относится сложение диалектных отношений албаноязычного ареала в том виде, как они доступны непосредственному изучению по фактам живого языка и по текстам, записанным в XIX в. Однако реконструкция моделей, исходных для данного отрезка языковой истории, производимая с помощью сравнительного анализа фактов диалектной речи в их локальной вариантности, открывает возможности проникновения в более ранние состояния, благодаря чему может быть установлена преемственная связь фактов современного языка с древнеалбанскими и протоалбанскими, реконструкция которых открывает выход в исследование проблемы отношений албанского с древними языками Балканского полуострова. Тем самым может быть подведена более надежная, чем это было до сих пор, основа для использования албанских языковых фактов в исследованиях по сравнительной грамматике индоевропейских языков.

Другим важным аспектом албанской диалектологии является ее теснейшая связь с решением практических задач нормализации литературных форм албанского языка. В силу особых исторических условий процесса становления албанской нации литературный язык ее сложился в двух диалектных формах. Сосуществование и взаимодействие северной и южной форм современного албанского литературного языка составляет одну из центральных для развития албанской культуры проблем, которая уже на протяжении нескольких десятилетий служит источником горячих споров среди широких кругов албанской интеллигенции. Для понимания исторических оснований и путей сложения каждого из вариантов литературного языка и их соотношения в различные периоды истории албанской нации требуется углубление в конкретные вопросы диалектологии, изучение которой является, таким образом, необходимой предпосылкой для разработки истории литературного албанского языка и определения перспектив его дальнейшего развития.

Научная актуальность проблем албанской диалектологии, их особое значение для дальнейших исследований в области албановедения в значительной мере определили задачи и структуру этой книги, посвященной албанскому языку. Основное место в ней занимает раздел о диалектах, составлявших историческую реальность существования и развития албанской речи на протяжении веков. Задача моей работы, представляющей собой первый опыт обобщенного изложения проблем и фактов албанской диалектологии, — ввести читателей в круг вопросов современного албановедения со стороны одного из них, вопроса о диалектном членении албаноязычного ареала. В плане дальнейшего развития албановедческих исследований такая работа является подготовительной ступенью к постановке проблемы образования албанского национального языка и его литературных форм.

Для языковедов, исследующих вопросы исторической фонетики, грамматики и лексикологии албанского языка, а также для балканистов с более широким кругом интересов монография об албанских диалектах может оказаться полезной содержащейся в ней сводкой материалов по албанской диалектологии, разбросанных по многочисленным и порой труднодоступным изданиям, а также очерком общих проблем изучения лингвистической карты Албании.

Еще в сравнительно недалеком прошлом лингвистам, интересовавшимся в той или иной мере албанским языком, приходилось иметь дело только с диалектной речью, многообразной и неизведанной в ее локальной вариантности. В своей монографии я ставила перед собой цель дать представление о современном диалектном членении албанского языка и о соотношении этого членения с географической и социально-исторической средой, в которой развивался этот язык на протяжении нескольких последних столетий. Поэтому основная часть книги оказалась посвященной именно диалектологии, а такие вопросы, как морфологическая структура и литературные формы современного албанского языка, изложены очень кратко и освещение их по существу имеет характер введения к постановке главной темы. На вопросах лексики, к сожалению, не пришлось остановиться совсем, так как изложение их значительно увеличило бы объем книги.

Я имела счастливую возможность опереться в своей работе на исследования языковедов Народной Республики Албании, развернувшиеся за последние два десятилетия. В прошлом литература по албановедению была бедна описаниями албанских говоров. Немногочисленные издания, содержавшие такие описания, освещали лишь отдельные отрезки албаноязычного ареала, и лингвистическая карта Албании в целом продолжала оставаться обширным белым пятном с отдельными точками описанных участков. Публиковавшиеся записи фольклора также не давали полного представления о диалектной речи соответствующих районов, тем более что сложившиеся в албанской народной среде устнопоэтические койне определяли известную степень наддиалектной обобщенности языка этих текстов. Однако за последние десятилетия положение коренным образом изменилось в связи с тем, что в Албанской Народной Республике развернулась систематическая работа в области диалектологии. Молодые диалектологи во главе с Йорги Гьинари, получившим научную подготовку в лаборатории экспериментальной фонетики при Ленинградском университете, провели обследование целого ряда диалектных районов и опубликовали краткие монографические описания соответствующих говоров. Значительная часть говоров южной Албании уже описана; ведется исследовательская работа и по говорам северной Албании, хотя в этой части диалектного ареала пока еще остается довольно много белых пятен. Большой

интерес представляют работы по исторической фонетике выдающегося историка албанского языка, профессора Экрема Чабея, который при анализе языка памятников староалбанской письменности широко привлекает данные современных диалектов. Наряду с монографическими описаниями отдельных говоров, являющимися подготовкой к созданию диалектологического атласа албанского языка, проводится также большая работа по сбору диалектной лексики, что уже дало свои результаты в значительном углублении исследований в области исторической лексикологии (имеются в виду прежде всего этимологические исследования Э. Чабея).

В публикуемой работе использованы все оказавшиеся доступными для меня печатные материалы, из которых можно извлечь те или иные сведения о говорах албанского языка. Не всегда материалов этих оказывалось достаточно. В некоторых случаях приходилось опираться в основном на фольклорные тексты, хотя они и не дают полной картины говоров. По отдельным участкам албаноязычной территории до сих пор отсутствуют какие-либо сведения. Имея в виду представить по возможности более цельную картину диалектного членения албанского языка, я старалась использовать наряду с лингвистическими фактами также факты истории и этнографии, дать изложение основных признаков говоров на фоне географической и социально-исторической среды. Хотя составление лингвистического атласа Албании является еще задачей будущего, в процессе исследования отношений между говорами и группами говоров уже наметились основные линии изоглосс, исторически обусловленное деление на диалектные области и районы, не всегда совпадающее с прежними классификациями албанских диалектов. Совершенно новой явилась постановка вопроса о сложении и распространении народно-разговорных и устно-поэтических койне, составивших историческую основу для процесса образования албанского национального языка.

Большое значение для моей работы имело длительное пребывание в Албании в 1956 и 1959 гг., возможность ознакомиться на месте с языковой ситуацией, с актуальным соотношением диалектных и литературных форм албанского языка в городах и сельских районах, составить конкретное представление о ландшафтах и этнографических особенностях всех частей страны. В моих поездках меня сопровождали албанские ученые — языковеды, этнографы, историки. Я пользуюсь случаем принести сердечную благодарность всем моим албанским друзьям и коллегам, оказывавшим мне неоценимую помощь в ознакомлении с Албанией, ее языком, культурой, этнографией.

Сложным оказался вопрос транскрипции диалектных материалов. Албанские лингвисты пользуются в своих работах транскрипцией, основанной на принятой в Албании системе письма,

латинской, но со специфическим и необычным для европейской традиции использованием отдельных знаков (например, *q* для обозначения глухого среднеязычного смычного, *x* — для обозначения аффриката *dz* и др.). Хотя эта транскрипция и не совсем удачна своими отступлениями от общепринятого использования отдельных знаков латинского алфавита, я не считала возможным заменить ее, имея в виду большое научное значение диалектологических исследований, публикуемых албанскими учеными, а также нежелательность отрыва от албанской письменной традиции вообще. В то же время западноевропейские ученые, исследовавшие говоры албанского языка или публиковавшие записи фольклорных текстов, применяли различные варианты фонетической транскрипции и иногда отмечали оттенки произношения такими знаками, для транслитерации которых в системе транскрипции, принятой албанскими лингвистами, не установлена система обозначений. В этом отношении особенно выделяются некоторые из записей М. Ламберца, дающих значительный материал для изучения говоров северной Албании. Транскрипцию Ламберца, приспособленную к передаче довольно тонких оттенков произношения, вряд ли было бы целесообразно приводить в соответствие с системой письма, принятой албанскими диалектологами, которая, как уже было отмечено выше, довольно сильно отличается от общепринятых типов фонетической транскрипции. Таким образом, в работе, за немногими исключениями, оказались сохранены системы написания, принятые в источниках, откуда извлекался языковой материал. Результатом этого явился транскрипционный разнобой, который я признаю существенным недостатком оформления моей работы. В некоторых случаях, когда требовалось более точное указание особенностей произношения, фонетическая транскрипция давалась дополнительно в квадратных скобках. Последовательное проведение такого способа подачи материала я сочла излишним, так как это повело бы к нежелательному увеличению объема книги.

При передаче на русский язык албанских географических названий в основном соблюден следующий принцип: названия женск. р. даются в определенной форме (окончание *-a* в им. п. ед. ч.), например: Shkodra=русск. Шкодра (ср. неопред. Shkodër); названия мужск. р., имеющие в большинстве случаев основы с исходом на согласный, даются в неопределенной форме им. п. ед. ч., например: Elbasan=русск. Эльбасан (ср. опред. Elbasani).

Часть I

СОВРЕМЕННЫЙ АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

Глава 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Албанский — один из национальных языков Европы, принадлежащий к индоевропейской лингвистической семье. В составе этой семьи он не связан ближайшим родством ни с одной из существующих в настоящее время лингвистических групп, но, подобно греческому и армянскому языкам, занимает изолированное положение. В отдаленном прошлом положение его было, по всей вероятности, иным. Можно предполагать, что современная албанская речь является продолжением речи одного из народов, населявших в древности северную часть Балканского полуострова, — иллирийцев или фракийцев. Хотя от языков иллирийских и фракийских племен почти не сохранилось следов, в науке уже давно поставлены и обсуждаются гипотезы об иллирийском или фракийском происхождении албанского языка. Иллирийская гипотеза в большей мере поддерживается аргументами исторического и лингвистического порядка. Однако фракийская теория также имеет немало сторонников. Некоторые исследователи, пытаясь объединить обе точки зрения, говорят об иллиро-фракийском происхождении албанского языка. Вопрос этот продолжает оставаться предметом споров. Окончательное его решение вряд ли возможно, принимая во внимание крайнюю недостаточность дошедших до нас остатков иллирийской и фракийской речи.

Как и в большинстве современных индоевропейских языков, характерные элементы древней флексии в албанском языке подверглись довольно сильным изменениям. Фонетические явления неударенных слогов и здесь в значительной мере нарушили существовавший некогда облик формальных элементов слова в их соотношении с основой и корнем. В албанском языке развился флективный строй нового типа, в котором остатки старой индоевропейской флективной структуры включены в новые мор-

фологические ряды. Немалую роль в системе средств выражения грамматических значений приобрели в нем также аналитические конструкции. В типологическом отношении грамматический строй албанского языка в общем довольно близок к грамматическому строю современных германских, славянских, романских языков. При исходной общности языкового материала, унаследованного от общеиндоевропейского состояния, параллельными были, по всей видимости, также основные тенденции развития.

Особый интерес представляет проблема балканских лингвистических связей — наличие специальных сходств в построении некоторых грамматических форм у албанского с румынским, болгарским, новогреческим и (в меньшей мере) с сербским языками. Возникновение такого рода регионального лингвистического единства должно было иметь свои особые исторические причины. Исследование их составляет одну из основных проблем так называемой балканской лингвистики. Для разработки этого нового и теоретически важного раздела истории индоевропейских языков албанские лингвистические материалы имеют первостепенное значение.

В словарном составе албанского языка большое место занимает исконная индоевропейская лексика, унаследованная, так же как и в других индоевропейских языках, от периода древней лингвистической общности. Как и везде, она включает в себя значительную часть наиболее употребительных слов, передающих элементарные понятия и образующих наибольшее число словопроизводных гнезд. Если на первом этапе развития албанологии удельный вес этой части словарного состава мог казаться относительно небольшим в сравнении с массой иноязычных заимствований, проникавших в албанский язык в различные периоды его истории, то в настоящее время это представление уже не соответствует характеру фактов, являющихся достоянием науки. С одной стороны, за 70 лет, прошедших со времени опубликования «Этимологического словаря албанского языка» Г. Мейера,[1] этимологические разыскания в области албанской лексики очень сильно продвинулись вперед. Работы Г. Педерсена, Н. Йокля и Э. Чабея значительно обогатили круг соответствий албанского с другими индоевропейскими языками. В то же время словарный состав албанского языка выступает сейчас перед глазами исследователей совсем в другом виде, чем это было в 70—80-е годы прошлого века, когда репертуар опубликованных материалов был крайне ограничен, а лингвистические экспедиции в Албанию для изучения живой речи на местах — труднодоступны. Г. Мейер пользовался для своих этимологических исследований текстами, записанными преимущественно на южной периферии албанской

---

[1] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.

территории, а также у албанцев Греции. Поэтому количественные подсчеты заимствований, в частности новогреческих и турецких, сделанные им в предисловии к «Этимологическому словарю», а также сформулированная им точка зрения на соотношение исконной и заимствованной лексики не могли отражать действительную картину словарного состава албанского языка в целом.

В настоящее время, когда лексика развивающегося национально-литературного албанского языка постоянно обогащается из фондов народной речи, когда при изучении диалектов обнаруживаются все новые и новые пласты слов, идущих из глубин старой языковой культуры албанского народа, когда в связи с потребностями современного общества непрерывно нарастает поток новых слов, создаваемых по существующим в языке структурным моделям, облик албанской лексики уже не может казаться таким, каким он казался исследователям прошлого века, имевшим дело с очень ограниченным и однообразным запасом текстов.

Конечно, не приходится отрицать того, что в словарный состав албанского языка в разное время проникло действительно очень много иноязычных элементов — латинских, древне- и новогреческих, славянских, итальянских, турецких. Более старые пласты этих заимствований — латинские (от эпохи римского завоевания Балканского полуострова), древнегреческие, большая часть славянских — вполне ассимилированы языком и выступают наравне с исконной частью словаря. Более поздние заимствования в разной мере воспринимаются в качестве вкраплений в органическую ткань старой албанской лексики; обычно они выражают определенные круги понятий (так, например, турецкие слова изобилуют в обозначении предметов городского домашнего обихода, кушаний, одежды и др.), обогащают синонимику и стилистические средства языка; теряя свою предметную соотнесенность (в случаях выхода из жизни соответствующих реалий) или эмоциональную нагрузку (например, некоторые турецкие междометия сейчас можно услышать только в речи людей старших поколений), они перестают употребляться, легко забываются.

Наличие в албанском языке большого количества иноязычных заимствований определяется историческими условиями жизни албанского народа на протяжении многих веков; оно составляет историческую специфику албанской лексики, отражая взаимодействие албанского языка с языками других народов, с которыми сводила албанцев судьба (римское и турецкое завоевания, соседство со славянами, греками, венецианцами и др.).

В новое время в албанскую лексику, так же как и в лексику других языков Европы, вошло очень много международных

по своему характеру слов, образованных от древнегреческих и латинских основ. В использовании этого международного лексического фонда преимущественно для обозначения понятий политического, философского и научного содержания албанский язык не отличается от других европейских языков.

Если албанский все же можно отнести к числу языков, включивших в свою лексику под влиянием определенных исторических условий особенно много иноязычных заимствований (ср. также румынский, английский, армянский), то это его отличие имеет прежде всего количественный характер, не составляет качественной специфики языка как такового и ни в какой мере не определяет особенностей его структуры. Поэтому нет никаких оснований говорить об албанском как о «смешанном языке». Если в прошлом такое мнение неоднократно высказывалось, то это объяснялось прежде всего недостаточной изученностью материалов и несколько предвзятым подходом к языку — с его поздней письменной традицией и грамматическим строем, весьма далеким от «классической» флективной модели некоторых древних индоевропейских языков.

Албанский язык — национальный язык Народной Республики Албании, население которой в октябре 1960 г. составляло 1 625 000 человек.[2] Из общего числа населения национальные меньшинства — греки, славяне (македонцы и черногорцы), аромуны (влахи) и другие — в 1955 г. составляли 3.4%.[3] Преобладающее большинство их двуязычно, следовательно, они также являются носителями албанского языка.

Более миллиона албанцев проживают за пределами страны. На территории Югославии албаноязычное население в 1959 г. достигало 860 000 человек,[4] в Италии — 80 000,[5] в Греции — 50 000.[6] Небольшое количество албанцев (1000, по данным 1959 г.) проживает в Болгарии, где албанские поселения существовали с давней поры. В пределах Советского Союза существует несколько албаноязычных сел (в Мелитопольской и Одесской областях Украинской ССР). Старейшее из них (с. Жовтневое, б. Каракурт в Одесской области) было основано в начале XIX в. переселенцами

---

[2] См. сообщение о результатах переписи в газете: Zëri i Popullit, 1961, 29 января.

[3] P. Geço. Shqipëria. Pamje fiziko-ekonomike. Tiranë, 1959, стр. 69.

[4] Численность и расселение народов мира. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 121.

[5] Там же, стр. 126.

[6] Там же, стр. 120.

из Болгарии, из района Варны. По данным переписи 1951 г., в четырех албанских селах на территории УССР (Жовтневое, Гаммовка, Георгиевка и Девненское) насчитывалось 2587 человек.[7]

Цифрой около 100 000 [8] приблизительно определяется количество выходцев из Албании за рубежом, переселившихся в более позднее время, в период усиленной эмиграции, происходившей в основном во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в. из малоземельных горных районов южной Албании. Наиболее значительными являются группы албанских эмигрантов в США, Канаде, Аргентине, Австралии. Выходцы из Албании проживают также в Египте, Турции, Румынии и др.

Согласно приведенным сведениям, наибольшее количество албаноязычного населения за рубежом находится в Югославии — в автономном крае Косово и Метохии, а также в Македонии и Черногории. Эти территории непосредственно примыкают к восточным и северным границам албанского государства, так же как и граничащий с юга чамерийский район в Греции (Западный Эпир). Таким образом, количество албаноязычного населения в западной части Балканского полуострова составляет (включая, помимо населения Народной Республики Албании, также албанцев Социалистической Федеративной Республики Югославии и северной Греции) 2.5 миллиона человек.

Из зарубежных албанских поселений старейшими являются поселения в различных районах центральной и южной Греции. В XIX в. в Аттике, Бэотии, на Эвбее, в Пелопоннесе, на островах Гидра, Специя, Порос существовало много албаноязычных сел, а также значительные группы албанцев в Афинах и других городах. Переселение жителей южной Албании в Грецию, в результате которого образовались эти поселения, происходило в основном в XIV в.[9] и было связано с образованием феодальных территорий на землях, пустовавших в результате многочисленных и кровопролитных войн средневековья. В настоящее время албанцы Аттики и других областей центральной и южной Греции в сильной мере ассимилировались окружающей их греческой среде; многие из них полностью перешли на греческий язык. Но в начале XIX в., по свидетельствам путешественников, ал-

---

[7] Н. В. Котова. Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины). Ученые записки Института славяноведения, т. XIII, 1956, стр. 255 и сл. По данным 1959 г., общее количество албанцев, проживавших на территории СССР, достигало 4800 (Численность и расселение народов мира, стр. 85). По-видимому, основную часть этого количества составило население указанных деревень.

[8] P. Geço. Shqipëria, стр. 73.

[9] R. Busch-Zantner. Albanisches Volkstum in Griechenland. Volksforschung, Bd. 5, H. 1, 1941.

банскую речь можно было постоянно слышать в Афинах и ближних к ним селах.[10]

Жестокости турецкого завоевания вызвали массовое бегство населения южных районов Албании (а также албанцев Греции) на противоположные берега Ионического моря — в южные области Италии и на остров Сицилию. Движение это началось еще в XV в., в эпоху войн Скандербега, и продолжалось отдельными волнами на протяжении XVI—XVIII вв. Последнее по времени образования албанское поселение в Италии — это Villa Badessa в Абруццах, основанная в 1744 г. выходцами из южноалбанского селения Пикерас (Piqeras) близ Саранды. Албаноязычные деревни на итальянской территории сосредоточены в областях Калабрии, Апулии и Сицилии. Албанцы Италии, называющие себя «арберешами»,[11] до сих пор довольно устойчиво сохраняют свой язык и национальные традиции, заботливо культивируемые арберешской интеллигенцией. В XIX в. у итальянских арберешей развилась богатая и оригинальная художественная литература. Творчество таких выдающихся поэтов, как Дж. де Рада, Г. Дара, Дж. Серембе, явилось значительным вкладом в создание общеалбанской национальной литературы. В настоящее время, однако, процесс языковой ассимиляции арберешей, в условиях итальянского окружения, в отдельных районах зашел довольно далеко.

О давности албанских поселений в Болгарии свидетельствуют такие названия населенных пунктов, как Арбанаси, буквально 'Албанцы' (большое село близ Тырнова, где давно уже никто не говорит по-албански), и Арнаут-Кой. В настоящее время албанская речь сохранилась лишь в с. Мандрице, лежащем около болгаро-турецкой границы, на юго-востоке страны. По соседству с ним, на турецкой территории, также существует несколько албанских деревень, о населении которых нет точных сведений.[12]

Все вышеуказанные поселения образованы переселенцами из южной Албании.

Выходцами из северноалбанских сел Бриско (Brisko) и Шестан (Shestan), расположенных к западу от Скутарийского озера (на югославской территории), было основано в 1726 г. селение Борго Эриццо (Borgo Erizzo, ныне Арбанас — Arbanas) в Дал-

---

[10] J. C. Hobhouse. A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia to Constantinople, during the year 1809, vol. I; Sec. ed., London, б. г., стр. 295 и сл.

[11] Старое самоназвание албанцев, образованное от корня *arb//*alb, албанские переселенцы принесли с родины. Так же называют себя и албанцы Греции.

[12] Dh. Shutëriqi. Fshati shqiptar i Bullgarisë, Mandrica. Studime Filologjike, Tiranë, 1965, № 1, стр. 103.

мации, близ города Задар.[13] В 1921 г. население Борго Эриццо насчитывало 2888 человек.

Можно отметить существенное различие в характере ранних и более поздних албанских поселений за рубежом. Поселения, возникавшие в период с XIV по начало XIX в., создавались крестьянами, которые и на новых местах продолжали заниматься земледельческим трудом и включались в местные системы феодальных отношений. Таким образом, появлялись албанские села и группы сел со своими территориальными говорами. Эти говоры в условиях изоляции от основного албаноязычного массива получали специфическое развитие.

Иной характер имела эмиграция более позднего времени (XIX век и первые десятилетия XX в.). Под влиянием тяжелых экономических условий иногда довольно значительная часть мужского населения из городов и сел южной Албании (в меньшей мере из центральных и северных районов страны) отправлялась на заработки (так называемый курбет, ср. тур. gurbet 'пребывание на чужбине'), оседая преимущественно в больших городах на длительное время или навсегда. Выселялись и целые семьи — как в ближние, так и в заморские страны. На новых местах эти албанские эмигранты уже не получали земли и не занимались сельским хозяйством, но искали применения своим силам и способностям в качестве рабочих, ремесленников, мелких служащих, торговцев. При этом они вливались в общую массу населения того или иного города; особых албанских территориальных единиц уже не создавалось. Не создавалось и особых говоров. Можно предполагать, что в настоящее время речь албанских эмигрантов, покинувших пределы страны в конце XIX или в начале XX в., более устойчиво сохраняет старые диалектные особенности, так как в значительно меньшей мере, чем в самой Албании, подвергается воздействию литературного языка.

---

[13] C. Tagliavini. L'Albanese di Dalmazia, contributi alla conoscenza del'dialetto ghego di Borgo Erizzo presso Zara. Firenze, 1937; I. Ajeti. Istorijski razvitak gegijskog govora Arbanasa kod Zadra. Sarajevo, 1961 (Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Balkanološki Institut, knj. 3).

Глава 2

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА[1]

Структура албанского языка в общих своих чертах сходна со структурами большинства современных индоевропейских языков, в которых остатки древней флексии переплетаются со вновь созданными продуктивными рядами флективных форм, а также с разного рода описательными формами.

Действовавшие на протяжении многих веков фонетические процессы, в том числе процесс редукции гласных и согласных конечных слогов, а также процессы морфологического переразложения основ привели к тому, что лишь в очень немногих формальных элементах албанского слова, притом с большим трудом, определяются остатки общеиндоевропейских флективных показателей. В то же время характерной чертой развития морфологической структуры албанского языка явилось образование новых флективных форм, возникавших как путем переразложения основ, так и путем сращения аналитических сочетаний.

Пример возникновения новых рядов словоизменительных форм путем превращения элементов основы в окончания или в части окончаний дает наиболее продуктивный тип глагольного спряжения, имеющий в настоящем времени индикатива следующую парадигму:

Единственное число		Множественное число	
punoj	'работаю'	punojmë	'работаем'
punon	'работаешь'	punoni	'работаете'
punon	'работает'	punojnë	'работают'

С точки зрения системы современного языка в качестве основы здесь выделяется puno-, а элементы *-j*, *-n*, *-jmë*, *-ni*, *-jnë*

[1] Это описание составлено на основе форм литературного языка.

рассматриваются как личные окончания.[2] Между тем исторически основой форм наст. вр. этого глагола являются варианты punon-, punoj- (<punonj-), а остатки древней индоевропейской глагольной флексии можно усмотреть лишь в элементах *-më*, *-i*, *-në*, выступающих в составе современных окончаний мн. ч.

Рассматриваемый весьма продуктивный разряд албанских глаголов в морфологическом отношении может быть возведен к древнему типу производных глаголов с суффиксом **-nio-*. Формы ед. ч. 1-го л. punoj (в с.-т. еще сохраняется более старая форма punonj), 2-го л. punon, 3-го л. punon с исторической точки зрения представляют собой варианты основы, которая некогда изменялась в сочетании с личными окончаниями, в дальнейшем подвергшимися редукции. Эти же варианты основы мы видим и в формах мн. ч.: punojmë, punoni, punojnë. Но в то время как во мн. ч. конечный элемент основы *-j-/-n-* присоединился к старым личным окончаниям, в ед. ч. *-j* и *-n* сами по себе приобрели функцию личных окончаний.

Аорист глаголов этого типа (в отличие от формы наст. вр. также и исторически) имеет основу с исходом на гласный звук (puno-), выступающую в двух вариантах — puno-/punua-, которые возникли в результате специфически албанского фонетического чередования.

Единственное число		Множественное число
punova	'я поработал'[3]	punuam
punove		punuat
punoi		punuan

С точки зрения современного языка здесь выделяется следующий ряд личных окончаний: *-va*, *-ve*, *-i*, *-m*, *-t*, *-n*.[4] Исторически же в ед. ч. элементами флексии являются лишь *-a*, *-e*, *-i*. Входящий в состав окончаний 1-го и 2-го л. ед. ч. согласный *-v-* появился чисто фонетически на стыке двух гласных (конечного гласного основы *-o-* и окончания *-a*, *-e*), благодаря чему оказалось ликвидированным нетерпимое для албанского языка зияние.[5]

---

[2] Такой принцип членения указанных форм глагола принят, в частности, в албанской школьной грамматике (см.: L. Dodbiba, S. Spasse. Gramatika e gjuhës shqipe. Për kl. e V-të dhe të VI-të të shkollave shtatëvjeçare. Botim i tretë, I, Tiranë, 1955, стр. 175).

[3] Предлагаемые здесь и ниже переводы временных форм албанского глагола крайне приблизительны, так как большинство этих форм не имеет соответствий в русском языке. Особенно это касается так называемых относительных времен — плюсквамперфекта, будущего II и др. (см. ниже).

[4] См.: L. Dodbiba, S. Spasse. Gramatika e gjuhës shqipe, стр. 175.

[5] См. об этом: H. Pedersen. Bidrag til den albanesiske Sproghistorie. В сб.: Festskrift til Vilhelm Thomsen, København, 1894, стр. 254. Еще ранее такое же объяснение было предложено О. Дозоном (см.: Aug. Dozon. Manuel de la langue chkipe ou albanaise. Grammaire, vocabulaire, chrestomathie. Paris, 1879, стр. 242).

Примером возникновения нового ряда флективных (или, скорее, агглютинативных) форм путем сращения аналитических сочетаний могут служить формы особой модальной категории так называемого адмиратива (по-албански mënyra habitore 'наклонение изумления'), которая выражает неожиданное, вызывающее изумление действие, имеющее при этом оттенок результативности. Настоящее время адмиратива:

Единственное число

1-е л.	punuakam	'я, оказывается, работаю, поработал'	hapkam	'я, оказывается, открываю, открыл'
2-е л.	punuake	'ты, оказывается, работаешь, поработал'	hapke	'ты, оказывается, открываешь, открыл'
3-е л.	punuaka	'он, оказывается работает, поработал'	hapka	'он, оказывается, открывает, открыл'

Множественное число

1-е л.	punuakemi	hapkemi
2-е л.	punuakeni	hapkeni
3-е л.	punuakan	hapkan

Формы эти образованы путем сращения краткого причастия punua-, hap(ë)- и спрягаемого по лицам в наст. вр. вспомогательного глагола kam 'имею' (ср. самостоятельный ряд спряжения этого вспомогательного глагола: ед. ч. — 1-е л. kam, 2-е л. ke, 3-е л. ka; мн. ч. — 1-е л. kemi, 2-е л. keni, 3-е л. kanë). Аналогично образуется имперфект (прошедшее длительное) адмиратива: ед. ч. — 1-е л. punuakësha 'я, оказывается, работал', hapkësha 'я, оказывается, открывал', 2-е л. punuakëshe, hapkëshe и т. д. (ср. имперфект глагола kam: ед. ч. — 1-е л. kisha, 2-е л. kishe и т. д.).

Характерно, что, в сущности, одинаковый с формами адмиратива состав (т. е. личные формы вспомогательного глагола «иметь» в сочетании с причастием спрягаемого глагола), но при обратном расположении своих элементов имеют аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта. Ср. 1-е л. ед. ч. в индикативе: перфект — т. kam punuar 'я работал', kam hapur 'я открыл', г. (с краткой формой причастия) kam punue, kam hapë, плюсквамперфект I — т. kisha punuar 'я работал', kisha hapur 'я открывал', г. kisha punue, kisha hapë и т. д. Эти аналитические формы индикатива, имеющие структурно и семантически вполне адекватные параллели во многих современных индоевропейских языках (например, в германских и романских), не обнаруживают, однако, в албанском языке никаких тенденций к сращиванию.

Возможность образования особых рядов флективных форм адмиратива путем сращения аналитической конструкции была,

как кажется, связана с постпозицией служебного слова, содействовавшей превращению его из самостоятельной лексической единицы в формальный показатель — в соответствии с традиционным для индоевропейских языков порядком расположения морфем в составе флективного слова. Постановка на первое место лексически полновесной части аналитического сочетания punua-, ħapë- в свою очередь могла быть обусловлена эмфатическим выдвижением вперед семантически более важного элемента. В сравнении с нейтральными в модальном отношении формами перфекта и плюсквамперфекта индикатива подчеркнутая экспрессивность албанского адмиратива получала, таким образом, некогда формальное выражение при помощи особого порядка слов, обусловившего с течением времени возможность сращения аналитического сочетания в одно целое и создания нового словоизменительного ряда. Кроме того, возможно, что в период зарождения аналитических сочетаний, послуживших основой для образования форм адмиратива, первый элемент этих сочетаний, который является особой краткой формой причастия, в настоящее время сохранившейся только в гегском диалекте, был собственно не причастием, а именем действия и выполнял роль инфинитива. История отдельных индоевропейских языков знает немало случаев образования новых флективных форм путем сращения сочетаний имен действия с тем или иным вспомогательным глаголом,[6] причем во всех подобных случаях возможность сращивания была обусловлена наличием определенного порядка слов внутри сочетания, а именно положением изменяемых по лицам форм вспомогательного глагола в конце сочетания. Для форм албанского адмиратива, помимо присущего им резко модального характера, особенно специфична прозрачность их строения, позволяющая назвать весь этот словоизменительный ряд скорее агглютинативным, чем флективным.

Своеобразное сочетание остатков старой индоевропейской флексии с новыми флективными формами наблюдается и в албанском именном склонении. Это особенно ярко выступает при сопоставлении неопределенных и определенных (образованных при помощи суффигированного артикля) форм; ср., например, в им. п. ед. ч. женск. р.: неопред. natë 'ночь' — опред. nata, а также в род. п. ед. ч. неопред. nate — опред. natës. На первый взгляд может показаться, что именно определенные формы nata и natës являются непосредственным продолжением индоевропейских форм им. п. ед. ч. на *-*ā* и род. п. ед. ч. на *-*ās*. Однако в действительности это не так. Остатками индоевропейских показателей являются -*ë* (сильно редуцированный гласный смешанного ряда)

[6] Ср. образование форм латинского имперфекта и германского слабого претерита, происходившее задолго до появления письменных памятников; в новое время во французском, испанском и итальянском языках аналогичным путем возникли формы простого будущего.

в неопределенной форме им. п. ед. ч. и *-e* в неопределенной форме род. п. ед. ч. Окончания же определенных форм возникли в результате наращения к имени постпозитивного артикля. В частности, появляющееся в род. п. ед. ч. (natës) окончание *-s* генетически не имеет ничего общего с индоевропейской флексией род. п., но представляет собой начальный согласный местоименной основы, выступающей в косвенных падежах ед. ч. артикля женск. р. (в самостоятельном употреблении *së*); ср. также окончание *-t* в определенной форме род. п. ед. ч. мужск. р. (birit 'сына'), имеющее соответствие в форме косвенных падежей самостоятельно употребляющегося артикля мужск. р. (*të*).

Определяя общий тип морфологической структуры албанского языка, мы можем отметить, что, хотя вся система унаследованных от общеиндоевропейского состояния именных и глагольных флексий в албанском языке подверглась существенной перестройке и выступает в едва узнаваемом виде, структура в целом продолжает сохранять синтетический флективный характер. Наличие большого числа аналитических рядов глагольных форм не противоречит этому определению, так как в состав каждого такого ряда всегда входят изменяемые по лицам формы вспомогательного глагола. Если входящие в состав глагольной формы служебные частицы не подлежат изменению, спрягается по лицам сам основной глагол (ср. тоскские формы будущего I — ед. ч. 1-го л. do të punoj 'я буду работать', 2-го л. do të punosh, 3-го л. do të punojë и т. д.). В таких случаях вряд ли можно говорить об аналитических формах в обычном значении этого термина.

В связи с тем что основная роль в системе выражения грамматических отношений принадлежит формам словоизменения, порядок слов является относительно свободным, хотя и существуют определенные нормы обычного расположения членов предложения.[7] Отступления от этих норм, встречающиеся постоянно как в письменном языке, так и в устной речи, всегда связаны с моментами смыслового и стилистического порядка.

Глагол в албанском языке характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения и залога. Все эти категории выражаются морфологически, в основном при помощи средств словоизменения. Система форм албанского глагола очень дифференцирована и включает как простые формы, так и описательные (аналитические).

Лицо и число (единственное и множественное) выражаются обычно (но не всегда) посредством специальных окончаний, иногда также при участии флексии основы. Для ед. ч. наст. вр.

[7] См.: M. Domi. Gramatika e gjuhës shqipe, II, Sintaksa. Tiranë, 1955, стр. 157.

индикатива единые окончания во всех типах спряжения установить невозможно, так как старые индоевропейские окончания полностью редуцировались (за исключением нескольких реликтовых форм, представляющих глаголы на *-mi*), а новые различия в оформлении связаны исключительно с изменениями (или иногда с отсутствием изменений) конечного звука основы. Как мы видели выше, для продуктивного разряда глаголов, 1-е л. которых в ед. ч. оканчивается на *-j* (*-nj*), а основа с точки зрения современного состояния языка имеет конечным звуком гласный или дифтонг (например: punoj 'работаю', thaj 'сушу', kthej 'поворачиваю', çkrij 'расплавляю, -юсь', shkruaj 'пишу', thyej 'ломаю' и *др.*), функцию окончаний приобрели элементы *-j* и *-n*, бывшие некогда составной частью основы. Огромное количество глаголов этого типа, и в частности исключительная продуктивность глаголов на *-oj*, обусловило возможность морфологизации первоначально чисто фонетического чередования.

Но не могло произойти морфологизации аналогичного по своему происхождению чередования *-s/-t* (*-s* < **-ti̯*) в глаголах типа flas, flet, flet, 'говорю, -ишь, -ит', bërtas, bërtet, bërtet 'кричу, -ишь, -ит', число которых в языке ограничено и сам тип менее продуктивен. Здесь имело значение также и то, что наряду с этими глаголами существует большое количество глаголов (непроизводных) с исходом основы на согласный или гласный и не имеющих никаких окончаний во всех трех лицах ед. ч. В глаголах типа flas, flet, flet 'говорю, -ишь, -ит', pëlcás, pëlcét, pëlcét 'взрываюсь, трескаюсь, -ешься, -ется' чередование согласных является таким же элементом флексии основы (внутренняя флексия), как и чередование гласных, а личные окончания ед. ч. наст. вр. отсутствуют.

Для очень многих глаголов характерна омонимия форм для двух, а часто и для трех лиц ед. ч. наст. вр. Лишено каких-либо формальных показателей лица в ед. ч. наст. вр. индикатива большое количество глаголов, относящихся к древнейшей исконной части словарного состава, например: 1-е, 2-е и 3-е л. ед. ч. hap 'открываю, -ешь, -ет', 1-е, 2-е и 3-е л. lë 'оставляю, -ешь, -ет' и др. Сопоставление с четко дифференцированными формами мн. ч. hapim, hapni, hapin 'открываем, -ете, -ют' дает возможность говорить в подобных случаях о нулевой флексии.

Несмотря на это, личные формы албанского глагола, в частности формы 1-го и 2-го л., не должны обязательно сопровождаться личным местоимением (как это характерно для современных германских и частично для романских языков), в чем албанский язык, таким образом, продолжает сохранять старый индоевропейский тип употребления личной глагольной формы. Постановка личного местоимения в албанском, будучи факультативной, дает лишь возможность подчеркнуть указание на определенное лицо.

Албанский язык не имеет грамматической категории глагольного вида. Видовые значения в известной мере сопутствуют временным, например формы настоящего времени и имперфекта всегда выражают длительное действие, аорист означает недлительное, завершенное действие в прошлом или же передает совершившееся действие, взятое вне отношения к времени его протекания.

Так же, как это было характерно для древних индоевропейских языков, в албанском с видо-временной дифференциацией связано различие в оформлении основы наст. вр. (длительное действие), с одной стороны, и основы аориста (недлительное действие) — с другой. Ср., например, в 1-м л. ед. ч.:

Настоящее время		Аорист
flas	'говорю'	fola
bërtas	'кричу'	brita
bredh	'бреду, брожу'	brodha
mërdhij	'мерзну'	mardha
ngreh	'поднимаю'	ngrita
zë	'хватаю'	zura (г. zûna)
marr	'беру'	mora
ha	'ем'	hëngra (г. hângra)
fle	'сплю'	fjeta

Но такая дифференциация имеет место только внутри системы построения форм одного и того же глагола. В глагольном же словообразовании различия видовых значений не играют роли и поэтому не получают никакого выражения. Очень распространенные в албанском языке глагольные приставки никогда не выступают как средство перфективации и служат исключительно для лексической модификации значения соответствующего глагола (например: vesh 'одеваю' — çvesh 'раздеваю', vendos 'помещаю' — çvendos 'перемещаю') или для образования глагола от какой-либо другой части речи (например, наречие poshtë 'внизу, вниз' — глагол nposht 'подчиняю', 'порабощаю').

Для албанского глагола характерна очень разветвленная система временных форм. Только в индикативе действительного залога насчитывается восемь времен (первые три из них являются простыми, а остальные — аналитическими): 1) настоящее; 2) прошедшее несовершенное, или имперфект; 3) аорист, или (согласно терминологии, принятой в албанской школьной грамматике) «простое совершенное»; 4) перфект (образуется аналитически при помощи форм наст. вр. глагола kam 'имею' и причастия спрягаемого глагола, например: т. kam hapur, г. kam hapë 'я открыл'); 5) преждепрошедшее I, или плюсквамперфект I, его значение — длительное действие, предшествовавшее другому действию в прошлом (образуется аналитически путем сочетания форм имперфекта глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: т. kisha hapur, г. kishe hapë 'я открывал'); 6) преждe-

прошедшее II, или плюсквамперфект II, его значение — недлительное завершенное действие, предшествовавшее другому действию в прошлом (образуется путем сочетания форм аориста глагола «иметь» с причастием спрягаемого глагола, например т. pata hapur, г. pata hapë; 7) будущее I (в тоскском диалекте образуется при помощи превратившейся в неизменяемую частицу *do* формы глагола *dua* 'хотеть', союза *të* и личных форм конъюнктива наст. вр. спрягаемого глагола, например: do të hap 'открою', do të hapësh 'откроешь'; в гегском диалекте образуется из личных форм индикатива наст. вр. глагола kam 'иметь' и аналитической формы инфинитива спрягаемого глагола, например: kam me hapë 'открою'); 8) будущее II — сравнительно редко употребляемая форма, передает действие, предшествующее в будущем другому действию (в тоскском диалекте представляет собою сочетание частиц *do* и *të*, личных форм конъюнктива наст. вр. глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: do të kem hapur; в гегском диалекте — сочетание личных форм наст. вр. индикатива глагола «иметь» и сложной аналитической формы инфинитива прош. вр., состоящей из предлога *me*, причастия вспомогательного глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: kam me pasë hapë.

Те же восемь форм имеет индикатив возвратно-страдательного залога. Кроме того, по четыре временных формы имеет конъюнктив (сослагательное наклонение) в действительном и в страдательном залоге. По две временных формы имеют в каждом залоге оптатив (желательное наклонение) и кондиционалис (условное наклонение). Наконец, по четыре временных формы в каждом залоге может иметь адмиратив.

Таким образом, переходный глагол, будучи спрягаем в двух залогах и в шести наклонениях (включая повелительное), может образовать до 42 различных временных форм. Конечно, все эти формы употребительны далеко не в равной мере. Такие относительные времена, как плюсквамперфекты I и II, а также будущее II, принадлежат в основном сфере письменного языка, а в живой речи встречаются сравнительно редко. Но в целом соотношение временных форм албанского глагола представляет собой стройную и вполне продуктивную систему, с которой тесно связана система наклонений, имеющих каждое свой особый морфологический ряд.

Типы спряжения албанских глаголов отличаются значительной пестротой и могут быть подразделены на: 1) регулярный и продуктивный, 2) регулярный, но не продуктивный, 3) нерегулярный, или неправильный.[8] Как известно, во всех индоевропейских языках, в результате длительных процессов переоформления,

---

[8] В грамматиках албанского языка классификация глаголов по типам спряжения производится обычно в зависимости от исходного звука основы.

взаимодействия и взаимовыравнивания морфологически различных рядов спряжения, происходил отбор того или иного морфологического типа, приобретавшего в условиях данного конкретного языка или группы языков наибольшую продуктивность. Остальные же типы, при всей их значимости для системы языка более древнего периода, отодвигались на второй план, с тенденцией к переходу в разряд так называемых неправильных глаголов.

В албанском языке наибольшее распространение приобрел тип глаголов, восходящий к старому тематическому образованию производных глаголов на **-n̯o* (в основе наст. вр.). Этот тип послужил исходным пунктом для развития самой продуктивной для современного албанского языка модели глагольного основообразования.

Значительно меньшее распространение имеют глаголы, морфологически восходящие к старому типу с суффиксом **-t̯o-* в основе наст. вр. и обнаруживающие в современном языке чередование *-s-/-t* в исходе основы.[9] Старый индоевропейский тип первичных тематических глаголов, основа которых не имела в своем составе суффиксального элемента **-i-*, также сохраняется в албанском языке как пока еще довольно обширная, но уже совсем непродуктивная группа. Из регулярной системы албанских глагольных спряжений совершенно выпадает спряжение глаголов jam 'я есмь', kam 'имею', thom 'говорю', восходящее к индоевропейскому тематическому спряжению глаголов на **-mi*.

Простые формы прош. вр. (имперфект и аорист) представляют собой результат своеобразного переоформления старых индоевропейских временных форм. Особенно характерен в этом отношении аорист, который, подобно латинскому перфекту и германскому сильному претериту, образовался путем смешения и объединения форм старых перфекта и аориста. Так, например, формы албанского аориста с огласовкой *-o-* в корне, образуемые от глаголов с дифтонгом *-ie-* (< *-e-*) в формах наст. вр. (например: наст. вр. djeg 'жгу' — аорист dogja, наст. вр. pjek 'пеку' — аорист poqa и др.), восходят к древним индоевропейским формам перфекта с огласовкой *-e-* в корне.[10]

В то же время некоторые, очень немногие глаголы сохраняют остатки форм сигматического аориста, например при наст. вр. jam 'я есмь' — супплетивный аорист qeshë 'я был'; наст. вр. thom 'говорю' — аорист thashë 'я сказал'; наст. вр. lë 'оставляю' — аорист lashë 'я оставил'; наст. вр. shoh 'вижу' — супплетивный

[9] К этой группе примыкает известное количество глаголов, заимствованных из южнославянских языков в форме инфинитива на *-ti*, например: gostit 'угощаю', grabit 'граблю', zbavit 'забавляю, развлекаю' и др.

[10] Этот факт был впервые установлен Г. Мейером (G. M e y e r. Zum indogermanischen ē-Perfektum. Indogerm. Forsch., Bd. V, Hf. 2, 1895, стр. 181).

аорист pashë 'я видел, увидел'; наст. вр. ap 'даю' — супплетивный аорист dhashë 'я дал' и др.[11]

Как и в других современных индоевропейских языках, в албанском архаические по своему формообразованию глаголы относятся к числу наиболее важных и часто употребляемых. Поэтому наличие довольно обширной группы непроизводных глаголов, характеризующихся разного рода отклонениями от регулярного типа спряжения, представленного преимущественно глаголами производными или заимствованными, составляет одну из специфических черт морфологической системы албанского языка.

Сложность глагольного формообразования усугубляется значительным количеством исторических чередований как гласных, так и согласных звуков в составе основ довольно большого числа глаголов. Так, например, глагол marr 'брать' имеет в наст. вр. индикатива следующий ряд форм: ед. ч. — 1-е л. marr, 2-е л. merr, 3-е л. merr; мн. ч. — 1-е л. marrim, 2-е л. merrni, 3-е л. marrin; в имперфекте: ед. ч. — 1-е л. mirja, 2-е л. mirje и т. д.; в аористе ед. ч. — 1-е л. mora, 2-е л. more, 3-е л. mori; мн. ч. — 1-е л. muarmë, 2-е л. muartë, 3-е л. muarnë. Ср. спряжение глагола djeg 'сжигать': наст. вр. — 1-е л. ед. ч. djeg, 2-е л. мн. ч. digjni; имперфект — 1-е л. ед. ч. digja; аорист — 1-е л. ед. ч. dogja и др.

Некоторые глаголы из числа наиболее употребительных имеют супплетивное формообразование, т. е. в одном ряду спряжения стоят формы, происходящие от разных корней. Ср., например: наст. вр. — 1-е л. ед. ч. kam 'имею' — аорист 1-е л. ед. ч. pata, причастие pasur; jam 'я есмь' — аорист qeshë, причастие qënë; ap 'даю' — аорист dhashë, причастие dhënë; bie 'несу' — аорист prura, причастие prurë; bie 'падаю' — аорист rashë, причастие rënë; rri 'сижу', 'пребываю' — аорист ndëjta, причастие ndënjur; shoh 'вижу' — аорист pashë, причастие parë; vij 'прихожу' — аорист erdha, причастие ardhur.

Если учесть, что простые временные формы индикатива действительного залога, отличающиеся, как мы видим, значительным разнообразием, лежат в основе построения простых, полуаналитических и аналитических форм других наклонений, а также в основе формы страдательного залога, следует признать, что спряжение глагола в албанском языке представляет собой очень сложную, морфологически довольно пеструю, но в то же время весьма стройную систему.

В сравнении с богатством личных форм именные формы албанского глагола не отличаются разнообразием. В албанском языке существует собственно только одно причастие — причастие прошедшего времени, оформление которого различно в двух основных албанских диалектах.

---

[11] В некоторых говорах архаический тип образования аористных форм, распространившись по аналогии, приобрел известную продуктивность.

По своему происхождению форма т. hapur, г. hapun 'открытый' восходит к индоевропейскому причастию на *-*ono*-.[12] Происхождение краткого hapë, выступающего в качестве основной формы причастия (рядом с формами на -*m*(*ë*) и -*mun*) в гегском диалекте и сохранившегося в тоскском лишь в составе форм адмиратива (ср. hapkam 'оказывается, я открыл'), остается неясным; вероятнее всего, это было некогда имя действия, непосредственно связанное с глаголом.[13] Албанское причастие имеет страдательное значение для переходных и активное для непереходных глаголов; оно играет очень большую роль в построении аналитических форм. Выступая в качестве определения, причастие ничем не отличается от обычных прилагательных. Случаи лексического обособления причастий и превращения их в нормальные прилагательные встречаются очень часто. Значение «сопровождающего действия» (в албанской грамматике mënyra përcjellore 'сопроводительное наклонение'; ср. в русском деепричастие наст. вр.) передается с помощью аналитического сочетания причастия с частицей т. duke, г. tue, например: т. duke hapur, г. tue hapë 'открывая'.

Особой формы инфинитива албанский язык не имеет. В тоскском диалекте соответствующие значения передаются при помощи сослагательного наклонения (конъюнктива), например dua të hap 'хочу открыть', или посредством специального целевого описательного оборота — për të hapur 'чтобы открыть', в состав которого входит причастие. В гегском диалекте существует и очень широко употребляется описательная конструкция, состоящая из предлога me 'с' и краткого причастия: me hapë 'открыть'. Эта форма по своему значению более всего соответствует инфинитиву в обычном понимании данного термина.

Различия в формах причастия и в их употреблении, различия в построении форм будущего времени, отсутствие инфинитива в тоскском при наличии специального аналитического выражения его значения в гегском — все это вместе составляет круг наиболее значительных расхождений, существующих в грамматической системе двух основных албанских диалектов.

Имени существительному в албанском языке присущи категории рода, числа, падежа, а также определенности и неопределенности. Категория определенности свойственна многим индоевропейским языкам (например, современным романским и германским, из славянских — болгарскому и македонскому). Формаль-

---

[12] См. об этом: N. J o k l. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin und Leipzig, 1923, стр. 189.

[13] По мнению Г. Пекмези, первоначально это был инфинитив (см.: G. P e k m e z i. Grammatik der albanesischen Sprache. Wien, 1908, стр. 78).

ным ее выражением является система артиклей, из которых определенные всегда восходят к указательным местоимениям. Специфической особенностью албанского языка является выражение определенности существительного при помощи постпозитивных артиклей, слившихся с основой слова в единое целое и превратившихся таким образом из некогда самостоятельного служебного слова в формальный аффикс (ср. аналогичный способ выражения определенности в румынском, болгарском, македонском и скандинавских языках). Артикли эти различаются в зависимости от грамматического рода соответствующего имени существительного. Неопределенная, или общая, форма характеризуется отсутствием артикля. Значение неопределенной единичности передается при помощи так называемого неопределенного артикля, собственно числительного një 'один'. Ср. в женск. р.: vajzë 'девушка вообще', një vajzë 'одна (какая-либо) девушка' и определенная форма — vajza 'данная конкретная девушка'. Или в мужск. р.: fshatar 'крестьянин вообще', një fshatar 'один, некий крестьянин' и fshatari 'данный определенный крестьянин'.

Помимо суффигированного артикля, служащего для выражения грамматической категории определенности, в албанском языке имеется второй тип артикля также местоименного происхождения, но употребляющийся отдельно как служебное слово. Основная функция этого артикля — связывать определение с определяемым, например: djali i urtë 'умный мальчик', biri i partizanit 'сын партизана', vajza e urtë 'умная девочка', bija e partizanit 'дочь партизана'.

Кроме того, так нызываемый изолированный артикль обычно ставится перед субстантивированными прилагательными, а также перед терминами родства, если они не имеют при себе притяжательного местоимения или другого определения, например: i ati 'отец' (какого-то определенного лица), e motra 'сестра' (но im ati 'мой отец', ime motra 'моя сестра'). Изолированный артикль не может заменять собой суффигированного артикля.

В албанском языке существует категория грамматического рода. Преобладающая часть словарного состава распределяется по двум родам — мужскому и женскому. Слов среднего рода очень мало. В первую очередь — это названия некоторых веществ, применяемых в питании, например (в определенной форме): mjaltët 'мед', gjalpët 'сливочное масло', vajt 'растительное масло', misht 'мясо', djathët 'сыр', ujët 'вода' и т. д. Употребление их в среднем роде очень неустойчиво. Наблюдается сильная тенденция к переводу этих существительных в категорию мужск. р.: (опред.): mjalti, gjalpi, vaji, mishi, djathi, uji. Так же неустойчиво употребление в среднем роде абстрактных существительных, образуемых путем субстантивации прилагательных и причастий, например: të mirët 'добро', të thënët 'судьба' (букв. 'сказанное'). Существительные этого типа в настоящее время чаще употребля-

ются в женск. р.: e mira, e thëna. Местоимения совсем не имеют форм средн. р. В общем можно сказать, что средний род в албанском языке — это категория, находящаяся на пути к исчезновению.[14] В албанском, как и в других индоевропейских языках, дифференциация имен существительных по родам используется при согласовании определения с определяемым. Определение обычно согласуется со своим определяемым в роде при помощи стоящего перед определением связующего артикля, например: nxënës (неопред.) i zgjuar 'развитой ученик'.

В построении аналитических глагольных форм категория рода не участвует. Причастия спрягаемого глагола, входящие в состав этих форм, не изменяются ни по родам, ни по числам; ср., например, формы перфекта страдательного залога: jam lidhur, 'я связан, -а, меня связали', jemi lidhur 'мы связаны, нас связали'. Те же причастия, попадая в определительное словосочетание или будучи субстантивированы, получают вместе с изолированным артиклем категорию рода, например: armiku i lidhur 'связанный враг', *в субстантивированном виде:* i lidhuri 'связанный', e lidhura 'связанная'.

Одной из наиболее характерных черт именного словоизменения в албанском языке является подчеркнутое противопоставление основ ед. и мн. ч. у преобладающего большинства (хотя и не у всех) имен существительных. В неопределенных формах им. и вин. падежей обоих чисел эти основы выступают, лишенные каких-либо добавочных показателей. В остальных падежах неопределенного склонения к соответствующим основам присоединяются падежные окончания.

Типы образования основы мн. ч., особенно у существительных мужск. р., очень разнообразны, что находит свое объяснение в истории. Прослеживая сохранение в качестве аффиксов мн. ч. старых окончаний им. и вин. падежей, выделение в качестве специальных показателей множественности конечных звуков основы и создание флексии основы путем использования фонетических чередований, надо иметь также в виду процессы взаимодействия отдельных типов, распространение более продуктивных типов за счет менее продуктивных, что способствовало затемнению картины непосредственной преемственности между древним и новым состоянием языка в отношении не только отдельных форм, но и отдельных морфологических разрядов.

В албанском языке существуют два типа склонения — неопределенное и определенное. Последнее образовано путем суффиксации падежных форм постпозитивного артикля. В современном литературном албанском языке имеются следующие падежи: именительный, родительный, дательный, винительный и отложительный.

---

[14] См. об этом: H. Pedersen. Das albanesische Neutrum. Zeitschr. für vergl. Sprachforschung, Bd. XXXVI (Neue Folge, Bd. XVI), 1900.

Склонение существительных мужского рода

	Неопред.		Опред.	Неопред.		Опред.
			Единственное число			
Им.	mal	'гора'	mali	plak	'старик'	plaku
Род.	mali		malit	plaku		plakut
Дат.	mali		malit	plaku		plakut
Вин.	mal		malin	plak		plakun
Отлож.	mali		malit	plaku		plakut
			Множественное число			
Им.	male		malet	pleq		pleqtë
Род.	maleve		malevet	pleqve		pleqvet
Дат.	maleve		malevet	pleqve		pleqvet
Вин.	male		malet	pleq		pleqtë
Отлож.	malesh		malevet	pleqsh		pleqvet

Склонение существительных женского рода

	Неопред.		Опред.	Неопред.		Опред.
			Единственное число			
Им.	vajzë	'девушка'	vajza	grua	'женщина'	gruaja
Род.	vajze		vajzës	gruaje		gruas
Дат.	*vajze*		*vajzës*	*gruaje*		*gruas*
Вин.	vajzë		vajzën	grua		gruan
Отлож.	vajze		vajzës	gruaje		gruas
			Множественное число			
Им.	vajza		vajzat	gra		gratë
Род.	vajzave		vajzavet	grave		gravet
Дат.	vajzave		vajzavet	grave		gravet
Вин.	vajza		vajzat	gra		gratë
Отлож.	vajzash		vajzavet	grash		gravet

Формы род. и дат. падежей совпадают во всех случаях, что как будто дает основание говорить о единой форме род.-дат. падежа. Однако значения этих форм вполне дифференцированы. Род. падеж выступает только в определительных сочетаниях (обязательно с препозитивным артиклем), дат. падеж — только как падеж косвенного объекта. Отлож. падеж по своему оформлению также совпадает с род. и дат. падежами; исключение составляет неопределенная форма мн. ч. этого падежа, которая имеет свой особый показатель — *sh*. Отлож. падеж отличается значительной широтой функций и может употребляться как самостоятельно, так и в сочетаниях с предлогами.

Им. и вин. падежи, по форме совпадающие в неопределенном склонении и во мн. ч. определенного склонения, четко дифференцируются в ед. ч. определенного склонения. В целом формы определенного склонения более четко, чем формы склонения неопределенного, охарактеризованы при помощи специальных флективных показателей. Несмотря на частичную омонимию

форм, албанские падежи сохраняют свою грамматическую значимость, и употребление предлога лишь дополняет и лексически разнообразит систему значений, выражаемую при помощи падежных форм.

Прилагательные подразделяются на две категории: 1) употребляемые с артиклем, например: pusi i thellë 'глубокий колодезь', puna e madhe 'большой труд', и 2) употребляемые без артикля, например: pusi vajguror 'нефтяная скважина (колодезь)', puna paqësore 'мирный труд'. Основной для языка категорией являются прилагательные, употребляемые с артиклем. Структура определительного сочетания, включающего такое прилагательное, совпадает со структурой сочетания, в котором в качестве определения выступает форма род. падежа имени; ср.: zoti i urtë 'умный хозяин' и zoti i shtëpisë 'хозяин дома', maja e lartë 'высокая вершина' и maja e malit 'вершина горы'. Когда определение находится в своей нормальной позиции, т. е. после определяемого, прилагательное по падежам не изменяется и сохраняет свою неопределенную форму. Согласоваться с определяемым именем оно может лишь в роде и числе, что, однако, происходит не во всех случаях. В основном функция согласования в роде, числе и падеже выполняется артиклем. Если в порядке инверсии прилагательное в определительном сочетании попадает на первое место, тогда определяемое существительное оказывается в неопределенной форме и не склоняется, прилагательное же получает падежные окончания, например: им. п. ед. ч. i dashuri mik 'милый друг', вин. п. ед. ч. e dashurin mik 'милого друга' и т. д.; ср. при нормальном, неинвертированном порядке слов: miku i dashur, mikun e dashur.

Глава 3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Для понимания условий развития современного албанского литературного языка важен факт существования уже с конца XIX в. новой албанской литературы, составившей часть широкого культурного движения, непосредственно связанного с борьбой народа за освобождение от турецкого владычества и получившего название «Национального Возрождения» (Rilindje Kombëtare). В 20—30-е годы нашего века литературный процесс в Албании продолжал свое развитие в условиях феодально-буржуазных режимов так называемого периода «независимости». После окончания второй мировой войны албанская культура получила значительно более благоприятные условия для всестороннего и интенсивного развития. Литература современной Албании насчитывает немалое количество талантливых авторов — прозаиков, поэтов, драматургов, творчество которых обладает большими художественными достоинствами и представляет значительный интерес.

Богатство и развитость языка, на котором албанские писатели создают свои произведения, свидетельствуют о его достаточной зрелости как литературного языка нации. Об этом же свидетельствует и развитие обширной научной литературы по различным отраслям, издание трудов классиков марксизма на албанском языке. Все это говорит о том, что литературный албанский язык уже сложился и с успехом выполняет свои функции высшей формы существования национального языка в современном обществе. Всеобщее начальное обучение, широкое развитие печати, радиовещания, различных форм культурной работы в городе и деревне обеспечивают необходимые условия для массового распространения литературно-языковых норм.

Как для всякого молодого, развивающегося литературного языка, для албанского стоят еще не решенные до конца вопросы нормализации, уточнения орфографических и грамматических

правил, разработки терминологии, создания словарей и т. д. Выполнение всех этих актуальных задач составляет содержание значительной части работы, проводимой языковедами Народной Республики Албании. Работа эта имеет свои особые аспекты и трудности, связанные с тем, что албанский литературный язык исторически сложился и продолжает существовать в двух формах. Каждая из них имеет свою диалектную базу. В одном случае это южный диалект (тоскский), в другом — северный (гегский). Различия между этими диалектами не настолько велики, чтобы затруднять взаимопонимание, однако они ощутимы в целом ряде явлений. Ни та, ни другая из литературноязыковых форм не отражают, однако, диалектов в чистом виде, но представляют собой результат довольно длительного процесса обобщения, обработки, отвлечения от специфических признаков отдельных местных говоров.

Ниже дается краткий перечень различительных признаков, существенных для противопоставления двух диалектных форм литературного языка. Но предварительно необходимо определить соотношение орфографических норм с разговорными формами литературной речи. Тоскский и гегский варианты обнаруживают и здесь существенное различие. Орфографические нормы, принятые для тоскского, в основном соответствуют актуальному состоянию разговорной речи не только образованных людей, но и вообще значительной части городского и сельского населения южной Албании, которая относительно мало дифференцирована в диалектном отношении. Этого нельзя сказать о северном варианте литературной нормы. Оставляя пока в стороне вопрос о сильной дифференцированности лингвистической карты северной Албании и о значительном своеобразии диалектной речи в горных районах этой части страны, приходится признать, что реальное произношение албанцев, пользующихся не говорами, но северным (гегским) вариантом литературного языка, в ряде существенных моментов отличается от нормы, зафиксированной орфографическими правилами применительно к этому же варианту. В то же время существующие орфографические нормы несколько сглаживают в письме фонетические различия между устными вариантами форм литературного албанского языка. В живом звучании речи образованных албанцев различия эти выступают более отчетливо.

Из фонетических различий наиболее показательны следующие.

1) Староалбанское изменение $n > r$ в интервокальной позиции (так называемый ротацизм), захватившее только южноалбанскую диалектную область. Этим явлением определяется существенное различие в облике большого количества слов в двух формах литературного языка, ср.: т. vera — г. vena 'вино', т. Shqipëri — г. Shqipni 'Албания', т. vura — г. vuna 'я положил'(1-е л. ед. ч. аор. от vë 'кладу, помещаю'), т. i hapur (истор. i hapurë) — г. i hapun прич. 'открытый'.

2) Тоскскому *ё* в ударенном слоге (гласный смешанного ряда, низкого подъема) в гегском соответствует назализованное *а*.[1] Ср. т. zë, zëri (опред. им. п.) — г. za, zani (zâ, zâni) 'голос', т. bëj — г. baj 'я делаю', т. i dhënë — г. i dhanë прич. 'данный', т. është — г. asht 'он есть', т. ë n d ë r — г. an(d)er 'сновидение', т. më — г. ma 'более' и др.

3) Тоскскому дифтонгу *ua* в гегской письменной норме соответствует дифтонг *ue*. Ср. т. grua — г. grue 'женщина', т. përrua — г. prrue 'поток', т. shkruaj — г. shkruej 'пишу', т. dua — г. due 'хочу', т. mua — г. mue 'мне'. В живом гегском произношении дифтонг *ue* отсутствует и на его месте произносится гласный *u* (по большей части долгий): [gru:], [pru:], [škru: j], [du:], [mu]. Традиционная орфография, ориентированная на старогегское произношение, в этом случае частично прикрывает расхождение между диалектами, отходя от реального произношения.

4) Орфография полностью затушевывает существенное расхождение в области консонантизма. Написания mbaroj 'кончаю', mbret 'царь', ndaloj 'задерживаю', nder 'честь' одинаково передают как т. [m͜ba'roj], [m͜bret], [n͜da'loj], [n͜der], так и г. [ma'roj], [mret], [na'loi], [ner]. Орфографическая норма здесь также ориентирована на старогегское произношение *mb*, *nd*, совпадавшее с более консервативным тоскским.

5) Орфография скрывает также существенное различие в облике тоскских и гегских форм, связанное с характерной для гегской диалектной области большей степенью редукции гласного *ё* [ə] в неударных слогах.

Отмеченные в этом кратком перечне наиболее общие фонетические явления гегского диалекта характерны для произношения лиц, пользующихся гегской формой литературного языка не только в письме, но и в устной речи.

Существенные расхождения двух диалектных форм литературного языка выявляются также в морфологии глагола. Сюда относятся: 1) различие форм причастий, употребляемых в составе аналитических форм, ср.: т. kam punuar (1-е л. ед. ч. перфекта от punoj 'работаю') — г. kam punue, т. kam bërë (от bëj 'делаю') — г. kam ba, т. kam hapur (от hap 'открываю') — г. kam hap(ë) и т. д. Также ср. формы причастий в атрибутивном употреблении: т. i bërë — г. i bamë 'сделанный', т. i harruar — г. i harruem 'забытый', т. i hapur — г. i hapun 'открытый'. Сюда же можно отнести образование конструкции, соответствующей по значению русскому деепричастию: т. duke punuar — г. tue punue 'работая'. 2) Употребление в гегском литературном языке инфинитивных форм типа me punue 'работать' me ba 'делать', отсутствующее в тоскском. 3) Выявляются также, хотя с меньшей определенностью, различия

[1] В настоящее время назальность *а*, как и других назальных гласных, характерных только для гегского диалекта, обычно не обозначается. Прежде она обозначалась.

в образовании форм будущего времени и прошедшего несовершенного.

Указанные различия двух диалектных форм литературного языка в основном соблюдаются как в письменной, так и в устной речи образованных албанцев. Однако случаи смешения в последние годы можно наблюдать все чаще и чаще. Что же касается таких сфер языка, как словообразование и лексика, то здесь в результате процесса взаимодействия и взаимообогащения двух литературноязыковых вариантов уже достигнута значительная степень единства. При этом наличие в лексике литературного языка некоторых вариантов локального происхождения воспринимается уже как признак богатства общеалбанского словарного фонда.

История формирования современного албанского литературного языка отразила все этапы и специфические условия процесса образования и развития албанской нации. Южный (тоскский) и северный (гегский) варианты развились как две региональные разновидности литературного языка порабощенного народа, не имевшего собственной государственности, разъединенного в конфессиональном отношении (три религии: магометанство, православие, католицизм), при отсутствии в стране единого политического и культурного центра. В течение ряда лет эти две литературноязыковые нормы развивались параллельно, однако в постоянно возраставшем взаимодействии друг с другом и с тенденцией к все большему и большему сближению.

В общественной функции и соотношении тоскской и гегской форм литературного языка происходили на протяжении их сравнительно недолгого существования (с конца XIX в.) заметные изменения. В независимом феодально-буржуазном государстве, образовавшемся после окончания первой мировой войны, и в годы итало-фашистской оккупации языком администрации и школьного обучения был объявлен гегский. Но независимо от этого продолжал существовать и развиваться тоскский вариант литературного языка, не испытывая каких-либо существенных ущемлений в правах. Художественная литература и периодическая печать выходили и на гегском, и на тоскском вариантах литературного языка. После победы албанского народа в национально-освободительной борьбе, начиная со второй половины 40-х годов XX в., южная норма получила заметное преобладание и имеет реальные данные для того, чтобы стать основой общеалбанского литературного языка. В настоящее время газеты, переводы трудов классиков марксизма, школьные учебники издаются исключительно на южном варианте литературного языка. Расширение сферы употребления этой формы литературного языка происходит поэтому довольно быстро.

Однако наряду с этим северный вариант литературного языка продолжает очень устойчиво сохраняться в употреблении, притом не только в устной речи образованной части населения северных

областей страны, но и в печати. Некоторая часть произведений художественной и научной литературы продолжает издаваться на гегском диалекте (слово «диалект» употреблено здесь в значении литературно-языковой формы с определенной диалектной базой). Ряд видных писателей-северян (преимущественно поэтов и драматургов), например Марк Гуракучи, Коль Якова и другие, продолжают создавать свои произведения на гегском, горячо отстаивая его права на дальнейшее существование и развитие. Однако некоторые авторы, происходящие из гегской диалектной среды, например эльбасанец Дим. Шутеричи, сознательно перешли на тоскскую форму литературного языка, считая ее более перспективной в отношении дальнейшего развития и распространения.

Существует мнение, что в настоящий момент уже есть основания говорить об образовании единой общеалбанской литературно-языковой нормы, базирующейся на южном варианте, значительно обобщенном и обогащенном в результате междиалектного взаимодействия.[2] По-видимому, это справедливо в отношении письменной формы литературного языка, притом преимущественно в части лексики и грамматики, в меньшей степени в части фонетики. Что касается разговорных форм литературного языка, то здесь, как показывают наблюдения (относящиеся к 50-м годам), пока еще не приходится говорить о вытеснении гегской речи. В количественном отношении население гегской диалектной области (вся северная часть страны, начиная от линии течения реки Шкумбин) не уступает населению тоскской области. Геги, владеющие в той или иной степени литературной речью и хорошо понимающие тоскскую речь, в основной массе продолжают говорить по-гегски.

Распространение норм литературного языка в северной Албании имеет свои специфические трудности. В то время как на юге во взаимодействии со слабо дифференцированными местными говорами находится обобщенная и нормализованная форма того же тоскского диалекта, на севере процесс протекает гораздо сложнее. С местным говором села или города взаимодействуют, с одной стороны, литературный язык в его тоскской (южной) форме, являющийся языком школьных учебников, периодической печати и радио, с другой же стороны — северная форма литературного языка, привносимая устной речью учителей и других представителей местной интеллигенции, которые в большинстве своем также являются уроженцами северных областей и получили образование в таких культурных центрах, как Шкодра и Эльбасан.

При всем том тоскская литературная речь, ежедневно звучащая по радио, последовательно внедряемая через посредство полити-

[2] A. K o s t a l l a r i. Sur les traits principaux de l'albanais littéraire contemporain. I Congrés international des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes. Communications de la delegation de l'Albanie. Tirana, 1966, стр. 44 и сл.

ческой, учебной и художественной литературы, давно уже не воспринимается гегами как нечто чуждое, инородное. Она понятна в любом отдаленном селе северной Албании. Тем не менее в исторически сложившихся условиях существования двух литературно отработанных диалектных вариантов переход на единую форму литературного языка встречает трудности и, по-видимому, может быть осуществлен лишь постепенно.

Поэтому в настоящее время можно говорить о наличии в Албании, наряду с преобладающей нормой литературного языка, распространяемой через учебную и художественную литературу, газеты и радио, также второй нормы, имеющей менее широкое распространение в печати, но, однако, пользующейся свободным доступом на страницы литературно-художественных и научных изданий. Это положение получило отражение и в правилах орфографии, составленных специальной комиссией Албанского института наук.[3] Правила ориентированы в основном на нормы литературного языка в его южной (тоскской) форме. Однако в сносках указываются орфографические варианты, учитывающие нормы северного (гегского) диалекта.

Процесс взаимодействия и взаимопроникновения южной и северной форм литературного языка совершается очень интенсивно, особенно в устном общении городского населения, речь которого в диалектном отношении, как правило, является в большей или меньшей мере смешанной. Наиболее смешанной она бывает в индустриальных центрах страны, жители которых обычно происходят из различных районов. За последние десятилетия значительную роль в процессе языковой концентрации стала играть столица Албании — Тирана. В прошлом это был небольшой городок, расположенный на южногегской (область северного диалекта) диалектной территории, не оказывавший какого-либо влияния на процесс развития литературных форм национального языка. Став столицей, главным административным, экономическим и культурным центром страны, с многочисленным населением, переселявшимся в столицу в течение ряда лет из различных районов, этот город оказывает в настоящее время значительное влияние на процесс формирования единой нормы албанского литературного национального языка. При этом местный говор коренных жителей Тираны и прилегающих к ней районов не играет сколько-нибудь существенной роли в определении лингвистического характера разговорных норм городского населения. Зато в устной речи жителей албанской столицы уже отчетливо отмечается распространение южных норм, которым, однако, противостоят обобщенные нормы гегской речи.

Характеристика современного состояния литературного албанского языка может быть дополнена сведениями о состоянии

[3] Ortografia e gjuhës shqipe. Bul. Shk. Shoq., 1956, № 4.

литературного языка у албаноязычного населения в других странах.

В Социалистической Федеративной Республике Югославии албанское национальное меньшинство, по данным на 1959 г.,[4] насчитывало более 800 000. В преобладающем большинстве — это геги, пользующиеся гегской формой литературного языка. В автономном крае Косово и Метохии (республика Сербия) на гегском издаются художественная и политическая литература, школьные учебники. По материалам издаваемого в Приштине (центр автономного края) литературного журнала «Jeta e Re» («Новая жизнь») можно судить о большой творческой активности албанских писателей Косово-Метохии, содействующих развитию и обогащению гегской формы литературного языка. В албаноязычных поселениях южной Италии и Сицилии в XIX в. достигла блестящего расцвета художественная литература на местных говорах, имеющих южноалбанское происхождение. При последовавшем спаде литературного движения итало-албанский (арберешский) литературный язык не получил дальнейшего самостоятельного развития. Для арберешских литераторов освоение южноалбанской литературноязыковой нормы, обозначившееся уже к началу XX в., явилось естественным решением языкового вопроса.

Чтобы правильно понять и оценить сущность языковой проблемы, решаемой в Албании, необходимо изучить исторические условия сложения обеих форм литературного языка и определить реальные лингвистические и социальные основы каждой из них.

Албанские языковеды уже приступили к изучению истории литературного албанского языка.[5] В опубликованных исследованиях содержатся наблюдения над особенностями языка выдающихся писателей периода национального Возрождения, в первую очередь К. Кристофориди и братьев Сами и Наима Фрашери. Изучаются тексты из клерикальной литературы на шкодранском говоре, относящиеся ко второй половине XIX в. Язык более крупных и оригинальных писателей из литературной среды города Шкодра (Ндре Мьеда, Гьергь Фишта и др.) еще не был предметом специального изучения. Таким образом, становление шкодранского варианта литературного языка, сыгравшего важную роль в процессе развития общегегской литературноязыковой формы, в сущности, еще совсем не освещено.

---

[4] Численность и расселение народов мира. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 121.

[5] См.: Sh. Demiraj. Disa shënime rreth lëvrimit të gjuhës shqipe gjatë shekullit të XIX-të. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 4; 1959, № 1. Ряд интересных наблюдений и соображений содержится в коллективном труде «История албанской литературы» (Historia e letërsisë shqipe, II, Tiranë, 1959). Опубликовано несколько статей, посвященных языку отдельных писателей периода Национального Возрождения.

В опубликованных исследованиях обнаруживается некоторая переоценка роли лингвистической активности писателей; недостаточно точно определяется характер языкового материала, с которым деятелям Возрождения пришлось иметь дело в процессе разработки литературноязыковых норм. Согласно мнению, сложившемуся у албанских филологов, исходным материалом для К. Кристофориди, братьев Фрашери и других были прежде всего говоры различных районов Албании. Этот сырой материал им приходилось отсеивать, упорядочивать, обрабатывать для создания обобщенных норм. Некоторую дополнительную опору они получали лишь в языке произведений северноалбанских писателей XVI в., а также в тексте перевода Евангелия, изданного в 1827 г. на южноалбанском ляберийском говоре.

В процессе изучения вопроса о сложении форм литературного албанского языка в связи с исторической диалектологией я все более и более убеждаюсь в необходимости введения такого понятия, как народно-разговорные и устно-литературные койне, слагавшиеся в различных частях Албании на протяжении всего периода турецкой оккупации.

Исключительно богатый и разнообразный по своему содержанию и жанрам албанский фольклор свидетельствует о том, какое громадное значение имел для народа этот вид художественного творчества в многовековой период национального угнетения. В условиях, когда письменность по необходимости имела региональный и очень ограниченный по своему идейному содержанию и общественным функциям характер, устная народная поэзия концентрировала в себе творческие силы народа, играла роль объединяющего и идейно возвышающего фактора в развитии культуры. И как средство выражения и распространения народнопоэтического творчества создавались обобщенные устные формы литературного языка, стоявшие над местными говорами. Такие койне, сложившиеся как в северной, так и в южной Албании, не могли не сыграть определенной и, по-видимому, важной роли в тот период, когда перед передовыми деятелями албанской культуры непосредственно встала задача разработки письменно-литературных норм национального языка.

Отдельные писатели периода Национального Возрождения в своей литературноязыковой деятельности в разной степени и с разными стилистическими заданиями обращались не только к сырому материалу народных говоров, но, вероятно, в первую очередь к обработанным и обобщенным формам устно-поэтического языка, сложившимся в народной среде. Благодаря этому лингвистическая активность таких писателей, как К. Кристофориди, Н. Фрашери, А. З. Чаюпи, Нд. Мьеда и другие, получила твердую опору в литературноязыковых традициях, созданных самим народом.

Наряду с устно-поэтическими койне, ориентированными на высокие стили речи, в старой Албании складывались также народно-разговорные койне. Это были процессы языковой концентрации регионального характера, связанные с определенными экономическими и политическими условиями. Можно полагать, что очень заметное языковое единство, характерное для преобладающей части южной Албании, значительно облегчившее создание и распространение тоскской формы литературного языка, образовалось в результате подобного рода процессов языковой концентрации. Таково же, вероятно, происхождение южногегского языкового единства, сложившегося в равнинных областях центральной Албании, имевшего в качестве своей идеальной модели говор Эльбасана и распространившего свое влияние к северу вплоть до Шкодры. Для развития албанского национального языка процессы языковой концентрации, происходившие уже задолго до политического объединения страны, задолго до появления таких мощных средств культурного воздействия, как школа и печать, несомненно имели очень большое значение и подготовили возможности для решения языковой проблемы в период, когда создание литературного языка стало одной из программных задач национального движения.

Региональность форм литературного языка, слагавшихся в период Национального Возрождения, была, таким образом, связана не только с региональностью культурных очагов старой Албании, но и с региональностью процессов языковой концентрации, происходивших в условиях экономической и политической разобщенности отдельных частей страны в эпоху турецкого владычества.

Предпосылки создания каждой из литературноязыковых форм были определены в свое время широкими и глубинными процессами языковой концентрации, совершавшимися на протяжении столетий жизни и борьбы албанского народа. Для оценки современного состояния и перспектив развития литературного албанского языка важнее всего то, что 1) обе его формы, в сущности, очень близки одна к другой и эволюционируют по линии еще большего сближения; 2) процессы языковой концентрации совершаются уже не регионально, но в масштабе страны, при участии всего народа и при помощи таких объединяющих факторов, как массовая печать, всеобщее начальное обучение, радио, развитие литературы и науки.

Часть II

ДИАЛЕКТЫ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

Глава 1

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АЛБАНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ДЕЛЕНИЕ НА ГЕГСКУЮ И ТОСКСКУЮ ДИАЛЕКТНЫЕ ОБЛАСТИ

Албанский лингвистический ареал отчетливо подразделяется на две большие диалектные области: гегскую — на севере и тоскскую — на юге. Между ними пролегает довольно широкая полоса переходных говоров, в которых в разных сочетаниях представлены признаки гегской и тоскской речи. Южная граница гегской области проходит вдоль по течению реки Шкумбин, пересекающей албанскую территорию в ее центральной части, в направлении с востока на запад. Зона переходных говоров располагается по левую сторону Шкумбина и постепенно сливается с областью тоскских говоров. Каждая из двух больших диалектных областей в свою очередь внутренне членится на отдельные районы, иногда с очень специфическими говорами. Однако основным и доминирующим остается более общее лингвистическое деление на «гегов» и «тосков», как носителей двух довольно четко противопоставленных типов диалектной речи. Это различие, отчетливо соотносимое с территориальным делением (речь северной или южной части албаноязычного ареала), хорошо осознается всеми албанцами. Диалект как различительный признак обычно выступает в соединении с этнографическими особенностями отдельных местностей страны, очень разнообразными и значимыми для жизни албанского народа.

Осознание всеми говорящими до сих пор актуального лингвистического различия северного (гегского) и южного (тоскского) типов речи поддерживается также фактом существования сложившихся на их основе двух вариантов литературного языка, имеющих как письменные формы, так и устные. Важен и такой момент, как наличие исторически сформировавшихся народно-разговорных койне на севере и на юге страны, имеющих

в основе обобщенные типы гегской и тоскской диалектной речи. Для современной Албании различия двух основных диалектов не являются, таким образом, фактом, преимущественно относящимся к жизни сельского населения. Скорее наоборот, в условиях существования независимого национального государства различия эти стали осознаваться и восприниматься на общенациональном уровне языковой практики. Не случайно поэтому вопрос о соотношении гегского и тоскского диалектов и основанных на них вариантов литературного языка, поставленный еще в период борьбы албанского народа за свое национальное освобождение, продолжает быть существенно важным и в наши дни.

Для настоящего периода времени может быть выделен комплекс различий, определяющих соотношение двух основных диалектных типов албанской речи. При этом необходимо учитывать разноплановость этих различий, их хронологическую разнослойность, а также лишь относительную дифференциальную значимость отдельных явлений.

Более заметно выделяются фонетические различия. К числу дифференциальных явлений, имеющих относительно широкий (внутри каждой из двух диалектных областей) диапазон распространения, относятся следующие.

1) В гегской диалектной области вокализм ударенных слогов сохраняет различие долгих и кратких гласных. Наряду с исторически унаследованными долготами, например в словах mī 'мышь' из индоевр. *mūs, mjēk 'врач' из лат. me(d)ic(us), большое количество случаев возникает благодаря компенсационному удлинению корневого гласного в двухсложных словах, происходящему как результат редукции конечного неударенного *-ë*: kōh < kohë (время), dīt < ditë 'день'. Долгим является также гласный перед конечным *-r*: bār 'трава', shqiptār 'албанец'. Внутри парадигмы склонения имени с долгим гласным в ударенном слоге дополнительно различаются позиционно обусловленные степени долготы. Для тоскской диалектной области противопоставление долгих и кратких гласных не характерно. Однако кое-где, на периферии ареала (так в ляберийских и чамерийских говорах) сохраняются формы с исторически унаследованными долготами. Поэтому дифференциальная значимость указанного различия для основного диалектного членения не является абсолютной.

2) В гегском существует особый ряд долгих назализованных гласных, всегда стоящих под ударением. Возникновение назальности исторически было обусловлено позицией гласного перед носовым (это происходило, однако, не во всех случаях). В случаях последующего отпадения носового (конечного) гласный

оказывался в независимой позиции. В тоскском явление это не получило развития. Ср.: г. zã, zãni (опред. ф.) — т. zë, zëri 'голос'; г. shkãm, shkãmi — т. shkëmb, shkëmbi 'скала'; г. vẽn(ë), vẽna — т. verë, vera 'вино'; г. hĩ, hĩni — т. hi, hiri 'пепел'; г. drũ, drũni — т. dru, druri 'дерево' (материал); г. sỹ, sỹni — т. sy, syri 'глаз'. Хотя на некоторых участках гегского ареала степень назализованности заметно ослабляется (вплоть до утери назальности гласных вообще — так в говоре Краи на северо-западе Гегерии), в целом наличие или отсутствие назальности гласных может считаться одним из более показательных различий, определяющих соотношение гегского и тоскского диалектов.

3) Гегскому назализованному *а* в тоскской диалектной области соответствует *ë* (гласный смешанного ряда среднего подъема): г. hãn(ë) — т. hënë 'луна'; г. ãsht — т. është 'он есть'; г. bãj — т. bëj 'делаю', г. kãng(ë) — т. këngë 'песня'. Абсолютная значимость этого признака нарушается, однако, тем, что на различных участках гегского ареала назализованное *а* меняет свое звучание, сильно отодвигается назад и подвергается лабиализации — вплоть до превращения в *о*. В то же время и тоскская фонема *ë* имеет свои локальные варианты, в их числе некоторые также приближаются по своему качеству к открытому *о* (так частично в ляберийских говорах).

4) Г. *ue*, *ū* — т. *ua*. Дифтонгизация *ō* в закрытых слогах перед плавными и носовыми, результат которой представляют дифтонги г. *ue*, т. *ua*,[1] — это явление дописьменного периода, возможно принадлежавшее к фонетическим процессам древнеалбанской поры. Для тоскского диалекта вариант *ua* (<**uo*) засвидетельствован материалами ономастики XIV—XV вв.[2] В южной Албании он распространен повсеместно, и локальные различия создаются лишь колебаниями места ударения (*úa*/*uá*). В гегском обнаруживаются рефлексы отдельных фаз развития соответствующего дифтонга. В старогегских текстах XVI и начала XVII в. («Meshari» Гьона Бузука и сочинения епископа П. Буди) зафиксирована более ранняя фаза *uo*. В других текстах XVII в. (сочинения Фр. Барди и П. Богдани) отражено уже совершившееся изменение *uo*>*ue*. Вариант произношения *ue*, имевший в XVII—XVIII вв. почти повсеместное распространение на территории Гегерии, сохраняется и сейчас в части северногегских говоров. Кое-где на самых северных окраинах отмечаются остатки даже более ранних фаз развития этого дифтонга — варианты *uo*, *ua*. Однако

---

[1] N. Jokl. Zur Geschichte des albanischen Diphthongs *-ua-*, *-ue-*. Indogerm. Forsch., 49, 50, 1931—1932.

[2] E. Çabej. Fonetika historike e Shqipes. Bot. Univ. Shtet. i Tiranës, 1960, стр. 105.

на преобладающей части гегского диалектного ареала на месте *ue* произносится *ū*. Изменение *ue* > *ū* первоначально получило развитие, по-видимому, в более южных районах Гегерии и, постепенно распространяясь, захватило части северногегской зоны. В живой разговорной речи тоскскому *ua* в гегском противопоставляется в основном *ū*. Противопоставление *ua* — *ue* сохраняет свою значимость для письменной формы литературного языка. В гегском варианте орфографии нормализовано написание *ue*, ориентированное на старогегское состояние речи и уже не соответствующее современному произношению преобладающего большинства жителей северной Албании. Релевантность соотношения *ū* — *ua* как различительного признака гегского и тоскского диалектов поддерживается также наличием аналогичного соотношения г. *ȳ* (<*ye*) — т. *ye* и г. *ī* (< *ie*) — т. *ie*.

5) В гегской диалектной области процесс редукции неудар. *ë* зашел дальше, чем в тоскской. Относительный характер этого различия, однако, вполне очевиден, тем более если учесть, что за последние десятилетия в севернотоскских говорах отмечается также очень интенсивное развитие указанного процесса.

6) Историческое расхождение г. *vo-* — т. *va-* представлено лишь небольшим количеством слов. Ср.: г. voj (<лат. oleum) — т. vaj 'растительное масло'; г. vorr — т. varr 'могила'; г. votër — т. vatër 'очаг' и еще немногие примеры. Тем не менее как дифференциальный признак основного диалектного членения различие это имеет абсолютную значимость, так как закономерность исторического соответствия не нарушается локальными вариантами.

7) Наиболее важное своей абсолютной дифференциальной значимостью явление — это различие ротацированных тоскских и неротацированных гегских форм. Тоскский ротацизм представляет собой отражение фонетической закономерности, действовавшей в отдаленном прошлом; тем самым он свидетельствует о давнем происхождении членения на тоскский и гегский диалектные типы. В настоящее время различие состоит в следующем: гегскому *n* в интервокальной позиции часто (но не всегда) соответствует т. *r*. Например: г. vēn(ë), vēna — т. verë, vera 'вино'; г. rān(ë), rāna (<л. arena) — т. rḗrë, rëra 'песок'; г. mullī, mullīni (<л. molina) — т. mulli, mulliri 'мельница', г. sȳ, sȳni — т. sy, syri 'глаз', г. i tyni — т. i tyre 'их' (род. п. мн. ч. от ai, ajo 'он, она'). Также и в тех случаях, когда неударное *ë* в конце или в середине слова редуцировалось и позиция *n* (*r*) уже не является интервокальной: г. i dashun — т. i dashur(ë) 'любимый, милый'; г. dimën, dimni — т. dimër, dimri 'зима'; г. Shqipni — т. Shqip(ë)ri 'Албания'. Изменение *-n-* > *-r-*, получившее название ротацизма, развилось и действовало в дописьменный период, по-видимому, еще в древнеалбанскую эпоху. Для точной датировки данных нет, однако важно, что славянские заимствования в основной своей массе оказались уже не застигнутыми этой фонетической

закономерностью.[3] Ротацированные формы впервые засвидетельствованы в южноалбанском тексте (отрывки перевода Евангелия) конца XV в. — форма vdekur: οὖ γκρε σε ϋδέκουρ — u ngre së vdekur 'восстал из мертвых'.[4] Ротацизмом охвачены как элементы исконной лексики индоевропейского происхождения, так и древнейшие заимствования — латинские и древнегреческие. Исключения, нарушающие закономерность исторического соответствия г. *-n-* — т. *-r-*, объясняются или относительно более поздним появлением в языке отдельных слов (например: stan, stani 'пастушеский стан в горах'; sanë, sana, 'сено' — из славянского; tigán, tigáni 'сковорода' — из новогреческого; dyqán, dyqáni 'лавка' — из турецкого) или тем, что интервок. *n* в некоторых старых албанских словах исторически представляет собой результат упрощения сочетания согласных, например: punë 'труд' из *spudnā. Фонетические основы тоскского ротацизма, имеющего параллели в сходных явлениях некоторых румынских диалектов, еще не выяснены. Г. Педерсен в комментариях к своим записям чамерийских текстов указал на своеобразный характер интервокального *n*, акустически близкого к звуку *r*.[5] Предполагается наличие определенной связи между ротацизмом и явлением назализации гласных. Для современного диалектного членения, как отмечает Э. Чабей, характерно, что «в тоскском наличие ротацизма соединяется с отсутствием назализации гласных. В гегском же, наоборот, есть назализация гласных, но нет ротацизма. Это сложное соотношение не случайно, но связано с фонетической структурой албанского языка».[6] Однако фонетический характер взаимосвязи ротацизма и явления назализации гласных остается пока неясным. Вероятной кажется также мысль о том, что подмена сонанта *n* сонантом *r* могла быть связана с сильной степенью веляризации этих звуков. Веляризованность некоторых согласных, так же как и тенденция к отодвижению назад артикуляции некоторых гласных, представляет собой одну из конститутивных особенностей артикуляции, присущей албанскому языку вообще. В таком случае могла бы быть проведена известная аналогия с явлением смешения сильно веляризованных реализаций фонем *dh* [đ] и *ll* [ł], наблюдаемым и сейчас в части албанских говоров.

---

[3] О возможностях приблизительной датировки явления ротацизма см.: E. Çabej. Ältere Stufen des Albanischen im Lichte der Nachbarsprachen. Zeitschr. f. Balkanologie, II, 1964. Единичные случаи перехода *-n-* > *-r-* в словах славянского происхождения, вероятно относящихся к более древнему пласту славянских заимствований в албанском, дают некоторую точку опоры для установления terminus ad quem этой инновации (см.: там же, стр. 15).

[4] M. Roques. Recherches sur les anciens textes albanais. Paris, 1932, стр. 8 и сл.

[5] H. Pedersen. Albanesische Texte mit Glossar. Abh. d. philos.-hist. Kl. d. kön. Sächs. Ges. d. Wiss., XV, № III, Leipzig, 1895, стр. 8.

[6] E. Çabej. Fonetika historike e Shqipes, стр. 102.

Действие фонетической закономерности ротацизма было, по-видимому, очень последовательным в той группе древнеалбанских говоров, которая явилась основой образования тоскского диалекта. Результаты ее действия до сих пор отчетливо представлены в большом количестве слов и во многих формообразующих элементах. Поэтому наличие или отсутствие ротацизма может считаться наиболее релевантным признаком членения албанских говоров на две группы: тоскскую и гегскую. При изучении характерных признаков говоров переходной зоны явление ротацизма, выступающее в сочетании с теми или иными особенностями гегского диалектного типа, также используется как основной критерий определения конкретного соотношения отдельных говоров с тоскской или гегской диалектной средой.

8) В гегской диалектной области на протяжении последних двух столетий получило развитие и распространилось изменение *mb* > *m*, *nd* > *n*. В тоскском ареале общеалбанские *mb*, *nd* в основном сохраняются как особые сложные фонемы. Ср. т. mbaj — г. maj 'держу', т. nder — г. ner 'честь'. Лишь на севере диалектной территории (притом только в конечной позиции) и частично в ляберийских говорах на месте *mb*, *nd* произносятся *m*, *n*. В северногегских говорах процесс изменения *mb* > *m*, *nd* > *n* еще полностью не завершен. На отдельных участках территории к северу от Дрина сохраняется еще произношение с элементом конечной эксплозии. Промежуточной фазой является также характерное для шкодранского говора образование особого сонанта *n̄* из старого *nd*, отличающегося от обычного *n* большей долготой и элементом велярности. В говоре Большой Мальсии отмечается произношение глухих смычных *p*, *t* на месте смычных носовых *mb*, *nd*. Благодаря такой локальной вариантности противопоставление г. *m*, *n* — т. *mb*, *nd* лишено абсолютной значимости в качестве дифференциального признака основного диалектного членения. К тому же в орфографии, принятой для гегской формы литературного языка, по традиции сохраняются написания *mb*, *nd*. И тем не менее в живом произношении преобладающей массы населения северной Албании старые *mb*, *nd* не звучат. Устная форма гегского литературного языка также не предполагает их произношения. Поэтому указанное различие гегского и токского диалектов, хотя и не обладает абсолютной дифференциальной значимостью, все же достаточно релевантно.

9) Для тоскской диалектной области характерно оглушение звонких согласных в конце слова, а также в середине слова перед глухими. В некоторой степени это явление наблюдается и в южногегских говорах. Поэтому дифференциальная значимость его относительна.

Остальные признаки из числа упоминаемых при описании фонетических различий между двумя основными албанскими

диалектами [7] в меньшей мере показательны в качестве критериев для определения диалектной принадлежности тех или иных языковых фактов.

Основные грамматические различия состоят в следующем.

1) В гегском есть специальная форма инфинитива: me hap(ë) 'открывать', me luftue (me luftū) 'бороться'. В тоскском соответствующие значения передаются с помощью форм сослагательного наклонения. Ср. г. due më luftue (=dū me luftū) 'хочу бороться' — т. dua të luftoj. Формы типа гегского инфинитива, вероятно, некогда употреблялись и в тоскском. Об этом можно предположить по наличию застывшего сочетания domethënë 'это значит', собств. 'хочу сказать' (из do me thënë), а также сочетаний, имеющих деепричастное значение — duk me punuar 'работая', duk me thënë 'говоря' и др. Тем не менее для современного языка отсутствие формы инфинитива в тоскском, при наличии ее в гегском, может считаться наиболее существенным грамматическим различием двух основных албанских диалектов.

2) Различие обнаруживается в образовании форм будущего времени. В гегском представлен так называемый западнороманский тип: аналитическое сочетание форм настоящего времени вспомогательного глагола kam 'имею' с инфинитивом — kam me luftue (luftū), ke me luftue 'буду, -ешь бороться' и т. д. В тоскском — «балканский тип»: аналитическое сочетание форм сосл. накл. наст. вр. спрягаемого глагола с частицей *do* (застывшая форма глагола dua 'хотеть') — do të luftoj, do të luftosh и т. д. Это различие не является, однако, абсолютным, так как в южногегских говорах более распространены формы второго типа, соответствующие тоскским. Аналитическое сочетание т. kam për të luftuar, г. kam për të luftue 'мне предстоит бороться' употребляется повсеместно — чаще в тоскском, но вообще не очень широко.

Более или менее заметные различия между гегским и тоскским наблюдаются в преимущественном использовании отдельных типов причастных форм, а также в образовании форм имперфекта.

Много специфических особенностей характерно для лексики северной (гегская) и южной (тоскская) диалектных зон.

Теоретическое и практическое ознакомление с албанской диалектной речью убеждает в том, что, несмотря на существование довольно значительного количества дифференцирующих признаков, различия между двумя основными диалектными типами в целом не столь велики, как это нередко утверждалось в прошлом.[8]

[7] Ср.: M. L a m b e r t z. Lehrgang des Albanischen, III. Leipzig, 1959, стр. 3 и сл.

[8] Было время, когда наличие диалектного членения использовалось в качестве аргумента против необходимости национального самоопределе-

Возможность взаимопонимания между албанцами из различных областей страны, говорящими на своих местных говорах, существует при любых условиях. Кроме того, народно-разговорные койне, образовавшиеся на протяжении последних столетий турецкого владычества и на севере, и на юге страны, представляли более обобщенные типы речи, тем самым способствуя преодолению узкого регионализма и языковому объединению албанской народности, а позднее и албанской нации.

Некоторые из явлений, составляющих специфические различия тоскской и гегской диалектных областей, являются несомненно старыми. В первую очередь это относится к ротацизму — южноалбанской инновации, возникшей, очевидно, еще в I тысячелетии н. э. Вероятно, относительно рано определилось преобладание по диалектам отдельных типов причастных форм, а также специфические различия в построении аналитических форм будущего времени.

В то же время некоторые из явлений, составляющих в той или иной степени характерные особенности гегского и тоскского диалектных типов, развились и сгруппировались в пучки специфических для каждого из них признаков в сравнительно недавнее время. При этом сходные явления отмечаются в отдельных говорах обеих диалектных зон иногда не только в пограничных районах, но и на весьма отдаленных друг от друга участках. Исходя из этого, албанские филологи полагают, что важнейшее для лингвистической карты Албании деление на гегскую и тоскскую диалектные области слагалось постепенно и не является особенно старым.

Исследуя язык албанского (старогегского) памятника XVI в. («Служебник» Гьона Бузука, напечатанный в 1555 г.), Экрем Чабей подчеркивает, что «характерные явления, разделяющие в настоящее время гегский и тоскский, выкристаллизовались не сразу и не одновременно все, но развивались постепенно одно вслед за другим; в значительной части их можно считать относительно новыми. Для многих из них мы в состоянии определить время возникновения, установить относительную, а иногда

ния албанского народа, находившегося под властью Турции. По этому поводу интересно мнение М. Ламберца: «Различия между этими двумя большими диалектными группами отнюдь не столь глубоки, как это часто утверждалось (совсем не с лингвистической точки зрения) противниками албанофильства. Не говоря уже о том, что между севером и югом пролегает средняя переходная зона . . . основной костяк двух диалектных групп является настолько единым в фонетическом, синтаксическом и лексическом отношениях, что различия обеих частей здания можно усмотреть лишь в украшении стен. Различия между самым северным из албанских диалектов — диалектом Груды и самыми южными — ляберийским и чамерийским, менее значительны, чем между диалектами Турина и Палермо или между мекленбургским и тирольским» (M. L a m b e r t z. Die Mundarten der albanischen Sprache und ihre Erforschung. Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropa, Bd. 7, H. 2—4, 1943, стр. 124).

и абсолютную хронологию».[9] Э. Чабей находит, что преобладающее количество инноваций, главным образом в области фонетики, возникли в гегской диалектной области в первые века турецкого завоевания (таким образом, не ранее XV—XVI в.). Притом инновации эти распространялись из центральных областей северноалбанского ареала и не захватили некоторых периферийных зон.

С этими лингвистическими соображениями в известной мере совпадают выводы, к которым на материале этнографии приходит Рок Зойзи. Считая, что Гегния и Тоскерия как территориально-этнографические единства исторически сложились путем концентрации более мелких этнографических единиц — краин, он относит завершение этого процесса к относительно позднему времени. «Если XIX век был веком оформления албанского народа в нацию, то к XVIII веку относилось образование из различных этнографических краин двух больших группировок, получивших названия Гегни́ и Тоскни́».[10] Процесс концентрации земель Р. Зойзи связывает с общим развитием экономической жизни страны и в особенности с действием тенденции к политической концентрации, результатом которой явилось создание в XVIII в. двух полунезависимых феодальных государств — пашалыков династии Бушатов на севере Албании и Али-Паши Тепеленского — на юге. Привлекая интересные этнографические данные, Р. Зойзи доказывает, что само понятие Гегнии (Гегерии) было прежде иным, менее широким. Название Gegní распространялось не на всю северную Албанию, но лишь на южную ее часть, включая районы к северу от Шкумбина, вдоль течения Мата и Черного Дрина. Характерно, что в Дукаджине старики до сих пор говорят: na nuk jemi gegë, gegët janë përtej maleve 'мы не геги, геги живут за горами'. Зато в районах Мата, Дибры, Мартанеша, Черменики говорится: na jemë gegë dhe vendi ynë quhet Gegní 'мы геги, и местность наша зовется Гегнией'. Интересно также записанное в 1952 г. заявление одного из жителей Мартанеша о том, что Мирдита — это «не гегская гора, но дукаджинская» (под словом mal 'гора' имеется в виду определенное единство родо-племенного характера).[11] Также и название «Тоскерия» исторически было связано лишь с северо-восточной частью южноалбанской территории. Ляберийские старики и сейчас еще не принимают названия «тоски», утверждая, что «тоски живут по другую сторону Вийосы». Не признают себя тосками и аборигены краины Мюзеке (lalët e Myzeqesë).[12]

Наблюдения Э. Чабея относительно хронологии диалектных различий в области фонетики представляются очень убедитель-

---

[9] E. Ç a b e j. Gjon Buzuk. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 2, стр. 81.
[10] Rr. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar. Etnografia Shqiptare, I, Tiranë, 1962, стр. 20.
[11] Там же, стр. 26.
[12] Там же, стр. 50.

ными. Убедительны также собранные Роком Зойзи данные о постепенности процесса формирования территориально-этнографических единств Тоскерии и Гегерии в их нынешнем охвате. Тем не менее существенную важность продолжает сохранять следующий факт: наиболее характерная изоглосса, разделяющая две диалектные области — явление ротацизма в тоскском, образовалась очень давно, задолго до турецкого завоевания. Вероятно, она прошла по албаноязычному ареалу еще в период древних племенных делений, от которых к настоящему времени уже не сохранилось следов. Если не правомерно называть древние группы албанских говоров, разделенные этой изоглоссой, «тоскскими» и «гегскими», придется назвать их «ротацирующими» и «неротацирующими». Поскольку, однако, древнее членение по этому признаку полностью отражено в современном членении на тоскскую и гегскую диалектные области, нельзя не признать, что лингвистическая основа этого последнего все же имеет достаточную давность.

К сожалению, отсутствие достоверных сведений о ранних периодах албанской истории не позволяет восстановить этническую карту Албании эпохи переселения народов и раннего средневековья. Также едва ли можно надеяться реконструировать территориальные отношения и политические условия, определившие возникновение первой изоглоссы, отделившей южную часть албанских говоров от северной. В дальнейшем на эту основу диалектного членения наслаивались новые различительные признаки. В условиях экономической раздробленности страны на протяжении четырех столетий турецкой оккупации новые диалектные различия продолжали концентрироваться и группироваться в уже ранее наметившихся зонах. Некоторую роль в закреплении различий мог иметь период политического и экономического разделения северной и южной частей страны в составе полусамостоятельных феодальных государств шкодранской династии Бушатов и Али-Паши Тепеленского (конец XVIII и начало XIX в.). Однако вряд ли правомерно переоценивать значение для истории языка этого сравнительно короткого периода политической жизни. К сожалению, внутренняя история Албании периода турецкого владычества до сих пор еще недостоточно известна. Поэтому трудно учесть все условия, определявшие возникновение и распространение диалектных границ, историческую динамику лингвистической карты Албании.

Неоспоримым фактом истории албанского языка является длительность процесса формирования двух основных диалектных зон. Внутри этих зон в свою очередь действовали независимые процессы возникновения и распространения новых диалектных различий. Характерно, что каждая из зон имеет свои внутренние линии и пучки изоглосс, не выходящие за ее пределы. При этом различие между тоскской и гегской диалектными областями

выражается не только в наличии характерной для каждой из них суммы признаков фонетического, морфологического и лексического порядка, но также в характере лингвистической карты каждой из этих областей. Тоскская диалектная область отличается значительно большей степенью единства. Хотя и здесь выделяется ряд говоров, различия между ними в общем сравнительно не велики. Гегская диалектная область расчленена гораздо сильнее. Притом различия между составляющими ее говорами более существенны, чем между говорами тоскскими. Такое положение, конечно, не может быть случайным. Оно связано с характером развития общественных отношений в северной и южной частях страны, с историей каждого края.

О ХАРАКТЕРЕ И ХРОНОЛОГИИ ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

Итак, основное лингвистическое членение албаноязычного ареала имеет довольно простую и ясную схему: две большие диалектные области и полоса переходных говоров между ними. Более сложным представляется внутреннее членение каждой из основных диалектных областей. Довольно сильно расчленена гегская область. В пределах ее можно выделить несколько больших диалектных районов, а внутри каждого из них более или менее отчетливо выступают центры иррадиации диалектных явлений и периферийные участки, смыкающиеся с периферией соседних диалектных районов. В принципе сходную конфигурацию имеет членение южноалбанской (тоскской) области, однако со значительно слабее выраженной дифференциацией. Многочисленные локальные варианты речи, обнаруживаемые в каждой из основных диалектных областей, могут быть объединены в группы говоров.

Наряду с этим расчленением, которое представляет собой результат процессов дивергенции, исторически обусловленных разобщенностью сельских районов старой Албании, в обеих частях страны издавна слагались в той или иной степени унифицированные формы речи — народно-разговорные и устно-поэтические койне. И те, и другие оказывали влияние на диалектную речь, притом с тенденцией ограничить ее бытование сферой повседневного общения (между членами семьи, между односельчанами, между жителями маленького городка).

Насколько можно судить по данным исторической диалектологии, лингвистическая карта Албании — в том виде, как она доступна наблюдению и изучению в настоящее время, в большей части своих явлений и отношений сложилась на протяжении XV—XIX столетий (период турецкого владычества на Балканах). Для определения относительной хронологии диалектных различий, возникавших в течение этого периода, важно выделить более ранние состояния, которые могут быть обозначены как

«старогегское» и «старотоскское» (или условно: «общегегское» и «общетоскское»).[13] Эти состояния восстанавливаются прежде всего путем сравнительного анализа диалектных явлений, с учетом преимущественного сохранения архаизмов на периферийных участках ареалов. Кроме того, они непосредственно засвидетельствованы в памятниках староалбанской литературы. Наибольшее значение имеют памятники XVI в. Для гегского диалекта это перевод «Служебника» («Messale», алб. «Meshari») Гьона Бузука, напечатанный в 1555 г. (место издания неизвестно); для южноалбанского — перевод «Катехизиса» («Dottrina Christiana»), сделанный итало-албанским священником Лукой Матрангой и изданный в Риме в 1592 г. Старогегское состояние засвидетельствовано также в печатных изданиях XVII в. (труды албанских епископов П. Буди, Фр. Барди, П. Богдани). Текст «Messale» Бузука уже послужил основой для углубленных исследований в области исторической фонетики и морфологии албанских диалектов.[14] Существенное значение имеет вывод о том, что несколько столетий тому назад гегский и тоскский диалекты были значительно ближе друг к другу, чем теперь (если не считать очень старого различия, созданного тоскским явлением ротацизма). Этот вывод последовательно сформулировал Э. Чабей: «Хотя географическая конфигурация албанской территории и вся общественная и политическая жизнь народа на протяжении средневекового периода должны были бы скорее способствовать диалектному дроблению, тем не менее албанский язык в дописьменную эпоху своей истории имел более единообразный характер, чем в настоящее время. Диалекты были тогда, по-видимому, ближе один к другому и в большей степени выявляли общий тип языка . . . Таким образом, формы и слова в языке Бузука и других старогегских авторов, напоминающие нам Тоскерию, представляют собой не что иное, как особенности, присущие некогда также Гегерии; точно так же являются остатками старотоскского некоторые особенности албан-

---

[13] Для истории албанского языка в целом предлагается следующая периодизация: I. Протоалбанский период, охватывающий длительный путь доисторического развития албанского языка — начиная от выделения его из индоевропейской общности и вплоть до начала языковых контактов с Римом. II. Древнеалбанский период, приблизительно охватывающий I тысячелетие новой эры, тем самым эпохи римских, ранних византийских и ранних славянских языковых влияний. III. Среднеалбанский период, охватывающий XI—XV вв. IV. Новоалбанский период — от конца XV—начала XVI в. до современности. В этом раннем отрезке истории албанского языка дополнительно выделяется ранненовоалбанский период (XVI—XVIII вв.). (А. В. Десницкая. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общебалканские лингвистические проблемы. Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации, М., 1966, стр. 8). Согласно этой схеме, «старогегское» и «старотоскское» языковые состояния укладываются в рамки ранненовоалбанского периода.

[14] E. Çabej. Gjon Buzuk. Bul. Shk. Shoq., 1955, №№ 1—4.

ских говоров Греции и Италии, напоминающие нам гегский диалект. В первые века турецкого владычества возникли (особенно в Гегрии) многие инновации, главным образом в фонетической системе. Это повлекло за собой отдаление друг от друга двух основных албанских диалектов».[15]

Ареалом возникновения языковых инноваций, распространившихся по албанской территории в период турецкого владычества, была в большей степени гегская диалектная область, южноалбанские говоры в целом ряде моментов до сих пор отличаются от североалбанских относительно большей степенью консерватизма (если не считать явления ротацизма, представляющего собой очень старую инновацию тоскского диалектного ареала). Очагом иррадиации новых явлений были преимущественно центральные районы албаноязычной территории. На периферии же, особенно на участках, изолированных от основного албаноязычного массива (южноалбанские говоры Италии, Греции, Болгарии, Украины, гегский говор селения Арбанас — Arbanas в Далмации), до сих пор сохраняются некоторые архаизмы, непосредственно унаследованные от старотоскского и старогегского языковых состояний.

В истории албанских диалектов особую роль играли устно-литературные койне, сложившиеся на севере и на юге страны. При том огромном значении, которое фольклор всегда имел для культурной жизни албанского народа, несколько архаичный язык устной поэзии поддерживал в народном сознании престиж языковых форм, унаследованных от дедов и прадедов. Устойчивость постоянных речевых формул, характерных для всех жанров народной поэзии, была присуща также словесной стороне многочисленных праздничных обрядов (календарных и семейных), церемоний сватовства, приема гостей; проявлялась она при разборе судебных дел согласно законам обычного права, в беседах старейшин, в выступлениях на сходках и т. п. При всех подобного рода ситуациях, выходивших за пределы простого бытового общения, стиль речей отличался своей приподнятостью. Это находило себе выражение в известной архаичности их языка, который в то же время поднимался над уровнем говора села или краины. Наддиалектный характер устно-литературных койне, слагавшихся в крестьянской среде старой Албании, был не только и не столько результатом конвергенции; он скорее представлял собой результат устойчивого сохранения некоторых особенностей языка более ранних периодов и в известной мере отражал еще ненарушенное состояние большей близости друг к другу староалбанских диалектов, которое в наши дни лишь реконструируется с помощью сравнительного анализа современных говоров.

---

[15] Там же, Bul. Shk. Shoq., 1955, № 2.

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ АЛБАНСКОГО НАРОДА

Изучение диалектных различий албанского языка в полной мере подтверждает положение современной диалектологии об отсутствии резких границ между диалектами, между говорами. Существуют границы распространения отдельных явлений — изоглоссы, которые могут пересекаться или, наоборот, собираться в пучки — в случаях, когда, в силу тех или иных условий, на определенной территории образовался говор как относительно самостоятельная лингвистическая единица. В свое время еще Г. Мейер, говоря о наличии говоров переходного типа, соединяющих признаки гегской и тоскской диалектных областей, обратил внимание на то, что «вообще четко очерченных диалектных границ не существует нигде; там, где в пограничных областях в повседневном общении соприкасаются два или три говора, возникают диалектные смешения, характерные для говоров переходных».[16]

Для албанской диалектологии в меньшей мере приходится говорить о существовании обособленных территориальных диалектов, чем это имеет место при изучении некоторых других языков Европы. Более приемлемыми в данном случае представляются понятия диалектных областей или зон и входящих в них говоров.

Диалекты, с которыми чаще всего имеет дело диалектология, выросшая на материале западноевропейских языков,— это языковые единицы, образовавшиеся в условиях длительного существования относительно обособленных феодальных территорий, имевших свои политические границы и стабильное крестьянское население. Политическое и экономическое обособление, существовавшее на протяжении длительного времени, создавало почву для лингвистического обособления.

В Албании на протяжении четырех веков турецкого владычества (период, когда в основном складывались наблюдаемые в настоящее время диалектные различия) картина была существенно иной. Военно-феодальная система землепользования (пожизненные земельные наделы — тимары, дававшиеся султанами за службу в армии) предполагала постоянные перегруппировки земельных наделов, распределявшихся между крупными и мелкими турецкими военачальниками. Границы турецких административных делений также не сохраняли на долгое время стабильности. Если в XV в. Албания была разделена на четыре санджака — Шкодры, Влоры, Эльбасана и Охриды, то в XVII в.

---

[16] G. Meyer. Albanesische Studien, VI. Beiträge zur Kenntniss verschiedener albanesischen Mundarten. Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss. in Wien, CXXXVI Bd., XII, 1897, стр. 1.

были выделены семь санджаков — санджаки Шкодры, Дукаджина, Призрена, Охриды, Эльбасана, Влоры и Дельвины. В XVIII в., как следствие процесса разложения старой турецкой военно-феодальной системы, образовались крупные наследственные феодальные территории, принадлежавшие пашам Шкодры, Кавайи, Эльбасана, Тираны, Берата, Влоры, Дельвины и др. Во второй половине XVIII в. укрепили свою власть два полусамостоятельных феодальных государства — династии шкодранских Бушатов на севере и Али-Паши Тепеленского — на юге, стремившиеся к полной политической автономии и уничтоженные Турцией лишь в первой половине XIX в.

Возможно, что существование этих временных объединений феодального характера в какой-то мере отразилось на конфигурации лингвистической карты Албании. Однако диалектов, которые соответствовали бы определенным феодальным территориям или военно-административным единицам периода турецкого владычества, в Албании не сложилось. В большинстве горных районов положение вообще было существенно иным. Там, где сохранялись старые родо-племенные общины, не было поместнофеодального землепользования. Вольнолюбивые горцы не подчинялись также турецкой администрации.

Территориальная единица, с которой имеют дело албанские диалектология и этнография,[17] — это не бывшая феодальная территория, но так называемая краина (krahinë, -a). Этим словом славянского происхождения в Албании принято называть сравнительно небольшой район, представляющий известное единство в экономическом, географическом и этнографическом отношениях.

Краины различаются по типу. Иногда это город и прилегающие к нему сельские местности, например: krahina e Beratit 'краина Берата', krahina e Korçes 'краина Корчи' и др. Иногда это относительно изолированный горный район, например: krahina e Kurbinit — долина в горах, к северу от Круи, krahina e Shpatit, krahina e Verçës — в центральной Албании, krahina e Skraparit, krahina e Lunxhërisë, krahina e Zagorisë — на юге и др. В северной Албании горные краины в некоторых случаях соответствуют территориям расселения определенных родо-племенных коллективов — фисов,[18] например: krahina e Kelmendit, krahina e Merturit, krahina e Krasniqit и др. Часто краина географически охватывает долину реки или ее часть, например: krahina

[17] См.: Rr. Zojzi. Ndamja krahinore e popullit shqiptar, стр. 16.

[18] О категории «фис», соответствующей категории «племя» у черногорцев, см.: Ю. В. Иванова. Родственные объединения на западе Балканского полуострова в их позднейших вариантах в XIV—XX вв. Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации, М., 1966. Алб. fis, имеющее значения 'родо-племенная группа', 'род', 'родня', представляет собой заимствование (вероятно, довольно давнее) из новогреческого (φύσις).

e Devollit — плодородная долина верхнего течения реки Девол, krahina e Zadrimës — часть нижнеалбанской равнины, ограниченная с востока и юго-востока горами, а с запада и севера — нижним течением Дрина. Иногда краинами называются сравнительно большие территории, например: krahina e Myzeqesë — обширная равнина на Адриатическом побережье, между нижними течениями рек Шкумбина и Вийосы, krahina e Matit — область верхнего и среднего течения реки Мата, krahina e Mirditës, krahina e Dibrës и др. Традиционное выделение их в качестве особых краин также основывается на единстве признаков географического, экономического и этнографического порядка. Единство это в каждом случае является исторически сложившимся.

Новейшее районирование в основном покрывает старое деление, связанное с многовековой историей албанского народа, но, конечно, полного соответствия здесь искать не приходится.

К признакам этнографического порядка, характеризующим в народном сознании население определенной краины, примыкает и лингвистический — говор. Однако этот признак не является основным и решающим. Между близлежащими краинами диалектные различия часто бывают очень незначительны, тогда как различия в типах построек, в одежде, в некоторых бытовых особенностях могут быть иногда довольно велики. В базарные дни в Шкодре или в Эльбасане представители различных окрестных краин легко и сразу распознаются по одежде, но особенности говоров обычно требуют более пристального наблюдения. Мы здесь возвращаемся к отмеченному выше факту отсутствия резких границ между говорами, входящими в ту или иную диалектную зону, так же как и между самими диалектными зонами.

Население албанских краин, как бы эти краины ни были изолированы в географическом отношении и трудно доступны извне, никогда не бывает отрезано от общения друг с другом. Это относится даже к горным областям северной Албании, где диалектные различия выражены гораздо ярче, чем на юге. Обычно несколько краин объединяются экономическим тяготением к определенному центру. Горные и равнинные краины северо-западной Албании испокон веков тяготели к Шкодре. В базарные дни в Шкодре собиралось (и продолжает собираться сейчас) большое количество крестьян, часто из довольно отдаленных местностей, продающих и покупающих продукты животноводства и земледелия, покупающих промышленные изделия. Для северо-восточных краин в прежнее время такими центрами были города Гьякова (совр. Дьяковица), Призрен, Дибра; в настоящее время их частично заменили города Кукес и Пешкопи. В центральной Албании центрами экономического тяготения для окружающих сельских местностей были и продолжают быть Эльбасан, Тирана, Кавая. Для окруженной горами долины реки Мат в прежнее время основным торговым центром был еженедельный базар близ

с. Клос (Klos), у моста через реку — так называемый Базар Мата (Bazari i Matit); в настоящее время главным центром является городок Буррель, где, по свидетельству Р. Зойзи,[19] в базарные дни можно наблюдать шесть различных типов национальной одежды, составляющих признаки отдельных мелких краин. В южной части страны центрами экономического притяжения, объединяющими целые группы краин, являются Корча, Берат, Гьирокастра, Влора, Дельвина. Наряду с крупными городскими центрами аналогичную роль, но в меньшем масштабе, играли (и играют) более мелкие населенные пункты.

Еженедельные базарные дни испокон веков были днями активного общения населения всех краин, входящих в большие и малые зоны, объединяющиеся вокруг определенных экономических центров. В оживленных беседах, отнюдь не ограничивавшихся только вопросами купли и продажи продуктов, но охватывавших все стороны общественной, экономической и культурной жизни крестьянского населения, мелкой городской буржуазии и ремесленничества, создавались предпосылки для стирания резких признаков отдельных говоров, для интенсивного распространения тех или иных языковых явлений, для создания более обобщенных типов речи.[20]

Традиционные праздники, отмечавшиеся в отдельных краинах старой Албании, также обычно привлекали стечение гостей из соседних местностей. Так, например, на праздник св. Александра (Shën Lesh) в центре Мирдиты, в селении Орош, 19 мая собирались не только католики из близлежащих краин, но и сотни мусульман из Мата и Люры.[21] В Шкодру на церковные праздники, например на праздник шкодранской богоматери (Zoja e Shkodrës) 18 октября, сходилось множество жителей горных и равнинных краин северо-западной Албании. Старинные (унаследованные еще от язычества) праздники, отмечавшиеся на вершинах

---

[19] См.: Udhëheqës i Shqipërisë. Tiranë, 1958, стр. 131.

[20] О разнообразии вариантов междиалектного взаимодействия и о значении этих регулярных встреч для жизни албанской деревни в настоящем и тем более — в прошлом можно составить себе яркое представление и сейчас, проехав в базарный день по дорогам, проходящим по равнинной полосе Албании, параллельно побережью Адриатического моря, останавливаясь в Фиери, Люшне, Кавае, Мамурасе, Милоте, Леже и, наконец, в Шкодре. В каждом из этих пунктов можно увидеть большое стечение крестьян — мужчин и женщин; разнообразие национальных костюмов свидетельствует о встречах представителей различных краин. Так, на базаре в Леже встречаются горцы Лежской Мальсии (Malsija e Lezhës), горцы Мирдиты и осевшие на Адриатическом побережье горцы Кельменда из Большой Мальсии (Malsija e Madhe); на базаре в Милоте — горцы из ближайших краин, представители более отдаленных Мата и Мирдиты, а также переселенцы из Косова и т. п.

[21] См.: Th. Ippen. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens. Abhandl. d. Geogr. Gesellsch. in Wien, Bd. VII, 1908, стр. 50.

некоторых гор, также вызывали массовое паломничество населения окрестных местностей.[22]

Характерная форма общения отдельных, часто довольно отдаленных друг от друга краин создавалась периодическими передвижениями скотоводческих общин с летних пастбищ на зимние (так называемая трансгуманция). Летние пастбища в горах (bjeshkat) и зимние — на равнинах (fushat) всегда были местами встреч различных групп албанского населения. Так, например, горцы фиса Кельменд из Большой Мальсии, основная территория которых расположена в Северноалбанских Альпах, на протяжении столетий спускались со своими стадами зимовать на берега Адриатического моря, на равнины в низовьях Дрина и вдоль течения Буны (Бояны). Живописные караваны, двигавшиеся осенью и весной между горами и морем, производили, по словам Т. Иппена, впечатление «маленького переселения народов».[23] С течением времени часть горцев Кельменда осела на прибрежных равнинах. Некоторые деревни к югу от Шкодры, в окрестностях Лежа, например Какарич (Kakariq), целиком населены горцами из Большой Мальсии, сохраняющими свои старые этнографические традиции (очень характерный женский костюм — так называемый джублет, типы построек и др.). На низинные земли, лежащие к северо-востоку и к югу от Шкодры, спускались прежде и другие фисы северноалбанских горцев.[24]

Встречи и соответственно общение различных родовых объединений северной Албании происходили также на летних пастбищах в горах. Обширные пастбища в северо-восточной части Албанских Альп, принадлежавшие общине Плява (Plava), в свое время арендовались фисами Шкрель (Shkreli), Бога (Boga), Лохья (Lohja) и Реч (Reçi), территории которых расположены в бедных растительностью горных местностях к северо-востоку от Шкодры (на юго-западных склонах Албанских Альп).[25] Члены этих фисов, уходившие к лету довольно далеко на восток, встречались на северо-восточных склонах Албанских Альп с людьми фисов Красниче (Krasniqe) и Гаш (Gashi), располагавшимися со своими стадами несколько южнее. В тех же местах разгорались споры о пастбищах между фисами Красниче и Шаля (Shala).[26]

Такого рода регулярные передвижения из одной местности в другую и в соответствии с этим регулярно сменявшие друг друга варианты общения населения различных краин не могли,

---

[22] См.: Rr. Zojzi. Gjurmët e nji kalendari primitiv në popullin tonë. Bul. Inst. Shk., 1949, № 1, стр. 85 и сл.

[23] Th. Ippen. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 10 и сл.

[24] См.: E. Durham. Some tribal origins, laws and customs of the Balkans. London, 1928.

[25] См.: Th. A. Ippen. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 3.

[26] См.: там же, стр. 8.

конечно, не находить себе отражение в языке, не могли не способствовать как сглаживанию резких диалектных различий, так и более интенсивному распространению отдельных явлений из говора в говор.

На сложение лингвистической карты Албании, особенно северных ее областей, немалое влияние должен был оказывать традиционный характер отношений свойства между родо-племенными группами, строго соблюдавшими закон экзогамии. Остатки этого явления еще доступны изучению в горных районах северной части страны. Поскольку брачные союзы внутри фиса, а также между представителями родственных фисов (ведущих происхождение от общих предков), подвергались строгому запрету, заключение браков между членами определенных родо-племенных групп, не связанных запретом, было традицией. Так, например, фисы Шаля, Шош (Shoshi) и Мирдита (Mirdita; байраки Орош — Orosh, Спач — Spaç и Кушнен — Kushnen), имеющие, согласно этногонической легенде, своими предками трех братьев, не допускали браков не только внутри каждого из фисов, но и между представителями всех трех фисов, считавшимися «одной крови».[27] Поэтому указанная группа фисов устанавливала отношения свойства только с другими фисами, причем эти отношения имели постоянный характер. Так, горцы из селения Тет (Theth, фис Шаля) заключали брачные союзы только с людьми Бога (одна из влазний — «братств» фиса Кельменд) из Большой Мальсии. Байраки Орош, Спач и Кушнен, составляющие основное ядро союза родо-племенных групп, объединявшихся под названием «Мирдита», имели постоянные связи свойства с жителями краин Ксселы (Kthela) и Люры (Lura).[28] Можно себе представить, какое влияние на судьбу соответствующих говоров должно было оказывать это постоянство отношений между различными родо-племенными группами, при которых женская часть населения всегда переходила из одной общины в другую, переселяясь часто издалека. Смешение признаков отдельных говоров было в этих условиях постоянным фактором диалектного развития.

В то же время не менее важный для языковой истории процесс образования диалектных различий не прекращал своего действия, так как был связан с процессом новообразования родо-племенных групп путем разделения и расселения, который происходил в северной Албании еще в сравнительно недалекое от нашей эпохи время — на протяжении последних 4—5 столетий. Уходящая в прошлое история албанских фисов — это «неписаная история Албании». Трудно определить, как и в какой степени следы древних фисов сохраняются в более новых —«скре-

---

[27] См.: E. Durham. Some tribal origins, laws and customs of the Balkans, стр. 25.
[28] См.: там же, стр. 30.

щения и переселения были для них обычным явлением».[29] Для этнографии северной Албании этот вопрос несомненно является одним из центральных. До недавнего времени североалбанские фисы были еще относительно живой категорией. Еще в 1941 г. один из шкодранских краеведов (N. Gazulli, писавший под псевдонимом Gelasius), говоря о фисах «сегодняшнего дня», определял fis как «большое количество семей», по большей части рассеянных по стране, которые считают себя происходящими от «общего предка»; представители их не вступают в браки друг с другом и имеют одинаковые обычаи (особенно если продолжают жить вместе). И далее: «Происхождение фисов теряется в далеком прошлом. Предания указывают на область, откуда пришел тот или иной фис, но никогда не говорят о времени, когда произошло их смещение».[30]

Любопытно следующее наблюдение того же автора: «Насколько я мог обнаружить, в префектуре Шкодры, в Косове, Люме и Дибре нет ни одной семьи, которая не знала бы фиса, к которому принадлежит».[31] В отношении старинных семей это в общем верно даже сейчас, хотя и несколько преувеличено.[32]

---

[29] E. Ç a b e j. Per gjenezën e literaturës shqipe. Shkodër, 1939, стр. 20.

[30] G e l a s i u s. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1941, стр. 184.

[31] Там же, стр. 185.

[32] В устной традиции еще живы рассказы о происхождении и родственных связях отдельных североалбанских фисов. В середине XIX в. И. Г. Хан записал этногонические предания горцев Большой Мальсии — Кельменда, Хота, Трпепша, Кастрата (J. G. H a h n. Albanesische Studien, H. 1. Jena, 1854, стр. 183 и сл.). Варианты тех же преданий несколькими годами позже собрал французский консул в Шкодре Г. Хекар (H. H e c q u a r d. Histoire et description de la haute Albanie ou Guégarie. Paris, б. г., стр. 171 и сл.). В начале XX в. некоторое количество племенных сказаний записали Т. Иппен и Э. Доргем (E. Durham). Большой интерес имеют также записи албанских краеведов, публиковавшиеся в 30—40-е годы в шкодранских журналах («Hylli i Drites», «Leka», «Cirka»). И сейчас еще в горах северной Албании можно собрать интересный материал по этой важной проблеме. В каждом из преданий довольно подробно рассказывается о том, как основатель родо-племенной группы пришел со своей семьей на территорию, занимаемую фисом ныне, как разрасталась семья и умножались стада, как сыновья становились родоначальниками ответвлений фисов — 'утроб' (bark), 'братств' (vllazni производное от vëlla 'брат'), как происходила борьба за территорию с прежними насельниками (anas); описываются столкновения с соседними фисами, выселение отдельных частей разросшейся родовой группы и др. Так, например, фис Кельменд (Kelmend) был основан неким Клементом, имевшим семь сыновей. Потомство их разрослось и образовало большую родо-племенную группу. Родоначальниками влазний Сельца (Selca), Вукль (Vukl) и Никш (Niksh) были сыновья Клемента — Kola, Vuko и Nika (см.: J. G. H a h n. Albanesische Studien, стр. 184). В варианте предания, записанном Хекаром, эти три больших подразделения были основаны внуками Клемента, детьми его старшего сына Ndovi. От второго сына, звавшегося Boga, произошла влазния Бога (Boga), занимающая несколько обособленное положение. Согласно варианту Геласиуса (G e l a s i u s. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1943, стр. 392), основателем того же фиса был некий Ахмат из фиса Куч (Kuç), который в свою очередь

Разделение фисов и расселение их частей, а также различные варианты смешений их с другими фисами должны были иметь своим результатом возникновение более или менее значительных диалектных различий. В образовании исторически засвидетельствованных северноалбанских родо-племенных групп смешения,

---

произошел от фиса Бериша. У Ахмата были сыновья: Seli, Nili, Vuli и Voli или (по другой записи) Zeku, Niku, Vuku, Bogu, которые и явились родоначальниками общин Сельца, Никч, Вукль и Бога. В предании фиса Кастрат характерен рассказ о том, как воинственные сыновья некоего Дедали вытеснили старых жителей (anas) с занимавшейся ими территории (см.: J. G. H a h n. Albanesische Studien, стр. 188 и сл.; H. H e c q a r d. Histoire et description, стр. 200 и сл.; G e l a s i u s. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1943, стр. 251 и сл.). Остатки этого старого населения оказались частично включенными в состав разросшегося фиса Кастрат. Часть фиса переселилась позднее из гор на равнину, простирающуюся на восточном побережье Шкодранского озера. И на равнине они продолжали сохранять свою родо-племенную организацию, расселившись братствами. Среди фисов северной Албании особенной славой и авторитетом пользуется небольшой фис Бериша (Berisha), территория которого находится на левом берегу объединенного Дрина, в долине речки Сапок, впадающей в Дрин. Его считают самым старым из фисов (см.: Th. I p p e n. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 37; G e l a s i u s. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1939, стр. 409). Люди Бериши утверждают, что они испокон веков живут на своей территории, которая прежде была несколько обширней. Родословные отдельных семей из Бериши возводятся к XIV и даже XV в. (см.: E. D u r h a m. Some tribal origins, laws and customs of the Balkans, стр. 27). От Бериши ведет свое происхождение ряд фисов северной Албании. Так, фис Мертур, живущий в основном на правом берегу объединенного Дрина, отделился от Бериши 11 поколений назад. Часть смешанного фиса Груда, живущего в самой северной части албаноязычного ареала (на территории Югославии), также считает своими предками фис Бериша. По некоторым версиям и фис Кельменд связан происхождением с Беришей (см.: G e l a s i u s. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1943, стр. 392). От Бериши производит себя также фис Кастрат (к северу от Шкодры). Предком фиса Хот (Hot) — также на крайнем севере албаноязычного ареала — был, согласно преданию, некий Гег Лаз (Geg Laz) (см.: E. D u r h a m. Some tribal origins, laws and customs of the Balkans, стр. 20). В вариантах, записанных Ханом и Хекаром, называется имя Кечи (Ketschi); у Геласиуса — Gegë Lazer Keqi (Hylli i Dritës, 1942, стр. 272). У него были братья: Пипер Лаз (Piper Laz), Васо Лаз (Vaso Laz) и Красни Лаз (Krasni Laz). От двух первых происходят черногорские (сербоязычные) племена Пиперов и Васоевичей, от третьего — албанское (албаноязычное) племя (фис) Красниче (Krasniqe), живущее в долине Вальбоны (правый приток объединенного Дрина). Основание фиса Хот, по устной традиции, датируется началом XVI в. К тому же времени, вероятно, относится и основание трех остальных родственных фисов. К этой родо-племенной группе принадлежит и фис Никай (Nikaj), живущий на правобережье объединенного Дрина, в непосредственном соседстве с фисом Мертур (Mertur). Предок Никай, некий Ник или Никол, был, как считают, сыном или братом Красни Лаза, основавшего фис Красниче. От трех братьев, согласно очень распространенной легенде, произошли фисы Шаля, Шош и основная часть родо-племенного союза Мирдита — байраки Орош, Спач и Кушнен. Разделение, в результате которого Шаля и Шош оказались к северу от объединенного Дрина, а Мирдита — к югу, произошло, как говорит предание, на горе Бештрик (Bështrik, Пештрик — Pështrik) в краине Хас (Has, на северо-востоке). (См.: G e l a s i u s. Oroena mbi nji hartë të Shqipënisë. Hylli i Dritës, 1938, стр. 209).

по-видимому, играли довольно большую роль. Устная традиция, до сих пор хранящая неписаную историю горных краин северной Албании, различает два слоя населения: 1) «коренные» жители — anas (от слова anë, -a f.'сторона, местность') и 2) 'пришельцы'— ardhacakë (ср. ardh- — основа причастных форм в составе парадигмы супплетивного глагола vij 'прихожу').[33] И те, и другие — албанцы. «Коренные» с давних пор сидели на своих местах; «пришельцы» появлялись обычно с северо-востока — из «Верхней Земли» («Dheu i Epër») или с юго-востока — из «Нижней Земли» («Dheu i Poshtër»). Будучи более многочисленными и сильными, они вытесняли аборигенов с их исконных земель или ассимилировали их. Память о старых «anas» сохраняется до сих пор. Так, например, названия фисов Боб (Bob) и Гимай (Gimaj) упоминаются в связи с историей больших фисов Шаля и Шош, названия Божай (Bozhaj или Bogjaj) — в связи с историей Хота (Hot), Пьетрай (Pjetraj), Тетай (Tetaj), Пелай (Pelaj) — в связи с историей Кастрата и др. Устные предания иногда бывают очень конкретны в указании происхождения отдельных частей фиса. Рассказывается, что часть семей Хота происходит не от Гега Лаза, переселившегося со своим родом из более северных областей, но от исконных жителей территории. Часть фиса Груда ведет происхождение не от Бериши, но от Дьел (Djell), переселившихся из Герцоговины.[34] Однако хронология подлинных исторических событий, засвидетельствованных племенными сказаниями, остается неизвестной.

Характерным признаком того, что какой-то фис является по происхождению смешанным, следует считать допустимость заключения браков между представителями отдельных его частей. Так, в одну из влазний (Кольбибай — Kolbibaj) фиса Никай входила группа Капит (Kapit), которая первоначально не принадлежала к фису, но была остатком старого населения племенной территории.[35]

Одним из существенных моментов в истории северноалбанских фисов было образование союзов родственных групп. В таких случаях создавались благоприятные возможности для сближения говоров. Яркий пример такого союза представляла собой Мирдита, основное ядро которой составили фисы Орош, Спач и Кушнен, родственные фисам Шаля и Шош. Позднее к ним примкнули Фанд (Fand) и Дибр (Dibr). Представители Фанд рассказывают, что некогда они составляли часть родо-племенной группы Люра. Но после того как те стали переходить в мусульманство, они присоединились к Мирдите.[36] Примкнувшие группы могли

---

[33] См.: G e l a s i u s. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1941, стр. 185.
[34] См.: Th. I p p e n. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 19.
[35] См.: E. D u r h a m. Some tribal origins, laws and customs of the Balkans, стр. 31.
[36] См.: там же, стр. 29.

заключать брачные союзы с основной частью Мирдиты. Те в свою очередь, помимо брачных связей с Фандом и Дибром, часто вступали в отношения свойства с людьми Кселы и Люры. Община Ксела входила вместе с общинами Селита (Selita) и Бишкаш (Bishkash), в группу, называемую «Малый Охер» (Ohri i Vogel). Вся эта группа вообще была близко связана с Мирдитой. Это выражалось, помимо брачных союзов, также в сходстве обычаев и одежды. На войну люди Кселы всегда ходили вместе с Мирдитой.

Подобные отношения и связи, слагавшиеся в горных районах северной Албании, вероятно, сыграли некоторую роль в образовании изоглосс, проходящих по этой диалектной территории. Можно предполагать, что лингвистическая карта всей северноалбанской области находится в известной зависимости от истории родо-племенных групп, передвижения которых происходили еще сравнительно не так давно.

В значительно более отдаленном прошлом аналогичные процессы, вероятно, совершались и в южной части страны. Однако для юга Албании «фис» как родо-племенная группа — это в основном уже забытая категория.[37]

Смешение говоров как результат смешения различных групп населения, вероятно уже с ранней поры могло быть существенным фактором в формировании лингвистической карты многих районов Албании, в частности равнин, раскинувшихся вдоль морского побережья — как на юге, так и на севере страны. Спасаясь от иноземных вторжений, жители равнин не раз уходили в горы, и опустевшие земли иногда заселялись вновь лишь после длительного перерыва. История этих заселений может быть лишь частично восстановлена, притом только для сравнительно близкого к нашей эпохе времени.

Так, о равнине Мюзеке́ (Myzeqé), занимающей обширное пространство между нижними течениями Шкумбина и Вийосы, Р. Зойзи сообщает, что около двух столетий тому назад она была очень слабо населена и главным образом использовалась в качестве зимнего пастбища аромунами, а также скотоводами из Ляберии и Тоскерии. Старые местные жители назывались ляли (lale) или мюзекейские ляли (lale Myzeqeje). Позднее скотоводы стали оседать на равнине и превращаться в земледельцев. Уже в XX в., после объявления Албании независимым государством, на равнине Мюзеке поселилось много албанских иммигрантов из Косова (Югославия) и Чамерии (Греция).[38] Таким образом, население Мюзеке «является сильно смешанным». Тем не менее коренные жители — ляли — сохранили свои этнографические традиции и даже передали их вновь пришедшим.

---

[37] Лишь в Ляберии (горная область на юго-западе Албании) сравнительно дольше сохранялась родовая организация.

[38] Udhëheqës i Shqipërisë, стр. 59 и сл.

Старое население Дельвинской низины (Vurgu i Delvinës), согласно преданиям, несколько веков тому назад выселилось в Италию, спасаясь от турецких захватчиков. Завладевшие землями помещики сдавали их в качестве пастбищ ляберийским и влашским скотоводам, спускавшимся на зиму с гор. Так же, как в Мюзеке, скотоводы постепенно оседали на равнине и переходили к земледелию. С албанскими селами в Дельвинской низине соседят села греческие. Спустившимися с гор ляберийцами была заселена (вероятно, уже очень давно) область Химары — узкая полоса Ионического побережья у подножия горных хребтов юго-западной Албании.

Очень смешанным является население равнины, расстилающейся вдоль берегов Адриатического моря, у подножия горного хребта, носящего имя Скандербега, — от Фуш-Круя (Fushë-Krujë) до нижнего течения реки Мат (гегская диалектная область).[39] В южной части равнины, в районе Фуш-Круя, живет старое население этих мест; севернее, вокруг районных центров Мамурас (Mamuras) и Милот (Milot) сравнительно недавно (уже при народной власти) расселились горцы из малоземельных краин Большой Мальсии, Дукаджина, Мирдиты и Мата. Здесь же еще раньше поселилось некоторое количество иммигрантов из Косова. Вдоль всей равнины, у самого подножия хребта Скандербега, расположены села горцев Круянской Мальсии (Malsija e Krujës). И сейчас еще каждая из перечисленных групп населения продолжает сохранять свои этнографические традиции (типы одежды, построек и др.). Характер лингвистического взаимодействия в этой смешанной среде, состоящей из представителей сельского населения различных частей гегской диалектной зоны — начиная от «северян» (горцы Большой Мальсии и Дукаджина) и кончая «южанами» (коренные жители окрестностей Круи), включая также переселенцев из центральных гегских (Мат и Мирдита) и даже северо-восточногегских (Косово) областей, — может составить исключительно интересный материал для изучения проблемы диалектных смешений. Поскольку территориальное объединение указанных групп населения является фактом последних десятилетий, процессы диалектного взаимодействия могут наблюдаться в их динамике. Но в данном случае необходимо учитывать еще роль такого важного фактора, как влияние литературного языка, осуществляющееся через посредство школы, газет, радио. При наличии этого фактора процесс диалектного выравнивания может иметь совсем иной характер, чем это бывало в условиях старой Албании, когда на речь села известное влияние могла оказывать лишь речь ближайшего торгово-экономического центра.

Из всевозможных вариантов междиалектного взаимодействия

---

[39] См.: там же, стр. 79.

состояла история сложения городских говоров. Особенно интересно с этой точки зрения сложение говоров таких городов, как Шкодра, Эльбасан, Корча, Гьирокастра, Влора, Тирана. Изучение этого вопроса представляет специальный аспект албанской диалектологии.

Подводя краткий итог всему сказанному относительно условий, оказавших влияние на сложение лингвистической карты Албании, можно добавить, что специфика ее в значительной степени определяется сложным конгломератом форм языкового общения, связанных с сосуществованием в течение долгого времени различных общественных укладов и типов хозяйства. Древние родо-племенные отношения с присущими им своеобразными типами речевых связей и объединения территориального характера, возникавшие в условиях феодального строя, отгонное скотоводство и рост городов, являвшихся центрами экономического притяжения для обширных сельскохозяйственных зон, — все эти разнородные факторы по-своему определяли процессы диалектного развития на сравнительно небольшой, но очень разнообразной по своим природным условиям албанской территории.

Пока говоры Албании еще мало изучены, трудно говорить более конкретно о непосредственном отражении разнообразных факторов и событий истории албанского народа в конфигурации ареалов распространения тех или иных языковых явлений. Когда будет завершено проводимое албанскими лингвистами монографическое описание всех говоров, когда появятся лингвистические карты с наглядным изображением границ каждого из основных признаков, характеризующих определенные диалектные зоны, создастся возможность для более углубленного изучения истории албанского языка в связи с историей албанского народа.

Прежде чем непосредственно перейти к описанию основных делений албанской диалектной карты, необходимо еще раз указать, что в настоящее время, в связи с массовым распространением норм литературного языка, повсеместно проникающих с помощью таких мощных средств культурного воздействия, как школа, печать, радио, различные формы публичной речи, диалектные различия заметно стираются, особенно в речи младших поколений. На процесс языковой унификации большое влияние оказывают также служба молодежи в армии и участие в народных стройках (строительство гидроэлектростанций, дорог, осушение болот и др.).

Одной из интересных задач полевых диалектологических исследований было бы проследить, какие из признаков отдельных говоров оказываются более устойчивыми и какие, наоборот, быстрее других вытесняются под воздействием норм литературного языка.

Глава 2

СЕВЕРНОАЛБАНСКАЯ (ГЕГСКАЯ) ДИАЛЕКТНАЯ ОБЛАСТЬ

ЧЛЕНЕНИЕ ГЕГСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЛАСТИ

Характер территории и общие исторические предпосылки диалектного членения

Ареал распространения гегского диалекта охватывает всю северную половину страны, начиная от линии реки Шкумбин, пересекающей албанскую территорию в направлении с востока на запад (в среднем и нижнем течении). На севере и востоке он выходит за пределы государственных границ Албании, так как на территории соседней Югославии проживает много албанцев, говорящих по-гегски, — главным образом в автономном крае Косове и Метохии, а также в северо-западной Македонии и в Черногории.

Для географического ландшафта северной Албании характерен резкий контраст между низкой равниной, протянувшейся вдоль побережья Адриатического моря, и внутренними горными областями. К низким берегам моря несут мутные волны, вырываясь из горных ущелий, реки Шкумбин, Эрзен, Ишм, Мат и многоводный Дрин (самая большая река Албании). Своими разливами эти реки нередко затопляют обширные пространства приморской низменности. Равнина, лежащая у подножия гор, поднимающихся над нею высокой стеной, значительно шире в южной своей части, т. е. в центре страны; далее к северу она заметно сужается и, наконец, на крайнем северо-западе, снова расширяясь, заканчивается большой котловиной Шкодранского озера.

Огромную часть территории Гегерии занимают горы. Гегские горы начинаются с востока плоскогорьем Черменики, круто поднимающимся от берегов Шкумбина, и заканчиваются массивом Северноалбанских Альп, на границе с Черногорией. Структуру

ландшафта горных областей внутренней части северной Албании определяют долины двух больших рек — Мата и Черного Дрина, отделенные от побережья и одна от другой высокими хребтами. Мат и Черный Дрин текут параллельно друг другу сперва в направлении с юга на север; круто поворачивая на запад и прорываясь через горные массивы, они впадают в Адриатическое море. Долины их в среднем течении плодородны и довольно густо населены, образуя таким образом естественные центры для окружающих горных районов. Сообщение между этими двумя долинами осуществляется через относительно легко преодолимые перевалы. Через горные перевалы проходит также известная дорога из Тираны на Дибру — основной путь, с давних пор соединявший морское побережье с долинами Мата и Черного Дрина. В нижнем течении эти реки, прежде чем выйти на равнину, прорыли себе очень глубокие ущелья, проход по которым внутрь страны был всегда труднодоступен.[1]

Население северной Албании во все времена концентрировалось на возвышенных местах приморской равнины, в районе Шкодранского озера, а также в речных долинах и на спускающихся к ним склонах гор. Высокогорные районы и заболоченные участки приморья всегда населялись менее густо. Древнейшие города этой части страны — основанные еще в античную эпоху греческими колонистами Дуррес (античн. Δυρράχιον или Ἐπίδαμνος), Леж (Λίσσος), Шкодра (Scodra). Средневековое происхождение имеет старинный албанский город Круя, выросший, как орлиное гнездо, на склоне горы, господствующей над равниной. К периоду турецкого господства относится развитие городов южной части гегского ареала — Эльбасана и Пекина в долине Шкумбина, Каваи — на приморской равнине. Все эти три города выросли на старом торговом пути, соединявшем морской порт Дурреса с внутренними областями Балканского полуострова (античная Via Egnatia). Во все периоды истории Албании путь этот не терял своего значения. На окраине приморской равнины, у самого подножия высоких гор, возникла Тирана, также один из экономических и культурных центров турецкого периода. Большинство городов, являвшихся средоточием торговли и ремесленного производства, в эту эпоху концентрировалось на юго-западе Гегерии. На северо-западе в средние века существовала целая группа городов, помимо древних Шкодры и Лежа. Однако после турецкого завоевания большинство некогда процветавших городов Шкодранской низины (gropa e Shkodrës) прекратило свое существование. Только Шкодра на протяжении столетий сохраняла

[1] В 1957 г. в ущелье Мата была построена большая гидроэлектростанция им. К. Маркса. Плотина и искусственное озеро полностью изменили характер ландшафта, не говоря уже об изменениях социально-экономического порядка, преобразовавших старый быт этого в прошлом глухого горного района.

свое значение крупнейшего городского центра северной Албании и всегда играла большую роль в экономической, политической и культурной жизни этой части страны. Во внутренних горных областях Гегерии в прошлом вообще не было городов (за исключением Дибры — Dibër, или Дебара, на востоке, находящейся ныне вне пределов территории Албанского государства). Возникновение небольших городов Кукеса и Пешкопи в долине Черного Дрина относится к сравнительно недалекому времени (они преобразовались из сел уже в XX в.); совсем недавнее происхождение имеют Буррель и Байрам Цурри (бывшее село Кольгецай), которые только еще начинают приобретать городской облик.

Горные районы, население которых всегда занималось преимущественно скотоводством и лишь в малой степени земледелием, в экономическом отношении, согласно традициям, сложившимся на протяжении столетий, примыкали к ближайшим низинным районам, хозяйственно более развитым. Так, горцы западной части Северноалбанских Альп с давних пор считали своим традиционным центром город Шкодру, и весь этот горный район даже получил название Пришкодранской Мальсии (Malsia e Mbishkodrës).[2] Горцы северо-восточных районов в эпоху турецкого владычества были связаны в экономическом отношении с торговыми центрами Метохии (города Джякова, Печ, Призрен). Жители горных районов южной Гегерии, обращенных к долине Шкумбина, а также к приморской равнине (полоса побережья от устья Шкумбина до устья Мата), ориентировались своими экономическими связями на города этой зоны (Эльбасан, Пекин, Тирана). Для горцев внутренних районов Гегерии центрами экономического притяжения были густо населенные долины рек Мата и Черного Дрина. Это естественное разделение территории на зоны экономического тяготения, связанное с географическим членением экономических ареалов, оказало значительное влияние на диалектное членение гегской речи.

В античную эпоху территорию Албании населяли иллирийские племена, потомками которых, вероятно, являются албанцы. В результате римского завоевания (II в. до н. э.) прибрежная часть страны была сильно романизована и в дальнейшем вошла в ареал распространения так называемой далматинской латыни. Иллирийское население горных районов, в меньшей мере подвергавшееся непосредственному воздействию римской культуры, более устойчиво сохраняло свою древнюю речь, хотя многочисленные латинские элементы в албанском свидетельствуют о силе латинского языкового влияния.

---

[2] Malsia — собират. от malsor 'горец', итак, собственно 'коллектив горцев', а затем уже с дальнейшим развитием значения — 'горный район'.

В эпоху раннего средневековья довольно большая часть населения на равнине и особенно в городах северной Албании была романоязычной. Но с течением времени и здесь роль местного элемента усиливалась и состав населения городов постепенно изменялся за счет притока албанцев и славян.[3] К концу средневекового периода далматинская латынь была уже почти вытеснена, с одной стороны, под напором речи коренного населения, приобретавшего все большую роль в экономической и политической жизни албанских городов Адриатического побережья, с другой стороны, благодаря распространению итальянского языка, что было связано с возраставшим влиянием Венецианской республики.

Славяне, появившиеся на Балканском полуострове в VI—VII вв., оставили многочисленные следы в топонимике Албании; на севере — преимущественно в районе Шкодранского озера, а также на востоке территории (в районах, пограничных с северной Македонией). В районе, прилегающем к Шкодре, как доказал В. В. Макушев, исследовавший материалы венецианских архивов, в XV в. существовали и славянские, и албанские поселения. По наблюдениям Макушева, местные названия показывают, как происходил процесс вытеснения славянского населения албанским. Так, например, «видно, что селение Tusi прежде было заселено славянами, ибо принадлежащие ему земли носят славянские названия: Lugi, Gradezza, Stoici, Vira, Chameniza, Sochiovina. Вообще, насколько можно судить по местным названиям, славянское население в Скадарском округе до начала XV в. было гораздо гуще, чем в последующее время. Венецианские памятники свидетельствуют о выселении славян в сербские области. Оставшиеся на месте утратили народность».[4]

---

[3] Так, в Круе уже к началу XIII в. романское население было ассимилировано. Леж (средневек. Alessio) в XIV в. был уже полностью албанским городом. Если в Даньо (Dagno, на месте его сейчас деревня Vau i Dejës у выхода Дрина из гор на равнину) в XIV в. еще сохранялись остатки романского населения (фамилия Caput-Apis), то в XV в. процесс ассимиляции был завершен. Шкодра была уже в XIV в. албанским городом. Характерно, что, когда этим важнейшим городским центром северной Албании в конце XIV в. завладела Венецианская республика, венецианский comes должен был держать при себе переводчика. Дольше всего старый романский элемент сохранялся в более отдаленном от побережья Дривасто (на его месте сохранилась деревня Дришт — Drisht), где еще в XV в. аристократические семейства носили романские фамилии (Palombo или Colomba, de Leporibus, Barbabiancha, Summa) и гордились своим римским происхождением. Но и здесь уже выделялись семейства с албанскими именами (Precali, Scapudar). Низшие слои населения, вероятно, с давних пор состояли из албанцев и частично из славян (M. v. Š u f f l a y. Städte und Burgen Albaniens hauptsächlich während des Mittelalters. Denkschriften d. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Kl., Bd. 63, Wien—Leipzig, 1924, стр. 37 и сл.).

[4] В. В. М а к у ш е в. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшавск. универс. изв., 1871, № 6, стр. 151. В настоящее время в районе Шкодры существует лишь одно славянское селение — Vrakë, имеющее сравнительно позднее происхождение. Кроме того, на тер-

Процесс формирования албанской народности, таким образом, уже в средние века включал факты ассимиляции неалбанского населения. Это определялось тем, что, хотя с приходом славян в VI—VII вв. этнический состав населения албанской территории изменился довольно значительно, преобладающая масса жителей страны оставалась албанской (иллирийской) по происхождению и языку.

Развитие феодализма в Албании, начало которого датируется VIII—XI вв., протекало в сложных исторических условиях.[5] Албанские земли входили в состав различных феодальных образований — Византийской империи, Болгарского царства, Сербского королевства Стефана Душана; прибрежными областями в XI в. стремились овладеть норманские феодалы из южной Италии, а позднее на территории албанского приморья постепенно укрепила свое экономическое и политическое влияние Венецианская республика, захватившая ряд городов. Но, несмотря на постоянные вторжения извне, уже с XII в. засвидетельствовано формирование собственно албанских феодальных территорий. Так, в конце XII—начале XIII в. в центральной Албании, на юге гегского лингвистического ареала, существовало государство, называвшееся в византийских источниках по имени албанской народности (arbën, arbër) — Арбанон (Ἄρβανον). В XIV в. возросло политическое значение албанских княжеств (принципатов), во главе которых стояли династии Топиа, Шпана, Музака, Скура, Бальша и др. Особенно большую роль играли принципаты Топиа в центре страны и Бальша — на севере. В XV в. на первое место выдвинулись княжества Дукаджинов — на севере, Кастриотов — в центральной Албании, Арианитов — на юге. Для албанского феодализма характерно было неравномерное развитие феодальных отношений в отдельных частях страны. В низменных прибрежных областях уже очень рано феодальные отношения приобрели господствующее значение; в долинах внутренней Албании развились полуфеодальные отношения; в горных областях северной части страны сохранялись сельские общины, построенные на родо-племенных связях. С развитием торговли был связан рост городов, преимущественно в приморской полосе. В северной Албании это были Дуррес (Durrës), Шкодра, Леж (Lesh, Lezhë), Ульчин (Ulqin), Дривасто, Даньо (Dagno). Городские коммуны обладали известной автономией, но уже в конце XIV—начале XV в. они фактически оказались под властью Венеции.

Повышение уровня производительных сил и рост экономиче-

ритории северной Албании есть несколько македонских деревень в районах, пограничных с Македонией (краины Гора е Люмэс — Gora e Lumës и Голоборда — Golloborda).

[5] Historia e Shqipërisë, I. Tiranë, 1959, главы IV и V.

ских связей между отдельными областями создавали в Албании XIV—XV вв. благоприятные условия для развития процесса дальнейшей политической концентрации. Но уже с конца XIV в. над страной нависла угроза турецкого завоевания. В начале XV в. начались захваты албанских земель и городов. В разоренной стране экономика стала приходить в упадок, наиболее доступные для вторжений приморские области запустели, жители их уходили в горы или выселялись за пределы Албании. Несмотря на героическое сопротивление албанцев, длившееся несколько десятков лет, к концу XV в. завершился захват албанской территории турками. Турецкое владычество, построенное на военно-феодальной системе эксплуатации завоеванных земель, просуществовало в Албании более 400 лет. Это задержало процесс экономического и политического развития страны. В противоположность проявившимся в эпоху Скандербега (период организации сопротивления турецкой агрессии) тенденциям к политической и экономической концентрации, при турецком владычестве вновь усилились феодальная раздробленность и анархия.

О диалектах северной Албании в период средневековья никаких сведений не сохранилось. Если предположить, что диалектное членение внутри гегского лингвистического ареала существовало и в ту эпоху, то вряд ли оно могло иметь характер языкового обособления в рамках феодальных территорий. Вопрос осложняется неясностью того, в какой мере население горных районов, составляющих значительную часть северной Албании, вообще включалось в систему феодальных отношений. Известно, что номинально в составе владений крупных феодалов числились и горные краины. В частности, территория принципата Дукаджинов в основном охватывала горные районы в области течения Дрина. Однако действительно ли горцы области Дукаджин, жившие в условиях родо-племенного строя, подчинялись власти феодалов, носивших это имя, остается очень сомнительным. Так же сомнительно представление о том, что горные краины, носившие общее название «Дукаджин», составляли феодальную территорию, объединявшуюся политически и экономически. Неясным остается само понятие феодальной территории применительно к условиям горных областей северной Албании, в общественной организации которых родо-племенные отношения долго играли важную роль. Возможно, что с системой этих отношений был связан и характер власти князей, выделившихся из родовой знати. Албанские принципаты развились непосредственно из недр родового общества и сохраняли связь с его институтами. По отношению к еще не распавшимся родовым общинам князья выступали не в качестве «владетелей», а в качестве «покровителей». Недаром варианты законов обычного права в народной традиции оказались связанными с именами Лека Дукаджина и Гьергя Кастриота («Kanuni i Lekë Dukagjinit» и «Kanuni i Skandërbegut»), которые

пытались приспособить общественно-правовые нормы родового строя к новым социальным условиям.[6]

Феодальные отношения классического типа складывались лишь на отдельных участках территорий, преимущественно на равнине и в долинах рек, там, где на смену сельским общинам, основанным на кровнородственных отношениях, возникали сельские общины, объединявшиеся по территориальному признаку. Средневековые источники, содержащие сведения об албанских феодальных княжествах и их границах, по-видимому, дают упрощенную картину, говоря о «владениях» в тех случаях, когда скорее речь могла бы идти о сферах влияния.

В устных народных преданиях североалбанских горцев долго сохранялась память о старых объединениях родо-племенных групп, об их переселениях и о взаимоотношениях коренных жителей (anas) с пришельцами. Остатки старых объединений продолжали существовать еще в XIX в. и даже в начале XX в., чему способствовала относительная независимость родо-племенных коллективов (фисов) от вмешательства турецкой администрации в их внутреннюю жизнь. Поэтому накопилось довольно много материалов по этнической истории северной Албании.

Известный албанский этнограф Рок Зойзи в недавно опубликованном сочинении подвел итоги своим многолетним исследованиям в этой области.[7] В обоснование тезиса о том, что историческое единство гегов как части албанской народности окончательно сформировалось лишь в XVIII в., Зойзи показывает, что это произошло путем объединения нескольких территориально-этнографических образований, сложившихся в более ранние периоды. Не считая равнинных областей, население которых накапливалось нередко вторично (после запустения в результате войн), путем смешения различных этнографических групп, основная (горная) территория северной Албании включала три основные части — Гегнию (Gegni), Лекнию (Lekni) и Мальсию (Malsi). Эти три части обладали этнографическим своеобразием.

Названия gegët 'геги',[8] Gegni 'Гегния' (или 'Гегерия'), в настоящее время употребляемые в применении к северной Албании и ее жителям вообще, прежде приурочивались лишь к южной части североалбанской территории, включая горные краины Черменика (Çermenikë), Мартанеш (Martanesh), Тиранская и Круянская Мальсии (Malsia e Tiranës), Мат (Mat), Дибра (Dibër). Все это считалось Гегскими горами (Malet e Gegëve), причем слову mal 'гора' придавалось этнографическое значение 'кол-

---

[6] Rr. Zojzi. Mbi të drejtën kanunore të popullit shqiptar. Bul. Shk. Shoq., 1956, № 2, стр. 147.

[7] Rr. Zojzi. Ndamja krahinore e popullit shqiptar. Etnografia Shqiptare, I, Tiranë, 1962.

[8] Название Gegë в основе своей имеет, по мнению Р. Зойзи, сокращенную форму имени Gregor (см.: там же, стр. 25).

лектива горцев'. Как полагает Р. Зойзи, в средние века с пределами Гегнии в основном должны были совпадать сперва границы княжества Арбен ("Αρβανον византийских источников), а позднее княжества Кастриотов. Хотя на территории Гегнии на протяжении столетий происходили перемещения отдельных групп населения и обосновалось немало пришельцев из других краин северной Албании, основная часть жителей считает себя аборигенами (anas). Система родо-племенных отношений в этом краю была разрушена уже очень давно и пережитков ее сохранилось меньше, чем в других североалбанских областях. При турецком владычестве Гегния была более непосредственно охвачена военно-феодальной организацией общественных отношений и сильнее подвергалась воздействию турецкой культуры.

Название «Лекния», употребляемое параллельно с названием «Дукаджин (Dukagjin), связано с именем жившего в XV в. Лека Дукаджина — главы принципата, включавшего в сферу своего владения горные районы к югу от Дрина, а также равнину Метохии. В XVII в. «Дукаджинским» был назван большой санджак (турецкая провинция) с центром в Ипеке (алб. Pejë, ныне город Печ на территории Югославии), границы которого были шире границ средневекового Дукаджина.

Средневековый Дукаджин, простиравшийся между Мальсией на севере и Гегнией на юге, охватывал горный район между Матом и Дрином; на востоке он включал также равнину Метохии, которая и теперь еще сохраняет в народе название Дукаджинской равнины (Rrafshi i Dukagjinit; rrafsh 'плоскость', 'равнина').

Для населения краин Дукаджина была характерна общность патронимической легенды. Предком всех дукаджинцев (краины Мирдита, Береша, Пука, Мертур, Шаля и др.) по легенде считался некий Murr Dedi. Более того, в народной традиции сохранилась память о том, что все родо-племенные коллективы (фисы), составлявшие группу Дукаджина или Лекнии, не были аборигенами занимаемых ими горных районов, но некогда, вероятно в средние века, пришли с востока, с Метохийской равнины. Прежние жители их территории частично смешались с пришельцами или выселились. Считая, таким образом, своей старой родиной равнину Метохии, дукаджинцы не признают себя горцами и хранят память о земледельческом типе хозяйства своих предков, хотя столетиями уже живут в горах и занимаются скотоводством наряду с земледелием.[9] Термина mal 'гора' в значении 'коллектив горцев' у них нет (в отличие от Гегнии и Мальсии). Довольно устойчиво сохраняя остатки родовой организации, дукаджинцы на протяжении столетий упорно сопротивлялись проникновению

---

[9] Характерна поговорка: «Malësori shkon mbas bishtit të dhënet dhe dukagjinasi mbas bishtit të shatit» 'Мальсор ходит за овечьим хвостом, а дукаджинец — за хвостом мотыги' (там же, стр. 35).

в глубину гор турецкой администрации. Очень долго им удавалось держать под постоянным огнем важную дорогу Шкодра—Призрен, проходившую через их территорию. Лишь в XVII в. турецким войскам удалось захватить район дороги. Вероятно, после этих кровопролитных боев часть дукаджинских фисов отошла к северу и утвердилась на берегах Дрина, а фисы Шаля и Шош обосновались в самой глубине Северноалбанских Альп, образовав там «Новый Дукаджин». Отдельные группы дукаджинцев частично передвинулись к югу, в долину реки Мат; многие поселились на равнинных землях в Приморье (краина Задрима) и снова на востоке, в Метохии. С течением времени дукаджинцы расселились по всей северной Албании. Однако более компактные их массивы сохранились до сих пор к югу и частично к северу от Дрина, а также в глубине Северноалбанских Альп (краины Шаля и Шош — Новый Дукаджин).

Словом malësi в современном литературном албанском языке обозначается горная область вообще. Однако Р. Зойзи подчеркивает, что в народной традиции существует название Malësia, под которым объединяется ряд горных краин в области Северноалбанских Альп. Malësia (производн. от mal) включает в себя группу «гор», каждая из которых представляет собой определенный коллектив мальсоров — горцев (9 «гор» Большой Мальсии и 3 «горы» Малой Мальсии). Характерно, что мальсоры частично расселились и в равнинных районах, в частности вокруг Шкодранского озера, а в XIX в. и на побережье Адриатического моря.

В XII в. вся эта территория, согласно историческим документам, входила в состав принципата Polatum, считавшегося владением феодальной династии Шпана. Название Pult до сих пор сохраняется в топонимике северной Албании, хотя границы современной краины Пульт никак не соответствуют пределам средневекового княжества.

По народным преданиям, население Мальсии состоит из двух слоев. Старейший — это земледельцы долин, представляющие остатки населения средневекового Polatum. Однако преобладающую часть жителей Мальсии составляют собственно «мальсоры» — горцы-скотоводы, переселившиеся в область Северноалбанских Альп. Отгонное скотоводство испокон веков составляло основу хозяйственной деятельности фисов Кельменд (Kelmend), Шкрель (Shkrel), Кастрат (Kastrat), Хот (Hot), Груда (Gruda), Красниче (Krasniqe). Два-три столетия тому назад они еще вели кочевой образ жизни. Фисы эти устойчиво сохраняли родо-племенную организацию и отличались своей воинственностью. Переселения их, вероятно, совершились до XIII в., так как в XIII—XIV вв. о них уже встречаются упоминания в исторических документах, касающихся северной Албании. Многочисленные устные предания горцев Мальсии содержат рассказы о приходе их с севера, об обстоятельствах переселения отдельных фисов, об их столкнове-

ниях с коренными жителями, о борьбе за пастбища. От других албанцев-северян мальсоры заметно отличаются целым рядом этнографических особенностей.

В XVII в. в область Северноалбанских Альп переселились, как уже было отмечено выше, большие группы дукаджинцев. Фис Мертур занял территорию на правом берегу Дрина и вдоль одного из его притоков, рядом с мальсорским фисом Никай; группа Шаля и Шош проникла в самый центр высокогорной области, поселившись в долине речки Лешница; южнее их расположились Гимай (Gimaj) и Лекай (Lekaj). Мальсия, таким образом, оказалась разделенной на две части новым Дукаджином. Северо-западная часть, состоявшая из 9 «гор», получила название Большой Мальсии (Malsia e Madhe); юго-восточная часть (3 «горы»: Красниче, Гаш — Gash, Бютюч — Bytyç) — Малой Мальсии (Malsia e Vogël), или Джяковской Мальсии (Malsia e Gjakovës). Большая Мальсия, примыкающая к Шкодре, устойчиво сохраняла старые традиции и унаследованную от предков католическую религию. Население Джяковской Мальсии, принявшее магометанство, в большей мере подверглось турецким влияниям. Благодаря этому непосредственные связи между двумя Мальсиями оказались нарушенными. Но в то же время развились связи и взаимовлияние между соседними Большой Мальсией и Новым Дукаджином, объединявшимися общностью религии, относительно более устойчивым сохранением элементов родо-племенной организации, экономическим тяготением к Шкодре, а также общностью позиции сопротивления по отношению к турецким властям.

В своем исследовании Рок Зойзи представил картину исторического развития старых территориально-этнографических объединений северной Албании. Установленные им факты важны не только для дальнейшей разработки проблемы этногенеза албанцев, но и для исторической диалектологии албанского языка. В частности, когда речь идет о выделении на основе лингвистических признаков особого дукаджинского диалектного типа, материалы исторической этнографии дают добавочную аргументацию этого положения; так же и при определении положения говора Мирдиты, на дукаджинскую основу которого наслоились признаки среднегегского диалектного типа, ставшие в дальнейшем доминирующими. Старое этнографическое единство Гегнии, ее положение в центре Албании, ее богатое историческое прошлое дают известные основания для объяснения того, почему именно эта часть диалектного ареала стала главным очагом распространения языковых инноваций. Так же и для изучения более частных вопросов северноалбанской диалектологии этнографическое членение гегской территории, установленное Роком Зойзи, может иметь существенное значение.

Тем не менее далеко не все различия, отмечаемые внутри гегской диалектной области, могут найти историческое объяснение в свете этнографических данных, принадлежащих сравнительно отдаленному прошлому и частично связанных с отношениями родового строя. Как показывают памятники северноалбанской письменности XVI—XVII вв. и данные исторической диалектологии, гегский диалект обладал в то время значительно большей степенью единства, чем в последующую эпоху. Инновации, нарушившие унаследованное единство гегской речи, в основном развились относительно поздно, в XVIII в., частично даже в XIX. Возникшее диалектное членение уже не соответствовало старому этнографическому членению северноалбанской территории. Определенную роль в развитии диалектных отношений внутри гегского лингвистического ареала сыграло выделение и обособление экономических зон, что было связано, с одной стороны, с некоторым оживлением экономической жизни страны, но, с другой стороны — с региональным характером этого процесса. Именно в таких условиях определились специфические черты говоров северо-восточногегской диалектной зоны, находившейся в сфере экономического влияния городских центров Метохии. Резкое своеобразие среднегегского диалектного типа развилось в условиях изоляции долин Мата и Черного Дрина, притом при относительно высоком уровне экономического развития этих густо населенных районов внутренней Албании.

Наконец, особую проблему составляет образование южногегской народно-разговорной койне. Сложившись на основе эльбасанского говора, эта койнэ распространилась из долины Шкумбина на всю приморскую зону — вплоть до Шкодры. Объяснение этому факту не приходится искать в старых этнических отношениях, но в исторической обстановке, сложившейся к XVIII в. в этой части албанской территории. Повышение уровня развития торговли и ремесленного производства в городах и уровня сельского хозяйства на плодородных землях долины Шкумбина и соседних с нею долин, увеличение количества городского и сельского населения, стремление к концентрации территорий, проявившееся в политике боровшихся друг с другом крупных феодалов — пашей Шкодры и Тираны, и, наконец, расширение границ государства шкодранских Бушатов — все это способствовало утверждению значимости народно-разговорной койне, в основу которой лег эльбасанский говор, издавна славившийся в качестве образцового типа речи.

В актуальном членении северноалбанского диалектного ареала в первую очередь отразились именно такого рода исторические обстоятельства. С учетом лингвистических признаков этого членения построена предлагаемая ниже классификация гегских говоров.

Классификация гегских говоров

Значительная дифференцированность гегской диалектной области уже на первых этапах изучения подсказывала необходимость составления хотя бы приблизительной классификационной схемы.

Деление по географическому признаку — северногегские, восточногегские и южногегские (или среднеалбанские) говоры — казалось наиболее удачным в методическом отношении и было принято всеми албановедами в начале 1900-х годов (Г. Вейганд, Н. Йокль и др.), иногда с попытками некоторой детализации, например с выделением особых — северо-западной и северо-восточной — групп гегских говоров. Однако содержание терминов «северногегский» и «южногегский» нередко очень сужалось. Так, под термином «северногегский» понимался иногда только городской говор Шкодры, а под термином «южногегский» или «среднеалбанский» — говор Эльбасана и близкие к нему говоры городов центральной Албании — Тираны и Дурреса.[10] Однако речь Шкодры и Эльбасана, хотя и типичная для соответствующих диалектных областей, не дает представления о разнообразии и специфических особенностях сельских говоров горных краин, примыкающих к этим городам.

Некоторые попытки уточнения классификации гегских говоров были сделаны М. Ламберцем, хотя в силу недостатка фактических данных он не вышел за пределы соображений предварительного характера. Так, в отчете о лингвистической экспедиции 1916 г. он писал: «Гегский диалект, со своей стороны, не представляет единства, но является суммой многочисленных и в лингвистическом отношении очень различных между собой говоров. Говоры Джяковы и Косовы со своими звуковыми, морфологическими и лексическими особенностями составляют группу, от которой близко родственные между собой говоры Мальсии (т. е. горных областей на севере Албании, — *А. Д.*) постепенно ведут к самостоятельному и своеобразному говору Шкодры. Очень сходные между собой диалекты Мирдиты, Люры, Кселы и Мата занимают благодаря своим звуковым особенностям особое место внутри гегской диалектной группы. От них говоры Круи, Тираны и Тиранской Мальсии образуют переход, с одной стороны, к диалекту Дурреса и Эльбасана, а с другой — к тоскскому».[11]

В этом наброске классификации удачно подчеркнута близость мирдитского говора с говорами соседних горных краин —

---

[10] См.: G. Weigand. Albanesische Grammatik im südgegischen Dialekt (Durazzo, Elbassan, Tirana), Leipzig, 1913.

[11] M. Lambertz. Bericht über meine linguistischen Studien in Albanien von Mitte Mai bis Ende August, 1916. (Sonderabdruck aus dem Anzeiger der philos.-hist. Kl. d. Akad. d. Wiss. in Wien, 1916, № XX, стр. 9 и сл.).

Люры, Кселы и Мата, лежащих к востоку и югу от Мирдиты. Следовало бы добавить также о связях всей этой группы говоров с говорами Дибры, относимыми обычно к восточногегскому. Подчеркнуто также наличие постепенных переходов между отдельными группами гегских говоров — от северо-восточных говоров Джяковы и Косова, через говоры горных областей в самой северной части Албании, к западной группе северногегских говоров, представляемых городским говором Шкодры, и от говоров Мата, через говоры Круи и Тиранской Мальсии, к говорам Дурреса, Эльбасана и промежуточной (между гегским и тоскским) диалектной зоны.

Более подробный перечень гегских говоров М. Ламберц предложил в обзоре албанской диалектологии, опубликованном в 1943 г.[12] Принятую ранее классификацию он на этот раз дополнил понятием «среднегегского». Согласно уточненной таким образом схеме, гегская диалектная группа подразделяется на северно-гегскую, северо-восточногегскую, среднегегскую и южногегскую подгруппы.

Однако в некоторых деталях новый вариант, повторенный затем в работе 1959 г.,[13] представляется менее удачным, чем первый. Так, например, говор Мирдиты, который в первом варианте был правильно объединен с очень близкими к нему среднегегскими говорами Мата и Люры, во втором варианте отнесен к северногегским. В группу среднегегских не включен говор Дибры. Не подчеркнут в необходимой степени переходный характер некоторых говоров.

В недавно опубликованном докладе албанский диалектолог Йорги Гьинари предложил новую схему классификации гегских говоров.[14] Согласно этой схеме, гегский диалект подразделяется на два поддиалекта: а) северный и б) гегский центральной Албании. Географическая демаркация между обеими зонами проводится по течению реки Мата. Северногегский распространен по правую сторону от течения Мата, в Мирдите, Пуке, Люме, Хасе, Гьяковской Мальсии, Косове и Метохии, северо-западной Македонии, Дукаджине, Большой Мальсии, в Шкодре и ее округе, а также в районе Краи; гегский центральной Албании распространен по левую сторону от течения Мата, в районах Эльбасана, Дурреса, Тираны, Круи, Матьи, Люры, Пешкопи и Дибры (возможно, не во всех ее районах).[15]

Каждый из этих двух основных поддиалектов в свою очередь делится на более мелкие диалектные единства. Внутри северно-

---

[12] M. Lambertz. Die Mundarten der albanischen Sprache und ihre Erforschung. Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropa, Bd. 7, H. 2—4, 1943.

[13] M. Lambertz. Lehrgang des Albanischen, III, Halle (Saale), 1959, стр. 13 и сл.

[14] J. Gjinari. Essai d'une démarcation dialectale de la langue albanaise. Congrès International des études balkaniques et sud-esteuropéennes. Communication de la délégation de la R. P. d'Albanie. Tirana, 1966.

[15] Там же, стр. 22 и сл.

гегского Й. Гьинари выделяет северо-западную и северо-восточную группы говоров, а внутри гегского центральной Албании — центральногегскую и южногегскую. При этом отмечается, что наиболее характерные особенности говоров центральногегской группы представлены также в говорах Мирдиты, Люмы и северо-западной Македонии, относимых автором к северногегскому поддиалекту.

Это деление вызывает некоторые возражения. Вряд ли следует объединять в одну группу с говорами Эльбасана и Дурреса резко отличные от них и очень своеобразные говоры Мата, Дибры, Люры, представляющие особый диалектный тип (среднегегский). В то же время к одной группе с последними несомненно принадлежат гегские говоры северо-западной Македонии, а также говор Мирдиты, которые Й. Гьинари без достаточных, как мне кажется, оснований называет в числе северных.

В качестве основы классификации, предлагаемой в данной работе, сохраняется деление по географическому признаку: I) северногегские, II) среднегегские, III) южногегские говоры. Северногегские подразделяются на три группы: 1) северо-западногегские, 2) дукаджинские или говоры центрального Подринья, 3) северо-восточногегские говоры.

В отличие от предшествующих схем восточногегские говоры не выделяются в качестве самостоятельной диалектной группы, но распределяются между северногегской и среднегегской группами. Это изменение предлагается с учетом лингвистических особенностей говоров восточной части албаноязычного ареала и исторических условий их образования в период турецкого владычества.

При дальнейшей детализации классификационной схемы очень важно учитывать зоны перехода между отдельными группами говоров и наличие языковых влияний, распространяющихся из области в область в силу определенных причин исторического порядка, а также динамику взаимодействий между говорами, приводивших в ряде случаев к смещению более старых делений и установлению новых. Распределяя говоры северной Албании по группам, нельзя забывать об относительности, текучести лингвистических границ, характерной для всей этой диалектной зоны. Факт этот был уже давно отмечен шкодранским филологом Юстином Рота, тонким знатоком северноалбанской речи, писавшим: известно, что многие из фонетических отличий «являются общими для двух или более краин. Отмечаются различия произношения в одной и той же краине и даже в одной и той же деревне или в одном и том же роду».[16]

Имеет значение локализация говора — в горном районе, на равнине, в городе. В связи с этим предлагается различать говоры

[16] J. Rrota. Letratyra shqype. Shkoder, 1934, стр. 19.

горных краин, равнинные и городские. Иногда бывает важен также момент конфессиональной принадлежности населения соответствующих районов. Конфессиональная принадлежность была в свое время одним из факторов, определявших языковые связи и расхождения внутри отдельных диалектных зон. В Шкодре и Эльбасане конфессиональные различия групп населения приводили к созданию особых разновидностей городского говора.

При рассмотрении явлений, присущих различным гегским говорам, в качестве отправной точки для сравнения в настоящей работе взято понятие общегегского состояния диалекта. В соотношении с ним выделяются как инновации, так и консервативные признаки отдельных говоров.

Состояние это, пройденное всеми гегскими говорами, может быть реконструировано путем их сравнительного анализа. Результаты такой реконструкции практически почти совпадают с состоянием языка, засвидетельствованным в памятниках старогегской письменности XVI и первой половины XVII в. (произведения североалбанских авторов — Гьона Бузука, Пьетера Буди, Франга Барди). Поэтому термины «общегегское» и «старогегское» почти синонимичны.

СЕВЕРНОГЕГСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗОНА

Северногегский диалектный ареал охватывает высокогорные области Североалбанских Альп и бассейна объединенного Дрина. К этому центральному массиву на западе примыкают земли Шкодранской котловины (gropa e Shkodrës) — вокруг Шкодранского (Скутарийского) озера, также в низовьях Дрина и вдоль течения Буны (Бояны), соединяющей озеро с Адриатическим морем. На берегу озера, посреди плодородной низины лежит город Шкодра, старинный и самый большой центр северной Албании. На востоке северногегский диалектный ареал распространяется на районы албаноязычных поселений в Старой Сербии — автономный край Косово и Метохия Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Горные краины на севере Албании в относительно недалеком прошлом соответствовали территориям родо-племенных коллективов, фисов. Живя на склонах неприступных гор и в глубоких долинах, протянувшихся вдоль прорезающих горы стремительных потоков, североалбанские мальсоры (горцы) веками пасли свои стада, возделывали клочки пахотной земли, хранили законы и обычаи родового строя и защищали свои горы от вторжения турецкой военной администрации. Немало пережитков родового строя и теперь еще продолжает сохраняться в быту жителей

наиболее удаленных от центров горных краин. В памяти народа еще живут остатки старых отношений между родственными и неродственными фисами; местами продолжают соблюдаться традиции заключения браков только между членами определенных фисов, исторически связанные с запретами браков внутри экзогамных коллективов.

Как общее для всего ареала культурное наследие, в горах северной Албании и до сего дня продолжает жить искусство устной народной поэзии. И сейчас еще звучат старинные эпические песни о богатырях (këngët e kreshnikëvet), а народные рапсоды до сих пор слагают в старинной манере песни на исторические темы, исполняя их под звуки лахуты или чифтели. В прошлом это искусство играло еще бо́льшую роль в жизни горцев, сопровождая все ее течение. Именно поэтому язык народной поэзии — устно-поэтическая койне, сложившаяся в центральных краинах северноалбанской горной области, с давних пор приобрел значение наддиалектной нормы, оказывавшей определенное влияние на живую диалектную речь. Северноалбанская устно-поэтическая койне в основных своих признаках соответствует старогегскому состоянию, от которого в той или иной степени отошли современные гегские говоры. Говоры отдельных горных краин северной Гегерии различаются между собой степенью близости к старогегскому состоянию, отраженному в нормах устно-поэтического языка. Эта близость устойчивее сохраняется в центре ареала и сильнее размыта инновациями на периферии. Инновации проникали из западных и восточных районов, а также с юго-востока — из среднегегской диалектной зоны.

На равнинных землях западной и восточной окраин северной Гегерии характер расселения был иным, чем в горах. Как в Шкодранской низине, так и в Косове и Метохии население деревень формировалось на протяжении нескольких столетий в основном из представителей различных северноалбанских фисов, спускавшихся из горных областей на равнины. Смешанным по происхождению, естественно, явилось и население городов. Диалектная речь, первоначально соответствовавшая в своих основных чертах унаследованному старогегскому состоянию, в новых условиях расселения ее носителей оказывалась в бо́льшей степени подверженной развитию инноваций, хотя наддиалектная норма северноалбанской устно-поэтической койне в старой Албании сохраняла свой престиж даже в городах. Последнее определялось значительной ролью, которую вооруженные горцы, посещавшие базары таких городов, как Шкодра, Призрен, Джякова, Печ, Вучитерн, и поддерживавшие отношения со своими городскими родственниками и свойственниками, играли не только в экономике, но и в политической жизни этих городов в период турецкого владычества на Балканах. Со своей стороны города, как центры экономического притяжения для жителей горных краин, оказы-

вали сильное влияние на последних не только в хозяйственном и культурном отношении, но также и в языке.

С запада, востока и юго-востока (Дибра) в горные краины северной Албании проникали речевые инновации, нарушавшие единство унаследованного старогегского состояния. Соотношение этих влияний, скрещивавшихся в центральной части северногегского ареала, дало основания для его диалектного членения. Влияния Шкодры, с одной стороны, и городов Косово-Метохийского края — с другой, исторически определили сложившееся в эпоху турецкого владычества деление северногегской диалектной зоны на западную и восточную части. Линия раздела, определяемая на основании одного из наиболее релевантных фонетических признаков (см. ниже), проходит по горным перевалам Кяфа е Малит (Qafa e Malit) и Кяфа е Кумбулэс (Qafa e Kumbullës) в центральной части Североалбанских гор. Влияние среднегегской диалектной зоны, проникавшее с юга, из долины Черного Дрина, в некоторой степени проявилось в говорах горных краин, лежащих в бассейне объединенного Дрина, создав в этом районе участок речи переходного типа. В этом отношении особенно характерен говор краины Никай и Мертур (Nikaj e Mertur), вообще относящийся к северо-восточногегскому ареалу, но обнаруживающий при этом черты перехода не только по отношению к северо-западным говорам соседнего Дукаджина, но также и к говорам среднегегской зоны.

Ниже предлагается классификация говоров северногегской зоны, составленная с учетом изложенных соображений.

А. Северо-западная группа подразделяется на а) говор горцев, населяющих западную часть Североалбанских Альп и северо-восточную часть бассейна Шкодранского озера. Этот говор может быть назван говором Большой Мальсии; б) говор албанского населения области Краи в Черногории (к западу от Шкодранского озера); в) говор горцев центральной части Североалбанских Альп и средней части бассейна объединенного Дрина. Для этой подгруппы предлагается название «дукаджинская»; г) говоры равнинных районов вокруг Шкодры; д) шкодранский городской говор (в его двух разновидностях).

Б. Северо-восточная группа подразделяется на а) переходные говоры восточной части бассейна объединенного Дрина; б) косовско-метохийский говор.

Северо-западная группа гегских говоров

Говоры Большой Мальсии

Само название Malsia — производное от mal 'гора' — говорит о том, что это область в горах и жителями ее являются горцы — мальсоры (malsorë). Горцы Большой Мальсии (Malsia

e Madhe) исторически объединялись в ряд родо-племенных коллективов — фисов. Эпитет «e Madhe» ('Большая') иногда воспринимается как оценка величины и значимости таких фисов, как Kelmend, Hot, Gruda, игравших видную роль в политической жизни северной Албании периода турецкого владычества.

Группу Большой Мальсии составляют албанские фисы Хот и Груда по среднему течению реки Цем (Сем, Циевна в Черногории), южнее города Титоград (Подгорица) — на территории Югославии, большой фис Кельменд, населяющий высокогорные долины верхнего течения рек Цем и Лим — на крайнем севере албанской территории; к фису Кельменд принадлежат также жители селения Бога (Boga) — в долине потока Prroni i Thatë ('Сухой Ручей'); в соседстве с Бога лежит область фиса Шкрель. Несколько западнее, на склонах гор, обращенных к Шкодранскому озеру и на прибрежной равнине — территория фиса Кастрат. Далее к югу — мелкие группы: Лохья (Lohja,) Реч (Reç) и Рйол (Rrjoll). Согласно местной традиции, все эти объединения горцев часто именуются Пришкодранской Мальсией (Malsia e Mbishkodrës).

В XVII в. фисы Большой Мальсии объединились в союз. Этот союз имел целью вооруженную борьбу против турецкой военной администрации, стремившейся распространить свою власть на непокорные горные области.

Основное занятие этих, как и других албанских горцев, — скотоводство. С незапамятных времен они летом пасли свои стада на горных лугах (bjeshkat), а к зиме спускались с ними на приморские равнины. Часть горцев Большой Мальсии в XIX в. осела на равнине, образовав ряд сел в низовьях Буны (Бояны), Дрина и Мата. И на новых местах эти бывшие горцы продолжают сохранять свои бытовые особенности, старинные костюмы, а также говор (в условиях некоторого взаимодействия с речью старых жителей северноалбанской низменности). Преобладающая часть горцев Большой Мальсии католики.

Говор Большой Мальсии, представляющей собой одну из окраин гегской диалектной зоны, обладает некоторыми архаическими особенностями и в то же время обнаруживает характерные инновации. Так как он до сих пор не описан, основные сведения о его особенностях приходится извлекать из записей фольклора.

В области вокализма несомненным архаизмом является сохранение дифтонга *uo*, перешедшего в других гегских говорах в *ue* (и далее в *ū*). Чаще представлены формы с раскрытием второго элемента: *uo* > *ua*. Эта консервативная особенность хорошо прослеживается в некоторых записях фольклорных текстов. Так, в песне «Murimi në Kala» [17] представлены формы: grua (лит. г.

[17] Këngë popullore legjendare. Tiranë, 1955, стр. 10 и сл. Эта песня впервые была опубликована в журнале «Hylli i Dritës» (Shkodër) в 1930 г. с общим указанием «Malsija e Madhe», без более точной локализации.

grue) 'женщина', причастия (в составе аналитических глагольных форм) fillua (от filloj 'начинаю'), shkua (от shkoj 'иду'), kallxua (от kallxoj 'рассказываю'), инфинитив me shkua и др. Аналогичную картину дают записи эпических песен, сделанные недавно (уже в 50-е годы) в деревнях близ Лежа (Lezh) и в районе Брегу и Матит (Bregu i Matit), где живут переселенцы из Большой Мальсии. Например, инфинитивные формы: me martua 'женить', me shkua 'пойти' и др.[18] М. Ламберц в своей записи эпической песни из Груды, произведенной в 1916 г., наряду с общегегскими формами me pušue 'отдыхать', me škue 'пойти', nuk due 'не хочу', me mue 'со мной' зафиксировал формы krua 'источник', me kaluå 'пройти'.[19] Вероятно, произношение дифтонга *ue* было данью устно-литературной языковой традиции, связывавшей исполнителя песни; формы же krua, me kaluå проскользнули из живой речи. Форма me kaluå (с открытым *o* в качестве второго элемента дифтонга) является остатком более ранней фазы произношения этого дифтонга; в текстах XVI и начала XVII в., происходящих из гегской диалектной области, еще зафиксировано произношение *uo*, например у Бузука: me u shumuom 'умножиться', gruoja 'женщина'; у П. Буди: me mbaruom 'окончить', për të mpsuom 'чтобы учиться' и др. Э. Чабей сообщает, что в северной части диалектного ареала Большой Мальсии он зафиксировал произношение *uo*, в то время как южнее (селение Bajzë краины Кастрат) произносят «более открытый звук, нечто среднее между *uo*, *ua* и *ue*, приблизительно *uå*».[20] Это наблюдение он подтверждает и фактами, извлеченными из архивных фольклорных материалов. Так, в текстах, записанных в краине Хот: Deli Meta fjalë ka çuo 'Дели Мета слово послал', ke gabuo 'ты ошибся', tue mrizuo 'отдыхая в тени', thuoj karvanit 'скажи каравану', kërset pushka në Prruo t'thatë 'гремит ружье в Сухом Ручье'; в тексте из Дуцай (Ducaj, краина Шкрель): u martua 'женился'. Э. Чабей констатирует, что изоглосса сохранения старого дифтонга *uo*, частично с раскрытием его в *ua*, характерна не только для северо-западных гегских говоров, но проходит и далее к востоку — по всей северной окраине албаноязычного ареала.[21]

К числу инноваций следует отнести значительное отодвижение назад долгого *ā* (как носового, так и неносового), сопровождаемое лабиализацией. Результат: очень глубокое открытое долгое *ō*. М. Ламберц, кратко отмечая особенности говора племени Груда, говорит о «замутнении» (Verdumpfung) и назализации долгого *ā*

---

[18] Këngë popullore legjendare, стр. 34, и сл.; 65 и сл.; 111 и сл.

[19] M. Lambertz. Albanische Märchen. Akad. d. Wiss. in Wien. Schriften der Balkankomission, Linguist. Abt. XII, Wien, 1922, стр. 176 и сл.

[20] E. Çabej. Diftongje e grupe zanoresh të Shqipes. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 3, стр. 77 и сл.

[21] Там же, стр. 78.

и приводит примеры: pą̊ša 'наша', ką̊fe 'кофе', ką̊m 'я имею' и др.[22] В записи эпической песни из деревни Lofka (Gruda) Ламберц пользуется для передачи этого звука знаками *ą* и *o* (kąn 'они имеют', kom 'имею', osht 'есть').[23] Возможно, что в произношении исполнителя песни наблюдались известные различия в степени лабиализации гласного. Мой опыт наблюдения над особенностями северо-западной гегской речи говорит о наличии в этих случаях очень заднего и сильно лабиализованного долгого *ā*, практически переходящего в открытое глубокое *ǭ*. Сам Ламберц отмечает, что в говоре Груды тенденция к «замутнению» (Verdumpfung) ударенного долгого *ā* заходит в своем действии еще дальше, чем в говоре Шкодры;[24] в Шкодре же эта тенденция выражена достаточно ярко.

В области консонантизма консервативной особенностью, характерной вообще для всех северо-западных говоров, является сохранение рефлексов старых сочетаний kl, gl в виде особых сочетаний слегка палатализованного заднеязычного смычного с неслоговым *i̯*: ki̯ai̯ 'пла́чу' (< klanj), ki̯oftë 'пусть будет' (< kloftë), gi̯uha (< gluha) 'язык' и др. В южной части гегского диалектного ареала эти сочетания отражены как среднеязычные смычные.

Старые среднеязычные смычные, с которыми в южногегском совпали рефлексы kl и gl, в северо-западных (и дукаджинских) говорах перешли в среднеязычные аффрикаты.

В качестве специфической особенности говора следует отметить двоякий результат изменения сложных фонем *mb*, *nd*. С одной стороны, как в большинстве гегских говоров, ассимилирующее воздействие оказывает первый элемент, благодаря чему на его месте появляются долгие носовые сонанты, которые могут затем сокращаться: knnon, knon (këndon) 'поет', me mennue (me mendue) 'думать', me marue (me mbarue) 'оканчивать' и др. Но наряду с этим отмечаются случаи утери носового приступа при сохранении и оглушении неносовой смычки. Это явление, специфичное для говоров Большой Мальсии, впервые отметил М. Ламберц в говоре Груды, приведя в качестве иллюстрации формы me püt (шкодр. me müt, лит. г. me mbyt) 'убивать, душить', me ktue (шкодр. me knue, лит. г. me këndue) 'петь'.[25] Ю. Рота также выделяет его в качестве характерной особенности говоров Пришкодранской Мальсии. Он дает примеры: me pytë t'ujë (лит. г. me mbyt ndë ujë) 'утопить в воде', dhëpalla (dhëmballa) 'коренной зуб', e tesha pi rrugë atejna (e ndesha mbi rrugë andejna) 'я встретил его по дороге оттуда', âtra (ândra, т. ëndra) 'сновидение'. Рядом он при-

---

[22] M. L a m b e r t z. Bericht über meine linguistischen Studien, стр. 7.
[23] M. L a m b e r t z. Albanische Märchen, стр. 176 и сл.
[24] M. L a m b e r t z. Bericht über meine linguistischen Studien, стр. 7.
[25] Там же.

водит образцы более обычного для гегской диалектной зоны изменения: sen (send) 'предмет', nokush (ndokush) 'кто-либо', Nue (Ndue) собственное имя (Антон), nânë (nândë, т. nëntë) 'девять'.[26] В тексте песни «Murimi në kala» мы находим: kanë kuvetua (kanë kuvendue) 'они разговаривали', наречие kutrual (kundruell) 'напротив', prej dhipës (dhimbës) së kresë mzi pahem (mbahem) në kamë (kambë) 'от боли головы еле держусь на ногах' и др.[27] Э. Чабей отмечает также случаи изменения $nd > d$, $mb > b$ без потери звонкости. Так, в тексте песни из Сельца (Selcë, краина Кельменд): daj Vermoshit (ndaj Vermoshit) 'к Вермошу, в направлении к Вермошу', barrë (mbarrë) 'позор'.[28]

Очень большой степени интенсивности достигает процесс смешения фонем *dh* [*đ*] и ll [*ł*], наблюдаемый и в других гегских говорах. Акустически эти фонемы оказываются очень близкими и фактически чаще всего *ll* [*ł*] подменяет собой *dh* [*đ*]. Например: ą drełun (âsht dredhun) 'повернулся', eļe (edhe) союз 'и', a iłnuę (âsht idhnue) 'разгневался', un kom nołun vetun (unë kam ndodhun vetëm) 'я оказался один', u ka łanun (u ka dhânun) 'он им дал', ka mleł (ka mbledh) 'он собрал' и др.[29] По-видимому, фонетически основанием для такой подмены является очень сильная степень веляризации, характерная как для *ll* [*ł*], так и для *dh* [*đ*].

Вообще, надо заметить, что для некоторых гегских говоров ярко выраженная тенденция к веляризации целого ряда согласных является существенной особенностью произношения. Дж. Лоумэн, исследовавший фонетический состав шкодранского говора, отмечает «темный» (dark) или велярный характер не только звуков [*ł*] и [*đ*], но также носовых *m* [*m*] и *n*[*n*], развившихся из *mb* и *nd*.[30] Эта дополнительная артикуляция соответствующих согласных без сомнения присуща и речи горцев Большой Мальсии. Сильная отодвинутость назад долгого *a*, сопровождаемая его лабиализацией, о которой была речь выше, вероятно также связана с этой общей установкой артикуляционной базы, определяющей весь тип произношения, характерный для данного говора.

Обращают на себя внимание формы с выпадением шипящего перед переднеязычным смычным: ite (ishte) 'он был' (3-е л. ед. ч. имперф.), kite (kishte) 'он имел'. Также с выпадением аффрикат: mit 'друзья' (< mičt, лит. miqt).[31]

В области грамматики для говоров Большой Мальсии, как и для многих других северногегских и восточногегских говоров,

---

[26] J. Rrota. Letratyra shqype, стр. 18.

[27] K. pop. legjend., стр. 10 и сл.

[28] E. Çabej. Për historinë e konsonantizmit të gjuhës shqipe. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 1, стр. 37.

[29] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 176 и сл.

[30] G. S. Lowman. The Phonetics of Albanian. Language, VIII, № 4, 1932, стр. 277 и сл.).

[31] M. Lambertz. Bericht über meine linguistischen Studien, стр. 7.

характерно образование описательных форм перфекта и плюсквамперфекта непереходных глаголов со вспомогательным глаголом jam 'быть'. Например: at'her Temku ite škue 'тогда Темку пошел', e n'obor ite hi. . . 'и вошел во двор. . .' [32] и др. В большинстве албанских говоров, а также в литературном языке, правилом является употребление вспомогательного глагола kam 'иметь' как при переходных, так и при непереходных глаголах.

Нет сведений относительно того, в какой степени указанные особенности распространены во всех частях ареала Большой Мальсии. Можно предполагать, что изоглоссы отдельных явлений проходят относительно независимо одна от другой и пересекаются изоглоссами соседних ареалов. Колебания в проведении того или иного явления наблюдаются, вероятно, не только от селения к селению, но и в речи одного и того же лица, как об этом свидетельствуют фольклорные записи. Горцы Большой Мальсии были всегда тесно связаны с горцами соседнего Дукаджина (отношения свойства, совместное участие в военных походах, встречи на пастбищах и др.), а также с населением Шкодры и окружающих ее равнин. В этих условиях речевое взаимодействие всегда было довольно интенсивным, что не могло не приводить к стиранию резких различий между отдельными говорами горных областей северо-западной Албании и Шкодранской низины (gropa e Shkodrës). Кроме того, следует учитывать влияние языковой нормы устной народной поэзии. Эта норма в основных своих чертах ближе всего соответствует типу соседних с говорами Большой Мальсии дукаджинских говоров (см. ниже), что несомненно должно было усиливать позицию последних в процессе диалектного взаимодействия.

Говор Краи

Об албанском говоре Краи (Krajë) — гористого района, лежащего между Шкодранским (Скадарским) озером и Адриатическим морем (на территории Югославии), — до последнего времени сведений было очень мало. Ю. Рота более 30 лет тому назад отметил в качестве характерных следующие фонетические особенности этого говора: 1) отсутствие назализации гласных; 2) изменение *mb* > *m*, *nd* > *n*; 3) при смешении фонем *dh* [*đ*] и ll [*l*] произношение *dh* подменяет собой произношение *ll*: fëdhanxat (fëllanzat) 'куропатки', modha (molla) 'яблоко', i gjadhë (i gjallë) 'живой'; 4) переход ft > tht — mjatht (mjaft) 'достаточно', batht (baft) 'судьба' (тур. baht), также thmije (fmije) 'дитя'.[33] Из приведенных Ю. Ротой примеров ka maruo 'окончил', duhet me nigjuo 'надо послушать' можно было заключить также о сохранении старо-

[32] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 176 и сл.
[33] J. Rrota. Letratyra shqype, стр. 19.

албанской формы дифтонга *uo* (лит. г. *ue*). В тексте песни, записанной в Крае (Krajë), представлены формы с *ua*: mua (mue) 'мне', qofsh bekua (qofsh bekue) 'да будешь благословен', dua (due) 'хочу', me je kërcnua (kercnue) 'ты мне угрожал' и др.[34]

В 1961 г. появилось специальное исследование Идриза Айети, посвященное говору албанской колонии Арбанас (Arbanas, бывш. Борго Эриццо — Borgo Erizzo, близ Задара).[35] Особый раздел этой работы посвящен говору Краи, с которым сравнивается речь переселенцев, покинувших крайские села Бриско (Brisko) и Шестан (Shestan) в начале XVIII в. И. Айети дает обстоятельное описание фонетических и морфологических особенностей говора Краи, частично подтверждая, а частично исправляя и дополняя наблюдения Ю. Роты. На основании этих более полных и точных сведений мы можем заключить, что говор Краи, подобно другим северо-западным гегским говорам, наряду с архаическими чертами обнаруживает также некоторые инновации.

В области вокализма для него характерны 1) сохранение старого дифтонга *uo*; 2) частичная деназализация гласных, которой подверглись только *ū*, *ȳ*, *ē*, *ī*. Назальное *ā̄* сохраняется: me bā̄ 'делать'. В некоторых словах носовое *ā̄* иногда переходит с утерей назальности в краткий гласный смешанного ряда, соответствующий тоскскому *ë*. Соответственно формы bāń и bëń 'я делаю' употребляются параллельно. В форме 3-го л. ед. ч. наст. вр. глагола «быть» *ā̄* никогда не произносится; *произносится ë, иногда i*: ëšt i mir *или* išt i mir '*он хорош*' (ср. шкодр. ãšt i mir); 3) лабиализация долгого *ā*, дающая гласный, средний между *a* и *o* — vlā̊ 'брат', me rā̊ 'упасть', nā̊t 'ночь'.

В области консонантизма характерны 1) сочетания ki̯, gi̯, отражающие старые kl, gl — ki̯ēn (< klenе) 'они были', i gi̯at (< glatе) 'длинный', gi̯uh (< gluhе) 'язык'; 2) сохранение в конце слова среднеязычного носового — bāń, bëń 'делаю', r̃noń 'живу'; 3) изменение *nd* > *n*, *mb* > *m* — masanei (< mbasandei) 'затем', šnoš (< šendoš) 'здоровый'. Однако в деревнях Бриско и Шестан в произношении стариков до сих пор еще слышатся *nd*, *mb* — mbret, katund, šëndoš; 4) переход *đ* > *ł*: uła e mār 'добрый путь' (лит. udha), łi e đen (лит. dhi e dhen) 'козы и овцы', pesłet (pesdhet) '50' и др. И. Айети считает, что жители Бриско и Шестана не различают фонем *đ* и *ł*. Наблюдение Ю. Роты, отметившего произношение *đ* вместо *ł*, он считает неточным. Можно полагать, что существенного противоречия между наблюдениями двух ученых все же нет. Видимо, процесс смешения акустически сходных (благодаря очень интенсивной велериза-

---

[34] Këngë popullore historike. Tiranë, 1956, стр. 260 и сл.

[35] I. A j e t i. Istorijski razvitak gegijskog govora Arbanasa kod Zadra. Sarajevo, 1961 (Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Balkanološki Institut, knj. 3).

ции) согласных — звонкого интердентального спиранта и латерального сонанта — зашел настолько далеко, что действительно произошло совпадение их в одной фонеме. Различие акустического эффекта — ближе к [*đ*] или к [*ł*] — принципиального значения не имеет, хотя наблюдения И. Айети, по-видимому, более точны; 5) явно выраженная тенденция к превращению *f* > ϑ: me ńōϑt (< me ńoft) 'знать', priϑti (< prifti) 'священник', ϑmī, f(ë)mi 'дитя', me luϑtuo, me luftuo 'сражаться' и др.

Все эти особенности в основном характерны и для говора переселенцев, образовавших в начале XVIII в. «арбнешскую» (албанскую) колонию Арбанас близ Задара (Борго Эриццо). Говор этой колонии привлек к себе внимание уже давно и ему были посвящены специальные исследования Г. Вейганда [36] и К. Тальявини.[37] Однако работа И. Айети дает значительно более полную и детальную картину этого говора, вызывавшего к себе до сих пор особый интерес, поскольку он мог служить источником сведений о неизвестном прежде говоре Краи. В работе Айети говор Краи и производный от него говор села Арбанас впервые представлены в сопоставлении, что позволяет установить историческую перспективу развития каждого из них.

Для говора переселенцев характерно, так же как и для говора Краи, сохранение старого дифтонга *uo*, частично перешедшего в *ua*. Так, из семи текстов, записанных со слов жителей села,[38] три имеют формы с *uo*: gruo 'женщина', me kërkuo 'искать'; четыре — формы с *ua*: me punua 'работать', me kёndua 'петь'.

Сохраняется произношение *mb*, *nd*: mbromie 'вечер', me kёndua 'петь'. Сохраняется также среднеязычный носовой в конце слова: punoń 'работаю' (ср. литер. punoj).

Утеря назализации гласных проведена в говоре переселенцев более последовательно, чем в говоре Краи. Ей подверглось также долгое носовое *ā*: rān-a 'песок' (ср. лит. г. rân-a), sān 'сено' (лит. г. sânë); с лабиализацией: me bǭ 'делать' (лит. г. me bâ), zǭ 'голос' (лит. г. zâ). Лабиализация долгого *ā* проведена последовательно. Так, в одном из текстов: kō ārd Koleci nī mbromie pě pazórit mě gomōr (= ka ardhë Koleci një mbrâmje prej pazarit me gomar) 'пришел Колец однажды вечером с базара с ослом'.

Переход звонкого интердентального щелевого в веляризованный латеральный сонант (*đ* > *ł*) был, по-видимому, завершен еще до переселения. Специфическая инновация говора переселенцев — это утеря фонетического различия между двумя типами латераль-

---

[36] G. Weigand. Der gegische Dialekt von Borgo Erizzo bei Zara in Dalmatien. Jahresber. des Instituts für rumänische Sprache in Leipzig, Bd. 17/18, 1911.

[37] C. Tagliavini. L'Albanese di Dalmazia, contributi alla conoscenza del'dialetto ghego di Borgo Erizzo presso Zara. Firenze, 1937.

[38] I. Ajeti. Istorijski razvitak gegijskog govora, стр. 148 и сл.

ных — веляризованным и палатализованным. В речи представителей младших поколений существует только одна фонема *l*, представленная «средним или европейским *l*». В отличие от общеалб. mola (molla) молодые говорят только mola; произношение [mola] можно услышать лишь у людей старших возрастов. Изменение это имеет общий характер и переходом охвачены также те слова, в которых *l* являлось результатом субституции звонкого интердентального спиранта, например: ūl 'дорога' (лит. udhë), ele (лит. edhe) 'и', pēnin te barl (лит. të bardhë) 'белую нитку'.

Как характерную инновацию можно отметить подмену глухого интердентального щелевого ϑ сибилянтом *s*: mĕ sōt (лит. më thotë) 'мне говорит'. Это распространяется и на те случаи, где ϑ получено из *f*. Оба типа произношения пока сосуществуют, и форма priϑ(t) 'священник' (< prift) еще употребляется наряду с pris(t). И. Айети реконструирует следующий ход эволюции произношения: ńoh 'знаю' > ńof > ńoϑ > ńos. Старая форма ńoh представлена в тоскских говорах и основанной на них форме литературного языка, ńof — в большинстве гегских, ńoϑ — в говоре Краи и наконец форма ńos, наряду с ńoϑ, — специфическая инновация изолированного говора села Арбанас в Югославии.

Помимо инноваций в области фонетики (здесь отмечены наиболее значительные), этот говор обнаруживает некоторые изменения в морфологии, направленные в сторону упрощения и аналогизации отдельных парадигм. Самое существенное из них — это ликвидация сигматических форм в аористе и замена их продуктивными новообразованиями. Так, литературным формам 1-го л. ед. ч. аориста rashë 'я упал', pashë 'я увидел', dhashë 'я дал', thashë 'я сказал', lashë 'я оставил' в говоре соответствуют rova, pova, dhuva, sova, luva (по типу punova); новая форма kejta заменила старую форму 1-го л. ед. ч. аориста от глагола «быть» (ср. лит. qeshë). Характерно также устранение нерегулярного образования форм мн. ч. от слов женск. р. dōr 'рука' и dēr 'дверь'. Ср. лит. ед. ч. dorë — мн. ч. duar-t, duer-t; derë — мн. ч. dyer-t. В арбан. говоре: dōr — мн. ч. dora-t, dēr — мн. ч. dera-t (по типу ед. ч. vājz 'девушка' — мн. ч. vajza-t). Свобода в проведении подобных новообразований аналогического характера обеспечивается полной изоляцией говора от широкой албаноязычной среды и отсутствием какого-либо влияния литературной нормы.

Дукаджинские говоры

Предлагая название «дукаджинские говоры», я не имею в виду установить какую-либо связь между образованием этой диалектной группы и феодальным княжеством Дукаджин (Dukagjin), существовавшим в северной Албании до турецкого завоевания. Границы этого княжества неизвестны, и социальный характер

далеко не ясен. С того времени произошли многочисленные перегруппировки и переселения фисов и их частей; не ясно также, какой степени могло достигать подчинение жителей горных краин власти средневековых феодалов. Также нет оснований отождествлять данный диалектный ареал с территорией санджака Дукаджин — единицы турецкого административного деления, установленного в XVII в. Деление это имело в значительной степени номинальный характер, особенно когда дело касалось высокогорных областей, труднодоступных для турецкой администрации.

В XVII в., как это следует из донесений, направлявшихся в Ватикан католическими епископами северной Албании, Дукаджином именовалась область левобережья объединенного Дрина, вплоть до области Мата на юге. Горные области к северу от правого берега Дрина до территории племени Кельменд (Большая Мальсия) носили название Пульт (Pulti, Pulatum).[39]

К настоящему времени картина существенно изменилась. Большие фисы Шаля и Шош, переселившиеся (по-видимому, в XVII в.) на север, в центральную часть области Северноалбанских Альп, называют свою территорию Дукаджином. Название Пульт, которое некогда связывалось с большой церковной провинцией (средневековое Polatum, Pulatum), ныне сохраняется за небольшой горной краиной в верхнем течении реки Кири́.[40]

Название Дукаджин используется в данной работе в соответствии с его современным народным употреблением, основывающимся на признаках территориальном и историческом. В территориальном отношении имеются в виду смежные горные области, обрамляющие с юга и севера среднее течение объединенного Дрина; в историческом отношении — единство культурно-бытовых традиций и старых родо-племенных связей населения этих областей.

Наиболее северную часть дукаджинского ареала составила территория католических по вероисповеданию фисов Шаля (Shala) и Шош (Shosh), называющих себя «Дукаджин».[41]

На западе к Шале и Шошу примыкает группа селений, составляющих небольшую горную краину Пульт в верхнем течении реки Кири́. Южнее, в области среднего течения Кири́, лежит краина Пострипа (или Построиба), непосредственно примыкающая к северной части пришкодранской низменности. Население Пострипы, в преобладающем большинстве мусульманское, имеет

---

[39] I. Zamputi. Dukagjini dhe Pulti ne gjysmën e parë të shekullit XVII. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1959, № 1, стр. 4.

[40] О сдвигах в употреблении названий Дукаджин и Пульт см.: Gelasius. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1941, стр. 38.

[41] Об устных преданиях этих фисов, повествующих об их родственных связях с родо-племенными группами Мирдиты, см.: Gelasius. Oroena mbi nji hartë të Shqipënisë. Hylli i Dritës, XIV, 1938, стр 42; G. Gurakuqi. Shala. Leka, III, 1931, стр. 57.

смешанное происхождение, будучи образовано в процессе разновременных переселений из различных горных краин северной Албании.[42] Хотя Пострипу не принято относить к «Дукаджину» в собственном смысле слова, в лингвистическом отношении говор этой местности принадлежит к типу, обозначаемому нами как «дукаджинский». К этому же типу относится и речь жителей «собственно дукаджинских» селений Мазрек (Mazrek) и Шлак (Shllak), лежащих в области Дрина, так же как и краин Душман (Dushman) и Топляна (Toplanë), расположенных восточнее, на горных склонах правобережья этой большой реки. К югу от Дрина к ним примыкает (в области старого Дукаджина) большая горная краина, носящая название Пука (Pukë).

Предлагаемое объединение говоров перечисленных горных краин в составе одной диалектной группы имеет предварительный и по необходимости условный характер. По многим из них вообще отсутствует какой-либо материал. Кроме того, периферийные части указанного ареала образуют полосы перехода к соседним диалектным группам. Так, на северо-западе говор краины Шаля имеет связи с говорами Большой Мальсии, на западе говор Пострипы тесно соприкасается с говорами пришкодранской равнины, говоры к югу от Дрина обнаруживают черты сходства со среднегегским говором Мирдиты; с юго-востока в дукаджинскую область также проникают явления, характерные для среднегегской диалектной зоны.

Представляется важным выяснить типические особенности говоров, составляющих основное ядро этой диалектной группировки. Однако здесь перед нами встает несколько неожиданная трудность. Как это ни странно, она связана с тем, что северногегская речь дукаджинского типа практически довольно широко известна благодаря тому, что ей в основном соответствуют нормы северноалбанской устно-поэтической койне.

Эта койне в течение долгого времени развивалась и литературно обрабатывалась в творчестве северноалбанских рапсодов. В различных областях северной Албании записано большое количество эпических и исторических песен. Процесс песенного творчества продолжается и в настоящее время. Исторические песни в традиционной манере слагаются и сейчас, обычно в связи с теми или иными политическими событиями. И повсюду мы встречаем один и тот же нормированный устный литературный язык, в основе которого лежит диалектная речь дукаджинского типа, очень близкая к старогегскому состоянию. Опубликованные материалы обнаруживают в этом отношении поразительное единообразие. Обычно специфические признаки говора той местности, где была записана песня, или не улавливаются совсем или улавливаются в качестве единичных отступлений от нормы. Конечно, известная

---

[42] См.: H. Koplikaj. Postrriba. Cirka, 1937, стр. 89 и сл.

доля ответственности здесь, видимо, лежит на фольклористах, записывавших тексты и, вероятно, вольно или невольно приводивших их в соответствие с литературноязыковой традицией. Но главная причина наблюдаемого единообразия лежит, видимо, в том, что вырабатывавшаяся на протяжении долгого времени устно-литературная койне завоевала большой авторитет, стала нормой, на которую сознательно ориентировались рапсоды всех североалбанских горных краин. Все северяне в общем поют свои песни так, как поют их в краинах Шаля, Шош, а сами шальяне и шошане поют так, как пели их деды и прадеды. Специфические инновации говора Большой Мальсии, воспринимаемые как отклонения от наддиалектной литературной нормы, при исполнении песен, по возможности, избегаются.

Популярность этой устно-литературной койне, сохраняющей свою функцию наддиалектной нормы и в настоящее время, не ограничивается пределами горных областей. Уже с давних пор эта койне распространилась и в равнинных областях, окружающих Шкодру, и в самом городе Шкодре, население которого всегда поддерживало тесные связи с жителями горных краин. В жанре исторической песни, получившем особенно широкое развитие в среде мусульманского населения Шкодры, в основном использовался тот же тип речи, что и в поэзии североалбанских горцев. Этот тип речи, с давних пор приобретший авторитет в качестве своего рода идеальной нормы, стоявшей над устно-разговорной речью повседневного общения, оказал влияние и на сложение североалбанской нормы письменно-литературного языка в конце XIX—начале XX в.

Именно эта широкая известность дукаджинской речи, притом в литературно-отработанном виде, является источником известных трудностей при определении живых признаков соответствующих говоров. Среди горных краин Дукаджина на протяжении последних столетий, пожалуй, наиболее влиятельными в политическом, культурном, а также, очевидно, и в языковом отношениях были краины Шаля и Шош, находящиеся в центральной части Североалбанских Альп. Но о говорах Шали и Шоша, вероятно именно благодаря их близости к нормам устно-поэтической койне, единым для всей североалбанской диалектной области, в существующей лингвистической литературе не содержится почти никаких указаний.

Характерно, что Ю. Рота, помещая в разделе «Идиотизмы» своего пособия по албанской стилистике [43] краткий перечень характерных признаков североалбанских говоров, дает сведения о городском говоре Шкодры, о говорах Шкодранской Мальсии, Мирдиты, Дибры, Краи и Косова, но совершенно опускает говоры дукаджинской группы. По-видимому, для него этот тип

[43] J. R r o t a. Letratyra shqype. 1934, стр. 17 и сл.

речи являлся отправным, в сравнении с которым производилось определение специфических черт — «идиотизмов» — других говоров.

Опубликовано много фольклорных текстов, языком которых является устно-литературная койне, соответствующая типу дукаджинской речи. Часть этого материала записана в краинах Дукаджина, часть в других горных краинах — от Большой Мальсии на северо-западе до Косова на северо-востоке гегского диалектного ареала. В тех случаях, когда нам известны признаки соответствующих говоров, мы можем довольно легко обнаруживать отдельные формы, проникшие из живой диалектной речи и нарушающие единообразие устно-литературной койне. Примеры таких нарушений нормы уже приводились выше — при рассмотрении характерных особенностей говоров Большой Мальсии. Встречаемся мы и с такими случаями (это особенно часто), когда в тексте не обнаруживается никаких специфических признаков говора той местности, где была записана песня. Обычно приходится отказываться от использования такого текста в качестве материала для диалектологического исследования.

В отношении текстов из Дукаджина положение несколько иное. В этом случае встает вопрос о том, в какой мере устно-поэтическая языковая норма соответствует живым особенностям данных говоров, прикрываются ли они этой нормой, существуют ли расхождения с ней, в какой части дукаджинской диалектной зоны расхождения обнаруживаются и т. п. Все подобные вопросы представляют большой интерес для истории албанского языка. Они могут быть разрешены лишь при детальном диалектологическом обследовании всей северногегской языковой области.

В настоящий момент отправной точкой для определения основных признаков дукаджинского типа диалектной речи может служить существующее в литературе детальное описание одного из мелких говоров этой зоны — душманского.[44] Хотя В. Цимоховский, автор этого описания, сообщает в предисловии, что выбор его пал именно на этот говор довольно случайно и что он заинтересовался им как говором одной из наиболее изолированных горных областей,[45] с точки зрения интересующей нас проблемы выбор следует признать удачным. Маленькая горная краина Душман лежит в самом центре Дукаджина, на правом берегу объединенного Дрина. Местность эта относительно удалена от контактов с другими диалектными зонами и поэтому говор Душмана может рассматриваться как типичный для дукаджинской диалектной группы в целом.

Сопоставление фонетически точно описанных признаков живого душманского говора с теми признаками дукаджинской речи,

---

[44] W. Cimochowski. Le dialecte de Dushmani. Description de l'un des parlers de l'Albanie du Nord. Poznań, 1951.

[45] Там же, стр. 4.

которые легли в основу северноалбанской устно-поэтической койне, дает возможность определить степень соответствия этой койне актуальному состоянию дукаджинских говоров вообще.[46]

В изложении, следующем ниже, выделяются лишь те признаки душманского говора, которые имеют дифференциальное значение для лингвистической карты северной Албании.

В области вокализма: 1) четко выделяется особый ряд носовых гласных — zą 'голос', ħąna 'луна', mį 'мышь', rę 'облако', i šąit 'святой', łągǫni 'гончая (собака)', ǵįų 'колено', me hų̈ 'войти'.[47] 2) Долгие ударенные *a* — как простое, так и носовое — сохраняют свое качество и не переходят в открытое *o*: ħār 'трава', me pā 'видеть', bąhet 'делается', u bą 'сделался'. 3) Дифтонг *ue*. Не наблюдается ни перехода *ue* > *ū*, ни сохранения более архаичных форм этого дифтонга (*uo* или *ua*): me punūe 'работать', dūe 'хочу', grūe 'женщина'. 4) Дифтонги *ye*, *ie* также не подвергаются монофтонгизации: mieł 'мукá', sieł 'он несет'.

Все эти признаки душманского вокализма соответствуют признакам, характерным для северноалбанской устно-поэтической койне.

В области консонантизма:

1) среднеязычные смычные *q*[*ћ*] и *gj*[*ђ*] в душманском, как и в большинстве северногегских говоров, перешли в палатальные аффрикаты: ćāf (или čāf) 'шея', ćān (или č'ān) 'собака', ʒ́'ak (или ǯ'ak) 'кровь', ʒ́ūš (или ǯ'ūš) 'дед'.

2) Старые сочетания *kl, *gl представлены сочетаниями kį, gį: k'įaį 'плáчу', k'iōft 'пусть будет' (3-е л. ед. ч. наст. вр. оптат. от jam 'быть'), gįuha 'язык', i ǵįāt 'длинный'. Это состояние типично для западной части северногегского ареала.

3) Последовательное изменение *nd*, *mb* с дальнейшим упрощением долгого носового: *nd* > *nn* > *n*, *mb* > *mm* > *m* — ner 'честь' (nder), nanūer 'ноябрь' (*nandūer), me muš (me mbus) 'наполнять', me mleđ (me mbleđ) 'собирать'. Упрощение долгих носовых является характерным признаком душманского говора, отличающим его, в частности, от шкодранского, где четко различаются *n* (старое) и *n̄* (< *nd*), *m* (старое) и *m̄* (< *mb*). Трудно сказать, совершается ли это упрощение во всех дукаджинских говорах. В начале слова перед *š* в душманском говоре наблюдается переход *mb* > *p*: me pštieł 'завернуть' (ср. т. i mbështjellur 'завернутый'), me pštet 'прислонить' (ср. т. i mbështetur 'прислоненный'). Это явление распространено и в других се-

---

[46] В. Цимоховский производил свои лингвистические наблюдения в 1937 г. Вряд ли с тех пор в говоре могли произойти существенные изменения внутреннего порядка, т. е. не связанные с влиянием литературного языка.

[47] Все примеры даются в фонетической транскрипции Цимоховского.

верногегских говорах. Отмеченное Цимоховским сохранение следов второго элемента **mb*, например в словах ƀum^bi 'шип', štam^ba 'глиняный кувшин', относится к архаическим особенностям душманского говора.

4) С влиянием среднегегской диалектной зоны, по-видимому, связано наблюдаемое в душманском говоре изменение сочетаний *pl* > *pį*, *bl* > *bį*, *fl* > *fį*: pįak (< plak) 'старик', pįešta (< plešta) 'блоха', i pįōt (< i plōt) 'полный', bįi (< bli) 'осетр', bįeta (< bleta) 'пчела', me bįē (< me blē) 'купить', fįok (< flok) 'волосы', fįeta (< fleta) 'листок бумаги'. Цимоховский замечает, что процесс этого изменения не закончился; еще можно услышать время от времени формы, сохраняющие *pl*, *bl*, *fl*. Он указывает также, что изменение *pl* > *pį*, *bl* > *bį*, *fl* > *fį* более всего распространено в местности Маляджия (Malagjia). Маляджия находится в восточной части краины Душман, и речь ее жителей поэтому подвержена влияниям с юго-востока, откуда распространяется это фонетическое явление. Указанное изменение составляет одну из характерных особенностей говоров северо-восточного Подринья (краина Никай и Мертур и др.), а также говоров бассейна Черного Дрина. Таким образом, душманский говор является одним из участков проникновения этого явления в центральную часть северногегского ареала, которую мы условно обозначили в качестве дукаджинской диалектной группы. Со старогегской нормой устно-поэтической койне эта особенность душманского говора не согласуется.

5) Колебание в произношении и смешение фонем *đ* и *ł*, которое, как мы видели выше, очень широко распространено в северо-западных говорах, в душманском встречается редко. В качестве единичных примеров Цимоховский приводит łałt (литер. dhallë) 'сыворотка, пахтанье', me noł (литер. me ndodh) 'случиться'. Норма устно-поэтической койне, основанная на дукаджинском типе речи, предполагает различение фонем *đ* и *ł*. В фольклорных текстах, записанных в Шкодранской Мальсии, нередко проскальзывают формы с подменой *dh* [*đ*] на *ll* [*ł*], отражающие живое произношение. Однако для дукаджинских говоров особенность произношения (сильная веляризация), вызывающая смешение [*đ*] и [*ł*], видимо характерна в значительно меньшей степени. Нарушения фонологического противопоставления *đ* : *ł* в преобладающей части дукаджинской диалектной зоны хотя и встречаются, но, вероятно, имеют, как в душманском говоре, спорадический характер.

В целом можно сделать вывод: устно-литературная койне, развившаяся как язык эпической поэзии, до сих пор очень популярной в горах северной Албании, в основных своих чертах соответствует речевым нормам населения центральной части северногегского диалектного ареала, представляемой группой говоров, которую мы назвали «дукаджинской».

Эти говоры выступают как своего рода «идеальный тип» северногегской речи. Для них характерен устойчивый консерватизм в сохранении дифтонгов *ue*, *ye*, *ie* при отсутствии, однако, остатков более раннего состояния в виде *uo*, *ua*, *uå*, что является специфическим признаком периферии североалбанского языкового ареала (говоры Большой Мальсии и Краи). Характерны также устойчивость сохранения назализации гласных и известная умеренность в отношении общей для многих албанских говоров тенденции к веляризации произношения некоторых согласных и к отодвижению назад долгого гласного *ā*, сопровождаемому его лабиализацией.

Снова и снова необходимо подчеркнуть, что в этой, как и во всех других диалектных зонах Албании, нет полного единообразия речи. Такие признаки, как сохранение долгих *ā* — простого и носового (без перехода *ā* > *ǭ*), сохранение дифтонгов *ue*, *ye*, *ie*, сохранение различия фонем *đ* и *ł*, в их комплексе характерны в основном лишь для средней части данной диалектной зоны. На периферийных участках более или менее заметно наблюдается проникновение явлений из соседних зон. Мы уже встретились с подобными фактами при рассмотрении некоторых фонетических особенностей душманского говора, связанных с влияниями, проникающими из восточной части Подринья. Такого же рода явления обнаруживаются в говоре большого горного селения Тет (Theth), лежащего на окраине территории Шали и граничащего (через перевалы) с Большой Мальсией. Некоторые сведения об этом говоре даны в небольшом докладе Ю. Кастрати, прочитанном на албановедческой конференции, состоявшейся в ноябре 1962 г. в Тиране.[48]

В основном говор селения Тет обладает всеми характерными признаками дукаджинского типа речи. Однако встречаются и некоторые отклонения от этого типа, по-видимому связанные в первую очередь с влиянием соседней северо-западной диалектной зоны — говора Большой Мальсии. Так, автор доклада отметил, что иногда, наряду с обычным порядком изменения *mb* > *m*, встречается замена *mb* > *p*, например: projtja (=mbrojtja) 'пограничная охрана'. Такой тип развития составляет, как мы видели выше, одну из характерных черт говора Большой Мальсии. Встречается также лабиализация долгого *ā*, например: kom ardh mrom (=kam ardhë mbramë) 'я пришел вчера вечером'. Ю. Кастрати усматривает в этом влияние, идущее из северо-восточной зоны; однако в равной мере можно предположить влияние северо-западной периферии — соседнего говора Большой Мальсии, где аналогичное явление представлено довольно широко.

---

[48] Jup Kastrati. Mbi disa tipare të së folmes së Thethit. Konferenca e parë, стр. 255 и сл.

Интересны также наблюдения различий внутри самого говора широко разбросанного селения Тет, состоящего из девяти поселков — lagje.[49] В целом Тет подразделяется на верхнюю часть Katund ('Горное селение') и нижнюю — Fusha ('Равнина'). Нижняя часть более связана с Шалей, в состав территории которой входит все это большое селение.[50] Это находит себе выражение и в речи жителей поселков, разбросанных по широкой долине. Верхняя часть (Katund) связана с Большой Мальсией, откуда постоянно берут девушек в жены. Связи свойства существуют также с горными краинами, лежащими на северо-востоке (Никай и Мертур). Все это находит выражение в речи, особенно в речи женщин, которые привносят и более или менее устойчиво сохраняют особенности говоров родных мест.

Областью проникновения отдельных явлений из речи населения пришкодранской равнины и из городского говора Шкодры можно считать говоры сел, лежащих в западной части дукаджинской зоны. Так, в текстах, записанных у горцев села Шлак, живущих на горном склоне по правому берегу Дрина, вблизи от Шкодры, и в экономическом отношении тесно связанных с городом,[51] можно отметить многочисленные случаи замены дифтонга *ue* долгим *ū*. В одном и том же небольшом тексте рядом зафиксированы формы: tue škue 'идя' (деепричастие от shkoj 'иду') u tšue 'поднялся', но также kiš pas šku 'пошел', me pru 'принести'.[52] В другом тексте: me škue 'идти', škuen 'пошли', due 'хочу', но также me šku 'идти', gru 'женщина' и др.[53]

Монофтонгизация дифтонга *ue* — явление, характерное для городского говора Шкодры (главным образом речи мусульманской части населения). Заслуживает внимания следующий факт: в записанной М. Ламбертцем легенде о двух братьях и коварной Зане (горная фея) в прозаической части текста последовательно зафиксирован монофтонг: kišin pa šku 'пошли', un e du 'я его хочу', s e mur (=muer) 'не взяла его' и др., но в отрывке из эпической песни сохранены формы с дифтонгом: me u gezue 'радоваться', me u šitue 'быть раненным, пораженным'.[54] Прозой передан живой рассказ, и в нем представлены разговорные формы с монофтонгом.

---

[49] lagje — 1) 'квартал в городе', 2) 'поселок, составляющий часть большого селения', 3) 'отряд'.

[50] «Theth — составная часть Шали и поэтому называется Малая Шаля (Shala e Vogël)» (M. Sirdani. Thethi. Përshkrim i vendit. Hylli i Dritës, XIII, 1937, стр. 353).

[51] С давних пор горцы из Шлака систематически доставляли древесный уголь на шкодранский базар (см.: Th. Ippen. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens. Abhandlungen der Geograph. Gesellschaft in Wien, Bd. VII, 1908, стр. 21).

[52] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 162.

[53] Там же, стр. 207 и сл.

[54] Там же, стр. 150.

В отрывке из песни — кусочек нормализованной поэтической речи, для которой характерно сохранение дифтонга.

В текстах из Шлака широко представлена также подмена *đ* на *ł*: tu hjeł 'кидая' (лит. tue hjedh), kište nołun (лит. kishte ndodhun) 'случился',[55] i mąłi (i madhi) 'большой',[56] me i mleł (me i mbledh) 'собрать их', i urłnon (i urdhnon) 'приказывает ей'[57] и др. Это, по-видимому, тоже результат влияния шкодранского просторечья.

Говоры горных краин, лежащих на левобережье Дрина (область старого Дукаджина,) вероятно, имеют некоторые черты сходства со среднегегскими говорами. Однако из-за отсутствия материала трудно отметить здесь что-либо определенное.

С другой стороны, отмечается связь говора сел Саджак (Săxhak) и Кокердок (Kokeгdhok), расположенных на северо-западной периферии области Мата (среднегегская диалектная зона), с говорами дукаджинского типа.[58] Так, например, в этом говоре на конце слов сохраняется характерное для дукаджинских говоров произношение дифтонга *ue*: me martue 'жениться', me punue 'работать', due 'хочу' и др.; в говорах же основной части краины Мата полностью совершился переход *ue* > *u*. Явно переходный характер говора сел Саджак и Кокердок дает основания для обособления его от остальных говоров области Мата, представляющих типичный образец среднегегской речи.[59]

Можно предполагать, что на всем протяжении левобережья объединенного Дрина проходит полоса переходных говоров, в различной степени объединяющих признаки северногегского и среднегегского диалектных типов.

Говоры равнинных областей северо-западной Албании

К востоку и к югу от Шкодранского (Скадарского) озера простирается низменность, в центре которой у южной оконечности озера расположен старинный албанский город Шкодра, важнейший экономический и культурный центр северной Албании.

Северо-восточная часть этой низменности лежит непосредственно у подножия Северноалбанских Альп, с которых стекают в озеро реки Морача и Циевна, а также несколько частично пересыхающих горных потоков: Сухой Ручей (Prroni i Thatë), Рйол (Rjoll) и Врака (Vrakë). Южную часть ее составляет пойма

---

[55] Там же, стр. 106.
[56] Там же, стр. 150.
[57] Там же, стр. 167.
[58] См.: B. Beci. Hulumtime gjuhësore në Mat. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1963, № 2, стр. 247 и сл.
[59] Там же, стр. 248.

реки Дрина. Эта большая река, стремительно низвергаясь с гор и разливаясь по низким берегам Адриатики, впадает в море двумя большими рукавами. Все вместе образует обширную котловину — так называемую Gropa e Shkodrës ('Шкодранская низина', или букв. 'Шкодранская яма'), с востока замкнутую высокой стеной гор, а со стороны моря лишь частично обрамленную небольшими горными кряжами. В южной своей части она непосредственно переходит в Среднеалбанскую низменность, протянувшуюся вдоль всего Адриатического побережья.

Плодородная Шкодранская низина во все времена играла важную роль в политической и экономической жизни северной Албании и была средоточием путей, соединяющих Адриатическое побережье с внутренними областями Балканского полуострова. Город Шкодра, основанный еще в эпоху античности, был важным центром средиземноморской торговли в XIV—XV вв. Разрушенный и опустевший в результате турецкого завоевания, в XVIII в. он вновь достиг расцвета и стал одним из крупнейших городов в европейской части Турецкой империи. Изделия шкодранских ремесленников славились и имели широкий сбыт во внутренних областях страны, а шкодранские купцы имели свои агенства не только в различных городах Албании, но и в других странах. Базар Шкодры был центром очень оживленной торговли продуктами натурального хозяйства и изделиями промышленности (как местного ремесленного производства, так и ввозными). Он всегда привлекал к себе большое количество крестьян из различных краин северной Албании. Характерно, что крестьяне принимали участие также и в политической жизни города. Известно много случаев, когда участие горцев решало исход борьбы за власть между партиями северноалбанских феодалов, поддерживавшихся в свою очередь цеховыми организациями шкодранских ремесленников.

Особенно тесную связь с городом всегда имели жители равнин, непосредственно примыкающих к нему с севера и юга.

Связь Шкодры с сельскими районами имела не только экономический характер, но определялась также составом городского населения. После запустения, пережитого в XVI в., когда в городе насчитывалось всего 400 домов, население постепенно вырастало за счет притока жителей горных краин. Становясь горожанами, бывшие горцы продолжали соблюдать старые родственные связи и не забывали племя и род, от которых вели свою родословную. Нередко промежуточным этапом было поселение семьи горцев на равнине. Затем часть семьи переселялась в город и пополняла ряды ремесленников или торговцев; остальная же семья продолжала оставаться в селе. В процессе разрастания семей постепенно слагалась сложная система родственных отношений (farë-fisni), объединяющая шкодранских горожан с жителями равнинных и горных краин северной Албании.

Как и в других равнинных областях страны, население Шкодранской низины является смешанным, так как оно спускалось с гор и занимало земли на равнине в разное время, приходя из разных мест. В этом можно видеть предпосылку для создания смешанных говоров, находящихся в различных отношениях связи с говорами горных краин, с одной стороны, с речью городского населения Шкодры — с другой.

Вероятно, по причине большой близости с последней, сельским говорам Шкодранской низины в существующей литературе до сих пор не уделялось никакого внимания. Между тем с точки зрения исторической диалектологии эта часть албанского языкового ареала представляет несомненный интерес.

Восточное побережье Шкодранского озера в основном заселено выходцами из различных фисов Большой Мальсии. На севере, непосредственно у границы с Югославией, прибрежная низменность составляет часть старой территории фиса Кастрат, сёла которого лежат на склонах горы Велечик и на равнине. Несколько южнее — группа деревень, объединяемых общим названием Коплик (Koplik), с подразделением: Нижний Коплик (у озера) и Верхний (в предгорье). В отличие от соседнего Кастрата, Коплик не представляет собой родо-племенной территории, но заселен выходцами из разных фисов.[60] Некогда в этой местности собирался многолюдный базар, на который спускались жители Большой Мальсии. Базар этот был запрещен турецкими властями, у которых вызывало беспокойство столь большое скопление вооруженных горцев.[61]

По предварительным сведениям, речь жителей восточного побережья Шкодранского озера не представляет каких-либо существенных отличий от говора Большой Мальсии (см. выше). Можно предположить, что в настоящее время в этом районе, в условиях развитого сельскохозяйственного производства (табачные плантации) и близости к большому городу, более интенсивно, чем в горах, протекает процесс стирания резких признаков говора. Однако лингвистически этот район еще не обследован.

Еще южнее, в 7—11 км от Шкодры, лежат три славянские деревни, образующие вместе селение Врака (Vrakë). Они были основаны переселенцами из Черногории в начале XIX в. Жители этих деревень двуязычны, и речь их как один из характерных случаев албанославянского языкового взаимодействия может представлять интерес для албанской диалектологии.

У самых стен Шкодры равнину Штой (Fusha e Shtojit) сравнительно недавно (уже в XX в.) заселили иммигранты из албаноязычных районов Черногории, принадлежащие к племенам Хот и Груда (Большая Мальсия). В какой мере эти бывшие горцы,

[60] См.: Gelasius. Oroena mbi nji hartë Shqipënisë. Hylli i Dritës, 1938, стр. 133.

[61] См.: Leka, 1934, стр. 195.

находясь в пригородной зоне, смогли сохранить свой говор — вопрос, не лишенный лингвистического интереса.

Со стороны ближних гор с ними соседят села краины Пострипа, жители которых, спускаясь в город, проходят через равнину Штой. Говор их относится к дукаджинской группе, о чем уже упоминалось в предшествующем изложении.

Несколько большее разнообразие в диалектном отношении представляет часть Шкодранской низины, лежащая к югу от города, в широком разветвлении нижнего течения Дрина.

Для этой зоны прежде всего характерно различие (этнографическое и языковое) между старыми жителями северноалбанской равнины и горцами из Большой Мальсии, переселившимися в низовья Дрина 150 лет тому назад. Эти горцы, принадлежащие к фису Кельменд, до сих пор устойчиво сохраняют свою характерную одежду [62] и другие этнографические особенности, а также говор. Деревни их расположены вдоль побережья Адриатического моря, к западу от шоссейной дороги, соединяющей Шкодру с городами центральной Албании.

Остальное население южной части Шкодранской низины занимает эти земли с давних пор и тоже имеет свой особый этнографический облик. По происхождению своему оно является смешанным. Значительная часть семей хранит предания о том, что предки их некогда переселились из различных горных областей северной Албании. Так, например, в с. Гйадр (Gjadr) отдельные семьи ведут свой род от выходцев из Гаша и Мирдиты,[63] в Блиниште — из Курбина, Мирдиты, Пуки, Красничи, Селиты, Кельменда,[64] в Бушате — из Мирдиты, Пуки, Пульта, Шкреля, Боги, Джяковы.[65]

Однако есть основания предполагать, что некоторые села северноалбанской низменности, названия которых упоминаются уже в средневековых документах, частично сохранили свое старинное население, существовавшее в этих местах еще до турецкого вторжения. Не только в Барбулуше (Barbullush),[66] но и в других населенных пунктах, по-видимому и после прихода турок, оставалось некоторое количество коренных жителей. В процессе слияния этого местного элемента с пришлым сложились своеобразные черты этнографического ландшафта южной части Шкодранской низины. Но хотя компоненты, из которых формировалось население этой зоны, при всей их пестроте были в общем одно-

[62] Самым характерным элементом костюма горянки из Большой Мальсии является «джублет» — колоколовидная юбка, сшитая из поперечных полос, вытканных из шерсти. Эта одежда напоминает своеобразные «кринолины» крито-микенской эпохи.

[63] G. Gurakuqi. Giadri. Leka, 1933, стр. 148—149.

[64] G. Gurakuqi. Blinishti. Leka, 1931, стр. 25—26 и 83—85.

[65] H. Bushati. Bushati. Leka, 1933, стр. 377; Gelasius. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1940, стр. 51.

[66] См. обзор документов в журнале «Leka» (1934, стр. 162).

родны по всей территории, тем не менее с течением времени внутри нее наметилась некоторая дифференциация, связанная с экономическими, географическими, политическими и культурными условиями существования отдельных частей населения. Эта дифференциация отражается и на лингвистической карте. Речь идет об относительном обособлении краины Задрима, сложившемся на протяжении нескольких столетий турецкого владычества.

Само название Zadrima (славянское образование с приставкой *за-*) указывает на географическое положение этой местности — 'земля, лежащая за Дрином'. Точнее — это часть низменности, с севера и запада отделенная от остальной равнины извивами Дрина, а с востока и юга — замкнутая горами.

Помимо географических условий, обособлению способствовало также несколько привилегированное положение крестьян этой местности, плодородные земли которой считались «вакуфом» и принадлежали не помещикам, но казне.[67] Хотя жителям Задримы постоянно приходилось терпеть притеснения и грабительские поборы со стороны окрестных беев, формально они не находились в крепостной зависимости и должны были выполнять повинности и платить подати непосредственно султану.

Немалое значение имел также момент конфессиональный. Большинство жителей Задримы — католики. Даже в период наиболее активной исламизации албанского населения, проводившейся турецкими властями в XVII—XVIII вв., Задрима (церковная провинция Сапа — Sapa) продолжала оставаться в сфере влияния римско-католической церкви. Поскольку религиозный фактор в старой Албании играл большую роль при сложении различных бытовых укладов, приверженность жителей Задримы к католицизму в известной мере отделяла их в культурно-бытовом отношении от той части населения Шкодранской низины, которая приняла мусульманство. В то же время общность религии несомненно содействовала поддержанию и укреплению связей Задримы с соседними горными краинами, в частности с католической Мирдитой, лежащей к востоку от нее.

Однако при всем том обособление Задримы от сел равнины, лежащих по другую сторону Дрина, всегда было лишь относительным. Основа для сохранения близости обеспечивалась общностью близкого центра экономического притяжения (города Шкодры), связями родства и свойства (в особенности с католическими семьями), а также общностью основных элементов бытового уклада.

Лингвистический момент в свою очередь участвовал в дифференциации групп населения в южной части Шкодранской низины.

---

[67] I. Zamputi. Të dhana të reja mbi gjendjen ekonomike, shoqnore e politike të vendit tonë në shekullin e XVII-te. Bul. Shk. Shoq., 1956, № 2, стр. 158 и сл.

Хотя в существующей литературе вопрос этот до сих пор не затрагивался, уже по предварительным данным можно заключить, что говор Задримы, как и следовало ожидать, несколько обособлен от речи жителей сел, лежащих к западу от излучины Дрина. Если речь последних с давних пор была открыта влияниям, шедшим из центральной Албании и захватившим, как увидим ниже, город Шкодру, говор Задримы оказался в языковом отношении более консервативным. Он сохранил ряд особенностей, характерных для речи горных краин северной Албании.

По текстам сказок из Задримы, записанным М. Ламберцем около 50 лет тому назад, можно отметить следующие особенности говора Задримы.

1) Характерное для северногегской речи сохранение дифтонга *ue* : me škue nə mułi me blue do driϑ 'пойти на мельницу намолоть зерна', ai u largue 'он удалился', i martuem 'женатый' и др. (примеров много). В отличие от говоров северо-западной подгруппы (Большая Мальсия, Края) не отмечается остатков более ранних фаз произношения этого дифтонга (*uo*, *ua*); в этом отношении говор Задримы, вместе с дукаджинскими говорами, обнаруживает как бы «среднюю степень консерватизма». Но в то же время с произношением дифтонга *ue* в тех же формах заметно конкурирует произношение *ū* (результат стяжения *ue*). Часто в одном и том же тексте можно встретить формы с дифтонгом и долгим гласным. Например: me škue 'пойти', me u řdzue 'свалиться', но t martūm 'женатого' (вин. п. причастия); me škue 'пойти', me blue 'молоть', kište hařue 'он позабыл', но там же me škū 'пойти', me blū 'молоть', ti ke hařū 'ты позабыл'. В некоторых текстах формы с *ū* не представлены совсем; иногда же они преобладают.[68]

Появление форм с *ū* — это инновация, связанная с проникновением влияний, распространявшихся к северу из среднеалбанской (южногегской) диалектной области и захвативших город Шкодру (говор мусульманского населения) с примыкающими к нему с юга селами. Тексты из Задримы свидетельствуют о борьбе старых форм, характерных для северноалбанской речи, с новыми, проникавшими из-за Дрина, а также о сравнительной устойчивости первых в условиях обособленного положения этой краины в период турецкого владычества. Можно предполагать, что в настоящее время соотношение старого типа с новым существенно изменилось в пользу второго, так как ни о какой обособленности Задримы теперь уже не приходится говорить.

2) К числу консервативных черт в говоре Задримы, характерных для северногегской диалектной зоны, относится также различие между рефлексами старых сочетаний *kl*, *gl*, с одной сто-

---

[68] Материалом для наблюдений послужили тексты сказок, записанные М. Ламберцем, см.: M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 107—149.

роны, и среднеязычными аффрикатами из среднеязычных смычных — с другой. В записях М. Ламберца первые передаются знаками *k' g'*, вторые — *tś*, *dź*: mos k'ai 'не плачь', k'ate 'она плакала', i ǵat 'длинный', но tśi 'что', tśef 'удовольствие', ketś 'плохо', turtś 'турки', futśia 'сила', dźumi 'сон', dźaku 'кровь', dźašt '6', dźiϑmon 'всегда' (ср. современные литературные формы: mos qaj, qante, i gjatë; që, qejf, keq, Turq, fuqia gjumi, gjak, gjashtë, gjithmonë).

В северногегских говорах вообще (за исключением северо-восточных) старые сочетания *kl*, *gl* отражены как *k'i̯*, *g'i̯* — сочетания слегка палатализованных заднеязычных с неслоговым *i̯*. Вероятно, таково же произношение их в говоре Задримы, хотя в записи Ламберца наличие элемента *i̯* не отмечено. Как бы то ни было, заднеязычность смычного сохраняется.

По другую сторону Дрина в большом селе Бушат, лежащем в 15 *км* от Шкодры, утвердилось распространившееся из средней Албании смешение обеих категорий звуков в едином ряду среднеязычных смычных: *q*, *gj* [*ħ*, *ђ*]. Женщины из Задримы, переселяющиеся в связи с замужеством в Бушат, продолжают выделяться в новой среде своим особым произношением этих звуков. Но общая тенденция развития явно действует в пользу ликвидации старого фонологического различия. Ликвидировано оно и в мусульманском говоре Шкодры.

3) Последовательно проведено изменение *nd* > *nn*, *n*, *mb* > *m*: s munnet 'не может' (лит. s mundet), kište mennue 'думал' (лит. kishte mendue), venn 'место' (vend), ka noł 'случилось' (ka ndodh), maroi 'кончилась' (mbaroi), bumułim 'гром' (bumbullim). В отличие от некоторых других северногегских говоров, остатков смычности в говоре Задримы не отмечается.

4) Инновацией внутреннего развития говора является ярко выраженная тенденция к лабиализации долгого *ā* (орального и носового), в результате чего произносится очень низкое открытое долгое *ō* [ɔ:]. Это можно считать проявлением уже упоминавшейся выше общей тенденции, независимо действующей во многих говорах. Лабиализация сопутствует отодвижению гласного *ā* назад, которое в свою очередь внутренне связано с явлением веляризации и понижением тембра ряда согласных звуков.

В записях М. Ламберца без видимой системы варьируют обозначения *a*, *ą*, *å* (и даже иногда *o*). Так: ašt, ąšt, åšt '(он) есть', jam, jåm 'я есмь'; me bą, me bå 'делать', ban '(он) делает', boim 'делаем', båin 'делают'; nąta 'ночь' (опред. форма им. п.), n'i nåt 'однажды ночью'; t maδe, t måδe, 'большую' (вин. п.), mą e mąδe 'бóльшую'; kali, kåli 'лошадь', lugati, lugåti 'привидение', prałat, pråłat 'сказки' и т. д.

Различия в записи, видимо, связаны со спонтанностью появления лабиализации. Эта артикуляция, возникая как результат действия живой тенденции языка, не вполне утвердилась как

регулярный тип реализации соответствующей фонемы (долгого *ā*); отсюда возможны постоянные сдвиги в ту или другую сторону. Подобные колебания можно часто наблюдать в живой речи представителей различных районов северной и центральной Албании.

5) *Смешение в произношении фонем dh* [*đ*] и *ll* [*ł*] — явление, в диалектной албанской речи обычно сопутствующее отодвижению назад долгого *ā*. Как и в некоторых других северногегских говорах, в говоре Задримы *dh* и *ll* — два сильно веляризованных согласных — обнаруживают отчетливую тенденцию к нейтрализации различительных признаков и к слиянию в одной фонеме. В записях М. Ламберца формы, в которых согласный *đ* подменен согласным *ł*, встречаются очень часто. Например: drełi 'хитрость' (лит. dredhi), i mał 'большей' (i madh), ułs 'по дороге' (udhës), kišin nołun 'случились' (kishin ndodhun), išin mleł 'собрались' (ishin mbledhë), me vieł 'украсть' (me vjedh), u iłnue 'рассердился' (u idhnue), m ašt łimt 'мне жалко' (më dhimbet) и др.

Как можно заметить, все эти характерные признаки говора Задримы являются у него общими с говорами горных краин северо-западной Албании. Это легко понять в связи с тем, что население Задримы образовалось в результате смешения какого-то количества коренных жителей северноалбанской низменности с многочисленными переселенцами из горных областей. Говор Задримы развивался с сохранением ряда архаичных признаков и с полной свободой в отношении фонетических инноваций, не сдерживаемых какой-либо нормой. Проникновение влияний извне в прошлом было довольно ограничено.

В настоящее время картина должна, конечно, измениться. В сельскохозяйственных кооперативах новой Задримы значительно поднялся уровень экономической и культурной жизни. При этом литературному языку предстоит оказывать все большее и большее влияние на речь крестьянского населения этого района, как и других районов, преодолевших свою былую обособленность.

Сведений о речи населения пунктов, расположенных к юго-западу от Шкодры по течению реки Буны (Бояны), в нашем распоряжении нет. Можно себе представить, что жители Облики, Обота и других селений, лежащих в непосредственной близости от Шкодры, вдоль судоходной реки, связывающей Шкодру с морем, в основном говорят так же, как в городе. Рыбачья деревня Широка (Shirokë), находящаяся на берегу озера, в 5 км от города, вообще может считаться одним из его кварталов (lagjə). Речь жителей Широки, переселившихся в свое время из различных горных краин (Шаля, Кельменд, Кастрат, Края),[69] тождественна речи шкодранских католиков.

---

[69] См.: Gj. Sheldija. Shiroka e gjuetija e peshkut ne liqê të Shkodrës e në lumin Buenë, Drî e Kir. Hylli i Dritës, 1942, стр. 182.

Образование в Шкодре двух особых говоров мусульманской и католической частей населения — характерный факт языковых отношений, сложившихся в Албании в период турецкого владычества. Объяснение его следует искать в социально-политических условиях существования жителей этого города.

После запустения XVI в. Шкодра в XVII в. вновь приобрела большое значение ак военно-административный центр. Во второй половине XVIII и начале XIX в. шкодранский пашалык, во главе которого стояла албанская феодальная династия Бушатов, фактически стал полусамостоятельным государством, охватывавшим почти всю гегскую территорию, включая часть Косова.[70] В политической жизни европейской части Турецкой империи позиция Шкодры играла важную роль и привлекала к себе внимание не только турецкого правительства, но и иностранных держав. Помимо своего военно-административного значения, Шкодра выделялась как центр ремесленного производства и торговли, в особенности транзитной. Через Шкодру шли торговые пути, соединявшие Средиземноморье с внутренними областями Балканского полуострова.

Выше уже упоминалось о том, что население Шкодры постепенно росло в процессе переселения в город жителей различных горных краин северной Албании. Основную часть городского населения составляли ремесленники, объединявшиеся в цеховые организации (эснафы, тур. esnaf) средневекового типа, и торговая буржуазия — крупная и мелкая. Кроме того, в Шкодре всегда было много военных, служивших в турецкой армии. Значительное место занимала также феодальная аристократия. Усилившаяся в XVIII в. борьба за власть отдельных феодальных группировок, в которой принимали участие и другие группы городского населения, в особенности цеховые организации, накладывала своеобразный отпечаток на жизнь города.

Мусульманство, как государственная религия Турецкой империи, давало большие преимущества принимавшим его. Поэтому неудивительно, что мусульмане составляли около двух третей населения старой Шкодры. Соответственно католики составляли в ней около одной трети населения.[71] Мусульманское население преобладало не только количественно, но и играло более активную роль в городской жизни.

---

[70] См.: Г. Л. А р ш. Албания и Эпир в конце XVIII—начале XIX в. М., 1963.

[71] Так, по данным Сп. Гопчевича, в начале 80-х годов прошлого века в Шкодре насчитывалось 16 000 мусульман, 7500 католиков и 900 православных христиан (Sp. G o p č e v i ć. Oberalbanien und seine Liga. Leipzig, 1881, стр. 68).

В феодальной Албании принадлежность к цеховой организации была связана с религией. В отдельные эснафы объединялись представители только одной определенной религии. При этом наиболее крупными и влиятельными были мусульманские эснафы. Среди них не только в Шкодре, но и в других городах первое место занимал эснаф кожевников — Tabakët (тур. tabak 'кожевник, дубильщик', ср. араб. debbag 'кожа').[72] Влияние организации кожевников определялось не только местом, которое занимал в албанской торговле вывоз кож, но также тем, что они непосредственно обслуживали потребности турецкой армии. В Шкодре они занимали особый квартал у подножия крепости (lagja e Tabakëve — место расположения средневекового города) и играли очень большую роль в политической жизни. От их поддержки в XVIII в. в значительной мере зависели успехи феодальных династий в борьбе за власть в Шкодранском санджаке.

Соперничавшие с ними во влиянии портные — esnafi i Terzive (тур. terzi 'портной') — также были мусульманами. Остальные эснафы Шкодры — организации оружейников, мастеров серебряных дел, шелковых и шерстяных тканей и другие, хотя и славились своим мастерством, такой большой политической роли не играли. Католические по своему составу эснафы входили в этот второй по значению разряд.

Среди шкодранского купечества католики занимали видное место. Однако купцы-мусульмане им не уступали; к тому же они пользовались всеми преимуществами полноправных граждан Турецкой империи. Военное сословие и феодальная аристократия состояли исключительно из мусульман.

Город делился на мусульманскую и католическую части, каждая из которых жила своей жизнью. Частная жизнь горожан протекала за высокими оградами, окружавшими дома. Центром экономической и общественной жизни был базар, на котором жители города встречались друг с другом и с крестьянами горных и равнинных краин северной Албании.

Мусульманская часть торговой буржуазии обычно вела себя более свободно и активно. Католический элемент населения держался более обособленно. В XVIII в. католики-горожане не принимали активного участия в борьбе политических партий, а в XIX в. по большей части стояли в стороне от вооруженных выступлений против централистских реформ турецкого правительства (tanzimat), организаторами которых были мусульманские эснафы.

Горцы из окрестных краин активно участвовали в политической жизни города. Пришкодранская Мальсия была резервуаром вооруженных сил, к которому в XVIII и в начале XIX в.

---

[72] См.: Z. Shkodra. Roli dhe pozita e veçantë e esnafit të tabakëve gjatë sundimit turk, Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1962, № 1.

не раз обращались мятежные правители Шкодры. И позднее в вооруженных выступлениях против турецких властей горцы принимали деятельное участие. Будучи в большинстве своем католиками, горцы Мальсии и Дукаджина состояли в родстве как с католическими, так и со многими мусульманскими семьями Шкодры. Наличие этих общих для всех связей с патриархально-родовой средой прилегающих к городу горных областей в известной степени сдерживало процесс обособления католической части городского населения. В базарные и праздничные дни Шкодра наполнялась горцами, и это сообщало особый колорит укладу городской жизни.

Мусульманское население Шкодры, преобладавшее в количественном отношении и пользовавшееся бо́льшими правами, соответственно имело более широкие экономические, политические и общественные связи с населением других областей Албании. В первую очередь это были связи с городами центральной Албании — Эльбасаном, Тираной, Каваей, Дурресом, в которых также преобладало мусульманское население. При этом важную роль играл торговый путь, проходивший по среднеалбанской низменности вдоль Адриатического побережья и соединявший Шкодру с центральной и южной Албанией.

Одним из факторов, содействовавших сближению мусульманского населения Шкодры с жителями других областей страны, была также служба в турецкой армии и в турецком административном аппарате.

В области духовной культуры (поэзия бейтеджей, музыка, архитектура, а также деятельность религиозно-мусульманских сект — бекташизма и др.) связи между мусульманским населением северной, центральной и южной Албании были в пору турецкого владычества, вероятно, более интенсивны, чем это до сих пор предполагалось.

В результате всех этих обстоятельств речь шкодранских мусульман в известной мере оторвалась от своей первоначальной северногегской почвы и испытала влияние южногегской разговорной койне, сложившейся в городах и на равнинах центральной Албании. Это определило ее специфику в сравнении с речью католической части населения, которая продолжала развиваться как типичный северногегский говор, сохранивший характерные особенности речи жителей горных краин.

Однако эти два типа речи, образовавшиеся в пределах одного города, конечно, не представляли собой замкнутых систем, но, помимо общей основы, объединялись также взаимопроникающими влияниями.

Существование конфессионально окрашенных различий в речи жителей Шкодры — это хорошо известный в Албании факт. Сами шкодранцы, имеющие дело с этими различиями в повседневном быту, обычно бывают вполне осведомлены в их характере —

чисто эмпирически. О различиях иногда упоминается и в литературе; однако систематического описания и даже простого их перечня до сих пор не существует.

Некоторые интересные наблюдения содержатся в статье Дж. Лоумэна «Албанская фонетика»,[73] материалом для которой послужил анализ произношения четырех жителей Шкодры — двух мусульман и двух католиков. Материал этот показателен, хотя и ограничен. Нельзя не учитывать возможность бо́льших или меньших отклонений в речи обследовавшихся лиц от среднего типа городского просторечья, особенно если учесть их длительное пребывание за пределами страны.

Различия между двумя типами речи частично определяются более консервативным характером речи католиков.

В области консонантизма это прежде всего сохранение типичного для северо-западных гегских говоров соотношения между рефлексами старых сочетаний *kl*, *gl* и старыми среднеязычными смычными, перешедшими в среднеязычные аффрикаты. В словах qaj 'пла́чу' (< klaj), qumësht 'молоко' (< klumësht), qoftë 'пусть будет' (< kloftë), gjuhë 'язык' (< gluhë), (i) gjatë 'длинный' (< glatë) католики произносят слегка смягченные заднеязычные смычные в сочетании с неслоговым *i̯* — [к'i̯ai̯], [k'i̯umšt], [k'i̯oft], [g'i̯uh], [g'i̯at]. Это особое произношение прежде отражалось и в шкодранской орфографической традиции. Так, например, в словаре, изданном обществом «Bashkimi» в начале 900-х годов,[74] применяются следующие написания: kiaai 'пла́чу', kiumshte 'молоко', но cafe 'шея' (qafe), cen 'собака' (qen), ceef 'удовольствие' (qejf < тур. keyif); giuhe 'язык' (gjuhë), (i) giate 'длинный' (gjatë), но ghak 'кровь' (gjak), ghume 'сон' (gjumë), ghysh 'дед' (gjysh).

В речи шкодранских мусульман этого различия нет, как нет его в южногегской области. Во всех случаях они произносят среднеязычные, сильно аффрицированные смычные.

В области вокализма относительный консерватизм речи католиков проявляется в частичном сохранении старых дифтонгов *ie*, *ye*, *ue*, в то время как в речи мусульман полностью утвердилось монофтонгическое произношение — долгие *ī*, *ȳ*, *ū*. Ср. diell — dīll 'солнце', me lye — me lȳ 'мазать', me shkue — me shkū 'идти', grue — grū 'женщина'. Однако это различие является лишь относительным. Распространившаяся из средней Албании мощная тенденция к монофтонгизации дифтонгов[75] довольно рано проникла и в речь католической части населения города Шкодры и примыкающих к нему низинных земель, о чем свидетельствуют

[73] G. S. Lowman. The Phonetics of Albanian. Language, VIII, 1932, № 4.

[74] Fjaluer i Rii i Shcypes. Scutari, 1908.

[75] Э. Чабей считает ее одной из «инноваций центральной зоны», см.: E. Çabej. Gjon Buzuku, Bul. Shk. Shoq., 1955, № 2, стр. 88.

памятники письменности XVI—XVII вв.[76] Так, единичные формы с монофтонгами отмечены уже в «Служебнике» (Meshari) Гьона Бузука (XVI в.) — gruia (grueja) 'женщина', qilleet (qiellet) 'небо'; также у Пьетера Буди (начало XVII в.) [77] — durt (duert) 'руки' и у Франга Барди (XVII в.) — cruu (krue) 'источник'.

В словаре общества «Bashkimi», составленном в начале XX в., иногда параллельно даются формы с дифтонгом и с монофтонгом, например: lyej и lyj 'мажу', mielli и miilli 'сею' (совр. лит. mbjell).

В живой речи произношение монофтонгов давно уже преобладает. Однако частичное сохранение старого дифтонгического произношения отчетливо осознается населением Шкодры, очень внимательным к языковым различиям, как признак говора католической его части. Характерно, что Дж. Лоумэн определенно указывает, что в речи двух католиков, служивших ему объектом наблюдения, звучало [*u* : *e*] — в тех случаях, где мусульмане произносили [*u*:].[78] Однако возможно, что в этом случае сказалось влияние письменно-литературной традиции, которое предписывает написание *ue*, и испытуемые могли стараться говорить по-книжному. Можно заметить, что в небольших текстах, записанных Лоумэном с их слов, монофтонгические формы представлены наряду с дифтонгическими. Так, у первого: me u ʃiˈkjuːe 'посмотреть', но также ˈmos me u muˈnuː 'не стараться', me praˈnuː 'признать'. У второго: me frỹːe 'дуть', но me ʃkelˈthy 'сиять'.[79]

Наряду с консервативными чертами в речи католиков Шкодры обнаруживаются некоторые инновации. В частности, в произношении ряда согласных звуков отчетливо проявляется действие тенденции к веляризации. В связи с этим очень часто наблюдается смешение произношения фонем *ll* [*ł*] и *dh* [*đ*]. Обычно произношение [*ł*] появляется вместо произношения [*đ*]; обратная замена встречается реже. Например: ull [uł] 'дорога', ka noll [noł] 'случилось', illnim [iłˈnim] 'печаль, досада', elle [ełe] 'и' =лит. udhë, ka ndodhë, idhnim, edhe.

У отдельных говорящих этот тип произношения обнаруживается с различными степенями интенсивности, иногда в зависимости от стиля речи (чаще в непринужденном стиле). Лоумэн отмечал, что в речи одного из наблюдавшихся им представителей шкодранской католической среды [*đ*] и [*ł*] совпадали в одной фонеме, являющейся «лабиализованным интерлабиальным фрикативным веляризованным латеральным». У другого испытуемого совпадения этих двух фонем не происходило, хотя в обоих случаях произносился латеральный согласный. Вариант, представлявший *dh* [*đ*], оказывался слегка назализованным.

[76] E. Ç a b e j. Diftongje e grupe zanorësh të Shqipes. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 3, стр. 79.
[77] Следует отметить, что П. Буди был родом из средней Албании.
[78] См.: G. L o w m a n. The Phonetics of Albanian, стр. 289.
[79] См.: там же, стр. 220.

В речи одного из наблюдавшихся им представителей мусульманской части населения Лоумэн отмечал только некоторую велляризованность произношения *dh* [*đ*], что можно считать характерным для албанского произношения вообще. У другого представителя той же среды он обнаружил лишь наличие «темного глайда» при произнесении [*đ*] в конечном положении, создающего впечатление сходства с [*ł*], но без совпадения этих двух фонем.

Колебания в произношении нередко наблюдаются в речи одного и того же лица, притом не только при различии позиций, но и в тождественных условиях. Можно заметить, что в фонетической записи текста сказки из Шкодры, сделанной М. Ламберцем, наряду с формами i måłi, e måłe 'большой, -ая', iłnim 'досада' (лит. i madhi, e madhe, idhnim) встречается также e måδe, eδe.[80]

Можно полагать, что полного смешения фонем *dh* [*đ*] и *ll* [*ł*] все же не происходит даже в речи наиболее типичных представителей старого говора католического населения Шкодры. При более тщательном произношении обычно обнаруживается стремление к дифференцированной их реализации. Эта установка всегда отчетливо проявлялась и в норме правописания. Однако влияние живой фонетической тенденции было и продолжает быть очень сильным. Поэтому, несмотря на наличие орфографической нормы, произношение [*ł*] в словах, имеющих [*đ*], в прошлом нередко получало фиксацию в печатных текстах, а иногда даже в рифмах шкодранских поэтов.[81]

Как это наблюдается и в некоторых других говорах, с тенденцией к превращению *đ* > *ł* тесно связана и тенденция к отодвиганию назад и лабиализации долгого *ā*. Приведенные выше примеры из текста сказки в записи М. Ламберца — i måłi (лит. i madhi) 'большой', e måłe (лит. e madhe) 'большая' — являются типичными для живой речи католического населения Шкодры. В том же тексте: kałåja (лит. kalaja) 'крепость', måře 'позор' (лит. mbarre) и др.

Этот тип произношения держится очень устойчиво, несмотря на влияние нормы литературного языка. Мне приходилось наблюдать его у образованных шкодранцев, уже ряд лет живущих в Тиране, в среде интеллигенции, пользующейся в основном тоскской или южногегской нормами устной литературной речи. До настоящего времени лабиализация долгого *ā* при тенденции к смешению *dh* [*đ*[и *ll* [*ł*] является, пожалуй, наиболее характерным признаком речи лиц, происходящих из католической среды города Шкодры и его окрестностей. В речи мусульманского населения этих же мест указанные тенденции не проявляются с такой силой.

---

[80] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 183 и сл.

[81] Например, в стихотворении Ндре Задея (Ndre Zadêja) рифмуются: hollë и ndollë (ndodhë), sollnë и ndollnë (ndodhnë) (Leka, 1934, стр. 12 и сл.).

Задерживающим фактором здесь, по всей вероятности, было длительное и сильное влияние южногегской разговорной койне, распространившейся к северу еще в период турецкого владычества и, по-видимому, определившее общий тип речи шкодранских мусульман.

В современных условиях, когда старые конфессиональные перегородки, обособлявшие отдельные части городского населения, полностью утратили свое значение и когда нормы литературного языка массово внедряются с помощью таких мощных факторов, как школа, печать, радио, театр, различие типов речи, составлявшее характерный признак жизни и быта старой Шкодры, постепенно стирается. При этом новый обобщенный тип речи, естественно, оказывается более близким к речи мусульманского населения.

Однако остатки старого различия еще доступны изучению.

Северо-восточная группа гегских говоров[82]

В эту группу входят говоры восточной части бассейна объединенного Дрина и албанский говор автономного края Косово и Метохия в Югославии.

---

[82] Употребляя термин «северо-восточные гегские говоры», следует избегать его смешения и отождествления с термином «восточногегские говоры». Такое смешение имеет место в некоторых албановедческих трудах, в частности в специальном исследовании К. Тальявини (C. Tagliavini. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale. Le terre albanesi redente, I, Kossovo. Reale Accademia d'Italia. Centro studi per l'Albania, 3, Roma, 1942), а также в общих обзорах М. Ламберца (M. Lambertz. Die Mundarten der albanischen Sprache und ihre Erforschung. Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropa, Bd. 7, H. 2/4, 1943). Также см.: M. Lambertz. Lehrgang des Albanischen, III. Halle (Saale), 1959. К. Тальявини объединяет с косовско-метохийским гегские говоры северо-западной Македонии, включая сюда также говор албанской области Дибра; он обозначает те и другие общим названием «албанские говоры восточногегского типа» («le parlate albanesi di tipo ghego orientale»). В то же время приведенные в его исследовании лингвистические факты ясно показывают наличие двух существенно различных диалектных типов. М. Ламберц говорит о «северо-восточных гегских и восточных говорах или говорах Дардании и северо-западной Македонии». Повторяя перечень признаков, предложенный Тальявини, он также не ставит вопроса о двух типах диалектной речи, представленных на востоке албаноязычного ареала. Однако лингвистический анализ особенностей северо-восточной группы гегских говоров не дает оснований для объединения их с говорами северо-западной Македонии и Дибры. Авторы, смешивающие и отождествляющие термины «северо-восточные гегские» и «восточные гегские» говоры, в сущности исходят лишь из территориального признака. Они не учитывают направления и соотношения изоглосс, проходящих по восточной части албаноязычного ареала и исторически связанных с конфигурацией экономических зон периода турецкого владычества. В классификации говоров, принятой в данной работе, вообще отсутствует вносящий некоторую путаницу термин «восточные» гегские говоры. Согласно предла-

Составляя восточную часть северногегской диалектной зоны, говоры эти обладают некоторыми специфическими признаками, отличающими их от говоров северо-западной группы. В закреплении этого различия решающую роль, по-видимому, играли факторы внешнеисторического и экономического порядка, определившие в свое время конфигурацию западной и восточной частей североалбанского языкового ареала. В период турецкого владычества северо-восточные албаноязычные области тяготели к внутрибалканским экономическим центрам (города Призрен, Джякова — Gjakova, Печ — тур. Ipek, Приштина), в то время как северо-западная часть, включая горные области Большой Мальсии и Дукаджина, находилась в сфере экономического и политического влияния Шкодры.

По горным хребтам, разделяющим западную и восточную части северной Албании, проходит и диалектная граница.

Говоры восточной части бассейна объединенного Дрина

В группу говоров Восточной части бассейна объединенного Дрина входят близкие между собой говоры горных краин, лежащих к северу и к югу от течения объединенного Дрина в его восточной части.

К северу от Дрина — это краина Никай и Мертур, граничащая на западе с дукаджинскими Шалей и Шошем, краины Красниче (Krasniqe), Гаш (Gash) и Бютюч (Bytyq), лежащие вдоль правого притока Дрина — Вальбоны, а также краина Хас, лежащая на юго-востоке диалектного района и ограниченная с юга течением Белого Дрина.

По левую (южную) сторону объединенного Дрина к указанной группе принадлежат говоры краин, составляющих старые территории фисов Бериша (Berishë), Тач (Thaçi — с байраками Буджон и Ибала) и Mali i Zi ('Черная Гора').

Вся эта область еще в относительно недалеком прошлом представляла собой типичную для гор северной Албании картину родоплеменного строя. Горцы, занимавшиеся в основном скотоводством, жили своими фисами, память о которых еще свежа в народных традициях. Турецкая система военно-административных единиц — байраков — накладывалась поверх сохранявшегося родо-племенного деления, не внося существенных изменений во внутренний уклад жизни горцев, управлявшихся законами обычного права.

В прошлом весь этот обширный район не имел ни одного города, а сообщение с внешним миром было довольно ограничено.

гаемой классификации, говоры, объединяемые под таким названием в работе К. Тальявини, следует относить к двум различным диалектным зонам — северногегской и среднегегской.

Экономические связи в эпоху турецкого владычества жители вышеназванных краин поддерживали с городами Метохии (Джякова, Призрен), на базарах которых они сбывали продукты скотоводства и покупали все необходимое для своего скудного хозяйства. Недостаток пастбищных и пахотных земель, перенаселенность, социальные противоречия, возникавшие в процессе разложения родового строя, — все это на протяжении нескольких столетий служило причиной переселения отдельных групп горцев на восток, в область Косова и Метохии — в поисках более благоприятных условий существования.

В этот глухой и отдаленный край новая жизнь пришла лишь при строительстве социализма. Проложены дороги, выросли небольшие города — Байрам Цурри (Bajram Curri) и Кукес (Kukës), являющиеся окружными центрами. Кооперация сельского хозяйства, школы, больницы, электростанции — все это существенно изменило облик горных селений северо-восточного Подринья.

Однако дома-башни (куллы), высящиеся на значительных расстояниях друг от друга, все еще напоминают о тревогах былой жизни, проходившей в постоянном страхе родовой мести и военных столкновений, а суровая жизнь горцев все еще полна традициями и обычаями, сохранившимися от предков.

Лингвистическое изучение обозначенной территории начато очерками Й. Гьинари о говорах краин Гаш, Красниче и Бютюч [83] и Э. Ляфе о говоре краины Никай и Мертур.[84] Сведения о говорах остальных краин очень фрагментарны, но в целом они дают основания для заключения об известном единстве типа говоров во всей этой части диалектного ареала.

Говор краины Никай и Мертур

Высокогорная краина, известная под таким названием, соответствует территории фисов Никай и Мертур в бассейне небольшой речки, впадающей в Дрин с севера. Никай живут в верховьях этой речки, в глубине гор, Мертури — несколько восточнее, вдоль правого берега Дрина, от устья Вальбоны до краины Топляна, частично также на левом берегу. Дрин в этих местах течет по глубокому ущелью, и берега его суровы и неприступны. С Никай и Мертуром граничат на севере и северо-востоке краина Красниче, на западе — Дукаджин (краины Шаля и Топляна), на юге, за Дрином, — территория фиса Бериша, с которым фис Мертур связан по происхождению. Фис Никай в свою очередь связан родством с фисом Красниче, хотя отношения между ними оказа-

[83] J. Gjinari. Vërejtje mbi të folmën e krahinave Krasniqe, Gash e Bytyç të rrethit të Tropojës. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1963, № 4.
[84] E. Lafe. E folmja e Nikaj-Merturit. Studime Filologjike, 1964, № 3.

лись в известной мере нарушены благодаря различию религий. Люди фисов Никай и Мертур, как и жители соседнего Дукаджина, являются католиками. Их восточные соседи, горцы Красниче — магометане. Между собой фисы Никай и Мертур объединяются не родством, но постоянством отношений свойства (традиционные брачные союзы), близостью территорий, общностью жизненных условий и религии. Отношения свойства (krushqi) и те и другие поддерживают также с католическими горцами краины Шаля, лежащей за горными перевалами.

Никай и Мертур — одна из самых изолированных и труднодоступных горных краин северной Албании. Основное занятие ее жителей — скотоводство. Условия для земледелия очень ограничены. Немногие участки земли, пригодные для обработки, возделываются под кукурузу. Экономически необходимые связи с внешним миром в прошлом осуществлялись по пешеходным тропам, проходившим высокими перевалами. Живя в самом сердце гор, вдалеке от городских центров и путей сообщения, горцы Никай и Мертура устойчиво сохраняли законы и обычаи родового строя. И сейчас еще в быту их осталось немало пережитков старого общественного уклада. Народная эпическая поэзия, заповедником которой может считаться эта суровая горная область, до сих пор не утратила в Никай и Мертуре своей актуальности.[85] Так же как в соседней Шале (Дукаджин), творческие традиции народных рапсодов, исполнителей песен героического цикла «Mujo e Halil», сохраняют здесь свою жизненность. В этом отношении краина Никай и Мертур составляет часть общего с краинами Дукаджина и Мальсии культурного ареала; устно-поэтическая койне, сложившаяся в центре североалбанских гор, в равной мере является также и их культурным достоянием.

Однако, хотя традиции культурно-бытового характера связывают Никай и Мертур преимущественно с западной частью Североалбанской горной области, потребности экономики с давних пор ориентировали горцев этой краины в бо́льшей степени на восток, в сторону городских центров Метохии. На протяжении столетий турецкого владычества краина Никай и Мертур экономически была более всего связана с Джяковой, от которой она зависела также административно. Горцы фисов Никай и Мертур регулярно посещали базар этого города, продавали там скот и продукты животноводства, покупали зерно и все остальное, необходимое для их жизни, в том числе оружие. Постоянство этих экономических связей не могло не отразиться на их говоре, в котором развились специфические для северо-восточногегской области инновации, определившие его принадлежность именно к этому диалектному ареалу. В то же время некоторые архаические

---

[85] Q. Haxhihasani. Rezultatet e kërkimeve të Ciklit të Kreshnikeve pas çlirimit. Konferenca e parë, стр. 322.

особенности говора краины Никай и Мертур, унаследованные от общегегского состояния и отраженные в нормах североалбанской устно-поэтической койне, связывают этот говор с северозападногегским ареалом, к которому горцы Никай и Мертур тесно примыкают в культурно-бытовом отношении. Важен также факт происхождения женской части населения краины, так как в экзогамных коллективах Никай и Мертур жен чаще всего брали в Дукаджине, из фиса Шаля. Таким образом, не только географическое положение, но и этот двухсторонний характер связей обусловили позицию краины Никай и Мертур между восточной и западной частями северногегской зоны. Это обстоятельство имеет большое значение для исторической диалектологии.

В настоящее время краина Никай и Мертур входит, вместе с соседними краинами Красниче, Гаш и Бютюч, в округ Тропоя (Tropojë), административным центром которого является новый город Байрам Цурри (бывшее село Кольгецай краины Красниче).

Еще недавно основным источником сведений о говоре Никай и Мертура были фрагментарные наблюдения М. Ламберца, сделанные им в 1916 г. в одном из селений Мертура (Rajë, ныне Bregu i Lumit) на берегу Дрина.[86] В 1964 г. опубликовано специальное описание, составленное молодым албанским диалектологом. Оно дает полную картину говора.[87]

Хотя население краины исторически сложилось из двух родоплеменных коллективов (фисов), сохраняющих каждый свою часть территории, говор не обнаруживает внутренней дифференциации и обладает значительной степенью единства.[88] Для характеристики его важно отметить наличие консервативных черт и инноваций.

В области фонетики [89] в качестве архаизмов прежде всего выделяются следующие явления консервативного характера. 1) Сохранение дифтонгов *ue*, *ye*, *ie*: grue 'женщина', muejt 'месяцы', me shkue 'идти'; dyer 'двери', me lye 'мазать'; diell 'солнце', me ndie 'чувствовать'. Ударение, как вообще в гегском, несет на себе первый элемент. 2) Сохранение сложных фонем *mb*, *nd*, *ng* в начале и в середине слова: mbledh 'собираю', mbesa 'внучка', thumba 'шипы', dymbdhet 'двенадцать'; ndera 'честь', ndoni 'какой-нибудь', hunda 'нос', shndosh 'здоровый'; me ngarkue 'нагружать', i ngroht 'горячий', lâ°ngu (им. п. опред.) 'сок', kâ°ngt 'песни'. Только в конечном положении смычность ослабляется: shkam^{b} 'скала', katun^{d} 'деревня', opa°n^{g} 'опинга'.

Эти две особенности говора Никай и Мертура, унаследованные им от общегегского или старогегского состояния, в живой гегской диалектной речи имеют вообще ограниченное распространение.

[86] M. Lambertz. Bericht über meine linguistischen Studien, стр. 22.
[87] E. Lafe. E folmja e Nikaj-Merturit. Studime Filologjike, 1964, № 3.
[88] Там же, стр. 110.
[89] Там же, стр. 111—118.

Обе они сохраняются в небольшом ареале, который охватывает также соседнюю с Никай и Мертуром краину Тропоя (Tropojë). В дукаджинских говорах представлен лишь один из признаков — сохранение дифтонгов *ue*, *ye*, *ie*. Говор Никай и Мертура в этом отношении находится в еще большем соответствии с консервативной нормой североалбанской устно-поэтической койне, для которой характерно сохранение и старых гегских дифтонгов, и сложных фонем *mb*, *nd*, *ng*.

Некоторые другие консервативные черты общегегского происхождения присущи говору Никай и Мертура наравне со многими другими говорами гегской диалектной области и поэтому не могут считаться архаизмами. К числу их можно отнести: 3) сохранение трех степеней долготы гласных, 4) сохранение особого ряда назализованных гласных, 5) сохранение согласного *h* во всех позициях и, в частности, отсутствие изменения конечного *-h* > *-f*, характерного для южных районов Гегерии. Целый ряд фонетических инноваций заметно отдалил говор Никай и Мертура от общегегского состояния.

В области вокализма наиболее существенное отличие составили сильное отодвижение назад и лабиализация долгого носового ȃ: e â⁰ma 'мать', kâ⁰mba 'нога', hâ⁰na 'луна'. В случаях отпадения носового согласного, следовавшего за гласным *ȃ*, лабиализация усиливается и произносится долгое назализованное *ȏ*: ôsht 'он есть', me tô 'с ним'. Это явление наблюдается на северногегской периферии (ср. выше говоры Большой Мальсии и Крайи) и отсутствует в центральной части ареала (дукаджинские говоры). Говор Никай и Мертура в этом отношении примыкает к восточной периферии северногегской зоны. Сдвиг артикуляций в заднюю часть ротовой полости и здесь отражается на произношении некоторых согласных, вызывая их веляризацию. Как явление, обычно сопутствующее отодвижению назад и лабиализации назализованного *a*, и в этом говоре отмечается смешение фонем *ll* [*l*] и *dh* [*đ*], обусловленное веляризацией *dh*. Вместо *dh* часто произносится *ll*: llāll (< dhallë) 'сыворотка', llōm (< dhomë) 'комната'.

Характерным для северо-восточногегского диалектного ареала является спорадически проводимое в говоре изменение *ē* > *ie*, в основном после *k*: ti kie (< ke) 'ты имеешь'. Из инноваций вокализма, возникающих в речи, можно также отметить неустойчивость в распределении фонем *i* и *y*. Вероятно, как результат полусознательной реакции против фонетической тенденции к делабиализации *y*, в этом говоре, как и в некоторых других гегских говорах, на место *i* иногда подставляется *y*: krymb (krimb) 'червяк', me lypun (me lipun) 'просить', llastyke (llastike) 'обувь из резины'.

В области консонантизма отмечается существенное изменение, затронувшее среднеязычные смычные — утеря смычности. По определению М. Ламберца, *q* (в транскрипции Ламберца *ḱ*) перешло в звук, представляющий собой «нечто среднее между глухим,

очень напряженным (sehr scharf) *s(j)* и очень оглушенным (sehr stimmlos) *š(j)*». Ламберц привел примеры: as(j)ert (asqert, тур. asker) 'солдаты', sset или šet (qet) 'вынимает', mustesse или musteše (musteqe) 'усы', kess или keš (keq) 'плохо', krüssin или krüšin (kryqin) 'крест' (вин. п.), sseštu или šeštu (qeshtu, лит. kështu) нар. 'таким образом'. Соответствующий звонкий передается *dzj*: Dzjakov (Gjakovë), dzjaku (gjaku) 'кровь', dzja (gjâ) 'вещь, имущество'.[90]

Аффрикаты *ç*[*č*] и *xh*[*dž*] также потеряли в этом говоре элемент смычности и перешли в палатализованные спиранты *š'*, *ž'* (в транскрипции Э. Ляфе *ś*, *ź*): śarśaf (çarçaf) 'покрывало, чадра', šika (çika) 'девочка', turśe (turçe) 'по-турецки'; źami (xhami) 'мечеть', *oźak* (oxhak) 'очаг'.

Очень характерно для северо-восточногегского диалектного ареала проведенное в говоре Никай и Мертура изменение старых сочетаний **kl*, **gl*. В то время как в северо-западногегских говорах, в том числе в соседних дукаджинских, палатальное *l* после *k* и *g* превратилось в неслоговое *i̯* и сочетания *kl*, *gl* > *ki̯*, *gi̯*, в говоре Никай и Мертура *kl* > *k*, *gl* > *g*: me kajt (< *klajt) 'плакать', kumshti (< *klumshti) 'сыворотка'; i gat (< *glatë) 'длинный', guha (< *gluha) 'язык', gû, gûni (< *glû, *glûni) 'колено', me ndigue (< *ndiglue) 'слушать', gob (< *globë) 'штраф'. Это явление принято считать наиболее релевантным признаком северо-восточногегских говоров.

К нему примыкает осуществляемое в некоторых словах явление подмены глухого среднеязычного смычного глухим заднеязычным: kēp (qepë) 'лук', kerr (qerrë) 'повозка', lkêni (liqeni) 'озеро'. Явление это также широко распространено на северо-востоке Гегерии.

Для говора краины Никай и Мертур, как и для говоров соседних с нею краин в бассейне объединенного Дрина (ср. выше описание душманского говора), характерен переход палатального *l* в неслоговое *i̯* в составе сочетаний *bl*, *pl*, *fl*. Так, *bl* > *bi̯*: bjeta (< bleta) 'пчела', mbjidhet (< mblidhet) 'собирается'; *pl* > *pi̯* : pjak (< plak) 'старик', pjep (< plep) 'тополь', pjumb (< plumb) 'свинец, пуля'; *fl* > *fi̯*: fjutura (< flutura) 'бабочка', û fjas (< flas), ti fjet (< flet) 'я говорю, ты говоришь'. Изоглосса этой инновации протягивается из бассейна Черного Дрина (ср. говоры Дибры), где, вероятно, находится очаг самого фонетического изменения.

Специфическими инновациями в области фонетики, связывающими говор Никай и Мертура с северо-западными гегскими говорами, являются, как полагает Э. Ляфе, стяжение *ae* > *ē* в слове ngē 'досуг' и изменение *fsh* > *sh*: kosh (< kofshë) 'бедро'.[91]

---

[90] M. Lambertz. Bericht über meine linguistischen Studien, стр. 22.
[91] E. Lafe. E folmja e Nikaj-Merturit, стр. 136.

Морфология имени в говоре Никай и Мертура более характерна своими консервативными чертами.[92] Довольно употребительна форма предложного или «местного» падежа: me hîp m'shalt 'вскочить на седло', n'dhet 'в землю', n'pramjet 'вечером', me nuset 'с невестой'. Форма род.-дат. п. мн. ч. образуется преимущественно без эпентетического *-v-*: me u thâ°n vllaznet 'сказать братьям', me ndihmen e t'vllaznet 'с помощью братьев'.

С точки зрения лингвистической географии очень важно отсутствие инновации, характеризующей северо-восточную часть гегского ареала. В говоре сохраняется общегегское (и общеалбанское) различие флексий имен мужск. р., связанное с тем, какой согласный находится в исходе основы. Как и в соседних с ним дукаджинских говорах, в говоре Никай и Мертура от именных основ мужск. р. с исходом на *-k* и *-g* опред. форма им. п. ед. ч. (также и другие опред. и неопред. формы в ед. ч.) образуется с помощью форманта *-u*, в отличие от основ с исходом на другие согласные, флексии которых содержат элемент *-i*.[93] Ср. опред. имен. mal-i 'гора' — dushk-u 'дубняк'. Инновацией северо-восточных гегских говоров явилась ликвидация этого общеалбанского различия в построении парадигмы склонения. Так, уже в говоре соседней с Никай и Мертуром краины Тропои опред. форма им. п. ед. ч. от основ gjak- 'кровь', zog- 'птица' образуется тоже с окончанием *-i*: gjak-i, zog-i. Краина же Никай и Мертур, находящаяся на стыке северо-западной и северо-восточной частей Гегерии, оказалась не захваченной этой инновацией, и в говоре ее сохранилось общеалбанское различие двух рядов форм, связанное с фонетическим составом именных основ.

В системе глагола, для которой вообще характерны пестрота морфологических типов, обилие форм и значительная вариантность флексий по отдельным говорам, говор Никай и Мертура обнаруживает немало своеобразия в построении отдельных парадигм.[94] Примечательной инновацией, связывающей его с западным ареалом северной Гегерии, является преодоление омонимии форм трех лиц ед. ч. наст. вр. от глаголов с основой на согласные звуки (только при отсутствии чередования гласных в корне) путем присоединения специального форманта в 1-м л. ед.ч. *-i*/*-u* (в зависимости от конечного звука основы). Ср.: 1-е л. lidh-i, 2-е л. lidh, 3-е л. lidh 'связываю, -ешь, -ет' — 1-е л. ndjek-u, 2-е л. ndjek, 3-е л. ndjek 'преследую, -ешь, -ет'. С северо-восточными гегскими говорами говор Никай и Мертура имеет общим признаком употребление окончаний имперф. действ. зал. 1-го л. ед. ч. *-shna*

---

[92] Там же, стр. 118—121.

[93] Историческое объяснение этого различия в образовании парадигм см.: А. В. Десницкая. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общебалканские лингвистические проблемы. Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М., 1966, стр. 22 и сл.

[94] См.: Е. Lafe. E folmja e Nikaj-Merturit, стр. 124—131.

(dalshna 'я выходил'), 2-го л. ед. ч. -shne (dalshne), а также образование аналитических форм прош. вр. от непереходных глаголов со вспомогательным глаголом jam 'быть', например: перфект ôsht ardh 'он пришел', плюсквамперфект ish ardh и т. д.

Говор Тропои (краины Красниче, Гаш и Бютюч)

Краины Красниче, Гаш и Бютюч занимают бассейн реки Вальбоны, самого большого из притоков Дрина. Основу их составляют старые территории фисов, давших названия этим краинам. На западе они граничат с Никай и Мертуром, на севере и северо-востоке — с автономным краем Косово и Метохия Социалистической Федеративной Республики Югославии, на юго-востоке — с краиной Хас, с южной стороны естественную границу образует течение объединенного Дрина. Красниче, Гаш и Бютюч составляют основную часть округа Тропои. Религией населения является ислам.

Занятием жителей Тропои всегда было скотоводство. Но в плодородной долине Вальбоны есть условия и для развития земледелия, интенсивность которого возросла по сравнению с прошлым. На территории Красниче находится административный центр округа Тропои—Байрам Цурри. В средней школе этого нового городка обучается молодежь из отдаленных горных деревень северо-восточной Албании. Это составляет один из важных факторов в развитии культурной жизни некогда глухой окраины и имеет большое значение для процесса распространения литературно-языковых норм, естественно сопровождаемого стиранием диалектных особенностей речи крестьянского населения.

Иорги Гьинари, автор лингвистического описания краин Красниче, Гаш и Бютюч, отмечает, что на этой территории уже с давних пор образовался единый говор с очень незначительными локальными различиями. Он справедливо считает, что единство может быть объяснено тем, что жители этих краин имели друг с другом тесные экономические и общественные отношения; браки они заключали за пределами фиса, но внутри округа, т. е. между представителями отдельных фисов.[95]

Постоянные связи с другими северо-восточными краинами, в особенности с Джяковой и ее окрестностями, определили черты говора, характерные для северо-восточногегской диалектной зоны. Но более общие признаки говора являются типичными для северногегского в целом. Это объясняется связями жителей этих краин с северными зонами Гегерии, а может быть и их происхождением.[96] В связи с последним замечанием Й. Гьинари ссылается

---

[95] См.: J. Gjinari. Vërejtje mbi të folmën e krahinave Krasniqe, Gash e Bytyç, стр. 172.
[96] Там же.

на этногонические легенды о происхождении фисов Красниче, Гаш и Бютюч от племен Большой Мальсии.

Вслед за Й. Гьинари мы называем говор трех указанных краин говором Тропои.

В области вокализма ударенных слогов говор обладает следующими признаками:[97] 1) сохраняются назализированные гласные; 2) сохраняются старогегские дифтонги *ue*, *ye*, *ie*: i gzuem 'радостный', puntuer 'работник', krue 'источник', mue 'мне', shkuen 'они пошли'; dyer 'двери', krye 'голова', fyell 'флейта'; diell 'солнце', miell 'мука́', e ziejm 'мы (это) варим'; 3) назализированное *a*, а также стоящее в соседстве с носовыми согласными, лабиализуется: nâ^{o}na (nâna) 'мать', lâ^{o}msh (lâmsh) 'клубок', hâ^{o}n^{d}er (ânder) 'сновидение', a^{o} (â, âsht) 'он есть'; 4) *гласный e иногда подвергается* дифтонгизации: liesh (lesh) 'шерсть', ti kie (ti ke) 'ты имеешь', hiek (heq) 'тяну'; 5) сохраняется гласный *y*: dy 'два', ty 'ты', kryq 'крест'. Однако некоторые записи фольклорных текстов расходятся в этом отношении с наблюдениями Гьинари. Ср. в песне из Красниче: timi (tymi) 'дым', ka hi (ka hŷ) 'он вошел'.[98]

Таким образом, вокализму говора Тропои присущи как консервативные признаки, так и некоторые инновации.

Аналогичное соотношение обнаруживает и консонантизм. Консервативными признаками являются: 1) сохранение спиранта *h*, особенно в начале и середине слова: hajde! 'иди! идем!', hingllon '(конь) ржет', duhan 'табак', lahem 'моюсь', gûha 'язык', sabah 'утро', krah 'рука (верхняя часть)'. В конце слова -*h* чаще ослабляется, вплоть до полной редукции: sho^{h}, shō 'вижу'. Переход *h* > *f*, характерный для многих гегских говоров, встречается лишь перед *t*: e ftoft 'холодная', me i nioft '(их) знать';[99] 2) очень слабая степень редукции второго элемента *mb, nd*: m^{b}an 'он держит', m^{b}loja 'покрывало', kum^{b}lla 'слива'; n^{d}imonu 'помоги нам', n^{d}oi (ndonji) 'какой-нибудь', hun^{d}a 'нос'.[100] Однако в опубликованных записях песен из Тропои встречаются формы с полностью проведенным изменением *mb* > *m*, *nd* > *n*. Например в песне из деревни Llugaj (Красниче): tri katune na i mloi timi 'три деревни у нас окутал дым' (формы katune=katunde и mloi=mbuloi).[101] Так же в песне из Shipshani (Гаш): anëmanë (anëmbanë) 'повсюду'.[102]

Специфические инновации: 1) развитие староалбанских сочетаний *kl*, *gl* в простые заднеязычные смычные (*k*, *g*): kumshti (< *klumështi) 'молоко', koft (< *kloftë) 'пусть будет', kan (< *klan) 'плачет', gūh (< *gluhë) 'язык', gūni (< *gluni)

---

[97] Там же, стр. 173 и сл.

[98] K. pop. hist., стр. 222.

[99] J. Gjinari. Vërejtje mbi të folmën e krahinave Krasniqe, Gash e Bytyç, стр. 177 и сл.

[100] Там же, стр. 179.

[101] K. pop. hist., стр. 222.

[102] Там же, стр. 224.

'колено', gobën (< *globën, ср. серб. глóба) 'штраф' (вин. п.);[103] 2) среднеязычные смычные в произношении некоторых говорящих спорадически переходят в сильно палатализованные спиранты *s*, *z* (*ś*, *ź*).[104]

В области морфологии типической северо-восточногегской особенностью является построение определенных форм ед. ч. существительных мужск. р., имеющих в исходе основы заднеязычные согласные, с помощью форманта *-i*: sanxhaki 'санджак', uki 'волк', gjaki 'кровь', zogi 'птица', bregi 'небольшой холм, берег', plêhi 'навоз', krahi 'рука'.[105]

Юго-восточнее Тропои, в излучине Белого Дрина, простирается обширная краина Хас (Has), лежащая частично на территории Югославии. По происхождению значительная часть жителей этой краины — переселенцы из различных горных районов северной Албании.[106]

Говор краины Хас не описан; по-видимому, он очень близко примыкает к говорам Тропои и косовско-метохийскому.

Относительно говора краины Тач (Thaç), лежащей на левом берегу объединенного Дрина, М. Ламберц замечает, что он занимает переходное положение между говорами Джяковы и Мирдиты. К сожалению, он не привел признаков этого говора. Существующие публикации фольклора не дают почти никаких материалов по говорам восточной части левобережья Дрина (краины Berishë, Thaç, Mali i Zi). Одна из немногих песен, записанных в Берише, отчетливо свидетельствует о наличии указанных выше диалектных признаков также в говоре и этой местности. Характерны северо-восточногегские формы с переходом **kl* > *k*: mos kaj 'не плачь', koftë 'пусть будет' и др. В сочетании lidhun lakit 'связанный силками' перед нами типичная северо-восточногегская форма lakit (ср. лит. lakut).[107]

Как сообщил мне Рок Зойзи, за горным перевалом Кяфа е Малит (Qafa e Malit), через который проходит дорога Шкодра—Кукес, начинается область языковых влияний северо-восточногегской диалектной зоны. Перевал этот является этнографической границей между западной частью горных краин, лежащих к югу от объединенного Дрина, и восточной. Западная часть всегда была экономически связана со Шкодрой, восточная (в старое время) —

---

[103] J. Gjinari. Vërejtje mbi të folmën e krahinave Krasniqe, Gash e Bytyç, стр. 179.

[104] Там же, стр. 178.

[105] Там же, стр. 182.

[106] Историко-этнографическое описание краины Хас содержится в интересном исследовании М. Филипповича: М. С. Филиповић. Хас под Паштриком. Сараево, 1958 (Научно друштво Н. Р. Босне и Херцеговине. Балканолошки Институт, књ. 2).

[107] K. pop. hist., стр. 331 и сл.

с Призреном. Э. Чабей относит все говоры к востоку от перевалов Кяфа е Малит и Кяфа е Кумбулэс (Qafa e Kumbullës) к северо-восточногегской диалектной группе.[108]

Но и к западу от этих перевалов можно обнаружить далеко проникшие формы северо-восточногегского типа. Так, например, в опубликованных записях песен из краины Пука, говор которой отнесен нами (в ее западной части) к группе дукаджинских, встречаем формы глагола «быть» с характерным для северо-восточно-гегского переходом *$kl > k$: kankan çue 'поднялись', koftë 'пусть будет',[109] kanka kanë[110] 'был' и др. В одной из песен встречается специфическая форма Begi.[111]

По всей вероятности, существование проходившего через эту горную область старого торгового пути Шкодра—Призрен создавало с давних пор благоприятные условия для более активного взаимодействия восточной и западной частей гегской диалектной территории.

В настоящее время большое лесопильное производство в Арресе (Sharra e Arrësit), находящееся приблизительно на середине этого пути (ныне там проходит автомобильная дорога Шкодра—Кукес), является центром, где собираются рабочие из всех прилегающих горных краин. Процесс стирания диалектных признаков в обстановке интенсивного общения представителей различных говоров и под воздействием литературной нормы языка, проникающей через посредство радио, газет, публичной речи, протекает здесь, конечно, особенно интенсивно.

Косовско-метохийский говор

Косовско-метохийский говор — говор албаноязычного населения автономного края Косова и Метохии в Социалистической Федеративной Республике Югославии (в составе республики Сербии).

Косовско-метохийский говор, помимо очень близких к нему говоров восточной части бассейна объединенного Дрина, составляющих зону перехода к северо-западной группе, связан полосой постепенных переходов также со среднегегской диалектной областью. С южной стороны переходным к среднегегскому диалектному типу является говор албанской краины Люма (Lumë), лежащей по нижнему течению Черного Дрина, вдоль государственной границы. На территории Югославии полоса перехода к среднегегским говорам лежит севернее городов Тетово и Скопле.

В автономном крае Косове и Метохии албанцы составляют 70%

[108] E. Ç a b e j. Për historinë e konsonantizmit, стр. 53.
[109] K. pop. hist., стр. 329.
[110] Там же, стр. 324.
[111] Там же, стр. 329.

всего населения.[112] Наибольшее количество их сосредоточено в районах Печа, Джяковы, Призрена, Приштины, Вучитерна, Митровицы, Урошеваца (Феризай), Качаника. Более редкая сеть албаноязычных поселений протягивается к востоку (районы Лесковаца, Враньи, Куманова) и к северу (Новибазар).

При наличии школы, печати, радиовещания и органов самоуправления на родном языке диалектная речь албанцев автономного края Косово и Метохия находится под сильным воздействием литературно-языковой нормы (гегская форма литературного языка). Поэтому здесь, как и в Албанской Народной Республике, изучение говора, пока он еще сохранился, представляется одной из неотложных задач лингвистического исследования.

Для албанской диалектологии существенный интерес имеет история населения края Косова и Метохии, его связей с другими частями албаноязычного ареала.

Одним из источников сведений могут служить записки путешественников, посещавших еще в период турецкого владычества на Балканах области Старой Сербии. В этой трудно доступной в то время части Турецкой империи они встречали наряду со славянами многочисленное албаноязычное население, которое, несмотря на мусульманское вероисповедание, полностью сохраняло свой язык и культурно-бытовые традиции. Так, например, в трудах И. Г. Хана [113] и А. Ф. Гильфердинга,[114] путешествовавших по Балканскому полуострову в середине XIX в., находим некоторые данные о расселении албанских родо-племенных групп в различных частях Косова и Метохии. И. Г. Хан сообщает о наличии в Приштине и ее окрестностях многочисленных представителей фиса Красниче,[115] основная территория которого, как известно, простирается вдоль течения одного из притоков объединенного Дрина — Вальбоны, на северо-востоке Албании. Близ Лесковаца он обнаружил смешанное албаноязычное население, состоявшее из представителей фисов Красниче, Гаш, Бериша и других,[116] а в районе Вучитерна — поселения горцев, признававших свое происхождение от фиса Шаля, живущего в горах северо-западной Албании.[117] А. Ф. Гильфердинг отметил, что название «Дукаджин» оказалось занесенным с берегов Дрина далеко на северо-восток.[118]

---

[112] См.: M. B. Barjaktarovig. Jetesa dhe zakonet e Shqiptarëvet. Përparimi, Prishtinë, 1955, № 7—8, стр. 406.

[113] J. G. Hahn. Reise von Belgrad nach Salonik. Denkschriften d. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Kl., Bd. XI, Wien, 1861.

[114] А. Ф. Гильфердинг. Босния, Герцоговина и Старая Сербия. Собр. соч., т. III, СПб., 1873.

[115] См.: J. G. Hahn. Reise von Belgrad nach Salonik, стр. 74.

[116] См.: там же.

[117] См.: там же, стр. 75.

[118] См.: А. Ф. Гильфердинг. Босния, Герцоговина и Старая Сербия, стр. 116.

Хан и *Гильфердинг сообщили также ряд интересных сведений* о состоянии родо-племенной организации у албанцев Косова и Метохии. Следы этой организации и в настоящее время еще не окончательно стерлись; это позволяет этнографам вести изыскания, дающие результаты, весьма важные для воссоздания исторического прошлого албанских поселений на территории Югославии. Так, А. Малоку сообщает, что, по свидетельству стариков, население краины Джякова (Джяковица) сложилось из представителей фисов Хот, Шаля, Гаш, Красниче, Тач (Thaçi), Шош, Кастрат, Бериша, Кельменд, Морина, Бютюч (Bytyçi), Никай (Nikaj). Такой же состав населения (лишь с небольшими отличиями) устная традиция свидетельствует для краины Печа (алб. Pejë).[119]

Исследования последних лет показали особенно широкое распространение фиса Шаля по всей территории Косова и Метохии, притом не только в виде отдельных групп представителей, но и относительно большими массивами.[120] Так, на севере Косова, в районе Митровицы, к фису Шаля принадлежит население 37 деревень, которые все вместе носят название Байгорская Шаля (Shala e *Bajgorës — по имени самой большой из деревень*) или Митровицкая Шаля (Shala e Mitrovicës). Деревни эти распределяются по четырем братствам (vllazni) фиса Шаля. Названия братств: Gimë, Pec, Malet, Lopç.[121] Можно допустить предположение о том, что Байгорская Шаля представляет собой не случайное скопление одноплеменников, но что в прошлом это была территория отделившейся части большого фиса Шаля, основная территория которого находится, как известно, в Северноалбанских Альпах. Помимо упомянутой местности, где люди *Шаля* живут компактным массивом, А. Малоку перечисляет свыше пятидесяти деревень по всей территории Косова и Метохии, в которых сосредоточены бóльшими или меньшими группами семьи, происходящие из фиса Шаля. Предания некоторых из них говорят о том, что предки их пришли из Митровицкой Шали.

С точки зрения происхождения, основной характерной особенностью населения преобладающего большинства албаноязычных деревень Косова и Метохии (а также, разумеется, и в городах) является смешанность его состава, связь с различными родо-племенными единицами старого времени — *фисами.*

Об этом свидетельствует устная традиция, сохранившая память о переселениях более или менее многочисленных групп горцев из северных областей Албании. Материалы такого рода дает не только традиция переселившихся групп, но и воспоминания населения, оставшегося на старых местах. Австрийский географ

[119] А. M a l o k u. Disa shënime mbi përhapjen e fisëve në Kosovë-Metohi. Përparimi, 1963, № 1—2, стр. 94.
[120] А. M a l o k u. Shënime mbi fisin e Shalës në Kosovë-Metohi. Përparimi, Prishtinë, 1962, № 6, стр. 404.
[121] Там же, стр. 405.

Т. А. Иппен, исследовавший в начале XX в. горные районы северной Албании,[122] сообщил некоторые важные сведения о переселениях на восток, собранные от жителей различных местностей. Так, он сообщил, что многочисленные семьи из фиса Мертур «оставили свою территорию и выселились в окрестности города Джяковы; в самом этом городе многие семьи, в том числе богатые и уважаемые, принадлежат к племени Мертур. Бóльшая часть переселенцев приняла ислам, в то время как племя Мертур на своей родине остается целиком католическим».[123]

Относительно фиса Бериша, насчитывавшего в то время 2300 человек, Иппен отметил, что теснота его территории уже в течение столетий имела своим следствием ежегодные переселения, которые направлялись преимущественно на равнины Джяковы. При этом переселенцы по большей части уже во втором поколении принимали магометанское вероисповедание.[124]

О фисе Кабаш: «Племя Кабаш насчитывает около 2000 человек, из которых более половины составляют католики; остальные являются магометанами. Так как территория племени очень ограничена и мало приспособлена для пропитания большего количества населения, с давних пор начались интенсивные переселения, направлявшиеся преимущественно в сторону Призрена. Близ этого города есть много деревень, жители которых принадлежат к племени Кабаш. Также и в городе живет большое число выходцев из этого племени».[125]

Рассказывая о малоземелье и бедности населения краины Фанд (Fand) на севере Мирдиты, Иппен сообщил, что многие семьи выселились из Фанда на восток и обосновались в районах Ипека (Печ), Джяковы и Призрена. «Число их достигает многих тысяч, и они являются колонами у магометанских беев и помещиков (ага)».[126] При этом они сохранили свое католическое вероисповедание. На новой родине всех переселенцев из Мирдиты называли «Fonda», даже если они происходили из других байраков. «Fonda» славились своей храбростью. Обычно они не приобретали земельных участков, но арендовали землю у помещиков. В случаях столкновений и кровной вражды с соседями-мусульманами они покидали деревню и переселялись в более отдаленные местности. И сейчас еще в числе жителей села Смроконица (Smrokonica), лежащего близ Вучитерна (на севере Косова) и образованного

[122] Th. Ippen. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens. Abhandl. d. Geogr. Gesellsch. in Wien, Bd. VII, 1908.

[123] Там же, стр. 32.

[124] Там же, стр. 37.

[125] Там же.

[126] Предводители враждовавших феодальных группировок старались использовать «Fonda» в своих междоусобицах, и последние, «подобно немецким ландкнехтам или швейцарцам, часто проливали кровь за чужие и безразличные для них интересы» (Th. Ippen. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 45).

в основном выходцами из фиса Мертур, выделяются 10 семей, называемых «Fon» (< Fand). Отмечается, что для них до сих пор характерны некоторые отличия в говоре. Сохранилась также память о том, что несколько поколений назад они были христианами.[127]

Помимо добровольных переселений, вызывавшихся в основном социальными и экономическими причинами (разложение родо-племенного строя, вызывавшее обогащение одних и обнищание других членов общины, малоземелье разраставшегося населения горных районов), а также переселений отдельных семей, спасавшихся от кровной вражды, известны случаи переселений, совершавшихся по приказам турецкой администрации. Так, например, в 1693 г., после жестокой карательной экспедиции против фиса Гаш, произведенной пашой Ипека (Печа), часть этого фиса была выселена в область Косова. По мнению Иппена, именно этим событием объясняется отмеченное Ханом присутствие многочисленных албанских семей в окрестностях Лесковаца.[128]

Смешанность состава албаноязычного населения Косова и Метохии, образованного выходцами из различных родо-племенных групп, по всей вероятности явилась причиной довольно раннего ослабления родо-племенной организации, на которое еще в середине XIX в. указал Хан.[129] В поселениях с более однородным составом остатки этой организации, видимо, могли задерживаться дольше, так, например, следы деления по фратриям, зафиксированные наблюдениями недавнего времени в группе деревень Байгорской Шали.

Переселения северноалбанских горцев в край Косово и Метохии совершались уже с давних пор. Особенно интенсивно этот процесс развивался во второй половине XVII и в XVIII в., что засвидетельствовано историческими источниками. Усиление волны переселений было связано, помимо внутренних причин социально-экономического характера, также с частичной эмиграцией сербского населения на север в результате австро-турецких войн. Турецкие власти благоприятствовали заселению запустевших земель мусульманами-албанцами, так как моменту религиозной принадлежности придавалось исключительно большое значение в политической организации Османской империи.

Однако вряд ли следует исключить возможность того, что процесс передвижения жителей малоземельных горных районов

---

[127] A. M a l o k u. Smrokonica — katund n'unazë të Shalës së Bajgorës. Përparimi, 1963, № 4, стр. 289 и сл.

[128] Th. I p p e n. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 33.

[129] «Ослабление родового союза (des Stammverbandes) очевидно из того обстоятельства, что кровная месть является здесь делом не рода, но семьи, обязанность мстить лежит лишь на ближайших родственниках убитого, а долг крови — лишь на ближайших наследниках убийцы» (J. G. v. H a h n. Reise von Belgrad nach Salonik, стр. 73 и сл.).

северной Албании на равнины внутренних областей Балканского полуострова мог начаться ранее периода XVII—XVIII вв.

В связи с этим интересно вернуться к уже упомянутому ранее факту существования целой группы албаноязычных деревень близ Митровицы, объединяемых старой принадлежностью их населения к фису Шаля. Если часть этого большого фиса в свое время обосновалась в Косове, закрепив за собой определенную территорию, то это должно было произойти ранее XVII в., так как в источниках XVII—XVIII вв. нет никаких упоминаний о таком событии, между тем как переселения фиса Кельменд засвидетельствованы рядом сообщений. И тут же можно вспомнить об устном предании североалбанских горцев, согласно которому предки родственных фисов Шаля, Шош и Мирдита расстались друг с другом на горе Паштрик (Бештрик — Bështrik), т. е. в краине Хас, к западу от Призрена. Если основная часть фиса Шаля вместе с Шошем ушла на запад, можно допустить, что тогда же часть Шали могла продвинуться на северо-восток и поселиться компактной массой в Косове. Данных для уточнения хронологии устное предание, как обычно, не дает.

О том, что в области Джяковы (Джяковицы) албаноязычное население существовало с относительно давнего времени, свидетельствует наличие особого говора, воспринимавшегося в его отличии от северо-западного типа речи еще во второй половине XVII в. Об этом сообщает епископ Пьетер Богдани, описывающий труд, какого ему, уроженцу района Гур (Gur) краины Хас (prej Gurit ndë Hast), стоило «исправить многие слова» в соответствии с речью «Шкодранской земли» («m'âshtë dashunë, me djersë të mëdhá, shumë fjalë me ndërequn ndë dhétë Skoders»).[130] В языке богословского сочинения П. Богдани «Cuneus Prophetarum», изданного впервые в Падуе в 1685 г., при всех стараниях автора «исправить» речь в соответствии с литературноязыковой нормой, сложившейся на северо-западе Албании, проглядывают отдельные черты северо-восточного гегского говора.

Так, например, он употребляет формы глаголов me zgjedh 'избирать' (чаще в значениях 'читать', 'решать'), me gja 'быть похожим' с характерным для северно-восточного гегского переходом *$gl > g$: e zgedhen 'ее читают',[131] ndë zgedhunit 'в чтении',[132] zgodh 'решил',[133] mbë gasetë tinaj 'по его подобию',[134] e atyne gjithë gau 'и всем им уподобился'.[135]

---

[130] Emzot Pjeter B o g d a n i. Cuneus Prophetarum (ase Çeta e Profetve) qitë n'alfabetin e soçem e kthiellue me vrojtime prej at Mark Harapit, I. Shkoder, 1940, стр. XXXVIII.

[131] Там же, стр. 256.

[132] Там же.

[133] Там же, стр. 257.

[134] Там же, стр. 82.

[135] Там же, стр. 4. В шкодранском издании 1940—1943 гг. редактор его М. Харапи внес целый ряд исправлений по сравнению с авторским изда-

В результате дальнейших разысканий история албанских поселений в Косове и Метохии, вероятно, будет раскрыта с большей полнотой, чем это можно сделать в данный момент. Помимо изучения письменных документов и устных преданий, некоторого вклада в разработку вопроса можно ждать и от лингвистической географии.

В отношении хронологии пока остается высказать лишь общее предположение о том, что заселение албанцами отдельных районов Косова и Метохии могло происходить в разное время и при различных исторических обстоятельствах, наиболее интенсивно — в XVII—XVIII вв.

Существует мнение, что в этих областях часть албанского населения сохранилась от эпохи, предшествовавшей приходу славян на Балканы, и что в дальнейшем на эту древнюю основу наслаивались волны позднейшей албанской миграции с запада. Такая точка зрения была впервые высказана еще И. Г. Ханом, который предполагал, что в горах Дардании с древней поры продолжали существовать остатки иллиро-албанцев, населявших этот край до славянского переселения.[136] Гипотезу Хана о «латентном» сохранении автохтонного албанского элемента в горных районах внутренних областей Балканского полуострова и о его позднейшем слиянии с албанскими переселенцами эпохи турецкого владычества поддержал К. Тальявини в своем исследовании о восточногегских говорах.[137]

Такая точка зрения представляет интерес. Но для доказательства ее нет необходимых фактических данных. Решение этого вопроса непосредственно связано с предположениями о том, где находилась древнейшая территория албанских поселений на Балканах — на побережье или во внутренних областях полуострова. Исследование этого вопроса до сих пор находится в состоянии гипотез.

Не решая вопроса в целом, можно допустить непрерывность существования албанских поселений уже с древних времен в западной и северо-западной частях косовско-метохийского ареала,— там, где он непосредственно смыкается с основным албаноязычным массивом на территории Албании. Допустимо также, что потоки расселения могли двигаться в двух направлениях, не только с запада на восток, но и с востока на запад, как об этом повествует племенная легенда Шали, Шоша и Мирдиты.

нием 1685 г., отметив эти исправления квадратными скобками, например: g[i]au, tue zg[i]edhun и др. Его намерением было привести текст П. Богдани в полное соответствие с литературной гегской нормой (в ее шкодранском варианте). Однако в ряде случаев северо-восточные формы оригинала остались неисправленными, видимо ускользнув от внимания редактора.

[136] J. G. H a h n. Reise von Belgrad nach Salonik, стр. 36 и сл.

[137] C. T a g l i a v i n i. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 12 и сл.

Восточная разновидность гегской речи несколько обособилась от общего северногегского диалектного типа благодаря тому, что внутренние балканские области с албаноязычным населением с давних пор входили в экономическую зону, независимую от зоны Адриатического побережья. Разобщенность отдельных областей была обычным явлением для Турецкой империи, с ее слабой централизацией и неразвитой сетью путей сообщения. Горные массивы северной Албании создавали естественную границу между двумя самостоятельными зонами. Центром западной зоны была Шкодра, центрами восточной — города Печ (тур. Ипек), Джякова, Призрен, Приштина, Вучитерн. Через высокие перевалы протягивались ниточки караванных троп — единственных торговых путей, связывавших Адриатическое побережье с внутренними областями полуострова. Селения, лежавшие на запад и на восток от перевалов, соответственно распределялись по сферам экономического и политического тяготения. Если горцы Большой Мальсии и Дукаджина столетиями спускались на Шкодранскую низину, то жители горных и равнинных селений, лежавших к северо-востоку от течения объединенного Дрина, по традиции гнали свой скот для продажи на базары Призрена, Джяковы, Печа. В этих городах шла оживленная торговля продуктами сельского хозяйства и ремесленного производства.

Еще более отдалены от приморской зоны были города и села Косова. С южной стороны долины Метохии и Косова замкнуты высоким массивом Шарпланины, отделяющим их от зоны албанских поселений в Западной Македонии.

При известной обособленности от западной и юго-восточной частей албаноязычного ареала, в крае Косово и Метохии существовали в то же время условия для выработки относительно единого типа диалектной речи. Эти условия создавались, с одной стороны, смешанным составом албаноязычного населения, переселявшегося в разное время и из различных районов северной Албании, а с другой стороны — факторами общественно-экономического порядка.

Край Косово и Метохия еще в римскую эпоху был средоточием важных путей сообщения, пересекавших Балканский полуостров. В частности, через него проходила дорога Шкодра (Scodra)—Липляна (Ulpiana)—Ниш (Naissus), соединявшая Адриатическое побережье с внутренними областями полуострова. Эта дорога сохраняла свое значение как в средние века, так и после турецкого завоевания.[138] Добыча золота, серебра и свинца в горных рудниках Ново-Брды и Янева составляла один из источников экономического процветания Косова, которое в эпоху средневекового

---

[138] См.: M. Krasniqi. Komunikacioni i vjetër në Kosovë-Metohi. Përparimi, 1957, № 7—8, стр. 472 и сл.

Сербского царства было густо населенной областью.[139] Города Косова были центрами оживленной торговли.

И после турецкого завоевания Косово и Метохия не потеряли своего значения важной в экономическом и политическом отношении зоны. В составе европейской части империи существовала особая провинция (санджак), в которую входили Косово и южная часть Метохии (северная часть Метохии была включена в состав Дукаджинского санджака). Однако при слабой степени централизации, характерной для военно-феодального режима Турецкой империи, гораздо большее значение, чем административные деления, имело экономическое единство. В этом отношении плодородные долины Косова и Метохии, с расположенными в них торговыми городами и прилегающими горными районами, составляли относительно единое и однородное целое, пределы которого создавались в основном естественными границами.

В горных районах албанцы, занимавшиеся преимущественно скотоводством, сохраняли остатки родо-племенной организации.[140] В долинах Косова и Метохии при наличии большого количества плодородных земель получили развитие феодальные отношения. Богатые беи эксплуатировали для обработки своих чифтликов (поместий) сельское население, состоявшее из сербских райя (христиан) и албанских переселенцев, приходивших из различных горных краин северной Албании и обычно принимавших магометанство. В условиях смешанного состава населения процессы взаимной языковой ассимиляции приводили к созданию обобщенного диалектного типа. Отсутствие длительной стабильности в границах феодальных территорий, которое было характерно для режима Турецкой империи, не создавало предпосылок для закрепления диалектных различий, если таковые возникали. Кроме того, постоянным фактором, способствовавшим языковому объединению, было влияние городов, служивших центрами экономического притяжения для окружавших их сельских местностей. Довольно многочисленные города в турецкий период играли заметную роль в экономической и политической жизни Косова и Метохии, будучи центрами ремесленного производства и торговли, а также местами постоянного пребывания феодальной верхушки общества.

Большое значение имел Призрен, лежащий в южной части Метохийской равнины, у подножия Шарпланины. Через него

---

[139] См.: R. Lleshi. Vendbanimet në Kosovë-Metohi. Përparimi, 1960, № 4, стр. 267.

[140] В настоящее время в некоторых деревнях еще встречаются очень большие семейные общины, насчитывающие до 80 и более членов. Так, например, албанская семья Фетахай (Fetahaj) в деревне Раушич (Raushiq) близ Печа в 1959 г. состояла из 83 членов (M. Krasniqi. Organizimi i jetës shoqnore në nji familje te mädhe në rrethin e Pejës. Përparimi, 1959, № 5).

проходила дорога из Шкодры, связывавшая внутренние области Балкан с Адриатическим побережьем, и поэтому он уже довольно рано приобрел славу одного из важных торговых центров в европейской части Турецкой империи. В XVI—XVII вв. это был цветущий город с развитыми ремеслами и торговлей. Преобладающее большинство населения Призрена составляли албанцы-мусульмане.[141] И. Г. Хан, посетивший Призрен в середине XIX в., характеризовал его как один из крупнейших городов Балканского полуострова.[142] Количество жителей Призрена достигало в то время 46 000 [143] и непрерывно возрастало. Из общего числа 36 000 составляли мусульмане (вероятно, преимущественно албанцы). На базаре, насчитывавшем 1200 лавок, звучали вперемешку турецкая, славянская, албанская и влашская (аромунская) речь. По утверждению Хана, большинство жителей владели всеми этими языками, так как отдельные национальности не занимали особых кварталов, но жили «в пестром смешении» («in buntem Gemisch»).[144] Среди ремесел Призрена основное место занимали оружейное производство и кожевенное дело. Призрен был «главной кузницей оружия на всем полуострове, и его продукция расходилась по всему Леванту, преимущественно в Сербии и Египте».[145] На плодородных равнинах, окружающих город, процветали земледелие, виноградарство и скотоводство. Путешественник начала XX в. характеризовал Призрен как центр обмена между равнинами Ускюба (Скопле) и Джяковы, с одной стороны, и горными племенами северной Албании — с другой, как важный центр торговли и очень процветавшей мелкой местной промышленности.[146]

Ремесла и торговля получили развитие и в других городах Метохии — в Джякове и Пече, населенных преимущественно албанцами. Эти города служили также резиденцией многочисленным албанским феодалам, которые, владея обширными поместьями на равнине, жили в городских домах-крепостях (куллы) и дер-

---

[141] См.: H. Kaleshi. Shënime nga e kaluemja e Prizrenit gjatë periodës Turke. Përparimi, 1961, № 7—8.

[142] J. G. Hahn. Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar. Denkschriften d. Akad. d. Wiss. in Wien. Philos.-hist. Kl., Bd. 15, Wien, 1867, стр. 80.

[143] Цифра эта, по-видимому, преувеличена. По более точным данным, содержащимся в турецком календаре 1876 г., в Призрене в то время насчитывалось около 40 000 жителей (H. Kaleshi. Shënime nga e kaluemja e Prizrenit, стр. 510).

[144] Последнее утверждение, вероятно, также нуждается в уточнении. В частности, следует заметить, что в Призрене, как и в других балканских городах того времени, цеховая организация (эснаф) кожевников имела свой особый квартал — mahalla Tabaklar (см.: H. Kaleshi. Shënime nga e kaluemja e Prizrenit, стр. 503). Членами этого привилегированного эснафа могли быть только мусульмане; в данном случае это были албанцы.

[145] J. G. Hahn. Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar, стр. 80.

[146] См.: G. Louis-Jaray. L'Albanie inconnue. Paris, 1913, стр. 76.

жали при себе вооруженные отряды.[147] Будучи типичными городами феодальной анархии, Джякова и Печ играли заметную роль в политической жизни европейской части Турецкой империи.

В долине Косова в период турецкого завоевания наиболее крупными и значительными городами были Вучитерн и Приштина. Время расцвета Вучитерна — XVI—XVII вв., когда этот город был центром санджака. Когда же в начале XVIII в. управление санджаком было перенесено в Приштину, Вучитерн утратил свое былое политическое и экономическое значение.[148] Приштина всегда сохраняла свое значение важного центра ремесленного производства и торговли, расположенного в центре Косовско-Метохийской области, на важном торговом пути из Македонии в Боснию.[149]

Более мелкие города и крупные села — как в центре, так и на периферии косовско-метохийского ареала — составляли довольно густую сеть населенных пунктов в этой обширной области, обладавшей смешанным составом населения.

При таких исторических условиях и получила развитие особая восточная разновидность северногегского диалектного типа — косовско-метохийский говор.

Говор этот, насколько можно судить по опубликованным материалам, обладает относительным единством, по крайней мере для центральной части ареала. Возможно, что в результате дальнейшего углубленного диалектологического обследования территории Косова и Метохии в большей степени выявится вариантность речи, в особенности в периферийных районах области и в относительно удаленных от центров горных краинах. По опубликованным в недавнее время предварительным наблюдениям, можно составить представление об отличиях говоров, относящихся к зоне перехода к среднегегскому диалектному типу, например говоров Качаника,[150] Заяза (Zajaz).[151] Особое место занимает говор группы деревень небольшой горной краины Ругова (Rugova) близ Печа.[152] Деревни эти, носящие названия Шкрель (Shkrel), Богай (Bogai)

---

[147] См.: V. Stojançeviç. Kosova e Metohi nën sundimin Turk. Përparimi, 1956, № 5, стр. 307.

[148] См.: Z. Bajrami. Vuçitërna. Përparimi, 1959, № 12.

[149] Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Приштину в 1660 г., сообщил, что в ней было 300 лавок и 13 ханов (*постоялых дворов*) (K. Halimi. Diçka rreth historis së Prishtinës. Përparimi, 1956, № 6, стр. 402).

[150] См.: B. Hysa. *Veçoritë e bashkëtinglloreve në të folunit e Kaçanikut*. Përparimi, 1963, № 3.

[151] См.: A. Selimi. Të folunit e Zajazit me disa karakteristika. Përparimi, 1961, № 6.

[152] См.: M. Begolli. Të folunit e Rugovës me disa veçori të veta Përparimi, 1958, № 5.

и другие, основаны переселенцами из горных районов близ Шкодры. Речь их жителей (главным образом старшего поколения) до сих пор сохраняет основные характерные особенности северо-западного говора горцев Большой Мальсии (дифтонг *ua*, переход $mb > p$, $nd > t$, переход $kl > k\underset{\frown}{i}$ и др., см. выше), хотя и находится под сильным влиянием косовско-метохийского говора окружающего населения.[153]

Есть также упоминание о том, что в одной из деревень района Митровицы семьи, переселившиеся некогда из Мирдиты и называемые прозвищем «Fon» ($<$ Fand), до сих пор выделяются среди прочих жителей своими обычаями и говором.[154]

Как уже упоминалось выше, косовско-метохийскому говору посвящено специальное исследование К. Тальявини, который объединил его с албанскими говорами северо-западной Македонии под общей рубрикой «восточногегских». Тальявини воспользовался всеми опубликованными до 1942 г. материалами, в основном состоящими из небольшого количества фольклорных текстов (в записях, сохраняющих диалектные особенности) и очень кратких заметок Ст. Младенова.[155] Кроме того, он использовал свои собственные наблюдения, сделанные им во время путешествия по Старой Сербии и Македонии в 1927 г.[156]

В недавнее время появилось исследование И. Айети, содержащее анализ языковых особенностей албанского текста на арабском алфавите, относящегося к 1835 г. и происходящего из края Косова и Метохии.[157] Автор сопоставляет язык текста [158] с говором Джяковицы (Метохия) в его современном состоянии. Основные особенности этого говора также являются предметом описания в указанном труде. Сравнение с текстом начала XIX в. позволило автору установить историческую перспективу развития говора за последние сто тридцать лет.

Помимо этих основных работ, дополнительные сведения могут быть извлечены из фольклорных записей, количество которых за последние годы несколько увеличилось.[159]

---

[153] См.: там же, стр. 311.

[154] См.: M. M a l o k u. Smrokonica — katund n'unazë të Shalës së Bajgorës. Përparimi, 1963, № 4, стр. 289.

[155] St. M l a d e n o v. Bemerkungen über die Albaner und das Albanische in Nordmakedonien und Altserbien. Balkan-Archiv, I, Leipzig, 1925.

[156] См.: C. T a g l i a v i n i. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 20.

[157] См.: I. A j e t i. Najstariji dokument kosovskog arbanaškog govora na arapskom pismu. Gjurmime albanologjike, I, Prishtinë, 1962.

[158] Tahir-efendi Bošnjaki «Emni Vehbiįe».

[159] В частности, могут быть использованы материалы, публикуемые в журнале «Përparimi», выходящем в Приштине (центр автономного края Косово и Метохия). Некоторые факты можно извлечь из монографии Гл. Елезовича о фонетических особенностях дибранского говора (Gl. E l e z o v i č. Glasovne osobine arbanaškog dijalekta Debra i njegove okoline. Српски дијалектолошки зборник. Расправе и грађа, књ. XI, Београд, 1950). Автор сравни-

В сравнении с другими говорами северногегской зоны северо-восточный говор Косова и Метохии отличается в большей мере своими инновациями, нежели архаизмами. Это можно объяснить, приняв во внимание изложенные выше исторические условия его образования.

В литературе, однако, обнаруживаются некоторые расхождения точек зрения именно по данному вопросу. По-видимому, расхождения эти связаны главным образом с различием используемого отдельными исследователями материала. И. Айети, подчеркивающий интенсивность тенденции к инновациям, проявляющейся в косовско-метохийском говоре,[160] исходит в первую очередь из наблюдений над современным состоянием этого говора, которое он удачно сопоставляет с состоянием, зафиксированным в тексте первой половины XIX в. Э. Чабей, в своих исследованиях по исторической фонетике албанского языка неоднократно указывающий на сохранение в северо-восточной периферии гегского ареала разного рода остаточных явлений,[161] опирается преимущественно на анализ фольклорных текстов. Тексты эти, главным образом исторические песни, записанные в разное время от жителей горных краин Косова и Метохии, действительно обнаруживают некоторые архаические явления, которые в живой речи преобладающей массы населения области, видимо, давно уже не звучат. Возможно, однако, что в какой-то мере они все же еще сохраняются в относительно отдаленных от центров горных краинах, особенно в речи стариков. Не определяя общего типа говора в его современном состоянии, с точки зрения лингвистической географии они несомненно представляют интерес. В некоторых случаях отмеченные архаизмы, вероятно, могут быть объяснены как остатки говоров северо-западного типа, в разное время занесенные переселенцами из горных районов северо-западной Албании и не успевшие ассимилироваться общему диалектному типу, сложившемуся на территории Косово-Метохии. В качестве примера может быть приведен уже упоминавшийся ранее говор группы горных деревень близ Печа (Ругова в северной Метохии), до сих пор сохраняющий характерные особенности северо-западного говора Большой Мальсии.

В области вокализма для характеристики косовско-метохийского говора показательны следующие явления.

вает дибранские формы с формами говора Вучитерна (Косово), которые *он принимает в качестве отправной «нормы»*. Исследование Елезовича интересно именно этой своей стороной. Сам факт сопоставления дибранского и косовско-метохийского говоров как двух самостоятельных диалектных единиц может служить аргументом против объединения их под общим наименованием «восточногегских».

[160] См.: I. A j e t i. Najstariji dokument, стр. 11.

[161] См.: E. Ç a b e j. Për historinë e konsonantizmit, стр. 45; см. также: E. Ç a b e j. Gjon Buzuku. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 2, стр. 89.

1) В соответствии с общим обликом северногегской речи (ср. дукаджинские говоры) в основном еще сохраняется произношение дифтонгов *ue*, *ye*, *ie*. Однако действие тенденции к монофтонгизации проявляется в очень сильной степени, причем на некоторых участках диалектной территории (например в Джякове) процесс этот уже завершился, и на месте дифтонгов произносятся монофтонги *u*, *y*, *i*.[162] Явление это, по-видимому, распространялось с юго-запада, из центральных областей гегской диалектной зоны.[163]

Состояние колебаний между двумя типами произношения довольно наглядно обнаруживают записи устных рассказов, сделанные в недавнее время в деревнях района Дреница (Drenicë) близ Митровицы (северное Косово). Часто в одном и том же тексте оказываются зафиксированными как формы с дифтонгом, так и с соответствующим монофтонгом. Например, в небольшом тексте, записанном у жителя с. Бежанич (Bezhaniq): ish shkú 'пошел', kom pas mênú 'я думал', m'kallzú 'рассказать', A ô mir m'e ngu gruen? 'Хорошо ли слушать женщину?', E kam 'i gru n'shpi 'У меня есть в доме одна женщина', a shkohet ashtu duer that? 'Разве ходят так с пустыми (букв. сухими) руками?, me dur that 'с пустыми (сухими) руками'.[164] В этих примерах формы причастия и инфинитива показывают замену дифтонга *ue* монофтонгом *u*: shkú, mênú, m'kallzu. Слова grue 'женщина' и duer 'руки' представлены в двух вариантах: gruen и gru, duer и dur. В других текстах, записанных от того же лица, дифтонг *ue* сохраняется также в формах причастия и инфинитива: kemi lue 'мы играли', me i martue 'их женить', но с монофтонгом инфинитив m'u forcú 'набраться сил'.[165]

В текстах, записанных от разных лиц из села Prekaz i Epërt: me shkú 'идти', но m'u gjygjue 'судиться',[166] me ja kthy 'их вернуть', но i kishna kthye 'мы их вернули'.[167]

Формы с монофтонгом несомненно отражают актуальную тенденцию живой речи к устранению еще существующих в фонологической системе говора дифтонгов. Сохранение (а возможно, и восстановление) дифтонгического произношения, вероятно, как и в других гегских говорах, в некоторой степени поддерживается влиянием литературной нормы.

В исследованиях по исторической фонетике албанского языка особое внимание обычно привлекает текст исторической песни

---

[162] См.: I. Ajeti. Najstariji dokument, стр. 23.
[163] Ср.: E. Çabej. Gjon Buzuku, стр. 100.
[164] A. Çetta. Ryshfeti në tregimet popullore të Drenicës. Përparimi, 1960, № 1—2, стр. 103.
[165] A. Çetta. Bisedat dhe kallximet alegorike në Drenicë. Përparimi, 1959, №№ 7—8, стр. 535.
[166] A. Çetta. Dervish Goxhuli — humorist dhe kangtar populluer i Drenicës. Përparimi, 1958, № 9, стр. 646.
[167] A. Çetta. Ryshfeti, стр. 103.

о битве на Косовом поле, записанный Гл. Елезовичем от жителя с. Дрвар близ Вучитерна.[168] В этом тексте, при преобладании форм с дифтонгом *ue*, встречаются также формы с дифтонгом *uo*, которые могут представлять собой остаток исторически более ранней фазы произношения. С одной стороны: kokan škue 'пошли', jon baškue 'объединились', me kałdzue 'рассказать', me i maštrue 'их обмануть' (и множество аналогичных примеров); с другой стороны, представленные по нескольку раз формы duo 'хочу', gruoja 'женщина', duort 'руки'.

Характерно, что случаи с *ue* — это чаще всего инфинитив или причастие в составе аналитической формы, стоящие в конце строки и ритмически всегда четко выделенные. Лишь как единичное исключение (всего два случая) в тексте встречаются также формы причастия с монофтонгизацией *ue* > *u*: koka šku 'пошла', ja kan pru 'ее доставили'.

Остатки произношения дифтонга *uo* Э. Чабей сопоставляет с аналогичным явлением в говорах Большой Мальсии и Краи и определяет как особенность, характерную для отдаленных участков гегской периферии.[169] В противоположность этому И. Айети отрицает самый факт существования каких-либо следов произношения дифтонга *uo* в области Косово-Метохии и предполагает поэтому наличие ошибок в записях Гл. Елезовича.[170] Однако, если принять во внимание сложную историю и длительность процесса образования албанских поселений на территории Косово-Метохии, представляется все же возможным допустить, что несколько десятилетий тому назад в глухих уголках области еще могли сохраняться отдельные группы населения, речь которых обладала некоторыми архаическими особенностями, характерными для горных окраин северной Албании.

2) Существенное значение для характеристики косовско-метохийского говора имеет явление, связанное с общей установкой артикуляции гласных, значительно сдвинутой назад, и соответственно с усилением также элемента велярности при произношении ряда согласных звуков. С этой особенностью артикуляционной базы связано общее впечатление, производимое северо-восточногегской диалектной речью. Обращают на себя внимание низкий тембр, как бы «затемненность» произношения, создаваемая взаимодействием таких моментов, как отодвинутость назад и назализованность гласных и веляризованность некоторых согласных.

В области вокализма эта общая установка произношения наиболее отчетливое выражение получает в отодвижении назад долгого *ā*, сопровождаемом лабиализацией. В первую очередь это

[168] Гл. Елезовић. Једна арнаутска варианта о боју на Косову. Архив за арбанаску старину, језик и етнологију, књ. I, св. 1—2, Београд, 1923, стр. 54 и сл.

[169] См.: E. Çabej. Gjon Buzuku, стр. 90.

[170] См.: J. Ajeti. Najstariji dokument, стр. 24.

касается назализированного гласного, а также находящегося в непосредственном соседстве с носовыми согласными.[171] Результатом является открытое долгое ǭ. Это явление распространено в Косове и Метохии повсеместно; поэтому иллюстрирующий материал из опубликованных текстов может быть приведен в любом количестве. Так, например, в фольклорных записях из деревень Дреницы (район Митровицы, севернее Косова): nuk jom (лит. jam) kon mrom (лит. г. mbrâmë, mrâmë) n'shpi 'я не был вечером дома'.[172] Из Вучитерна (с. Дрвар): kaldzo onder (лит. г. ândër, шкодр. ânner), bre djal — nona (лит. г. nâna) i ka ϑon (лит. г. thânë) '«Сын, расскажи сон», — сказала ему мать'.[173] Из Приштины: hona (лит. г. hâna) 'луна',[174] bohet (лит. г. bâhet) 'делается', ošt (лит. г. âsht '(он) есть').[175] Из Дјаковы: bojnë (лит. г. bâjnë) 'делают', meidon 'площадь' (тур. meydan).[176] Елезович приводит в качестве нормальных для косовско-метохийского говора формы: dhom(b) (лит. г. dhâmb) 'зуб', nond (лит. г. nând) 'девять', koma (лит. г. kâmba) 'нога' и др.[177]

Тенденция к превращению в более задний, несколько лабиализованный гласный захватывает не только назализированное ã; она действует и в других случаях. Так, в Призрене говорят pâre 'деньги' (тур. para),[178] в окрестностях Печа — mår (лит. marr) 'беру', в Прешово — çof (лит. qafë) 'шея', jov (лит. javë) 'неделя'.[179]

К. Тальявини, связывая переход ā̃ > ǭ̃ с назальностью гласного, в остальных случаях ищет объяснения переходу ā > ǭ в соседстве его с носовыми или губными согласными.[180] Такое объяснение мало удовлетворяет, так как самому Тальявини приходится признать наличие случаев спонтанной лабиализации — в примерах типа kål 'колос' (лит. kall, kallí), kåšt (лит. kashtë) 'солома', отмеченных в окрестностях Скопле. Кажется более приемлемым искать единую причину для всех случаев соответствующего изменения. Эта причина может скорее всего лежать в общей установке артикуляции, характерной для данного типа диалектной речи. Широко распространенный в косовско-метохийском говоре переход ā > ǭ (с назализацией или без нее) не является, однако, специфичным только для этой диалектной об-

---

[171] См.: C. Tagliavini. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 32 и сл.
[172] A. Çetta. Ryshfeti, стр. 105.
[173] Гл. Елезовић. Једна арнаутска варијанта, стр. 54.
[174] K. pop. hist., стр. 172.
[175] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 102.
[176] K. pop. hist., стр. 144 и сл.
[177] Gl. Elezović. Glasovne osobine, стр. 229 и сл.
[178] St. Mladenov. Bemerkungen über die Albaner, стр. 60.
[179] C. Tagliavini. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 36.
[180] Там же.

ласти. Как уже излагалось выше, аналогичное явление представлено также в некоторых других северногегских говорах — в говорах Большой Мальсии, Краи, Задримы и в городском шкодранском (в произношении католической части населения). И вообще это звуковое явление получило различную степень развития на многих участках гегской диалектной зоны не только на северной ее периферии, но и в южной части (преимущественно в горных районах).

3) Явление делабиализации *y* > *i*, имеющее довольно широкое распространение в различных албанских говорах, наблюдается также в косовско-метохийском.[181] Но оно осуществляется непоследовательно и, видимо, имеет спорадический характер. В тексте песни из района Вучитерна рядом зафиксированы лабиализованная и нелабиализованные формы: tim (лит. tym) 'дым' и grük 'ущелье'.[182]

4) Наблюдаемое в говоре явление дифтонгизации *e* > *ie* (и затем *ije*) ограничено только положением после глухого заднеязычного смычного.[183] И. Айети отмечает, что это явление распространено по всей территории Косово-Метохии. Для района Джяковы он дает примеры: kije 'волы' (лит. qe), ti kie (лит. ti ke) 'ты имеешь' (однако в составе аналитической формы без дифтонгизации: ti ke pas 'ты имел'). Приводимые им также материалы из текста начала XIX в. свидетельствуют об относительной давности такого развития. Новыми фольклорными записями форма kije 'волы' зарегистрирована также для сел Дреницы на севере Косова.[184]

В области консонантизма:

1) осуществлены изменения *mb* > *m*, *nd* > *n*, о чем с полной определенностью свидетельствует И. Айети.[185] Несколько примеров из северного Косова (Дреница): me marú (лит. г. me mbarue) 'окончить', mushi (лит. mbushi) 'он наполнил', mrêna (лит. mbrenda) нар. 'внутри', efêni (тур. efendi) 'господин', vên (лит. vend) 'место', s'u nal (лит. s'u ndal) 'он не остановился' и др.[186] В изданном и изученном И. Айети тексте из Джяковы, относящемся к первой половине XIX в., *mb*, *nd* обозначены и, следовательно, в то время они еще произносились. Обозначены они и в сербско-албанском словаре Куюнджича,[187] вышедшем в 1902 г. и ориентированном также на речь албанцев Джяковы. В некоторых фольклорных записях начала нашего века формы с *m*, *n* были зафик-

---

[181] Там же, стр. 47.

[182] Гл. Елезовић. Једна арнаутска варианта, стр. 57.

[183] I. Ajeti. Najstariji dokument, стр. 26. См. также: C. Tagliavini. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 37.

[184] A. Çetta. Ryshfeti, стр. 105.

[185] I. Ajeti. Najstariji dokument, стр. 32.

[186] A. Çetta. Ryshfeti, стр. 106.

[187] Л. Кујунџић. Српско-арнаутски речник. Београд, 1902.

сированы наряду с формами, сохранявшими *mb*, *nd*, которые в общем еще преобладали. Например, в исторической песне из Вучитерна[188] часто встречающееся существительное mret (лит. mbret) 'султан' всегда дается с *m*, а глагольные формы kan mbet 'остались', ka mbet 'остался' (также встречающиеся неоднократно) — только с неизмененным *mb*; *nd* обычно дается в неизмененном виде: s'mundet 'не может', ondra 'сон', krkund 'нигде'. Материалы словаря Куюнджича, а также наблюдения над фольклорными записями XIX и начала XX в. явились поэтому основанием для отнесения косовско-метохийского говора к тем периферийным участкам гегской диалектной зоны, где еще задерживались *mb*, *nd*.[189] Однако это утверждение, видимо, уже не отвечает современному состоянию фактов. И. Айети полагает, что *mb*, *nd* произносились в XIX в., но в начале XX в. процесс их перехода в простые носовые сонанты *m*, *n* уже полностью завершился.

2) Как и в некоторых других северногегских говорах, в косовско-метохийском наблюдается смешение в произношении согласных *dh*[*đ*] и *ll*[*ł*]. Обусловленное сильной степенью веляризации этих согласных, подобное явление выступает параллельно с таким изменением в области вокализма, как отодвижение назад и лабиализация долгого *ā*. Тальявини отмечает почти повсеместно действие «более или менее выраженной и более или менее общей тенденции» к превращению звонкого интердентального сонанта *dh* в велярный латеральный *ll*.[190] Степень проведения этого фонетического явления обычно колеблется; в одной и той же местности можно услышать как формы с *dh*, так и формы с *ll*. Ст. Младенов отметил, что в Качанике один из его собеседников произносил uδ, uδa 'дорога', а другой — uł, uła.[191]

В записи исторической песни из Косова зафиксированы формы как с *dh*, так и с *ll*. Ср. uδzat 'дорожки', но ułɛn 'дорогу' (вин. п., ср. лит. udhën); eδe союз 'и', dümδet '12', (i)barδ 'белый', kan arδ 'пришли', но причастие l'oł, (lodh) 'усталый' — многократно в сочетаниях jon l'oł, išin l'oł 'устали', 'были усталыми' и др.[192]

---

[188] Гл. Елезовић. Једна арнаутска варианта.

[189] Ср.: E. Çabej. Për historinë e konsonantizmit, стр. 37.

[190] C. Tagliavini. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 59.

[191] St. Mladenov. Bemerkungen über die Albaner, стр. 55. Младенов усматривал в этом явлении результат влияния речи славян, усваивавших албанский язык. Он полагал, что здесь могла иметь место подмена интердентального спиранта *dh*, отсутствующего в славянских языках. По его мнению, славяне должны были заменять этот непривычный для них звук «суррогатом, наиболее близким к нему с точки зрения акустики и физиологической фонетики» (там же, стр. 51). Предположение Младенова было высказано в порядке гипотезы и не подтверждено фактами. Объяснение, исходящее из внутренних условий развития фонетической модели говоров албанского языка, кажется более приемлемым.

[192] Гл. Елезовић. Једна арнаутска варианта, стр. 54 и сл.]

Совпадение вариантов обеих фонем в косовско-метохийском говоре, по-видимому, все же не дошло до вытеснения одной из них из фонологической системы.

3) Косовско-метохийский говор принял участие в характерном для всей северногегской диалектной зоны процессе превращения старых среднеязычных смычных *q*[*ħ*], *gj*[*ђ*] в аффрикаты. Этапы развития этого процесса варьируют от района к району в отношении места артикуляции. Более раннюю фазу этого процесса, сохраненную еще в северо-западных говорах, представляют среднеязычные аффрикаты ([*ħs'*], [*ђs'*]. В своем описании одного из дукаджинских говоров [193] В. Цимоховский обозначил их *č'*, *ǯ'*. Этим аффрикатам — палатальным — противостоят непалатальные — переднеязычные аффрикаты со вторым двухфокусным элементом, обозначенные тем же автором *č*, *ǯ*. Тенденция к смешению этих двух рядов фонем в разной степени проявляется в фонетическом развитии отдельных северногегских говоров. Для косовско-метохийского характерной является утеря среднеязычной артикуляции в произношении аффрикат — на месте бывших среднеязычных аффрикат произносятся переднеязычные со вторым двухфокусным элементом — *ç*[*č*] и *xh*[*dž*].

Ст. Младенов, обратив внимание на это явление, засвидетельствовал для района Прешово формы čen (лит. qen) 'собака', pleč (лит. pleq) 'старики', či (лит. që) союз 'что', džak (лит. gjak) 'кровь', džarpën (лит. gjarpën) 'змея', džašt (лит. gjasht) 'шесть', džims (лит. gjymës) 'половина',[194] для района Феризовича (Урошевац) — kurrdža (лит. kurrgjâ) 'ничто, ничего', для района Приштины i džon 'широкий' (лит. г. i gjân)[195] и др. Также в различных фольклорных записях из Косова: çeni (лит. qeni) 'собака', xhithë (лит. gjithë) 'весь',[196] çafe (лит. qafë) 'шея', ka xhetë (ka gjetë) 'он нашел',[197] džumi (лит. gjumi) 'сон';[198] из Джяковы: Xhakovë (Gjakovë);[199] из Хаса: ka çorrue (лит. ka qorrue) 'ослепил', xhak (лит. gjak) 'кровь', i xhalli (лит. i gjalli) 'живой' [200] и др.

Как результат такого изменения в косовско-метохийском говоре оказался осуществленным значительный сдвиг в фонологической системе — ликвидация ранее существовавшего различия между среднеязычными аффрикатами (рефлексами староалбанских среднеязычных смычных) и переднеязычными аффрикатами с шипящим в качестве второго элемента.

И. Айети убедительно доказывает, что устранение различия

---

193 W. Cimochowski. Le dialecte de Dushmani, стр. 20 и сл.
194 St. Mladenov. Bemerkungen über die Albaner, стр. 48.
195 Там же, стр. 57.
196 K. pop. hist., стр. 188.
197 Там же, стр. 199.
198 M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 102.
199 K. pop. hist., стр. 211.
200 K. pop. legiend., стр. 32 и сл.

двух рядов фонем в косовско-метохийском диалектном ареале осуществилось в начале XX в.[201] В описанном им тексте начала XIX в. эти фонемы еще четко различаются, а в материалах словаря Куюнджича отразился период колебаний, перехода от одного этапа к другому, о чем свидетельствует непоследовательность написания (в аналогичных случаях используются без какой-либо системы знаки сербской кириллицы — *ћ* и *ч*, *ђ* и *џ*).

Исторический анализ, произведенный проф. Айети, нуждается, однако, в некотором уточнении, касающемся фонетической характеристики ликвидированной в косовско-метохийском говоре серии фонем. Как и в других северногегских говорах, до сих пор еще сохранивших старое различие двух рядов фонем (ср. душманский говор, описанный В. Цимоховским), в косовско-метохийском говоре XIX в., а возможно и значительно ранее, уже не было среднеязычных смычных, но на их месте были среднеязычные аффрикаты. Можно полагать, что это изменение, охватившее всю северногегскую диалектную область, произошло относительно давно, так как только в этой части гегского ареала, в отличие от более южных его частей, со старыми среднеязычными смычными (или с заменившими их среднеязычными аффрикатами) не совпали рефлексы староалбанских сочетаний *kl*, *gl*. Если бы в северногегском так же длительно, как в южногегском, задержалась серия среднеязычных смычных, она несомненно так же, как и там, притянула бы к себе и поглотила сочетания заднеязычных смычных с неслоговым *i̯*, развившиеся из *kl*, *gl*. Однако этого не произошло.

Исчезновение среднеязычных смычных, происшедшее путем усиления их аффрицированности в северногегской диалектной зоне, а также дальнейшее развитие заменивших их аффрикат внесли довольно существенные изменения в соотношение согласных элементов фонологической системы каждого из говоров, охваченных этим процессом. Поэтому возникшие на этой почве различия составляют важный дифференциальный признак при классификации говоров албанского языка.

Все перечисленные выше особенности косовско-метохийского говора в основном не выходят за пределы серии признаков, характеризующих северногегскую зону в целом.

Однако в некоторой связи с фактом исчезновения категории среднеязычных смычных находится развитие специфической для северо-восточных говоров инновации, которая заметно выделяет их как особый вариант северногегского диалектного типа. Такой инновацией является

4) своеобразное развитие староалбанских сочетаний *kl*, *gl*. В северной Албании сочетания эти произносились еще в XVI в. (возможно, уже не повсеместно), так как они зафиксированы в «Служебнике» («Missale») Гьона Бузука, напечатанном в 1555 г.

---

[201] I. A j e t i. Najstariji dokument, стр. 27.

Например: qi e cluognine Simon 'которого называют Симеон', gluheneh teme 'язык мой' (вин. п.), endiglo 'услышь!', chlaih (klâj) 'плачу', clomeste (klomështë) 'молоко', tue clene 'будучи' и др.[202]

В то время как на преобладающей части всего албаноязычного ареала рефлексы этих сочетаний слились со старыми среднеязычными смычными, периферийные зоны на севере гегской и на крайнем юге тоскской диалектных областей сохраняют еще в той или иной форме их остатки.

Путь развития процесса в целом можно представить себе следующим образом: I. *kl'*, *gl'* > II. *ki̯*, *gi̯* > III. *q*, *gj* — среднеязычные смычные [*ȟ*], [*ǯ*].

Фаза I существовала на севере Албании еще в XVI в.; частично она сохраняется и до сих пор в некоторых говорах на крайней периферии южноалбанского диалектного ареала (в чамерийских, а также в греко-албанских, итало-албанских и украино-албанских говорах). Фазу II можно наблюдать в настоящее время на северо-западной периферии гегской зоны (говоры Большой Мальсии, Краи, дукаджинские, шкодранский католический). Фаза III характерна для преобладающей части южноалбанского диалектного ареала, а также для южногегской и значительной части среднегегской зон. Эта фаза отражена и в литературной норме произношения. Наконец, в некоторых говорах среднегегской зоны рефлексы старых *kl*, *gl* вместе со старыми среднеязычными смычными, с которыми они совпали, переходят в аффрикаты, что дает возможность говорить и о IV фазе указанного процесса.

Неожиданное отступление от этой линии последовательного развития обнаруживают северо-восточные гегские говоры. Рефлексы староалбанских сочетаний *kl'*, *gl'* представлены в них заднеязычными смычными *k*, *g*. Староалб. kl'an 'он плачет' в косовско-метохийском говоре отражено как kan. Ему соответствуют южноалб. перифер. klan, kljan, сев.-зап. г. ki̯an. На преобладающей части албанской территории говорят qan [ȟan], что является также литературной нормой. Ср. также южноалб. перифер. klumësht, klumusht, сев.-зап. г. ki̯umesht, лит. qumësht 'молоко', сев.-вост. г. (Джякова) surutka kumshti 'сыворотка'; южноалб. перифер. i glatë, i gljatë, сев.-зап. г. i gi̯āt, лит. i gjatë, сев.-вост. г. i gāt 'длинный'; южноалб. перифер. gluha, gljuxa, сев.-зап. г. gi̯ūha, лит. gjuha, сев.-вост. г. gua 'язык' и др.[203]

Это явление засвидетельствовано уже памятником XVII в. В напечатанном впервые в 1685 г. сочинении епископа Пьетера Богдани, происходившего из краины Хас, неоднократно встречаются формы, в которых ст.-алб. *gl* отражено как *g*, параллельно с написанием *gi*, требовавшимся северо-западной литературной

---

[202] E. Ç a b e j. Për historinë e konsonantizmit, стр. 54.
[203] См.: там же, стр. 51.

нормой, на которую автор старался ориентироваться. Например: mbë gasetë tinaj 'по его подобию',[204] zgodh 'решил' [205] и др.

В джяковском литературном памятнике начала XIX в.: me kājt 'плакать', fort i perget . . . 'очень походит на . . .',[206] в тексте исторической песни о Косовской битве (Вучитерн, Косово): gu 'колено', ndgoni 'слушайте';[207] в современных фольклорных записях из Косова: kajti 'плакал', ngoi 'услышал' [208] и др.

Эту особенность принято считать очень характерным отличительным признаком косовско-метохийского говора.

Слов, содержащих рефлексы старых сочетаний *kl*, *gl* в албанском языке в сущности мало. Однако они принадлежат к числу относительно часто употребляемых. Важно, что в их группу входит также часть форм супплетивного глагола «быть» (jam), с помощью которого образуются предикативные сочетания и аналитические глагольные формы. Так, например, в тексте песни о Косовской битве [209] много раз встречаются формы адмиратива наст. вр.: 3-е л. ед. ч. koka, 3-е л. мн. ч. kokan (ср. лит. qënka, qënkan). Они входят в состав аналитических образований koka shkue 'пошел', kokan kthye 'вернулись' и др. Широкую сферу употребления имеет инфинитив me konë 'быть' — лит. г. me qenë. В новейших фольклорных записях из Косова, передающих живую разговорную речь: Soba shum e bukur kôka 'комната-то очень хороша', Athue kôka dek qeky? 'Говоришь, будто кто-то умер'. Ismaili. . . ish kon kafexhi 'Исмаил был хозяином кофейни', ishin kon shkú 'пошли', ishin kon pas mlédh burrat 'собрались мужчины',[210] n'koft (лит. në qoftë) 'если окажется', jom kon mrom n'shpi 'я был вечером дома' [211] и др.

Благодаря частому употреблению такого рода форм внимание говорящих (при междиалектном общении) фиксируется на фонетическом соответствии *q*[*ḱ*] — *k*, *gj*[*ǵ*] — *g* (или *ḱ* — *k*, *ǵ* — *g*), и оно воспринимается как существенный для различия говоров признак, несмотря на то что его распространение ограничено небольшой группой слов и что различие это не имеет фонологического характера.

Встает вопрос о том, на какой из фаз общего процесса и в силу каких причин в северо-восточногегской зоне наметился особый путь развития, отличающийся от общего для других албанских говоров направления. По этому вопросу были высказаны различные точки зрения. К. Тальявини полагает, что отклонение про-

---

[204] P. Bogdani. Cuneus Prophetarum. Shkoder, 1940—1943, стр. 82.
[205] Там же, стр. 257.
[206] I. Ajeti. Najstariji dokument, стр. 36.
[207] Гл. Елезовић. Једна арнаутска варианта, стр. 54 и сл.
[208] A. Çetta. Ryshfeti, стр. 104.
[209] Гл. Елезовић. Једна арнаутска варианта, стр. 54 и сл.
[210] A. Çetta. Bisedat dhe kallximet, стр. 535 и сл.
[211] A. Çetta. Ryshfeti, стр. 104.

изошло уже на первой фазе. По его мнению, падение *l* предшествовало его йотизации и переход $kl > k$, $gl > g$ осуществился непосредственно, минуя промежуточную фазу *kį*, *gį*, представленную в северо-западной части гегской диалектной области.[212] В. Цимоховский придерживается иной точки зрения. Он считает, что развитие прошло через фазу *kį*, *gį* и появление заднеязычных смычных явилось конечным результатом этого процесса.[213] Э. Чабей склоняется к точке зрения Тальявини.[214] И. Айети соглашается с Цимоховским.[215] Изложенные суждения касаются в основном последовательности фаз процесса, но оставляют неясными причины, вызвавшие своеобразное изменение, отличающее северо-восточные от прочих гегских говоров.

Как мне кажется, в качестве исходного для всей северногегской зоны следует признать то состояние, которое до настоящего времени сохраняется в северо-западных и дукаджинских говорах. Так как «Missale» Гьона Бузука свидетельствует о том, что в середине XVI в. сочетания *kl*, *gl* на севере Албании еще произносились, по крайней мере в говоре, которым пользовался Бузук, можно предположить, что именно в этот и последующий за ним периоды во всех северногегских говорах осуществлялся переход сильно палатализованного сонанта *l'* в положении после заднеязычных смычных в неслоговое *į*. В южногегских и севернотоскских говорах аналогичное изменение совершилось, вероятно, ранее этого времени, и результатом сильной палатализации заднеязычных смычных перед *į* явился переход их в среднеязычные *q*[*ḱ*], *gj*[*ǵ*], совпавшие со старыми среднеязычными смычными.

В зоне, составляющей северную периферию албаноязычного ареала, процесс этот развивался медленнее и совпадения рефлексов староалбанских сочетаний *kl*, *gl* со старыми среднеязычными смычными не произошло. Северо-западные говоры до сих пор сохраняют сочетания *kį*, *gį*, в которых первый элемент является заднеязычным согласным и притом, несмотря на соседство с *į*, он лишь умеренно палатализован.

В северо-восточногегском произошло выпадение элемента *į*, в результате чего на месте сочетаний *kį*, *gį* оказались чистые заднеязычные смычные. Северо-западным формам kįan 'плачет', gįuha 'язык' соответствуют северо-восточные kan, gua. Таким образом, в западной части северногегской зоны сохранилось более архаическое состояние, а на востоке — в области переселений — возникла инновация. К этому следует добавить, что в северо-восточном гегском наблюдаются отдельные случаи появления заднеязычных смычных на месте старых среднеязычных. Например: kerr (ср. лит. qerre 'повозка', me kep (лит. г. me qep) 'шить', me kesh (me

[212] C. Tagliavini. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 56.
[213] W. Cimochowski. Le dialecte de Dushmani, стр. 22.
[214] E. Çabej. Për historinë e konsonantizmit, стр. 52.
[215] I. Ajeti. Najstariji dokument, стр. 37.

qesh) 'смеяться'. Также в топонимах: Lkeni, Likeni (лит. г. liqeni 'озеро').[216]

Э. Чабей полагает, что в северо-восточной гегской зоне «существует тенденция к отодвижению назад некоторых серий гуттуральных звуков, независимо от их происхождения».[217] При этом он констатирует наличие аналогичной тенденции также в северо-западном гегском, однако с более ограниченной сферой действия. Отодвижение назад частично совершается там лишь перед гласными переднего ряда. Рефлексами сочетаний *kl*, *gl* перед передними гласными там тоже являются заднеязычные смычные *k*, *g* в словах: kishë (< klishë) 'церковь', me kenë (< me klenë, ср. совр. лит. г. me qenë) 'быть', gisht (из glisht) 'палец'. В слове kingj 'ягненок' заднеязычным *k* заменен среднеязычный смычный (ср. лит. qingj, qengj). Однако перед задними гласными в северо-западных говорах сохраняются *kį*, *gį*, представляющие собой непосредственный результат развития сочетаний *kl*, *gl*: kįaį (< klanj) 'плáчу', kįoft (< kloftë) 'пусть будет', kįumsht (< klumësht) 'молоко', i gįāt (< i glatë) 'длинный', gįob (< слав. globa) 'штраф'. Э. Чабей справедливо заключает, что «северо-западный гегский остановился на полпути там, где северо-восточный дошел до конца».[218]

Возникает вопрос: почему в северногегских говорах сочетания *kį*, *gį* не превратились в среднеязычные смычные и не совпали со старыми среднеязычными, подобно тому как это произошло в южногегском и севернотоскском?

Ответ, по-видимому, следует связать с относительной хронологией других изменений в области консонантизма, речь о которых уже была выше. Можно предполагать, что в северногегских говорах старые среднеязычные смычные уже довольно рано были захвачены тенденцией к превращению в аффрикаты (среднеязычные). Если в южногегском, как и в севернотоскском, сочетания *kį*, *gį* в свое время оказались притянутыми к ряду среднеязычных смычных и в конечном счете вошли в него, утеряв свое качество сочетаний заднеязычного смычного с неслоговым, оказывавшим на него палатализующее воздействие, то в северногегском категория среднеязычных смычных оказалась к этому времени ликвидированной. Заменившая ее категория среднеязычных аффрикат не могла притянуть к себе сочетания *kį*, *gį* и поглотить их. Категория же заднеязычных смычных сохраняла свою устойчивость.

Слов, имевших в своем составе сочетания *kį*, *gį*, было не настолько много, чтобы благодаря усилению палатализации первого элемента за их счет мог быть восстановлен исчезнувший ряд среднеязычных смычных. Действие тенденции к сохранению це-

---

[216] E. Ç a b e j. Për historinë e konsonantizmit, стр. 52 и сл.
[217] Там же.
[218] Там же, стр. 53.

лостности категории заднеязычных, со своей стороны, преградило путь ассимилирующему влиянию второго элемента в сочетаниях *kį*, *gį*, благодаря чему палатализованность первого элемента является минимальной.

В северо-восточном гегском развитие процесса пошло еще дальше, результатом чего явилось упрощение сочетаний путем ликвидации второго их элемента, создававшего возможность возникновения фонологически нежелательных вариантов. Таким образом, на месте сочетаний *kį*, *gį* появились *k*, *g*: kįan > kan, i gįatë > i gāt.

В северо-западном гегском наметилось аналогичное направление развития, однако, как заметил Э. Чабей, развитие это «остановилось на полпути», захватив и ликвидировав сочетания *kį*, *gį* лишь перед гласными переднего ряда — там, где возможность появления палатальных вариантов была наиболее реальной.

Таким образом, судьба сочетаний *kį*, *gį*, повсеместно представлявших закономерный этап развития сочетаний заднеязычного смычного с *l*, находилась в зависимости от их отношения к фонологическим противопоставлениям в системе консонантизма.

Северо-западный и северо-восточный варианты, при всем их отличии друг от друга, имеют общий признак — сохранение заднеязычного характера смычного элемента сочетания. Южногегский вариант (совпадающий с севернотоскским) резко отличен, так как для него было характерно последовательное и беспрепятственное проведение палатализации смычных в сочетаниях *kį*, *gį*, завершившееся переходом из одного фонемного ряда в другой. Наличие или отсутствие в фонологической системе говора в определенный исторический момент особого рода среднеязычных смычных играло во всех случаях самую существенную роль.

Наблюдаемые в северо-восточных гегских говорах случаи появления заднеязычных смычных на месте старых среднеязычных (в словах kerr, me kep, me kesh, Lkeni, kingj), вероятно, могли быть в свое время обусловлены некоторой задержкой на пути развития от среднеязычных смычных к аффрикатам. Трудно объяснить, почему это произошло именно в положении перед передними гласными. Так как категория среднеязычных смычных оказалась затем выпавшей из фонологической системы, бывшие среднеязычные смычные, уцелевшие по каким-то причинам в ряде слов, оказались перетянутыми в категорию заднеязычных смычных.

Отсутствие в фонологической системе говора особого ряда среднеязычных смычных обеспечивает возможность свободного сочетания заднеязычных с последующими гласными переднего ряда, без опасности утраты основного их качества. Это дало основание для характерной инновации в области морфологии, которая резко выделяет северо-восточногегские среди всех остальных говоров албанского языка.

Речь идет об образовании определенной формы единственного

числа существительных мужского рода с основой на заднеязычные смычные *k*, *g*. Во всех говорах албанского языка, за исключением северо-восточногегских, строго соблюдается противопоставление формантов *-i* : *-u*, находящееся в зависимости от исходного звука основы. За исключением основ, оканчивающихся на заднеязычные смычные *-k*, *-g*, а также (менее регулярно) на *-h*, все остальные существительные мужского рода с основой на согласный имеют формант *-i*, который представляет основной вариант постпозитивного артикля мужск. р. в ед. ч. Ср. неопред. mal — опред. mal-i 'гора', hap — hap-i 'шаг', det — det-i 'море', djalë — djal-i 'мальчик', trim — trim-i 'храбрец, герой', burrë — burr-i 'мужчина', liqen — liqen-i (т. liqer — liqer-i) 'озеро' и др.

Существительные мужск. р. с исходом основы на заднеязычные согласные (и частично с основами на гласные) имеют формант *-u*, например: неопред. plak — опред. plak-u 'старик', mik — mik-u 'друг', bark — bark-u 'живот', zog — zog-u 'птица', breg — breg-u 'берег, холм', beg — beg-u (или be-u) 'бей', krah — krah-u 'крыло, верхняя часть руки' и др.[219]

Характерной инновацией косовско-метохийского говора[220] явилась ликвидация противопоставления формантов *-i*/*-u* при образовании опред. формы ед. ч. от существительных мужск. р. с фонетически различными типами основ. Существительные с основой на заднеязычный смычный образуют здесь эту форму по общей модели, единой для всех основ с исходом на согласные, т. е. с помощью форманта *-i*: mik — mik-i 'друг', zog — zog-i 'птица', lug — lug-i 'небольшая горная долина', beg — beg-i 'бей'.

Иначе говоря, в восточной части северногегской диалектной зоны произошло аналогическое выравнивание морфологических различий исторического характера, причем, как полагает И. Айети, процесс этот осуществился сравнительно недавно.[221] Ликвидация противопоставления, исторически связанного с закономерностями морфонологии древнеалбанского периода, оказалась возможной благодаря тому, что в фонологической системе говоров этой зоны стало допустимым сочетание заднеязычного смычного с последующим гласным *i*.

Таким образом, две наиболее характерные инновации косовско-метохийского говора — специфическое развитие староалбан-

---

[219] Противопоставление это имеет общеалбанский характер. Оно достаточно хорошо известно, однако до сих пор не получило удовлетворительного исторического объяснения. Мысль о том, что в образовании форм здесь участвуют различные по своему происхождению аффиксы, кажется сомнительной. Более вероятной представляется зависимость указанного противопоставления от исторических закономерностей развития фонологической системы албанского языка. Иначе говоря, это явление может быть отнесено к области морфонологии (см.: А. В. Десницкая. Реконструкция элементов древнеалбанского языка, стр. 22 и сл.).

[220] Ср.: I. Ajeti. Najstariji dokument, стр. 39.

[221] Там же, стр. 40.

ских сочетаний *kl*, *gl* и ликвидация фономорфологической вариантности в склонении имен существительных — оказываются внутренне взаимосвязанными в общей для них зависимости от сдвигов в фонологической системе.

Заключая обзор основных особенностей косовско-метохийского говора, представляющего собой восточную разновидность северногегского диалектного типа, приходится признать, что в настоящее время этот говор не может быть относим к числу тех периферийных участков гегской диалектной зоны, где в той или иной степени сохранились архаичные черты. Косовско-метохийский говор выделяется прежде всего своими инновациями. Из них некоторая часть имеет общегегский характер. Эти инновации распространились (еще в период турецкого владычества) из центральной части гегского диалектного ареала. К ним относятся монофтонгизация дифтонгов — *ue* > *u*, *ye* > *y*, *ie* > *i*, изменение *mb* > *m*, *nd* > *n*, а также дальнейшее развитие среднеязычных аффрикат (утеря среднеязычности). Отодвижение назад и лабиализация долгого *ā* — инновация, широко распространенная в различных частях гегской диалектной области.

Кроме этих, есть и специфические инновации: особое развитие сочетаний *kl*, *gl*, а в области морфологии — ликвидация общеалбанского различия в оформлении артикулированных форм существительных мужск. р. и появление форм типа konak-i 'жилище, комната', beg-i 'бей'.

Сохранение указанных особенностей говора не поддерживается литературно-языковой нормой. Принятая в Косово-Метохии общегегская форма литературного языка не только не включает специфических инноваций косовско-метохийского говора, но она удерживает (по крайней мере в письме) и такие относительно консервативные черты, как нестяженные дифтонги *ue*, *ye*, *ie*, а также написания *mb*, *nd*. Поэтому, хотя в Косово-Метохии, как и в большинстве областей северной Албании, существует вполне очевидное расхождение между произношением и написанием, в перспективе дальнейшего развития можно предвидеть не обособление косовско-метохийского говора с его специфическими чертами, но, наоборот, постепенное приближение к общегегскому типу устной литературной речи. Залогом этого направления развития является все усиливающееся влияние таких факторов, как школа, печать, радио, под напором которых наиболее резкие особенности говора обречены на постепенное исчезновение. В отличие от того, как аналогичный процесс протекает в северной Албании, в Косово-Метохии во взаимодействии между литературным языком и диалектом не участвует южная форма албанского литературного языка, но во всех видах письменной и устной публичной речи используется только гегская литературноязыковая норма.

Границы северо-восточногогегского типа речи обычно определяются по наиболее характерному для него явлению — переходу $kl > k$, $gl > g$. Э. Чабей отмечает, что изоглосса этого явления проходит «по ту сторону Джяковской Мальсии, которая остается на востоке, через Никай и Мертур, через Ибалу (Iballë), затем по западной части краины Люма и к северу от Дибры. Таким образом, Большая Мальсия с Кельмендом, Дукаджином и западной Пукой, Мирдита и Дибра остаются к западу, юго-западу и югу от этой линии, а Красниче, Хас, Никай и Мертур, Бериша, Ибала и Люма входят тем самым в состав северо-восточногегского».[222]

Вдоль указанной линии осуществляется взаимодействие северо-восточного типа речи с северо-западным и среднегегским диалектными типами. Косовско-метохийский говор оказывается окаймленным с запада, юго-запада и юга полосой переходных говоров. Граничащие с ним на западе переходные говоры северного Подринья, составляющие промежуточное звено между косовско-метохийским и северо-западными гегскими говорами, были уже рассмотрены выше. Находящийся в зоне перехода говор краины Люма на юго-западе, а также говоры пограничных районов Косова и Македонии на юге, в значительной мере обнаруживают признаки, характерные для среднегегского диалектного типа. Поэтому их целесообразнее рассмотреть в следующем разделе.

СРЕДНЕГЕГСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗОНА

В группу среднегегских входят говоры областей, лежащих во внутренней части северной Албании, вдоль течения Мата (Mat) и Черного Дрина (Drini i Zi), а также областей, непосредственно прилегающих к ним с северо-запада и востока. В этой обширной зоне, отгороженной от морского побережья высокими горными хребтами, выработался своеобразный тип гегских говоров, отличающийся своими очень характерными инновациями.

Центральное положение в группе среднегегских говоров занимают говоры долины среднего течения реки Мата и области Дибра, лежащей в южной части бассейна Черного Дрина. Эти области, по-видимому, явились в свое время очагами довольно мощной языковой иррадиации, которая распространилась к северу на область Мирдиты, к западу — на район Круи, на северо-восток и восток — на горную краину Люма, лежащую по верхнему течению Черного Дрина и граничащую с Косово-Метохией, а также на области Тетова и Скопле в Македонии.

С давних пор отдельные краины, составляющие среднегегский диалектный ареал, объединялись между собой связями экономи-

---

[222] E. Ç a b e j. Për historinë e konsonantizmit, стр. 53.

ческого, общественного (включая традиционные отношения свойства) и культурного характера. Интенсивность этих связей менялась от эпохи к эпохе. Однако экономическая отсталость страны в период турецкого владычества в общем способствовала выработке относительно самодовлеющего общественно-экономического уклада в этой изолированной от морского побережья, но в то же время разнообразной по своим природным условиям внутренней области северной Албании.

В плодородных долинах Мата и Черного Дрина, по-видимому, довольно рано получили развитие феодальные отношения. В прилегающих горных районах на протяжении столетий свободное крестьянство продолжало жить родовыми общинами. Сосуществование этих двух укладов и их своеобразное переплетение сохранялись вплоть до освобождения Албании от фашистской оккупации.

В средние века области Мат и Дибра составляли основную часть феодального княжества Кастриотов,[223] игравшего в XV в. важную роль в борьбе албанского народа против турецких завоевателей. Существует мнение, что именно в этот период сложились основные черты среднегегского диалектного единства.[224] Однако и в последующий исторический период связи областей Мата и Дибры были постоянными и значительными. Через Мат проходили две дороги (караванные тропы) из Адриатического приморья на Дибру, преодолевавшие высокие горные перевалы. Экономически более развитая и связанная с центральными областями Балканского полуострова Дибра, со своей стороны, оказывала экономическое и культурное влияние на замкнутый горными хребтами Мат. Через Дибру в Мат проникла и распространилась (в основном в XVII в.) мусульманская религия; через Дибру же проникала в Мат турецкая администрация. Обе эти области экономически объединяли вокруг себя прилегающие горные районы. На базар в город Дибру (Дебар), а также на базары, периодически собиравшиеся в нескольких пунктах долины реки Мата, спускались горцы-скотоводы различных краин и встречались там с земледельческим населением долин.

Эти постоянные связи внутри зоны, при относительной изолированности от других албаноязычных областей, несомненно содействовали тому, что в котловинах Мата и Черного Дрина выработался особый тип говоров, резко отличный как от северногегского, так и от южногегского — более близких между собой.

Своеобразие среднегегских говоров было отмечено уже давно. Основатель научного албановедения И. Г. Хан, путешествовавший

---

[223] См.: D. Radeshi. Principata e Kastriotëve. Bull. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1961, № 4, стр. 32 и сл.

[224] См.: B. Beci. Mbi katër inovacione fonetike të të folmeve të Gegnisë së Mesme. Konferenca e parë, стр. 266 и сл.

по северной Албании в 60-х годах прошлого века, описал трудности, испытанные им по пути из Призрена в Дибру, при общении с жителями села Бицай (краина Люма). «Все здесь говорили только на дибранском албанском, а это не легкий язык. У меня не было переводчика, и я был предоставлен только своим собственным силам. В разговоре с жителями я оказался в положении немца, когда-то давно прошедшего теоретический курс французского языка и вдруг вынужденного беседовать с французским крестьянином, говорящим только на патуа».[225] Как наиболее характерную особенность говоров Мата и Дибры Хан отметил дифтонгизацию гласных, сравнив ее при этом с аналогичным явлением в гессенских немецких говорах. «Как в гессенском Фогельсберге говорят aich и daich вместо ich и dich, так матьянец и дибранец говорят meikch вместо mik (друг)».[226]

В течение долгого времени проникновение во внутренние области северной Албании, которые при турецком владычестве были наиболее отдаленной и почти недоступной частью страны, было очень затруднено. Поэтому и о говорах этих областей долго не поступало никаких сведений. Отдельные сведения начали появляться в печати лишь после установления государственной самостоятельности Албании. Понемногу стали публиковаться фольклорные материалы. Некоторые (очень краткие) наблюдения особенностей говора Мирдиты сообщил М. Ламберц в отчете о своей лингвистической экспедиции 1916 г.[227] На характерные признаки говоров Мирдиты и Дибры указал Ю. Рота в разделе «идиотизмов» своего школьного пособия по стилистике.[228]

Все эти сведения носили фрагментарный характер и среднегегская зона до недавнего времени в сущности оставалась одним из больших белых пятен на лингвистической карте Албании. Лишь в самые последние годы появились исследования, специально посвященные среднегегским говорам.

Изучение этой очень интересной в лингвистическом отношении части албанской территории представляет сейчас одну из актуальных задач албановедения. Сама жизнь ставит здесь перед диалектологами довольно краткие сроки для проведения наблюдений, так как резкие особенности говоров при массовом распространении литературно-языковой нормы обречены на сравнительно быстрое исчезновение. Процесс этот проходит очень интенсивно, особенно в речи молодого поколения. Новая жизнь, пришедшая в эти прежде изолированные и отсталые районы Албании вместе с кооперацией крестьянских хозяйств, со строительством мощной

---

[225] J. G. H a h n. Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar. Denkschriften d. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Kl., Bd. 15, Wien, 1867, стр. 82.

[226] Там же.

[227] M. L a m b e r t z. Bericht über meine linguistischen Studien, стр. 15.

[228] J. R r o t a. Letratyra shqype. Shkodër, 1934, стр. 19.

гидроэлектростанции им. К. Маркса на реке Мат, с развитием таких центров горнорудной промышленности, как Курбнеш (в Селите — одной из самых глухих краин прежней Албании) и Бульчизе (на границе Мата и Дибры), вместе со строительством дорог, с развитием школьного образования и общим подъемом культурного уровня населения, неизбежно ведет к ликвидации диалекта в его наиболее резких формах.

На всем протяжении истории Албании со среднегегскими говорами не связалось никакой литературноязыковой традиции. Поэтому процесс исчезновения этого типа диалектной речи — наиболее своеобразного и наиболее далекого от литературной нормы — протекает быстро и естественно, без каких-либо задерживающих моментов. Изучение среднегегских говоров в их характерном облике — это изучение языковых отношений старой Албании.

Говор Мата[229]

Краина Мат (или Матья) протянулась вдоль среднего течения реки Мат, по обоим берегам, параллельно линии морского побережья, отделенного от нее горными хребтами Круи, Дайти и Скандербега. С восточной стороны долина Мата отделена от параллельной ей долины Черного Дрина другой линией горных хребтов, тянущейся также в направлении с юга на север. С южной стороны доступ в долину замкнут высоким плато Черменики. На севере естественная граница образуется изгибом реки Мат, поворачивающей течение сперва на запад, а затем на юг. С этими естественными границами этнографические границы области Мат совпадают, но не полностью. На севере Мат граничит с краиной Ксела,[230] на северо-востоке — с Люрой, на востоке — с Диброй, на юге — с Мартанешем и Тиранской Мальсией, на западе — с краиной Круя.

Мат представляет собой довольно обширную область; согласно современному административному делению, это округ (rreth) с центром в Бурреле. Северную часть области местные жители называют Нижней Матьей (Matja e Poshtër), южную — Головной Матьей (Kryet e Mates — букв. 'Голова Матьи'). Кроме того, Мат подразделяется на несколько более мелких краин: на северо-востоке, в гористой части правобережья — Мальсия Матьи (Malsija e Mates), южнее — «Заречье» («Përtejujas»); на левом берегу — краина, именуемая Гурра и Батэр (Gurrë e Batërr) (по названиям деревень). На юге различают горную часть Головной Матьи

[229] См.: B. B e c i. Hulumtime gjuhësore në Mat. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1962, № 2, 1963, № 3; K. U l q i n i. 1) Disa vëszhgime mbi të folmen e Matit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1961, № 3; 2) Gjurmime etnografike në trojet e Skandërbegut, Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1961, № 2.

[230] Это условная передача алб. Kthella (с вариантом Thkella). В албанском названии Kthella произносится глухой интердентальный спирант,

(Malsija e Kryes së Mates) и равнинную (Fusha e Kryes së Mates). В северной части левобережья к Мату примыкает небольшая краина Ранза (Ranxë), католическое население которой сохраняет старинные связи с соседней Кселой.

Вопрос о происхождении населения Мата мало изучен. Указывается на наличие преданий, говорящих о давних переселениях в Мат отдельных родовых групп из различных районов средней и северной Албании. Так, например, известно, что в село Малая Гурра (Gurra e Vogël, на левобережье реки Мат), Целы (Celajt), или Целямы (Celamajt), переселились некогда из Тиранской Мальсии, т. е. с юго-запада, а шошане (shoshajt) — из краины Шош, лежащей далеко на севере. В Фулькете (Fulqet, тоже на левобережье) живут семьи, переселившиеся из Дибры, а в Бурреле есть семьи, происходящие из фиса Хот (Большая Мальсия). В то же время немало семей из Мата живет в Дибре, образуя особые «Lagja e majanve» ('кварталы матьянцев').

На плодородных землях по берегам реки с давних пор получило развитие земледелие. В горных районах основным занятием населения является скотоводство.

Характерным моментом истории Мата было развитие феодальных отношений в результате внутреннего процесса разложения родо-племенного строя. Турецкая администрация с трудом получала доступ в эту изолированную область и еще в XVI—XVII вв. Мат был одним из главных очагов сопротивления, которое албанский народ оказывал распространению военно-феодальной турецкой системы. Однако впоследствии разбогатевшие и укрепившие свою власть главы некоторых родовых общин вступили в соглашение с турецкими властями. Мат стал областью резких классовых противоречий между феодалами-байрактарами (утвержденные турками начальники территориальных единиц — байраков) и крестьянской беднотой. В Мате правили четыре феодальные династии, из которых каждая имела свой semt (тур. semt 'сторона, край'). Главенствующую роль играла семья Зоголов (Zogollajt).[231]

В старом Мате не было ни одного города. Характерную черту пейзажа составляли высокие башни — кулы, с бойницами вместо окон. Народ жил по старым законам обычного права, одним из важных элементов которого была кровная месть.

В настоящее время облик Мата сильно изменился. В долине вырос город Буррель, являющийся окружным центром и играющий важную роль в развитии экономики и культуры области. Кооперация сельского хозяйства и развитие школьного образования преобразовали весь уклад жизни. Существенно изменился

---

[231] Из этой крайне реакционной среды вышел в свое время Ахмет Зогу, узурпировавший в 1925 г. власть в стране и подготовивший почву для фашистской оккупации.

даже пейзаж Мата, так как в связи со строительством гидроэлектростанции на реке Мат, введенной в строй в 1957 г., на севере области появилось большое искусственное озеро.

Матьянский, как и другие среднегегские говоры, характерен главным образом рядом инноваций в области фонетики, резко отличающих его от общегегского типа, представляемого более консервативными говорами северногегской и южногегской зон.

Особенности вокализма ударенных слогов.[232] В числе немногих консервативных признаков матьянского говора следует назвать сохранение всей серии назализированных гласных в ударенных слогах. В отличие от говоров северногегской и южногегской периферии, а также некоторых других среднегегских говоров, в матьянском говоре назализированное *a* не лабиализуется. Подвергается назализации, но тоже не лабиализуется гласный *a*, стоящий (в ударенном слоге) в соседстве с носовыми согласными. Происходит только сильное отодвижение назад, результатом чего является произношение гласного, близкого к англ. [ʌ] в слове **b**u**t** [bʌt]. Примеры: **â**nrra 'сон', **zâ** 'голос', **m**e **b**â 'делать', duh**â**n 'табак' (лит. duhan), Tir**â**n 'Тирана', e **mâ**dhe (e madhe) 'большая'; также (без назализации) **kam** 'я имею', **jam** 'я есмь'.[233]

Если в этом случае матьянский говор оказывается относительно консервативным по сравнению с некоторыми другими гегскими говорами, то в целом система ударенных гласных в нем, как и во всех среднегегских говорах, претерпела очень существенные изменения.

Гласный *a* в ударенном положении, если он не находится в соседстве с носовыми согласными, на преобладающей части территории Мата (исключение составляет лишь краина Ранза на северо-западе) переходит в открытое *e*. Произносимый звук (обозначая его с помощью знака *ä*) Б. Беци считает аналогичным англ. [æ] в слове bad.[234] Примеры: ball > bäll 'лоб', baçe > bäçe 'сад' (тур. bahçe), bar > bär 'трава', dardh > därdh 'груша', dash > däsh 'баран', gra > grä 'женщины'.

Б. Беци объясняет это явление ассимилирующим влиянием переднеязычных и среднеязычных согласных, стоящих впереди или позади гласного *a* и вызывающих его продвижение вперед. Однако такое объяснение, высказываемое в порядке предположения, не кажется достаточно убедительным. Скорее можно думать о связи этого изменения с другими явлениями в области вокализма ударенных слогов и усматривать в нем один из моментов общего сдвига, охватившего всю систему гласных в данном говоре.

---

[232] B. B e c i. Hulumtime gjuhësore në Mat, стр. 240 и сл.

[233] Жирным шрифтом Б. Беци пользуется для обозначения отличного от *a* заднего гласного, сопоставляемого им с англ. [ʌ].

[234] Там же, стр. 242.

Артикуляция гласного *o* в ударенном положении на преобладающей части территории области (опять-таки за исключением деревень краины Ранза на северо-западе) также сдвигается вперед, что дает в результате передний лабиализованный гласный среднего подъема, обозначаемый в описании говора с помощью знака *ö*. Примеры: flok > flök 'волосы'; lop > löp 'корова'; rrog > rrög 'плата'; grosh > grösh 'чечевица', 'фасоль'; ftoja > ftöja 'айва'; vorb > vörb 'глиняный горшок'; bor > bör 'снег'; dor > dör 'рука'; shkoi > shköi 'он пошел' (3-е л. ед. ч. аор.). Б. Беци и здесь склонен усматривать ассимилирующее воздействие переднеязычных и среднеязычных согласных, что также не кажется убедительным.

Гласный *i* в ударенном положении — как долгий, так и краткий — подвергается дифтонгизации. Результат: дифтонг *è*^{i},[235] с вариантами *a*^{i}, *ë*^{i}, *è*.

Формы с *è*^{i} представлены на территории Мата повсеместно. Так, на северо-востоке (с. Мацукул — Macukull, Мальсия Матьи — Malsija e Matjes): malsè^{i}nat (<malsínat) 'горные краины', shtepè^{i} (<shtepí) 'дом'. В правобережных селах Виньял (Vinjall) и Курдари (Kurdari): mè^{i}k (<mik) 'друг', dervè^{i}sh (<dervísh) 'дервиш', xhamè^{i} (<xhamí) 'мечеть'. На левобережье (с. Б. Гурра — Gurrë e Madhe): dhè^{i} (<dhi) 'коза', fè^{i}k (<fik) 'инжир', shpè^{i} (<shpi) 'дом'. В с. Фулькет (равнинная часть Головной Матьи): fè^{i}s (<fis) 'фис', prè^{i}ft (<prift) 'священник', trè^{i} (<tri) 'три'. В селах Ранзы (северо-западная периферия Мата): fè^{i}si (<físi) 'фис', Shqipnè^{i} (<Shqipní) 'Албания', dhè^{i} (<dhi) 'коза', shè^{i} (<shi) 'дождь'.

Более открытый вариант (*a*^{i}) встречается наряду с основным вариантом (*è*^{i}) преимущественно на востоке области — в Мальсии и Заречье. Так, в селе Мацукул: dha^{i} (<dhi) 'коза', petra^{i}ti (<petríti) 'сокол, храбрец'. В селах Виньял и Курдари (Заречье): ma^{i} (<mi) 'мышь', (u) na^{i}sa (<u nísa) 'я отправился', karra^{i}k (<karrík) 'стул', sha^{i}she (<shíshe) 'бутылка', shpa^{i} (<shpi) 'дом', tra^{i} (<tri) '3'. Из сел левобережья формы с *a*^{i} засвидетельствованы только в селении Саджак (краина Ранза): dha^{i} (<dhi) 'коза', fuça^{i} (<fuçi) 'бочка', sha^{i} (<shi) 'дождь', shpa^{i} (<shpi) 'дом'. Вариант *ë*^{i} встречается в селах Ранзы, а также на правом берегу в Курдари: shpë^{i}a (<shpia) 'дом', shpë^{i}rti (<shpirti) 'дух'. Распространенность его ограничена.

Помимо дифтонга è^{i}, очень широко представлен в качестве варианта гласный *e* (чаще открытый *è*), также отражающий старое ударенное *i*. Этот вариант встречается почти повсеместно. В с. Мацукул (Macukull, Матьянская Мальсия — Malsia e Matjes): nèp (<nip) 'племянник, внук', mèr (<mirë) 'хорошо', shpè (<shpi) 'дом'. В Kurdarí (Pertejujas): nèp (<nip), shpèrt (<shpirt)

---

[235] Знаком *è* Б. Беци пользуется для передачи открытого *e*, знаком *é* — закрытого, знаком *ë* — гласного смешанного ряда.

'дух'. В селах Саджак и Герман (Germâ — краина Ранза): mèk (<mik) 'друг', trèm (<trim) 'храбрец', rakè (<raki) 'водка'. В Гурра е Маде (Gurrë e Madhe) (на левобережье): mèk (<mik), mèr (<mirë), shpèrt (<shpirt). В Гур и Барде (Gur i Bardhë, юго-западная периферия Мата) форма с *è* преобладает (дифтонг *è*^{i} встречается, но редко): prèft (<prift) 'священник', kufè (<kufi) 'граница', shpè (<shpi) 'дом'.

Б. Беци считает, что вариант *è* является результатом сокращения дифтонга *è*^{i}. Поэтому последовательность фаз развития этого процесса представляется им в виде $i > \grave{e}^{i} > \grave{e}$.[236] В то же время он допускает в некоторых случаях возможность непосредственного образования $\grave{e} < i$, минуя таким образом промежуточную фазу *è*^{i}.

Следует заметить, что употребление варианта *è* абсолютно преобладает на периферийных участках среднегегской диалектной зоны, например в с. Белый Камень (Гур и Барде), лежащем на стыке области Мат с Тиранской Мальсией, также на севере Мирдиты — на границе с северногегской языковой областью. Иначе говоря, это замечается там, где резкие признаки среднегегского диалектного типа как бы затухают. На этих окраинах в данном случае сохраняется лишь основной, определяющий признак изменения в произношении ударенного *i*. Таким признаком является сдвиг артикуляции из сферы верхнего подъема языка в сферу средних подъемов, т. е. изменение $i > e$. Дифтонгизация же как дополнительный признак, характерный в основном для центральных частей среднегегского ареала, на окраинах может отсутствовать. Учитывая этот факт, можно оспаривать точку зрения Б. Беци относительно дифтонга как промежуточной фазы в процессе развития от *i* к *e*. Переход к артикуляции в области средних подъемов языка, т. е. изменение $i > e$, стоит в одном ряду с параллельными сдвигами в артикуляции других гласных, преобразовавшими всю систему вокализма в среднегегской диалектной зоне. Дифтонгизация же — это, хотя и яркий, но дополнительный признак.[237]

Некоторые частности в развитии отдельных вариантов связаны с долготой или краткостью ударенного *i*, подвергшегося изменению.[238] Для определения хронологии описанного явления известную точку опоры дают формы с *e* (<*i*), засвидетельствованные в письменных документах XV в. Ср. Meredeti (1416), Merediti

[236] Там же, стр. 243 и сл.

[237] Пользуясь терминологией В. М. Жирмунского (см.: В. М. Жирмунский. Проблемы колониальной диалектологии. Язык и литература, т. III, Л., 1929, стр. 188 и сл.), снижение подъема языка, давшее переход $i > e$, можно обозначить как «вторичный признак», сохраняющийся более устойчиво, а дифтонгизацию — как «первичный», более яркий, но менее устойчивый признак среднегегского диалектного типа.

[238] В. Beci. Hulumtime gjuhësore në Mat, стр. 244.

(1500), совр. Mirëdita, также форма spertit (shpert < shpirt 'дух') в формуле крещения 1462 г.[239]

Сдвиг *i* > *e* и дифтонгизация распространяются, однако, не на все слова, имеющие в своем звуковом составе ударенное *i*. Исключений довольно много. В число их входят прежде всего слова устно- и письменно-литературного характера: çeftelíja 'чифтели' (народный музыкальный инструмент), zerdelíja (тур. zerdali) 'абрикос', valija (тур. vali) 'губернатор', ushtríja 'армия', qeveríja 'правительство', robníja 'рабство', dobija 'польза', Austríja 'Австрия', Turkija 'Турция', Italija 'Италия' и др. Много исключений дают также глагольные формы, в которых содержится ударенное *i*, участвующее в грамматических чередованиях, например: me brit (bërtas) 'кричать', çile (çel) 'открой', dilshim (dal) 'мы выходили', mlidhet (mbledh) 'собирается', vdiç (vdes) 'он умер' и др. Но и, помимо этих двух групп, указанные явления не засвидетельствованы еще в целом ряде слов, например: bisht 'хвост', dit (ditë) 'день', drit (dritë) 'свет', lis 'дуб', mish 'мясо'. Во многих словах обнаруживаются колебания.

Трудно сказать, в какой мере дифтонгизация ударенного *i* представляет собой живой фонетический процесс. Вопрос этот нуждается в дополнительном исследовании.

Общеалбанское *y* представлено на территории Мата рядом вариантов: *y*, *ü*, *i*, *ø*, *œ*,[240] *è*^{i}, *è*.

В северной части левобережья реки Мата (краина Ранза) преобладают *i*, *è*^{i}, *è*; на севере правобережья — формы *c*ω [*ø*]. В центральной и южной частях области представлены преимущественно формы с *ö* [*œ*] — еще более открытым вариантом. Формы с *y* (и также с несколько более открытым его вариантом — *ü*) сохраняются лишь на периферийных участках области Мата — на северо-западе (Rranzë), на северо-востоке (село Macukull, Malsija e Matjes) и на юго-западе (горное село Гур и Барде).

y: brryli (лит. brrylli) 'локоть, изгиб', dysh нар. 'пополам' (Rranzë); ky 'этот', pyk 'клин' (Мацукул), gjym (лит. gjum) 'сон', xhyshi (лит. gjyshi) 'дед' (Гур и Барде). *y* > *ü*: brül (brryll) 'локоть', klüsh (këlysh) 'щенок' (Ранза). *y* > *i*: di (dy) 'два', krip (krypë) 'соль' (Ранза), grikas (grykas) нар. 'за горло', ki (ky), klish (këlysh) 'щенок' (Курдари), di (dy) 'два' (Фульчет). *y* > *ø*: (me) møt (me mbyt) 'утопить, задушить', øll (yll) 'звезда' (Мацукул): krøp (krypë) 'соль', sø (sy) 'глаз', tø (ty) 'ты' (Виньял, Курдари — Заречье). *y* > ö [*œ*]: kröp (krypë) 'соль', (me) möll (me mbyll) 'закрыть', söt (sytë) 'глаза' (Курдари, Заречье): grök (grykë) 'горло', rröp (rryp) 'ремень', öll (yll) 'звезда' (Гур и Барде). *y* > *i* > *è*^{i}: pè^{i}ll (pyll) 'лес', tè^{i} (ty) 'ты', sè^{i} (sy) 'глаз' (Ранза); *y* > *i* > *è*: èll (yll) 'звезда', pèll (pyll) 'лес' (Ранза).

---

[239] Там же, стр. 245.

[240] Для передачи звука *ø* Б. Беци пользуется знаком ω, а для звука *œ* — знаком ö.

Вариантность рефлексов общеалбанского *y* на диалектной территории Мата, как видим, очень велика. В ней обнаруживается взаимодействие и перекрещивание двух тенденций изменения артикуляции этого звука. С одной стороны, наблюдается явление делабиализации, характерное для многих албанских говоров. Гласный *i*, появляющийся в результате делабиализации *y*, подвергается затем тем же изменениям, что и старое *i* в ударенном положении: *y* > *i* > *ẻ*ⁱ, *ẻ*. С другой стороны, наблюдается понижение подъема языка, при сохранении лабиальности: *y* > *ø* > *œ*. Процесс этот распространен на преобладающей части территории Мата и поэтому его можно признать основным и специфичным для собственно матьянского диалектного типа речи. Делабиализация же характерна главным образом для северо-западной периферии области. Однако абсолютные границы распространения обоих явлений установить невозможно, и на многих участках территории они в той или иной степени сосуществуют.

Гласные *u*, *e* в ударенном положении изменениям не подверглись.

Существенные сдвиги обнаруживаются в общеалбанской серии дифтонгов *ue* (<*uo*), *ye*, *ie*. Первой и основной фазой этих сдвигов явилась монофтонгизация, на которую затем наслаивались добавочные явления.

Дифтонг *ue* частично сохранился лишь на северо-западной (католические села Ранзы — Саджак, Кокердок — Kokerdhok) и на северо-восточной (Мацукул — Мальсия Матьи) периферии области, главным образом в конце слова, притом в очень ограниченном употреблении: due 'хочу', (me) martue 'женить', (me) punue 'работать', (me) shkue 'идти'. Иногда слышится *uё*, которое Б. Беци считает промежуточной ступенью в процессе монофтонгизации: *ue* > *uё* > *u*. Основная тенденция развития — это монофтонгизация *ue* > *u*. Этот процесс, по-видимому, уже давно охватил почти весь среднегегский диалектный ареал, в том числе и Мат. Частичное сохранение произношения *ue* на северо-западной периферии (католические села Ранзы) может свидетельствовать о наличии в этом районе остатков северногегского (дукаджинского) диалектного типа.

Несколько примеров: prru (pёrrue) 'ручей', ftu (ftue) 'айва', ka dorzu (ka dorzue) 'вручил' (Виньял), shkruj (shkruej) 'пишу' (Курдари), du (due) 'хочу' (Фульчет), kru (krue) 'источник', u gzum (u gzuem) 'мы обрадовались', dur (duer) 'руки', muj (muej) 'месяц' (села Ранзы).

Дифтонг *ye* подвергся монофтонгизации, по-видимому, уже довольно рано: *ye* > *y*. Гласный *y*, возникший в результате этого процесса, совпал со старым *y* и вместе с ним подвергся изменениям, описанным выше. На северо-западной периферии области это были делабиализация и вторичная дифтонгизация, на основной части диалектной территории — понижение до среднего

подъема, при сохранении лабильности. Так, в селах Ранзы старое *ye* оказалось представленным вариантами *i*, *è*[i], *a*[i] (в селе Саджак), *è*: jâm tu li (lye) 'я мажу', thin (thyen), 'он ломает', kre[i] (krye) 'голова', kam thè[i] (thye) 'я сломал', ka pè[i]t (pyet) 'он спросил', m' pa[i]t (me pyet) 'спросить'; fèll (fyell) 'флейта, свирель', krèt (kryet) 'голова', m' pèt (me pyet). Остальная территория охвачена более характерным для данного диалектного типа изменением *ye* > *y* > *ø* > *œ*: føll (fyell) 'флейта', krø, krøt (krye, kryet) 'голова', me pøt (me pyet) 'спросить'. С еще большим раскрытием: föll (fyell), kröt (kryet), dör (dyer) 'двери'.

Старый дифтонг *ie* также подвергся монофтонгизации: *ie* > *i*. Новое *i* совпало со старым и претерпело соответствующие изменения. Отдельные фазы этого процесса представлены вариантами *i*, *è*[i], *è*: dill (diell) 'солнце', çill (qiell) 'небо' (села Ранзы, также Виньял в Заречье); me shte[i] (me shtie) 'класть, толкать' (Гур и Барде); mell (miell) 'мукá', çell (qiell) 'небо' (Курдари) и др. Наблюдаются отдельные случаи изменения *ie* > *je* (с перестановкой ударения на второй элемент дифтонга и превращением первого элемента в неслоговое *i̯*): sjell (siell) 'несу', vjel (viel) 'снимаю урожай'.

Итак, для диалектной речи области Мат характерно состояние колебаний в произношении и сдвигов, захвативших всю систему гласных. Из гласных верхнего подъема устойчивым оказался лишь наиболее задний член системы — гласный *u*. Артикуляция передних гласных верхнего подъема (лабиализованного и нелабиализованного) обнаруживает сильнейшую тенденцию сдвигаться в направлении средних подъемов языка, несколько отодвигаясь тем самым назад. При этом нелабиализованный узкий гласный дифтонгизуется. К той же средней части ротовой полости продвигается также артикуляция гласного *a* (за исключением положений в соседстве с носовыми, где, наоборот, происходит отодвижение назад). Наблюдается повышение подъема языка и соответственно продвижение вперед (*a* > *æ*). Так же сдвигается артикуляция гласного *o*, которая, оставаясь в области средних подъемов языка и сохраняя лабиальность, значительно продвигается вперед. Гласный *e*, будучи гласным среднего подъема, оказывается устойчивым. Таким образом, артикуляции большинства гласных фонем обнаруживают тенденцию концентрироваться в области средних подъемов языка. При этом наблюдается большая вариантность произношения. Все это несомненно свидетельствует о существенных сдвигах фонологических оппозиций, характеризующих развитие системы вокализма в этой части гегского диалектного ареала.

В сфере консонантизма [241] также наблюдается ряд важных изменений. Из явлений общегегского характера в говоре Мата

---

[241] См.: там же, стр. 253 и сл.

следует отметить последовательное и полное осуществление изменения *mb* > *m*, *nd* > *n*. Например: mret (mbret) 'король, султан', me mulu (me mbulue) 'покрыть', i âmel (i âmbel) 'сладкий', dhâm (dhâmb) 'зуб'; me nalu (me ndalue) 'остановить, задержать', me nez (me ndez) 'зажигать', henek (hendek) 'канава', shnet (shëndet) 'здоровье', mrena (mbrenda) 'внутри', katun (katund) 'деревня'.

На северо-западной периферии (села Саджак и Кокердок краины Ранза) иногда произносится долгий веляризованный переднеязычный смычный: n̄er (nder) 'честь', n̄req (ndreq) 'исправляю', n̄if (ndih) 'помогаю', shn̄osh (shëndosh) 'здоровый', mren̄a (mbrenda) 'внутри', ven̄ (vend) 'место' и др. Б. Беци объясняет наличие такого варианта произношения положением этих сел на границе с краиной Ксела (Kthellë), где *nd* отражено и как *n̄*, и как *n*.[242] В говоре Мата встречается, хотя и относительно редко, также замена *nd* > *d*: dhâdër (dhândër) 'жених, зять', huda (hunda) 'нос'.

Сочетания *kl*, *gl*, по-видимому, уже довольно рано оказались ликвидированными и полностью слились с серией старых среднеязычных смычных: me qa (<me kla) 'плакать', qumsht (<klumësht) 'молоко', gjuhë (<gluhë) 'язык', gjuni (<gluni) 'колено' и др.

Среднеязычные смычные *q* [ħ], *gj* [ђ] на большей части территории Мата перешли в аффрикаты — переднеязычные со вторым задним фокусом: *ç* [č], *xh* [ǯ]. Например: çaf (qafë) 'шея', çen (qen) 'собака', e keçe (e keqe) 'плохая', fiç (fiq) 'инжир', bujç (bujq) 'земледельцы', xhaku (gjaku) 'кровь', xhum (gjum) 'сон', xhel (gjel) 'петух', dixhte (digjte) 'он горел' и др. Промежуточной фазой этого перехода, вероятно, были среднеязычные аффрикаты, которые еще иногда произносятся на северо-западной периферии (села Саджак и Кокердок краины Ранза). Б. Беци определяет их как звуки, средние между *q* и *ç*, *gj* и *xh*, обозначая их *q'*, *gj'*: q'ef (qejf) 'удовольствие', gj'ak 'кровь', gj'utar (gjuetar) 'охотник'.[243] На юго-западной периферии (с. Гур и Барде) также отмечается колебание между произношением *ç* [č] и *q* [ħ]: çaf (qafë), çesh (qesh), e keçe (e keqe), но qelli (qielli) 'небо', qen 'собака', vdiq 'он умер'. Звонкий среднеязычный сохраняется: gjak, gjashte.

В положении перед *t*, *n*, *m* наблюдается переход *q* > *j* : mijt (miqt) 'друзья', shoqi shojn 'друг друга'. Но изменение это проводится не повсеместно и не последовательно.

Наиболее специфическое для говора Мата (как и вообще для среднегегских говоров) изменение в сфере консонантизма — превращение звонкого заднеязычного смычного в звонкий среднеязычный смычный: *g* > *gj* [ђ]. Это явление распространено по всей

[242] См.: там же, стр. 257.
[243] См.: там же, стр. 253.

области Мата, за исключением лишь юго-западной ее периферии (Гур и Барде). Б. Беци указывает, что оно, однако, не захватывает все слова, имеющие в своем составе звонкий заднеязычный смычный, притом в этом отношении наблюдаются колебания от деревни к деревне.[244] Характерные примеры изменения $g > gj$: gjrusht (grusht) 'кулак, горсть', gjru (gru) 'женщина', gjrik (grykë) 'горло', gjur (gur) 'камень', me gjatu (me gatue) 'готовить', gjozhd (gozhdë) 'гвоздь', zagjar (zagar) 'охотничья собака', me pagju (me pague) 'платить', t'egjra (te egra) 'дикие', largj (larg) 'далеко', i ligj (i lig) 'злой' и др. Изменение захватывает согласный *g* во всех позициях. Причины такого сдвига остаются неясными.

Поскольку старые среднеязычные смычные (глухой и звонкий) в матьянском говоре в основном представлены аффрикатами *ç* [*č*], *xh* [*ǰ*], изменение артикуляции звонкого члена оппозиции *k* — *g* не разрушило этой оппозиции. Так как произношение [*g*] частично сохраняется, [*g*] и [*ђ*] выступают как варианты одной фонемы, противостоящей глухому заднеязычному смычному. При этом среднеязычный вариант является более распространенным и более характерным для говора. Таким образом, старая оппозиция *k*—*g* выступает в виде *k* — *gj*//*g*.

Но если для носителей среднегегской речи различие *gj*//*g* не является фонологическим, то для представителей других говоров, в которых *gj* и *g* выступают как совершенно различные фонемы, замена произношения [*g*] произношением [*ђ*] воспринимается как очень резкий и специфический диалектный признак.

Фонетические явления, отмеченные в матьянском говоре, характерны для среднегегской зоны в целом. Поэтому сведения, имеющиеся в нашем распоряжении относительно некоторых других говоров этой зоны, могут быть далее интерпретированы и до известной степени систематизированы на фоне фактов данного говора и в сравнении с ними.

Говоры горных краин, примыкающих к области Мата с юга и запада

Большая часть этих говоров не описана. Можно предполагать, что говоры Мартанеша (Martanesh) и Тиранской Мальсии (Malsia e Tiranës), горных краин, лежащих к югу и юго-западу от Мата, по основным своим признакам принадлежат к южногегской диалектной области. Уже говор горного селения Гур и Барде (Белый Камень) на крайней юго-западной периферии Мата, на границе с Мартанешем и Тиранской Мальсией, обнаруживает неко-

[244] См.: там же, стр. 253.

торые черты, отличающие его от матьянского говора и сближающие с южногегским типом речи. Это — отсутствие перехода $g > gj$ и частичное сохранение произношения старых среднеязычных смычных (qelli 'небо', qen 'собака', gjak 'кровь', gjasht 'шесть').

На западе с Матом граничит область Круи (Krujë), говор которой отчетливо обнаруживает признаки зоны перехода от среднегегского к южногегскому диалектному типу.

Говор Круи[245]

Область, получившая название по имени прославленного в истории войн Скандербега города Круи, являющегося ее административным, экономическим и культурным центром, состоит из двух частей — горной (Malësia e Krujës) и равнинной (Fusha e Krujës). Высокий хребет Скандербега (Mali i Skandërbegut), восточными своими склонами обращенный к долине Мата, постепенно понижаясь к западу, образует глубокие долины, в которых разбросаны немногочисленные селения. Группы этих селений объединяются в две небольшие краины — Курбин (Kurbî) и Бена (Benë). На склоне, обращенном к Адриатическому морю, лежит старинный город Круя, господствующий над широкой равниной, протянувшейся у подножия гор.

Основным занятием жителей этих горных деревень с давних пор было земледелие, в меньшей степени — скотоводство. Жители города Круи, помимо ремесел и мелкой торговли, также занимались земледелием, возделывая сады, огороды и оливковые плантации, обильно покрывающие горные склоны вокруг Круи. Через Круянские горы, отделяющие внутренние области центральной Албании от морского побережья, издавна проходил путь из Приморья, перевалом Кяфа е Штамэс (Qafa e Shtamës) — в долину Мата и далее в область Черного Дрина. Связи жителей Круянской Мальсии с населением долины Мата были постоянными, в частности отношения свойства (жители горных сел обычно брали себе жен из Мата), что отразилось на их говоре. Однако главным центром экономического притяжения для всего района Круи с давних пор была Тирана — город, лежащий в южногегской диалектной зоне. Особенно часто посещали Тирану жители города Круи, продававшие на тиранском базаре свои ремесленные изделия. Вся область Круи — это преимущественно мусульманский район, так же как соседние краины Мата и Тираны. Значительным влиянием в Круе с давних пор пользовалась магометанская секта бекташей. Как и в Тиране, в районе Круи сосредоточены центры бекташизма (теке), а одна из вершин в горах Круи являлась тради-

---

[245] J. Gjinari. Vëzhgime mbi të folme të Krujës dhe të Malësisë së Krujës. Studime Filologjike, 1964, №№ 3, 4.

ционным местом многолюдного паломничества в день популярного праздника бекташей, посвященного Сары-Салтыку (бекташинский святой).

Для исторической диалектологии преимущественный интерес представляет говор горных сел и в основном совпадающий с ним говор города Круи, с его старым населением. Круянская равнина (Fusha e Krujës) лишь частично принадлежит старожилам; значительная часть ее обитателей — переселенцы из других местностей. Диалектные отношения, складывавшиеся на этой территории со смешанным населением, в основном интересны с точки зрения актуальных процессов диалектного взаимодействия, протекающих в наши дни, притом в условиях интенсивного распространения литературно-языковых норм.

В монографии Й. Гьинари содержится описание старого круянского говора в том виде, как он представлен в речи населения города Круи и двух горных сел — Цудин (Cudhin) и Мафшек (Mafsheq), лежащих к востоку и северо-востоку от города, в глубине Круянской Мальсии. Фонетика говора довольно ярко свидетельствует о его переходном характере, обусловленном географическим положением района Круи — на стыке среднегегской и южногегской диалектных зон.

В области вокализма для говора Круи характерны следующие явления.[246] В полной мере сохраняется особый ряд назализованных гласных в ударенных слогах — консервативный признак, имеющий общегегский характер. Однако назализованное *a* очень сильно отодвинуто назад и, в отличие от матьянского говора, лабиализуется, переходя в открытое назализованное *o*: kâ°mat 'ноги', mrâ°ma 'вечер', gjâ° 'вещь', â°sht 'он есть', mâ°rrin 'они берут', shejtâ°n 'черт'. Эту инновацию, довольно часто возникающую на различных участках гегского диалектного ареала, говор Круи имеет общей с южногегским говором соседней Тиранской Мальсии, а также с городским говором старой Тираны.

Проведена монофтонгизация дифтонгов *ue* > *ū*, *ye* > *ȳ*, *ie* > *ī* : grū (<grue) 'женщина', ka liftū (<luftue) '(он) сражался', dūl (<duel) '(он) вышел'; dȳr (<dyer) 'двери', lȳn (<lyen) 'мажет', dill (<diell) 'солнце', me zī (<zie) 'варить'.[247] Эта инновация характерна как для среднегегской, так и для южногегской диалектных зон.

Очень яркой особенностью говора Круи в сфере вокализма ударенных слогов, определяющей его принадлежность к среднегегскому диалектному ареалу, следует считать комплекс изменений, возникающих благодаря сдвигу артикуляции гласных верх-

---

[246] J. Gjinari. Vëzhgime mbi të folme të Krujës. Studime Filologjike, 1964, № 3, стр. 93—101.

[247] Монофтонгизация *ie* проводится, как и в других говорах, менее последовательно, ср. варианты dill//diell 'солнце', qilla//qiell 'небо'.

него подъема, с тенденцией к концентрации ее в области средних подъемов языка.

Гласный *i*, переходя в *e*, дифтонгизуется. Результат этого изменения представлен в ряде вариантов. Наиболее распространен вариант *əⁱ*, первым элементом которого является очень открытое *e* [ə]: mə^{i}r (< mirë) 'хорошо', mə^{i}k (< mik) 'друг', shpə^{i}n (< shpin) 'дом' (вин. опред.), shə^{i}fte (< shifte) 'он видел', ardhə^{i} (< ardhi) 'виноградная лоза'. Спорадически представлены варианты с более закрытым и с более открытым первым элементом: *ę*^{i}, *a*^{i}. Ср.: shpę^{i}a 'дом', rrę^{i}tet (< rritet) 'растет', ma^{i}r 'хорошо', ma^{i}k 'друг'. Вариант *a*^{i} встречается редко и только в речи жителей горных деревень. В некоторых словах, преимущественно в городе Круе, произносится просто открытое *e* [ę], а не дифтонг: sęt (< sit) 'глаза', mos prętni (< pritni) 'не ждите'. Как и в матьянском говоре, описанное изменение не охватывает всех слов, имеющих *i* в ударенном слоге. Помимо слов, пришедших из литературного языка и частично турецких заимствований, действие указанной фонетической закономерности ограничено рядом непонятных исключений, к числу которых принадлежат такие слова, как bir 'сын', dit 'день', frik 'страх', mish 'мясо'. Соседством среднеязычных согласных может быть объяснено отсутствие изменения в словах t'gjith 'все', gjiz 'творог', fiq 'инжир', ligj 'закон' и др.[248]

Действием тенденции к снижению подъема захвачен также гласный *y*, который, как и в матьянском говоре, переходит в лабиализованное *e*, выступающее в двух вариантах — более закрытом [*ø*] и более открытом [*œ*]: sø (< sy) 'глаз', krøp (< kryp) 'соль', øll (< yll) 'звезда', møll (< mbyll) 'запереть', pøll (< pyll) 'лес', tø (< ty) ('ты' krœp (kryp), œll (yll), pœll (pyll), tœ (ty). Изменением захвачено также *y*, появившееся в результате монофтонгизации *ye*: krø (< krye) 'голова', me pøt, pœt (< pyet) 'спрашивать'. В городе Круя произносится закрытый вариант, в речи жителей горных деревень преобладает произношение более открытого и сильнее отодвинутого назад гласного. Параллельно с этим частично сохраняется также произношение общеалбанского *y*, обычно в несколько более открытом варианте. Только в соседстве со среднеязычными согласными произносится обычное закрытое *y* или его делабиализованный вариант.

К этим сдвигам произношения, затронувшим гласные *i*, *y* и имеющим себе полную аналогию в соседнем матьянском говоре, в речи жителей города Круи примыкает также соответствующий сдвиг артикуляции гласного *u*. Действие той же общей тенденции к снижению подъема языка вызывает изменение *u* > *ǫ*: rrǭg (< rrugë) 'дорога', kpǫct (< këpucët) 'башмаки', bǭrr (< burrë) 'мужчина'. Вариантом этого довольно закрытого *o* в некоторых

[248] J. Gjinari. Vëzhgime mbi të folmen të Krujës.

словах выступает дифтонгоид o^{u}: $\bar{o}^{u}$n (< punë) 'работа', kp$\bar{o}^{u}$c (këpucë) 'башмак'. Появление закрытого *ọ* < *u* дает фонологические основания для сдвига в артикуляции также обычного общеалбанского *o* в сторону большего раскрытия и делабиализации. Появляется продвинутый вперед и делабиализованный вариант [ʌ], который сосуществует с обычным [*o*]: shkʌi̯ // shkoi̯ 'иду', kʌs // kos 'кислое молоко'.

Весь комплекс описанных изменений связан с действием характерной для среднегегской диалектной зоны тенденции к концентрации артикуляции гласных в средней части ротовой полости и соответственно к ослаблению их напряженности.

В отличие от вокализма консонантизм [249] круянского говора не обнаруживает специфических инноваций среднегегской зоны. Среднеязычные смычные *q*, *gj* сохраняют свое качество; соответственно не происходит и характерного для среднегегских говоров изменения *g* > *gj*. Совершившийся в говоре переход *mb* > *m*, *nd* > *n* составляет инновацию, общую для значительной части гегского диалектного ареала. Изменение *-h* > *-f*, например shof (< shoh), имеет значительное распространение на территории Гегерии, за исключением лишь более северных ее районов.

При отсутствии характерных среднегегских инноваций, консонантизм говора Круи может быть определен как принадлежащий к южногегскому диалектному типу.

Говор Мирдиты

На севере с Матом граничит Мирдита (Mirditë), говор которой обнаруживает признаки постепенного перехода от среднегегского диалектного типа к северногегскому.

Мирдитой называется обширная горная область, лежащая в бассейне северных притоков реки Мат — Большого и Малого Фанда. Хотя горы Мирдиты не достигают большой высоты, местность мало пригодна для земледелия и поэтому в прошлом крестьянство этой области жило в большой бедности. Доходы от скотоводства, также стоявшего на довольно низком уровне, не спасали горцев Мирдиты от нужды.[250]

В народно-демократической Албании экономический подъем Мирдиты стимулируется развитием горнорудной промышленности и использованием лесных богатств. Некоторая часть жителей переселилась на плодородные земли равнины.

При турецком владычестве Мирдита была одной из самых отсталых в экономическом и социальном отношениях областей страны. В ней длительно сохранялась родовая организация, хотя устои ее подрывались имущественным расслоением, создававшим резкие

[249] См.: там же, стр. 101—104.

[250] См.: Th. I p p e n. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 55.

социальные контрасты между богатевшими байрактарами (предводителями байраков) и родовой знатью (pari), с одной стороны, и малоимущими общинниками (vogjli — 'меньшие', 'мелкота') — с другой.[251] Одним из характерных моментов разложения родового строя в Мирдите было существование наемных военных отрядов, несших службу в турецкой армии или использовавшихся крупными феодалами в их междоусобных войнах. Воины Мирдиты были единственными горцами, получавшими регулярное денежное вознаграждение за свою службу в войсках, и это создавало им до некоторой степени привилегированное положение. Составляя отборные отряды турецкой армии, горцы Мирдиты, несмотря на свое католическое вероисповедание, пользовались репутацией лучших солдат в европейской части Турецкой империи.[252] Благодаря этому в XVIII—XIX вв. Мирдита играла довольно большую роль в политической жизни страны.

Во главе войска Мирдиты стоял военный руководитель — капедан. Капеданы выделились из родовой знати; власть их была наследственной и находилась в руках династии Гьомарков (Gjomarkajt), названной так по имени одного из первых капеданов, Гьона Марка (Gjon Mark), жившего в конце XVII—начале XVIII в. Гьомарки выступали не только как военачальники, но претендовали на общее политическое руководство Мирдитой, которая была признана турецкими властями как относительно автономная территориальная единица, со своим внутренним самоуправлением. Однако власть капеданов, особенно в области внутреннего самоуправления, ограничивалась такими институтами родовой организации, как вече или сход (kuvend) и совет старейшин (pleqní). Тем не менее амбициозность династии Гьомарков, претендовавших на самостоятельную политическую роль руководителей независимого «государства», была очень велика. Большую роль во внутренней жизни Мирдиты, так же как и в политической игре капеданов, играла католическая церковь, в XIX в. активно стремившаяся укрепить свои позиции в северной Албании.[253]

В территориально-политическом отношении старая Мирдита представляла собой федерацию пяти байраков. Байрак — территориальная единица, созданная турецкой администрацией в конце XVII в.,[254] в условиях военной организации, характерной для Мирдиты, приобрела особенно важное значение, покрыв более старые территориальные деления, связанные с историей расселе-

[251] См.: Ю. В. Иванова. Обычное право северной Албании. Советская этнография, 1961, № 3, стр. 55.

[252] H. Hecquard. Histoire et description de la Haute Albanie ou Guégarie. Paris, б. г., стр. 230.

[253] В конце XIX в. Гьомарки в союзе с аббатом Мирдиты, представлявшим католическую церковь и обладавшим правами епископа, сделались опорой политики Австро-Венгерской империи, стремившейся утвердить в Албании свое влияние.

[254] См.: Historia e Shqipërisë, I. Tiranë, 1959, стр. 397.

ния фисов. Основу федерации составляли три байрака собственно Мирдиты — Орош (Orosh), Спач (Spaç) и Кушнен (Kushnen), лежавшие непосредственно вдоль течений Большого и Малого Фанда. Байраки Фанд в северо-восточной части и Дибр (Dibr) в западной части области вошли в федерацию позднее. Центром Мирдиты считался Орош, где находилась резиденция капеданов. Народное вече (собств. 'сход' — kuvend) собиралось в сел. Шен Паль (Shën Pal) байрака Кушнен. К федерации примыкали четыре байрака Лежской Мальсии (Malsia e Lezhës), расположенные в нижнем течении объединенного Фанда и в горах, непосредственно возвышающихся над приморской равниной. Примыкали также байраки Ксела, Селита (Selita) и Ранза, лежащие к югу и юго-востоку от Мирдиты, на границе с областью Мат. Поэтому иногда говорят не о пяти, но о двенадцати байраках Мирдиты,[255] имея в виду не только политические связи, но также значительное сходство в обычаях, костюмах и говоре, характерное для населения всех этих краин и объясняющееся тесными общественными и культурными связями, а, кроме того, отношениями свойства, с давних пор объединявшими экзогамный коллектив собственно Мирдиты (байраки Орош, Спач и Кушнен) с соседними байраками, также населенными горцами-католиками.

В лингвистическом отношении Мирдита составляет северную часть среднегегской диалектной зоны. На ее территории с давних пор скрещивались языковые влияния, шедшие из области Мата — на юге и из краин бассейна Дрина — на севере. Для характеристики мирдитского говора это промежуточное положение должно иметь существенное значение. Важна также история заселения Мирдиты, дошедшая до нашего времени в виде глухих преданий, подтверждаемых, однако, этнографическими и лингвистическими данными.

В этой связи вызывает интерес особое положение байраков Орош, Спач и Кушнен, составивших в свое время основное ядро федерации Мирдиты. Под позднейшим территориально-административным делением ясно проступают старые деления родоплеменного характера. Жители этих трех байраков составляли кровнородственный коллектив, на протяжении веков строго соблюдавший закон экзогамии. Брачные отношения они устанавливали преимущественно с жителями байрака Ксела, лежащего к югу от Мирдиты, в прошлом также с жителями краины Люры (на востоке),[256] пока те не перешли в магометанство (в XVIII—XIX вв.).

Ранее уже упоминалось о том, что большие дукаджинские фисы Шаля и Шош имеют с основными байраками Мирдиты общую патро-

---

[255] См.: Br. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar. Etnografia Shqiptare, I, стр. 387.

[256] См.: E. D u r h a m. Some tribal origins, laws and customs of the Balkans. London, 1928, стр. 30.

нимическую легенду, согласно которой люди Шали, Шоша и Мирдиты произошли от трех братьев, некогда расставшихся на горе Бештрик (краина Хас, на северо-востоке Албании).[257] Характерно, что закон экзогамии для членов трех основных байраков Мирдиты до сих пор распространяется также на эти живущие далеко на севере фисы, которые считаются объединенными с ними кровнородственной связью. Таким образом, байраки Орош, Спач и Кушнен ведут свое происхождение от одного из североалбанских, точнее — дукаджинских, кровнородственных коллективов и для среднегегского диалектного района являются пришлым элементом населения.[258] Подтверждением их дукаджинского происхождения служит немаловажный факт: в Мирдите господствовал тот же вариант законов обычного права, что и у дукаджинских фисов на севере, известный под названием Кануна Лека Дукаджина. Между тем в соседнем Мате законы обычного права объединялись под именем Кануна Скандербега.[259]

Придя с северо-востока,[260] предки современных мирдитцев должны были принести с собой и речь северногегского типа, которая с течением времени ассимилировалась речи местного населения и приобрела характерные признаки среднегегского диалектного типа. И об этом существует местное предание. Геласиус (N. Gazulli) передает следующие слова мирдитцев: «Мы раньше говорили, как семь байраков Пуки,[261] но постепенно, во времена, когда Албания была еще христианской, благодаря тому что мы заключали браки с Диброй и Люмой (tue marrë e tue dhanë na me Dibër, Lumë) и др., у нас изменился говор (na ndërroj e folmja».[262]

Согласно этому сообщению, Мирдита была связана отношениями свойства не только с ближними Кселой и Люрой, о чем довольно хорошо известно, но еще раньше также с более отдаленными Люмой и Диброй. Иными словами, пришельцы, по-видимому,

---

[257] См.: G e l a s i u s. Oroena mbi nji hartë të Shqipënisë. Hylli i Dritës, 1938, стр. 410.

[258] См.: Rr. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar, стр. 35. Существует легенда, согласно которой собственно мирдитцы или «Мирдита по фису» (Mirdita e fisit) составили хронологически третий слой населения области. Первыми были некие Улы (Ulâjt), которые «не трудились, но жили под деревьями, притягивали просто ко рту ветви с плодами»; вторым был народ, добывавший металлы и называвшийся «Великий Фанд» (Fandamadhi). Последними пришли Mirdita e fisit (G e l a s i u s. Oroena mbi nji hartë të Shqipënisë, стр. 410).

[259] Rr. Z o j z i. Mbi të drejtën kanunore të popullit shqiptar. Bul. Shk. Shoq., 1956, № 2, стр. 144 и сл. См. также: Ю. В. И в а н о в а. Обычное право северной Албании, стр. 53 и сл.

[260] Краина Хас и район Метохии и ныне сохраняют народное название Rrafshi i Dukagjinit («Дукаджинская равнина»). Z o j z i. Ndamia krahinore e popullit shqiptar, стр. 35.

[261] Т. е. как в Дукаджине.

[262] G e l a s i u s. Oroena mbi nji hartë të Shqipenisë. Hylli i Dritës, 1938, стр. 203.

полностью включились в круг общественных, политических и экономических отношений среднегегского ареала, что отчетливо сказалось и на их диалекте. В тот период (вероятно, это были первые века турецкого завоевания) [263] связи Мирдиты с севером оказались ослабленными; между тем политическое значение центральноалбанских областей, составлявших в XV в. опору и основную сферу влияния Скандербега в его борьбе против турок, было еще, по всей видимости, довольно велико. Позднее, уже в XVIII—XIX вв., когда возродилось политическое и экономическое значение Шкодры как главного центра северной Албании и когда наемные отряды горцев Мирдиты стали активно участвовать в политической жизни, снова оживились связи Мирдиты с северногегскими областями. Влияние северногегской языковой среды поддерживалось также католическим духовенством, в XIX в. особенно активизировавшим свою пропаганду в Мирдите.

Таким образом, при лингвистическом изучении Мирдиты должны учитываться: 1) первоначальная северногегская (дукаджинская) основа речи жителей байраков Орош, Спач и Кушнен; 2) влияние среднегегского диалектного окружения, определившее общий характер говора Мирдиты; 3) северногегское языковое влияние, усилившееся в XVIII—XIX вв. При этом, однако, очень существенные моменты пока остаются неизвестными. Важно ответить на следующие вопросы: каков был первоначальный характер речи населения байраков Фанд, Дибр, а также Лежской Мальсии? На какой части территории Мирдиты и в какой мере преобладали (и продолжают преобладать) черты среднегегского и соответственно северногегского диалектного типов?

Вероятно, эти вопросы получат ответ, когда появится описание говора Мирдиты. К сожалению, до сих пор такого описания не существует. Все, чем мы в настоящее время располагаем, это отдельные наблюдения, сообщаемые различными авторами, и несколько фольклорных текстов. Хотя фольклор Мирдиты записывался не раз, далеко не все опубликованные записи могут быть использованы как материал для изучения говора. В некоторых (например, в исторических песнях) в сильнейшей степени ощущается влияние северногегской (дукаджинской) устно-поэтической языковой формы, благодаря чему особенности местного говора не отражаются.[264] Трудно сказать, в какой степени этот факт следует объяснить не только сознательной нормализацией речи со стороны записывавших лиц, но и наличием определенного речевого узуса. Вероятно, влияние северноалбанского устно-поэтического языка распространялось и на Мирдиту.

---

[263] Есть письменное свидетельство о том, что поселение мирдитцев на их современной территории относится приблизительно к концу XV в. (Rr. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar, стр. 36 и сл.).
[264] См.: K. T a i p i. Zâna popullore. Shkoder, 1933.

Для предлагаемого ниже описания основных признаков мирдитского говора материалом послужили краткие наблюдения Ю. Роты и М. Ламберца; также два текста сказок, один из них (в записи М. Ламберца) — из села Гомсиче (Gomsiqe), представляющего северо-западную периферию Мирдиты, другой (опубликован в журнале «Cirka») — без указания места записи. Кроме того, могли быть использованы недавно опубликованные списки топонимов из Фанда.

Ю. Рота в кратком перечне главных фонетических особенностей мирдитского говора [265] отметил несколько явлений, характерных для среднегегской диалектной области. Он указал на то, что в этом говоре вместо *i*, *nî* произносятся *aj*, *é*, *nê*, *nêj*, *naj*, например: sajt (sŷtë, sit) 'глаза', kajshë (kishë) 'церковь', Shqipnê (Shqipni) 'Албания', dashtnêj (dashtni) 'любовь', mullê (mulli) 'мельница'. Им также были отмечены переход *g* > *gj*, например: giozhdë (gozhdë) 'гвоздь', giur (gur) 'камень', gjisht (gisht) 'палец', gjrue (grue) 'женщина', и переход среднеязычных смычных *q*, *gj* в переднеязычные аффрикаты ç, *xh*, например: me çitë (me qitë) 'вытаскивать', me thie çafen (qafën) 'сломать шею', имя Xherq (Gjergj), xhiq (gjyq) 'суд', me xhetun (me gjetun) 'найти'. Кроме этих явлений, Ю. Рота отметил также делабиализацию *y* > *i*, *ye* > *ie*, например: i diti (i dyti) 'второй', i tine (i tyne) 'их' (притяжат. местоим.), kriet (kryet) 'голова'.

М. Ламберц в отчете о лингвистической экспедиции 1916 г., сообщив о своих встречах в Шкодре с жителем Кушнена, дал краткую характеристику мирдитского говора: «Диалект Мирдиты имеет совсем иную мелодию предложения, чем шкодранский. Кроме того, он отличается от него и от мальсорских диалектов тем, что в нем каждое долгое ударенное *ī* отражено как *ē*, *ei* или *ai*. Такой оттенок произношения начинает наблюдаться уже в селении Фирда (Firδa) племени Saši (Thaçi, — *А. Д.*) на Дрине, где вместо *i* произносят *e*; чем дальше к югу, тем явственнее оно отражается как *ei*, а в Люре и Селите оно звучит уже как *ai*. Ударение этого дифтонга в Ороше, Люре и Селите является двухвершинным. На месте гуттурального выступает палатальный согласный, артикуляция которого приближается к артикуляции *dj*».[266]

В этой характеристике наибольший интерес имеет указание на географическое распределение вариантов *e*, *ei*, *ai*.

Анализ топонимов, собранных в деревнях бывшего байрака Фанд (северо-восточная периферия области Мирдита),[267] позволяет отметить следующие явления: 1) ударенное *i* отражается как *e*: mullêni (mullîni) 'мельница', mullêsi (mullísi) 'мельник', i mêr, e mêr (i (e) mirë) 'хороший, -ая'; 2) *y* > *œ*: pœlla (pylla)

[265] J. R r o t a. Letratyra shqipe, стр. 19.

[266] M. L a m b e r t z. Bericht über meine linguistischen Studien, 15.

[267] Sh. H o x h a. Toponimet e Fandit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1962, № 3, стр. 204 и сл.

'лес', bœtha (bytha) 'зад' — в названии Bœtha e Xhurit, букв. 'Каменный Зад'. Наряду с этим отмечаются также формы с сохранившимся *y*, например: xhryka (gryka) 'ущелье'. Форма kreç (kryq) 'крест' (в названии Udha Kreç 'Перекресток') дает основания для заключения о том, что в говоре имеет место также делабиализация *y*; 3) старый дифтонг *ue* сохраняется: Nue (имя собств.). Для дифтонга *ye* можно отметить случай монофтонгизации: tryza (tryeza) 'стол' — в названии скалы Tryza e Lekës; 4) заднеязычный смычный *g* превратился в среднеязычный смычный *gj*, причем, судя по записи, слившись со старым *gj*, превратился далее в переднеязычный аффрикат *xh* [ǧ]: xhuri (guri) 'камень', xhurra (gurra) 'источник', xhryka (gryka) 'ущелье', xhropa (gropa) 'яма', Xhexhë (Gege, имя собств.), luxhu (lugu) 'небольшая долина'; 5) старые среднеязычные смычные *q*, *gj* перешли в переднеязычные аффрикаты ç, xh: çafa (qafa) 'горный перевал', i kuç (i kuq) 'красный', i keç (i keq) 'дурной'; Xhokë (Gjokë), Xherxh (Gjergj). Этим изменением захвачено и *gj*, развившееся из старого *gl*: e xhât (e gjatë) 'длинная'; 6) в сочетаниях *bl*, *pl* сонант *l* превратился в *j*: bjetza (bletëza) 'пчела' — в названии Prroi i Bjetzës 'Пчелиный ручей', pjepi (plepi) 'тополь', pjaja (plaja) 'горный склон'; 7) изменение *mb* > *m*, *nd* > *n* осуществилось, по-видимому, полностью.

Бóльшая часть отмеченных явлений характерна для среднегегского диалектного ареала. Изменения *i* > *e*, *y* > *œ* имеют общий признак — передвижение артикуляции из области верхних в область средних подъемов языка. По-видимому, изменения эти так же связаны между собой, как и соответствующие явления в говоре Мата.

В тексте, записанном от жителя села Гомсиче (Gomsiqe),[268] можно отметить: 1) ударенное *i* в большинстве случаев сохраняняется, например: *mik* 'друг'; лишь иногда выступают варианты *e*, *ei*: u nes (u nis) 'он отправился', u reit (u rit) 'он вырос'; 2) делабиализация *y* проводится довольно широко, хотя и не последовательно: tɛ di sit (të dy sytë) 'оба глаза', grik (grykë) 'шея', hini (hyni) 'он вошел'. Однако также müƚi (mbylli) 'он закрыл' и даже гиперкорректно: ni düt pri düts̆ (nje ditë prej ditësh) 'однажды'; 3) наблюдаются колебания в отражении старого дифтонга *ue*. Рядом с формами, сохраняющими этот дифтонг, зафиксированы формы с проведенной монофтонгизацией. Так, например: gruen 'жену' (вин. п.), me kaƚdzue 'рассказывать', me ts̆ue 'отправиться', tüi s̆kue 'идя', u martue 'женился', но также gruja 'жена', me dziϑ grun 'вместе с женой', m ke kaƚdzu 'ты мне рассказал', me pru 'принести', tui punu 'работая'; 4) произношение звонкого заднеязычного смычного *g* сохраняется: gruja 'женщина', i vogl 'младший'; 5) отмечается характерное для части северногегских говоров смешение произношения фонем *dh* [đ] и *ll* [ƚ]: ma t maƚin

[268] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 135 и сл.

(madhin) 'самого большого' (вин. п.). В целом говор, зарегистрированный в записи из Гомсиче, скорее производит впечатление северногегского с очень незначительными признаками среднегегского влияния.[269] Несколько иную картину дает сравнительно новая запись песни из Гомсиче.[270] В этом небольшом тексте (всего 16 строк) ударенное *i* отражено как *e* в словах: prell (prill) 'апрель', нар. vrek (vrik) 'быстро', Shqipneja, вин. Shqipnenë (Shqipnija, Shqipninë) 'Албания'. Типичный для среднегегской речи переход *g* > *gj* засвидетельствован в словосочетании zogj magjari (zog magari) 'осленок' (букв. 'птенец осла'). Также в имени собств. Afmet Zogju (Ahmet Zogu), хотя несколькими строками ниже дан вариант Afmet Zog. Село Гомсиче, лежащее на крайнем северо-западе Мирдиты, было основано переселенцами из Спача — одного из центральных байраков Мирдиты.[271] Однако среднегегский говор жителей этого села, расположенного близ дороги в Шкодру, в непосредственном соседстве с краиной Задрима, вероятно уже с давних пор должен был подвергаться сильному влиянию северногегской диалектной среды. В имеющихся записях получили отражение колебания, связанные со взаимодействием среднегегского и северногегского диалектных типов.

Запись сказки из Мирдиты, опубликованная в 1937 г. в шкодранском журнале «Cirka»,[272] к сожалению, не снабжена точным указанием местности. Судя по тому, что признаки говора отражены в тексте довольно последовательно, можно предполагать, что запись была произведена не на периферии, но в одном из центральных участков диалектной территории. 1) Результаты изменения ударенного *i* представлены в этом тексте вариантами *e*, *ej*: merë нар. 'хорошо', kushrê (kushri) 'двоюродный брат', u nes (u nis) 'он отправился', mek (mik) 'друг', të nepin (të nipin) 'племянника' (вин. п.), kujtem (kujtim) 'воспоминание'; trej (tri) 'три', thejkë (thikë) 'нож', me pejë (me pi) 'пить', me shejtë (me shit) 'продавать', dhejetë (dhitë) 'козы' и др. Дифтонгизации подверглось также *i*, полученное в результате делабиализации *y*: kreje (krie < krye) 'голова', krejpë (kripë < krypë) 'соль'. 2) Заднеязычный смычный *g* представлен среднеязычным *gj*: me gjrushta (me grushta) 'с кулаками', gjrue (grue) 'жена', gjrosh (grosh) 'грош', нар. gjadi (gadi) 'почти', rrogjë (rrogë) 'плата', zagjar (zagar) 'охотничья собака', magjar (magar) 'осел', нар. largj (larg) 'далеко'. 3) В сочетаниях *bl*, *pl*, *fl* сонант *l* перешел в *j*: bjeta (bleta) 'пчела', pjeh

---

[269] Ламберц отметил, что этот текст не отражает мирдитского диалекта в чистом виде. Г. Коля из Гомсиче, от которого была записана сказка, долгое время провел в Шкодре и речь его, подвергшаяся влиянию шкодранского произношения, сохраняла лишь следы родного говора (там же, стр. 97).

[270] Këngë popullore të luftës nacional-çlirimtare dhe të rindërtimit. Tiranë, 1951, стр. 47.

[271] Th. I p p e n. Die Gebirge des nordwestlichen Albaniens, стр. 52.

[272] M. K o l a. Kush s'â harja e shpejës së vet s ba bukë as gjeti. Prrallë popullit në djalekt të Mirditës. Cirka, 1937, стр. 164 и сл.

(pleh) 'навоз', fjasim (flasim) 'мы говорим', fjok-kuq (flok-kuq) 'красноволосый'.

Хотя находящиеся в нашем распоряжении сведения о мирдитском говоре довольно ограничены, тем не менее можно констатировать, что этот говор обладает определенно выраженными признаками среднегегского диалектного типа. В то же время следует отметить ослабление этих признаков по мере удаления от южных и восточных участков области, находящихся в непосредственной близости к центральной части среднегегской диалектной зоны. Ослабление это прослеживается в северо-западном направлении и связано не только с географическим удалением от центра диалектного ареала, но и со встречными влияниями северногегского типа речи, которые распространялись из Шкодры и прилегающих к ней горных и равнинных краин.

Но и в целом мирдитский говор, если сопоставить его с говорами Мата и прилегающих к нему с востока областей, представляет собой зону ослабления признаков, характеризующих среднегегский диалектный тип. Если в говоре Мата вся система вокализма ударенных слогов оказалась захваченной серией сдвигов, то в мирдитском говоре изменению подверглось только *i*. Лишь в материалах из Фанда, представляющего собой восточную окраину области, отмечается параллельное изменение гласного *y*, артикуляция которого также сдвинулась из сферы верхних подъемов языка в сферу средних. Гласные *o* и *a*, сдвиги в артикуляции которых составляют характерный признак среднегегского диалектного типа, в мирдитском говоре остались совсем не затронутыми изменениями.

Мирдитский говор — это северная периферия среднегегской диалектной зоны, которая оказалась лишь частично захваченной мощным языковым влиянием, распространявшимся из центральных частей ареала — Мата и Дибры.

Говоры горных краин к северо-востоку от Мата

Говоры горных краин Люра и Селита, лежащих к северо-востоку от Мата, а также краины Ксела на севере от нее, в основных своих чертах близки к матьянскому. М. Ламберц в свое время отметил большое сходство говоров Мирдиты, Люры (Lurë), Кселы и Мата, подчеркнув при этом, что благодаря своеобразию их звукового облика, все эти говоры занимают особое место в гегской диалектной группе.[273]

Говоры Люры, Селиты, а также Ранзы занимают как бы промежуточное положение между говорами областей Мата и Мирдиты, которые, хотя в общем довольно близки между собой, обнаружи-

[273] M. Lambertz. Bericht über meine linguistischen Studien, стр. 9 и сл.

вают некоторые расхождения. Как убедительно показал Б. Беци в отношении краины Ранза, линии сходства и различий в известной мере определяются конфессиональной принадлежностью населения,[274] обычно ограничивающей определенными направлениями линии установления связей свойства (в результате заключения брачных союзов между отдельными экзогамными коллективами). Мусульманские села Ранзы, имеющие отношения свойства с мусульманами Мата, говорят на матьянском говоре, в то время как речь жителей католических сел (Саджак и Кокердок) в северной части краины более близка к речи католического населения Кселы и Мирдиты. Говор Селиты, жители которой в слабой степени подверглись процессу мусульманизации, также близок к говору этих католических краин. Языковое влияние Дибры чувствуется в говоре мусульманизованной (сравнительно поздно и не полностью) Люры.

В общем, все эти говоры, несмотря на некоторые различия, принадлежат к одному и тому же диалектному типу. Появившееся недавно описание говора Люры [275] дает представление об основных признаках, характеризующих эту группу говоров.

Говор Люры

Люра — в прошлом одна из наиболее изолированных и глухих краин северной Албании, лежит высоко в горах (на высоте в среднем 1500 м), к западу от среднего течения Черного Дрина. С востока и северо-востока она граничит с Диброй, с юга — с Селитой и Матом, с запада — с Мирдитой. Сообщение с соседними краинами в прежнее время осуществлялось с помощью пешеходных троп, через горные перевалы.

Территориально Люра принадлежит к центральной части среднегегского ареала, что определяет основные характерные признаки ее говора. Однако известная обособленность этой высокогорной краины содействовала сохранению в говоре Люры некоторых консервативных черт, ликвидированных в речи населения, живущего вдоль основных речных магистралей среднегегской диалектной зоны, — в долинах Мата и Черного Дрина.

Лежащая среди густых лесов, краина Люра невелика. Она образуется группой из семи сел, составляющих между собой определенное этнографическое единство, несмотря на различие вероисповеданий (большая часть жителей Люры магометане, остальные — католики).[276] Отношения свойства люрьяне устанавливали

[274] B. B e c i. Hulumtime gjuhësore në Mat, стр. 234 и сл.

[275] Q. H a x h i h a s a n i. Vëzhgime gjuhësore në krahinën e Lurës. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1963, № 4.

[276] В старой Албании Люра славилась своим свободным отношением к религиозным различиям, и смешанные браки между магометанами и католиками были обычным явлением в этой глухой лесной стороне.

преимущественно с Диброй и Матом, реже — с Мирдитой. Среди сравнительно небольшого населения Люры довольно устойчиво сохраняются родовые отношения. Согласно преданиям, еще 7—8 поколений назад фис Люры (fisi i Lurës) насчитывал всего 40 домов. К настоящему времени количество их выросло до 350, но общность происхождения продолжает для них оставаться реальным понятием.

Основным занятием населения Люры всегда было скотоводство. Кроме того, люрьяне, как и жители соседней Дибры, славились своим искусством обработки дерева. Экономические связи Люра в прошлом поддерживала преимущество с Диброй, но также и с другими не только соседними, но и более отдаленными краинами. Тем не менее благодаря своему географическому положению в труднодоступном горном районе старая Люра представляла собой довольно изолированную территориальную единицу. В настоящее время положение коренным образом изменилось. Находящиеся невдалеке горнорудные предприятия, лесопильное производство, автомобильная дорога, туристские лагери на живописных озерах Люры, пользующиеся популярностью среди албанской молодежи, — все это содействует преодолению былой изоляции. Вторжение элементов нового в экономику и культуру этой отдаленной горной краины отражается и на состоянии диалектной речи. Как указывает К. Хаджихасани, характерные признаки местного говора в речи молодого поколения заметно устраняются, уступая место общим нормам гегской разговорной речи.[277]

С единством происхождения всей небольшой группы деревень, составляющих краину Люра, связана и относительная однородность говора. К. Хаджихасани не отметил внутри него локальных различий. В то же время для говора характерна довольно сильная вариантность, не обусловленная территориально. Тот же автор указывает, что часто одни и те же слова произносятся различно в пределах одного населенного пункта.[278] Это наблюдение полностью подтверждается также анализом записанных им текстов. Варианты произношения обнаруживаются даже в записях, сделанных от одного лица.

Существенной особенностью говора Люры является сохранение в нем, при типичных для среднегегской диалектной зоны инновациях, некоторых консервативных признаков, что, по-видимому, связано с географическим положением Люры в труднодоступном горном районе. Соединение этих двух моментов — характерных инноваций с известной дозой консерватизма — составляет своеобразие говора Люры, сближая его тем самым с говором Мирдиты и

[277] В отдельных случаях можно обнаружить даже проникновение некоторых элементов тоской литературноязыковой нормы (формы с ротацизмом, с дифтонгом *ua*) (там же, стр. 145).

[278] Там же, стр. 118 и сл.

противопоставляя говорам Мата и Дибры, особенно богатым инновациями.

Указанная особенность отчетливо видна при рассмотрении вокализма ударенных слогов. К числу консервативных признаков говора относится не только сохранение особого ряда назализованных гласных, но и тот факт, что назализованное *ā* (также и *a* в соседстве с носовыми согласными) в основном не изменяет своего качества. Для говора Люры типичны формы âsht, â 'он есть', bâj 'делаю', bâte 'он делал', kâme 'нога', râna 'песок' и др. Лишь изредка отмечаются случаи лабиализации: o, osht 'он есть', bote 'он делал'. В одном из текстов формы bājn и bōjn 'они делают' зафиксированы рядом. Возможно, что появление форм с гласным *o* связано с проникновением влияния дибранского говора, для которого такая инновация является характерной.

Наиболее заметный консервативный признак говора Люры — это сохранение старогегских дифтонгов *ie*, *ue*: diell 'солнце', e diel 'воскресение', qiell 'небо'; krue 'источник', gjrue 'женщина', prrue 'ручей', thue 'ноготь', ftue 'айва', причастия punue (от punoj 'работаю'), shkue (от shkoj 'иду').

Иногда встречаются формы с проведенной монофтонгизацией, например: mell 'мука' (miell > mill > mell), dul (duel) 'она вышла' и др.; однако для говора они не характерны. Правда, как замечает К. Хаджихасани, в настоящее время молодежь все более склоняется к произношению гласного *u* на месте старого *ue*. Но в этом, очевидно, сказывается влияние общегегской разговорной нормы, иначе говоря, мы здесь имеем дело уже с процессом ликвидации говора как такового.

Наиболее существенной инновацией среднегегского характера в говоре Люры следует считать преобразование, захватившее гласный *i* в ударенном положении: изменение места артикуляции (снижение подъема) и дифтонгизация. Описывая результаты происшедшего сдвига, К. Хаджихасани указывает на наличие значительных колебаний в произношении, выражающихся в целой шкале вариантов: *i*, *è*, *èj*, *aᵉj*, *aj*, *a*. Колебания эти не связаны с локальными различиями. Отмечается, что «одно и то же слово в одной и той же местности может произноситься по-разному, например mer и maèr „хорошо“».[279] Анализ текстов показывает вариации произношения у одних и тех же лиц. Так, в текстах, записанных у 76-летнего Рамадана Дёчи (Ramadam Döçi), пастуха, никогда не покидавшего родных мест, зафиксированы формы: shpèja, shpaja, shpaj, род. п. i shpajs (общегег. shpi) 'дом', trem (trim) 'храбрец', preft (prift) 'священник', xhamèja (xhamija) 'мечеть', kutènë (kutinë) 'ящик' (вин. п.), глагольные формы rrètet (rritet) 'растет', grehet (ngrihet) 'поднимается', rrèn (rrin) 'сидит, пребывает', однако dhāj (dhi) 'козы', fajset (fiset) 'фисы'. В текстах, записан-

[279] Там же, стр. 119.

ных у 56-летней Джильке Лёка (Gjilke Loka), никогда не бывавшей за пределами Люры: kusè, kusaj (kusí) 'котел', mèk (mik) 'друг', 'гость', fèjk (fik) 'погас', dekèjk (dekikë) 'момент', но также: traj (tri) 'три', thajk (thikë) 'нож', i shpajs (i shpis) 'дома' (род. п.), petka e dhannraejs (e dhandrris) 'одежда жениха', paje (pije) 'питье' и др. Ср. в предложении: Kur hām noni gja te **prajshme**, qekim ni kafe pa sheqer, e **pājm**, ajo na ba mer 'Если съедим что-нибудь испорченное (e prajshme < prishme), сварим кофе без сахара, выпьем его (e pājm < pimë), это нам сделает хорошо (mer < mirë)'. Рядом стоят формы: e prajshme, pājm, mer. Трудно определить условия, при которых выступает более закрытый вариант *ej* [*eį*] или более открытый *aj* [*aį*], дифтонг *ej* или гласный *è*. Скорее можно предположить наличие факультативных вариантов. При этом нельзя не обратить внимание вслед за Кемалем Хаджихасани [280] на то, что более закрытые варианты произношения (*è*, *ej*) в общем соответствуют состоянию, характерному для говоров Мата и Мирдиты, а более открытый вариант (*aj*) совпадает с аналогичным произношением в дибранском говоре. Учитывая эти соответствия, можно пытаться объяснить факультативность вариантов произношения в говоре Люры тем, что эта маленькая горная краина лежит на стыке влияний двух основных диалектных районов среднегегского ареала и оба эти влияния отразились в ее говоре.

Для характеристики явления важно отметить, что целый ряд слов не охватывается указанным изменением. Гласный *i* (в ударенных слогах) устойчиво сохраняет свое качество в словах bir 'сын', bī 'дочь', gji 'грудь', lis 'дуб', 'дерево', mish 'мясо', gjisht 'палец', dīt 'день', drīt 'свет', i ri 'молодой', i zi 'черный', lidh 'связываю', di 'знаю' и др.; также в топонимах Dukagjin, Selīt, Zadrīm, Lis, в антропонимах Gjīn, Mhili, Bib, Halil, Ali, Nezir, Qerīm, Hamit и др.

Наряду со старым *i* описанные выше сдвиги произношения захватили также ударенное *i*, возникшее в результате делабиализации гласного *y* (*y* > *i*), а также стяжения и делабиализации старого дифтонга *ye* (*ye* > *y* > *i*). И в этом случае наряду со словами, захваченными изменением, сохраняется некоторое количество слов с гласным *i*. Ср.: brril (brryl) 'локоть', kriq (kryq) 'крест', gjrīk (grykë) 'горло', di (dy) 'два', но taj (ty) 'ты', sej, saj (sy) 'глаз', sejt, sajt (sytë) 'глаза', frem (frymë) 'дыхание', pèll (pyll) 'лес', tèm (tym) 'дым', krejt, krajt (kryet) 'голова', krajp (krypë) 'соль', me the (me thye) 'сломать' и др.

Характерный для говоров Мата и Дибры сдвиг *o* > *ö* представлен в говоре Люры ограниченным количеством случаев: söt (sot) 'сегодня', kröj (kroi) 'источник', vöj (voj, т. vaj) 'растительное масло', shtög (shtog) 'бузина', имена собственные Döda

[280] Там же.

(Doda), Döçi (Doçi), Kalöshi (Kaloshi). В основном, как отмечает К. Хаджихасани, гласный *o* сохраняет свое качество. Столь характерный для говора Мата сдвиг *a* > *ä* в говор Люры не проник. Также не проникла и дибранская дифтонгизация ударенного *u*.

В области консонантизма [281] говор Люры осуществил ряд инноваций. В числе их инновация общегегского характера — переход *mb* > *m*, *nd* > *n*, проведенный полностью: mush (mbush) 'наполняю', kâma (kâmba) 'нога', shkâm (shkâmb) 'скала', nezi (ndezi) 'он зажег', parmena (parmenda) 'соха', ven (vend) 'место'.

К числу специфических среднегегских инноваций относится переход звонкого заднеязычного смычного в соответствующий среднеязычный смычный — *g* > *gj* [*ђ*]. Переход этот осуществляется во всех положениях: gjardh (gardh) 'изгородь', gjur (gur) 'камень', gjōzhd (gozhdë) 'гвоздь', gjrōp (gropë) 'яма', gjrue, gjrueja 'женщина', shtrigjat 'ведьмы', lugjati 'привидение', dēgj (degë) 'ветка', rrūgj (rrugë) 'дорога' и др. Как и в матьянском говоре, старые среднеязычные смычные соответственно перешли в аффрикаты, которые К. Хаджихасани очень приблизительно определяет как звуки «средние» между *xh* [*dž*] и *zh* [*ž*], *ç* [*č*] и *sh* [*š*]. По-видимому, это несколько палатализованные переднеязычные аффрикаты со вторым задним фокусом. Старые аффрикаты *xh* [*dž*] и *ç* [*č*] в свою очередь частично утеряли смычность, приблизившись к спирантам *zh* [*ž*] и *sh* [*š*].

Оставляя в стороне ряд мелких изменений, встречающихся во многих гегских говорах, остановим внимание на фонетическом процессе, который в говоре Люры является общим с аналогичным процессом в говоре Дибры. Это переход среднеязычного спиранта *j*, следующего за губным смычным, в среднеязычный смычный, при дальнейшем отпадении губного смычного: *pj* > *pq* > *q*, *bj* > *bgj* > *gj*. Например: qekim (pjekim) 'печем', gjeshk (bjeshkë) 'горное пастбище', bje > gje 'он падает'. Соответственно после губно-губного сонанта *m* спирант *j* переходит в среднеязычный носовой сонант *nj* [*ɲ*], после чего начальный губно-губной также отпадает: *mj* > *mnj* > *nj*. Например: njegull (mjegull) 'туман', njalt (mjaltë) 'мед', njekërr (mjekër) 'подбородок, борода', e njera (e mjera) 'несчастная' (ср. njera un e njera). Примечателен также зафиксированный в одном из текстов случай перехода среднеязычного носового сонанта *nj* [*ɲ*] в звонкий среднеязычный смычный *gj* [*ђ*]: i ralli mun ta gjofi (njofi) 'редкий, кто сможет его узнать (njoh)'.[282] Все эти явления связаны между собой и специфичны.

Сочетания *tj* и *dj* переходят в соответствующие среднеязычные сонанты *q* [*ћ*] и *gj* [*ђ*]: qegjlla (tjegulla) 'черепица', qerr (tjerr) 'пряду', gjal (djalë) 'мальчик', gjep (djep) 'колыбель'.

---

[281] См.: там же, стр. 122 и сл.
[282] Там же, стр. 162.

Говор Люры интересен своим промежуточным положением между говорами Мата и Мирдиты, с одной стороны, и Дибры — с другой. Среднегегские инновации проникали в него, таким образом, и с юго-запада, и с востока. Двухсторонний характер влияния, вероятно, и определил то состояние вариантности в проведении основных фонетических изменений, которые являются типичными для этого говора. При этом сравнительно обособленное положение Люры высоко в горах способствовало сохранению в говоре также некоторых консервативных черт.

Дибранский говор

К востоку от Мата лежит область Дибры, занимающая среднюю часть бассейна Черного Дрина с его притоками. Северную половину этой большой краины составляет плодородная долина вдоль течения Черного Дрина. В народной традиции Дибра подразделяется на ряд мелких краин, к числу которых иногда относят также Люру.[283] Часть Дибры с городом Дебаром (алб. Dibër) [284] входит в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии (Македония). В Народной Республике Албании область Дибры образует округ, центром которого является городок Пешкопи (Peshkopi).

В истории Албании Дибра, лежащая в центре внутренней части страны, на путях, соединявших Македонию с Адриатическим побережьем, с давних пор играла важную роль. В XIV—XV вв. она входила в состав феодальных владений Кастриотов; она была одним из оплотов власти Скандербега в его политике собирания земель и организации борьбы против турецкого завоевания. В последующие века Дибра с ее горными проходами, открытыми в сторону Македонии, и с уже установившимся феодальным укладом, оказалась в числе тех областей, где рано и прочно утвердилось турецкое влияние, шедшее с востока.[285] Через Дибру это влияние распространялось на соседние с ней горные области внутренней Албании.

---

[283] «Дибра — это относительно большая краина; на севере она начинается от речки Veleshica и на юге доходит до Ланги (Llangë), на западе начинается от перевала Qafa e Bullit и на востоке выходит за пределы нынешних политических границ Албании. Она объединяет в себе краины: Люра (Lurë), Реч-и-Дарда (Reç-e-Dardhë), Уемуя (Ujemujë), Чиден (Qidhën), Мухур (Muhurr), Катэр Грюкэт (Katër Grykët — Четыре ущелья), Люзни (Luzni), равнинные деревни близ Пешкопи, горные деревни близ Пешкопи, Грюка е Вогэль (Grykë e Vogël — Малое Ущелье), Грюка е Маде (Grykë e Madhe — Большое Ущелье), Мачелара (Maqellarë), Бульчиза (Bulqizë), Голоборда (Gollobordë)». (В. B e c i. E folmja e Reç-e-Dardhës së Dibrës. Studime filologjike, 1964, № 4, стр. 136.

[284] Название Dibra (неопред. ф. Dibër) имеет славянское происхождение. Ср. ст.-слав. дъбрь, дьбрь 'ущелье, долина, поросшая лесом'.

[285] Однако в горных деревнях Дибры продолжал довольно устойчиво сохраняться староалбанский закон обычного права, в противовес влиянию шариата (см.: там же, стр. 136).

Большая часть земель Дибры на протяжении веков находилась в руках крупных феодалов. Дибранские беи сохраняли свои владения и власть вплоть до окончательного освобождения страны; поэтому Дибра была одной из самых глухих и отсталых областей довоенной Албании. Однако в свое время (в первые века турецкого владычества) Дибра выделялась среди окружавших ее горных краин, как более развитая в экономическом отношении область. Плодородная долина Черного Дрина была покрыта полями и виноградниками, область пересекалась важными торговыми путями, город Дибра (Дебар) играл важную роль как центр торговли и ремесленного производства, лежавший на пути из Адриатики в Македонию. Дибранцы славились как искусные каменщики и мастера резьбы по дереву. Жители дибранских сел с давних пор уходили на заработки в ближние и дальние края. Во многих городах и селах Балканского полуострова они строили дома, украшая их прекрасной резьбой. И. Г. Хан, странствовавший по Балканам в середине прошлого века, отметил необычный для горной Албании облик дибранских сел в долине Черного Дрина. Окруженные виноградниками, села эти имели мощеные улицы с двухэтажными домами и лавками торговцев; это придавало им городской вид.[286] На базаре города Дибры Хан заметил длинный ряд оружейных лавок, и ему было сказано местным епископом, что изделия дибранских оружейников не уступают изделиям мастеров Призрена.

Население Дибры исторически сложилось в процессе переселений албанских семей из различных более западных районов северной Албании.[287] Время этих переселений неизвестно, однако можно предполагать, что большая их часть происходила довольно давно, возможно, еще до того, как в дибранском говоре начали развиваться специфические для среднегегской диалектной области фонетические инновации. В то же время Дибра была также областью, из которой и через которую в основном шло переселение албанских горцев на македонские земли (в районе Скопле и Полога). В самой Дибре речь славянского населения, жившего рядом с албанцами, ассимилировалась в очень сильной степени. Наряду с языковой ассимиляцией происходил процесс ассимиляции культурно-бытовой, в котором большую роль играло распространение мусульманской религии.

Хотя история внутренних областей Албании в период турецкого владычества еще очень мало изучена, целый ряд фактов указывает на значительность экономического, политического и культурного влияния, оказывавшегося Диброй на области, прилегавшие к ней с запада и востока. Это влияние получило отражение

---

[286] См.: J. G. Hahn. Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar, стр. 91.

[287] Так, в краине Реч и Дарда (Reç-e-Dardhë) целый ряд родов происходит из района Шкодры, есть роды, происходящие из Никая и Мертура, Мирдиты и др. (см.: B. Beci. E folmja e Reç-e-Dardhës së Dibrës, стр. 137).

и в языке. Дибра, по-видимому, была центром мощной языковой иррадиации, распространившейся в среднегегской зоне в период турецкого владычества (а возможно, и ранее).

До недавнего времени основным источником сведений о дибранском говоре, помимо очень кратких заметок Ю. Роты[288] и Ст. Младенова,[289] были записи фольклорных текстов. Благодаря точности записей наибольшую ценность в этом отношении имеют два текста сказок, записанных М. Ламберцем.[290] Хотя фонетически менее точны, но также могут быть использованы тексты песен, опубликованные албанскими фольклористами.[291] Анализ языка текстов из сборника Х. Стермилы[292] лег в основу составленного Гл. Елезовичем перечня фонетических особенностей дибранского диалекта.[293]

С опубликованием работы Б. Беци, содержащей описание говора краиныРеч-и-Дарда,[294] представление о дибранском типе речи приобрело значительно большую степень полноты. Краина Реч-и-Дарда, протянувшаяся вдоль левого берега Черного Дрина, к северо-западу от города Пешкопи́, являющегося окружным центром, обнаруживает как в этнографическом, так и в языковом отношениях типические для области Дибры в целом черты. Сопоставление с другими опубликованными материалами позволяет дополнить наблюдения албанского диалектолога.

Основные особенности вокализма[295] состоят в следующем. Наличие особого ряда назализированных гласных выражено отчетливо. При этом назализированное *a*, а также *a* в соседстве с носовыми согласными лабиализуется. Наблюдаются колебания между произношением 1) слегка лабиализованного *a* и *o* (с полным переходом $\bar{a} > \bar{o}$: a) mâ° 'больше', xhâ° 'вещь', Tirâ°n 'Тирана', 2) u bô 'сделался', hôna (< hâna) 'луна', nôna (< nâna) 'мать'. Это явление, общее у дибранского говора с соседней северо-восточногегской зоной, не относится к числу специфических признаков собственно среднегегского диалектного типа (так, в говоре Мата оно не получило развития).

Специфическими следует считать изменения, связанные с общим сдвигом артикуляции, затронувшим всю систему гласных ударен-

---

288 J. Rrota. Letratyra shqipe.

289 St. Mladenov. Bemerkungen über die Albaner.

290 M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 191 и сл.; 245 и сл.

291 В сборнике «K. pop. hist.».

292 «Fyelli i Dibrës», mbledhë nga Haki Stërmilli. Visaret e Kombit, XIV, Tiranë, 1944.

293 Gl. Elezović. Glasovne osobine.

294 B. Beci. E folmja e Reç-e-Dardhës së Dibrës. Studime Filologjike, 1964, № 4; 1965, № 1.

295 См.: там же, 1964, № 4, стр. 138—144.

ных слогов, за исключением гласного *е*. Действие тенденции к концентрации артикуляции гласных в средней части ротовой полости в дибранском говоре оказывается еще более последовательным, чем в говоре Мата, в котором гласный *u* остался вне серии сдвигов.

Артикуляция неназализированного ударенного *a* сдвигается в сторону открытого *e* [ɛ]: därdh (<dardhë) 'груша', bält (<baltë) 'грязь', kaläja (<kalaja) 'крепость' (им. п. опред.).[296] Артикуляция ударенного *o* также сдвигается вперед и *o* > *ö* [ø]: löp (<lopë) 'корова', zöti (<zoti) 'хозяин, господин', kröi (<kroi) 'источник', fillöi (<filloi) 'он начал', gözhd (<gozhdë) 'гвоздь'.[297]

На месте ударенного *i* развивается дифтонг *ai*, имеющий варианты *a^{ë}i̯*, *a^{e}i̯* реже *èi*, *è*: dhai (<dhi) 'коза', trai (<tri) 'три', shai, вин. опред. shain (<shin) 'дождь'; ma^{ë}ir (<mirë) 'хорошо', derva^{ë}ish (<dervish) 'дервиш', tha^{e}ik (<thikë) 'нож', ma^{e}iki (<miki) 'друг', va^{e}içi (<viçi) 'теленок', tha^{e}ika (<thika) 'нож', vréiteshin (<vriteshin) 'они убивались', shéfni (<shifni) 'видите'. Назалир. *i* дает варианты с лабиализованным первым элементом дифтонга: mullâ^{o}i (<mullî) 'мельница', xhamâ^{o}i (<xhamî) 'мечеть'; môi (<mî) 'мышь', kushrôi (<kushrî) 'двоюродный брат'. Все эти варианты представлены в говоре краиныРеч-и-Дарда, причем преобладают более открытые. Младенов отмечает, что в городе Дибра произносят дифтонг *ëi̯*: šëi̯ (<shi) 'дождь', sëi̯ (<si, sy) 'глаз', mëi̯r (<mirë) 'хорошо'; в с. Меляни (Melani), лежащем севернее, по его наблюдениям, звучит *oi̯*: šoi̯ (shi).[298] В текстах, записанных албанскими фольклористами, зафиксированы формы с *ei* и с *ai*: Malseia (<Malsia), kreisma (<krisma) 'выстрел';[299] as në raj, as në pleqsaj (ri, pleqsi) 'ни в молодости, ни в старости'.[300] Формы с *ai* привел также Ю. Рота: Shqipnaj (Shqipni) 'Албания', kusaj (<kusi) 'котел'.[301] В процессе изменения, затронувшего удар. *i*, первичным и основным моментом, по-видимому, явилось снижение подъема — от верхнего к среднему; дифтонгизация — добавочный момент, а раскрытие *ei* > *ai* — результат дальнейшего развития.

Гласный *y* преимущественно делабиализуется: *y* > *i*. Возникшее этим путем *i* может претерпевать то же изменение, что и старое *i*: fra^{ë}im (<frymë) 'дыхание', kra^{ë}ip (<krypë) 'соль'. Однако

---

[296] В записях Ламберца обозначение *ä* чередуется с обозначением *öá*: därsm 'свадьба', но döárða 'груша', böáftše (< bahçe) 'сад'. По-видимому, М. Ламберц устанавливал в некоторых случаях произношение восходящего дифтонга с лабиализованным передним гласным среднего подъема (в качестве первого элемента). В описании Б. Беци нет каких-либо указаний на такое произношение.

[297] Попытка Б. Беци объяснить изменения *a* > *ä* и *o* > *ö* ассимилирующим влиянием соседних согласных не кажется убедительной.

[298] St. Mladenov. Bemerkungen über die Albaner, стр. 66.

[299] K. pop. hist., стр. 236.

[300] Там же, стр. 54.

[301] J. Rrota. Letratyra shqype, стр. 19.

с сохранением *i*: di (<dy) 'два', grik (<grykë) 'горло' и др. Кое-где, например в с. Зал Дарде (Zall Dardhe), зафиксированы варианты *oi*, *öi*, *ö*: soi (<sy) 'глаз', toi (<ty) 'ты', ftoira (<ftyra) 'лицо', brroili (<brryli) 'локоть', kröip (<krypë) 'соль', shtöilla (<shtylla) 'столб'. В этих случаях снижение подъема *y* могло предшествовать дифтонгизации.

Сдвигом артикуляции захвачено также ударенное *u*, что отличает дибранский говор от матьянского. Результат изменения — дифтонг *ou*, *au*: rroushi (<rrushi) 'виноград', coucat (<cucat) 'девушки', shoum (<shumë) 'много', arraush (<arrushë) 'медведица', ktau (<këtú) 'здесь'. В фольклорных записях: barouti (<baruti) 'порох', koullë (<kullë) 'башня'.[302] Дифтонгизуется также *ū*, возникшее благодаря монофтонгизации дифтонга *ue*: me lirou (<me lirū) 'освободить', kemi punou (<punū) 'мы работали'. Так как начало процесса изменения *u* > *ou̯* > *au̯*, видимо, предшествовало завершению изменения *ue* > *ū*, в конечных открытых слогах нередко произносится сочетание *aue*, возникшее благодаря дифтонгизации элемента *u* в составе дифтонга (или сочетания гласных) *ue*: ka fillaue (<fillue) 'он начал'. Отмечается, по крайней мере для говора краины Реч-и-Дарда, очень ограниченный, скорее спорадический характер осуществления дифтонгизации удар. *u*. По подсчетам Б. Беци, из 113 слов 19 зафиксированы с дифтонгом *au* (*ou*), в 19 случаях обнаруживаются колебания и в 75 случаях сохраняется *u*.[303] В записях Ламберца засвидетельствованы случаи перехода *u* > *o*: mos mbošni (<mbušni) 'не наполняйте', tsōtsat (<cucat) 'девушки',[304] аналогичные факты приводит Младенов: řoš (<rrush) 'виноград', šom (<shumë) 'много', hond (<hundë) 'нос', oku (uku, ujku) 'волк'.[305] Подлежит выяснению соотношение этого явления с дифтонгизацией *u*. Общим моментом для обоих явлений можно считать сдвиг артикуляции в область средних подъемов языка — тенденцию, определившую общее направление изменений, преобразовавших вокализм дибранского говора.

Основные особенности консонантизма[306] состоят в следующем. Общее для большей части гегской диалектной территории изменение *mb* > *m*, *nd* > *n* осуществлено последовательно. Специфично изменение *ng* > *g*: me gel (<ngel) 'застревать', me gre (<ngre) 'поднимать', kugull (<kungull) 'тыква', pegoj (<pengoj) 'препятствовать', aheg (<aheng) 'пирушка'.

Фарингальный щелевой *h* в основном сохранился во всех позициях. Однако довольно распространен характерный для юж-

---

302 K. pop. hist., стр. 236 и сл.

303 См.: B. B e c i. E folmja e Reç-e-Dardhës së Dibrës. Studime Filologjike, 1964, № 4, стр. 42.

304 M. L a m b e r t z. Albanische Märchen, стр. 142 и сл.

305 St. M l a d e n o v. Bemerkungen über die Albaner, стр. 67.

306 См.: B. B e c i. E folmja e Reç-e-Dardhës së Dibrës, стр. 144—148.

ной части гегского диалектного ареала переход $h > f$, преимущественно в глагольных формах: shof (<shoh), shofim (<shohim) 'вижу, видим'.

Среднеязычные смычные *q* [ħ], *gj* [ђ] перешли в переднеязычные аффрикаты: *ç* [č], *xh* [ğ]: çaf (<qafë) 'шея', çen (<qen) 'собака', çilli (<qielli) 'небо', piçemi (<piqemi) 'встречаемся', teçé (<teqé) 'теке́', miç (<miq) 'друзья', xhasht (<gjashtë) 'шесть', xheli (<gjeli) 'петух', përxhixhem (<përgjigjem) 'отвечаю'. Иногда возникают варианты, приближающиеся к щелевым палатализованным *sh* [š'], *zh* [ž'], которые Б. Беци обозначает как *sh*^{ç}, *zh*^{xh}: sh^{ç}af (<qafë) 'шея', zh^{xh}arpën (<gjarpën) 'змея'. В некотором количестве слов сохраняется произношение среднеязычных смычных: asqer (тур. asker) 'солдат', qeverrija 'правительство'. Как и в других среднегегских говорах, заднеязычный смычный *g* переходит в среднеязычный смычный *gj* [ђ], причем *g* и *gj* функционируют как варианты одной фонемы, ср.: gra, gjra 'женщины', zogi, zogji 'птица', rrug, rrugj, 'дорога'. Преобладает вариант gj: gjati (<gati) 'готово', gjur (<gur) 'камень', pagjova (<pagova) 'я заплатил', lugjat (<lugat) 'привидение', begj (<beg) 'бей', largj (<larg) 'далеко'. Изредка *gj* (<*g*) отождествляется со старым *gj*, и тогда на месте *g* произносится *xh* [dž]: xhur (<gjur< gur) 'камень', xhatauj (<gjatauj < gatūj) 'готовлю'. Однако в целом дистантность соотношения *gj* (<*g*) и *xh* (<*gj*) сохраняется.

Сочетания *ti̯*, *di̯*, пройдя через фазу сильной палатализации начального переднеязычного смычного, преобразовались в среднеязычные смычные, которые совпали со старыми среднеязычными и подвергаются тем же изменениям. По отдельным краинам Дибры наблюдается вариантность их произношения. Ср. в Зал Дарде: qeter (<tjeter) 'другой', qer (<tjerr) 'пряду', gjal (<djalë) 'мальчик', gjath (<djathë) 'сыр' и в Бардай Реч (Bardhaj Reç): çeter, çerr, xhal, xhath.

Старые сочетания *kl*, *gl* на преобладающей части территории Дибры, видимо, уже очень рано, как и в других среднегегских и южногегских говорах, заменились среднеязычными смычными, судьба которых не отличается от судьбы старых среднеязычных смычных, ср.: çuhemi (<quhemi < *kluhemi) 'мы зовемся', xhû (<gjû < *glû) 'колено', xhuh (<gjuhë < gluhë) 'язык'. Однако на северной периферии области, в говоре краины Реч-и-Дарда в некоторых случаях на месте старого **kl* произносится *k*: me kajt 'называться', kaj 'плачу', ka kôn 'он был'. В этом сказалась близость северо-восточногегской диалектной области с ее характерным изменением $*kl > k$.

Специфичным для дибранского говора является развитие сочетаний губных согласных с сонантом *l'*, переходящим в неслоговое *i*. Переход $pl' > pi̯$, $bl' > bi̯$, $fl' > fi̯$ наблюдается не только в среднегегских, но и в некоторых говорах северногегской зоны. Однако в дибранском говоре сочетания *pi̯*, *bi̯* подвергаются даль-

нейшему изменению, сущность которого состоит в том, что неслоговое *i̯* переходит в среднеязычный смычный, глухой или звонкий в зависимости от качества предшествующего звука. Конечным результатом этого процесса может быть отпадение начального губного. В процессе участвуют такие старые сочетания *bi̯*, *pi̯*. Можно восстановить следующий ряд последовательных преобразований: *pl′* > *pi̯* > *pj* > *pħ* > *ħ*, *bl′* > *bi̯* > *bj* > *bђ* > *ђ*.

На территории Дибры обнаруживаются отражения различных фаз указанного процесса. Так, в текстах песен засвидетельствована одна из его начальных фаз: pjaku (<plaku) 'старец, старейшина'.[307] Ю. Рота отметил вариантность: pjaku (<plaku), pjepi, qepi (<plepi) 'тополь', pjuhni, quhni (<pluhni) 'пыль', me qekun (<me pjekun) инф. 'печь', gjetë (<bletë) 'пчела', gjuej (<bluej) 'мелю'. В записи Ламберца: të t na tjeksh (<pjeksh) bukën 'ты нам испечешь хлеб'. По сообщению Младенова, в городе Дибре говорят bjet (<bletë) 'пчела', а в селах к северо-западу от него произносят k′ak (plak) 'старик'. Наконец, в говоре краины Реч-и-Дарда на месте сочетаний *pl*, *bl* произносят среднеязычные смычные *q* [*ħ*], *gj* [*ђ*] или их варианты — аффрикаты *ç* [*č*], *xh* [*dž*]: qak, çak (<plak) 'старик', qehe, çehe (<plehe) 'навоз', qep (<plep) 'тополь', çot (<plot) 'полно', çuhun (<pluhun) 'пыль', xhejm (<blejmë) 'покупаем', xhet (<bletë) 'пчела'. Таков же результат развития сочетаний *pj*, *bj*.

В положении после губного носового *i̯* также переходит в среднеязычный смычный, на этот раз — в носовой, причем далее первый (губной) элемент сочетания отпадает: *mi̯* > *mń > ń. Так, в тексте песни из села Qafmurrë: njeglla (<mjegulla) 'туман'.[308] Из примеров Ю. Роты: niaft (<mjaft) 'достаточно', nieshter (<mjeshter) 'мастер', nieker (<mjeker) 'борода'.[309]

Таким образом, консонантизм дибранского говора, как и вокализм, обнаруживает существенные инновации, придающие этому говору своеобразные черты, резко отличающие его от старогегского диалектного типа.

Говор Люмы

Люма (Luma) — горная область, лежащая к северу от Дибры, вдоль по течению Черного Дрина и по правым его притокам. С южной стороны она граничит с Диброй по речке Велешица, на западе — с Мирдитой, на севере — с краиной Хас, на востоке — с Косово и Метохией в Югославии. Граница с Югославией проходит по высоким хребтам Дьялицы и Коритника, на западных склонах которых и по долине Черного Дрина раскинулись

---

[307] K. pop. hist., стр. 145

[308] Там же, стр. 55.

[309] J. R r o t a. Letratyra shqipe, стр. 19.

52 деревни Люмы. В административном отношении Люма входит в состав округа, центром которого является городок Кукес, расположенный в месте слияния Черного и Белого Дрина. Основное занятие населения — скотоводство. Традиционное ремесло — производство ковров. Жители Люмы исповедуют магометанскую религию, которая распространилась, вероятно, из соседней Дибры. По своему происхождению население Люмы является смешанным, образовано выходцами из различных фисов северной Албании.[310]

Расположенная в области, где скрещивались влияния, шедшие из центральногегской зоны (Дибра), с влияниями северо-восточного ареала (Косово-Метохия и Хас), Люма обнаруживает разнообразие этнографических традиций.[311] Скрещение влияний среднегегской и северо-восточногегской диалектных зон отчетливо обнаруживается и в говоре Люмы. Этот говор в полном смысле слова может быть назван переходным, так как в нем соединились характерные признаки двух диалектных типов.[312]

К числу ярких признаков северо-восточногегского типа относится прежде всего наличие заднеязычного смычного *k* на месте староалбанского сочетания *kl*.[313] Например: kojnë (<*klajnë, ср. лит. qajnë) 'плачут'. Также формы оптатива наст. вр. от глагола 'быть', 2-е л. ед. ч. kofsh (<*klofsh, лит. qofsh), 3-е л. ед. ч. koftë (<*kloftë, лит. qoftë). С наличием этой историко-фонетической детали связана и характерная для северо-восточных гегских говоров морфологическая особенность — образование форм определенного склонения от основ мужск. р. с исходом на заднеязычный смычный с помощью аффикса *-i* (в остальных албанских говорах и в литературном языке только с аффиксом *-u*). Например: kriemiki (kryemiku) 'главный друг', т. е. 'сват' (shkuesi). Ср. также в песне из Перберега (Perbregj): Kush po ven sokakit (sokakut)? 'Кто идет переулком?', barki (barku) 'живот', topa t' Karadakit (Karadagut) 'пушки Карадага'.[314]

К явлениям северо-восточного типа следует отнести более широкое распространение перехода *ã > o*, чем это свойственно для среднегегской диалектной зоны. Переход этот охватывает не только назализированное *ã* или *a* в соседстве с носовыми согласными, но также и случаи, где этот переход не может быть связан

[310] См.: G e l a s i u s. Fjalori toponomastik. Hylli i Dritës, 1943, стр. 266 и сл.

[311] Sh. H o x h a. Fejesa dhe martesa në Lumë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1960, № 4, стр. 345.

[312] Материалом для наблюдений послужили записи песен и разговорной речи, обильно включенные в тексты статей албанского этнографа Ш. Ходжи, посвященных семейным обрядам в Люме (см.: Sh. H o x h a. 1) Fejesa dhe martesa në Lumë; 2) Lindja në Lumë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1961, № 2). Почти все примеры взяты из указанных статей.

[313] Относительно того, как отражается в говоре старое сочетание *gl*, в моем распоряжении нет материалов.

[314] K. pop. hist., стр. 186.

с явлением назализации, например: midiri i kalosë (mydiri i kalasë) 'начальник (тур. müdir) крепости', për me t' po (pa) 'чтобы тебя увидеть' и др.

В отличие от этих явлений ряд других свидетельствует о силе влияния, шедшего из среднегегской диалектной зоны и определившего общий облик люмьянского говора. В числе их прежде всего обращает на себя внимание широко проведенная дифтонгизация ударенного *i*. Результаты дифтонгизации представлены в записях Ш. Ходжи вариантами *ëj*, *ej*, *oj*, *aj*. Чаще других в текстах встречается вариант *ëj*, затем *oj*; варианты *ej* и *aj* встречаются довольно редко. Примеры: fëjs (fis) 'фис', tëj (ti) 'ты', e mëjr, e mëjrë (e mirë) 'хорошая', kur të vëjni (vini) 'когда придете', shpëja (shpia) 'дом', zoti i shpoisë (i shpisë) 'хозяин дома', trajm (trim) 'молодец' и др. Гласный *i*, появившийся в результате делабиализации *y*, также подвергся дифтонгизации: tëjm (tym) 'дым', grëjk (grykë) 'горло', krëjpa (krypa) 'соль', sëjvi (syni, syri) 'глаз', sojtë (sytë) 'глаза'.

Консонантизм говора обладает характерными признаками среднегегского диалектного типа. В нем осуществлен переход *g* > *gj*: gjruni (gruni) 'пшеница', gjrusht (grusht) 'горсть, кулак', gjrishatarë (grishatarë) 'приглашенные', shtrëjgjat (shtrigat) 'ведьмы', të ligjat (të ligat) 'злые'. Также с дальнейшим переходом среднеязычного смычного в переднеязычный аффрикат: xhrabujë (grabujë) 'грабли'. Из более общих явлений можно отметить переход старых среднеязычных смычных в переднеязычные аффрикаты (со вторым задним фокусом): sheçer (sheqer) 'сахар', vdiçën (vdiqën) 'умерли', xhumi (gjumi) 'сон', u doxha (u dogja) 'я сгорела' и др.

Изменение *mb* > *m*, *nd* > *n* проведено последовательно.

Гегские говоры Македонии

В составе населения республики Македония в Югославии определенную часть составляют албанцы — геги и тоски.[315] Поселения албанцев-гегов сосредоточены большими группами на северо-западе республики — в районе Куманова, в Скопской котловине, в долине верхнего течения Вардара (Тетово, Полог), в долине Радики (Горна Река), а также в югославской части Верхней Дибры. Южнее — в районах Струги, Охрида, Битоля (Манастира) находятся поселения албанцев, говорящих на тоскском диалекте.

---

[315] См.: Цвијић. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. Београд, 1911; G. Weigand. Ethnographie von Makedonien. Leipzig, 1924; А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929.

Албанцы-геги, в основном магометане по вероисповеданию, переселялись из северной и центральной Албании на протяжении длительного времени. Есть сведения о том, что уже в XIV в. в районе Тетова были поселения албанцев.[316] Но особенно интенсивно процесс переселения проходил в XVII—XIX вв. Турецкие власти, проводившие начиная с XVII в. активную политику исламизации балканских земель, благоприятствовали образованию колоний албанцев-мусульман в Македонии. В заселении албанцами долины Верхнего Вардара значительную роль играли феодалы Тетова, албанцы по происхождению, державшие около себя много чиновников албанцев. Как указывал А. М. Селищев, «сами паши и их приближенные водворяли в Пологе албанцев. Так, например, в селе Теарце паши поселили албанцев, набранных ими в Мате, Дольнем Дебре и Призренском крае».[317] Для албанских горцев переселенческие движения стимулировались тяжелыми экономическими условиями существования в малоземельных горных районах, а также развивавшимся процессом разложения патриархально-родового строя и создававшимся благодаря этому резким социальным расслоением внутри родовой общины.

Направление основных потоков переселения определялось географическими условиями. Потоки эти обходили горные массивы и устремлялись по долинам рек. Если в край Косова и Метохии колонизационный поток направлялся непосредственно из северной Албании через район слияния Черного и Белого Дрина и далее вверх по течению Белого Дрина и его притоков, то в области северо-западной Македонии волны переселений распространялись главным образом из внутренних районов Албании по долине Черного Дрина и его притокам. Дибра служила как бы воротами из горной Албании в Македонию и поэтому играла большую роль в процессе движения албанцев на восток. Поток албанских переселенцев направлялся в Македонию преимущественно из Дибры и через Дибру. Как указывает А. М. Селищев, «албанцы, поселившиеся в Пологе, вышли из Дебра, Мата, Дукаджина, Мирдиты и из Люмы. Меньше из Метохии, Подримы и Косова.[318] Албанские переселенцы приходили также и с севера, в обход хребта Шар-Планины, но этот поток был значительно слабее.

Албанские села Македонии располагаются в непосредственном соседстве с селами славянскими. В некоторых селах население состоит из албанцев и славян (македонцев).[319] Постоянное общение на протяжении очень длительного времени обусловило в Македонии, так же как и в Косово-Метохии, возникновение

[316] См.: там же, стр. 92.
[317] См.: там же, стр. 127.
[318] См.: там же, стр. 39.
[319] См.: там же, стр. 22 и сл.

различных форм славяно-албанского двуязычия, представляющего большой интерес в лингвистическом отношении.[320]

Албаноязычное население в северо-западной Македонии в преобладающей своей части пользуется говорами среднегегского типа, очень близкими к дибранскому. Это вполне естественно, если учесть отмеченную выше роль Дибры как главного очага, из которого распространялось движение албанских переселенцев в этой части албаноязычного ареала на территории Югославии. Значение Дибры для лингвистической географии Македонии отметил еще Ст. Младенов: «В диалектологическом отношении Дебрский округ очень важен, так как из него и через него проходило много албанских колонистов в северную и западную Македонию. Более детальное ознакомление с албанским говором области Дебра объясняет нам многие загадки. Так, например, дифтонгизация долгих *ū* и *ī* в говорах Куманова, Скопле и Тетова связана с соответствующим явлением в говоре Дебра».[321]

---

[320] О двуязычии в селах Полога (долина верхнего течения Вардара) писал А. М. Селищев: «Житейские обстоятельства заставляли positions положеских болгар вступать в общение с албанцами, водворившимися в Пологе. Как результат этих общений многие болгары владеют албанским языком, а многие албанцы хорошо говорят по-болгарски. Об этом двуязычии в Пологе свидетельствуют лица, побывавшие в Пологе. Наблюдал это явление и я в с. Теарце. В некоторых селах среди болгарского населения обнаруживалась до недавнего времени особая склонность к албанской речи, к преимущественному пользованию этой речью, а не болгарской. В случае говорения на болгарском языке вводится много слов албанских. Это — одна из последних стадий двуязычия, когда пользуются не отдельно одним из двух языков, а смешивают элементы того и другого языка. Так было, напр., в 90-е гг. XIX в. в с. Горно Еловце (на западе Г. Полога): „българите на това село клонят до променят езика си на арнаутски и говора им сега представлява странна смесь от българско и арнаутско наречие“ (Новини, II, № 60). Но в других селах такого смешения не представлено. В болгарских говорах Полога нет общераспространенных ни словарных, ни формальных, ни фонетических элементов: при пользовании одним языком пользуются усвоенной системой э т о г о языка, а не другого: элементы одной системы не переносятся в другую. Такая привычка к пользованию одной из двух языковых систем создается во многих областях, где в течение времени происходит общение двух разноязычных групп населения» (там же, стр. 44). И далее: «Но часть славянского населения несомненно омусульманилась, усвоила албанский язык, хотя удерживала в обиходе и свой, болгарский, язык. Так, напр., у торбешей сел Урвич, Уловьяне и раньше у торбешей селаВрановце. С течением времени совсем изменился этнический облик некоторых из положских торбешей: они стали вполне албанцами и в национальном и в языковом отношениях. Болгарский язык в их среде хотя не безызвестен — в случае нужды они пользуются им, — но всё же не этот язык считают они с в о и м „родным“, а язык албанский. Но развалины церквей и покинутых кладбищ с намогильными крестами напоминают о прежнем болгарском христианском населении. Так в албанских селах: Ялинце, Радуша, Церово (развалины монастыря и церкви), Стремница, Г. Седларце, Врановце, Форино, Трново (развалины 2 церквей), Страяни, Србиново (развалины монастыря), Падалишта» (там же, стр. 50). См. также: M. L u t f i u. Ndikimi reciprok i gjuhëve sllave dhe i shqipes në te folunit e Dibrës. (Përparimi, Prishtinë 1962, № 1—2).

[321] St. M l a d e n o v. Bemerkungen über die Albaner, стр. 66.

Хотя гегские говоры Македонии детально еще не описаны, по опубликованным материалам можно составить представление об их основных особенностях.

Краткие сведения о говоре албанцев в районах Галичника (Горна Река, долина речки Большая Радика, текущей вдоль восточных склонов горного массива Кораб, у албанской границы), Гостивара (Полог, верховья Вардара) и Тетова содержатся в обзоре Ст. Младенова.[322] По его наблюдениям, для говора албанских поселений перечисленных районов характерны следующие фонетические явления: 1) дифтонгизация ударенного *i* (ī): mair (mirë) 'хорошо', ðai̯ (dhi) 'коза', šai̯ (shi) 'дождь', sai̯ (sī, sy) 'глаз' (с. Желина, Тетово); ðai̯ (dhi), šai̯ 'дождь', ϑai̯ (thi) 'свинья' (с. Търново, Гостивар); 2) дифтонгизация ударенного *u* (ū): arau̯š (arushë) 'медведица', rau̯š (rrush) 'виноград' (с. Желина, Терово), arau̯š (arushë) (с. Търново, Гостивар); 3) сильная лабиализация *a* (*ā*) перед носовыми согласными: ðondër (dhândër) 'зять, жених', tomëł (t'âmbël) 'молоко', kom (kâmb) 'нога' (с. Желина, Тетово); nōm (nâmë) 'проклятие', s kom (s kam) 'я не имею', ðomb (dhâmb) 'зуб', boni (bâni) 'делайте' (с. Върбен, Галичник); 4) переход ударенного *u* > *o* (тоже перед носовыми согласными): płom (pëllumb) 'голубь', šom (shumë) 'много' (с. Желина, Тетово); 5) переход старых заднеязычных смычных в аффрикаты, с последующим развитием на месте аффрикат переднеязычных палатализованных спирантов: ćaf (qafë) 'шея', ćen (qen) 'собака', dźarpën (gjarpën) 'змея', dźašt (gjashtë) 'шесть' (с. Желина, Тетово); śaf (qafë), śen (qen), śie (qe) 'быки', źarpën (gjarpën) (с. Дух, Гостивар); źašt (gjashtë) 'шесть' (с. Върбен, Галичник); 6) Переход сонанта *l* в сочетании с предшествующим губным в неслоговое *i̯*, с дальнейшим развитием на его месте среднеязычного смычного: pḱak (plak) 'старик', pḱë (pleh) 'навоз', bǵet (bletë) 'пчела' (Гостивар); pḱak (plak), pḱeh (pleh) 'навоз' (с. Върбен, Галичник).

В характеристику фонетических особенностей этого говора некоторую детализацию вносят краткие заметки Н. Йокля, изучавшего речь жителей с. Врапчиште (у Йокля Rapšišt), лежащего немного севернее Гостивара.[323] В области вокализма им отмечены следующие явления: 1) дифтонгизация *ī* > *œi̯*, *ū* > *ɔu̯*: mœi̯r (mirë) 'хорошо', šœ̃i̯ (shi) 'дождь', trœi̯ (tri) 'три';

---

[322] Там же, стр. 60 и сл.

[323] См.: N. J o k l. Vorläufiger Bericht über die im Auftrag der Balkan-Kommission d. Akad. d. Wiss. in Wien durchgeführten nordostgegischen Dialektstudien. (Sonderabdruck aus dem Anzeiger der Philos.-hist. Kl. d. Akad. d. Wiss. in Wien vom 19 Mai, Jahrgang 1915, № XIII, Wien, 1915, стр. 2 и сл.). Н. Йокль изучал речь жителей с. Врапчиште (торговцев бузой и сладостями), группа которых оказалась в Венгрии в период первой мировой войны. К сожалению, он опубликовал лишь очень немногое из своих наблюдений.

katǫund (katund) 'деревня', zbarðoų (zbardhū) 'посветлело'; 2) прейотация (Präjotierung): vⁱœtᵘł (vetullë) 'бровь', mbrⁱęnda (mbrenda) 'внутри', zⁱę̂z (e zezë) 'черная'; 3) растяжение (Zerdehnung) узких гласных: pęⁱes (pesë) 'пять', vęⁱen (venë) 'вино', ťœᵘet (tetë) 'восемь', kiįe (ti ke) 'ты имеешь', iįe (ti je) 'ты еси', tšiįe (qe) 'быки'; 4) переход среднеязычных смычных в переднеязычные аффрикаты (явление, обозначаемое Йоклем как «сильная ассибиляция»): kutš (i kuq) 'красный', tšiįe (qe) 'быки', didžet (digjet) 'горит', šⁱeldže (shelgje) мн. ч. от shelg 'ива'; 5) переход сочетаний *dį*, *tį* в «палатализованные звуки» *ď*, *ť* (т. е. в среднеязычные смычные [ђ], [ћ]): ďâl (djalë) 'мальчик', ďep (djep) 'колыбель', ťęri (tjerr) 'пряду'; 6) переход *pl* > *pť*, *ť*; *bl* > *bď*, *ď* (т. е. [*pl*] > [*pћ*], [*ћ*]; [*bl*] > [*bђ*], [*ђ*]: pťak, ťak (plak) 'старик', ťep (plep) 'тополь', bďeta, ďeta (bleta) 'пчела'. Н. Йокль указывает, что промежуточной фазой в переходе *pl* > *pť* было превращение *l'* > *pj*. Соответствующим образом изменились также общеалбанские сочетания *pį*, *bį*, ср.: pťêł (pjellë) 'порожденный', ďešk (bjeshkë) 'горное пастбище'. Аналогичными Йокль считает переходы: 7) общеалб. *ń* > *ndž*: undžem (unjem) 'сажусь'; 8) fl' > fx' : fx'ok (flok) 'волосы'; 9) mį > mń : mńaft (mjaft) 'достаточно'.

Всё это явления, общие с дибранским говором и типичные для среднегегской диалектной зоны. Лишь одна из фонетических особенностей, отмеченных Йоклем, выходит за пределы среднегегского круга явлений. Это переход ст.-алб. *kl* > *k*, *gl* > *g*, зафиксированный им в говоре с. Врапчиште, ср.: kœ̆š (ст.-алб. основа kle-, лит. qeshë) 'я был', gũh (ст.-алб. gluhë) 'язык', gũ (ст.-алб. glu) 'колено'. Здесь перед нами явление, специфичное для северо-восточногегской диалектной зоны. Наличие указанных форм в речи албанцев из Верхнего Полога может рассматриваться как результат влияния, распространившегося из косовско-метохийского ареала. Возникает вопрос, в какой мере это явление, зафиксированное Йоклем в речи небольшой группы выходцев из Врапчиште, типично для говора данной местности вообще?

О говоре албанцев округа Скопле относительно более подробные сведения содержатся в статье П. Скока, посвященной речи неславянского населения Скопской котловины.[324] П. Скок отметил локальную вариантность албанской речи на этой диалектной территории. Жители преобладающей части албаноязычных деревень Скопского округа пользуются тем же среднегегским говором, что и албанцы других районов северо-западной Македонии. Для их речи характерны 1) дифтонгизация ударенного *i* (*ī*) —

[324] П. Скок. Лингвистичка проучавања несловенског становништва Скопске котлине. Годишњак Музеја Јужне Србије, 1, 1941. К сожалению, в моем распоряжении не оказалось этой важной работы. Пользуюсь изложением ее в исследовании К. Тальявини (C. Tagliavini. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale).

ī > *ai̯*, *ëi̯*, *oi̯*: vai̯ç (viç) 'теленок', mai̯r (mirë) 'хорошо', špai̯ (shpi) 'дом', ðai̯ (dhi) 'коза', trai̯ (tri) 'три', θai̯ka (thika) 'нож', kmai̯š (këmishë) 'рубашка', mai̯k (mik) 'друг', θëi̯, θei̯ (thi) 'свинья', mëi̯ (mi) 'мышь', urëiθ (urîth) 'еж' и др.; 2) дифтонгизация ударенного *u* (*ū*) — *ū* > *au̯*, *ëu̯*, *åu̯*, *ou̯*: aråu̯š (arushë) 'медведица', råu̯š (rrush) 'виноград', cau̯c, cau̯ca (cucë, cuca) 'девочка', nau̯se (nuse) 'невеста, молодая женщина', nau̯k (nuk) 'не', krau̯š (krushk) 'сват', ftau̯e (ftue) 'айва', prau̯e (prrue) 'ручей', štau̯n (e shtunë) 'суббота', kštou̯ (kështu) 'так' и др. Скок указал на различия в произношении этого дифтонга, замеченные им в отдельных деревнях; 3) лабиализация носового *ā*, а также *a*, стоящего перед носовыми согласными: kombë (kâmbë) 'нога', monk (mangë) 'рукав', ðondre (dhândër) 'зять, жених', džilpon (gjylpânë) 'игла', ðomb (dhâmb) 'зуб', ost (âsht) 'он есть', kom (kam) 'я имею', jom (jam) 'я есмь'; 4) переход звонкого заднеязычного смычного в звонкий среднеязычный смычный — *g* > *ђ*: ђūr (gur) 'камень'; ђarθ (gardh) 'изгородь', ђojtan (тур. gaytan) 'бахрома'; 5) переход среднеязычных смычных в аффрикаты (переднеязычные): čep (qepë) 'лук', krüč (kryq) 'крест', kuč (i kuq) 'красный', džarpən (gjarpën) 'змея', džašt (gjashtë) 'шесть'. Но наряду с этим отмечается и сохранение старого произношения (среднеязычных) *ć* [*ћ*], *gj* [*ђ*]: ći (qi) 'что', ђarpən (gjarpën) 'змея'. Аффрикат *č* иногда переходит в шипящий щелевой *š*: šafa (qafa) 'шея', še (qe) 'быки', šep (qepë) 'лук'.

Переход *pl* > *pć*, *ć*; *bl* > *bђ*, *ђ*: ćak, мн. ч. ćeš (plak, pleq) 'старик', pće, će (pleh) 'навоз', pćot (plot) 'полно', ćešta (pleshta) 'блоха', ćep (plep) 'тополь', ђet (лит. ble) 'покупать'. Также *pi̯* > *pć*, *ć*, *bi̯* > *bђ*, *ђ*: ćešk (pjeshkë) 'персик', bђeškə (bjeshkë) 'горное пастбище'.

К северо-востоку от Скопле среднегегский тип речи характерен для албанцев района Куманова. Младенов отметил в их говоре явление дифтонгизации гласных *i* (*ī*), *u* (*ū*): ðaj, ðəj, ðyi (dhi) 'коза', thëj (thi) 'свинья', arau̯š, arëu̯š (arushë) 'медведица'.[325]

Самым северным форпостом среднегегской дифтонгизации гласных *i* (*ī*), *u* (*ū*) на югославской территории является район Качаника (на границе Македонии с автономным краем Косово и Метохия). В некоторых селах этого района (Глобочица, Блаца, Котлина и др.) на месте ударенных *i*, *u* произносят *aj*, *ej*, *ëj*, *ou*. Например: majr (mirë) 'хорошо', fëjll (fyell) 'флейта, дудка', bourrë (burrë) 'мужчина', nouse (nuse) 'невеста, молодая женщина'.[326]

Из предлагаемого обзора вытекает с полной очевидностью, что гегская речь албанцев северо-западной Македонии характери-

[325] См.: St. M l a d e n o v. Bemerkungen über die Albaner, стр. 44.

[326] См.: B. H y s a. Veçoritë e bashkëtinglloreve në të folunit e Kaçanikut, стр. 205.

зуется относительным единообразием, принадлежит к среднегегскому диалектному типу и очень близка к дибранскому говору. Такое положение вещей хорошо объясняется историческими условиями образования албанских поселений на этой территории.

Однако в некоторых пунктах албаноязычного ареала в Македонии заметно вклинились влияния северного, точнее северо-восточногегского диалектного типа. Помимо отмеченного Йоклем факта (переход *kl* > *k*, *gl* > *g* в говоре с. Врапчиште близ Гостивара), обращает на себя внимание обнаруженный П. Скоком островок северногегской речи к юго-западу и югу от Скопле.[327] Этот островок состоит из семи деревень, в говоре которых сохранились недифтонгированные *i* (*ī*), *u* (*ū*): špi 'дом', arūš 'медведица', rūš 'виноград', cuc 'девочка'. В четырех из этих деревень сохранилось произношение звонкого смычного в слове gur 'камень' и др. Кое-где наблюдается также переход *kl* > *k*, например: формы типа *kan* (лит. *qan*) 'плачет' в селе Малчишта. Можно предположить, что эта группа деревень была образована албанскими переселенцами, пришедшими с севера, из Косово-Метохии.

В области морфологии среднегегский диалектный тип не отличается специфическими инновациями. В отличие от фонетических изоглосс, пучки которых, концентрически собираясь, образуют более или менее замкнутое пространство вокруг основных участков ареала — краин Мата и Дибры, изоглоссы грамматических фактов являются на территории среднегегских говоров общими с соседними диалектными территориями. Отдельные характерные изоглоссы, частично нарушающие единство грамматической системы говоров Гегерии, пересекают среднегегскую диалектную область, не создавая, однако, изоляции отдельных ее участков. Так, например, формой так называемого местного или, точнее, предложного падежа, характерной для всей центральной Албании, включая как южногегскую, так и северотосккскую диалектные области, частично обладают также среднегегские говоры. Эта форма употребительна в круянском и матьянском говорах (например: n'djept 'в колыбели', për qefit tat 'для твоего удовольствия'); однако она отсутствует в говоре Дибры и непосредственно примыкающих к ней краин. Только на периферии среднегегской диалектной области форма им. опред. и другие падежные формы ед. ч. от именных основ с исходом на заднеязычные согласные образуются с помощью форманта *-i*: peshk-i, peshk-i-n 'рыба, рыбу'; beg-i, begj-i, beg-i-n, begj-i-n 'бей, бея'. Это явление, проникшее из соседнего северо-восточногегского ареала,

---

[327] См.: C. T a g l i a v i n i. Le parlate albanesi di tipo ghego orientale, стр. 41 и сл.

распространилось только на говоры Люмы и частично краины Реч и Дарда на севере Дибры. На всей остальной части среднегегского ареала сохраняется общеалбанское чередование формантов *-i*/*-u*, обусловленное фонетическим качеством конечного звука основы (mal-i 'гора', но peshk-u 'рыба').

Что касается таких морфологических архаизмов, как образование формы род. п. мн. ч. от консонантных основ с окончанием *-e* (*-et*) без элемента *-v-*, например: дибр. (i) miçe 'друзей, друзьям', (i) kuale 'лошадей, -ям', (i) çene 'собак, -ам', или как присоединение окончания *-n* вин. п. опред. ед. ч. непосредственно к основе с гласным исходом, например: дибр, kâ-n 'быка', vlla-n 'брата', frê-n 'узду', то это явление свойственно многим говорам вообще.

В области глагольного формообразования мелкие инновации аналогического характера, воспринимаемые на фоне значительной вариантности, свойственной категории албанского глагола в целом, также не создают картины обособления среднегегского ареала. В то же время различия отмечаются в пределах самой среднегегской диалектной области, между отдельными ее говорами. Так, например, окончание 1-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. имеет следующие локальные варианты: *-sha*, *-she*, *-shem*. Неустойчивость парадигмы имперфекта проявляется, однако, в Албании повсеместно.

ЮЖНОГЕГСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗОНА

Южногегская диалектная область лежит в центре территории албанского государства. Основную ее часть составляют раскрывающиеся в сторону морского побережья широкие долины рек Шкумбин и Эрзен, а также окаймленная холмами большая долина, простирающаяся у подножия хребтов Скандербега и Круи, в центре которой расположена столица Албании Тирана. Кроме этого, к южногегской зоне принадлежит длинная полоса приморской низменности — от устья Шкумбина на юге до устья реки Мат — на севере. Примыкающие к долине Шкумбина горные краины Черменика, Мартанеш, Берзешта, Тиранская Мальсия тоже составляют часть южногегской зоны.

Вся эта зона в географическом отношении представляет типичную для Албании картину противоположности и тесной взаимосвязи горных областей с равнинами. Равнины центральной Албании с лежащими на них городами Эльбасаном, Тираной, Дурресом, Пекином (Peqin), Каваей (Kavajë) довольно густо населены. Жители этих равнин издавна занимались земледелием, а города были центрами торговли и ремесленного производства для окружающих районов. Сравнительно более редкое население прилегающих горных массивов — malsorë (ср. malsi 'горная область') — всегда резко отличалось от жителей равнин — fusharakë (от fushë 'равнина') как по типу хозяйства (в основном скотоводческого),

так и по характеру общественно-бытового уклада, в большей мере сохранявшего пережитки общинно-родовых отношений. Однако в то же время мальсоры неизменно поддерживали тесные экономические связи с городами, регулярно спускаясь в них по базарным дням. Так было в прошлом, так продолжается и поныне. В первую очередь таким центром притяжения для целого ряда горных и равнинных краин центральной Албании с давних пор был Эльбасан, лежащий посреди широкой плодородной долины, с севера и востока окаймленной горами, но зато свободно открывающейся в западном и юго-западном направлениях.

Характерные особенности южногегского диалектного ареала в значительной мере определяются его географическим положением, с одной стороны, и историческими условиями развития входящих в него областей — с другой.

Равнинные земли центральной Албании с давних пор играли важную роль в экономической и политической жизни страны. Плодородные почвы речных долин создавали благоприятные условия для развития земледелия. Концентрации населения содействовало также развитие городов, служивших центрами экономического притяжения для обширных сельскохозяйственных районов.

Речные долины, прорезавшие горные массивы в центре Албании в направлении с востока на запад, и равнины, простершиеся вдоль берегов Адриатического моря, во все времена служили путями, соединявшими морское побережье с внутренними областями Балканского полуострова, а также северную часть страны с южной. Лежащий на этой территории Дуррес (древний Ἐπίδαμνος, Δυρράχιον) в античную эпоху был самым большим портовым городом на восточном побережье Адриатического моря. И в период турецкого владычества, при всем упадке экономической жизни страны, Дуррес продолжал быть торговым портом, связывавшим с внешним миром области средней Албании (территории Эльбасана, Дибры, Тираны, Пекина, Каваи).[328] Знаменитая Via Egnatia, по которой некогда Рим сообщался с Византией, пролегала по долине Шкумбина. Дорога эта сохраняла свое значение во все периоды истории Албании [329] и не случайно, что первая железнодорожная линия страны, соединившая Адриатическое побережье с Эльбасаном, оказалась проложенной по трассе этой древней римской магистрали. В средние века и в турецкий период важную роль играли также пути, проходившие через Тирану и далее по горным перевалам на Дибру и Эльбасан, пути из Эльбасана на Берат и Пермет, из Дурреса на Влору и др.

Равнинные области центральной Албании всегда принадлежали к относительно более развитым в экономическом отношении

[328] См.: J. G. H a h n. Albanesische Studien, I. Jena, 1854, стр. 76.

[329] См.: J. A d a m. Historia e rrugëve të Shqipërisë. Bull. Shk. Shoq., 1953, № 3, стр. 30 и сл.

частям страны. Плодородные земли этих областей издавна возделывались под пшеницу, кукурузу, рис, табак. Районы Эльбасана, Тираны, Пекина, Кавайи славились своими масличными рощами, продукция которых занимала важное место во внешней и внутренней торговле. Даже в условиях очень тяжелой феодальной эксплуатации, которая господствовала на плодородных равнинах центральной Албании на протяжении многих веков, экономическая жизнь в этой части страны отличалась более высоким уровнем развития, особенно в сравнении с горными областями.

Важное значение имели города, расположенные на основных торговых путях и в центрах обширных сельскохозяйственных районов. Наиболее значимым из них в период турецкого владычества был Эльбасан, лежащий на берегу Шкумбина, недалеко от места выхода этой реки из горных ущелий на широкую долину. Эльбасан был основан турками в XVI в. на месте старинных поселений. Ставши центром пашалыка, этот город приобретал все большее и большее значение не только как административный центр, но и как важный центр ремесленного производства и торговли. К началу XIX в. в Эльбасане было до 40 эснафов (корпораций ремесленников), представлявших различные ремесла, продукция которых имела широкий сбыт.[330]

Для центральной Албании, которая в турецкую эпоху являла собой (по определению албанских историков) «особую экономическую систему», роль Эльбасана как торгового центра была очень велика.[331]

Ремесла и торговля получили развитие также в Тиране, основанной в начале XVII в. Турецкий путешественник Э. Челеби, посетивший этот город в 1664 г., сообщает, что в нем было много мечетей, торговых лавок и ханов (постоялых дворов). Унаследованные еще от средних веков традиционные ежегодные панагиры (ярмарки), длившиеся до 7—8 дней, привлекали к себе не только жителей различных районов центральной Албании, но также купцов из отдаленных Македонии и Косова.[332] Приобрели значение экономических центров города Пекин и Кавая, лежащие на пути из Эльбасана в Дуррес. Кавая с давних пор славилась своим гончарным производством, сохранившим (до настоящего времени) традиции античной эпохи. Все эти города издавна привлекали к себе население окружающих сельскохозяйственных районов. И в настоящее время, как в старину, по базарным дням в них стекается множество крестьян из близких и более отдаленных краин.

---

[330] Z. Shkodra. Prodhimi i mallnave në Shqipni në shekullin e XIX-të. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 4.

[331] См.: Z. Shkodra. Shqipnia në kohën e Tanzimatit. Tiranë, 1959, стр. 9.

[332] См.: Kr. Frashëri. Fillimet e historisë së Tiranës. Bull. Shk. Shoq., 1955, № 2, стр. 144.

Древний Дуррес, лежащий на берегу Адриатического моря, в турецкий период не играл большой роли как городской центр. По свидетельству И. Г. Хана, путешествовавшего по Албании в середине прошлого века, он насчитывал в то время около 1000 жителей.[333] Окрестности его были заболочены и в местности свирепствовала малярия. Однако как торговый порт Дуррес был тесно связан с городами центральной Албании. Купечество Дурреса поддерживало также постоянные деловые сношения с другими портовыми городами — Шкодрой на севере и Влорой — на юге.[334]

Помимо экономического, Эльбасан и Тирана имели значение как культурные центры. В эпоху исламизации Албании (XVII—XVIII вв.) они были для центральной Албании очагами ориентальной письменности и культуры. Наряду с официальной магометанской религией, широкое развитие получила деятельность мусульманских сект дервишизма (главным образом бекташей), оказывавших значительное влияние на внутреннюю организацию эснафов [335] и тем самым на характер городской жизни. Среди городского населения большую популярность имело творчество поэтов-бейтеджей, в XVII—XVIII вв. создававших свою светскую лирику на албанском языке в духе и традициях арабско-персидской поэзии. В то же время в кругу православных христиан Эльбасана продолжали еще жить традиции старой домусульманской культуры Албании. К XVI в. относится творчество выдающихся иконописцев Онуфрия и его сына Николы, расписывавших церкви в городах и селах центральной Албании. С Эльбасаном также были связаны ранние попытки перевода христианской богослужебной литературы на албанский язык (XVIII век).

Благодаря концентрации населения и относительной интенсивности экономической жизни на равнинах и в городах центральной Албании уже во времена турецкого владычества создались условия для языковой концентрации, выработки обобщенного типа речи. Некоторые предпосылки для этого, возможно, намечались уже раньше, в период существования средневековых албанских княжеств. Но в основном этот процесс, по-видимому, развернулся в XVII—XVIII вв. в связи с ростом городов, развитием в них ремесленного производства и усилением экономических связей между городами и селами этой части албанской территории. Благодаря тому что все участки этой зоны были так или иначе взаимосвязаны, она представляла собой до некоторой степени единую в экономическом и культурном отношениях область,

[333] См.: J. G. Hahn. Albanesische Studien, стр. 76.

[334] См.: там же.

[335] См.: Z. Shkodra. Problemi i kallfës në sistemin e esnafëve shqiptare. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1963, № 1, стр. 84.

которая в то же время не была замкнутой и изолированной. Открытая влияниям как с юга (со стороны Берата и Влоры), так и с севера (со стороны Шкодры), она сама была очагом влияний, распространявшихся в северном, южном и восточном направлениях.

И городское, и сельское население среднеалбанской равнинной зоны в основном сформировалось, вероятно, уже в период XVI—XVIII вв., после того как страна начала понемногу оживать после разорения и опустошения, непосредственно причиненных вторжением турок и кровопролитными войнами XIV—XV вв. Спустившееся в разное время из различных горных краин, население это было смешанным по происхождению и не сохраняло уже остатков старых родо-племенных отношений.

Кроме албанских, на равнинных землях центральной части страны существовали поселения влахов (аромунов). По данным И. Г. Хана, в середине прошлого столетия в районе Каваи было не менее десяти влашских деревень. Поселения влахов им были отмечены на приморской низменности вблизи Дурреса (местность Шияк — Schijak) и в окрестностях Эльбасана.[336] Влахи входили также в состав христианской части населения городов среднеалбанской полосы — Каваи, Тираны, Эльбасана. В Эльбасане из числа 200 православно-христианских семей около 120 были влашскими. В то время как албаноязычная часть христианского населения Эльбасана концентрировалась в старинном квартале внутри крепости (lagja e Kalasë), влахи проживали в предместьях города.[337] Как сообщил Хан, они еще сохраняли свою родную речь. Но в дальнейшем состояние албано-аромунского двуязычия в преобладающем большинстве случаев оканчивалось победой албанского языка и ассимиляцией аромунского. Можно предполагать, что этот процесс ассимиляции происходил и ранее.

Смешанный состав населения также мог быть одним из факторов, способствовавших распространению обобщенного типа речи, сложившегося в южногегской диалектной зоне и приобретшего характер народно-разговорной койне.

Так как наиболее важным экономическим и культурным центром в гегской части средней Албании был несомненно Эльбасан, сложение южногегской койне происходило на основе эльбасанского говора. Не случайно говор Эльбасана с давних пор завоевал себе славу «идеальной» нормы албанской речи. Факт этот неоднократно отмечался в литературе. Так, немецкий ботаник А. Гризебах, путешествовавший по Балканскому полуострову в 1839 г. и посвятивший в своих путевых очерках несколько страниц «языковым границам в Румелии» («Sprachgrenzen in Rumelien»), сообщил о слышанном им утверждении: «По-албански лучше

[336] См.: J. G. H a h n. Albanesische Studien, стр. 133.
[337] См.: там же, стр. 79.

всего (das beste Albanisch) говорят в Эльбасане».[338] В Албании была в свое время популярна поговорка: «Shqipia e Elbasanit, turçja e Stambollit»,[339] по которой албанская речь Эльбасана сравнивалась с турецкой речью Стамбула. Характерно также мнение, высказанное в середине прошлого столетия шкодранским просветителем Зефом Юбани. Мечтая о создании общего для всей страны литературного языка, он утверждал, что эльбасанский — это наиболее совершенный из говоров Албании.[340]

Сложившаяся на основе эльбасанского городского говора разговорная койне получила широкое распространение в городах и сельских местностях центральной Албании. Она была понятна также жителям многих ближних и дальних горных краин, стекавшимся в Эльбасан по базарным дням, и даже могла служить средством, облегчавшим взаимообщение представителям некоторых сильно различающихся между собой говоров.

Р. Нахтигаль, посетивший Эльбасан в 1916 г., сообщил, что, по данным местной префектуры, на базаре этого города собирались в то время жители Дибры, Струги, Охрида, Старова, Кюкеса, Грамши, Берата, Люшни, Пекина, Кавайи, Дурреса, Шияка, Тираны и даже иногда приезжали (за табаком) из далеких южных Пермета, Корчи и Колоньи. Эльбасанские торговцы выступали при этом в роли переводчиков, так как их речь была понятна всем.[341]

Таким образом, речь Эльбасана (или, точнее, — южногегская разговорная койне) выступала в функции lingua franca, обеспечивая взаимопонимание не только жителям центральноалбанских областей, но также и представителям более отдаленных местностей севера, востока и юга албанской территории.

Унифицированный характер этого типа албанской речи подчеркнул в свое время Г. Вейганд. Составленная им «Албанская грамматика на основе южногегского диалекта» [342] в подзаголовке имеет названия городов — Дуррес, Эльбасан, Тирана, в которых автор производил свои лингвистические наблюдения. Вейганд считал, что «эльбасанский, resp. южногегский, диалект охватывает область, лежащую между Эльбасаном, Дураццо, Круей, Диброй и Стругой».[343] Отличия речи жителей Тираны или Дурреса от речи эльбасанцев он находил очень незначительными.

[338] A. Grisebach. Reise durch Rumelien und nach Brussa, II. Göttingen, 1841, стр. 67.

[339] См.: R. Nachtigall. Die Frage einer einheitlichen albanischen Schriftsprache. Graz, 1917, стр. 2. Аналогичную турецкую поговорку приводит А. М. Селищев (А. М. Селищев. Полог и его болгарское население, стр. 52).

[340] J. Kastrati. Zef Jubani. Bul. Shk. Shog., 1955, № 1, стр. 86.

[341] См.: R. Nachtigall. Die Frage einer einheitlichen albanischen Schriftsprache, стр. 2.

[342] G. Weigand. Albanesische Grammatik im südgegischen Dialekt (Durazzo, Elbassan, Tirana).

[343] Там же, стр. V.

Единство южногегского типа речи, распространенного в городах и сельских местностях на равнинах центральной Албании, — это практически хорошо известный факт, непосредственно бросающийся в глаза наблюдателям. Но единство это не является абсолютным. Южногегская народно-разговорная койне имеет свои локальные варианты, что позволяет говорить особо о городском говоре Эльбасана, говоре старой Тираны, говорах районов Пекина, Дурреса, Кавайи. Однако можно согласиться с Вейгандом в том, что различия здесь незначительны. Определяющей особенностью всей этой зоны не являются различия, но, наоборот, сходство, близость наблюдаемых вариантов речи.

Основной территорией, на которой распространена южногегская народно-разговорная койне, являются долины рек и приморские равнины в западной части центральной Албании. Очагами ее сложения и распространения были города. Говоры горных местностей, примыкающих с севера, востока и юга к речным долинам, пересекающим центральную Албанию, продолжают в той или иной степени сохранять свои специфические особенности, подвергаясь, однако, постоянному воздействию речи городских центров, с которыми эти местности экономически связаны.

Говор Эльбасана как основа южногегской народно-разговорной койне

Основные фонетические особенности эльбасанского городского говора определили стандартный тип произношения, распространившийся в качестве идеальной, хотя и не всегда полностью реализуемой нормы в южной части гегского диалектного ареала.

Как наиболее характерные, можно отметить следующие явления. В области вокализма ударенных слогов:

1) Назалированные гласные сохраняются в качестве особого ряда фонем. Однако степень назализации в произношении жителей города Эльбасана оказывается несколько ослабленной.

2) Носовое *ã*, как и *a* в соседстве с носовыми согласными, не подвергается лабиализации: zâ, zâni [zã:, zã:ni] 'голос', bâhet ['bã:hɛt] 'делается', âsht [ãšt] 'он есть', hânë [hã:n] 'луна', (i)madh [maδ] 'большой', gomár [go'ma:r] 'осел' и др.

3) Гласный *y* сохраняет свое качество, не подвергаясь делабиализации: yll [yɫ] 'звезда', sŷ, sŷni [sỹ:, sỹni] 'глаз', ty 'ты', grykë [gry:k] 'горло'.

4) Последовательно проводится монофтонгизация дифтонгов *ue*, *ye*, *ie*, на месте которых произносятся долгие гласные *ū* (*u*:), *y* (*y*:), *ī* (*i*:).

ue > *ū*: grū, grūja 'женщина' (ср. лит. г. grue, grueja), mū (лит. г. mue) 'мне', dū (лит. г. due) 'хочу', mūj [mu:j] 'месяц' (лит. г. muej), me shkrū [škru:] 'писать' (лит. г. me shkrue); ye > ȳ: pȳs [py:s] 'спрашиваю' (лит. г. pyes), pytje ['py:tje]

вопрос' (лит. г. pyetje), krȳ [kry:] 'голова' (лит. г. krye), lȳj [ly:i̯] 'мажу' (лит. г. lyej); *ie* > *ī* : qīll [ȟi:ł] 'небо' (лит. г. qiell), dīll [di:ł] 'солнце' (лит. г. diell), mīll [mi:ł] 'мука́' (лит. г. miell), bī [bi:] 'падаю' (лит. bie). Долгота этих гласных не всегда сохраняется.

В неударенных слогах:

редукция неударенного *ë* [ə] четко проводится только в абсолютном исходе слова. В других позициях эта тенденция тоже действует, но с меньшей последовательностью, чем в северногегских говорах. Ср. примеры из фольклорных записей М. Ламберца. В тексте из Эльбасана: fεmi 'дитя', sεneti 'здоровье', i ϑot tamεs 'говорит своей матери', n rugεt 'на дороге'.[344]

В области консонантизма: 1) в отличие от северногегских и среднегегских говоров конечные звонкие несколько оглушаются. Этим явлением в большей мере охвачены смычные, например: lap (опред. labi) 'лябериец', zok (опред. zogu) 'птица' и др. В меньшей мере оглушению подвержены звонкие спиранты. В этом отношении южногегские говоры вообще занимают промежуточное положение между северногегскими, где оглушение не происходит, и тоскскими говорами, где оглушение является полным.

2) Сохраняются среднеязычные смычные, лишь слегка аффрицируясь: qaf(ë) [ȟa:f] 'шея', qoshe [ȟošĕ] 'угол', qen [ȟen] 'собака', (i) kuq [kuȟ] 'красный', (i) keq [keȟ] 'плохой', quqe [ȟuȟe] 'кукушка', gjak [ђak] 'кровь', (i) gjor(ë) [ђo:r] 'несчастный', gjum(ë) [ђu:m] 'сон', gjel [ђel] 'петух', gjiz(ë) [ђi:z] 'творог'. При этом никак не выделяются рефлексы староалбанских сочетений *kl*, *gl*. На их месте произносятся обычные среднеязычные смычные — qaj [ȟai̯] 'пла́чу' (< *klanj), qe [ȟe] 'он был' (< *kle), gjû [ђu:] 'колено' (< *glun-), gjuh(ë) [ђu:h] 'язык' (< *gluhë).

3) Упрощение сложных фонем *mb*, *nd*. Результатом изменения *mb* является чистое *m* [*m*], которое в произношении совсем не отличается от старого *m*: mret [mret] 'царь, султан' (< mbret), mush [muš] 'наполняю' (< mbush), maj [mai̯] 'держу' (< mbaj), kâm(ë) [ka:m] 'нога' (< kâmbë), krym [krym] 'червь' (< krymb) и др.[345] В результате изменения *nd* возник сонант *n*, который имеет варианты произношения: 1) простое [*n*], 2) долгое, несколько веляризованное [*n̄*]. Так, в тексте сказки, записанной М. Ламберцом: knonte 'пел' (ср. лит. т. këndonte), šεneti (лит. shëndeti) 'здоровье', но mrenna (лит. brënda) 'внутри', mennohem (лит. mendohem) 'размышляю', u tunnen malet (лит. u tundën) 'заколебались горы'.[346] Вариантность произношения отчетливее выступает при сравнении речи раз-

---

344 M. L a m b e r t z. Albanische Märchen, стр. 196 и сл.

345 Ср.: G. W e i g a n d. Albanesische Grammatik, стр. 9.

346 См.: M. L a m b e r t z. Albanische Märchen, стр. 196 и сл.

личных лиц. Более распространено произношение обычного краткого сонанта: ner (лит. nder) 'честь', nal (лит. ndal) 'задерживаю', ven (лит. vend) 'место', múnet (лит. múndet) 'возможно'.[347] В целом можно заметить, что, хотя в эльбасанском говоре различие двух указанных типов сонанта *n* несомненно существует, степень этого различия менее значительна, чем в говоре Шкодры. Тенденция развития, по-видимому, идет в сторону ликвидации такого различия.

4) Переход *h* > *f* в середине и в конце слова преимущественно в глагольных формах: shof (лит. shoh) 'вижу', shifet (shihet) 'виднеется', njof (njoh) 'знаю', njifet 'известно'. Это явление, типичное для южногегской зоны, в северногегских говорах представлено более ограниченно. В тоскской диалектной области *h* либо сохраняется, либо выпадает совсем.

5) В «классическом» эльбасанском говоре не происходит смешения произношения веляризованного латерального сонанта [*ł*] и звонкого интердентального спиранта [*đ*].[348] Фонемы эти четко различаются, ср.: (i) madh [mađ] 'большой' — mall [mał] 'тоска'.

К наиболее важным особенностям эльбасанского говора в области морфологии следует отнести довольно широкое употребление особой падежной формы — формы предложного или местного падежа (в парадигме определенного склонения). Это образования типа në malt 'на горе' (определ.), në krut 'в источнике', në perrut 'в ручье', në hît 'в пепле',[349] mi dhēt 'по земле', në dynjāt 'на свете', nëper pendzheret 'в окно', në mramjet 'вечером', në fytyrt 'на лице'.[350] Употребление этой формы является общим у эльбасанского с северотоскскими говорами.[351]

---

[347] По мнению Г. Вейганда, более обычным является (вернее являлось в начале XX в.) произношение долгого *n* (perënni 'бог', nnif 'помогаю'), которое «ясно отличается от простого *n*» (G. W e i g a n d. Albanesische Grammatik, стр. 112). Наблюдение это, по всей вероятности, относилось к речи представителей христианского (православного) населения Эльбасана, с которыми Вейганд преимущественно встречался. Речь сравнительно малочисленной группы православных христиан Эльбасана несомненно имела свою специфику (об этом ниже). Кроме того, следует учитывать, что со времени посещения Вейгандом Эльбасана прошло более пятидесяти лет — срок, достаточный для изменения соотношения частотности вариантов произношения.

[348] Однако в речи отдельных эльбасанцев мне иногда приходилось наблюдать проявление тенденции к подмене произношения [*đ*] произношением [*ł*], например в не характерном для этого говора словечке edhe 'и'. Некоторые из моих собеседников, уроженцев Эльбасана (кстати, в совершенстве владеющие литературным языком в обеих его формах), произносили elle[e'łe] вместо edhe[e'đe].

[349] См.: G. W e i g a n d. Albanesische Grammatik, стр. 82.

[350] См.: там же, стр. 143 и сл. (примеры из текста сказки).

[351] См.: E. Ç a b e j. Gjon Buzuku. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 4, стр. 114. Эта форма употребляется также в среднегегских говорах. В парадигме склонения современного литературного языка категория предложного или местного падежа не нормализована. Тем не менее у отдельных авторов, в основном происходящих из Эльбасана, нередко можно встретить сочетания именной

Формы инфинитива (тип: me hap 'открыть', me punū 'работать', me shkrū 'писать') употребляются в эльбасанском, как и в других южногегских говорах, реже, чем в северной части гегского диалектного ареала. Соответственно ограничено и употребление формы будущего времени, образуемой путем сочетания личных форм наст. вр. вспомогательного глагола kam 'иметь' с инфинитивом спрягаемого глагола: kam me shkrū 'буду писать'. Гораздо более распространен общий с тоскскими говорами тип образования парадигмы будущего времени путем сочетания личных форм конъюнктива настоящего времени спрягаемого глагола и неизменяемых частиц *do të*: do të shkrūj 'напишу'. Ср. в тексте сказки из Эльбасана, записанном Ламберцом: mazin do ta ϑerim 'жеребца зарежем', tū do tɛ ϑerin 'тебя зарежут', do tɛ tunnen malet 'заколеблются горы'.[352] Встречается в этом тексте и форма будущего второго типа, но с оттенком скорее долженствования: ai, k'i tɛ g'eti zogun, ka me ta g'etɛ eδe tamen 'тот, кто нашел для тебя птицу, найдет (т. е. должен будет найти) тебе и ее мать'.

Стандартная форма эльбасанского говора, завоевавшая себе престиж в качестве образцового типа речи, нередко нарушается даже в самом городе Эльбасане — в речи выходцев из окрестных горных краин (чаще из краин, лежащих южнее реки Шкумбин). Более или менее значительные отклонения от этой письменно не фиксировавшейся нормы наблюдаются в различных частях равнинной полосы и предгорий центральной Албании.

И, тем не менее, влияние ее с давних пор было достаточно велико, чтобы обусловить возможность диалектной концентрации в пределах южногегского ареала. Более того, влияние сложившейся в центральной Албании южногегской народно-разговорной койне распространилось к северу и захватило город Шкодру с прилегающей к нему приморской низменностью. Говор мусульманского населения Шкодры, в ряде своих существенных черт отличный от более консервативного говора шкодранских католиков, слагался под воздействием сильных языковых влияний, шедших с юга, из городов центральной Албании. Такие явления, как монофтонгизация дифтонгов *ue* > *ū*, *ye* > *ȳ*, *ie* > *ī*, а также последовательность проведения изменения *mb* > *m*, *nd* > *n*, распространились из южногегской диалектной зоны.

Это продвижение фонетических явлений из очага их возникновения к северной периферии гегского диалектного ареала не раз отмечалось албанскими языковедами. Так, О. Мюдерризи еще в 1944 г. упоминал об относительной новизне указанных явлений и о том, что они распространились к северу вплоть до Шкодры,

---

формы на *-t* с предлогами. В частности, этой формой постоянно пользовался в своих сочинениях проф. Александр Джувани, что, однако, воспринимается как один из характерных архаизмов, присущих языку этого выдающегося деятеля албанской культуры.

[352] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 196 и сл.

а местами даже еще дальше.[353] Э. Чабей считает монофтонгизацию дифтонгов «инновацией, вышедшей из центральной Гегерии, по-видимому, в эпоху турецкого владычества».[354] Он приблизительно датирует этот процесс началом XVIII в.[355]

К числу звуковых явлений, развившихся в гегских областях центральной Албании в турецкий период и постепенно распространившихся в северном направлении, Э. Чабей относит также переход $h > f$ (в середине и в конце слова).[356]

Выводы албанских исследователей могут быть дополнены указанием на общественно-исторические условия, в которых осуществлялись эти языковые процессы. Распространение звуковых явлений южногегской диалектной зоны на периферийную область северногегских говоров совершалось как следствие развития связей торгового, политического и культурного характера, которые поддерживались населением городов центральной Албании с главным городским центром северной части страны — Шкодрой. Продвижение языковых влияний шло вдоль линии морского побережья, по старинным путям, связывавшим между собой более развитые в экономическом отношении равнинные области западной части страны.

Так как в период турецкого владычества мусульманская часть населения, преобладавшая и численно, была более подвижной, активной и менее склонной к региональной ограниченности, чем замкнутое в пределах своей религиозной общины католическое население города Шкодры, не приходится удивляться тому, что влияние южногегской разговорной койне захватило в первую очередь именно мусульман.

Характерно, что в самом Эльбасане также различались говоры мусульманской и христианской (православной) групп населения. Некоторые сведения об этом различии, относящиеся к концу XIX—началу XX в., содержатся в статьях Г. Пекмези [357] и Р. Нахтигаля.[358] Однако наблюдения этих авторов слишком фрагментарны, неопределенны и не дают ясного представления о наиболее характерных различиях между речью эльбасанских мусульман, всегда составлявших в городе огромное большинство, и православных христиан, живших сравнительно небольшой, изолированной ко-

---

[353] См.: O. Myderrizi. Gramatika e Ré e Shqipes. Tiranë, 1944, стр. VI.

[354] E. Çabej. Gjon Buzuku. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 2, стр. 90.

[355] См.: E. Çabej. Diftongje e grupe zanorësh të Shqipes. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 3, стр. 75 и сл. Для Дурреса формы с *ü* из *ue* (например, me schurtuum) засвидетельствованы в тексте 1710 г. (рукопись словаря, хранящаяся в монастыре Grottaferrata близ Рима, см.: там же, стр. 77).

[356] См.: E. Çabej. Për historinë e konsonantizmit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 1, стр. 64 и сл.

[357] Đerd Pekmezi. Vorläufiger Bericht über das Studium des albanischen Dialektes von Elbasan. (Separatabdruck aus dem Anzeiger d. philos.-hist. Kl. d. Akad. d. Wiss., Wien, 1901, № IX).

[358] R. Nachtigall. Die Frage.

лонией в особом квартале внутри городской крепости (lagja e Kalasë).

Наблюдения касались прежде всего степени назальности гласных, которую Пекмези находил более ослабленной в речи мусульман.[359] Также обращалось внимание на степень завершенности процесса изменения $mb > m$, $nd > n$. По свидетельству Нахтигаля (вероятно, более точному, чем свидетельство Пекмези по тому же вопросу), в речи эльбасанских христиан сохранялось *nd*, а при произнесении *m* ($< mb$) еще слышался остаток смычного элемента (*mb*). Различия в произношении этих звуков отмечались от индивида к индивиду.[360]

Более новых наблюдений относительно специфических особенностей речи отдельных групп населения города Эльбасана в литературе почти не зафиксировано. Можно полагать, что к настоящему времени существовавшие некогда различия сгладились.

Зато для периода с середины XVIII до середины XIX в. языковые традиции православно-христианского меньшинства населения Эльбасана зарегистрированы довольно хорошо благодаря наличию памятников созданной в этой среде письменности. Эта письменность представлена анонимной рукописью, найденной в 1949 г. в монастыре Шен Йон (Shën Jon — святого Иоанна) близ Эльбасана и относящейся, по-видимому,[361] к середине XVIII в., а также сочинениями Теодора Хаджи Филиппа (даскал Тодри),[362] жившего во второй половине XVIII в. Кроме того, сохранилось (найденное тоже в монастыре Шен Йон) несколько небольших текстов, записанных в той же традиции. Основную часть всех памятников составляют тексты религиозного содержания. Есть также деловые записи, относящиеся к деятельности ремесленников и торговцев из христианской колонии Эльбасана.

Эльбасанская письменность получила развитие как одна из форм реакции на политику эллинизации, проводившуюся греческой церковью в отношении к албанцам православного вероисповедания в южной и центральной областях страны. Пробуждение национального самосознания в среде албанской торговой буржуазии и ремесленничества стимулировало некоторых тесно связан-

---

[359] См.: Đ. Pekmezi. Vorläufiger Bericht, стр. 30.

[360] См.: R. Nachtigall. Die Frage, стр. 4 и сл.

[361] См.: Dh. S. Shutëriqi. Anonimi i Elbasanit, Bul. Inst. Shk., 1949, № 1; I. Zamputi. Dorëshkrimi i Anonimit t'Elbasanit. Transliterim, transkriptim dhe koment. Bul. Inst. Shk., 1951, № 3—4; M. Domi. Rreth autorit dhe kohës së dorëshkrimit Elbasanas me shqipërim copash të Ungjillit. Konferenca e parë.

[362] См.: Dh. S. Shutëriqi. 1) Dhaskal Todhri. Bul. Shk. Shoq., 1954, № 1; 2) Shkrime të dhaskal Todhrit dhe të pasardhësve të tij elbasanas. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1959, № 1. Ранее тексты даскала Тодри частично публиковались Лефом Носи (Lef Nosi) в журнале «Kopështi Letrar» (Elbasan, 1918, №№ 1—5). См. также: Đ. Pekmezi. Vorläufiger Bericht, стр. 42 и сл.

ных с этой средой представителей албанского православного духовенства к переводу религиозных текстов на родной язык. Более того, в целях утверждения совершенно независимой культурной традиции отдельные авторы пытались изобретать особые алфавиты для албанского языка (чаще всего за основу таких алфавитов брались изменявшиеся до неузнаваемости греческое курсивное письмо или славянская глаголица). В текстах из Эльбасана представлены два разных алфавита.[363]

Характерной особенностью языка большей части указанных текстов является наличие в нем (в той или иной степени) элементов тоскского диалекта. В особенности это относится к анонимной рукописи («Anonimi i Elbasanit»). Язык ее представляет собой своеобразное смешение южногегских и тоскских элементов. С одной стороны, это формы с гегским вокализмом: baj 'делаю' (лит. bëj), bahetë 'делается' (ср. лит. т. bëhet), e amblë mama 'нежная мать' (т. e ëmbël mëma); i vorfën 'бедный' (т. i varfër), ndë vorret 'в могилу' (т. varr, местн. në varrët). Гегские формы без ротацизма: të lutuna 'мольбы' (т. të lutura), urdhën 'приказ' (т. urdhër), s kishte vdekun 'не умер' (т. s kishte vdekur). Гегские формы инфинитива: me gjetun 'найти', me dhanë 'дать' и др.

С другой стороны, такой явный тоскизм, как употребление дифтонга *ua*, которому в гегском соответствует *ue* или *ū*: dua 'хочу' (г. due, dū), grua 'женщина' (г. grue, grū), dual 'вышел' (в сочетании dual urdhën 'вышел приказ'), u shkrua 'написан', u gazulua 'обрадовался', shkuatë 'вы ушли' и др. Характерны формы причастий с гегским формантом *-m*, но с тоскским вокализмом: i lavduruam 'восхваленный' (в сочетании qoftë i lavduruam perëndia 'да будет восхвален господь!'), shkruam (в составе аналитической формы kanë shkruam 'они писали'). Обращает на себя внимание постоянное употребление (без исключений!) тоскской формы 3-го л. ед. ч. наст. вр. глагола «быть»: ë, është, ëështë (ср. г. â, âsht, asht).

По мнению И. Зампути, одного этого факта достаточно для того, чтобы определить тоскское происхождение автора рукописи, усвоившего гегский говор Эльбасана, но не устранившего некоторых элементов родной речи.[364]

Для такого явно смешанного типа речи наличие неизмененных *mb*, *nd*, полностью сохраняемых в тоскской диалектной среде, представляется вполне нормальным. В тексте абсолютно преобладают формы с *mb* и *nd*, например: mbarohetë 'кончается', mbuloi 'покрыла', u mbushnë 'исполнились', kambëtë 'ноги', kuvenduanë 'говорили', vend, vendi 'место'. Лишь очень редко встречаются формы с проведенной ассимиляцией: ndër men (mend) 'в уме', nëgjoi 'услышал'. Также характерны формы с сохранением диф-

[363] Аналогичные попытки предпринимались в то время и в городах южной Албании.

[364] См.: I. Z a m p u t i. Dorëshkrimi i Anonimit t'Elbasanit, стр. 64.

тонга *ie*: qiell 'небо' (в сочетании mbretëni e qiellsë 'царство небесное').

Как убедительно доказал М. Доми, автором анонимной рукописи, по всей вероятности, был иеромонах Григорий (впоследствии митрополит дурресский), живший в XVIII в. и известный современникам своими переводами евангельских текстов.[365] Каково бы ни было его происхождение, известно, что первую половину жизни он провел в южной Албании, в городе Воскопоя, где в середине XVIII в. был учителем и стоял во главе греческой типографии, а вторую половину — в монастыре Шен Йон близ Эльбасана, где и сохранилась рукопись, получившая название «Anonimi i Elbasanit». Некоторые из характерных для языка этой рукописи форм можно считать одновременно и тоскизмами и архаизмами (результат сознательной ориентации автора на старогегскую литературную традицию).

Влияние тоскской речи обнаруживается также в языке сочинений даскала Тодри (Теодор Хаджи Филипп), который был коренным эльбасанцем (вторая половина XVIII в.). И для него характерно употребление форм с тоскским дифтонгом *ua*: duan 'они хотят' (ю.-г. dū̃n), për të na shtëpuan 'чтобы нас спасти', u shenjtënua e u laftua 'стал святым и восхвален', e paa menduame 'немыслимая' и др. Но наряду с этими формами в тексте встречаются также формы с гегским вариантом этого староалбанского дифтонга (*ue*): e bekuueme 'благословенная'. Столь же часто, как формы с *ua*, представлены формы с характерным для южногегской диалектной зоны изменением *ue* > *ū*, например: të tepërlavdumen 'превосхваленную'. Ср. параллельные варианты: nde ruajna, o perëndi, me hiir tat 'и храни нас, о господь, твоею милостью' и «ne rujna, o perëndi. . .». Аналогично: mallëngjimet e tua 'жалости твои' и ropt e tuu 'рабы твои'.

В рукописях Тодри систематически представлены неассимилированные *mb*, *nd*: mbretënia 'царство', kâmbët 'ноги', ndif 'помоги', perëndia 'бог', mend 'разум' и др. Возможно, это объясняется сознательным стремлением автора несколько архаизировать язык своих переводов, что поддерживалось и влиянием живой тоскской речи. Ср. также сохранение староалбанского дифтонга *ie*: qielloren, qielloret 'небеса' (т. qiell 'небо').

Формы с т. *ua* мы видим также в записях эльбасанского торговца Симона Казанджи (Simon Kazanxhiu), относящихся к началу XIX в.[366] Например: më ka dhan mua 'он дал мне' (т. mua, ю.-г. mū̃ 'мне'), kur të duash 'когда захочешь' (ю.-г. dū̃sh), zdua 'не хочу' (ю.-г. dū̃), duhet paguam 'надо заплатить' (ю.-г. pagū̃), keni harruam 'вы забыли' (ю.-г. harrū̃) и др. Но рядом встречаются и формы

---

[365] M. D o m i. Rreth autorit dhe kohës së dorëshkrimit elbasanas, стр. 271 и сл.

[366] См.: D. S. S h u t ë r i q i. Shkrime të dhaskal Todhrit, стр. 180 и сл.

с *u*: i shumtum 'умноженный'. Ср. параллельные варианты: ta bluash и ta bluish 'смелешь его (ячмень)'. Формы с неассимилированными *mb*, *nd* преобладают. Однако встречаются и формы с *nd* > *n*: dy qin 'двести' (qind), nuk mun (mund) 'не могу'.

В рукописях монаха Парфения (Papa Parthen), относящихся ко второй половине XIX в., формы с тоскским вариантом *ua* уже не встречаются и последовательно проведено написание долгого *ū*, развившегося из старогегского *ue*: e kam shkrûum (< shkruem) 'я это написал', ka qorru (qorrue) 'ослепил' и др.[367] Так же последовательно отражен переход *ie* > *ī*, *i*: qilli 'небо' (ср. т. qielli), dilli 'солнце' (ср. т. dielli). Зато полностью сохранено написание *mb*, *nd*, что, вероятно, уже не отражало живого произношения, но скорее было связано с ориентацией автора на слагавшуюся в это время литературную норму (возможно, влияние литературно-языковой деятельности К. Кристофориди).

На основании наблюдений над языком памятников старой эльбасанской письменности можно заключить, что существовавшие в прошлом специфические особенности речи эльбасанских христиан состояли главным образом в более длительном сохранении старых дифтонгов и сложных фонем *mb*, *nd*, что поддерживалось влиянием тоскской диалектной среды. Албанские диалектологи отмечают, что в произношении эльбасанских христиан рефлекс бывшего *nd* и сейчас отличается от старого *n* своей долготой.[368] Более того, на место исчезнувшего в говоре Эльбасана старогегского *ue* в христианской среде мог подставляться тоскский вариант этого же дифтонга (*ua*).[369]

Причины тоскского влияния следует искать в тесных связях экономического, культурного и религиозного характера, которыми объединялось православно-христианское население городов южной и центральной Албании. У эльбасанских христиан наиболее значительные связи были с единоверцами Берата, Корчи, а также Воскопои (Voskopojë), игравшей в XVIII в. большую роль как торговый и культурный центр. Некоторые из семей, входивших в состав христианской колонии Эльбасана, сами вели свое происхождение из южной Албании.

Определяя соотношение говора христианской части жителей Эльбасана с общим типом эльбасанского говора, не следует забывать о том, что эта часть численно была очень незначительной в сравнении с мусульманской. По данным Хана, в середине прошлого

---

[367] Там же, стр. 182 и сл.

[368] См.: Q. Haxhihasani. Nji vështrim mbi të folmen e krahinës së Sulovës. *Bul. Shk. Shoq.*, 1955, № 3, стр. 157.

[369] Нельзя исключить также возможность происхождения отдельных авторов текстов из переходной диалектной зоны, лежащей к югу от реки Шкумбин (например, из христианских деревень краины Шпат). Одним из характерных признаков говоров этой зоны является именно наличие в них дифтонга *ua*.

века в Эльбасане на 2000 турецких (т. е. мусульманских) домов приходилось всего 200 греческо-православных, из которых только 80 албаноязычных (остальные были аромуны).[370] Основными носителями и представителями эльбасанского говора в его наиболее типических чертах, определивших характер южногегской народно-разговорной койне, были численно преобладавшие мусульмане.

Поэтому памятники эльбасанской письменности XVIII—XIX вв., возникшие в сравнительно узкой, конфессионально ограниченной среде, лишь с большой осторожностью могут быть привлекаемы для изучения исторической эволюции эльбасанского говора. Как справедливо заметил М. Доми, многое из того, что в этих текстах может показаться архаизмом языка, на деле оказывается результатом привнесения тоскских форм.[371]

Эльбасанский говор в том виде, как он звучал в живой речи преобладающей части городского населения, до начала XX в. письменно не фиксировался.[372] Однако именно как таковой он приобрел авторитет образцовой модели албанского языка и, сделавшись основой южногегской народно-разговорной койне, получил широкое распространение в равнинных областях западной части гегского диалектного ареала, захватив своим влиянием даже Шкодру на севере Албании.

Говор старой Тираны

Помимо эльбасанского, из говоров южногегской зоны особый интерес имеет говор старой Тираны.[373] Этим наименованием подчеркивается, что речь идет о говоре в том виде, как он сложился и существовал до того, как небольшой в прошлом город в 1920 г. был объявлен столицей страны. С тех пор население Тираны выросло во много раз. Если в начале XX в. город насчитывал около 15 000 жителей, то к 1959 г. население албанской столицы достигло 124 500 человек.[374] В настоящее время коренные жители Тираны составляют лишь небольшую часть ее населения. Огромное большинство — это уроженцы других городов и областей страны. Среди них очень много семей происходит из Эльбасана, Корчи, Шкодры, Влоры, Гьирокастры и др. В диалектном отношении речь жителей

---

[370] J. G. Hahn. Albanesische Studien, стр. 79.

[371] M. Domi. Rreth autorit dhe kohës së dorëshkrimit elbasanas, стр. 276 и сл.

[372] Кстати и в материалах Г. Вейганда представлены в основном записи, произведенные у представителей православно-христианской группы населения Эльбасана. Вейганд называет следующие имена: Papa George Germanos, Naftalį Vasil Kol Gigenas, Josif, Simon и Katerina Suterikji (Shutëriqi) (G. Weigand. Albanesische Grammatik, стр. 141 и сл.).

[373] Хотя говор этот до сих пор не описывался, довольно хорошее представление о нем дают записи фольклорных текстов. Кроме того, могут быть использованы и некоторые личные наблюдения.

[374] См.: Anuari Statistikor i R. P. Sh. Tiranë, 1960, стр. 56.

Тираны в настоящее время не представляет единого типа. Южан — носителей тоскской речи — не только не меньше, но, возможно, даже больше (точных данных нет), чем северян, гововорящих по-гегски. В речевой практике современного населения Тираны можно наблюдать процесс интенсивного взаимодействия двух основных диалектных типов — тоскского и гегского, причем устные нормы литературного языка играют все большую и большую роль благодаря широкому развитию различных форм публичной речи.

В этих условиях говор коренных жителей Тираны играет минимальную роль, сохраняясь лишь как разновидность городского просторечия в устах сравнительно небольшой части населения, главным образом в среде ремесленников и бывших мелких торговцев.[375] Как таковой он доступен наблюдению и сейчас.

Представляя собой один из локальных вариантов южногегской народно-разговорной койне, старотиранский городской говор обладает в то же время некоторыми особенностями, в которых, по-видимому, отразилось языковое влияние непосредственно прилегающих к Тиране горных районов (Malësia e Tiranës). Обращает на себя внимание более устойчивое сохранение назальности гласных. Кроме того, когда случалось прислушиваться к речи стариков-тиранцев на Старом Базаре, у меня всегда складывалось общее впечатление как бы «затемненности» звучания. Это явление связано с некоторой вялостью артикуляции, с отодвижением назад ударенного *a* (притом не только назального) и с тенденцией к усилению веляризации некоторых согласных. Отодвижению назад ударенного *a* сопутствует также тенденция к его лабиализации.

В записях М. Ламберца отражены наблюдающиеся в живой речи колебания в произношении этого гласного, который зафиксирован им с помощью следующих вариантов написания: *a*, *ą*, *å*, *o*. Так, в одном и том же тексте: me maȓ 'взять', tɛ mąȓ (1-е л. ед. ч. коньюнкт. наст. вр. от того же глагола), i nąnɛs (род. п. от nânë 'мать'), u bą 'сделался', tš bą̊ kštu 'что ты делаешь?' kom (< kam) me ju vra 'я вас убью', komɛt (ср. лит. г. kâmbët) 'ноги' и др.[376] В другом тексте: tɛ bojm (лит. г. t'bâjmë) 'сделаем', e kom ble 'я это купил', i not (лит. një natë) 'одна ночь' и др.

Иногда наблюдается (правда, не столь часто, как в северо-западногегском) также смешение в произношении фонем *dh* [đ] и *ll* [ł] — явление, связанное с усилением веляризации при артикуляции соответствующих звуков. В текстах Ламберца это явление зафиксировано только один раз: kište noł (ndodh) 'случилось'.

---

[375] Но и эта среда состоит не только из уроженцев Тираны. В числе мелких торговцев и ремесленников, концентрировавших свою деятельность в узких переулках старого базарного квартала (Pazari i Vjetër), снесенного в 1960 г., можно было встретить выходцев из самых различных областей Албании.

[376] M. Lambertz. Albanische Märchen, стр. 230 и сл.

веляризовано также *n*, развившееся из старого *nd*. В записях Ламберца в подобных случаях зафиксирована долгота звука: mennoi (< mendoi) 'он подумал', prei katunnit (< katundit) 'из деревни', mrenna (< mbrenda) 'внутри'.

К числу характерных признаков тиранского говора относится лабиализация ударенного *i* : prei frükεs (лит. prej frikës) 'от страха', füškeš 'увядала, чахла' (ср. лит. fishkem 'вяну').

Другие говоры южногегской зоны. Говор краины Пекина

Сходные явления наблюдаются и в других говорах южногегской зоны, в частности в говорах городов Дуррес,[377] Кавая, Пекин с прилегающими к ним районами. Все эти говоры представляют собой более или менее близкие друг к другу локальные варианты общего диалектного типа. Представление об этом типе дает недавно опубликованное описание говора краины Пекина — города Пекина и прилегающего к нему сельского района.[378]

Краина Пекин принадлежит к западной части южногегской диалектной области. Административный и экономический центр ее — городок Пекин расположен у подножия холмов, на месте античной Клодианы, одной из станций знаменитой римской дороги (Via Egnatia), проходившей вдоль берегов Шкумбина. К северу лежит область Тираны, к востоку — область Эльбасана, к югу — область Люшни (тоскский диалектный ареал), к западу — краины Рогожины (Rrogozhinë), Каваи и Дурреса, составляющие части приморской равнины. Городок Пекин и большинство деревень краины находится на правом берегу Шкумбина и лишь небольшая часть, так называемая Дарсиа е Пекинит (Darsia e Peqinit), — на левобережье. На полях этого густо населенного земледельческого района возделываются кукуруза, рис, табак; холмы его покрыты масличными рощами. Помимо постоянных связей с внутренним экономическим центром — городом Пекином, с его большим базаром и местным ремесленным производством, жители краины с давних пор посещали также базары Эльбасана, Каваи, Дурреса, Тираны. Вообще краина Пекина никогда не была обособлена от остальных частей южногегской диалектной территории. Интенсивности бытовых и культурных связей с населением соседних районов благоприятствовала и общность религии. Преобладающее большинство жителей краины Пекина, как и остальных областей центральной Албании, исповедует ислам — обстоятельство, имевшее немалое значение в период турецкого владычества.

---

[377] Дуррес также относится к числу городов, население которых очень выросло за последние десятилетия. Потому речь идет о старом говоре Дурреса.

[378] См.: M. Çeliku. Vëzhgime mbi të folmen e krahinës së Peqinit. Studime Filologjike, 1965, № 4.

Существенных диалектных различий на основной части территории краины не отмечается. Лишь южная ее часть — левобережная Дарсиа е Пекинит — затронута тоскским влиянием, распространившимся из соседней области Люшни (проникновение форм с ротацизмом и с дифтонгом *ua*).

В фонетике говора [379] отчетливо выражены основные признаки южногегского диалектного типа.

В области вокализма ударенных слогов это: 1) сохранение всего ряда назализированных гласных; 2) изменение *ue* > *ū*, *ye* > *ȳ*, *ie* > *ī*, например: grū (< grue) 'женщина', kam punū (< punue) 'я работал', fȳll (< fyell) 'флейта', u kthȳm (< u kthyem) 'мы вернулись', mīll (< miell) 'мука', qīll (< qiell) 'небо'.

В области консонантизма: 1) последовательность изменения *mb* > *m*, *nd* > *n*, например: mushte (< mbushte) 'он наполнял', pamuk (< pambuk) 'хлопок', mrena (< mbrenda) 'внутри', venas (< vendas), 'местный житель'; 2) сохранение среднеязычных смычных (без перехода их в аффрикаты); 3) частичная подмена спиранта *h* спирантом *f*, особенно в конечном положении — shof (< shoh) 'вижу', gjynaf (< gjynah, тур. günah 'грех'). В начале и частично в середине слова *h* сохраняется.

Специфичны для данного говора следующие фонетические явления: 1) лабиализация назализированного *ā* и ударенного *a* в соседстве с носовыми согласными: nâ°n (< nânë) 'мать', dhonër (< dhândër) 'жених, зять', shkômi (< shkâmbi) 'скала', pla°n (< plan) 'план', duha°n (duhan) 'табак', kona°k (konak) 'жилье', na°ta (< nata) 'ночь', ma°rrim (< marrim) 'берем'. 2) Переход *o* > *u* — чаще всего в соседстве с носовыми согласными: sunde (< sonte) 'сегодня', t'vuna (< të vona) 'поздние'; также Nruq (< Ndroq) — название села, n'ūd (< në odë) 'в комнате'. Возможно, что этот сдвиг фонологически обусловлен появлением нового, более открытого *o* в результате лабиализации назализированного *a*. 3) Переход среднеязычного носового в среднеязычный спирант, широко распространенный во всех говорах центральной Албании, в этом говоре не ограничивается положением в конце и в середине слова, но частично распространяется также на начальное *nj*. Наряду с произношением njof 'знаю', njeri 'человек' для говора характерно произношение с начальным *j* : jêf (< njeh) 'ты знаешь', jeri (< njeri) 'человек', e jom (< njomë) 'свежая'. В середине и конце слова произносится только *j*, как и в других южногегских говорах. 4) Заднеязычный носовой ng [ŋ] иногда подменяется переднеязычным носовым. Чаще произносится *ŋ* : i ŋusht (ngusht) 'узкий', shtërŋon (shtërngon) 'сжимает', cuŋal (cungal) 'балка'. Однако иногда говорят narkojm (< ngarkojmë) 'нагружаем', cunal (< cungal).

---

[379] См.: там же, стр. 93—103.

За исключением лабиализации назализированного *a*, которая, однако, довольно широко распространена и в других говорах южногегской зоны, специфические отклонения от общего диалектного типа в говоре краины Пекина в целом незначительны, и речь жителей этой территории в фонетическом отношении довольно близка к нормам народно-разговорной гегской койне, сложившейся в центральной Албании.

Как и в некоторых других говорах южной Гегерии, в пекинском говоре конечные звонкие согласные оглушаются. В этом явлении несомненно сказывается языковое влияние соседней Тоскерии. С тоскским диалектом южногегские говоры (в их числе и говор краины Пекина) имеют общими также некоторые морфологические явления — употребление предложного (местного) падежа с окончанием *-t*, например n'rrugët 'на дороге', употребления формы буд. вр., образуемой из формы наст. вр., сосл. накл. с частицей *do*: do (të) shkojm 'пойдем'.

Не опубликованы материалы, которые позволяли бы с достаточной определенностью судить о говорах горных краин, лежащих к северу от течения Шкумбина — Зараники (Zaranikë), Черменики (Çermenikë), Мартанеша (Martanesh). По-видимому, они в основных своих признаках ближе к говору Эльбасана, с которым вместе составляют восточную часть южногегского диалектного единства.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СООТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ГЕГСКОГО ДИАЛЕКТНОГО АРЕАЛА

Предшествующее изложение не преследовало цели дать описание отдельных гегских говоров или хотя бы полный перечень присущих им особенностей. Задачей было лишь выделить основные дифференциальные признаки, определяющие соотношение отдельных участков гегского диалектного ареала.

Для картографирования албанских говоров пока еще не собран необходимый материал. Однако сравнительный обзор гегских говоров, соотнесенный с географической конфигурацией и с социально-историческими характеристиками соответствующих районов северной Албании, дает возможность сделать некоторые заключения об исторической динамике развития и распространении диалектных явлений в этой части страны. Хотя изоглоссы не могут еще быть проведены с необходимой точностью, главные направления их определяются уже с помощью предварительных наблюдений, и характер лингвистической карты представляется в основных своих чертах обозримым.

При подходе с точки зрения истории языка в гегской диалектной области довольно ясно обнаруживается различие между относительно более консервативными, с одной стороны, и более интенсивно осуществляющими инновации говорами, с другой стороны. Основанием для сравнения служит старогегское состояние, зафиксированное в письменных памятниках XVI—XVII вв. Консервативные гегские говоры в основном сосредоточиваются на севере албаноязычного ареала. Говоры, характеризующиеся более решительным проведением инноваций, в свою очередь группируются вокруг находящихся в центральных районах страны очагов распространения соответствующих диалектных явлений.

Зона консервации отдельных признаков старогегского состояния территориально совпадает прежде всего с горными областями, лежащими к северу от течения объединенного Дрина. Согласно принятой выше классификации, это северногегская диалектная область. Довольно значительную часть входящих в нее говоров составляют говоры горных краин. Однако в этом отношении область не однородна. Она включает также говор обширной области албанских поселений на северо-востоке ареала (Косово и Метохия), изолированный говор села Арбанас в Далмации и, кроме того, городские говоры Шкодры, представляющие собой участок скрещения северногегской диалектной речи с южногегскими формами, с давних пор проникавшими благодаря экономическим, политическим и культурным связям города с другими районами страны.

Наиболее устойчивой в отношении сохранения старогегских языковых форм является центральная часть северногегской диалектной зоны, обозначенная выше как область дукаджинских говоров. В высокогорных краинах Дукаджина и прилегающих к ним районах сохранение отдельных признаков старогегского речевого состояния, в частности произношение дифтонгов *ue*, *ye*, *ie* и долгого носового *ã* (без лабиализации), поддерживалось не только относительно изолированным образом жизни горцев, но также благодаря большой значимости и авторитету традиционных норм устно-поэтической койне. Богатая народная поэзия испокон веков играла исключительно важную роль в общественной и культурной жизни северноалбанских горцев; она не утратила своей популярности до настоящего времени. В частности, жанр эпической песни продолжает быть живым видом устного народного творчества, так же как и поэзия, связанная с семейными обрядами (свадьба, погребение). Язык устной поэзии, постоянно сопровождавшей жизнь албанских горцев, выступал в качестве идеальной модели, стоявшей над узколокальными речевыми вариантами. Этот идеальный тип речи, сохранявший более архаический облик, оказывал активное влияние на живой разговорный язык, содействуя сохранению в нем старых норм и сдерживая развитие инноваций.

Однако локальные варианты северногегской речи все же возникали и развивались, притом преимущественно на периферийных участках диалектной зоны. Так, например, в говоре Большой Мальсии специфическое развитие получают *mb*, *nd*, спорадически переходящие в глухие смычные (*mb* > *p*, *nd* > *t*). Лабиализация долгого носового *ā̃* в этом, как и в других говорах северногегской периферии, получила довольно широкое распространение, параллельно с тенденцией к смешению фонем *dh* [ð] и *ll* [ł]. Вместе с тем в этом говоре сохранилось произношение *ua*, отражающее более раннюю, чем в дукаджинском, фазу развития старогегского *uo*.

Сочетание узколокальных инноваций с некоторыми архаическими особенностями еще в большей степени характерно для говора Краи, занимающего окраинное положение на северо-западе гегского ареала, и особенно для изолированного варианта этого же говора, получившего независимое развитие в албаноязычном селе Арбанас (иначе Борго Эрицдо) в Далмации.

Несколько иной характер имело развитие диалекта в северо-восточной части гегского ареала. В Косово-Метохии развились и закрепились некоторые специфические инновации, наиболее характерной из которых можно считать появление простых заднеязычных смычных на месте старых общеалбанских сочетаний **kl*, **gl*. Но в целом говор в большей мере сохранил общие черты северногегского диалектного типа. Черты эти постепенно размываются. Однако преобразование идет не в сторону дробления на узколокальные варианты, но под влиянием общегегских народно-разговорных норм и гегского литературного языка.

Продвижение большинства инноваций, получивших особенно широкую сферу распространения внутри гегского ареала, например монофтонгизации дифтонгов (*ue* > *ū*, *ye* > *ȳ*, *ie* > *ī*), ассимиляции *mb* > *m*, *nd* > *n*, перехода *h* > *f* (в середине и в конце слова), прослеживается в направлении с юга на север. В своих исследованиях по исторической фонетике Э. Чабей многократно подчеркивает, что эти инновации распространялись из центральной части гегского ареала главным образом в первые века турецкого владычества.[380] Сообщая это правильное наблюдение, Э. Чабей, однако, не дает более детальной географической характеристики понятию «центра Гегерии» («qëndra e Gegërisë»), послужившего основным очагом возникновения и последующей иррадиации наиболее значимых для современного состояния гегских говоров фонетических явлений.

Представляется возможным более точно локализовать этот очаг, выделив плодородную долину реки Шкумбин с лежащим на ней городом Эльбасаном как центр, откуда шло распространение указанных инноваций. Это продвижение совершалось в про-

[380] См.: E. Ç a b e j. Gjon Buzuk. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 2, стр. 100.

цессе более или менее интенсивного междиалектного общения, определявшегося экономическими связями между городами центральной и северной Албании. Влияние народно-разговорной южногегской койне, сложившейся в экономически относительно более развитой области в центре страны на базе эльбасанского говора, распространилось далеко на север и захватило не только город Шкодру с окружающей его низиной (так называемая gropa e Shkodrës), но частично и примыкающие к области Шкодры горные районы.

Географически долина Шкумбина с городом Эльбасаном не является центром Гегерии; она лежит на юге гегской диалектной области (но в центре Албании). Поэтому правильное по существу заключение Э. Чабея, исследовавшего пути движения и хронологию основных диалектных явлений албанского языка, может быть соответственно уточнено.

Распространение фонетических явлений, первоначально возникших в южной части гегского ареала и получивших благодаря их закреплению в нормах гегской народно-разговорной койне преимущественные позиции при междиалектном взаимодействии, представляет собой процесс широкого территориального охвата. Оно имеет значение для истории как одно из явлений языковой конвергенции, осуществлявшейся в трудных условиях общей экономической отсталости страны в эпоху турецкого владычества при разобщенности отдельных ее частей. Результаты этого процесса важны и для современного состояния албанского языка, так как фонетические нормы устной народной речи, актуальные в настоящее время для большей части гегского диалектного ареала, в основном соответствуют нормам той народно-разговорной койне, которая сложилась в долине Шкумбина и соседних с ней приморских областях северной Албании в период XVII—XIX вв.

Параллельно с этим движением, во внутренних областях Гегерии, отгороженных от морского побережья высокими горными хребтами, совершался другой, также довольно мощный процесс иррадиации диалектных инноваций. Распространением его определились границы среднегегской диалектной области, имеющей своим центром долины рек Мата и Черного Дрина. В среднегегских говорах вся система ударенных гласных, унаследованная от старогегского состояния, подверглась сильнейшим сдвигам. Концентрация артикуляции гласных в области средних подъемов языка и явления дифтонгизации преобразили весь облик гегской речи в таких краинах, как Мат и Дибра. Существенным изменениям подвергся также консонантизм этих говоров.

Фонетические инновации особенно интенсивно проявились в центральных частях среднегегской диалектной территории и заметно ослабевают на ее периферийных участках, например на севере — в говоре краины Мирдита, на юго-западе — в говоре

горного селения Гур и Барде (на границе краины Мата с Тиранской Мальсией). Это дает возможность проследить пути продвижения языковых влияний, распространявшихся по окрестным горным районам из экономически более развитых долин Мата и Черного Дрина.

Среднегегский диалектный ареал значительно расширился также в восточную сторону благодаря потоку переселений в западную Македонию, направлявшемуся в основном из Дибры (или, во всяком случае, через нее).

Характерно, что иррадиация среднегегских диалектных явлений происходила в основном только на север и на восток, ограничиваясь, таким образом, внутренними областями и не выходя на полосу морского побережья, по которой двигался поток южногегских инноваций. Лишь в районах Круи и Лежской Мальсии явления, связанные с дифтонгизацией гласного *i*, частично проникли несколько западнее, что, однако, не меняет общей картины исторического соотношения двух независимых диалектных ареалов.

Определение абсолютной хронологии среднегегских фонетических процессов наталкивается на значительные трудности, так как более ранние состояния диалектной речи для этой части гегской территории не зафиксированы письменными памятниками. Хотя писавший в начале XVII в. епископ Пьетер Буди происходил из селения, лежащего на юго-западной окраине Мата, в своих сочинениях он явно пользовался нормами литературного языка, сложившегося в северногегской диалектной среде. Трудно сказать, избегал ли он сознательно употребления среднегегских форм, резко отличных от северногегских, или, возможно, между теми и другими не было еще в начале XVII в. существенных различий. Во всяком случае, произведения П. Буди не могут быть использованы как достоверный источник сведений по истории среднегегского говора Мата.

Обращение к относительной хронологии фонетических инноваций, возникавших в различных частях гегского ареала, не дает оснований считать, что старогегское состояние вокализма и консонантизма, засвидетельствованное северногегскими письменными памятниками XVI—XVII вв., в среднегегских краинах могло быть коренным образом изменено еще до периода турецкого завоевания.

Иной точки зрения придерживается албанский диалектолог Б. Беци, полагающий, что характерные для среднегегского дифтонгизация ударенного *i*, переход *g* > *gj* [*g* > *ђ*], а также переход *tj* > *q* [*tj* > *ћ*], *dj* > *gj* [*dj* > *ђ*] развились еще до периода турецкой оккупации и что распространение указанных явлений совпадает с границами феодальной территории Кастриотов,[381] относясь, таким образом, еще к началу XV в.

[381] B. B e c i. Mbi katër inovacione fonetike të folmeve të pjesës qëndrore të Gegnisë. Konferenca e parë, стр. 266 и сл.

Подтверждением выдвинутой им гипотезы Б. Беци считает наличие в старейшем памятнике албанского языка — формуле крещения, относящейся к 1462 г., формы spertit 'духа' (род. п.), в которой общегег. *i* (ср. совр. shpirt) представлено как *e*. По мнению Б. Беци, это должно свидетельствовать о том, что уже в ту эпоху осуществлялось явление дифтонгизации ударенного *i*, с чем был связан и переход *i* > *e*.[382] Однако сам по себе этот единичный и очень неопределенный в отношении лингво-географической локализации факт еще не может говорить о том, что в XV в. в говорах Мата и Дибры уже была осуществлена дифтонгизация ударенного *i*, а вместе с ней и другие среднегегские явления в области вокализма, о которых Б. Беци совсем не упоминает в своем исследовании. Вряд ли следует отрывать сдвиг, которому подверглось *i*, от серии аналогичных сдвигов, преобразовавших всю систему гласных в среднегегских говорах.

В отношении датировки перехода *g* > *gj* Б. Беци не приводит никаких фактов в пользу своей гипотезы, ограничиваясь лишь сопоставлением границ распространения этого явления с приблизительно устанавливаемыми границами княжества Кастриотов.

В целом трудно, согласившись с Б. Беци, признать, что среднегегские фонетические инновации возникли в более раннюю эпоху, чем инновации, появлявшиеся в других частях гегского диалектного ареала в основном уже в период турецкого владычества в Албании, т. е. не ранее XVI—XVII вв. Скорее можно полагать, что и среднегегские инновации относятся к тому же периоду. Распространение их было связано с экономическим и политическим влиянием краин Дибры и Мата в условиях системы феодальных отношений, сложившихся во внутренних областях завоеванной турками Албании.

Несмотря на то что территория распространения среднегегских диалектных явлений довольно обширна, особенно если учесть албаноязычные поселения западной Македонии, продвижение этого типа диалектной речи оказалось локально ограниченным и не вышло за пределы областей, непосредственно примыкающих к Дибре и Мату. Если инновации, распространившиеся из южногегской зоны, постепенно приобрели, главным образом благодаря влиянию сложившейся в долине Шкумбина народно-разговорной койне, общегегский характер, то среднегегские инновации, наоборот, стали признаком обособленного и отклоняющегося от общих норм типа диалектной речи.

В турецкий период оба потока инноваций двигались, по-видимому, в значительной мере параллельно друг другу и независимо. Их историческое значение в процессе становления общегегских речевых норм оказалось существенно различным.

---

[382] *Там же, стр.* 265.

Обзор основных направлений продвижения диалектных явлений внутри гегского ареала должен быть завершен указанием на процессы иррадиации гегских явлений в тоскскую диалектную область к югу от реки Шкумбина. Различные формы и степени скрещения гегской и тоскской речи создали специфический облик говоров переходного типа, широкая полоса которых проходит в центральной части страны.

Помимо движения больших потоков диалектных инноваций, распространявшихся из определенных очагов и захватывавших в силу тех или иных причин социального порядка смежные территории, на различных участках гегского ареала наблюдается и спонтанное развитие сходных или одинаковых фонетических процессов. Например, отодвижение назад и лабиализация ударенного *a* (преимущественно назализированного), очень распространенные в северо-восточных и северо-западных гегских говорах, проводятся также в части говоров южногегской зоны, так в говорах Тираны, Каваи и др. Сопутствующим явлением в области консонантизма обычно бывает усиление элемента велярности при артикуляции некоторых согласных, создающее, в частности, условия для смешения фонем *dh* [δ] и *ll* [*ł*], наблюдаемого во многих гегских говорах.

Спонтанность развития аналогичных фонетических процессов в различных точках диалектного ареала дает материал для изучения общих конститутивных факторов, определяющих тенденции и направления звуковых изменений, осуществляющихся в отдельных говорах. Характерные для артикуляционной базы албанского языка особенности — бо́льшая или меньшая отодвинутость языка назад и относительная вялость артикуляции губ — проявляются в говорах с разной степенью интенсивности. От этого во многом зависит процесс звуковой эволюции в каждом из них.

Глава 3

ПОЛОСА ПЕРЕХОДНЫХ ГОВОРОВ

К югу от течения реки Шкумбин (Shkumbin), принимаемой условно в качестве границы между гегской и тоскской диалектными областями, протянулась полоса краин с говорами переходного типа. Сюда относятся говоры: северной части равнины Мюзеке́ (Myzeqé), краин Думре́ (Dumré), Сулёва (Sulovë), Верча (Verçë), Шпат (Shpat), Поли́с (Polis), Берзешта (Bërzeshtë), Домосдова (Domosdovë). До недавнего времени об этих интересных в лингвистическом отношении и важных с точки зрения исторической диалектологии албанского языка говорах не было почти никаких сведений. В последнее время эта часть диалектной территории привлекла к себе внимание албанских лингвистов. Опубликовано несколько работ, дающих хорошее представление о своеобразии лингвистического типа, образовавшегося на стыке двух основных диалектных областей.[1] Общим моментом для всех относящихся к переходной зоне говоров является тесное переплетение признаков обоих диалектных типов, благодаря чему не всегда легко удается определить, какой из них следует считать основным для каждого отдельного говора.

Определяющими факторами исторического порядка, обусловившими создание говоров, смешанных по составу своих элементов, были: географическое положение соответствующих районов, экономические и административные связи, влияние городских центров (Эльбасан, Пекин, Берат), передвижение и смешение населения. Все эти обычные для развития языковых отношений на албанской территории факторы в условиях соприкосновения двух диалектных типов с заметно выраженными различиями

---

[1] J. Gjinari. Të folmet e Myzeqesë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 4; Q. Haxhihasani. Një vëstrim mbi të folmen e krahinës së Sulovës. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 3; M. Çeliku. Vëreitje mbi të folmen e Dumresë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1963, №№ 2, 3.

послужили созданию специфического лингвистического ландшафта.

Если начать обзор переходной гегско-тоскской диалектной полосы с западной ее окраины, внимание прежде всего привлекает обширная равнина Мюзеке, раскинувшаяся вдоль побережья Адриатического моря, в промежутке между нижними течениями Шкумбина на севере и Вийосы (Vijosë) на юге. Это сельскохозяйственная область, центрами которой являются относительно новые города Люшня (Lushnjë) в северной части и Фи́ери (Fieri) на юге. Вся эта область в прошлом административно и экономически зависела от Берата. Однако деревни на севере Мюзеке поддерживали экономические отношения также с городами южногегской диалектной зоны — с Эльбасаном, Пекином (Peqin), Каваей (Kavajë).[2]

В лингвистическом отношении краина Мюзеке может быть разделена на южную часть, имеющую определенно выраженный тоскский характер (севернотоскский диалектный тип) и на северную, представляющую картину постепенного нарастания признаков гегского диалектного типа в направлении с юга на север.[3] Переходный характер имеет говор района и самого города Люшни. В холмистой местности, лежащей к северу и северо-востоку от города и непосредственно примыкающей к южногегским краинам на другом берегу Шкумбина, удельный вес гегских признаков заметно усиливается, и говор этой территории может быть определен как южногегский.

Для этого последнего говора, представляющего северную периферию диалектной территории Мюзеке, характерен ряд специфически гегских явлений.[4] 1) Полное сохранение всего ряда назальных гласных в ударенном положении: dhânnrrin 'жениха' (вин. п.), shullâ 'солнцепек', frê 'узда', pê 'нить', hî 'пепел', ullî 'маслина', hûnna 'нос', gjû 'колено'. 2) Монофтонгизация дифтонгов *ue* > *ū*, *ye* > *ȳ*, *ie* > *ī*: dur (< duer) 'руки', gru (< grue) 'женщина', mu (< mue) 'мне', du (< due) 'хочу', mill (< miell) 'мука́', dill (< diell) 'солнце', qill, qell (< qiell) 'небо', fyll (< fyell) 'флейта', pys (< pyes) 'спрашиваю', u kthy (u kthye) 'вернулся'. 3) Последовательная ассимиляция *mb* > *m*, *nd* > *n*: mush (< mbush) 'наполняю', man (< mban) 'держит', e amël (ambël) 'сладкая', pamuku (pambuku) 'хлопок', krima (krimba) 'черви', pllam (лит. гег. pëllâmbë) 'ладонь'; ñaloj (ndaloj) 'задерживаю', ñij (ndiej) 'чувствую', breña (brenda) 'внутри'. 4) Сочетание *vo-* в начале слова: voj 'растительное масло' (ср. т. vaj), vorr 'могила' (т. varr), votër 'очаг' (т. vatër), i vorfën 'бедный' (т. i varfër). 5) Отсутствие ротацизма: ullîni (им. п. опред.) 'олива' (ср. т. ulliri), gruni им. п. опред.

---

[2] J. Gjinari. Të folmet e Myzeqesë, стр. 76.
[3] Там же, стр. 111.
[4] Там же, стр. 76—84.

'пшеница' (т. gruri), dimni 'зима' (т. dimri), pleqni 'старость, старики' (собир., т. pleqëri). 6) Перенос ударения с последнего слога на предпоследний в именах существительных, заимствованных из турецкого языка (или через турецкий): téqe (т. teqé) 'обитель дервишей', qáse (т. qasé) 'мера зерна', híle (т. hilé) 'мошенничество, обман', káve (т. kafé) 'кофе'.

В южных и западных деревнях района Люшни, как и в самом городе, эти признаки предстают в ослабленном состоянии. Назальность гласных отсутствует. На месте сдвинутого назад носового *a* выступает более передний вариант ударенного *a*, лишенный всякого элемента назальности: kam (лит. г. kâmbë) 'нога', shullá 'солнцепек', pllam 'ладонь'. Наряду с формами, имеющими в своем звуковом составе гласный *u* (*ū*), полученный из старогег. *ue*, в некоторых словах (притом только в конце слова в открытом слоге) выступает распространившийся из соседней тоскской области дифтонг *ua*. Иногда это параллельные варианты: thu // thua 'ноготь', gru // grua 'женщина', mua // mu 'мне'. Точно так же наряду с формами, содержащими гегское начальное *vo-*, в этой переходной зоне засвидетельствованы формы с характерным для тоскской речи начальным *va-*. С одной стороны — vor 'могила', votër 'очаг', i vokt 'теплый', vojta 'я пошел' (1-е л. ед. ч. аор. от vete), с другой — varr 'могила', vaj 'растительное масло', i varfër 'бедный'.

Ярким проявлением сильного воздействия тоскской речи следует считать внедрение форм с сонантом *r* вместо *n* (исторически в интервокальной позиции) — так называемый ротацизм. Хотя это характерное для тоскской диалектной зоны звуковое изменение давно уже перестало быть живым, тоскские ротацированные формы в большом количестве проникли в гегский (по своей первоначальной основе) говор района Люшни. Особенно влиятельными в этом отношении оказались причастия с суффиксом *-r* (исторически *-n-*), которые широко распространились, будучи заимствованы в качестве морфологического разряда из тоскской диалектной среды в гегскую. Например, причастия bredhur (от bredh 'бродить'), prishur (от prish 'портить'), ngrofur (от г. ngrof, т. ngroh 'согревать'), ardhur (от vij 'приходить') и др. Но и помимо категории причастий: kalliri (г. kallîni) 'колос' (им. опред. п.), trari (г. trâni) 'бревно' (им. опред.), i varfër (г. i vorfën) 'бедный', zuri (г. zûni) 'взял, схватил' (3-е л. ед. ч. аор. от zë), vllezër (г. vllezën) 'братья' и др. Во всех этих случаях из говора в говор заимствовалось не само по себе звуковое явление, но вместе с вариантами слов и форм. Параллельно сохраняется употребление и гегских неротацированных форм: dimën (тоск. dimër) 'зима', e shkurtën (т. shkurtër) 'короткая', gjilpana (т. gjilpëra) 'игла' и др.

Двигаясь к югу, наблюдатель постепенно переходит в чисто тоскскую диалектную область, где на месте гласного *a*, заменив-

шего в переходной зоне гегское назализированное $\tilde{q}$, в ударенном положении выступает специфически тоскский гласный ё̆ [ə] — гласный смешанного ряда нижнего подъема (shullë 'солнцепек', këmbë 'нога'), а дифтонг *ua* является единственным рефлексом староалбанского **uo*, где последовательно сохраняется произношение *mb*, *nd*, где ротацизм является исторической закономерностью и где имена существительные, заимствованные из турецкого, произносятся с их первоначальным ударением на конечном слоге.

Несколько более сложную картину смешения диалектных признаков обнаруживает говор краины Думре́ (Dumbré), лежащей к юго-западу от Эльбасана, по другую сторону Шкумбина. Эта местность, поросшая густыми лесами (Dumre < Dumbré — название славянского происхождения, ср. ст.-слав. дѫбрава), в прошлом была слабо заселена. Плодородные земли ее расчищались для обработки и поселений сравнительно не так давно, еще на памяти живущих поколений.[5]

На севере краина Думре непосредственно примыкает к реке Шкумбин, на востоке граничит с краиной Шпата, на юго-востоке — с Сулёвой, на западе с районом Люшни. Экономические и административные связи основная группа деревень Думре (18 деревень в северной и центральной частях этой краины) всегда имела с Эльбасаном.

М. Челику, описавший говор краины Думре, определяет его как гегский, подвергшийся, однако, очень сильным тоскским влияниям.[6]

В числе фонетических признаков,[7] характерных для гегской диалектной среды, в говоре представлены следующие явления.

1) Полное сохранение особого ряда назальных гласных, причем назализация выражена отчетливее, чем в говоре Эльбасана.

2) Долгое носовое $\tilde{a}$, в основном сохраняющее свое качество: nâna 'мать' (ср. т. nëna), e âmël 'сладкая' (ср. т. e ëmbël), shullâ 'солнцепек' (ср. т. shullë). Тенденция к лабиализации проявляется, но в относительно слабой степени. Результатом является не *o*, но скорее «закрытое *a*, приближающееся к *o* (*a*°)». Кроме того, действие этой тенденции ограничено в своем распространении; оно охватывает не все слова, содержащие ударенное носовое *a*, и в произношении отдельных лиц наблюдаются колебания. Ср.: bâhem, bâ°hem 'делаюсь', hân, hâ°n 'луна', duhân, duhâ°n 'табак'.

3) Монофтонгизация старогегских дифтонгов *ue* > *ū*, *ie* > *ī*, *ye* > *ȳ*: dū, dūm 'хочу, хотим', ka kalū 'он пришел', u ļirūn

[5] Сведения о времени заселения краины Думре́, собранные в 1951 г. Роком Зойзи, опубликованы в указанной выше монографии М. Челику (Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1963, № 2, стр. 253).
[6] См.: там же, № 3, стр. 234.
[7] Там же, № 2, стр. 256—279.

'они освободились', u martū 'он женился', trūll 'земляной пол, земля'; qīll 'небо', mīll 'мукá', bī (bie) 'несу'; dȳr (dyer) 'двери', u kthȳ (u kthye) 'он вернулся', e pyti (e pyeti) 'спросил его'.

4) Сочетание *vo-* в начале слова: vorr 'могила', votër 'очаг'.

5) Последовательное изменение $mb > m$, $nd > n$: marohet (mbarohet) 'кончается', mush (mbush) 'наполняю', hamár (hambár) 'амбар', pamúk (pambúk) 'хлопок', mrena (mbrenda) 'внутри', ânnërr (ândërr) 'сон', parmena (parménda) 'соха', shneti (shëndéti) 'здоровье'.

6) Изменение $h > f$ в конечной позиции и частично в середине слова: kref 'причесываю', krefa 'я причесал' (1-е л. ед. ч. аор.), однако krahën 'гребень'; shof (shoh) 'вижу', rraf (rrah) 'ударяю, бью', gjynaf (gjynah, ср. тур. günah) 'грех'.

7) Превращение носового среднеязычного смычного *nj* [ɲ] в среднеязычный спирант *j*, частично с дальнейшим переходом в неслоговое *i̯*. Это изменение совершается не только в конце и середине слова, но иногда также и в начальной позиции, создавая такие характерные для говора Думре формы, как jerí (njerí) 'человек', m'jef (më njeh) 'меня знаешь' и др.

8) Перенос ударения с последнего слога на предпоследний в словах, заимствованных из турецкого: bába (т. babá) 'отец', téqe (т. teqé) 'обитель дервишей', táze (т. tazé) 'свежий'.

Эта картина, типичная для южногегской диалектной области, нарушается явлениями, проникшими из тоскского благодаря постоянным контактам жителей краины Думре с более южными районами. Вместе с заимствованными словами и формами перешли и некоторые фонетические особенности тоскской речи, присутствие которых в гегском говоре не может быть объяснено внутренней эволюцией звуковой системы. На отдельных участках этой системы, в более сильной мере подвергшихся влиянию инодиалектной среды, создалось характерное для переходных говоров состояние неустойчивости, что выражается в наличии большого количества фонетических дублетов и вообще в значительной вариантности произношения.

В области вокализма в угрожаемом положении оказался гласный *ū* — в тех случаях, когда он появился в результате монофтонгизации старогегского дифтонга (*ue* < **uo*). Слова, содержащие этот гласный, в говоре Думре часто произносятся с тоскским вариантом общеалбанского дифтонга (*ua* < **uo*). Это произношение зарегистрировано в краине Думре повсеместно, но особенно часто формы с *ua* можно услышать там, где у жителей больше контактов с тоскской диалектной средой.

Даже в с. Грюкш (Gryksh), лежащем на берегу Шкумбина, далее всего от тоскского юга, зафиксированы, наряду с закономерными для говора формами durt 'руки', krahanur 'грудь', thun 'ноготь' (вин. п.), также формы thua 'ноготь' (им. п.), ftua

'айва', mua 'мне'. У с. Белеш (Belësh) (в центре района): ftū 'айва', grūs 'женщине' (дат. п.), trūll 'земляной пол, земля', mu 'мне', dum 'мы хотим', но также ftua, gruas, thua 'ноготь', zgjua 'улей'. М. Челику сообщает, что колебания были отмечены им в речи одних и тех же лиц, причем непоследовательность обнаруживалась не только при произнесении различных слов, но и одного и того же слова, особенно при образовании отдельных падежных форм имени. При повторении слова перевес чаще оказывался все-таки на стороне закономерных для говора форм с гласным *ū*. Особенно часто колебания отмечались при произнесении слов trūll // truall 'земляной пол, земля', dū // dua 'хочу', grū // grua 'женщина' (им. п., однако в им. п. опред. только gruja), grūs // gruas (род. п.).

Другим участком скрещения гегского и тоскского диалектных типов в говоре Думре являются слова, содержащие старое интервокальное *n*. Тоскские ротацированные формы в говоре употребляются параллельно с неротацированными гегскими, например: dimri // dimni 'зима' (имп. п. опред.), emri // emni 'имя' (им. п. опред.), plehra // plehna 'удобрения' (им. п. неопред. мн. ч.). Наблюдается тенденция к закреплению ротацированных и неротацированных форм за отдельными морфологическими рядами. Так, некоторые существительные имеют *r* в неопределенной форме, а определенную образуют предпочтительно с сохранением *n*, например: dimër 'зима', drapër 'серп', но опред. им. п. dimni (реже dimri), drapni. Также при образовании причастных форм (см. ниже).

Интересны контаминированные формы, образуемые с тоскским ротацизмом, но при сохранении гегского вокализма: bâ°ri 'он сделал' (3-е л. ед. ч. аор., ср.: г. bâni, т. bëri), njarën 'одну' (вин. п., ср.: г. njânën, т. njërën), t'gjâ°r 'широкую' (вин. п., ср. г.: të gjânë, т. të gjërë), râ°r 'песок' (ср.: г. rânë, т. rërë) и др.

В области морфологии [8] очень характерную картину скрещения диалектных признаков обнаруживают причастия. Эта категория, отличающаяся в албанском языке относительной пестротой типов образования, распределяемых по классам глагольных основ и легко подверженных аналогическому переносу из разряда в разряд, играет немаловажную роль при определении диалектных различий. В говоре Думре представлен в числе других гегский тип причастий с суффиксом *-m*, присоединяемым к основам на гласный, например: fillūm (от filloj 'начинать'), hȳm (от hyj 'входить'), shkūm (от shkoj 'пойти'), kalūm (от kaloj 'пройти') и др. Но от того же разряда глаголов более употребительны (также характерные для гегского диалекта) причастные образования с нулевым суффиксом, особенно в составе аналитических форм: kam kalū 'я прошел' (перф.), kam kallzū 'я рассказал', kam shkū 'я пошел' и др. Пред-

[8] Там же, № 3, стр. 205—227.

ставлен и общеалбанский тип причастий от глаголов с основой на согласный — с суффиксом *-un*: hequn (от heq 'тащить'), mshtjellun (от mshtjell, лит. mbështjell 'завертывать'). Этот суффикс может переноситься по аналогии в другие разряды и присоединяться к формам, образованным с помощью суффикса *-m*, в результате чего оказался образованным новый суффикс *-mun*: kërkumun (от kërkoj 'искать'), shkumun (от shkoj 'пойти').

Однако формы с *-un* (и соответствнно с *-mun*) подверглись в говоре Думре сильнейшему натиску со стороны тоскских ротацированных форм с тем же суффиксом, благодаря чему гегские причастия на *-un* оказались почти вытесненными из обращения и заменились формами тоскского типа: hapur (от hap 'открывать'), varur (от var 'вешать'), vdekur (от vdes 'умирать'), mushur (от mbush 'наполнять'), çuditur (от çuditem 'удивляться').

Более того, проникшие из тоскской речи формы на *-r* подверглись на почве говора Думре аналогическому обобщению и распространились также на глаголы с основами на гласные звуки: fillūr (от filloj 'начинать'), jetūr (от jetoj 'жить'), kërkūr (от kërkoj 'искать') и т. д. Также наблюдается соединение тоскского *-r* со старым гегским суффиксом *-m*: kan hymur 'они вошли', ka shkrumur 'он написал', ka nriçumur 'он осветил'. Обращает на себя внимание сохранение в формах типа kërkūr, fillūr гегского вокализма (*ū*) при тоскском ротацированном суффиксе, ср. тоскские формы kërkuar, filluar. Таким образом, формы kërkūr, fillūr, shkrūr могут служить характерным примером контаминации разнодиалектных признаков.

Если говор Думре определяется как гегский в своей основе, но подвергшийся сильным тоскским влияниям, иное соотношение элементов обнаруживает говор соседней с Думре краины Сулёва.[9] Сулёва лежит к юго-востоку от краины Думре, будучи отделена от нее рекой Деволом (Devoll). Охваченная с трех сторон изгибом Девола, Сулёва граничит, помимо Думре, с другими переходными по говору краинами — Шпатом на северо-востоке и Верчей на юго-востоке. К югу от Сулёвы лежат районы с чисто тоскской речью.

Говор Сулёвы также определяется как тоскский. Однако благодаря давним и постоянным контактам (включая и административную зависимость периода турецкого владычества) этой краины с Эльбасаном в говор ее проник ряд явлений из гегской диалектной среды, причем явления эти более отчетливо выражены в северной части диалектной территории и постепенно убывают в направлении с севера на юг.[10]

Специфика диалектного ландшафта Сулёвы в значительной мере обусловлена географическим положением в зоне, промежу-

---

[9] См.: Q. Haxhihasani. Nji vështrim mbi të folmen e krahinës së Sulovës. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 3.

[10] См.: там же, стр. 170 и сл.

точной между наиболее крупными городами южногегской и севернотоскской областей — Эльбасаном на севере и Бератом на юге. Этот момент специально подчеркивается исследователем говора Сулёвы, известным диалектологом и фольклористом Кемалем Хаджихасани: «Сулёва представляет собой этнографическую единицу, лежащую на границе Берата с Эльбасаном. Деревни ее юго-западной окраины находятся в 5 часах пути от Берата, а северной — в 6 часах от Эльбасана. Эти два торговых центра, собирающие вокруг себя, с одной стороны, тоскское население (Берат), а с другой — гегское (Эльбасан), благодаря той роли, которую они играют как пункты встреч, обмена и взаимосвязей, наложили свой отпечаток на население соответствующих зон — как в отношении материальной культуры (одежда, обстановка жилья, орудия труда), так и в сфере духовной культуры, а также языка. В то же время дружеские связи, отношения свойства, взаимные посещения жителей окраинных сел Сулёвы и жителей пограничных краин, которые в своих крайних точках сильно отличаются друг от друга (так, Томорица — Tomoricë и Нахия — Nahijë — чисто тоскские краины, а Думре и Шпат на севере принадлежат скорее к гегской зоне), создали особые явления языкового и этнографического характера».[11]

Постоянная связь с Эльбасаном у населения северной части Сулёвы определила наличие сильных гегских влияний в этой части диалектной территории. Соответственно в южной части этой краины непосредственные контакты с тоскской диалектной средой обеспечили сохранение тоскского типа речи. В центре района, в зоне скрещения северного и южного диалектных влияний развилось состояние неустойчивости, выражением которого является значительная вариантность речи.

Тоскская основа говора Сулёвы обнаруживается прежде всего в таких явлениях, как: 1) последовательное проведение ротацизма (исторически *-n-* > *-r-*), 2) отсутствие назализации гласных. Характерно также 3) наличие сочетания *va-* в начале слова: varr 'могила', vaj 'растительное масло', vatër 'очаг'.[12]

В остальных своих характерных признаках тоскская основа говора в той или иной степени расшатана проникшими с севера гегскими явлениями.

Так, очень характерным для тоскского типа речи признаком является сохранение в говоре Сулёвы старых общеалбанских дифтонгов, причем общеалб. **uo* представлено тоскским вариантом *ua*: grua 'женщина', thua 'ноготь', mua 'мне' и др. Однако в формах причастий от глаголов первого спряжения в северной части

---

[11] Там же, стр. 150.
[12] Там же, стр. 155.

Сулёвы дифтонг *ua* не произносится, но заменяется гласным *ū*: punūr (от punoj 'работать'), kërkūr (от kërkoj 'искать'). На юге краины господствует тоскское произношение и в этих формах: punuar, kërkuar.

Формы типа punūr, kërkūr представляют собой типичный продукт контаминации тоскских диалектных черт с гегскими. Возможно, что они были заимствованы в говор Сулёвы из переходных говоров соседних с Сулёвой краин Думре и Шпата.

Произношение *mb*, *nd* полностью сохраняется на юге Сулёвы. В северной части на их месте произносятся *m*, *n*, как это характерно для гегского диалектного типа. В центре краины отмечается неустойчивость произношения, колебания между вариантами *mb*/*m*ᵇ//*m*, *nd*//*n*ᵈ//*n*.

Конечное *-h* сохраняется в южной и центральной частях Сулёвы; на севере его заменяет *-f*, так же как результат интенсивных контактов с гегской диалектной средой.

Специфическую особенность говора составляет наличие в нем гласного *o* — в тех случаях, где гегскому носовому *ā* соответствует гласный смешанного ряда *ë* (в положении под ударением). Ср.: boj 'делаю' (лит. г. bâj, тоск. bḗj), osht 'он есть' (лит. г. âsht, тоск. ḗshtë), koma 'нога' (лит. г. kâmba, т. kḗmba), fëlloza 'куропатка' (лит. г. fëllânza, т. thëllḗza). При этом есть возможность проследить постепенность перехода от гегского вокализма *ā*[*ā*] к тоскскому *ë* [ə]. Огласовка *o* может рассматриваться как в известной степени промежуточное звено в развитии от носового *ā* (исходный пункт) к звуку, засвидетельствованному в тоскском — момент, представляющий интерес для изучения истории сложения системы современного албанского вокализма. К. Хаджихасани прослеживает шкалу постепенных переходов в направлении с севера на юг, захватывающих краину Сулёва: 1) слегка назализированное *a* в районе Эльбасана до правого берега Девола; 2) ясное *o* в северной и центральной частях Сулёвы; 3) гласный *ë* на южной окраине Сулёвы и, наконец, 4) звук, приближающийся к *e* в граничащей с юга Томорице.[13]

В зоне произношения гласного *o*, имеющего в основном гегский характер (ср. аналогичное явление лабиализации носового *a* во многих гегских говорах, в частности и в некоторых из южногегских), образуются и типичные для переходных говоров контаминированные формы, сочетающие огласовку *o* с тоскским признаком ротацизма: rora 'песок' (ср. лит. г. râna, тоск. rḗra), zori 'голос' (ср. лит. г. zâni, т. zëri), njori 'один' (лит. г. njâni, тоск. njëri).

Отмечаются также лексические отличия речи жителей северной части Сулёвы, связанной с областью Эльбасана, от речи жителей более южных деревень. Так, в северных деревнях говорят sqokë

---

[13] См.: там же, стр. 153.

'наседка', sqile 'лиса', qete 'кошка', xham 'горшок', а в южных — klloçkë, dhelpër, mace, poçe и др.

Относительно остальных переходных говоров — говоров краин, лежащих вдоль течения Шкумбина (Шпат, Верча, Поли́с, Берзешта), сведения пока носят фрагментарный характер. Можно отметить большую или меньшую степень распространения ротацированных форм, крайним пунктом которого К. Хаджихасани считает деревню Драгостуя (Dragostujë) на правом берегу Шкумбина, к востоку от Либраждa (краина Берзешта).[14] По наблюдениям Г. Пекмези, явление назализации гласных в свою очередь постепенно ослабевает в местностях, лежащих к юго-востоку от Эльбасана, за рекой Шкумбином, особенно в краинах Верча и Мокра.[15] На востоке граница между гегской и тоскской диалектными областями проходит, по мнению этого исследователя, через плоскогорье Домосдовы (Domosdovë).[16]

Характерной чертой говоров Шпата, Полиса, Верчи, Берзешты также является наличие контаминированных форм. Так, в Берзеште говорят: râra 'песок' (лит. г. râna, т. rëra), shullâri 'солнцепек' (лит. г. shullâni, т. shullëri); в Шпате и Верче, как в Сулёве, распространены формы причастий типа punūr, kërkūr — с ротацизмом и с характерной для гегского огласовкой. Для речи жителей Полиса, наоборот, характерно употребление причастий типа punuam, luftuam, в которых при тоскском дифтонге *ua* использован гегский суффикс *-m*.[17]

В кратком тексте из краины Шпат, записанном М. Ламберцом, можно отметить наличие колебаний между произношением *ua* и *ū* в слове grua 'женщина': grua//gruja, ассимиляцию *mb* > *m*, *nd* > *nn*, ротацированную форму ere 'и', рядом с ene, ne, а также сочетание *va-* в начале слова.[18]

По-видимому, говоры всех этих краин обнаруживают те же характерные черты смешения диалектных признаков, что и переходные говоры Мюзеке, Думре и Сулёвы.

Постепенность перехода от гегского диалектного типа к тоскскому несомненно является общей особенностью говоров краин, лежащих вдоль течения Шкумбина, условно признаваемого границей между двумя большими диалектными областями. Как заметил в свое время еще Р. Нахтигаль, «гегские черты эльбасанского говора мельчают по ту сторону Шкумбина и постепенно переходят

---

[14] См.: там же, стр. 148.

[15] См.: Đ. Pekmezi. Vorläufiger Bericht über das Studium des albanischen Dialektes von Elbasan (Anzeiger d. Philos.-hist. Kl. d. Akad. d. Wiss., Wien, 1901, № IX, Separatabdruck), стр. 30.

[16] См.: там же, стр. 39.

[17] См.: Q. Haxhihasani. Nji vështrim mbi të folmen e krahinës së Sulovës, стр. 147.

[18] M. Lambertz. Albanische Märchen. Akad. d. Wiss. in Wien. Schriften der Balkankomission. Linquist. Abt. XII, Wien, 1922, стр. 203.

к тоскскому, что особенно заметно, когда покидаешь равнину и вступаешь в горную местность».[19]

Однако более пристальное ознакомление с особенностями отдельных говоров этой зоны (Мюзеке, Думре, Сулёва) показывает, что постепенность переходов не есть нечто органически присущее говорам данного ареала. Лингвистическая непрерывность здесь не является чем-то изначально данным, но исторически возникла в результате длительных контактов между населением, представляющим два различных диалектных типа, является продуктом их взаимодействия в конкретных исторических условиях. В каждом отдельном случае можно определить основу говора — тоскскую или гегскую — и проследить пути и условия, в которых происходило распространение иноdиалектных признаков.

---

[19] R. Nachtigall. Die Frage einer einheitlichen albanischen Schriftsprache. Graz, 1917, стр. 14.

Глава 4

ЮЖНОАЛБАНСКАЯ (ТОСКСКАЯ) ДИАЛЕКТНАЯ ОБЛАСТЬ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЮЖНОЙ АЛБАНИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЕ СЛОЖЕНИЯ

К югу от реки Шкумбин (Shkumbin), за полосой переходных говоров, простирается большая южноалбанская, или тоскская, диалектная область. С небольшими вкраплениями участков иноязычной речи (греческого, аромунского и славянского национальных меньшинств) она занимает всю территорию южной Албании, выходя кое-где за пределы государственных границ. Значительный и компактный (в прошлом) албаноязычный район на территории Греции примыкает непосредственно к южной границе Албанской Народной Республики. Это Чамерия (Çamëri), лежащая на побережье Ионического моря, к западу и юго-западу от Янины (Janinë, греч. Γιάννινα). Еще несколько десятилетий назад албанское население этой области было довольно многочисленным, [1] однако в результате переселений, а также процессов ассимиляции к настоящему времени в Чамерии насчитывается менее 10 тысяч албанцев. [2] Помимо Чамерийского района, в северных областях Греции (южная Македония, Эпир), представляющих характерную зону балканского многоязычия, [3]

---

[1] В исследовании А. Бальдаччи, опубликованном в 1932 г., албаноязычное население в Чамерии исчислялось в 65 000 человек (A. Baldacci. Studii Speciali Albanesi. Roma, 1932, стр. 273). По греческим источникам конца XIX в., общее количество албанцев в Эпире (в основном в Чамерии) составляло 50 700 человек (см.: R. Busch-Zantner. Albanisches Volkstum in Griechenland. Volksforschung, Bd. 5, H. 1. Stuttgart, 1941, стр. 28).

[2] См.: Народы зарубежной Европы, т. I. М., 1964, стр. 515.

[3] Уточнение языковых границ в этом ареале представляет несомненно весьма сложную задачу. При отсутствии новейших данных значительный интерес имеет попытка, предпринятая в конце XIX в. известным балкано-

островки албанской речи вкраплены в грекоязычную среду, перемежаясь с более или менее значительными участками распространения аромунского и болгарского языков. Некоторое

ведом Г. Вейгандом. На основе собственных полевых наблюдений, проводившихся им в 1889 г., Вейганд нарисовал любопытную картину языковой чересполосицы, обнаруженной им в пограничных с Албанией районах Эпира и Македонии. В настоящее время эти наблюдения имеют в основном уже историческое значение, что, однако, не снижает их большого лингво-географического интереса. В разделе о языковых границах, проходивших через обследованные им районы, Г. Вейганд писал: «Поселения в котловине Кастории болгароязычны, однако сам город Кастория, а также Маврово (Mavrovo) являются греческими, точнее грецизованными. В Хрупиште (Chrupišta) греческая партия сильна, однако о грецизации говорить не приходится. Гоштерац (Gošterats) является почти греческим, а Богацико (Bogatsiko) — совсем греческим. Языковая граница проходит по мосту через Смикси (Smixi); лежащий севернее Пишак (Pišak) еще болгароязычен, но в Вичани (Vitšani) и Бубуште (Bubušta) уже говорят по-гречески. Долина текущего с Грамоса ручья Белица является болгарской до селения Хамоцко (Chamotsko); лежащее далее селение Линотопи (Linotopi) албаноязычно, а в следующем за ним Грамости (Gramosti) говорят по-аромунски. Население горного массива Грамос было ранее полностью аромунским; теперь Грамос частично албанизован. Однако я не мог узнать, как проходит языковая граница в промежутке между горами Грамоса и Смолики. Пастухи из Грамости утверждали, что на горах Раздол (Razdol) и Пальомайери (Paljomajeri) вообще нет деревень и что летом там пасут стада албанские и фаршерото-аромунские пастухи. Относительно албано-греческой языковой границы в Эпире я также могу сообщить только то, о чем слышал. Достоверным можно считать лишь то, что первая греческая деревня по ту сторону Смолики — это Грижбани (Grižbani), лежащая близ Вовусы. В Конице население двуязычно, однако до́ма говорят больше по-албански. Собственно Эпир является греческим вплоть до лежащей к юго-западу от Янины области Чамурия, где преобладает албанская речь. Вероятно, албанская языковая граница проходит здесь еще южнее; по крайней мере согласно утверждениям албанцев из Янины, которых я опрашивал. С другой стороны, следует заметить, что знание греческого языка распространяется значительно дальше к северу в областях Аргирокастры, Пермета и Колоньи . . . Горы Грамоса — это область, где соприкасаются греческая, албанская и болгарская языковые области. Река Девол протекает полностью по албанской языковой области, однако последняя простирается еще дальше к востоку, через район Дарды (не точно, так как селение Дарда лежит западнее реки Девола в ее верхнем течении, — *А. Д.*) вплоть до окрестностей Кастории, где лежащий по другую сторону Бистрицы Сливен (Sliven) еще албаноязычен. Далее границу албанской речи образует линия поселений Казират (Kazirat), Терстеник (Terstenik), Рапшишта (Rapšišta), Куриля (Kurila), Високишта (Visotšišta), Биглишта (Biglišta, Bilišta), в котором живут также болгарские и аромунские семьи, Битинска (Bitinskă), Терн (Tern, Tărn), Ракицка (Rakitska), Шуец (Schuets), Прогон (Progon), Мочуришта (Motšurišta), Голоберда (Golobărdă), Дзвежда (Dzvežda). Затем граница проходит, несколько извиваясь, к монастырю св. Наума на Охридском озере. За пределами указанной линии есть лишь две болгарские деревни: Дреново (Drenovo) и Бобоштица (Boboštitsa) к югу от Корчи. Юго-западная сторона Охридского озера до полуострова Лин также является албанской. Начиная оттуда, в низинах лежат болгарские селения, а на возвышенных местах — албанские. Это же относится и к равнине Струги, лежащей к северу от озера» (G. W e i g a n d. Die Aromunen Ethnograph.-philol-histor. Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren, I. Leipzig, 1895, стр. 320 и сл.).

количество поселений с тоскской речью находится также в юго-западной Македонии в районах Охридского озера и города Битоля (Монастир) на территории Югославии.

Южноалбанский диалектный тип представлен, кроме того, в районах старых албанских поселений на юге Греции (Аттика, Беотия, Эвбея, Пелопоннес, острова Гидра, Специя) и в южной Италии; также в нескольких албаноязычных деревнях в Болгарии и на юге УССР.

Как уже отмечалось выше, характерной особенностью южноалбанского, или тоскского, диалектного ареала, в отличие от северноалбанского, или гегского, можно считать его относительно малую дифференцированность вообще. Эта особенность резко бросается в глаза уже при первом ознакомлении с разговорной речью жителей различных краин южной Албании. При передвижении из района в район легко наблюдать, сколь незначительны и несущественны различия между говорами этой части страны. При углублении в анализ речевого материала это впечатление в общем подтверждается, хотя некоторые из имеющихся различий складываются в характерные линии изоглосс и дают основания для историко-диалектологического исследования.

Представляется возможным предпослать обозрению южноалбанской диалектной области следующие положения общего порядка: 1) на этой территории не получила развития тенденция к языковой дифференциации и 2) на ней, по-видимому, довольно активно действовали процессы языковой конвергенции.

При объяснении того, почему на территории южной Албании не создалось более или менее изолированных диалектных единиц, следует иметь в виду целый комплекс условий. В их числе известную роль играл характер географического ландшафта, однако не как самостоятельный фактор, но в связи с общими особенностями процесса общественно-экономического развития и политической истории этой части страны.

Сложный рельеф южной Албании на первый взгляд, казалось бы, должен был благоприятствовать развитию языкового сепаратизма, созданию более или менее обособленных диалектных районов. Характерной чертой южноалбанского ландшафта являются, как и на севере страны, резкие контрасты высоких горных массивов, прорезанных глубокими речными долинами, и приморских низменностей, а также внутренних котловин, отделенных горами от морского побережья. С юго-востока на северо-запад протянулись параллельно друг другу долины реки Вийосы и ее притока Дриноса, а также Осума, Девола и верхнего течения Шкумбина. Множество более мелких горных долин и ущелий образуется течением речек и горных потоков, например долины

Томорицы, Шушицы, Каласы, Ленгатицы, Су́хи, Загори́ и др. Группы селений, расположенных в таких долинах, кажутся затерянными среди теснящихся кругом гор. Лежащая на юго-востоке страны плодородная котловина Корчи отделена всей массой горных массивов от протянувшейся вдоль Адриатического побережья низменности — равнины Мюзеке́ (Muzeqé), по которой, разливаясь, завершают свой путь вырывающиеся из горных теснин главные реки южной Албании. На крайнем юго-западе Дельвинская низина (Vurgu i Delvinës), открытая в сторону Ионического моря, но с севера и востока окаймленная горами, может казаться естественно предназначенной для создания обособленного диалектного района.

Однако в действительности трудности сообщения, обусловленные характером горного ландшафта, во все периоды истории страны были относительно легко преодолимы, и основные районы южной Албании были всегда так или иначе связаны между собой. В отличие от недоступных ущелий, по которым в горах севера совершают часть своего стремительного пути Дрин и Мат, долины южноалбанских рек всегда были в основном проходимы и служили как бы коридорами, соединявшими юго-восточную часть страны с морским побережьем. По речным долинам с древних времен проходили дороги, игравшие большую роль в политической жизни и торговых сношениях. Наиболее трудные участки этих путей в прошлом нередко оказывались ареной военных столкновений. Так, например, суровое ущелье Кельцюра (gryka e Këlcyrës, греч. ἡ κλεισοῦρα 'ущелье') в среднем течении Вийосы не раз бывало местом кровавых боев начиная с римско-македонских войн III в. до н. э. и кончая сражением албанских партизан против фашистских захватчиков в теснине Межгоран (Mezhgoran; 1943 г.). Памятником многовековой борьбы за обладание этим важным стратегическим участком и ключевым пунктом в сети торговых путей остались развалины древней крепости на высокой скале у входа в ущелье.

Дороги и караванные тропы, связывавшие отдельные области южной Албании, проходили не только по речным долинам, но и через горные перевалы, которые также не представляли собой трудно преодолимых барьеров. Так, например, через один из наиболее высоких перевалов, мимо прославленной в народных песнях и преданиях вершины Томорр (2.484 м) проходила старая дорога из Берата на Воскопою и Корчу и далее на Монастир (Битоль), имевшая очень большое значение для экономической жизни северной Тоскерии, так как она соединяла западные области Мюзеке и Малакастру с областями юго-восточной Албании. Возвышающаяся над этим оживленным путем вершина Томорр с давних времен была местом паломничества, куда раз в году (22 августа) на большое празднество, связанное с остатками древних культов, а также с религиозными традициями магоме-

танской секты бекташей, собиралось большое количество жителей окружающих краин.

Юго-восточные области (котловина Корчи и долина верхнего течения Девола) соединялись с бассейном Вийосы и юго-западными окраинами албанской территории дорогой, проходившей через область Колонью, вдоль подножий хребтов Моравы и Грамоса. Горные перевалы, на которые поднималась эта дорога, не представляли серьезных трудностей ни для торговых караванов, ни для кочующих пастухов, регулярно перегонявших стада с летних пастбищ в горах на зимовье в приморскую низину Дельвины. Более того, дорога через Колонью имела важное значение не только для сообщения между указанными областями, но в эпоху турецкого владычества на Балканах была важна также своей непосредственной близостью к административному центру Румелии (город Монастир, совр. Битоль). По свидетельству Ф. Пукевиля, в начале XIX в. она служила центральным звеном турецких коммуникаций между Яниной, Охридом и Диброй.[4] Пукевиль отметил также, что дорога эта считалась наиболее надежным путем связи Янины с Константинополем, особенно в зимнее время, когда снега делали недоступными горные проходы Пинда.[5]

В целом географический ландшафт южной Албании, несмотря на свою сложность, не создавал естественных предпосылок для изоляции отдельных областей и тем самым для диалектного обособления. Правда, географическое членение территории не могло не получить некоторого отражения на лингвистической карте в виде более или менее обширных диалектных районов. Однако обособленных говоров в южной Албании не образовалось.

Характер природного ландшафта не определяет сам по себе характера ландшафта лингвистического, который в первую очередь зависит от социально-исторических предпосылок и условий, от всего хода исторического процесса, местом действия которого была данная территория.

На протяжении двух тысячелетий албанские земли были одной из тех арен, где развертывались наиболее драматические события истории народов Балканского полуострова. Южная половина албанской территории с ее относительно доступными горными проходами лежала непосредственно на путях из Рима в Византию и не раз поэтому оказывалась местом ожесточенной борьбы за господство в этой части юго-восточной Европы. Войны Рима, войны Византии, волны великого переселения народов, кровавая борьба средневековых феодальных государств, турецкое завоевание и никогда не угасавшее сопротивление ему балканских народов — таков был исторический фон, на котором про-

[4] См.: F. Pouqueville. Voyage dans la Grèce, I. Paris, 1820, стр. 193.
[5] Там же.

исходило сложение албанской народности. На протяжении многих веков на албанских землях сменялись завоеватели. Земли эти входили в состав империй Рима и Византии, средневековых славянских царств (Болгарского и Сербского); на албанских берегах пытались утвердиться норманские феодалы; частями морского побережья владела Венецианская республика. В средние века Албания, особенно ее южная часть, никогда не бывала изолирована от внешнего мира и ее история всегда была связана с общими судьбами народов юго-восточной Европы. При этом на ее небольшой территории, находившейся в самом центре борьбы средневековых балканских государств, отсутствовали условия для стабилизации на длительное время политических границ в рамках феодального общества. Когда же на Балканском полуострове водворились турецкие завоеватели, Албания, войдя в состав новой империи в качестве части большой провинции Румелия, снова не осталась изолированной от соседних стран, также попавших под власть султана. Южная Албания сохранила свое значение как один из узлов в сети внутриалбанских коммуникаций. Ни южная Албания в целом, ни отдельные ее части никогда не были областью изоляции.

В эпоху турецкого владычества, к которой в основном относится процесс формирования диалектной карты Албании в ее дошедшем до нас виде, ландшафт страны хранил исторические воспоминания о прошедших столетиях. Традиционны были места поселений, некоторые торговые центры, пути сообщения; традиционны были пути движения кочующих пастухов с их стадами; традиционны были линии наступательных и оборонительных военных операций. Однако общая картина расселения албанского народа и типы поселений окончательно сложились именно в турецкий период, длившийся четыре столетия.[6]

Турки не создали в Албании единого политического, экономического и культурного центра. В административном отношении албаноязычная территория оказалась разорванной на отдельные санджаки, границы которых не раз изменялись и уже к началу XIX в., по свидетельству современников, смешивались и забывались.[7] Однако исторический процесс консолидации и внутреннего членения отдельных частей страны совершался в основном помимо этих административных делений, сообразуясь прежде всего с экономическими условиями жизни населения, его составом и уровнем общественного развития, а также с конфигурацией географического ландшафта.

---

[6] Ср.: M. Urban. Die Siedlungen Südalbaniens. Tübinger geographische und geologische Abhandlungen, II. Reihe, 1. H., Öhringen, 1938, стр. 177.

[7] J. C. Hobhouse. A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia to Constantinople, during the years 1809 and 1810, vol. I. Second ed., London, б. г., стр. 160.

Одним из ярких отличий южноалбанского ареала в сравнении с североалбанским было образование относительно большего количества городов и поселений полугородского типа. При этом города не концентрировались только в зоне морского побережья, но располагались по всей территории, будучи центрами экономического притяжения для целых групп соседних с ними краин. Города были по большей части связаны между собой дорогами или проезжими тропами, по которым проходили караваны с грузом. По тем же путям в военное время двигались войска.

Постоянным элементом жизни южной Албании была регулярная перекочевка овечьих стад с летних пастбищ в горах на зимовье в низинах. На приморские низменности Мюзеке и Дельвины столетиями каждую осень спускались зимовать кочующие скотоводы (аромуны и албанцы) со своими стадами, покидавшие горные луга (bjeshkat) центральной и юго-восточной Албании. Пришлое скотоводческое население иногда оставалось жить на прибрежных землях, переходя к оседлому хозяйству. Благодаря этому население равнины Мюзеке и Дельвинской низины постепенно становилось все более смешанным.

Небольшие краины, лежащие глубоко в горах, фактически никогда не бывали изолированы и оторваны от внешнего мира. Хозяйственная жизнь албанской деревни не могла строиться на принципах автаркии. «Обмен продуктами скотоводческого и земледельческого хозяйства между горцами и населением долин существует века».[8] Необходимость в нем, естественно, порождалась различиями типов хозяйства, связанными с различиями природных условий. Существенную роль в экономике играл также обмен продуктов сельского хозяйства на товары мелкого ремесленного производства, с давних пор получившего развитие в городах южной Албании. Посещения локальных торговых центров, ближних, а иногда и более дальних городов по базарным дням всегда составляли один из важных моментов в жизни южноалбанских деревень, даже самых глубинных. Для сельских жителей регулярные встречи на базарах, помимо экономического значения, на протяжении веков играли социально-организующую роль массовых сходок.

Суровость природных условий и скудость экономических ресурсов во многих горных краинах южной Албании сами по себе, помимо экономических обстоятельств социального порядка, не позволяли жителям их ограничиваться самодовлеющим сельским трудом в пределах родной деревни. Недостаток пахотной земли и пастбищ уже с давних времен вызывал такое типичное для большинства районов этой части страны явление, как «курбет» (тур. gurbet 'пребывание на чужбине') — уход на заработки.

---

[8] Ю. В. Иванова и Р. Зойзи. Албанцы. Народы зарубежной Европы, т. I. М., 1964, стр. 524.

Если североалбанские горцы, спасаясь от нужды, связанной с малоземельем и социальным неравенством, возникавшим в процессе разложения родовых общин, целыми семьями и группами семей переселялись на восток — в области Косово-Метохии и западной Македонии, то для южан вековой традицией стал периодический уход мужской части населения на заработки в различные города и области европейской части Турецкой империи, а иногда и за ее пределы. [9] Целые артели рабочих различных специальностей (каменщики, плотники, лесорубы, резчики по дереву, лудильщики, строители водопроводов и др.) ежегодно покидали родные места, оставляя женщин обрабатывать землю.[10] В таких экономически вынужденных странствиях, естественно, не было условий для консервации локальных особенностей речи. Встречи в пути, на постоялых дворах (знаменитые балканские «ханы») и совместный труд работников из различных районов скорее благоприятствовали развитию процессов языковой конвергенции, нежели изоляции.

Характерным продуктом южноалбанского «курбета» как социального явления было создание арго странствующих ремесленников. Известно несколько таких арго. Это purishtja — арго каменщиков из Опара, dogançja — арго лудильщиков из Брեждана (Brezhdan), Лимара (Limar), Малешовы (Malëshovë), lovidharçja — арго пильщиков леса из Калюда (Kaludh), Каниколя (Kanikol), Пелумбаса (Pellumbas) — область Пермета, и др.[11] Как обычно в такого рода тайных языках, предметом остранения и обособления в албанских арго также являлась прежде всего лексика. Что же касается языка в его общенародном

---

[9] В путевых записках А. Гризебаха сообщается о том, как на одной из дорог близ Константинополя автор наблюдал группу албанцев, шедших в столицу империи в поисках сезонной работы: «Навстречу нам двигалась большая толпа албанцев, пеших и невооруженных. Едва одетые, они шли в Константинополь, надеясь найти там в летнее время поденную работу, с тем чтобы осенью вернуться с заработком на родину. Это были молодые парни, способные вынести большие дневные переходы. Мне сказали, что из перенаселенных областей Албании летом уходят таким образом тысячи людей» (A. Grisebach. Reise durch Rumelien und nach Brussa im Jahre 1839, I. Göttingen, 1841, стр. 111). По свидетельству Ф. Пукевиля, в Константинополе некоторые работы выполнялись преимущественно албанцами. В приводимом им перечне профессий жителей столицы Турецкой империи в начале XIX в. отмечается, что каменщиками и мясниками были по большей части албанцы-христиане, банщиками, плотниками, а также продавцами пряностей — албанцы-магометане (см.: Pouqueville's Reise durch Morea und Albanien nach Constantinopol, Bd. II. Leipzig, 1805, стр. 88).

[10] Во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в. очень широкие размеры принял отъезд мужчин на длительные сроки, а также переселения целых семей из южной Албании в другие страны Юго-Восточной Европы (преимущественно в Румынию и Болгарию) и особенно за океан — в США, Бразилию, Австралию.

[11] См. очень содержательное исследование известного албанского фольклориста и диалектолога К. Хаджихасани «Социальные говоры» (Q. Haxhihasani. Të folmet shoqnore. Studime Filologjike, Tiranë, 1964, №№ 1, 2).

употреблении, то он и у выходцев из самых отдаленных, казалось бы, изолированных горных краин оказывался в основных своих признаках мало отличным от общего для всей южной Албании диалектного типа, сложившегося как своего рода народно-разговорная койне.

Обращение к основным этапам процесса общественного развития албанского народа — процесса, протекавшего в данной географической среде и в определенной ситуации исторического порядка, также помогает уяснить, почему в южной Албании не происходило обособления диалектов.

Разложение родо-племенного строя на большей части южноалбанской территории завершилось в целом значительно раньше, чем в горных областях северной части страны. Только в Ляберии (горная краина Курвелеш и побережье Химары) остатки родовых общин продолжали сохраняться еще в XIX в. Опираясь на византийские источники, бросающие свет на развитие аграрных отношений в странах Балканского полуострова в период раннего средневековья, албанские историки полагают, что уже в VII в. на албанских землях крестьянские родовые общины были захвачены процессом ослабления кровнородственных связей. «В недрах многих родовых общин, с усилением права членов их на обрабатываемые ими земли, кровные связи, удерживавшие общинников друг подле друга в совместном хозяйстве, продолжали ослабевать. С ослаблением этих связей, с уходом из общины ее членов и с увеличением значения территориального соседства, родовая община (bashkësia fisnore) превращалась, таким образом, в сельскую общину (bashkësia fshatare), и родовое поселение (katun) превращалось в село (fshat). Вместе с тем кое-где, особенно в горных краях, некоторые родовые общины долгое время продолжали сопротивляться процессу разложения».[12]

Разрастание общин имело своим следствием заселение новых земель, что было отчасти связано также с переходом все больших групп албанского населения от горнопастбищного скотоводства к обработке земли в долинах и равнинных областях. Население этих новых деревень, возникавших уже не в горах, но в долинах, формировалось из представителей различных кровнородственных единиц (фисов) и нередко бывало смешанным в этническом отношении. Существенным фактором в развитии указанного процесса на территории южной Албании были тесные взаимоотношения албанцев со славянами, заселившими в VII в. долины рек Шкумбина, Девола, Осума, Вийосы, Дриноса, Бистрицы.[13] Можно предполагать, что в этих областях албанцы и славяне одновременно переживали процесс разложения родовых общин

[12] Historia e Shqipërisë, I. Tiranë, 1959, стр. 156.
[13] См.: там же, стр. 145.

и вместе вступили в новую стадию общественного развития — феодальный строй.

Феодальные отношения в Албании зарождались и развивались в обстановке жестоких социальных противоречий, раздиравших разваливавшуюся Византийскую империю. Переселения народов и ликвидация остатков рабовладельческих отношений, кровавые войны, вторжения извне, захваты общинных земель нарождавшимся классом феодалов, образование и крушение крупных и мелких феодальных государств — все эти процессы и события, ознаменовавшие для народов Балканского полуострова жестокую эпоху перехода от античности к новому времени, бурно разыгрывались на албанской территории, особенно в южной ее части, лежавшей ближе к центру Византийской империи, на путях из Рима в Константинополь.

Первые, притом довольно неясные упоминания о собственно албанском феодальном образовании (в центральной части страны), носившем название Арбанон, появляются у византийских авторов с конца XI в.[14] Известны имена феодалов, правивших этой областью в XII в.[15] Более ясной картина становится в XIII—XIV вв., когда территория Албании разделялась на ряд феодальных княжеств (принципатов), во главе которых стояли албанские династии, непрерывно боровшиеся между собой за земли и власть. Феодальная система землепользования была распространена главным образом в равнинных областях и в долинах. В горах — как на севере, так и на юге страны — власть феодалов была по существу номинальной; горцы сохраняли свои вольности и продолжали жить родовыми общинами.

Взаимоотношения албанских княжеств являли собой типичную картину феодальной анархии.[16] В процессе непрерывной междоусобной борьбы границы феодальных территорий редко оставались на длительное время устойчивыми. Сам период независимого существования этих территорий был относительно кратковременным, так как турецкое завоевание уже в XV в. положило конец политической самостоятельности албанских княжеских династий и внесло резкие изменения в распределение земельной собственности. Таким образом, в ранний период развития феодального общества в Албании (эпоха албанских принципатов) не могло создаться условий для образования и стабилизации дифференцированных диалектных единиц в пределах отдельных феодальных территорий.

Не создалось условий для изоляции территориальных диалектов и в последующий период существования феодального общества

---

[14] Анна Комнина. *Алексиада.* М., 1965, стр. 351; см. также: Historia e Shqipërisë, I, стр. 172.

[15] См.: там же, I, стр. 195.

[16] См.: там же, I, стр. 221 и сл.

в южной Албании. Турецкое завоевание принесло с собой военно-феодальную систему землевладения. Земельные наделы (тимары), раздававшиеся султаном за службу в армии и в администрации, не были наследственными. При непостоянстве и изменчивости границ феодальных территорий, как крупных, так и мелких, естественно, также не создавалось предпосылок для диалектного обособления. Установленное турками административное деление земель на санджаки и каза́ преследовало в основном фискальные цели (сбор различного рода налогов) и не содействовало внутреннему экономическому и политическому объединению соответствующих областей. Тем самым оно также не могло явиться основой для диалектного членения.

Последующий процесс разложения военно-феодального турецкого режима, ясно обозначившийся уже во второй половине XVII в., был связан с созданием наследственного помещичьего землевладения (система чифтликов) и с превращением административных областей — санджаков в наследственные феодальные княжества — пашалыки. Все это имело своим следствием усиление феодальной анархии, достигавшей высшего предела в XVIII в. В беспрерывных распрях и войнах, которые вели между собой южноалбанские феодалы — властители пашалыков, границы подвластных им территорий смещались, изменялись. Языковые же отношения внутри диалектного ареала продолжали развиваться независимо от политических междоусобиц. Развитие их шло не по пути выделения обособленных мелких диалектных единиц в границах тех или иных непрочных феодальных образований, но в соответствии с общими тенденциями распространения и укрепления экономических и культурных связей между отдельными областями, как отражение прогрессивных явлений в жизни албанского общества, пробивавшихся сквозь завалы многовековой отсталости и инертности феодального строя.

Серьезный удар по феодальной анархии, царившей в южной Албании, был нанесен в конце XVIII—начале XIX в. правителем полунезависимого Янинского пашалыка — Али-Пашей Тепеленским. Годы власти этого политического деятеля (1785—1822) были историей постепенного собирания в единое государственное целое земель южной Албании и Эпира. Али-Паша осуществлял эту задачу путем последовательной и беспощадной борьбы со своими соперниками — крупными и средними феодалами, а также путем ликвидации сохранявшихся еще кое-где остатков старинных вольностей, связанных с пережитками общинного строя (кровавые расправы над горцами-сулиотами и жителями Химары).[17]

---

[17] См.: Historia e Shqipërisë, I, стр. 433 и сл. Специально о периоде правления Али-Паши см.: Г. Л. А р ш. Албания и Эпир в конце XVIII—начале XIX в. М., 1963.

Другой стороной политики, проводившейся Али-Пашей, была борьба его против власти султана, стремление создать независимую абсолютную монархию, объединявшую земли южной Албании и частично Греции, но с опорой на албанское население.

При всей жестокости методов борьбы, применявшихся Али-Пашей, политика его внутри созданного им государства имела некоторые объективно положительные моменты: ликвидация феодальной раздробленности и анархии, известное упорядочение управления, очищение дорог от разбойников и тем самым обеспечение безопасности передвижения по стране, что было важно для развития торговли, улучшение положения христианского населения и пр.[18] Такая политика несомненно должна была благоприятствовать также развитию процессов языковой конвергенции во всей южноалбанской диалектной области, входившей в состав государства Али-Паши. Можно полагать, что период объединения южноалбанских земель под властью этого правителя сыграл роль в ускорении упомянутых процессов.

Известное влияние на распределение диалектных отношений внутри южноалбанского ареала могли оказывать широко практиковавшиеся всемогущим визирем насильственные перемещения значительных групп населения из одних областей в другие. Такие меры должны были, конечно, нарушать стабильность сложившихся ранее диалектных связей и создавать новые языковые ситуации в соответствующих районах.

После поражения Али-Паши в борьбе с центральным правительством Турецкой империи в его бывших владениях уже не восстанавливались ликвидированные им наследственные пашалыки и неограниченная власть крупных и средних албанских феодалов. Была продолжена политика репрессий по отношению к представителям старых феодальных династий, проявлявшим сепаратистские тенденции. Проводившиеся турецким правительством в XIX в. меры по централизации административного управления и сосредоточению его в руках турецких чиновников были направлены против центробежных тенденций, действовавших в различных слоях общества порабощенных Турцией стран. В Албании вплоть до 1944 г. продолжало существовать крупнопоместное землевладение. Но никакого, даже кратковременного, политического и экономического обособления территорий оно не создавало. На развитие диалектных отношений система чифтликов, существовавшая в XIX и первой половине XX в., могла оказать еще меньше влияния, чем неустойчивые в границах пашалыки XVII—XVIII вв.

В целом можно признать, что феодальный строй в Албании в силу специфических условий своего развития не благоприят-

---

[18] См.: Г. Л. Арш, И. Г. Сенкевич, Н. Д. Смирнова. Краткая история Албании. М., 1965, стр. 65.

ствовал развитию процесса диалектной дифференциации. Особенно отчетливо это проявилось в южной части страны, где вообще не создалось обособленных диалектных единиц с определенно выраженными границами.

Относительное единообразие диалектного типа, характерное для всего южноалбанского ареала, дает основания усматривать не только вызванную социально-историческими условиями инертность тенденций к дифференциации, но и активность действия процессов конвергенции. Эти процессы в основном получили развитие в период заметного оживления экономической жизни страны в XVII—XVIII вв., ознаменовавшийся ростом городов, расширением ремесленного производства и торговли. Они были непосредственно связаны прежде всего именно с ростом городов и с распространением их влияния на окружающие сельские краины, с расширением экономических и культурных отношений между отдельными городами и областями. В южной Албании, с ее относительно густой сетью поселений городского и полугородского типа, тенденции к унификации речи проявились в особенно заметной степени. В дальнейшем (в XIX и XX вв.) процесс конвергенции продолжал развиваться.

Общий тезис о связи этого процесса с ростом городов и их значения может получить известную наглядность, если мы представим себе, каким образом вся территория южной части страны в турецкий период распределялась по сферам влияния нескольких относительно [19] крупных городов, между которыми располагались довольно многочисленные мелкие городки и большие деревни. Так, на западе южноалбанского ареала первое место занимал Берат, город с большими торговыми связями,[20] сфера не-

---

[19] Ясно, что по количеству населения величина этих городов может быть названа лишь относительно большой. Так, в начале XIX в., согласно данным, собранным в монографии Г. Л. Арша (Албания и Эпир, стр. 59—60), количество населения Берата исчислялось (с колебаниями в оценке) от 7—8 до 15 тысяч; население Гьирокастры составляло 12 тысяч, Дельвины — 8 тысяч, Либоховы — 6 тысяч, Корчи — 6.5 тысяч, Влоры — 4—5 тысяч. В период расцвета Воскопои (середина XVIII в.) количество населения этого города, согласно легендам, доходило до 60 000 (см.: G. W e i g a n d. Die Aromunen, стр. 100), что, конечно, вряд ли могло соответствовать действительности. Албанские историки определяют максимальное количество населения Воскопои (в XVIII в.) в 15 000 (см.: Historia e Shqipërisë, I, стр. 407). К началу XX в. население Берата насчитывало 10 тысяч человек (см.: C. P a t s c h. Das Sandschak Berat in Albanien. Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abt., III, Wien, 1904, стр. 129), Корчи — 12 тысяч (G. W e i g a n d. Die Aromunen, стр. 107). Однако для такой маленькой страны, как Албания, притом в условиях турецкого владычества на Балканах, город с десятитысячным населением, конечно, должен был считаться относительно крупным.

[20] См.: Historia e Shqipërisë, I, стр. 407.

посредственного влияния которого охватывала приморскую равнину Мюзеке́ (Myzeqé), холмистую область Малакастры и значительную часть горных краин северной Тоскерии. В сферу влияния Берата частично входил лежащий к югу от Мюзеке город Влора (Vlora), служивший (наряду с Дурресом) гаванью для бератских купцов.[21] Наиболее значительным городом юго-западных албанских краин была Гьирокастра (Gjirokastra) — центр обширной области бассейна Вийосы (в ее верхнем и среднем течении) с притоками. К этой области примыкала и зона морского побережья к югу от Влоры. В восточной части ареала в XVII—XVIII вв. очень большое значение имел город Воскопоя (Voskopojë, или Μοσχόπολις), который до его разрушения (в 1769 г.) был одним из крупных торговых и культурных центров Балканского полуострова. В XVIII—XIX вв. выросла и распространила сферу своего экономического и культурного влияния Корча, расположенная посреди плодородной котловины в юго-восточной части страны, на пути из приморских областей в Македонию.

Центрами локального значения были города Тепелена (Tepelenë), Дельвина (Delvinë), Пермет (Permet), Либохова (Libohovë), Виткукь (Vithkuq), Кардик (Kardik), Погониан (Pogonian) и многие большие селения, в числе которых могут быть названы Фрашер (Frashër), Эрсека (Ersekë), Лесковик (Leskovik), Кельцюра (Këlcyrë), Лябова (Labovë), Прогонат (Progonat), Химара (Himarë), Дерми (Dhermi), Вуно (Vuno), Билишт (Bilisht), Хочишт (Hoçisht), Грабова (Grabovë) и др. Также чамерийские центры: Кониспооль (Konispol), Парамитья (Παραμυθία), Филиате (Φιλιάται), Игуменица (Ἡγουμένιτσα) и др.

В облике городов с собственно албанскими чертами характерно сочетались черты «ориентального урбанизма»[22] и греко-византийские влияния. Это ярко выражалось в типах построек, внутреннем убранстве домов, во всем бытовом укладе, а также в формах организации общественной и культурной жизни. Мусульманские мечети, молельни дервишей, христианские церкви византийского стиля, жилые дома македонского и средиземноморского типов, мрачные дома-крепости феодалов, основу планировки которых составляли башни горцев (кулы), приспособленные к городским условиям,[23] узкие улицы, мощенные неровными плитами, множество мелких лавочек и ремесленных мастерских в торговых кварталах, многолюдие постоялых дворов-ха-

[21] J. G. Hahn. Albanesische Studien, I. Jena, 1854, стр. 61.

[22] См. этот термин у М. Будимира и П. Скока (M. Budimir et P. Skok. But et signification des études balkaniques. Revue Internationale des Études Balkaniques, t. I, Beograd, 1934, стр. 6).

[23] Этот тип построек был характерен особенно для Гьирокастры, где на скалистых холмах, пересеченных глубокими оврагами, богатые беи, пребывавшие в состоянии непрерывных междоусобиц, воздвигали свои хорошо укрепленные городские дома, имевшие в нижних этажах бойницы вместо окон.

нов, кофейни, игравшие роль клубов, пестрота форм национальной одежды, особенно по базарным дням, когда города наполнялись крестьянами из ближних и далеких краин, традиционный быт мелкой городской буржуазии, со строго регламентированными законами и обычаями семейных обрядов и празднеств, с детально разработанным неписаным кодексом норм поведения в различных ситуациях — все это определяло специфический для Балканского полуострова стиль городской жизни,[24] неуклонно распространявший свое влияние также на жизненный уклад жителей сельских мест.

Население городов состояло из ремесленников, торговцев, духовенства (мусульманского и православно-христианского), а также феодальной аристократии, жившей в окружении многочисленной челяди и державшей при себе вооруженные отряды. Часть жителей, особенно в маленьких городках, не порывала связей с сельским хозяйством.[25] Богатое купечество Берата, Воскопои, Корчи имело широкие коммерческие связи со странами Европы и Ближнего Востока,[26] что несомненно отражалось на уровне жизни определенной части населения этих городов. Однако для понимания определяющих причин и характера процесса языковой унификации, совершавшегося в южной Албании в XVII—XIX вв., прежде всего важен такой фактор, как развитие внутренних рынков, активизация отношений между городом и деревней, а также связей между отдельными областями. Оживленные базары, регулярно собиравшиеся как в больших городах, так и в мелких локальных центрах, захватывали в сферу своего влияния все краины южной части страны и были местами постоянных скоплений населения различных общественных слоев, в том числе больших количеств крестьян из равнинных и горных деревень.

Важную роль в экономической и общественной жизни городов играли ремесленники, объединявшиеся в эснафы — цеховые организации средневекового типа, со строгим социальным членением по категориям: мастера (ustallarë), подмастерья (kallfë), ученики (çirakë). Возможность вступления в тот или иной эснаф, как обычно на Балканах, определялась религиозной принадлежностью. Различались мусульманские и христианские эснафы. Вокруг христианских эснафов концентрировалась в основном вся общественная и культурная жизнь православного населения

---

[24] Многие черты этого городского быта сохраняются в Албании и доныне.

[25] См.: Historia e Shqipërisë, I, стр. 409.

[26] Г. Л. Арш, И. Г. Сенкевич, И. Д. Смирнова. Краткая история Албании, стр. 48 и сл.; Z. Shkodra. Zhvillimi i tregëtisë në Shqipni në shekullin e XIX-të, Bul. Shk. Shoq., 1955, № 1, стр. 66 и сл. Подробно о международных торговых связях южноалбанских городов в первой половине XIX в. см.: I. G. Hahn. Albanesische Studien, I, стр. 54—62.

южной Албании. Мусульманские эснафы были, как и в городах южногегской зоны (в Эльбасане, Тиране и др.), обычно связаны с дервишскими сектами,[27] оказывавшими сильнейшее влияние на всю их организацию. По образцу обрядов соответствующих сект совершался строго регламентированный ритуал посвящения в члены эснафа (testirllëk). В общественном быту ремесленного сословия значительное место занимала своеобразная форма возрастного и социального объединения — «общины бекяров» (tajfat e beqarëve), т. е. «общины неженатых юношей» (тур. bekâr 'неженатый'),[28] которые составлялись из подмастерьев (kallfët). Эти общины имели свой устав, общее жилье и образовывали вооруженные отряды (çetat e beqarëve), задачей которых была охрана порядка в городе. Специфической формой общения членов эснафов были коллективные трапезы праздничного характера, устраивавшиеся за городом, на лоне природы, так называемые тефериджи (тур. teferrüç 'гуляние, развлечение'). Вообще жизнь албанских городов создавала немало ситуаций, благоприятных для развертывания общественной коммуникации, как в пределах отдельных кварталов (lagje, mëhallë), так и более широкого характера. Сюда относились встречи женщин у фонтанов, в квартальных кухнях, встречи в церквях, в мечетях, на религиозных собраниях бекташей и других дервишских сект, на многолюдных свадьбах и похоронах и т. п.

Все это не могло не содействовать укреплению и расширению связей, в которые вовлекались значительные массы населения и тем самым стимулировался процесс унификации речевых форм не только внутри городов, но и в пределах примыкавших к ним более или менее обширных краин и целых областей. Говоря о связях городского населения с жителями ближних и дальних деревень, следует иметь в виду не только экономические связи, о чем уже была речь выше, но также отношения родства и свойства, искони игравшие большую роль в характерном для жизни албанцев патриархальном укладе. Несмотря на специфические формы городского быта, связанные в основном с организацией эснафов и с торговлей, патриархальные традиции деревни неизменно оказывали сильнейшее влияние на жизнь горожан.

Картина отношений, установившихся с давних пор между городами и сельскими местностями южной Албании, дополняется также следующим характерным фактом: в некоторых областях этой части страны многие деревни имеют облик маленьких городков.[29] В краинах Девола, Колоньи (к востоку и югу от Корчи), в различных краинах области Гьирокастры, на побережье Химары и в других местах отдельные селения имеют до нескольких

[27] См.: Z. Shkodra. Problemi i kallfës në sistemin e esnafëve shqiptare. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1963, № 1, стр. 84.

[28] Там же, стр. 75.

[29] Ср.: M. Urban. Die Siedlungen Südalbaniens, стр. 181.

сот каменных двухэтажных домов, вплотную примыкающих друг к другу и поднимающихся амфитеатром по холму или склону горы. Домашняя обстановка и быт жителей таких селений мало отличаются от городского уровня и вообще провести грань между большой деревней и маленьким городом в южной Албании обычно бывает довольно трудно. Албанский краевед, описывая состояние краины Химара в 30-х годах XX в., отмечает, что в деревнях этого района «дома собраны вместе наподобие города».[30] В частности, «деревня Дерми (Dhermi) со своими двухэтажными чистыми домами выглядит как маленький современный городок; точно так же и деревня Вунó (Vunó) имеет, как и Дерми, чистые и прекрасно обставленные дома». [31] Полугородской облик деревень в некоторых районах южной Албании и относительно высокий уровень жизни их обитателей отмечались путешественниками начала XIX в. Так, Пукевиль, посетив селение Хочишт (Hoçisht) в краине Девола, был поражен видом чистого и зажиточного городка, имевшего «базар, украшенный прекрасными лавками» («le bazard orné de belles boutiques») и хорошо построенные дома.[32] Дж. Гобгауз, проезжая вместе с Байроном долину Гьирокастры, отметил благоустроенность христианской деревни Кесарат (Qesarat).[33] Конечно, это не было общей для всей южной Албании картиной. Иной облик имели деревни равнины Мюзеке и других районов, где получило развитие помещичье землевладение (система чифтликов). Однако во многих горных районах этой части страны сельские поселения полугородского облика были, по-видимому, обычным явлением издавна. В середине XIX в. И. Г. Хан совершенно справедливо указал на связь этого примечательного факта с таким социальным явлением, как курбет — отхожие промыслы, которыми в большинстве занималась мужская часть населения горных деревень южной Албании.[34] В упомянутом выше описании Химары указывается, что жители этой горной краины принуждены были временно эмигрировать в поисках работы и что по возвращении на родину они первым делом выплачивали долги, сделанные семьей в их отсутствие, а затем старались выстроить как можно более красивые дома.[35]

Конечно, далеко не все малоземельные крестьяне горных албанских деревень, отправлявшиеся в курбет, чтобы спасти себя и своих близких от тяжелой нужды, достигали относительного благосостояния. Есть достаточно данных, красноречиво свидетельствующих о процессе обнищания албанской деревни в условиях развития товарно-денежных отношений в отсталой фео-

---

[30] Gj. Kola. Himara. Hylli i Dritës, 1939, стр. 324.
[31] Там же, стр. 422.
[32] F. Pouqueville. Voyage dans la Grèce, II. Paris, 1820, стр. 420.
[33] J. C. Hobhouse. A Journey through Albania, стр. 100.
[34] J. G. Hahn. Albanesische Studien, I, стр. 43.
[35] Gj. Kola. Himara, стр. 418.

дальной стране.[36] Однако высокий профессиональный уровень ремесленного мастерства, которым славились в обширных пределах Турецкой империи жители многих горных албанских деревень,[37] несомненно содействовал тому, что такие деревни уже начиная с XVII—XVIII вв. постепенно превращались в поселки полугородского типа. Соответственно и образ жизни их обитателей преобразовывался в связи с опытом, приобретавшимся во время дальних странствий и длительного пребывания в городах. Вместе с формами городского быта из этих странствий в деревни приносились унифицированные формы речи, отрабатывавшиеся и усваивавшиеся в процессе общения с соотечественниками из других краин.

Осуществлению процесса языковой унификации содействовали также некоторые явления из области культуры. Прежде всего следует обратить внимание на общность традиций фольклора, не раз отмечавшуюся исследователями устной народной поэзии южной Албании.[38] При этом особый интерес в связи с проблемой развития языковой общности имеет не столько единство сюжетов, сколько непосредственное тождество текстов и постоянных словесных формул. Особого внимания заслуживает тот факт, что постоянство словесных формул обнаруживается не только при исполнении произведений таких жанров, как сказка, песня, пословица, загадка, но также и при исполнении разного рода ритуалов, относящихся к семейным обрядам (сватовство, свадьба, рождение ребенка, похороны) и к различным другим ситуациям социального характера (прием гостя, встреча в пути, примирение враждующих и т. п.).

В таких приподнятых над уровнем бытовой повседневной речи типах коммуникации, требовавших внимательного и бережного отношения к произносимым словам, создавались особо благоприятные условия для устранения особенностей местного говора и выработки единых норм устной койне.

---

[36] См.: Historia e Shqipërisë, I, стр. 391. С поразительной художественной силой *этот процесс отображен в стихотворениях* Хасана Зюко Камбери, выдающегося албанского поэта, жившего на рубеже XVIII и XIX в.

[37] Так, например, жители горной краины Люнджерия (к востоку от Гьирокастры) и нескольких деревень района Тепелены издавна славились как искусные строители водопроводных сооружений (фонтаны, акведуки). Мастерство это передавалось от отца к сыну. Люнджериоты обладали привилегией строить фонтаны в столице Турецкой империи Константинополе. Привилегия была утверждена специальными ферманами (см.: F. Pouqueville. Voyage dans la Grèce, I, стр. 347 и сл.; J. G. Hahn. Albanesische Studien, I, стр. 42).

[38] Q. Haxhihasani. 1) Kërkime dhe vëzhgime folklorike në rrethin e Permetit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1959, № 2, стр. 122; 2) Ekspedita folklorike e Kolonjës. Bul. Shk. Shoq., 1956, № 1, стр. 203; A. Fico. Kërkime folklorike në krahinën e Zagorisë. Bul. Univ., Ser Shk. Shoq., 1961, № 2, стр. 134.

С устным народно-поэтическим творчеством в южной Албании была близко связана деятельность поэтов-бейтеджей, особенно развернувшаяся в XVIII в. Поэты из мусульманской среды сочиняли на родном языке стихотворения лирического жанра (любовная и социальная лирика) в стилевых традициях восточной поэзии, употребляя при этом в большом количестве ориентальную лексику (арабскую, персидскую, турецкую). В творчестве лучших представителей этого направления сказывалось также влияние стилистических особенностей албанской народной поэзии, и произведения их пользовались большой популярностью в мусульманской среде, особенно в городах. Многие стихотворения, сочиненные поэтами-бейтеджи, стали народными песнями и дошли до нас без имени авторов. В процессе языкового объединения, совершавшегося в пределах южноалбанской диалектной области, творчество таких выдающихся поэтов, как Незим Фракула из Берата, Хасан Зюко Камбери из краины Колонья, распространявшееся в устном исполнении и хорошо известное в народе, должно было, вероятно, сыграть свою роль.

Из области явлений культурного порядка, содействовавших развитию процесса языковой унификации на южноалбанской территории, следует учитывать также связи, устанавливавшиеся между членами одной религиозной общины, жившими в разных городах и областях. Так, православные христиане, составлявшие немалую часть торгово-ремесленного населения таких городов, как Корча, Берат, Гьирокастра, объединялись не только общей принадлежностью к политически бесправной в Турецкой империи группе «райя», но и более близкими связями экономического, культурного, а также семейно-свойственного характера. Православные жители сельских мест, встречаясь с единоверцами в городах и в курбете, устанавливали с ними преимущественные контакты, исходя при этом не столько из религиозных убеждений, сколько из сложившейся общности обычаев и норм бытового характера.

Для албанских мусульман каноническое магометанство с его чужим для народа арабским языком, конечно, не могло быть действенным фактором для процесса языковой унификации. Однако деятельность дервишских сект и особенно наиболее распространенной в Албании секты бекташей, вероятно, могла в некоторой степени содействовать развитию этого процесса. Принадлежность к этой секте среди мусульман центральной и южной Албании издавна приобрела почти массовый характер, в особенности в некоторых краинах Тоскерии (Малакастра, Фрашер, Тепелена, Гьирокастра).[39] Ориентация бекташизма на народность и общедо-

[39] По свидетельству К. Пача (начало XX в.), «к либеральной секте бекташей» принадлежала почти вся Малакастра е Эгер (Mallakastra e Egër) (C. P a t s c h. Das Sandschak Berat, стр. 117). Ср. также сообщение Ибрагима-Манзура, относящееся к началу XIX в.: «Очень большая часть тоск-

ступность религиозной пропаганды, притом с использованием родной речи населения,[40] среди которого эта пропаганда велась, у албанских бекташей выразилась в создании религиозной литературы на албанском языке.[41] Не случайно это произошло в первой половине XIX в. — в эпоху, когда в албанском народе начали созревать элементы национального самосознания. Проповедь бекташистского вероучения, проводившаяся на родном языке среди довольно широких кругов албанских мусульман, вероятно, уже в XVII—XVIII вв.[42] через посредство целой сети религиозных центров — teqé (тур. tekke 'обитель дервишей'), особенно многочисленных в южной Албании, без сомнения должна учитываться как один из факторов, способствовавших развитию явлений языковой конвергенции.

Позднее, уже во второй половине XIX в., когда в Албании развернулось национально-освободительное движение, естественно, возникли новые, более значимые для народа объединяющие моменты культурного порядка, и стремление к языковому единству стало одним из важных лозунгов в борьбе за национальное самоопределение. Однако для предшествующих эпох факторы, способствовавшие хотя бы частичной унификации языка в пределах более или менее обширного ареала, каковым является южная часть страны, сыграли свою положительную роль.

В результате процесса языковой конвергенции, получившего развитие на южноалбанской территории в XVII—XIX вв. благодаря более благоприятным в этой части страны социально-экономическим условиям, сложилось относительное языковое единство, отчетливо наблюдаемое в настоящее время. Это единство послужило в конце XIX—начале XX в. основой для быстрого достижения успехов в создании южноалбанской формы литературного языка. Однако этот процесс не привел к унификации языка албанской народности в целом, так как в условиях многовекового турецкого владычества связи южной и северной частей страны были нарушены и развитие диалектных отношений в северной Албании шло своими особыми путями.

Процесс языковой конвергенции, развивавшийся в южной Албании в XVII—XIX вв., привел к образованию на этой территории народно-разговорной койне. Эта койне сложилась в пределах одной большой диалектной области, однако с рядом локальных вариантов, обусловленных географическим и экономическим членением этой части страны.

ских мусульман следует секте Али, зятя Магомета» (I b r a h i m - M a n z o u r - E f e n d i. Mémoires sur la Grece et l'Albanie pendant le gouvernement d'Ali-Pacha. Paris, 1827, стр. XVIII).

[40] См.: J. K. B i r g e. The Bektashi Order of Dervishes. Hartford, 1937, стр. 16.

[41] O. M y d e r r i z i. Letërsia fetare e bektashive. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 3.

[42] J. K. B i r g e. The Bektashi Order of Dervisches, стр. 70 и сл.

В отличие от основной части гегской диалектной территории, южноалбанский ареал характеризуется исторически менее однородным составом населения. И в настоящее время имеющиеся в Албании национальные меньшинства проживают главным образом в южной части страны. В прошлом количество неалбанского населения в Албании вообще, а на юге в особенности было значительно бо́льшим.

Процессы языковой ассимиляции, происходившие на протяжении веков в первоначально двуязычной славяно-албанской среде, привели к полному исчезновению славянской речи, и потомки бывших славян, некогда проживавших во многих внутренних областях страны, давно уже превратились в албанцев. В южной Албании ныне существует лишь несколько македонских сел в области Корчи (южнее города, а также в районе озера Преспы, непосредственно граничащем с Македонией).[43]

Количество влахов, говорящих на аромунском языке, сократилось за период с конца XIX в., когда, по подсчетам Г. Вейганда, оно составляло примерно от 15 до 18 тысяч.[44] По переписи 1955 г., в Албании было зарегистрировано только 5 тысяч влахов. Правда, предполагается, что некоторые оседлые влахи, в сильнейшей степени захваченные процессом ассимиляции, зарегистрировали себя во время переписи албанцами.[45] Кочующие влахи-скотоводы еще полностью сохраняют свою этническую специфику; все они, однако, двуязычны. Оседлые влахи проживают главным образом в городах — Корче, Берате, Фиери, Тиране, Эльбасане и др. Они также составляют население некоторых деревень в приморской области Мюзеке и на востоке южноалбанской территории (к западу и северо-западу от Корчи). Влахи-фаршериоты, продолжающие заниматься кочевым скотоводством, летом пасут стада на горных лугах юго-восточной Албании, а к зиме перегоняют их на низинные земли вдоль побережья Ионического моря.

Наиболее устойчивым и компактным является греческое национальное меньшинство, проживающее на юго-западе Албании — в районах Саранды и Дельвины, а также в области Гьирокастры (краины Дропул и Погон). По переписи 1955 г. количество греков в Албании превышало 35 000.[46] Это национальное меньшинство получает школьное обучение на родном языке и для него издается газета в г. Гьирокастре.

В связи с исторической диалектологией албанского языка сложность этнического состава южной Албании ставит ряд интересных проблем, пока еще в сущности не затронутых исследованием.

---

[43] См.: Народы зарубежной Европы, I, стр. 516.
[44] См.: G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 288 и сл.
[45] См.: Народы зарубежной Европы, I, стр. 516.
[46] См.: там же.

Характерные формы двуязычия можно наблюдать в районах с греческим населением, где грекоязычные деревни большей частью территориально перемежаются с албаноязычными (иногда это различие сопровождается религиозным моментом: греки — православные христиане, албанцы — магометане). В последние десятилетия престиж албанского языка в среде греческого национального меньшинства, без сомнения, очень возрос. Можно предполагать, что преобладающая масса албанских греков, во всяком случае молодое поколение, владеет албанским языком наравне с греческим.[47] В прошлом среди православных албанцев указанных районов сильно распространялся греческий язык, что поддерживалось большой активностью греческой церкви, содействовавшей, с опорой на грекофильски настроенные буржуазные круги, созданию греческих школ для албанцев. В некоторых случаях имели место процессы языковой ассимиляции албанского населения, полностью переходившего на греческий язык. Факты подобной ассимиляции засвидетельствованы, в частности, в краине Химара. Из общего числа семи поселений, входящих в состав этой краины, три — Паласа (Palasa), Дерми́ (Dhermi) и Химара (Himara) — грекоязычны: четыре остальных — Вуно́ (Vunó), Пилюр (Piluri), Кепаро (Qeparo) и Ку́дес (Kýdhësi) — албаноязычны.[48] Как сообщается в краеведческом описании краины Химара, относящемся к 20-м годам нашего века, население указанных грекоязычных деревень по своему происхождению является албанцами. Об этом свидетельствует специфически албанский характер некоторых обычаев, исполнение похоронных причитаний на албанском языке, давние отношения свойства с албанцами-мусульманами горной краины Курвелеш (Kurvelesh). Отмечается также широкое употребление албанской лексики в греческой речи обитателей этих поселений (до 40%).[49] Интересны приводимые автором образцы бытовой речи, поражающие макароническим смешением элементов греческого и албанского языков, например: Parto to gomari e lidhe sto huni (по-албански: Mérre gomarin e lidhe te huni 'Возьми осла и привяжи его к столбу'); Të vej ste dhjavolo aj qen birë qenit ('Пусть идет к черту этот собака — собачий сын!').[50] Гьето Коля предполагает, что грецизация албанцев Паласы, Дерми и Химары произошла относительно поздно, под влиянием греческой церковной пропаганды и школьного обучения на греческом языке, существовавшего в этом районе при турецком владычестве.[51] В подтверждение наблюдений албанского краеведа, относящихся, как он указал,

---

[47] Однако еще в 1956 г. я встретила в Дельвине молодых гречанок из горных деревень, которые не говорили по-албански.

[48] Gj. K o l a. Himara. Hylli i Dritës, 1939, стр. 352.

[49] Там же.

[50] Там же, стр. 579.

[51] Там же, стр. 352.

к 20-м годам нашего века, может быть приведен следующий факт: во время моего посещения Дерми в 1956 г. пожилая жительница этого селения сказала мне: «Jemi shqiptarë, por flasim greqishtare» ('Мы албанцы, но говорим по-гречески'). В отношении остальных деревень района Химары (Вуно, Пилюр, Кепаро, Кудес) Г. Коля особо подчеркнул чистоту албанской речи их жителей.

Возможно, что и в других районах юго-западной Албании часть населения грекоязычных деревень составляют грецизованные албанцы. Подобного рода ассимиляционные процессы были частым явлением в истории сложения лингвистической карты Балканского полуострова и их изучение несомненно должно представлять интерес в плане диалектологии каждого из балканских языков. Трудно сказать, в какой мере греко-албанские языковые контакты отразились на фонетической системе и грамматическом строе албанской диалектной речи юго-западных районов страны. Вопрос этот совсем не изучен. Мало исследован также вопрос о новогреческих элементах в южноалбанской диалектной лексике. Тем не менее предварительный ответ на последний вопрос не составляет особого труда, так как количество новогреческих слов в речи албанского населения Эпира вообще довольно велико.

Одной из интересных проблем этнической и лингвистической истории Албании являются отношения албанцев с влахами (аромунами, ср. алб. vllah, мн. vllehë). Как уже упоминалось, количество влахов на албанской территории в прошлом было гораздо более значительно, чем теперь. Некогда все албанские влахи занимались скотоводством отгонного типа и вели в основном кочевой образ жизни. Областью их преимущественного распространения были горы юго-восточной Албании. В частности, с местностью Фрашер (краина Дангелы — Dangëlli — к юго-западу от Корчи) связано название одной из влашских этнических групп — фрашериотов,[52] которых в Греции называют «арванитовлахами», т. е. албанскими влахами.[53] Фрашериоты наиболее устойчиво сохраняют традиционные формы хозяйства и быта. Одним из основных районов их распространения являются горы Грамоса. Старейшие центры распространения другой этнической группы, так называемых карагуни (носителей черной гуны, аром. guna, алб. gunë 'толстый шерстяной плащ') сосредоточивались в горных районах к западу и северо-западу от Корчи. По-видимому, уже довольно давно, несколько столетий назад, кочевавшие в Албании влахи стали создавать оседлые поселения.[54] К числу наиболее значительных относились Шиписка (Shipiska), количество жителей которой в прошлом, согласно преданиям, достигало 6 тысяч, Лэнга (Llënga), Николица и др. Это были зажиточные села

---

[52] G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 275.
[53] Там же, стр. 110.
[54] Народы зарубежной Европы, I, стр. 516.

с каменными домами, располагавшиеся в горах. Довольно много небольших влашских деревень образовалось на приморской равнине Мюзеке, где частично оседали кочевые скотоводы-фрашериоты, приходившие со стадами на зимовье и остававшиеся работать на землях помещиков (çiftlikë). По свидетельству Г. Вейганда, в конце XIX в. на равнине Мюзеке существовало 38 влашских (аромунских) деревень с общим количеством жителей от 5 до 8 тысяч, живших в большой бедности.[55] Переход к оседлости, вероятно, должен был сопровождаться усилением контактов с окружающим албанским населением. Характерно, что отношения влахов с албанцами всегда были дружественными, о чем красноречиво говорит записанная Вейгандом албанская поговорка: «Vlach edhe Shkjip vla» — 'Влах и албанец — братья'.[56] Некоторая часть влахов в Албании, по-видимому, уже с давних пор стала переходить к торговой и ремесленной деятельности, поселяясь в городах. Известно, что в XVIII в. в период расцвета города Воскопоя (Voskopojë, Μοσχόπολις) значительную часть его жителей составляли влахи. В некоторых городах южной и центральной Албании (Берат, Корча, Влора, Эльбасан) влахи имели свои отдельные кварталы. Так, по данным Г. Вейганда, в конце XIX в. в Берате количество влахов доходило до 3000 (более 500 домов), причем заречный квартал Горица целиком принадлежал им.[57] В Корче жило 130 влашских семей.[58] Один из центров краины Мюзеке — город Фиер (Fier, аром. Feárica) в конце XIX в. был заселен почти исключительно влахами (180 домов), перебравшимися туда из Воскопои после ее неоднократных разрушений.[59]

За полустолетие, прошедшее со времени наблюдений Вейганда, влахи, находившиеся в условиях городской жизни в постоянном контакте с албанцами, в сильной мере ассимилировались. Особенно интенсивно этот процесс протекал в последние десятилетия. По сообщению П. Нееску, проводившего свои наблюдения в 1959—1960 гг., в городах Влора и Фиер дети влашских семей уже не знают аромунского языка. Более устойчиво язык сохраняется в деревнях с преобладающим влашским населением и, в особенности у влахов, продолжающих вести кочевой образ жизни. Как указывает П. Нееску, дети кочевых влахов, как и дети во влашских (преимущественно) деревнях, начинают знакомиться с албанским языком лишь в школе.[60]

---

[55] См.: G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 87.

[56] Там же, стр. 110.

[57] См.: там же, стр. 81, 291.

[58] См.: там же, стр. 109.

[59] См.: там же, стр. 83 и сл., также стр. 289. К. Пач характеризовал городок Фиери как «центр влахов Мюзеке» (C. Patsch. Das Sandschak Berat, стр. 140).

[60] См.: P. Neiescu. Recherches dialectales chez les roumains sud-danubiens. Revue Roumaine de Linguistique, т. X, № 1—3, 1963, стр. 231. В 1956 г. мне довелось встретиться с группой кочевых влахов в горах южной

Исторически вероятным можно считать предположение о том, что известная часть албанского населения городов на юге и в центре страны, а также часть (сравнительно небольшая) сельского населения, в частности в крайне Мюзеке, где влахов было больше, чем в других районах, по происхождению являются албанизованными влахами. По-видимому, при диалектологическом изучении южноалбанской территории такое предположение следует учитывать. Однако, имея в виду рассеянность островков аромунской речи, относительно небольшое количество влахов, ассимилировавшихся окружающей албаноязычной среде, а также сравнительно позднюю датировку этого процесса, вряд ли можно надеяться обнаружить следы влияния фонетических и грамматических особенностей аромунского языка на фонетическую систему и грамматический строй соответствующих албанских говоров. Что касается словаря, то здесь, вероятно, при углубленном изучении локальных вариантов южноалбанского диалекта, обнаружатся отдельные лексические элементы, воспринятые от влахов. Наиболее вероятной сферой проявления влияния речи иноязычного населения (в данном случае влашского) на развитие албанского языка в его диалектных формах, как кажется, можно было бы считать сильное распространение явлений грамматической аналогии. Это могло происходить благодаря тому, что в период двуязычия система народного языка усваивалась в несколько упрощенном и грамматически схематизованном виде. В этом отношении языковая ассимиляция влахов способствовала продолжению подобного рода явлений, развивающихся в более широких масштабах на протяжении ряда веков, в течение которых совершался процесс ассимиляции славянского населения на территории Албании.

Вопрос о длительных албано-славянских языковых контактах принадлежит к числу важных и сложных проблем албановедения. Начало этих контактов восходит к эпохе расселения южнославянских племен на Балканском полуострове (VI—VII вв. н. э.). И на албанских землях поселилось большое количество славян, о чем свидетельствует топонимика Албании, полная славянских названий деревень, а также различных элементов местного ландшафта (названия гор, холмов, малых рек, потоков и пр.).[61] В своем исследовании о славянах в Албании А. М. Селищев выявил более тысячи славянских топонимов на албанской территории. Если исключить из составленного им списка некоторые этимологии, признав их неверными или спорными, тем не менее следует учитывать, что Селищев располагал далеко не полным материалом

Албании во время их перехода с летних пастбищ на зимние. Молодые девушки, с которыми я беседовала, хорошо говорили по-албански, но родным языком для них был аромунский.

[61] См.: А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931, стр. 203 и сл.

по албанской топонимике. Поэтому реальная цифра славянских названий, вероятно, должна превышать названную выше. Преобладающая часть топонимики славянского происхождения концентрируется на южноалбанской территории, располагаясь главным образом вдоль речных долин. Большие скопления славянских названий отмечаются в области верховьев Шкумбина, вдоль всего течения Девола, Осума, Вийосы (Vijosë). Особенной густоты скопления эти достигают в северной и юго-восточной частях южноалбанского ареала; относительно меньше славянских названий в юго-западной его части. По-видимому, количество славян, поселившихся на албанских землях, было очень велико. Период их расселения, вероятно, не ограничивался VI—VIII веками, но продолжался и позднее, особенно в эпоху распространения власти и влияния болгарского царства. А. М. Селищев убедительно доказал, что славянское население Албании принадлежало в основном к болгарской группе южного славянства. Сербские поселения были только на севере.[62]

Как уже говорилось выше, в заселенных славянами областях, которые составляли значительную часть южноалбанской территории, славяне и албанцы, вероятно, одновременно переживали процесс разложения родовых общин и становления феодального строя. В результате длившегося века совместного существования славянского населения с албанским, при котором должно было, по-видимому, происходить самое тесное объединение двух этнических элементов в составе территориальных сельских общин, сменивших общины родовые, осуществилось полное их слияние. После периода двуязычия, который, по мнению Селищева, продолжался в XIV—XV вв.,[63] славяне ассимилировались албанцам и сменили свой язык на албанский. Вероятно, этот процесс завершился не единовременно на всей территории. В некоторых районах славянская речь, по-видимому, сохранялась дольше, чем в других. Одним из районов длительной консервации славянской речи была краина Опар. Эта небольшая краина лежит среди гор юго-восточной Албании в области среднего течения Девола. В интересном документе начала XVI в., посвященном описанию владений и генеалогии одной из албанских княжеских династий,[64] сообщается, что местность Опар была населена славянами («il paese d'Opari ch'è habità de Schiavoni»).[65] По свидетельству В. М. Лика, в начале XIX в. в Опаре еще можно было слышать болгарскую речь.[66] Албанские этнографы, исследовавшие этот район, указывают, что славянское население сохранялось

[62] См.: там же, стр. 316 и сл.
[63] См.: там же, стр. 79.
[64] «Breve memoria de li discendenti di nostra casa Musachi» (C. H o p f. Chroniques Gréco-Romanes. Berlin, 1853).
[65] Там же, стр. 280.
[66] W. M. L e a k e. Travels in Northern Greece, I. London, 1835, стр. 347.

в нем несколько столетий назад в деревнях на правом берегу Девола.[67] Деревни эти прежде назывались Shqerí (от алб. shqa < *skla-, мн. shqe 'славянин'). Характерное название Shqeri 'Славянщина' носит также небольшая краина на юго-востоке албанской территории (южнее селения Лесковик).

Вопросы истории славянских поселений на территории Албании непосредственно связаны с проблемой формирования албанского этноса, в состав которого, как можно предполагать на основании лингвистических фактов, вошел частично южнославянский элемент. Вероятно, в различных частях албанского ареала соотношение албанского и славянского элементов было различным. В этом отношении, как свидетельствует топонимика, наиболее смешанным должно было быть население южной части страны, конечно, с известными количественными колебаниями по отдельным районам. Последнее обстоятельство должно представлять интерес для исторической диалектологии албанского языка.

Явственные следы ассимилированного славянства сохранились не только в топонимике Албании. Исчезнувшая славянская речь оставила свое наследие в виде большого количества лексических заимствований, вместе с которыми в албанский язык вошел и утвердился в нем также целый ряд специфически славянских суффиксов словообразования (именные суффиксы: *-kë*, *-çkë*, *-cë*, *-icë*, *-ec*, *aç*, *-ac*, *-ik*, *-nik*, *-ishte*, *-inë*; суффиксы глагольных основ: *-it*, *-at* — из славянских инфинитивных окончаний).

Славянские элементы албанской лексики, весьма важные для языка в количественном и качественном отношениях, давно уже стали предметом научного изучения.[68] В своем известном труде А. М. Селищев зарегистрировал свыше 600 албанских слов славянского происхождения. В настоящее время к ним добавилось еще более 120 ранее не отмечавшихся славизмов.[69] Когда будет завершена предпринятая албанскими языковедами полная инвентаризация словарного состава албанского языка (сбор диалектной лексики систематически проводится с помощью экспедиций), к списку, возможно, добавится еще ряд слов. Как список Селищева, так и дополнительные материалы показывают, что основная часть албанских слов славянского происхождения — это названия предметов, связанных с сельской жизнью. Среди них много

---

[67] A. George e Rr. Zojzi. Vështrim etnografik mbi krahinën e Oparit. Bul. Shk. Shoq., 1952, № 2, стр. 35.

[68] См.: Fr. Miklosich. Albanische Forschungen, I, Die slavischen Elemente im Albanischen. Denkschriften d. Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Kl., Bd. XIX, Wien, 1870; G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1899; А. М. Селищев. Славянское население в Албании; N. Joki. Slaven und Albaner. Slavia, XIII, Praha, 1934—1935.

[69] См.: А. В. Десницкая. Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963.

слов, относящихся к земледелию, скотоводству, деревенским ремеслам, а также слов, передающих особенности местных ландшафтов. Есть некоторое количество слов, обозначающих явления социальной жизни эпохи разложения родового строя и раннего этапа становления феодальных отношений. Кроме того, славянское происхождение имеют названия некоторых частей тела, некоторых явлений природы, птиц, насекомых и пр. Среди большого количества заимствованных слов немалое место занимают глаголы, значения которых имеют более или менее яркий оттенок эмоциональной оценки действия.

В связи с анализом славянских элементов албанского языка А. М. Селищевым был поставлен вопрос о характере славяно-албанского языкового взаимодействия. В решении его Селищев исходил из вполне обоснованного предположения о длительном существовании албано-славянского двуязычия на территории Албании. Весь подлежащий изучению лексический материал был им разделен на два неравных разряда: 1) заимствованные слова, проникшие как результат славянского воздействия на албанцев и обозначавшие новые для албанцев понятия, и 2) заимствования, не связанные с предметными новшествами. В первый разряд вошла преобладающая масса существительных предметного значения, отражающих различные аспекты хозяйственной деятельности жителя деревни, во второй вошли экспрессивные глаголы, слова интимного характера, названия частей тела, некоторых явлений природы, отрезков времени и др. Первый разряд Селищев считал заимствованиями, которые явились результатом интенсивных взаимоотношений славян и албанцев. Второй разряд — «слова, которые внесены в албанскую среду обалбанившимися славянами, как остаток от долго державшегося среди них двуязычия,— следы употребления в обиходе албанского и славянского языков».[70]

Сама мысль Селищева о дифференциации типов заимствования интересна и плодотворна. Однако в применении к данному конкретному случаю вряд ли можно согласиться с таким резким противопоставлением. Нет оснований предполагать большое различие общественно-экономического и культурного уровней у славянского и албанского населений в период установления между ними исторических контактов на территории Албании. Основу жизни тех и других составляли занятия земледелием и скотоводством. Следовательно, вряд ли следует вслед за Селищевым считать преобладающую массу славянских заимствований в албанском отражением экономических, общественных и культурных «новшеств», которые были переданы албанцам славянами. Теория изолированного существования албанцев-пастухов в отдаленных горных районах и их позднего приобщения к земледельческой

[70] А. М. Селищев. Славянское население в Албании, стр. 190.

культуре долин лишена серьезных оснований. Длительное и мирное сосуществование, тесное экономическое и культурное общение, длительное состояние двуязычия и, наконец, полная ассимиляция одного из языков — славянского — таковы были специфические условия, определившие вхождение в албанский язык славянского лексического слоя.

Разумеется, несколько иначе должен ставиться вопрос о славянских лексических элементах для тех периферийных участков албаноязычного ареала, где живые контакты албанцев со славянами продолжались и в более позднее время. В этом отношении особенно выделяется говор краины Девол.

Одной из очередных задач дальнейшего изучения славянских элементов албанской лексики должно быть определение их географического распространения в отдельных албанских говорах.[71] Тема эта, в частности, существенно важна для лингвистической характеристики южноалбанской диалектной области, в которой отмечаются наиболее густые скопления славянских топонимов.

Установление связи между фонетическими признаками, характерными для отдельных участков диалектного ареала, и фонетическим строем исчезнувшей южнославянской речи относится к числу проблем, постановка которых теоретически допустима, хотя и упирается в значительные трудности.

Вопрос о соотношении южнославянской и албанской грамматических моделей в тот период, когда от стадии двуязычия бывшие носители славянской речи переходили на преимущественное употребление албанского языка, имеет различные аспекты. Один из них — это степень приспособления славянского лексического материала к морфологической схеме албанского языка. В эпоху, когда началось проникновение славизмов, по-видимому, уже завершилось формирование албанской морфологической модели в том виде, как она засвидетельствована. Период резких фонетических сдвигов, которые в сильнейшей мере изменили облик исконно албанских слов индоевропейского происхождения, а также латинских заимствований римской эпохи, ко времени появления на Балканах славянских племен в основном уже закончился. Поэтому славянские слова, вошедшие в албанский язык, подчинившись законам албанского ударения и претерпев связанные с ним некоторые изменения неударенных слогов, в фонетическом отношении сохранили значительную близость к исходному состоянию. При этом степень включения славизмов в албанскую морфологическую модель явилась абсолютной.[72]

Другой аспект — это возможность некоторого влияния славянской речи на албанскую морфологию. Вопрос этот еще не исследован, однако возможности его постановки представляются реаль-

---

[71] См.: N. J o k l. Slaven und Albaner, стр. 645.
[72] См.: А. В. Д е с н и ц к а я. Славянские заимствования, стр. 24 и сл.

ными, особенно в связи с расширением исследований в области албанской диалектологии. В частности, это относится к локальным вариантам южноалбанской диалектной речи, которые обнаруживают значительное количество морфологических новообразований, многие из которых являются результатом действия грамматической аналогии. Как уже упоминалось выше (в связи с вопросом об ассимиляции влахов), интенсивность проведения морфологических преобразований аналогического характера может быть поставлена в связь с неполнотой усвоения деталей морфологического строения неродного языка в двуязычной среде. В этих условиях иррегулярные формы могли легко подвергаться «упорядочиванию», и унаследованные парадигматические ряды претерпевали более или менее сильные изменения.

Результаты такого рода аналогических преобразований, особенно в сфере глагольной морфологии, засвидетельствованы на различных участках южноалбанского диалектного ареала. Вопрос состоит в том, в какой мере их можно связать с особенностями процессов речевой деятельности в некогда двуязычной среде?

ЧЛЕНЕНИЕ ЮЖНОАЛБАНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЛАСТИ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

При общем единстве диалектного типа, обусловленном указанными выше причинами исторического характера, на территории южной Албании существует все же локальная вариантность речи, не доходящая до резкого обособления отдельных диалектных районов, но заметная как самим говорящим, так и лингвистам-наблюдателям. Помимо лексической вариантности, которая повсюду в Албании довольно велика, различия отмечаются в области фонетики и морфологии.

Различия в целом незначительны. Иногда они имеют характер архаизмов, задержавшихся на окраинных территориях, но в большинстве случаев это инновации, распространявшиеся в разных направлениях, с постепенностью продвижения из района в район. В соответствии с этим изоглоссы отдельных явлений, хотя и выявляют общие очертания нескольких больших ареалов, не скапливаются на границах определенных участков территории и тем самым не создают диалектного обособления. Свободная и широкая сеть пересекающих одна другую изоглосс является отражением исторических условий языкового общения на территории южной Албании, при которых не получали развития процессы дивергенции и которые, наоборот, способствовали достижению относительного единообразия народно-разговорной речи в пределах всей диалектной области.

Основные ареалы, естественно выявляющиеся благодаря географическому членению южноалбанской территории, это — северо-западный, северо-восточный и южный. Из них первые два

обладают значительным количеством общих явлений; южный в большей мере сохраняет отдельные архаические черты, являясь в то же время областью возникновения некоторых инноваций, частично получивших распространение и в северном направлении.

Естественную границу северо-западного и северо-восточного ареалов образуют высокие горные хребты, отделяющие приморскую равнину Мюзеке и холмистую Малакастру от обширных котловин Корчи и Колоньи. Границей южного ареала является течение реки Вийосы, пересекающей южноалбанскую территорию в направлении с юго-востока на северо-запад.

В соответствии со сложившимся узусом мы употребляем наименование «тоскский» (диалект) как синоним «южноалбанского», подобно тому как «гегский» является синонимом «североалбанского». В самой Албании повсеместно принято различать геговсеверян и тосков-южан. Однако исторически это не очень точно, так как Тоскерия (Toskëri) в собственном смысле названия — это не вся южная Албания в целом, но лишь северная ее часть. К югу и юго-западу от течения Вийосы лежит Ляберия (Labëri), а еще южнее (в основном на территории государства Греции)— Чамерия (Çamëri).

Как полагает Рок Зойзи, современное расширенное употребление названия «Тоскерия» отражает результаты совершившегося на протяжении нескольких последних столетий процесса объединения различных этнографических областей южной Албании в одно экономическое и культурное целое.[73] Исторически различными областями были, по мнению албанского исследователя, Тоскерия, Ляберия, Мюзекея и Чамерия. Первоначальные пределы Тоскерии ограничивались горными краинами в центре и на востоке южноалбанской территории (Гора — Gorë, Опар — Opar, Скрапар — Skrapar, Томоррица — Tomorricë, Дангелы — Dangëlli и др.), включая также котловины Поградца и Корчи (pellgjet e Pogradecit e të Korçës). Позднее к ней присоединились еще некоторые краины (Мокра — Mokrë, Полис — Polis, Шпат — Shpat, Верча — Vërçë, Сулёва — Sulovë, Малакастра — Mallakastrë).

В народном сознании еще живы воспоминания о старом делении южной Албании на три этнографические области: Тоскерию, Ляберию и Чамерию. Исходя в основном из этого факта, албанские лингвисты подразделяют южноалбанский, или тоскский, диалект на собственно тоскский, или севернотоскский, ляберийский и чамерийский говоры. Эта традиция исходит от родоначальника отечественной албанской филологии, выдающегося деятеля эпохи албанского Национального Возрождения (Rilindje Kombëtare) Константина Кристофориди. В своей «Грамматике», составленной на основе тоскского диалекта, Кристофориди впервые

---

[73] См.: Rr. Z o j z i. Nëndamjet e vjetra krahinore të popullit shqiptar. Konferenca e parë, стр. 551.

предложил указанную классификацию южноалбанских говоров, назвав ляберийский (или арберийский) и чамерийский «ответвлениями» (παραφυάδες) тоскского.[74]

Следует заметить, что в основу этой классификации были положены, по-видимому, не столько собственно лингвистические критерии, сколько устойчиво сохраняющееся в народе представление о старых различиях между «тосками», «лябами» и «чамами» — различиях, возможно унаследованных от существовавших некогда группировок племенного характера, и об исторически сложившихся связях этих группировок с определенными территориями. Это представление поддерживается наличием некоторых этнографических признаков, характеризующих отдельные области южной Албании, в особенности Ляберию и Чамерию, лежащие на крайнем юго-западе страны.

Значимость указанного деления ощущалась в прошлом несомненно гораздо живее, чем теперь, благодаря чему деление это оказалось отмеченным и подчеркнутым в описаниях южной Албании, относящихся к началу прошлого века. Так, например, В. Мэртин Лик в исследовании, опубликованном в 1814 г., сообщил об основных албанских племенах и определил области их расселения: гегов в северной части Албании, тосков, лябов и чамов — в южной.[75] Аналогично в мемуарах Ф. Пукевиля: «Шкипетары образуют четыре семейства, имеющие общее происхождение: геги (les Guêgues) с мирдитами (les Mirdites), токсиды (les Toxides), япы (les Japys) и шамиды (les Chamides)».[76]

В более позднем сочинении Лик счел нужным подчеркнуть: «Отбросив политическую хорографию, возникшую после турецкого завоевания, единственно важным следует признать деление албанцев на гегов, тосков, ляпов и чамов, по-гречески Γγέγκιδες, Τόσκιδες, Λάπιδες, или Λιάμπιδες, и Τζάμιδες, области которых соответственно называются Γγεγκεριὰ, Τοσκεριὰ, Λιαμπουριὰ и Τζαμουριὰ.[77] На основании тщательно собранной информации Лик довольно точно указал границы этих областей и перечислил ряд более мелких краин, входящих в состав обширной Тоскерии.

В описаниях путешествий и в мемуарах, отразивших картину жизни народов Балканского полуострова в начале прошлого века, можно найти также попытки сравнительной характеристики тосков, лябов и чамов с точки зрения их обычаев и нравов.[78]

---

[74] Γραμματικὴ τῆς ἀλβανικῆς γλώσσης κατὰ τὴν τοσκικὴν διάλεκτον συνταχθεῖσα ὑπὸ Κωνσταντίνου Χριστοφορίδου τοῦ ἐξ Ἐλβασανίου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1882. См. предисловие.

[75] W. M. Leake. Researches in Greece. London, 1814, стр. 256 и сл.

[76] F. Pouqueville. Voyage dans la Grèce, I, стр. 508.

[77] W. M. Leake. Travels in Northern Greece, I. London, 1835, стр. 61.

[78] Помимо указанных выше сочинений В. М. Лика и Ф. Пукевиля, см. также: Ibrahim-Manzour-Efendi. Memoires sur la Grèce et l'Albanie pendant le gouvernement d'Ali-Pacha, стр. XVII—XXV.

Отдельные краины Ляберии и Чамерии до сих пор продолжают сохранять немало своеобразия в быту и фольклоре (в особенности характерен ляберийский музыкальный фольклор),[79] что дает основание говорить об унаследованной от прошлого этнографической специфике этих частей албаноязычной территории. Однако примечательно, что диалектное своеобразие не играет при этом значительной роли.

Различия между ляберийским и чамерийским говорами, а также между ними и севернотоскскими, без сомнения, существуют. Но они далеко не столь велики, как об этом можно было думать на основании свидетельств о делении албанцев на «племена», относящихся к началу XIX в. Иностранные авторы, интересовавшиеся этим вопросом, опирались в своих сообщениях на показания жителей южной Албании, для которых в то время остатки старых межплеменных отношений еще продолжали быть в некоторой мере реальным фактом.

Можно полагать, что выделение ляберийского и чамерийского говоров в качестве основных (наряду с севернотоскским) подразделений южноалбанского диалекта определялось в первую очередь издавна сложившимся представлением о Ляберии и Чамерии как областях расселения особых в прошлом племен, потомки которых продолжают в той или иной степени сохранять свои унаследованные черты этнографического характера, в числе которых должны быть и особые говоры, существенно отличные от говоров Тоскерии.[80]

Однако ни один из различительных признаков, обнаруживаемых на лингвистической карте южноалбанской диалектной области, не может быть возведен к старым различиям племенных диалектов тосков, лябов и чамов (если таковые диалекты существовали). Подобных различий или не было, или они бесследно стерлись в значительно более раннюю эпоху. Различия, отмечаемые внутри южноалбанской диалектной области, в основном, по-видимому, определились в эпоху турецкого владычества, на протяжении последних трех-четырех столетий. Изоглоссы инноваций и изоглоссы сохранения архаических диалектных признаков являются отражением экономических и политических связей относительно более новых периодов албанской истории. Проходя по южной половине Албании, как по единой диалектной области, эти изоглоссы не создают резкого обособления Ляберии и Чамерии.

Ляберия и Чамерия — это самый южный ареал в составе всей тоскской или южноалбанской диалектной территории. Говоры лябов и чамов в общем очень близки к говорам «собственно

---

[79] R. Sokoli. Polifonia jonë popullore. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1959, № 3, стр. 122 и сл.

[80] Ср. сходное наблюдение К. Пача относительно преувеличений в оценке отличий ляберийского говора (C. Patsch. Das Sandschak Berat, стр. 13).

тоскским» (севернотоскским), а отдельные их особенности частично распространились на смежные диалектные районы.

Албанские диалектологи пользуются наименованием «тоскский» для обозначения южноалбанского типа в целом; сохраняя традиционное деление, они различают севернотоскский (или «собственно тоскский»), ляберийский и чамерийский говоры.

Для севернотоскского разработана более детальная классификация. Автором ее является Йорги Гьинари, обобщивший результаты целой серии специальных исследований, проделанных им самим и его коллегами.[81]

Согласно предлагаемой указанным автором схеме, севернотоскский может быть разделен на несколько более мелких диалектных групп. Основными являются: 1) западная, в состав которой входят говоры краин Мюзеке́ (Myzeqé), Берата (Nahija e Beratit), Малакастры (Mallakastrë) и Скрапара (Skrapar); 2) восточная, включающая говоры большей части краин, входящих в округ Корчи — краины Опар (Opar), Го́ра (Gorë), Поградец (Pogradec), равнина Корчи (Fusha e Korçës), Девол (Devoll). Кроме них, выделяются еще две небольшие группы: 3) юго-восточная, образуемая говорами краин Дангелы́ (Dangëlli), Шкери́ (Shqerí), Колонья (Kolonjë), Лесковик (Leskovik), и 4) южная — говоры деревень «тоскской» части краины Тепелена (fshatrat e Tepelenës toske), краин Кельцюры (Këlcyrë) и Дешницы (Dëshnicë), а также деревень краины Скрапара, лежащих на левом берегу Осума.[82]

В настоящей работе принята за основу классификация южноалбанских говоров, предложенная Й. Гьинари. Некоторые изменения вносятся в наименование отдельных частей диалектной территории. Предлагается следующая схема:

I. Севернотоскская диалектная зона с подразделением на 1) северо-западный, 2) северо-восточный, 3) юго-восточный и 4) средневийосский диалектные районы.

II. Южнотоскская диалектная зона с подразделением на 1) ляберийский и 2) чамерийский диалектные районы (возможна более детальная классификация).

Северо-западный, средневийосский и юго-восточный районы севернотоскской диалектной зоны непосредственно граничат с ляберийскими районами южной зоны. Во всей пограничной полосе наблюдается постепенность переходов, и изоглоссы отдельных явлений, характерных для каждой из основных диалектных зон, распространяются на разную глубину как в одну, так и в другую сторону.

---

[81] J. Gjinari. Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmeve të saj. Konferenca e parë, стр. 241 и сл.

[82] См.: там же.

Выделяя важнейшие фонетические признаки, по которым различаются локальные варианты южноалбанской речи, в качестве отправного момента для сравнения представляется возможным исходить из системы фонем, которую можно обозначить как «общетоскскую».

Эта система представляется не только результатом конструкции, но скорее реальной величиной. С одной стороны, ее можно рассматривать как исторически исходное состояние,[83] по отношению к которому определились инновации нескольких последних столетий, создавшие наблюдаемую в настоящее время диалектную вариантность. С другой стороны, в результате действия процессов языковой конвергенции, происходивших в пределах всего южноалбанского ареала в период XVII—XIX вв., эта исторически унаследованная система закрепилась, несмотря на образование локальных вариантов, в качестве своего рода идеальной нормы наддиалектного характера. Не приходится говорить о том, что в силу неблагоприятных условий существования албанского народа при турецком владычестве эта норма очень долго (вплоть до конца XIX в.) развивалась преимущественно как устная (норма народно-разговорной койне). Однако, когда в связи с ростом национального самосознания албанского народа реальностью стала задача создания национальной письменности, для южной Албании решение такой задачи несомненно очень облегчалось благодаря предшествовавшему сложению общей устно-речевой нормы. Поэтому литературный язык, который создавали Наим и Сами Фрашери, К. Кристофориди, Чаюпи, Асдрени и другие, отражал не сумму отдельных говоров, со всеми их локальными отличиями, но единую в фонетическом отношении систему, в основном соответствовавшую реально существовавшей в народном сознании наддиалектной норме. Легкость преодоления локальной вариантности, проявлявшаяся уже в самом начале процесса формирования тоскской формы литературного языка, была, по-видимому, обусловлена тем, что идеальная модель южноалбанской системы существовала уже задолго до того времени. Реальная значимость этой модели в основном сохраняется до сих пор. Более того, она отражена в системе фонем современного литературного языка в его тоскской форме. Лишь некоторые реализации ее отдельных элементов в определенных фонетических позициях и в определенных категориях грамматических форм за последние десятилетия стали восприниматься как в той или иной степени архаичные.[84]

---

[83] Для определения хронологии этого состояния нет достаточных данных. Можно предполагать, что ко времени турецкого завоевания (XV в.) оно уже в основном сложилось.

[84] Это касается произношения неударенного *ë* в некоторых положениях, а также среднеязычного носового сонанта *nj* в исходе глагольных основ I спряжения. Ср. уже в грамматике Сами Фрашери обозначение вариантов

Сопоставление локальных вариантов произношения с общетоскской *системой* фонем *является, таким образом,* не только методически удобным приемом изложения фактов, но и отражает реально существующее у говорящих восприятие соотношения между наддиалектной нормой, действительной для всей южноалбанской области, и отклонениями от нее.

Общетоскский вокализм[85]

Гласные переднего ряда: *i* [*i*], *y* [*y*], *e* [*e*], *a* [*a*].
Гласные смешанного ряда: *ë* [ɜ], *ë* [*ə*] (только в безударной позиции).
Гласные заднего ряда: *u* [*u*], *o* [*o*].
Дифтонги: *ua* [*u̯a*], *ye* [*y̯e*], *ie* [*i̯e*].

Гласный *ë*[ɜ] в ударенных слогах исторически возник из назалированного *a* [*ã*]; в неударенных слогах *ë* [*ə*] может быть продуктом ослабления различных гласных.[86]

Дифтонги *ua*, *ye*, *ie* представляют собой результат дифтонгизации гласных *o* (для *ua*) и *e* (для *ye*, *ie*) в определенных положениях.[87]

Долгих гласных нет. По положению различаются только краткие и гласные средней долготы. Назализованных гласных нет.

с *nj* и *j* в некоторых глагольных формах, например, 1-е л. ед. ч. наст. вр. *-onj*, *-oj*; 1-е л. ед. ч. имперф. *-onjë*, *-oja* (Shkronjëtore e Gjuhësë shqip prej S. H. F. Bukuresht, 1886, стр. 80). Стремясь придать своей грамматике обобщающий для всей тоскской области характер, С. Фрашери привел в этих случаях два варианта: более архаичный с *-nj*, распространенный в Дангеллы (Dangelli) и других районах Тоскерии, и вариант с *-j*, отражающий инновации южной части диалектного ареала, а также гегское произношение соответствующих форм.

[85] Фонетическая транскипция приведена без учета ареальной вариантности.

[86] См.: E. Ç a b e j. Per historinë e zanores *ë* në gjuhën shqipe. Bul. Shk. Shoq., 1956, № *1*.

[87] См.: G. M e y e r Kurzgefasste albanesische Grammatik. Leipzig, 1888, стр. 4. Сочетания *aj*, *oj*, *uj*, *ej*, *yj*, *ij*, называемые иногда дифтонгами, таковыми *не являются*. Вторым элементом в них выступает *j* [*j*], имеющий различное происхождение — из *l* [*l'*], *nj* [*ń*], *q* [*ƙ*], *gj* [*ǥ*]. Внутри слова перед согласным и в конце слова сонант *j* может вокализоваться, что придает сочетанию видимость дифтонга (нисходящего). Сочетания эти бывают морфологически членимы, причем элемент *j* нередко выступает как самостоятельная морфема. Всегда морфологически членимы сочетания *a-i*, *o-i*, *o-u*, *e-u*, *y-u*, *i-u*. Так, например, в форме 3-го л. ед. ч. аор. I спряжения: 1-е л. këndo-v-a 'я спел', kthe-v-a 'я повернул', 2-е л. këndo-v-e, kthe-v-e, 3-е л. këndo-i, kthe-u. В именном склонении: неопред. им. п. vëllá 'брат', род.-дат. п. vëlla-i (вариант vëlla-u); опред. им. п. vëllá-i, род.-дат. п. vëllá-it; неопред. им. п. ka 'бык', род.-дат. п. ka-u; опред. им. п. ka-u, род.-дат. п. ka-ut и др.

Общетоскский консонантизм

Смычные.
  Губные: *p* [*p*], *b* [*b*], *mb* [*m͜b*].
  Переднеязычные: *t* [*t*], *d* [*d*], *nd* [*n͜d*].
  Среднеязычные: *q* [*ћ*], *gj* [*ђ*], *ngj* [*ń͜ђ*].
  Заднеязычные: *k* [*k*], *g* [*g*], *ng* [*n͜g*].
Щелевые.
  Губно-зубные: *f* [*f*], *v* [*v*].
  Переднеязычные: *th* [θ], *dh* [*đ*]; *s* [*s*], *z* [*z*]; *sh* [*š*] *zh* [*ž*].
  Фарингальный: *h* [*h*].
Аффрикаты.
  Переднеязычные: *c* [*c*], *x* [*dz*]; *ç* [*č*] *xh* [*dž*].
Сонанты.
  m [*m*], *n* [*n*], *nj* [*ń*]; *ll* [*ł*], *l* [*l*]; *rr* [*r̄*], *r* [*r*].

Общетоск. *mb*, *nd*, *ng*, *ngj* представляется возможным рассматривать как особые фонемы, для которых характерны носовая смычка и неносовой взрыв. В конце слова, согласно общей фонетической закономерности южноалбанского ареала, взрыв оглушается. Обычно, однако, их считают сочетаниями двух фонем.

Основными дифференциальными явлениями диалектного членения в области вокализма можно считать следующие.

1) Различия в месте артикуляции ударенного *ë̃* [э], исторически восходящего к назализованному *ã* (ср. общегег. *â*). Этот гласный смешанного ряда вообще очень неустойчив по своему качеству. Помимо позиционной вариантности, он отличается также значительной вариантностью по ареалам. В северотоскской диалектной зоне, оставаясь в основном гласным смешанного ряда, *ë̃* склонно к продвижению вперед, приближаясь тем самым к открытому *e* [э]. В южнотоскской зоне этот гласный, наоборот, сильно отодвигается назад, переходя в некоторых краинах Ляберии (Курвелеш, Вуно и др.) в лабиализованный гласный заднего ряда, типа сильно открытого *o* — [ʌ] или [ɔ]. Колебания наблюдаются и в отношении подъема, который может варьировать между средней и нижней ступенями (например, вариант с очень низкой ступенью подъема характерен для части деревень краины Опар).

2) Различия в месте артикуляции *e* в положении перед носовым согласным. В северо-восточной части тоскской диалектной области *e*+*nas*. в основном сохраняется как гласный переднего ряда среднего подъема, более или менее закрытый: zemra 'сердце', vendi 'место', qeni 'собака', brenda 'внутри', также в глагольных формах с отпавшим носовым в исходе основы — le 'оставляю', ve 'кладу' и др. В южнотоскской зоне, включая и район Кельцюра—Тепелена (средневийосский), в основном относящийся к северотоскскому ареалу, *e* перед носовым согласным, сильно отодвигаясь назад и переходя в смешанный ряд, совпадает с фонемой *ë*: zëmra, vëndi, qëni, brënda, lë, vë. В той части ляберийских говоров, где *ë* переходит в задний ряд

и лабиализуется, ту же судьбу разделяет и бывшее *е+nas.* Аналогичным изменениям подвергается также *е+h.* В значительной части тоскской диалектной зоны (северо-западный и юго-восточный диалектные районы) сосуществуют оба варианта — *е+nas.* и *ё+nas.*, распределяясь, хотя и с колебаниями, между отдельными словами. Чем южнее, тем более отчетливо выступает преобладание варианта *ё+nas.*, представляющего собой распространившуюся в северном направлении инновацию южнотоскской зоны.

3) Различное направление развития общетоскских дифтонгов. Общетоскские *ua*, *ye*, *ie*, исторически возникшие как результат дифтонгизации гласных *о* и *е* в определенных положениях, представляют собой так называемые истинные дифтонги — в том смысле, как подобный тип звуковых единиц определял Л. В. Щерба. «„Истинный" дифтонг является подлинно двугласным, так как оба компонента при сохранении целостности слога остаются фонетически равноценными».[88] В таких дифтонгах из обоих равноправных элементов ударение может выделять то один элемент, то другой. Если они морфологически не расчленяются, «истинные» дифтонги могут рассматриваться как неделимые фонематические единицы. Эти характеристики вполне подходят к общетоскским *ua*, *ye*, *ie*, которые действительно морфологически не расчленяются. Свобода в распределении ударения между первым и вторым элементами общетоскских «истинных» дифтонгов с течением времени ограничивается; общей тенденцией развития становится закрепление места ударения за одним из элементов. Степень осуществления этой тенденции, а также тип дифтонга (восходящий или нисходящий), создающегося взамен «истинного», составляет один из наиболее заметных различительных признаков, по которым можно лингвистически противопоставлять отдельные ареалы внутри тоскской диалектной области.[89] За исключением отдельных участков на юге и на во-

---

[88] Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 216.

[89] Иной точки зрения в отношении дифтонгов *ua*, *ye*, *ie* придерживаются албанские языковеды. Так, Э. Чабей полагает, что в тех случаях, когда *ua*, *ye*, *ie* имеют ударение на первом элементе, их следует считать не дифтонгами, но сочетаниями гласных. Характерную для «истинных дифтонгов» (этим понятием Чабей не пользуется) эквивалентность элементов он рассматривает как признак их двусложности. Подлинные дифтонги он усматривает лишь в тех случаях, когда ударение падает на второй элемент, следовательно только варианты *uá*, *yé*, *ié* (E. Çabej. Diftongje e grupe zanoresh të shqipes. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 3). Подобное ограничение связано с общей точкой зрения Э. Чабея на фонетическую природу дифтонгов. Дифтонги образуются, как он полагает, только соединением слогового элемента с неслоговым (полугласным), в качестве какового могут выступать *u̯*, *i̯*, *y̯*. Такая трактовка дифтонгов *ua*, *ye*, *ie*, предложенная еще ранее К. Ципо (K. Cipo. Gramatika shqipe. Tiranë, 1949, стр. 12), получила отражение в описаниях отдельных южноалбанских говоров, авторами которых являются Йорги Гьинари и другие албанские диалектологи. С той же позиции

стоке, севернотоскская диалектная зона в основном сохраняет категорию «истинных» дифтонгов *ua*, *ye*, *ie*, хотя свобода в распределении ударения между двумя элементами уже, как правило, позиционно ограничена. В северо-западном диалектном районе (Берат и его окрестности, Малакастра, Мюзеке, основная часть краины Скрапар) и в части краин северо-восточного района (город Корча, частично и прилегающая к нему равнина, краины Опар, Гóра, Поградец) наблюдается следующая закономерность в распределении ударения: в закрытых слогах и в открытых внутри слова ударение несет на себе второй элемент дифтонга —

вопрос о дифтонгах был специально освещен Анастасом Доди в докладе, прочитанном на албанологической конференции в 1962 г. (A. D o d i. Diftongjet e shqipes së sotme nga pikëpamja fonetike dhe fonologjike. Konferenca e parë). Если следовать этой точке зрения, получается, что единые, казалось бы, фонологические величины *ua*, *ye*, *ie*, в части говоров севернотоскской зоны реализуемые в позиционных (а иногда и в факультативных) вариантах, оказываются разбитыми на две принципиально различные категории: собственно дифтонги (*uá*, *yé*, *ié*) и сочетания гласных (*úa*, *ýe*, *íe*). При этом разграничение часто должно проходить между отдельными формами в составе одной и той же парадигмы — в зависимости от того, является ли слог конечным или неконечным, открытым или закрытым. Так, например, в форме неопред. им. п. grúa оказывается сочетание гласных, а в форме опред. им. п. gruája — дифтонг; в форме 3-го л. ед. ч. аор. страд. зал. u lirúa 'он освободился' — сочетание гласных, а в форме 3-го л. мн. ч. той же парадигмы u liruán 'они освободились' — дифтонг, и т. п. Часто выдвигаемый тезис о двусложности так называемых сочетаний согласных (grupe zanoresh или togje zanoresh) до сих пор не получил специального обоснования. Ссылки на единичные факты появления в некоторых говорах соединительного согласного -*v*- между элементами дифтонга *ua* (см. там же, стр. 202), например mua > muva 'мне', не могут считаться таким обоснованием в силу их единичности. Возможность появления в формах 1-го, 2-го, 3-го л. ед. ч. наст. вр. глаголов bie//bije 'приношу', shpie//shpije 'отношу', shtie//shtije 'вбиваю' элемента -*j*-, подчеркивающего двусложность этих форм, объясняется их морфологическим переразложением под влиянием форм 1-го и 2-го л. ед. ч. имперф., ср. 1-е л. bija, 2-е л. bije, в котором за -*j*-, имеющим, кстати, совсем иное происхождение, непосредственно следует флексия. В формах имперфекта элемент -*j*- происходит из -*nj*-, составлявшего суффикс определенного класса глагольных основ, в то время как *ie* в формах 1-го, 2-го, 3-го л. ед. ч. наст. вр. bie, shtie исторически представляет собой дифтонг, возникший в древнеалбанский период из **e* в корневом ударенном слоге (ср.: G. M e y e r. Kurzgefasste albanesische Grammatik, стр. 4). Некоторое отличие от ранее принятой албанскими языковедами трактовки дифтонгов представила новая точка зрения Й. Гьинари, изложенная им в выступлении по вышеупомянутому докладу А. Доди (Konferenca e parë, стр. 373). В основу исторического объяснения процессов развития албанских дифтонгов Гьинари теперь кладет понятие «истинных» дифтонгов Л. В. Щербы. Он полагает, что *ua*, *ye*, *ie* были некогда «истинными» дифтонгами, но затем развитие их пошло различными путями, приведя, в частности, к характерному для современного состояния южноалбанской диалектной области разделению на «ложные» дифтонги (также понятие, идущее из фонетического учения Л. В. Щербы) и сочетания гласных. Таким образом, в отношении современного состояния фактов Й. Гьинари не расходится с мнением своих коллег и продолжает считать варианты дифтонгов с ударением на первом элементе не дифтонгами, но сочетаниями гласных (togje zanoresh).

uá, yé, ié, в открытых конечных слогах ударение получает первый элемент — *úa, ýe, íe*. Ср. duám 'мы хотим' — dúa 'я хочу'; u liruán 'они освободились' (аор. страд.) — u lirúa 'он освободился'; gruája 'женщина' (им. опред.) — grúa (имен. неопред.); u thyén 'они разбились' (аор. страд.) — u thýe 'он разбился', diéll 'солнце', miéll 'мука́', zién 'кипятит' (3-е ед. ч. наст. вр. действ. зал.) — u zie 'вскипел' (3-е л. ед. ч. аор. страд. зал.), bie 'несу' и др.

По моим наблюдениям, в распределении ударений в этих говорах некоторую роль также может играть темп речи. При быстром темпе явно преобладает ударение на втором элементе; при медленном ударенным даже в закрытом слоге может оказаться первый элемент, ср. miéll и míell 'мука́'. Относительно дифтонга *ua* албанские диалектологи отмечают, что он чаще, чем *ye* и *ie*, обнаруживает отклонение от общей закономерности, получая иногда ударение на первом элементе не только в конечных открытых слогах, но и в других положениях.[90]

Описанное состояние, преобладающее на большей части северотоскской диалектной территории, может быть определено как относительно консервативное. В сравнении с ним остальные части южноалбанского ареала оказались захвачены инновацией, получившей развитие в двух вариантах. Общее содержание инновации состояло в ликвидации остатков былой эквивалентности элементов «истинного» дифтонга и в окончательном закреплении ударения только за одним из элементов. Однако в реализации этого процесса говоры разошлись. В краине Девол, лежащей на восточной периферии тоскского ареала, а также в краинах, лежащих между средним течением Вийосы и рекой Осумом (Тоскская Тепелена, Кельцюра, Дешница, южная часть краины Скрапар), место ударения утвердилось на втором элементе дифтонгов, независимо от характера слога и его места в слове: duár 'руки', gruá 'женщина', u liruá 'освободился', u kthyé 'вернулся', miéll 'мука́' и др. Во всей южнотоскской диалектной зоне (ляберийские и чамерийские говоры), а также в юго-восточном районе севернотоскской зоны (краины Дангели́, Шкери́, Колонья, Лесковик) ударение во всех позициях получили первые элементы дифтонгов *ua, ye*: grúa — grúaja 'женщина', u lirúa — u lirúan 'он освободился — они освободились', u kthýe — u kthýen 'он вернулся — они вернулись'. В отношении дифтонга *ie* варианты закрепились в отдельных словах. Последний тип развития, характерный для южной части тоскской диалектной территории, оказывается аналогичным гегскому типу развития дифтонгов. Гегские дифтонги *ue* (ранее *uo*), *ye, ie* также имеют ударение на первом элементе независимо от позиции, что в из-

---

[90] A. D o d i. Diftongjet e shqipes së sotme, стр. 202.

вестной мере предопределило направление их эволюции в сторону монофтонгизации (см. выше).

4) Характерной инновацией южнотоскской зоны (ляберийские и чамерийские говоры) является делабиализация *y*: dy > di 'два', grykë > grikë 'горло'. Тем самым гласный *y* оказался выпавшим из системы фонем.

5) Консервативная черта южнотоскской периферии — сохранение в ляберийских и чамерийских говорах старых долгот гласных, в основном объясняемых этимологически, например: *mī* 'мышь', ср. лат. mūs, гр. μῦς, thī 'свинья', ср. лат. sūs, гр. ὗς, dēt 'море' (<*deub-eto-), kāl 'лошадь' (<лат. caballus) и др.[91]

6) Инновацией северо-западных районов Тоскерии (говоры Мюзеке, Берата, Малакастры), связанной с близостью гегской диалектной области, является значительная интенсивность процесса ослабления вокализма неударных слогов, приводящая, как и в гегском, к редукции гласного *ë* в конце слова, например: bukë > buk 'хлеб', mollë > moll 'яблоко', punojmë > punojm 'работаем', а также в открытых начальных слогах, например: këtu > ktu 'так', këput > kput 'разрываю', vëlla > vlla 'брат' и др.[92]

В области консонантизма наиболее заметную дифференциацию создают следующие явления.

1) Эволюция среднеязычного носового *nj* [*ń*], частично переходящего в среднеязычный спирант *j* [*j*]. Этот переход, наблюдаемый в ряде говоров, совершается не во всех позициях, притом даже в тех, для которых он более характерен, не охватывает всей полноты лексического материала. Показательным для дифференциации случаем является изменение *-nj* > *-j* в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. глаголов с основой на гласный (исторически основы с суффиксом *-n*, так называемое I спряжение), например: punonj > punoj 'работаю', lanj > laj 'мою' и др. Основными ареалами проведения этой инновации, очень заметной благодаря высокой степени продуктивности указанного типа глаголов, являются: с одной стороны — южная периферия тоскской области (ляберийские и чамерийские говоры), с другой стороны — некоторые районы на северо-востоке Тоскерии, в частности краины Гóра, Поградец и равнина Корчи (Fusha e Korçës). В отношении последних проведение инновации, по-видимому, можно считать результатом непосредственных влияний соседней южно-

---

[91] E. Ç a b e j. Kuantiteti i zanorevet të theksuara të shqipes. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1957, № 2, стр. 207 и сл. Примеры см. в описании одного из ляберийских говоров: M. T o t o n i. E folmja e Bregdetit të Poshtëm. Studime Filologjike, 1964, № 1, стр. 134 и сл.

[92] См.: J. G j i n a r i. Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmeve të saj. Konferenca e parë, стр. 250.

гегской диалектной зоны.[93] Что касается южного ареала (Ляберия и Чамерия), то здесь перед нами одна из черт, сближающих с гегским эту наиболее удаленную от Гегерии часть тоскской диалектной области. Возникающие сходства не могут быть следствием непосредственных влияний гегской речи, так как территориальных контактов нет. В данном случае перед нами факт независимого развития сходных явлений на отдельных участках албаноязычной территории. Основная зона сохранения глагольной формы на *-nj* (тип punonj) — краины Дангелы, Девол, Скрапар, Опар. На северной окраине Опара наблюдается проникновение форм с исходом на *-j*, так же на севере Мюзеке (в соседстве с южногегской диалектной зоной) и на юге Малакастры (в соседстве с Ляберией).

2) Различные степени ослабления фарингального щелевого *h*. На отдельных участках ареала этот согласный не произносится (Берат, частично Корча). На значительной части южноалбанской территории *h* оказывается очень неустойчивым в интервокальной и конечной позициях. Это характерно в особенности для краин Мюзеке, Малакастры, Опара, Скрапара. В соседстве с южногегской зоной (Мюзеке) наблюдается также переход конечного *-h* > *-f* под влиянием гегского типа произношения.

3) Закон оглушения звонких согласных в конце слова и в середине перед глухими согласными, действие которого составляет одну из характерных особенностей общетоскского диалектного типа (dhëmp — dhëmbi 'зуб', zok — zogu 'птица', i math — i madhi 'большой', ndiste 'он зажигал' — ndizja 'я зажигал' и др.), на южной периферии ареала проводится менее последовательно. В некоторых районах Ляберии явление оглушения звонких не наблюдается совсем, так, например, в селах Нивица (Nivicë) и Пикерас (Piqeras) Ионического побережья.[94]

4) Архаизмом, характерным только для крайнего юга южноалбанского ареала, является сохранение в чамерийских говорах старого палатального *l* [*l'*] в положении между гласными (golë 'рот', ср. общетоск. gojë, bilë 'дочь', ср. общетоск. bijë), перед гуттуральными (ulk 'волк', ср. общетоск. ujk, balgë 'навоз', ср. общетоск. bajgë) и после гуттуральных (в сочетаниях *kl*, *gl*: klumësht 'молоко', ср. общетоск. qumësht, gluhë 'язык', ср. общетоск. gjuhë и др.). Тенденция к йотизации палатального (точнее среднеязычного) *l'* явилась в свое время мощной инновацией, охватившей весь южноалбанский ареал, за исключением отдаленной периферии. Э. Чабей находит, что эта тенденция параллельна аналогичной тенденции к превращению *nj* > *j*,

---

[93] См.: J. Gjinari. Tipare të folmeve të toskërishtes veriore të njëjtë me të gegërishtes jugore. Studime Filologjike, 1965, № 2, стр. 134 и сл.

[94] M. Totoni. E folmja e Bregdetit të Poshtëm, стр. 142.

продолжающей действовать в современных говорах.[95] Помимо Чамерии, а также южноалбанских говоров на территориях южной Италии, Греции, Болгарии, Украины (см. ниже), произношение старого *l'* в указанных положениях сохранялось еще несколько десятилетий назад в некоторых деревнях краины Девол к юго-востоку от Корчи (Дарда — Dardhë, Синица — Sinicë, Кютеза — Qytezë). Как показали новейшие исследования, в настоящее время старое сочетание можно услышать лишь в двух-трех изолированных словах.[96]

5) На двух участках южноалбанского диалектного ареала наблюдается явление утери неносового взрыва сложными фонемами типа *mb*[*mb*]. Распространение этого явления очень ограничено. На северо-западе Тоскерии (говоры Берата, Малакастры, Мюзеке) отмечается изменение *mb* > *m* в конце слова: dhëmb > dhëm 'зуб', shkëmb > shkëm 'скала'.[97] Можно полагать, что в северо-западных краинах Тоскерии переход *-mb* > *-m* мог возникнуть в результате языковых контактов населения с жителями южногегской зоны. Независимо и с большой полнотой аналогичный процесс развился на территории Ляберии, в группе деревень Ионического побережья. Так, например, в деревне Борш (Borsh) во всех позициях произошло изменение всей серии сложных носовых фонем с неносовым взрывом: *mb* > *m*, *nd* > *ñ*, *ngj* > *nj*, *ng* > *ŋ*, что представляет полную аналогию процессу, совершившемуся в гегской диалектной области. На месте своеобразных староалбанских (и общетоскских) фонем, образуемых с помощью носовой смычки и неносового взрыва, появились, как и в гегском, обычные носовые сонанты: губно-губной, переднеязычный (долгий), среднеязычный и заднеязычный. Например: mleth (< mbledh) 'собираю', shkëm (< shkëmb) 'скала', i ñeruar (< i nderuar) 'почтенный', heñék (< hendek) 'канава', vëñ (< vend) 'место', ŋordhi (< ngordhi) 'он околел', hëŋra (< hëngra) 'я съел'; njallem (< ngjallem) 'я оживляюсь', mënjés (< mëngjéz) 'утро' и др.[98]

6) Ассимиляция *ll*+*n* > *ll*, *l*+*n* > *l*, *rr*+*n* > *rr*, *rn*+*n* > *r*, *rr*, *dh*+*n* > *dh*, *z*+*n* > *z*, происходящая внутри слова, на стыке

---

[95] E. Çabej. Për historinë e konsonantizmit të gjuhës shqipe. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 1, стр. 48.

[96] J. Gjinari. Mbi të folmen e Devollit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1960, № 4, стр. 110. С наблюдениями Й. Гьинари совпадают мои собственные, сделанные в деревне Дарда (Dardhë) в 1956 г. Мне удалось зафиксировать только формы klishë 'церковь', klishkë 'церквушка' (А. В. Десницкая. Сообщение о научной командировке в Албанскую Народную Республику. Известия ОЛЯ АН СССР, т. XVI, вып. 3, 1957, стр. 262).

[97] По грамматической аналогии изменение это распространилось также на другие формы парадигмы, в которых позиция *mb* не давала фонетических оснований для его проведения (см.: J. Gjinari. Tipare të folmeve të toskërishtes veriore të njëjtë me të gegërishtes jugore, стр. 134).

[98] M. Totoni. E folmja e Bregdetit të Poshtëm, стр. 141 и сл.

морфем — в случаях присоединения к основе флексии с начальным *n*. Так, в опред. форме вин. п. ед. ч.: hallë (<hallnë) 'заботу', malë (<malnë) 'гору', zjarrë (<zjarrnë) 'огонь', barë (<barnë) 'траву', gazë (<gaznë) 'радость'; в форме 3-го л. мн. ч. аор.: muarrë (<muarrnë) 'они взяли', lidhë (<lidhnë) 'они связали', ndezë (<ndeznë) 'они зажгли'; в форме 3-го л. мн. ч. имперф.: merrin (<mernin) 'они брали', dilin (<dilnin) 'они выходили'. Также ассимиляция $t+n > n$, $t+m > m$. В опред. форме вин. п. ед. ч.: fshanë (<fshatnë) 'деревню', bereqenë (<bereqetnë) 'пшеницу'; в 3-м л. мн. ч. аор.: mbenë (<mbetnë) 'они остались'; в 1-м л. мн. ч. аор.: mbemë (<mbetmë) 'мы остались'. Это явление распространено повсеместно, однако в значительно большей степени оно характерно для центральных районов Тоскерии (краины Опар, Скрапар, Малакастра, Дангелы) и в меньшей степени для таких периферийных участков ареала, как краины Мюзеке и Берат на северо-западе и Девол — на юго-востоке. Относительно мало распространены эти ассимиляции на крайнем юге — в говорах Ляберии и Чамерии.

Во всех говорах южной Албании, как и в говорах северной части страны, широко представлены разного рода фонетические явления, возникающие в потоке речи. Некоторые из них имеют более или менее регулярный характер, например появление среднеязычного спиранта *j* на стыке слогов внутри слова, между гласными, а также в начале слова перед гласным. Так, при образовании опред. формы им. п. ед. ч. от основ женского рода с исходом на гласный: неопр. kalá — опред. kalája 'крепость', shtëpi — shtëpíja 'дом', Myzeqé — Myzeqéja 'Мюзеке'. Также jap (ap) 'даю', i jati (<i ati) 'отец' и др.[99] Многочисленные случаи появления эпентетических звуков, явления синкопы, аферезы, метатезы, разного рода ассимиляции и диссимиляции нерегулярного характера возникают в диалектной речи спорадически и обычно не связаны с определенными ареалами. Как признаки дифференциального порядка они поэтому особого значения не имеют.

Выше были перечислены основные фонетические явления, выступающие в качестве дифференциальных признаков членения южноалбанской диалектной области. Некоторые из них имеют фонологический характер, например выпадение из системы фонем в некоторых частях ареала фонем *y*, *ye*, *h* и наличие в ляберийских говорах этимологических долгот. Однако эти явления не создают обособления фонологических систем отдельных говоров и их противопоставления общетоскскому типу. В частности, утеря фонемы *h* в говоре Берата воспринимается на фоне общей неустойчивости этой фонемы в других говорах, которая может считаться характерной для современного состояния южноалбанского диа-

[99] В говорах Ляберии сфера действия этого явления ограничена и не охватывает сочетаний *-ea*, *-ia*. Ср. kalá—kalája, однако shtëpi—shtëpia.

лекта в целом. Выпадение *y*, *ye*, связанное с фонетической закономерностью делабиализации гласных переднего ряда, действующей в южной части ареала, легко корректируется в процессе общения носителей южнотоскских говоров с жителями других районов, так как делабиализация *y*, *ye* воспринимается как резкое отклонение от идеального стандарта общетоскской народно-разговорной койне. Наличие в южнотоскском исторических долгот гласных, закрепленных за определенной частью лексики, выступает на фоне значительного сходства севернотоскского и южнотоскского типов речи в общем как мало значимый дифференциальный признак. Не может иметь существенного значения в качестве дифференциального признака членения южноалбанской диалектной области также изменение *mb* > *m*, *nd* > *ñ*, *ngj* > *nj*, *ng* > *ŋ*, наблюдаемое на очень небольшом участке собственно ляберийской территории. Остальные отмеченные в перечне явления касаются по большей части территориального распределения вариантов фонем и не затрагивают основных противопоставлений внутри общетоскской фонологической системы.

Таким образом, звуковые различия, устанавливаемые при изучении отдельных участков южноалбанской (или тоскской) диалектной области, в целом не нарушают единства фонетического типа, определяемого как общетоскский. Этот тип доминирует над локальными различиями, имеющими более или менее частный характер.

Морфологические расхождения южноалбанских говоров основываются на различиях вариантов преобразования староалбанской системы форм. Это различия в соотношении и распределении отдельных более или менее продуктивных морфологических моделей, различия в направлениях аналогического выравнивания парадигм.

1) В области морфологии имени для диалектной дифференциации имеет значение взаимодействие старой и новой моделей образования отдельных форм в парадигме склонения. Различия наблюдаются в образовании опред. формы вин. п. ед. ч. существительных мужск. р. и форм опред. и неопред. род.-дат. п. мн. ч. (без деления по родам). На значительной части южноалбанского диалектного ареала, преимущественно в его центральных районах, еще довольно широко распространен старый тип образования опред. формы вин. п. ед. ч. от основ мужск. р. путем непосредственного присоединения к основе окончания -*n*(ë). От основ с исходом на гласный: тип vllan(ë) 'брата', dhen(ë) 'землю', ullín(ë) 'маслину'. От основ с исходом на согласный: тип veshnë 'ухо', malë (<malnë) 'гору', fshanë (<fshatnë) 'деревню', plaknë 'старика'. Однако почти повсеместно наряду со старой моделью

в той или иной степени уже распространилась новая модель — с элементом *-i-* (или *-u-*) между основой и окончанием: тип malin 'гору', vendin 'место', plakun 'старика', dyfekun 'ружье'. Старая модель преобладает в центральных районах Тоскерии (Скрапар, Опар, Дангелы). Новая модель наибольшее распространение получила в северо-западных районах (Мюзеке, Берат) — в непосредственном соседстве с гегской диалектной областью. Она заметно вытесняет старый тип также на юге — в ляберийском и чамерийском диалектных районах. Старые формы род.-дат. п. мн. ч. с окончаниями *-e* (неопред.) и *-et* (опред.) уже почти вытеснены новой продуктивной моделью — с эпентетическим согласным *-v-* в окончаниях. Старые формы еще относительно устойчиво сохраняются в говоре Малакастры и некоторых ляберийских говорах (например, в говоре Нижнего Побережья) — e pleqet 'стариков' (род. п.), e italanet 'итальянцев', miqe 'друзьям'. Употребление обоих вариантов отмечено в говорах Мюзеке, Дангелы, Загори. В говорах Берата, Опара, Девола, а также в чамерийском говоре Конисполя утвердилась новая модель — с окончаниями *-ve*, *-vet*. Заметным дифференциальным признаком является наличие или отсутствие формы предложного (местного) падежа. Эта форма довольно широко употребляется в севернотоскской диалектной зоне и не употребляется в южнотоскских (ляберийских и чамерийском) говорах.

2) В области морфологии глагола обнаруживается довольно много различий, что отражает отсутствие устойчивости и единства в самой системе глагольного осново- и формообразования, пестроту и вариантность морфологических типов, наличие различных возможностей их аналогического выравнивания. В образовании основ аориста различия связаны главным образом с взаимодействием двух продуктивных моделей: 1) с элементом *-v-*, выступающим между гласным, стоящим в исходе основы, и окончанием в 1-м и 2-м лицах ед. ч. (на юго-востоке ареала также в 3-м л. ед. ч.) — тип kërko-v-a, kërko-v-e 'я, ты искал', 2) с элементом *-t-* (старый основообразующий суффикс) — тип zbri-t-a, zbri-t-e 'я, ты спустился'. В историческое соотношение этих двух моделей, отразившееся в наддиалектном стандарте общетоскской народно-разговорной койне, развитие живой диалектной речи внесло и продолжает вносить инновации, которые иногда локализуются в определенных участках ареала. Однако в целом процессы аналогического преобразования элементов глагольной морфологии обнаруживают много сходства в различных частях диалектной территории. Так, в ряде говоров отмечается проникновение модели с элементом *-t-* в парадигму аориста глаголов I спряжения. В говорах краин Корчи и Вискукя (Vithkuq), а также в чамерийском говоре Конисполя наряду с регулярным типом образования формы 3-го л. ед. ч. аориста shkroi 'он написал', 3-го л. мн. ч. shkruan 'они написали' широко употребительны формы 3-го л. ед. ч.

shkrojti, 3-го л. мн. ч. shkrojtin. В говоре Ляберийского побережья модель с *-t-* утвердилась в образовании форм мн. ч., захватив глаголы не только I, но и III спряжений. Ср. 1-е л. ед. ч. аор. pagova 'я заплатил', mora 'я взял', fola 'я заговорил' — 1-е л. мн. ч. paguajtim, muartim, foltim. В говорах северо-западной Тоскерии (Мюзеке, Берат) форма 3-го л. ед. ч. с элементом *-t-* стала регулярной в парадигме аориста страд. зал. — u turpruati 'он опозорился', u thyeti 'он сломался', u vrati 'он убился, поранился', u bëti 'он сделался', u hapti 'он открылся'. В этих же говорах в парадигме аориста страд. зал. неожиданно оказался использованным и приобрел регулярность сигматический тип образования формы 1-го л. ед. ч., который вообще представляет собой один из архаических реликтов в морфологической системе албанского глагола. Так, в говоре Мюзеке: u plakç 'я состарился', u martush 'я женился' и т. д. Очень значительную локальную вариантность обнаруживает построение парадигм имперфекта по отдельным говорам. Эта вариантность также является результатом реализации различных возможностей аналогического преобразования старых морфологических типов, осуществляемого в процессе живой речи. Характерно, что именно на этом участке морфологической системы в наибольшей степени обнаруживается диалектная дифференциация, которая в целом, как уже указывалось выше, не является значительной на территории южной Албании. Вероятно, это определяется свойствами самой глагольной системы албанского языка, с характерной для нее пестротой унаследованных морфологических вариантов. Эта пестрота создает предпосылки для активизации тенденций к аналогическому упорядочению, преобразованию морфологических рядов, осуществляемому в развитии диалектной речи.

СЕВЕРНОТОСКСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗОНА

Северо-западный район

В северо-западный район входят Бератская Нахия (Nahija e Beratit), включающая г. Берат и непосредственно окружающие его сельские местности, краины Скрапар (Skrapar), Малакастра (Mallakastrë), Мюзеке́ (Myzeqé), а также г. Влёра (Vlorë) с ближайшими окрестностями.[100]

На севере с этим диалектным районом граничит зона переходных говоров, протянувшаяся вдоль левого берега Шкумбина и соединяющая черты гегского и тоскского типов (см. выше); на востоке, в области центральных горных хребтов южной Албании, граничат краины северо-восточного района Тоскерии; на юге —

[100] См.: J. Gjinari. Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmeve të saj, стр. 245 и сл.

средневийосский диалектный район (краины Дешница, Кельцюра, Тоскская Тепелена) и Ляберия. Западной своей стороной район обращен к Адриатическому морю, вдоль берегов которого простирается равнина Мюзеке.

Географически район состоит из горной местности (Скрапар), предгорий (Малакастра и Бератская Нахия) и большой болотистой низменности (Мюзеке), разливаясь по которой доносят свои воды до моря реки Шкумбин, Семан (соединение Девола и Осума) и Вийоса. Если мысленно занять позицию на вершинах горных хребтов, отделяющих западную часть Тоскерии от восточной, то схематически вся западная половина представится как огромный амфитеатр, снижающийся в направлении морского побережья. Таким же амфитеатром покажется и восточная половина, обращенная к внутрибалканским озерам — Охридскому и Преспе.

Историческим центром западной Тоскерии является город Берат, лежащий у подножия гор, на месте выхода реки Осум из глубоких теснин на широкую равнину. Более старую зону поселений в северо-западной части тоскского ареала, по-видимому, составляют горные и холмистые части территории, относящиеся к Тоскерии в собственном или историческом значении этого названия. Именно в этих районах наблюдается постоянство традиций экономической жизни и языка албанского населения, которое с незапамятных времен занималось на горах и холмах скотоводством и земледелием. Прибрежная низменность Мюзеке, во многих ее частях заболоченная, в прошлом представляла собой огромное пастбище, на которое к зиме спускались из различных горных районов южной Албании албанские и аромунские пастухи с большими стадами овец. Отдельные группы этого пастушеского населения оседали на равнине, арендуя участки у захватывавших равнинные земли помещиков. Таким образом, население Мюзеке постепенно формировалось как смешанное по своему составу. Однако в Мюзеке есть и очень старые участки поселений (см. ниже).

Для этно-лингвистической истории всей северо-западной части южноалбанской диалектной области важным моментом является наличие довольно большого количества старых славянских топонимов на территории относящихся к ней краин. Вот некоторые названия населенных пунктов из числа отмеченных А. М. Селищевым на его карте: Берат (<*Белград), Горица, Морава, Старова, Стан, Голобец, Нова, Богдан, Горан, Войводан, Горичан, Дреновица, Плеш, Ягодина, Долина, Матка, Червен, Доброник, Водица, Висока, Любан (Бератская Нахия); Чоровода, Жабан, Слятина, Градец, Добруша, Милова, Рахова, Сухоят, Нован, Проточан, Черениит, Висоцка, Борова, Тербухова, Ковачан, Лескова, Горан, Половина (Скрапар); Грешица, Зеленик, Жабокика, Пляшник, Горица, Рахова, Комар, Ковач, Старовец, Извор, Глава, Дубова, Сельска, Пенкова,

Треблова, Горишова, Белишова, Дренова, Грнец, Рибан (Малакастра); Новоселя, Градиште, Радостина, Грабова, Камница, Арденица, Бабунье, Яруха, Варибоб, Церковина, Горица, Зверней (Мюзеке).

Славянские названия деревень, часто встречающиеся в северо-западной Тоскерии наряду с исконно албанскими, говорят о том, что в образовании албанского населения этого края повсеместно участвовал славянский этнический элемент, полностью растворившийся в албанской среде и ассимилировавшийся в языковом отношении.

В отличие от процесса этнического смешения албанцев с аромунами, осуществление которого на равнине Мюзеке относится к сравнительно позднему времени и частично еще продолжается, процесс албано-славянского смешения во всех краинах северо-западного ареала завершился полной ассимиляцией славян, вероятно, уже много столетий тому назад. Поэтому в настоящее время горные и холмистые краины Тоскерии (как на северо-западе, так и на северо-востоке) в лингвистическом отношении представляют собой однородную албаноязычную среду. На равнине Мюзеке продолжают существовать небольшие островки аромунской речи.

С давних времен краины северо-западной Тоскерии группировались вокруг Берата как главного центра торговли и ремесленного производства. В хозяйстве краин, лежащих в горах и предгорьях, значительную роль всегда играли скотоводство, виноградарство, садоводство (в Скрапаре и Малакастре). Традиционной культурой были оливковые деревья, рощи которых покрывают холмы Малакастры и окрестностей Берата. Но вообще уровень сельского хозяйства этого края в старой Албании был невысок, главным образом благодаря господствовавшим в нем отсталым формам феодально-помещичьего землевладения. Крестьянское население многих районов жило в бедности, особенно на болотистой равнине Мюзеке, где зимние наводнения сменялись летними засухами, где царствовала малярия и где жестокая феодальная эксплуатация сохранялась вплоть до освобождения страны от фашистской оккупации и буржуазно-помещичьей реакции.

За годы существования народной власти облик края совершенно преобразился. В Мюзеке были проведены большие осушительные работы и на месте бывших болот развернулись передовые формы обработки земли. Плодородная равнина Мюзеке стала важнейшей сельскохозяйственной областью страны. Возникшие на ней еще в конце XIX в. маленькие городки Люшня (Lushnjë) и Фиер (Fier), став центрами округов, приобрели важное экономическое и культурное значение. Успешно развивалось также

кооперированное сельское хозяйство холмистой Малакастры и других районов.

Наряду с сельским хозяйством большое значение для экономики края имеет развитие промышленности, в первую очередь нефтедобывающей. Нефтяные центры Албании находятся в предгорьях северо-западной Тоскерии, г. Сталин (б. Кучова) — вблизи Берата, Патос — в нижней Малакастре. Промышленные предприятия Влёры (производство цемента, консервные заводы и др.), разработка битума в Селенице, хлопкоочистительные предприятия Фиера и Рогожины и другие; кроме того, специальные сельскохозяйственные учебные заведения в Люшне и Фиере — все это обусловило быстрый подъем экономического и культурного уровня жизни населения в краинах южной Албании, обращенных к Адриатическому побережью.

Вместе с тем, естественно, ускорился развивавшийся и ранее процесс стирания местных особенностей речи. Ликвидации диалектных черт содействуют движение населения, обязательное школьное обучение, радио, распространение периодической печати, развитие различных форм общественно-политической и культурной жизни. Поэтому в таком быстро прогрессирующем в отношении экономики и культуры крае проведение диалектологических исследований является особенно неотложной задачей. Видимо, с учетом этих условий албанские диалектологи уже в конце 50-х годов посвятили свои усилия описанию говоров северо-западного района тоскской диалектной области. Проведенные работы получили отражение в монографических исследованиях, посвященных говорам города Берата, краин Скрапара, Малакастры, Мюзеке. Описания эти дают довольно подробную картину указанного диалектного ареала, за исключением говора района Влёры, оставшегося пока не охваченным диалектологическими обследованиями. В основу описаний положены наблюдения над речью представителей старших поколений, в большей степени сохранивших говоры в их унаследованном виде. Диалектное своеобразие отдельных участков ареала в основном является уже достоянием исторического прошлого. Современное состояние речи широких масс, как городского, так и сельского населения этой части страны, характеризуется значительной близостью к литературному албанскому языку в его тоскской форме.

Говор Берата

Берат, один из старейших городов Албании (античная Antipatrea, позднее Pulcherópolis, со времен славянского переселения — Belgrad, откуда впоследствии название Berat) играл большую роль в древней и средневековой истории западной части Балканского полуострова. Не потерял он своего значения и при

турецком владычестве. Памятниками прошлого являются знаменитая крепость Берата, высящаяся над долиной Осума, церкви XIII—XIV и XVI—XVIII вв., красивые мечети, неповторимый облик старинных кварталов, с их узкими улицами, поднимающимися вверх, своеобразная архитектура жилых домов.[101]

После турецкого завоевания Берат остался значительным административным, экономическим и культурным центром, оказывавшим влияние на соседние области южной и центральной Албании. Время его наивысшего расцвета относится к XVII в. Турецкий путешественник Эвлиа Челеби, посетивший Берат в 1670 г., писал, что в городе, имевшем 30 кварталов, было пять медресе, много общественных бань, прекрасных мечетей; в кофейнях на берегу реки собирались и спорили поэты, ученые.[102] В дальнейшем, однако, развитие Берата как торгового центра несколько затормозилось благодаря конкуренции других городов. В XVIII в. соперниками его в торговле стали города центральной и южной Албании — Эльбасан, Воскопоя и особенно Янина.[103] Значение культурного центра Берат и позднее сохранял как для мусульманского, так и для православно-христианского [104] населения южной части страны.

В XIX в. количество жителей Берата составляло (с колебаниями) около 10 тысяч человек.[105] Население города, по данным конца XIX и первых десятилетий XX в., почти наполовину состояло из христиан.[106] В числе последних значительное место занимали влахи (аромуны), проживавшие в квартале Горица (Goricë), на левом берегу Осума. По сведениям Г. Вейганда, в конце XIX в. количество влашских семей доходило до 500, а общее число албанских семей, включая как христиан, так и мусульман, составляло 3000.[107]

Йорги Гьинари, будучи сам уроженцем Берата, предполагает, что некоторая часть бератских жителей является потомками семей, проживавших в городе еще до турецкого завоевания. Но в основном население Берата формировалось на протяжении столетий за счет притока жителей окрестных мест, в частности из расположенных вблизи от города деревень Мбрештан (Mbreshtan), Садо-

---

[101] G. Strazimiri. 1) Aspects de l'architecture de Berat. Studia Albanica, 1964, 1; 2) Disa tipare të arkitekturës së qytetit të Beratit. Konferenca e parë.

[102] См.: Historia e letërsisë shqipe, I. Tiranë, 1959, стр. 264.

[103] Historia e Shqipërisë, I, стр. 407.

[104] В Берате находилась резиденция митрополита.

[105] См.: Gj. H. Mihali. Berati plak. Dituria, II, Tiranë, 1927, стр. 339; см.: C. Patsch. Das Sandschak Berat, стр. 129; G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 81.

[106] В 1927 г., как сообщает Гь. Хаджи Михали, из 9009 жителей города 3884 были христиане, 5125 — магометане (см.: Gj. H. Mihali. Berati plak, стр. 339).

[107] G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 81.

вица (Sadovicë), Синья (Sinjë), Дробоник (Drobonik), Вертоп (Vërtop), Водица (Vodicë), Дюшник (Dyshnik). Пришельцы из деревень составили относительно более поздний слой городского населения (в его христианской части).[108] Согласно сведениям К. Пача, собранным в конце XIX в., православные албанцы квартала, расположенного внутри крепости, происходят из Арберии и именуются «арберешами». Как отметил при этом Пач, под названием «Арберия» понималась область к югу от Влёры, включая Курвелеш.[109] Иначе говоря, Арберия — это Ляберия.[110] Сообщение Пача имеет большой интерес для истории расселения южных албанцев вообще и истории города Берата в частности.

В экономике Берата с давних времен большое место занимало ремесленное производство. Как и в других албанских городах времен турецкого владычества, эснафы (мусульманские и христианские) играли важную роль в жизни городского общества. Изделия, изготовлявшиеся городскими ремесленниками, продавались жителям ближних и дальних краин (Скрапара, Малакастры, Мюзеке, Сулёвы, Тепелены, Пермета и др.) на большом базаре Берата или же разносились самими мастерами по деревням.[111]

В своей статье «Говор города Берата» Й. Гьинари ограничился только описанием городского говора, не включив сведений о речи жителей непосредственно прилегающей сельской местности. Однако можно предполагать, что существенных различий между речью жителей Берата и речью жителей окружающих деревень в общем нет. В этом сыграли свою роль и родственные связи (farëfisni), и свойство́ (krushqi), и экономические связи, обусловленные влиянием Берата как центра торговли и ремесленного производства.

Главные фонетические особенности[112] в области вокализма заключаются в следующем.

В *ударных слогах*: 1) *относительно более передний* (в сравнении с южнотоскской зоной) характер *ë*, которое является гласным смешанного ряда, очень низкого подъема, слегка продвинутым вперед, например в словах nḗna [ˈnɜna] 'мать', nëpḗrka [nəˈpɜrka] 'ядовитая змея', llḗra [ˈɫɜra] 'рука' (от кисти до плеча).

2) Гласный *e* в положении перед носовым согласным (ср. г. *ẽ*, *e*) может переходить в *ë* [ə]: vend > vënt [vənt] 'место',

---

[108] J. Gjinari. E folmja e qytetit të Beratit. Bul. Shk. Shoq., 1957, № 1, стр. 110.

[109] C. Patsch. Das Sandschak Berat, стр. 129.

[110] О тождестве этих названий см.: J. G. Hahn. Albanesische Studien, I, стр. 230; также см.: E. Çabej. Për gjenezën e literaturës shqipe. Shkodër, 1939, стр. 10. К. Кристофориди употреблял названия «арванит» (или «арбер») и «ляб» как синонимы. См. предисловие к кн.: Γραμματικὴ τῆς ἀλβανικῆς γλώσσης.

[111] См.: J. Gjinari. E folmja e qytetit të Beratit, стр. 109.

[112] См.: там же, стр. 111—115.

brenda > brënda 'внутри'. Это изменение осуществляется, однако, далеко не во всех случаях. Гласный *e* сохраняется, например, в словах emër 'имя', femër 'женщина, существо женского пола'; также в таких словах, как pe, peri (основа **pen-*) 'нить', fre, freri (основа *fren-) 'узда' и др.

3) Дифтонги *ua*, *ye*, *ie* произносятся а) с ударением на втором элементе — в закрытых слогах и в открытых внутри слова, б) с ударением на первом элементе — в открытых конечных слогах. Таким образом, *ua*: а) gatuánj 'я готовлю', ngarkuám 'мы нагрузили', ësht martuár 'он женат', truáll, truálli 'земляной пол, почва', muáj, muáji 'месяц'; б) ftúa 'айва', krúa 'источник', përúa 'поток', grúa 'женщина', múa 'мне'.[113]

ye: а) fyéll 'флейта, дудка', pyés 'спрашиваю', lyénj 'мáжу', i thyér 'разбитый'; б) krýe 'голова', повелит. lýe 'мажь'.

ie: а) diéll 'солнце', miéll 'мукá', viél 'собираю урожай плодов'; б) bíje (bíe) 'приношу', shtíje (shtíe) 'вбиваю'. Появление эпентетического *-j-* указывает на то, что в подобных случаях действительно имеет место распадание дифтонга и произношение в два слога. Надо заметить, что дифтонг *ie* имеет в этом отношении судьбу, несколько отличную от *ua*. Кроме того, происхождение *-ie*, переходящего в *-ije*, не всегда достаточно ясно.

В неударных слогах:

1) сильная степень редукции безударного *ë*. Аналогично тому, как это происходит в соседних южногегских говорах, конечное *-ë* полностью отпадает: punë > pun 'труд', bukë > buk 'хлеб', unë > un 'я', shkojmë > shkojm 'мы идем'. В неударных позициях внутри слова *ë* также по большей части редуцируется: miqësi > miqsi 'дружба', bagëti > bakti 'скот', zógëza > zógza 'птичка'.

2) В некоторых словах безударное *ë* переходит в *i* (как в соседних южногегских говорах): një > nji 'один', gjëkúndi > gjikúndi 'где-нибудь', gënjéshtër > ginjéshtër 'ложь'.

3) Безударное *u* перед *ll* [*ł*] переходит в *ë*: kúmbull > kúmbëll 'слива'.

Особенности в области консонантизма:

1) оглушение звонких согласных в конце слова и в середине перед глухими согласными: breg > brek 'берег, холм', vend > vënt 'место', brez > bres 'пояс', dhëmb > dhëmp 'зуб', bag(ë)ti > bakti 'скот'.[114]

---

[113] Исключение составляют слова, в которых *ua* исторически не является результатом монофтонгизации старого *o*, например в именах собственных Lekuá (Léko), Rapuá (Rapo), в новом слове Mapuá (Máро — сложносокращенное образование из magazine popullore 'народный магазин'). В подобных случаях чередование *o/ua* оказалось привнесенным по аналогии.

[114] Это общетоскское явление при дальнейшем обзоре характерных черт отдельных южноалбанских говоров (за исключением ляберийских говоров Ионического приморья) специально отмечаться не будет.

2) Фарингальный щелевой *h* пропадает во всех позициях, выходя таким образом из фонетической системы говора: *ha* > *a* 'я ем', hënë > ën 'луна', ngrihet > ngriet 'поднимается', behár > beár 'лето', kohë > ko 'время', shoh > sho 'вижу'.

3) Смешение фонем *r* и *rr*[*ř*], с выпадением последней из системы: furrë > fur 'печь', zjarr > zjar 'огонь', rrallë > rall 'редко', rronj > ronj 'живу'.

4) Устойчиво сохраняется среднеязычный носовой *nj*: lanjam 'я мыл', mbaronj 'кончаю', brinj 'рога', ullinj 'маслины'.

5) Сложные фонемы *mb*, *nd*, *ng* в основном сохраняются. Однако иногда отмечается переход *mb* > *m*, *nd* > *n*, *ng* > *n* (очевидно, здесь сказалось влияние, идущее из соседней южногегской зоны): këmbë, këmba > këm, këma 'нога', më dhëmb > më dhëm 'у меня болит', ndonjë > nonjë 'какой-нибудь', nga > na предлог 'из, от'.

6) Наблюдается переход fsh- > psh-: fshat > pshat 'деревня', fshesë > pshes 'метла'.

7) Переход *k* > *q* в местоименной форме kjo 'она'. По аналогии с qo (kjo), ky > qy 'он'.

Основные морфологические особенности [115] в области словоизменения:

1) широкое употребление предложного или местного (vendore) падежа: në xhamít 'в мечеть, в мечети', në kusít 'в котел', 'в котле', mbi çatít 'на крышу', nëpër lumt 'через реку' и др. Наиболее распространены сочетания с предлогом në 'в'.

2) Имена мужск. р. с исходом основы на гласный присоединяют в вин. опред. окончание *-n* непосредственно к основе: vlla-n 'брата', shi-n 'дождь'; dhe-n 'землю'. Имена мужск. р. с исходом основы на согласный получают в вин. опред. элемент *-i-* или *-u-* [116] между основой и окончанием: mal-i-n 'гору', vënd-i-n 'место', shelg-u-n 'иву', gjak-u-n 'кровь'. Эта инновация, важная для современного состояния албанского языка, проведена не во всех южных говорах.

3) Окончание с элементом *-m* в 1-м л. ед. ч. имперф. действ. зал. qepjam 'я шил', thanjam 'я сушил', pinjam 'я пил'.

4) Большое распространение (как инновация) старого сигматического типа образования формы 1-го л. ед. ч. аор. страд. зал.: u bëç 'я сделался', u gënjyç 'я обманулся', u zgjuaç 'я пробудился', u çudiç 'я удивился', u fuç 'я всунулся' и др.

5) В 3-м л. ед. ч. аор. страд. зал. получила распространение своеобразная форма с окончанием *-ti*: u veshti 'он оделся', u ngopti 'он насытился', u thyeti 'он сломался', u vrati 'он убился'. Эта форма характерна также для говоров Мюзеке и частично Малакастры.

---

[115] См.: там же, стр. 116—126.

[116] После заднеязычных смычных и *h*.

Особенности в области словообразования: довольно распространены образования с суффиксом уменьшительности *-z(ë)*, который, однако, утрачивает эту свою функцию. Значение уменьшительности сохраняется лишь в немногих словах, например: zogëz 'птичка', pakëz 'немножко'. В таких образованиях, как (h)ënëz 'луна', arkëz 'сундук', значение это уже не воспринимается. Очень продуктивен славянский суффикс *-kë*, опред. *-ka*, служащий для образования имен женск. р. от имен мужск. р. (названия народностей, жителей и др.): evgjit, evgjitkë 'цыган, -ка', sinjar, sinjarkë 'житель, -ница села Sinjë', lushnjar, lushnjarkë 'житель, -ница Lushnjë', pshatar, pshatarkë 'крестьянин, -ка' (pshat 'село').

В лексическом составе говора много турецких и греческих заимствований.[117] В этом факте нашла свое отражение историческая роль Берата как одного из центров мусульманской культуры в Албании, с одной стороны, и одного из опорных пунктов распространения влияния греческо-православной церкви — с другой.

Наличие в фонетике говора некоторых явлений, общих с южногегским (сильная степень редукции безударного *ë*, переход безударного *ë* > *i* в отдельных словах, переход безударного *u* > *ë* в положении перед *ll* [*ł*], случаи перехода *mb* > *m*, *nd* > *n*), при отсутствии подобных явлений в других южноалбанских говорах, указывает, по мнению Й. Гьинари, на то, что географически линия Берата является крайним пределом проникновения гегских влияний в тоскскую диалектную область.[118]

Говор Скрапара[119]

Горная краина Скрапар (Skrapar) лежит к юго-востоку от Берата. Находясь в центре южноалбанских горных массивов, она включает долины верхнего течения Осума и небольшой речки Томоррицы (Tomorricë — приток Девола). С ней граничат: на юго-западе — краина Кельцюра, на юге — Дангелы, на востоке — Опар и другие краины северо-восточной Тоскерии, на севере — краина Сулёва, относящаяся к зоне переходных говоров. В пределах краины Скрапар, образующей в настоящее время особый округ, объединяются 92 деревни. Административным центром является Чоровода (Çorovodë), превратившаяся из бывшего села в маленький городок. В прошлом краина Скрапар в адми-

---

[117] См.: там же, стр. 126.
[118] См.: там же, стр. 140.
[119] См.: J. Gjinari. E folmja e Skraparit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 1.

нистративном и экономическом отношениях была всегда связана с Бератом.

В хозяйстве жителей Скрапара, несмотря на гористый характер местности, основную роль всегда играло земледелие, в особенности виноградарство и садоводство. Скотоводство развивалось преимущественно в юго-восточной части района, на горных лугах Остравицы.[120]

В этнографическом отношении краина Скрапар, как сообщает Р. Зойзи, не представляет собой особой единицы; свои характерные черты она имеет общими с рядом соседних краин.[121] Так, например, весь старинный ритуал свадьбы в деревнях Скрапара является характерным для горных областей южной Албании вообще.[122] Это относится и к диалектным особенностям, которые частично совпадают с особенностями говоров Берата и других краин северо-западной Тоскерии, частично же имеют соответствия в говорах примыкающего с юго-запада средневийосского района (Кельцюра) и в северо-восточных тоскских говорах.

Основными фонетическими особенностями говора[123] являются следующие. В отношении вокализма ударных слогов характерные признаки, общие с говором Берата:

1) относительно более передний (в сравнении с южнотоскской зоной) характер гласного *ë* [ə], которому в гегском соответствует назализированное *ā*. Например, в словах ëndërr 'сон', gjë 'вещь', zë 'голос', shullë́ 'место, освещенное солнцем'.

2) Гласный *e* в положении перед носовым согласным (ср. г. *ẽ*, *e*) переходит в *ë* [ə]: zëmër 'сердце', avlëménd > avlëmënt 'ткацкий станок', brénda > brënda 'внутри'. Также в глаголах ve > vë 'кладу', le > lë 'оставляю', ze > zë 'хватаю' (эти глаголы некогда имели суффикс *-n-* в основе). Однако в существительных pe (основа *pen-) 'нить', fre (основа *fren-) 'узда', qen 'собака' этот говор всегда сохраняет *e*.

3) Дифтонги *ua*, *ye*, *ie* на основной части территории Скрапара (по правую сторону от реки Осум) произносятся: а) с ударением на втором элементе — в закрытых слогах и в открытых внутри слова, б) с ударением на первом элементе — в открытых конечных слогах. Таким образом,

ua: а) shuáll, shuálli 'подошва', duár 'руки', shkruánj 'пишу', pluár, pluári 'плуг', paguánja 'я платил' (имперфект), б) thúa 'ноготь', katúa 'погреб', dúa 'хочу', múa 'мне'.

ye: а) fyéll, fyélli 'флейта, дудка', dyér 'двери', thyénte 'он

---

[120] См. ссылки на материалы Р. Зойзи в статье Й. Гьинари: J. Gjinari. E folmja e Skraparit, стр. 87.

[121] Там же.

[122] Rr. Zojzi. Darsma në krahinën e Skraparit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 2.

[123] См.: J. Gjinari. E folmja e Skraparit, стр. 88—91.

разбивал' (имперф.), б) u kthýe 'он вернулся' (аор.), u lýe 'он вымазался' (аор. страд. зал.).

ie: djéll 'солнце', mjéll 'мука́'.

В деревнях левобережья Осума, как и в соседней Кельцюре, получил обобщение тип дифтонга с постоянным ударением на втором элементе, независимо от позиции: pluár, pluári 'плуг', muáj 'месяц', katuá 'погреб', gruá 'женщина', u martuá 'он женился' (аор. страд. зал.); fyéll, fyélli 'флейта, дудка', dyér 'двери', u lyé 'он вымазался'; djell 'солнце', shpje 'отношу'.

В неударных слогах осуществляется процесс редукции *ë*. Однако этот процесс проходит менее интенсивно, чем в говоре Берата.

Характерные признаки в области консонантизма:

1) в отличие от говора Берата, начальное *h* сохраняется: hëngra 'я съел' (аор.), heth (hedh) 'кидаю', hamall 'грузчик'. В середине и конце слова этот согласный оказывается неустойчивым. В середине слова он то произносится довольно ясно, то совсем слабо, то вовсе пропадает: kóha 'время', duhán 'табак', lahem 'моюсь', du^{h}án, ko^{h}rat 'времена'; ndaet (ndahet) 'делится', mbaem (mbahem) 'держусь'. В конце слова очень ослабляется и часто полностью редуцируется: sho^{h}, sho 'вижу', njo^{h}, njo 'знаю' и др.

2) Устойчивы общетоскские сложные фонемы *mb*, *nd*, *ng*, *ngj*: mbyll 'закрываю', ndes 'зажигаю', nga 'от, из', njgjalë 'угорь' и др.[124]

3) Различие фонем *rr* и *r* сохраняется, ср.: burri 'мужчина', ferra 'колючий кустарник' — mora 'я взял', mori 'он взял' (аор.).

4) Устойчиво сохраняется среднеязычный носовой *nj*: njerí 'человек', mbillnja 'я сеял', lanj 'я мою'.

5) Сочетание *fsh* в большинстве случаев превращается в *psh*: fshat > pshat 'деревня', fshesë > pshes 'метла', të fshehta > të psheta 'тайное'. Однако бывают и исключения.

6) Ассимилятивное изменение сочетаний согласных: *-rn-* > *-rr-*, *-sn-* > *-z-*, *-lln-* > *-ll-*, *-ln-* > *-l-*, *-tn-* > *-n-*, *-tm-* > *-m-*, *-nn-* > *-n-*, *-thn-* > *-dh-*. Оно осуществляется на стыке слогов: а) в формах 1-го и 3-го л. мн. ч. аориста, например: thirrnë > thirrë 'позвали', mbetnë > mbenë 'остались', lidhnë > lidhë 'связали', gjetmë > gjem 'мы нашли' и б) в форме вин. опред. ед. ч. склонения имен мужск. р. с исходом основы на согласный: kalnë > kalë 'лошадь', t'atnë > t'anë 'отца', gaznë > gazë

---

[124] Сохранение указанных фонем является одним из наиболее характерных общих признаков южноалбанского диалектного типа. Поэтому в нижеследующих описаниях отличительных признаков отдельных говоров этот факт не отмечается. Специального внимания заслуживают лишь отклонения от общей диалектной нормы, наблюдаемые в этом отношении в районах, пограничных с Гегерией, а также кое-где в Ляберии.

'радость'. Это явление связывает говор Скрапара с восточной и юго-восточной частями тоскского диалектного ареала.

Основные морфологические особенности: [125]

1) широкое употребление формы предложного или «местного» падежа с предлогами *në*, *nën(ë)*, *mbi*, *me*, *për*: në lumt 'в реку, в реке', në vesht 'в ухо', nën gurt 'под камень', mbi dyshemét 'на полу', me lugët 'с ложкой', për bukët 'за хлеб, ради хлеба'.

2) Определенная форма вин. п. ед. ч. имен мужск. р. образуется путем присоединения окончания *-n(ë)* непосредственно к основе (тип, унаследованный от прошлого): а) основы с исходом на гласный: vëllan 'брата', dhen 'землю', ullín 'маслину', kadín 'кади' (тур. kadi 'судья'); б) основы с исходом на согласный: veshnë 'ухо', lisnë 'дерево', gjumnë 'сон'. В некоторых случаях с метатезой: plaknë > plakën 'старика', dashnë > dashën 'барана', Ademnë > Ademën 'Адема' (имя собств.). Также с ассимилятивным изменением, отмеченным выше: kalnë > kalë 'лошадь', mesnë > mezë 'середину', hambarnë > hambarrë 'амбар', bereqetnë > bereqenë 'пшеницу, зерновой хлеб'. Наряду с этим архаическим типом отмечается проникновение и за последнее время все более широкое распространение нового типа образования определенной формы вин. п. ед. ч. мужск. р. — с гласным *i* или *u*, вставляемым между основой и окончанием: lisin 'дерево', kalin 'лошадь', plakun 'старика', dyfegun 'ружье'.

3) При общей пестроте типов образования основ множ. ч. существительных мужск. р., характерной для всех албанских говоров, обращают на себя внимание случаи распространения форманта *-r-*: uqre 'волки' (ед. ч. ujk), buqre 'земледельцы' (ед. ч. bujk), gjyshre 'деды' (ед. ч. gjysh).

4) Окончание *-ja* (*-nja*) в 1-м л. ед. ч. имперфекта действ. зал.: lithnja 'я связывал', vadinja (< vaditnja 'я поливал', lëronja 'я возделывал'). Отсутствие элемента *-m*, расширяющего это окончание в говорах Берата, Мюзеке и Малакастры, сближает говор Скрапара с говорами восточной Тоскерии. Глаголы kam 'имею' и jam 'я есмь' имеют в 1-м л. ед. ч. имперфекта формы kishja, ishja; в южной части краины — kesha, jesha (влияние южнотоскских форм keshë, jeshë).

Можно заметить, что на территории Скрапара, лежащей в центре горных областей южной Албании, с характерными признаками северо-западного диалектного района соединяются некоторые черты восточного и юго-восточного ареалов Тоскерии. Никаких островков языковой изоляции на этой территории не создалось.

[125] См.: там же, стр. 91—95.

Говор Малакастры[126]

Холмистая краина, называемая Малакастрой (Mallakastra), лежит к юго-западу от Берата, вдоль правого берега Вийосы (в ее нижнем течении), не достигая, однако, до моря. С нею граничат с северо-востока — Бератская Нахия, с севера и северо-запада — равнина Мюзеке, с юго-запада и юга — краина Влёры, с юго-востока — краина Тепелены. Таким образом, Малакастра находится на южной окраине северо-западного района Тоскерии, в непосредственной близости к южнотоскской диалектной зоне.

Плодородные земли по холмам и долинам Малакастры были густо заселены уже с давних времен. В Малакастре сохранилось много древних иллирийских городищ, наиболее значительными из которых являются остатки иллирийских городов — Bylis (Градиште — Gradishte близ деревни Хекаль — Hekal) и недавно обнаруженного Dimallum, Διμάλη (Kalaja e Krotinës на отроге горы Шпираг — Shpirag).[127] Можно предположить, что с многочисленными следами древних поселений, находимыми на территории этой краины, связано и происхождение ее славяно-романского названия, состоящего из лат. castra 'укрепленное место' и староболгарского прилагательного «малъ, мала». В средние века, в эпоху древнего Болгарского царства, на месте современного селения Ballsh возвышался знаменитый монастырь Главиница (Κεφαχηνία), один из старейших культурных центров балканского славянства, связанный с деятельностью Климента Охридского, ученика Кирилла и Мефодия.

Таким образом, крестьяне Малакастры обрабатывают древние культурные земли и являются продолжателями древних культурных традиций. Исламизация, осуществлявшаяся в основном в XVIII столетии, не сломила свободолюбивого духа жителей этого края. В 30—40-е годы XIX в. Малакастра была центром крестьянских восстаний против ненавистного турецкого владычества.

В настоящее время Малакастра является одной из передовых сельскохозяйственных областей Народной Республики Албании. Холмы ее покрыты оливковыми рощами, виноградниками, садами, табачными плантациями. На территории ее находится один из центров нефтяной промышленности Албании — город Патос.

Краина Малакастра, включающая около 50 деревень, в прошлом была всегда административно и экономически связана с Бератом. Экономические связи поддерживались также с Влёрой, однако они были менее интенсивны, чем связи с Бератом. В настоящее время Малакастра в административном отношении входит

---

[126] J. Gjinari. Vërejtje mbi të folmen e krahinës së Mallakastrës. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1962, № 3.

[127] B. Dautaj. Zbulimi i qytetit ilir Dimal. Studime Historike, Tiranë, 1965, № 2.

в округ Фиер. Выросший в XX в. на равнине Мюзеке город Фиер уже на протяжении последних десятилетий был для населения соседней Малакастры вторым экономическим центром наряду с Бератом.

По народной традиции территорию Малакастры принято подразделять на Нижнюю часть (Mallakastër e Poshtme) и Верхнюю (Mallakastër e Sipërme). Нижнюю Малакастру называют также Кроткой (Mallakastër e Butë), а Верхнюю — Свирепой (Mallakastër e Egër). Происхождение этих эпитетов не выяснено. Местные жители полагают, что оно связано с событиями периода восстаний против турецких реформ (Танзимат), происходившими в первой половине XIX в.[128]

Некоторые различия, отмечаемые внутри говора Малакастры, не совпадают с делением на Нижнюю и Верхнюю части краины, но отражают степень географического удаления или приближения к южнотоскской зоне, с которой Малакастра граничит.

Основными фонетическими особенностями являются следующие. В области вокализма ударных слогов:

1) гласный смешанного ряда *ё* [ə] имеет в основном тот же тембр, что и в других северотоскских говорах (ср. говоры Берата, Скрапара, также северо-восточные говоры). Тенденция к продвижению вперед особенно заметна в слове esht, esh (është) 'он есть', в котором слышится открытое *е* [ɛ].

2) Гласный *е* в положении перед носовыми согласными (ср. г. *ẽ*, *е*) переходит в *ё* [ə]. В отличие от говоров Берата и Скрапара в говоре Малакастры изменение это осуществляется широким фронтом без исключений. Помимо таких типичных случаев, как brenda > brënda 'внутри', vend > vënt 'место', также в словах, дающих в других говорах исключения: qen > qën 'собака' emër > ëmër 'имя', zemër > zëmbër 'сердце', fre, -ri (основа *fren-) > frë 'узда' и др. Более того, *е* > *ё* даже в словах, где нет носового согласного: ferrë > fërr 'колючий кустарник', ngec > ngëc 'я остаюсь, задерживаюсь', prehër > prër 'лоно'. Широта проведения указанного изменения сближает говор Малакастры с говорами соседней южнотоскской зоны, начинающейся за рекой Вийоса.

3) Для характеристики говора Малакастры, как северотоскского, важно отметить сохранение в его фонетической системе гласного *у*: pyll 'лес', tym 'дым', dy 'два'. В этом отношении он не подвергся влиянию соседних южнотоскских говоров.

4) Дифтонги *ua*, *ye*, *ie* произносятся: а) с ударением на втором элементе — в закрытых слогах и в открытых внутри слова; б) с ударением на первом элементе — в открытых конечных слогах.

---

128 См.: J. Gjinari. Vërejtje mbi të folmen e krahinës së Mallakastrës, стр. 151—162.

ua: а) shkuá°n 'они пошли', kam paguá°r 'я заплатил', muá°j 'месяц', duá°rt 'руки', muá°rën 'они взяли'. Второй элемент дифтонга в указанных положениях отодвинут назад и лабилизован, приближаясь к гласному *o*. И. Гьинари, описывая это произношение, воздерживается от ответа на вопрос о том, не является ли *ua°* этапом развития на пути от **uo* к *ua* (ср. старогег. *uo*) или же представляет собой результат вторичного развития из *ua*.[129] б) thúa 'ноготь', katúa 'погреб', dúa 'я хочу', u mbarúa 'окончился'.

ye: а) fyéll 'флейта', dyér 'двери', para dyérve 'перед дверями', thyéjm 'мы ломаем', ka këmbyér 'он обменял', б) u kthýe 'он вернулся', u ngjýe 'он окрасился'.

ie: а) di̯éll 'солнце', e di̯él 'воскресение', mi̯éll 'мука', mbi̯éll 'сею', kam di̯égur 'я сжег', б) bíje (bíe) 'ношу', shpíje (shpíe) 'отношу'.

От общего типа отличается произношение в деревне Чорруш (Çorrush), находящейся на крайнем юго-востоке Малакастры, в непосредственном соседстве со средневийосским диалектным районом. Как и в говоре этого района, в речи жителей Чорруша унифицировано произношение дифтонгов *uá*, *yé*, *ié* — с ударением только на втором элементе, независимо от характера слога. Таким образом, в открытых конечных слогах также *uá*, *yé*, *ié*: thuá 'ноготь', katuá 'погреб', u mbaruá 'он окончился', u kthyé 'он вернулся', u ngjyé 'он окрасился', bié 'ношу', shpié 'отношу'.

В неударных слогах осуществляется ослабление и редукция *ë*, хотя и не во всех случаях. Конечное неударенное *ë* отпадает всегда: punë > pun 'труд', bukë > buk 'хлеб', janë bërë > jan bër 'они сделаны'. В начальных неударных слогах часто выпадает, но может и сохраняться: vëllá > vlla 'брат', këtú > ktu 'здесь', gëzim 'радость', dëgjónj 'я слышу', kënáqem 'я удовлетворяюсь'. Внутри слов, имеющих три и более слогов, неударенное *ë* обычно выпадает: mótëra > mótra 'сестра', zotësí > zotsí 'способность, умение', trimërí > trimrí 'храбрость', largësíja > larksíja 'расстояние' (однако perëndíja 'бог'). В конечных закрытых слогах неударенное *ë* обычно сохраняется.

В некоторых словах, как правило после среднеязычных согласных, неударенное *ë* переходит в *i*: gjikundi (gjëkundi) 'где-нибудь', nji (një) 'один', qi (që) 'что'. Часто это бывает связано с проклитическим положением соответствующих слов.

В области консонантизма:

1) фарингальный щелевой *h* устойчиво сохраняется в начальной позиции: hoxha 'ходжа', ha 'я ем', hunda 'нос', dy her 'два раза'. Начальное *h* сохраняется также при словосложении: atëhere 'тогда'. В середине слова *h* не произносится: gjuha > gjua 'язык', kohëra > kora 'времена', e lehtë > e let 'легкая', ndihmë > ndim 'помощь', pandeha > pandea 'я предполагал', shërohet >

---

[129] См.: там же, стр. 154.

shëroet 'излечивается', bëhemi > bëemi 'мы делаемся'. Исключение составляют только слова турецкого происхождения, например: rehát 'покой' (тур. rahat) и др. В конце слова *h* пропадает: gjuh(ë) > gju 'язык', shoh > sho 'вижу', koh(ë) > ko 'время'.

2) Различие фонем *rr* [*ŕ*] и *r* сохраняется, хотя в *rr* ослаблена раскатистость.

3) Среднеязычный носовой *nj* устойчиво сохраняется в составе корневой части слов: njerí 'человек', njoh 'я знаю', i shtrenjt 'дорогой', ndënji 'он сидел' (3-е л. ед. ч. аор.); б) как показатель мн. ч. в именном основообразовании: drunj 'дрова' (ед. ч. dru 'полено'), kallínj 'колосья' (ед. ч. kallí 'колос'), drepínj 'серпы' (ед. ч. drápër 'серп'), б) в составе форм ед. ч. имперфекта от глаголов с исходом основы на гласный: 1-е л. ед. ч. bënjam, bënja 'я сделал', 2-е л. ед. ч. bënje и др. В отношении формы 1-го л. ед. ч. наст. вр. (действ. зал.) внутри говора Малакастры отмечается расхождение. В деревнях, лежащих близ берегов Вийосы (Пештан — Peshtan, Варибоб — Varibob, Чорруш — Çorrush), эти формы произносятся так же, как в Ляберии, с изменением *-nj* > *-j*: shikoj 'смотрю', mbaj 'держу', bëj 'делаю'. В деревнях, удаленных от непосредственных контактов с Ляберией, сохраняется произношение с конечным *-nj*: bënj, shikónj.

4) В произношении сложной фонемы *mb* наблюдаются отклонения от общетоскского типа. Эта фонема вполне устойчива только в начальной позиции: mbush 'наполняю', mbyll 'закрываю', mbrëm 'вчера вечером'. В конце слова *mb*, как правило, переходит в *m*: më dhëmb > më dhëm 'у меня болит', gjëmb > gjëm 'колючка'. В середине слова отмечаются колебания. Й. Гьинари полагает, что *mb* > *m* только в тех случаях, когда оно находится в исходе основы, например: shkëmb-i > shkëm-i 'скала', kombtar > kom-tar 'национальный'. Внутри же основы *mb* сохраняется: kumblla 'слива', kumbár 'кум', këmbyér 'обмененный'.[130] Сложные фонемы *nd*, *ng* устойчивы.[131]

5) Иногда отмечается переход *s* > *c* : sfurku > cfurku 'скорпион', disa > dica 'некоторые', pengesa > pengéca 'помеха'.

6) Сочетание *fsh* на большей части территории имеет тенденцию переходить в *psh*: fshat > pshat 'деревня', fshehu > mpsheu 'спрятал'. В деревнях близ Вийосы *fsh* сохраняется.

7) Из числа ассимиляций специфичным для говора Малакастры является переход *kn* > *ŋn*, *qn* > *njŋ*, *pn* > *mn*: ikni > iŋni! 'уходите!', jastëknë > jastëŋn 'подушку' (вин. п.); i hiqni > i hinjŋi! 'уберите их!'; shkopnë > shkomn 'палку' (вин. п.).

8) Ассимилятивное изменение сочетаний согласных: *tn* > *n*, *tm* > *m*, *pm* > *m*, *rn* > *rr*, *lln* > *ll*, *ln* > *l*, *thn* > *dh*, *sn* > *z*.

---

[130] См.: там же, стр. 157.

[131] Исключение составляют такие слова, как nonjë (ndonjë) 'какой-нибудь', na (nga) предлог 'от, из', ср. thaen na dielli 'сохнут от солнца'.

Как и в других тоскских говорах, это изменение совершается на стыке двух слогов, чаще всего при образовании грамматических форм. Так, например, вин. п. ед. ч.: surrátnë > surann 'лицо' (тур. surat), gurnë > gurr 'камень'; 1-е л. мн. ч. аор.: vajtmë > vam 'мы пошли', 3-е л. мн. ч. аор.: muarnë > mua°rr 'они взяли', u mbytnë > u mbyn 'они утонули, задохнулись'.

Для говора характерны следующие морфологические особенности.[132]

В области именного словоизменения:

1) широкое употребление формы предл. п.: kemi ryr në kooperativët 'мы вступили в кооператив', ai n të drejtët tija 'он в своем праве', për shpit 'для дома', mali me malt s piqet 'гора с горой не сойдется'. В тех же значениях употребляются и предложные конструкции с формой вин. п.: e vërviti në pus 'бросил его в колодезь', un n të drejtën time 'я в своем праве', për pun 'за дело, для дела', me kok tënde 'головой твоей' и др.

2) В образовании опред. формы вин. п. ед. ч. от основ мужск. р. с исходом на согласный архаический тип (присоединение окончания *-n* непосредственно к основе) вытесняется новым — с гласным *i* или *u*, вставляемым между основой и окончанием. Остатки употребления архаической формы, например: tan (t'atn) 'отца', gurr (< gurn) 'камень', qershorr (< gershorn) 'июнь', zoŋn (< zogn) 'птицу', fiŋn (<fikn) 'инжир', çun (<çunn) 'мальчика', чаще можно встретить в окраинных деревнях у берегов Вийосы. На остальной территории распространены формы нового типа: gurin 'камень', çunin 'мальчика', qershorin 'июнь', zogun 'птицу', fikun 'инжир'.

3) Основы мужск. р. с исходом на согласный имеют архаический тип образования формы род.-дат. п. мн. ч. — без эпентетического *-v-*: ka merakn e kuajet 'он заботится о лошадях' (букв. 'имеет заботу лошадей'), e pleqet 'стариков', e italanet 'итальянцев', e ullinjet 'маслин' и др.

4) Почти не употребляется форма отлож. п. (rrjedhore) с окончанием *-sh*.

В области глагольного словоизменения:

1) во втором спряжении ликвидировано чередование *-t/-s* в исходе основы. Во всех трех лицах ед. ч. наст. вр. глагольная основа оканчивается только на *-s*. Так, в 1-м л. ед. ч.: fus (< fut) 'засовываю', zbus (< zbut) 'укрощаю, приручаю', mbështés (< mbështét) 'прислоняю'. К этому типу примкнули также некоторые глаголы первого спряжения с исходом основы на *-nd* > *-nt*: muns (< munt) 'я могу', tuns (< tunt) 'я трясу' и др.

2) Глаголы, имеющие основу с исходом на согласный, образуют формы 1-го и 3-го л. ед. ч. наст. вр. с гласным *ë* в окончании: marrëm (marrim) 'мы берем', marrën (marrin) 'они берут', presëm (presim) 'мы ждем', presën (presin) 'они ждут'. Это отличает

[132] См.: там же, стр. 162—170.

говор Малакастры от говоров Берата, Мюзеке и сближает его с говорами горных краин южнотоскской диалектной зоны.

3) В образовании формы 1-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. наблюдается различие внутри говора. В деревнях Нижней, или Кроткой, Малакастры (Mallakastër e Butë) говорят: *-njam* (основы с исходом на гласный), *-jam* (основы с исходом на согласный). В деревнях Верхней, или Свирепой, Малакастры (Mallakastër e Egër) соответственно: *-nja*, *-ja*. Ср. bënjam // bënja 'я делал', vrisjam // vrisja 'я убивал'.

4) В 1-м л. ед. ч. аориста страд. употребляются сигматические формы наряду с асигматическими: u martuaç 'я женился', u ngriç и u ngrita 'я поднялся'.

В области словообразования:

очень продуктивен старый албанский суффикс уменьшительности *-z(ë)*: shpiz 'домик', dhomëz 'комнатка', grykëz 'горлышко'. Он употребляется также при образовании топонимов: Moçalëza (ср. moçál 'болото'), Vréshtëz (ср. vréshtë 'виноградник'), Hardhíza (ср. hardhí 'виноградная лоза'). Эту особенность говор Малакастры имеет общей с говорами Берата и Мюзеке.

Говор южной части краины Мюзеке[133]

С «одичавшей Ломбардией» («eine verwilderte Lombardei») сравнил равнину Мюзеке И. Г. Хан.[134] Глазам путешественника, изучавшего Албанию в середине прошлого века, представились невозделанные земли, пустовавшие в летнее время бедные деревушки кочевых влахов, разбросанные среди громадных, частично заболоченных пастбищ, редкие участки обработанных полей с деревнями земледельцев, имевшими «своеобразный, можно сказать, тропический облик». В этих деревнях хижины из тростника, обмазанные снаружи глиной, скрывались за тростниковыми изгородями, в тени высоких вязов, опутанных виноградными лозами. Слух путника, продвигавшегося по этому царству малярии, терзал и преследовал монотонный скрип двухколесных повозок, запряженных тяжелыми буйволами. Караваны таких повозок тянулись по дорогам, спины буйволов покрывала серая и засохшая кора болотного ила, защищавшая их, как панцирь, от бесчисленных мух; при встречах с этими караванами путники погружались в густые облака пыли. Внимание Хана привлекла крайняя бедность жителей равнины, страдавших не только от малярии, но также от гнета феодальной эксплуатации, тяготевшего в особенности над христианской частью населения. При всем том основатель научного албановедения заметил:

---

133 J. Gjinari, Të folmet e Myzeqesë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 4; Jani Thomaj. E folmja e katundit Seman. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1961, №№ 3, 4.

134 См.: J. G. Hahn. Albanesische Studien, I, стр. 73.

«Если бы южноалбанская равнина была здоровее, она могла бы принадлежать к самым благословенным местам нашей части света».[135]

За последние десятилетия, в результате больших осушительных работ, ставших возможными только при власти победившего народа, Мюзеке сделалась житницей Албании, населенной и процветающей областью.

Краина Мюзеке составляет часть албанской прибрежной низменности; с севера она ограничена нижним течением Шкумбина, а с юга — нижним течением Вийосы. Посреди равнины, в самой широкой ее части, протекает извилистый и капризно меняющий свое русло Се́ман. Характерным для ландшафта является чередование обширных низин, покрытых мелководными лагунами и засоленными болотами, с более высокими местами, образованными наносами вдоль течения рек. По мере удаления от морских берегов равнина постепенно повышается, переходя в холмистые области предгорий. На протяжении веков поселения концентрировались на более высоких местах, не подвергавшихся затоплению во время разлива рек. Земледелие и садоводство на плодородных участках речных наносов и на склонах холмов, подступающих к равнине с восточной стороны, скотоводство на лугах, протянувшихся вдоль морских берегов, — таково было хозяйство краины Мюзеке, начиная с древнейших времен.

В Мюзеке сохранились остатки очень старых поселений, в частности обнаруженное недавно в местечке Бабунья (Babunjë) укрепленное городище древних иллирийцев. Недалеко от моря находился один из больших культурных центров античного мира — знаменитый город Аполлония, основанный греческими колонистами в VI в. до н. э. О поселениях средневекового периода свидетельствует большое количество славянских топонимов, чередующихся с исконно албанскими. Известный из истории XIII—XIV вв. портовый город Спинарица (Spinaríca) находился в устье Вийосы; в устье Семана в средние века стоял город Пирг (Pirgu, греч. Πύργος 'башня'). Центром церковной культуры был православный монастырь Арденица (Ardeníca), остатки которого и теперь еще живописно возвышаются на одном из холмов недалеко от города Фиер.

Само название краины — Myzeqé, -ja — связано с именем албанской феодальной династии Музаков (Musacchi в исторических документах), владения которых в XIV—XV вв. охватывали большое пространство прибрежной равнины, соответствующее нынешней территории Мюзеке.

После турецкого завоевания земли Мюзеке опустели. Часть жителей переселилась за море, часть ушла в горы. Сохранилась, вероятно, лишь небольшая часть старого населения равнины —

---

[135] Там же, стр. 74.

так называемые ляли (lalët), живущие и поныне в низовьях реки Семана, на «мягких землях» («Dheu butë»).[136] Как предполагает Рок Зойзи, два столетия тому назад бóльшая часть равнины Мюзеке была почти безлюдной и использовалась преимущественно как зимнее пастбище албанскими и влашскими пастухами.[137] Некоторые из пастухов оседали на землях Мюзеке и переходили к земледелию. Крупные помещики (чифлигары), захватывавшие земли на равнине, привлекали для их обработки пришлое население. Лябы и тоски из малоземельных горных районов, выходя из распадавшихся родовых общин, оставались жить и работать на землях помещиков. На большей части территории Мюзеке эти пришельцы в значительной мере ассимилировались в языковом и культурном отношении исконным жителям равнины и в целом образовали довольно однородный по диалекту и типу бытового уклада массив албанского населения. Деревни влахов и доныне существуют в виде островков, вкрапленных в албаноязычную среду.

На север Мюзеке, туда, где имели свои владения беи из Эльбасана и Пекина, совершались переселения крестьян из близлежащих районов центральной Албании (южногегская диалектная область и зона гегско-тоскских переходных говоров). Это, а также постоянные контакты населения северной Мюзеке с населением соседней южногегской территории оказало решающее влияние на характер диалекта в этой части краины.

В 70-е годы XIX в. на юге возник городок Фиер (Fier). Основную часть его торгового населения первоначально составляли влахи, переселившиеся туда из своих традиционных центров на юго-востоке Албании. Расположенный севернее небольшой город Люшня (Lushnja) также имеет недавнее происхождение. Оба эти города, выросшие на равнине Мюзеке, уже в первые десятилетия XX в. стали играть заметную роль в общественно-экономической и культурной жизни западных областей южной Албании.

Представление о смешанности состава жителей Мюзеке дополняется фактом переселения в эту область уже в XX в. (до второй мировой войны) некоторого количества гегов-албанцев из Косова (Югославия) и, наконец, после окончания второй мировой войны — большой группы чамов из северной Греции.

Несмотря на некоторый экономический подъем, по-видимому, наметившийся с конца XIX—начала XX в., сельское хозяйство Мюзеке вплоть до освобождения страны находилось на очень низком уровне. После победы народной власти положение коренным образом изменилось, и вся краина стала областью применения передовых методов сельского хозяйства.

---

[136] Rr. Z o j z i. Nëndamjet e vjetra krahinore të popullit shqiptar. Konferenca e parë, стр. 553.

[137] См.: Udhëheqës i Shqipërisë. Tiranë, 1958, стр. 59.

С краиной Мюзеке граничат: на севере — южногегские районы Кавайи и Пекина, на востоке — краина Думре (с переходным говором) и область Берата, на юго-востоке — Малакастра, на юге — область Влёры. Западной своей частью Мюзеке выходит на берега Адриатического моря.

В прошлом Мюзеке была всегда административно и экономически связана с Бератом, что оказало влияние на формирование особенностей говора на большей части краины. Население северной ее части имело тесные экономические связи с близлежащими городами южногегской области — Каваей, Пекином, Эльбасаном; население южной окраины (район, непосредственно примыкающий к берегам Вийосы) поддерживало постоянные контакты с Влёрой. В настоящее время на территории Мюзеке образованы два округа, центрами которых являются города Люшня и Фиер.

В диалектном отношении речь жителей Мюзеке не представляет единства. Северная (с городом Люшня) и северо-восточная части краины принадлежат к зоне переходных говоров, протянувшейся вдоль берега Шкумбина. На севере (район Люшни) — переходный говор с тоскской основой,[138] на северо-востоке — с гегской. О них уже говорилось ранее (стр. 221 и сл.).

Центральная часть Мюзеке — обширное пространство вдоль берегов Семана. Основное ядро населения этого района составляют, как уже отмечалось выше, исконные жители равнины — «мюзекейские ляли» (lalët e Myzeqesë). Бо́льшая часть их деревень лежит на так называемых мягких землях в низовьях Семана.[139] Основным занятием жителей ляльских деревень всегда было земледелие. Дополнительные источники существования давали скотоводство (в ограниченных пределах) и рыбная ловля. Речь этой старейшей части населения приморской равнины составляет основу говора Мюзеке в собственном смысле слова или точнее — южной ее части. По своим характерным признакам говор этот в общем очень близок к говору Берата и является типичным для северо-западной части тоскского диалектного ареала. Специальное изучение говора собственно ляльских деревень [140] не выявило существенных его отличий от речи жителей южной части Мюзеке в целом, которая в диалектном отношении представляет собой довольно однородное целое, что, конечно, явилось результатом длительного исторического развития. Лишь на южной периферии диалектного района (деревни, лежащие близ берегов Вийосы) отмечаются влияния южнотоскской зоны.

---

[138] Южная граница этого говора проходит вдоль высохшего русла реки, впадавшей некогда в лагуну Каравастасис.

[139] Несколько изолированных деревень находится также близ устья Шкумбина, см.: J. Gjinari. Të folmet e Myzeqesë, стр. 74.

[140] J. Thomaj. E folmja e katundit Seman.

Главные фонетические особенности говора следующие.[141]

В области вокализма ударных слогов: 1) как и в других северо-западных тоскских говорах, относительно более передний (в сравнении с южногегской зоной) характер *ё* [ə], которому в гегском соответствует назализированное *a* [*ā*].

2) Гласный *e* в положении перед носовым согласным переходит в *ё*[ə], однако не во всех случаях. Так, в деревне Семан (одна из ляльских деревень в низовьях реки Семана) переход осуществлен: brenda > brënda 'внутри', vend > vënt 'место', qen > qën 'собака', zemër > zëmër 'сердце', shenja > shënja 'знак' и др. Однако сохраняется *e* в формах le 'оставляю' (однако причастие lën), ve 'кладу' (причастие vën), ze 'хватаю' (причастие zën), fre, -ri (осн. *fren-) 'узда', e enjte 'четверг', e premte 'пятница', emri 'имя'. Чем дальше на юг, тем большее число слов захватывается указанным изменением. Так, на крайней периферии ареала, в деревне Мартина (Martinë) во всех случаях звучит *ё*[ə]: lë, vë, zë, frë, e ënjte, e prëmte и др., что соответствует произношению, характерному для соседней южнотоскской зоны. С продвижением к северу количество исключений и случаев колебания (*e*/*ё*) увеличивается.

3) Дифтонги *ua*, *ye*, *ie* произносятся а) с ударением на втором элементе в закрытых слогах и в открытых неконечных, б) с ударением на первом элементе — в открытых конечных слогах.

ua: а) buá°ll, buá°lli 'буйвол', duá°r 'руки', muá°j, muá°ji 'месяц', duá°n 'они хотят', i martuá°r 'женатый'. Как отмечает Й. Гьинари, *a*, выступающее в качестве второго элемента, в указанных позициях несколько отодвинуто назад и лабиализовано. В речи жителей деревни Семан зафиксировано произношение *uó*: buóll, buólli, duór 'руки', qershuór 'июль', shkruónj 'пишу', прич. shkruór и др.; б) ftúa 'айва', përrúa 'поток', grúa 'женщина', múa 'мне', u martúa 'он женился'.

ye: а) fyéll, fyélli 'флейта', dyér 'двери', i thyér 'разбитый', pyés 'спрашиваю'. В говоре деревни Семан второй элемент дифтонга лабиализован: dyört 'двери', fyölli 'флейта', i thyör 'разбитый'; б) krýe 'голова', u thýe 'он разбился'.

ie: а) diéll, diélli 'солнце', e diéla 'воскресенье', mbiéll 'сею', Fiéri 'Фиери'; б) bíje 'ношу', shpíje 'отношу' (с разложением дифтонга).

4) Переход *i* > *y*: shpirt > shpyrt 'душа', krip(ë) > kryp 'соль', brim(ë) > brym 'иней', qilim > qylym 'ковер'. Это явление, вероятно проникшее из южногегской зоны, ограничено в своем действии и не охватывает всех возможных случаев.

В неударных слогах довольно интенсивно осуществляется редукция *ё*. Конечное неударенное *ё* отпадает всегда: punë > pun

[141] См.: J. Gjinari. Të folmet e Myzeqesë, стр. 76—84; J. Thomaj. E folmja e katundit Seman, стр. 158—172.

'труд', bukë > buk 'хлеб', i thellë > i thell 'глубокий', kam bërë > kam bër 'я сделал'. В других позициях неударенное *ë* также очень неустойчиво: vëllá > vllá 'брат', këtú > ktú 'здесь', këshílla > kshílla 'совет', përrállëzë > prállëz 'ска́зочка', qúmështi > qúmshti 'молоко', bagëtí > bakti 'скот', trimërí > trimrí 'храбрость', çélës > çéls 'ключ' и др.

Довольно распространен переход неуд. *ë* > *i* в соседстве со среднеязычным согласным: një > nji 'один', gjëkundi > gjikundi 'где-то'.

Особенности в области консонантизма:

1) фарингальный щелевой *h* более устойчив, чем в говоре Берата. В начальной позиции он произносится повсюду: hékur 'железо', húnda 'нос', harróva 'я забыл' (аор.). Интервокальное *h* также в основном сохраняется на большей части территории: duhán 'табак', behár 'лето', plúhur 'пыль', láhem 'я моюсь', dúhet 'надлежит', njóha 'я узнал'; однако иногда оно выпадает, ср. в говоре деревни Семан: ngrí(h)esh natën 'поднимался ночью', ka thyer kra(h)un 'он сломал плечо'. В восточной части Мюзеке, по мере приближения к Берату, частотность выпадения *-h-* заметно усиливается, ср. ngroet (ngrohet) 'согревается', e rrau (rrahu) 'побил его'. Конечное *h* отличается наименьшей устойчивостью. В некоторых словах оно обычно отпадает, например: njo(h) 'знаю', sho(h) 'вижу', ple(h) 'навоз', в других чаще сохраняется: rrah 'бью', gjuh (лит. gjuhë) 'язык', tezjáh 'ткацкий станок'. В говоре Мюзеке (за исключением восточной части территории) наблюдается также распространившееся из гегской диалектной области явление перехода *h* > *f*. Это касается *-h*, находящегося в исходе основ некоторых глаголов, и иногда также в позиции перед *t*: shef (sheh) 'он видит', njef (njeh) 'знает', ngrof (ngroh) 'я согреваю', i froft (ftohtë) 'холодный', i left (lehtë) 'легкий'. В речи жителей деревни Семан *h* > *f* только перед *t*: i ngroft (ngrohtë) 'теплый', i ftoft (ftohtë) 'холодный', i left (lehtë) 'легкий'.

2) Среднеязычный носовой *nj* сохраняется на основной части территории, в том числе и в ляльских деревнях (Семан и др.): punonj 'работаю', lanj 'мою', rrënja 'корень', zonja 'хозяйка', brinj 'рога', drunj 'дрова'. На южной окраине (в соседстве с ляберийскими говорами южнотоскской зоны), так же как и в северной части Мюзеке (переходная область гегских влияний), в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. глаголов I спряжения *-nj* > -j: punoj 'работал', laj 'мою'.

3) Сложная фонема *mb* на большей части территории устойчива в начале и середине слова, но не устойчива в конечном положении: mbush 'наполняю', mbjell 'сею', kumblla 'слива', pambúku 'хлопок', однако dhëm (dhëmb) 'зуб', krim (krimb) 'червяк'. В говоре деревни Семан отмечается распространение *m* (< *mb*) в исходе основы также на другие формы внутри парадигмы, причем *m* оказывается стоящим уже не только в конечной позиции: krim(b)—

krim(b)-i 'червяк', dhëm(b) — dhëm(b)i 'зуб', këm(b) — këm(b)a 'нога' и др. Фонемы *nd*, *ng*, *ngj* более устойчивы во всех позициях.

4) Переход *fsh* > *psh* наблюдается лишь в восточной части краины, в непосредственной близости к Берату. На большей части территории сохраняется произношение fshat 'деревня', *fshij* 'подметаю', *fshes*(ë) 'метла'.

5) Явление ассимиляции сочетаний *tn*, *tm*, *thn*, *lln*, *rn* распространено лишь в южной части Мюзеке: u mbyn (u mbytnë) 'задохнулись, утонули', mbuall (mbuallnë) 'они посеяли', mbluadh (mbluadhnë) 'они собрали', surran (surratnë) 'лицо' (вин. п.). В деревне Семан наблюдается только *rn* > *r*, *ln* > *l*.

Морфологические особенности:[142]

1) широкое употребление формы предл. (или местн.) п. с различными предлогами, чаще всего с *n(ë)* и *me*: ështё n ugart parmënda 'соха на пашне', dil n arët 'выходи в поле!', u futi i pari n koprativt 'он вступил первым в кооператив', e ka vën nën jastëkt 'положил его под подушку', nëpër pyllt 'через лес', për çupët teme 'для моей девочки', me lugt 'ложкой', fshin me fshesët 'подметает метлой'.

2) В образовании определенной формы вин. п. ед. ч. от основ мужск. р. с исходом на согласный архаический тип (присоединение окончания *-n* непосредственно к основе) вытеснен новым с гласным *i* или *u*, вставляемым между основой и окончанием: shkop-i-n 'палку', çoban-i-n 'пастуха', gjak-u-n 'кровь', zog-u-n 'птицу'. Архаические формы можно услышать изредка, главным образом в фольклоре: mori den (*det-n, обычно det-i-n) 'отправился в море', thirri fshan (*fshat-n, обычно fshat-i-n) 'созвал деревню', varrë (*varr-në, обычно varr-i-n) 'могилу'. Для основ с исходом на гласный сохраняется старый тип: vlla-n 'брата', dhe-n 'землю', barí-n 'пастуха'. По аналогии образуются формы вин. п. ед. ч. от основ с формантом *-n* (т. *-r*), который утрачивается в неопред. форме им. п. ед. ч.: ullí, ullíri 'маслина' — вин. п. ullí-n; fre, fre-ri 'узда' — вин. п. fre-n; sy, sy-ri 'глаз' — вин. п. sy-n, tra, tra-ri 'бревно' — вин. tra-n.

3) Основы мужск. р. с исходом на согласный сохраняют архаический тип образования формы род.-дат. п. мн. ч. — без эпентетического *-v-*: pleq-e-t 'стариков, старикам', например: nuk na takon neve pleqet 'не случается нам, старикам', djem-e-t 'сыновей, сыновьям', например: n dasmët (t) djemet 'на свадьбе сыновей'; antar-e-t 'членов, членам', например: antaret u shesim më lir neve 'членам (кооператива) мы продаем дешевле'. От основ женск. р. с редуцированным *-ë* в исходе форма род.-дат. п. мн. ч. также образуется по этому типу: degat e thata t'pemet 'сухие ветви плодовых деревьев', peshqir i luget 'полотенце для ложек'. Но

---

[142] J. Gjinari. Të folmet e Myzeqesë, стр. 84—92; J. Thomaj. E folmja e katundit Seman, стр. 172—190.

отмечается и постепенное проникновение нового типа образований этой формы: çun-v-e-t 'мальчиков, -ам', gjisht-v-e-t 'пальцев, -ам', lop-e-v-e-t 'корова, -ам'.

4) Во втором спряжении глаголов ликвидировано чередование *-t/-s* в исходе основы. Во всех трех лицах ед. ч. наст. вр. основа оканчивается только на *-t*: vadit 'поливаю', zbut 'укрощаю'.

5) Глаголы, имеющие основы с исходом на согласный, образуют формы 1-го и 3-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал., так же как в Берате, с гласным *i* в окончании: marrim 'берем', marrin 'берут', vrasim 'убиваем', vrasin 'убивают'. Исключение составляет южная окраина Мюзеке, где формы образуются с гласным *ë* в окончании: marrëm, marrën; vrasëm, vrasën. В этом сказалось влияние контактов с южногегской зоной.

6) Форма 1-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. образуется, так же как в Берате, с элементом *-m* в окончании — с вариантами: а) *-njam* (от глагольных основ с исходом на гласный), б) *-jam* (от основ с исходом на согласный): lanjam 'я мыл', dinjam 'я знал', mir(r)jam 'я брал', flisjam 'я говорил'.

7) Очень распространился сигматический тип образования формы 1-го л. ед. ч. аор. страд. зал.: u plakç 'я состарился', u dogjsh 'я обжегся', s'u ngopsh 'я не насытился'.

8) Форма 3-го л. ед. ч. аор. страд. зал. образуется с характерным окончанием *-ti*: u bëti 'он сделался', u prishti 'он испортился', u turpruati 'он опозорился', u hapti 'он открылся' (u hapti puna 'дело открылось'). По-видимому, *-ti*, естественным путем возникшее в форме 3-го л. ед. ч. аор. глаголов, имевших в исходе основы согласный *-t* (например: u çuditi 'он удивился', u goditi 'он ударился' и др.), было переосмыслено как самостоятельная морфема и включено в парадигму аор. страд. зал. для глаголов всех типов в качестве личного окончания.

Две последние особенности также являются общими для говоров Мюзеке и Берата.

О говоре Влёры и непосредственно примыкающего к ней района

По классификации, предложенной албанскими диалектологами, говор Влёры (Vlorë) и ее ближайших окрестностей примыкает к западной группе севернотоскских говоров.[143] Можно сказать точнее: он занимает промежуточное положение между этими последними и говорами южной зоны.

Это соответствует географическому положению указанного района, граничащего на севере — с краиной Мюзеке, на северо-

---

[143] См.: J. G j i n a r i. Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmevet të saj, стр. 246.

востоке — с Малакастрой, на юге и юго-востоке — с горными краинами Ляберии.

Город Влёра лежит у моря, на южном краю прибрежной низменности, образующей непосредственное продолжение равнины Мюзеке. Протянувшаяся на подступах к Влёре линия холмов, покрытых оливковыми рощами, составляет переход к предгорию, а за плечами города непосредственно начинаются горы. Средневековая крепость Влёры — Канина господствует над всей прибрежной равниной с высоты своих 377 м. Глубокая бухта, на берегу которой лежит Влёра, замыкается скалистым мысом Карабурун. Горы, поднимающиеся сразу за Влёрой, постепенно повышаются, переходя в высокую горную область Ляберии. Таким образом, Влёра географически связана как с приморской равниной Мюзеке, а тем самым и со всей областью Берата, так и с горными краинами юго-западной Албании. Район Влёры западной своей частью обращен к морю, а восточной стороной выходит на левый берег Вийосы, по долине которой открывается путь во внутренние области Эпира. Благодаря своему положению на стыке гор с приморской равниной он всегда играл заметную роль в истории страны.

Земля этого края богата историческими памятниками. Здесь находятся остатки города Амантии и других иллирийских поселений в долине Вийосы, а также древнегреческих торговых городов Аулона (Ἀὐλών) и Орика (Ὤρικος) на берегу моря. Средневековая история Влёры (Аулона) и крепости Канина была связана с войнами византийцев, болгар, норманнов. В XIII в. земли Влёры входили в состав Эпирского деспотата, в XIV—XV вв. они составляли часть владений албанской феодальной династии Арианитов.

При турецком владычестве город Влёра считался центром большого санджака. Однако, несмотря на это, он не приобрел роли важного экономического и культурного центра. В XVII—XVIII вв., когда заметно возросла экономическая и культурная значимость некоторых других албанских городов (например, Эльбасана, Берата, Гьирокастры), роль Влёры сводилась к тому, что она служила гаванью для купцов Берата.[144] Характерно, что уже в XVIII в. санджакбей Влёры имел своей резиденцией Берат.

В середине XIX в. Влёра была главным портом южной Албании, через который вели торговлю с другими странами купцы Берата и Корчи.[145] Однако сам город, по свидетельству И. Г. Хана, находился в жалком состоянии, насчитывал всего лишь около 400 домов и был известен как гнездо болотной лихорадки. Бедность его жителей бросалась в глаза.

В истории освободительной борьбы албанского народа город Влёра занимал особое место. Благодаря своему непосредственному

---

[144] Histori e Shqipërisë, I, стр. 429.

[145] J. G. Hahn. Albanesische Studien, 1, стр. 61 и сл.

соседству с горами Ляберии, жители которых на протяжении веков славились своим вольнолюбивым духом, он неоднократно бывал опорным пунктом восстаний против турецкого владычества. Эти традиции Влёра сохраняла и в XX в., став местом, откуда в 1912 г. была провозглашена независимость Албании.

После освобождения Албании от фашизма Влёра выросла в один из первых городов страны. Связанная с важным сельскохозяйственным районом, она получила также развитие и как промышленный центр.

Своеобразие исторического прошлого Влёры состояло в том, что этот город на протяжении нескольких столетий служил перевальным пунктом международной торговли, которую вели южноалбанские купцы, служил местом, куда стекались вооруженные горцы, однако в отличие от Берата, Корчи, Гьирокастры не стал ни значительным центром ремесленного производства, ни значительным центром местной торговли, ни местом скопления феодальной знати. В силу этих обстоятельств и языковое влияние Влёры на говоры окружающих сельских краин не приобрело самостоятельного значения. Наоборот, говор самого города и прилегающего к нему района отразил в себе влияния как северо-западного, так и южного ареалов тоскской диалектной области. К сожалению, говор Влёры до сих пор не описывался. Опубликованные фольклорные тексты не дают возможности судить о деталях произношения, которые при изучении мало отличающихся друг от друга южноалбанских говоров особенно важны. Можно полагать, что диалектные черты, характерные для говоров южной периферии краин Мюзеке и Малакастры, отражают черты говора района Влёры, через посредство которого отдельные южнотоскские явления распространились в северном направлении. К таким явлениям можно отнести 1) последовательное проведение в ударных слогах изменения *e* > *ë* в положении перед носовым согласным, включая случаи отпадения носового (например: lë 'оставляю', frë 'узда'); также в таких словах, как fërrë (ferrë) 'колючий кустарник', ngëc(ngec) 'я остаюсь' и других, где носового согласного не было вообще; 2) переход *-nj* > *-j* в исходе глагольной основы в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. (I спряжение): punoj (punonj), laj (lanj) 'мою', bëj (bënj) 'делаю'; 3) широкое проведение ассимилятивного изменения *tn* > *n*, *tm* > *m*, *pm* > *m*, *rn* > *rr*, *lln* > *ll*, *ln* > *l*, *dhn* > *dh*, *sn* > *z* на стыках двух слогов, при образовании отдельных грамматических форм. Это явление отражено в опубликованных фольклорных записях. Так, в форме 3-го л. мн. ч. аор.: duallë (duallnë) 'они вышли', hodhë (hodhnë) 'они бросили', muarrë (muarnë) 'они взяли', ngulë (ngulnë) 'они воткнули',[146] в форме вин. п. ед. ч.: fshanë (fshatnë) 'деревню';[147] 4) употребление

[146] K. pop. hist., стр. 151.
[147] Там же, стр. 162.

архаической формы вин. п. ед. ч. (присоединение окончания *-në* непосредственно к основе): për islamnë [148] 'за ислам', fshanë 'деревню' и др.

Северо-восточный район

Этот диалектный ареал включает бóльшую часть обширной области, экономически тяготеющей к городу Корча: краины Опар (Opar), Гóра (Gorë), Поградéц (Pogradec), Девóл (Devoll), а также равнину Корчи (Fusha e Korçës) с примыкающими к ней на западе и юго-западе горными краинами. На севере с ним граничит зона переходных гегско-тоскских говоров — краины Верча (Vërçë), Шпат (Shpat), Мóкра (Mokrë). На юге примыкают краины Колонья (Kolonjë) и Дангелú (Dangëlli), относящиеся к юго-восточному диалектному району. Между центральными горными массивами (Томорри, Гури и Топит, Островица) проходит условная линия раздела северо-восточной и северо-западной областей Тоскерии. С северо-востока и востока район замыкается государственной границей Народной Республики Албании, по другую сторону которой лежат области Македонии, входящие в состав Югославии и Греции. Пересекая озера Охридское и Преспа, линия границы поднимается на горные хребты, окаймляющие с востока высокие плато Корчи и Колоньи.

Центральную часть указанного ареала образует большая котловина, в которой на высоте 800 м над уровнем моря простерлась широкая равнина Корчи. Окруженная горами, равнина северным своим концом выходит к Охридскому озеру. По равнине протекают Девол и впадающий в него с юга Дунавец. Еще совсем недавно на пути Девола через равнину находилось озеро-болото Малúкь (Maliq). Вся окружающая местность была заболочена, периодически затоплялась и была печально известна как один из самых малярийных районов Албании (наряду с Мюзеке). Осушение озера Маликь было произведено уже в первые годы существования Народной Республики Албании. В настоящее время на месте бывших болот простираются плантации сахарной свеклы, и плодородная Корчинская равнина стала самой передовой сельскохозяйственной областью страны.

На юге равнины, у подножия хребта Морава, лежит Корча (Korçë), главный город юго-восточной Албании. К востоку от Корчи, по другую сторону Моравы, в плодородной долине верхнего течения Девола протянулась краина, носящая то же название (Devoll). С запада к Корчинской равнине примыкает, постепенно повышаясь, горный район, называемый краиной Воскопоя (Voskopojë) по имени большого и богатого города, существовавшего здесь в XVIII в. Еще далее на запад, в бас-

[148] Там же, стр. 256.

сейне среднего течения Девола, в самом центре горных массивов, лежит окруженная высокими вершинами краина Опар, составляющая периферию северо-восточного диалектного района. К северу от Опара — высокогорная Го́ра (Gorë), а за ней Мокра (Mokrë), обращенная восточными склонами своих высот к Охридскому озеру.

Вся эта обширная территория в течение последних 150 лет находилась под экономическим и культурным влиянием Корчи, которая к середине прошлого века стала одним из важнейших городов страны.

Корчинская равнина и прилегающие к ней горные районы были обитаемы с очень давних времен. У реки Девол, на бывшем озере Маликь, найдены остатки неолитических свайных построек. Там же — остатки иллирийского поселения эпохи бронзы.[149] В античную эпоху район Охридского озера принадлежал иллирийскому племени энхелеев. В горах к западу от равнины жили дассареты. У озера Преспа располагались позднее римские лагеря, охранявшие стратегически важный путь во внутренние области Македонии.

Расселение славян, распространившихся в VII—VIII вв. из Македонии по бассейнам Девола и Шкумбина,[150] оставило след в виде множества славянских названий населенных пунктов, охвативших густой сетью почти всю территорию северо-восточной Тоскерии, за исключением неблагоприятных для земледелия горных массивов. Сохранение этих названий свидетельствует об историческом значении славянского этнического элемента, ассимилированного в процессе формирования албанского населения края. Небольшим островком старого болгароязычного населения, изолированным в албаноязычном окружении, остались деревни Дренова (Drenovë) и Бобоштица (Boboshticë), к югу от Корчи.[151]

---

[149] S. Islami—H. Ceka. Nouvelles données sur l'antiquité illyrienne en Albanie. Studia Albanica, I, 1964, стр. 91 и сл.

[150] См.: А. М. Селищев. Славянское население в Албании, стр. 50. Вот некоторые из многих десятков названий, отмеченных А. М. Селищевым на карте славянской топографической номенклатуры Албании: Ремб́ец, Булгаре́ц, Грабови́ца, Дишни́ца, Подгори́, Дерсни́к — в Корчинской равнине; Госко́ва, Крушо́ва, Ши́пска, Дамьяне́ц — в районе Воскопои; Могли́ца, Гьергьеви́ца, Попчи́шт, Проздове́ц, Торове́ц, Пешта́н — в Опаре; Божиград, Сини́ца, Брадви́ца, Николица, Ракицка, Врани́шт, Звёзда — в Деволе, и др.

[151] См.: A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936. По свидетельству А. Мазона, все жители Бобоштицы и Дреновы, помимо своего родного македонского диалекта, служившего им в семейно-бытовом общении, хорошо владели албанским, который являлся для них языком культуры. Уже тогда, в начале 30-х годов, процесс дальнейшей ассимиляции представлялся подготовленным (см.: там же, стр. 4). О том, каково положение в настоящее время, сведений нет.

В средневековой истории балкано-славянской культуры область озер Охридского и Преспы с примыкающими к ней краинами юго-восточной Албании, также входившими в состав древнего Болгарского царства, известна как центр просветительской деятельности Климента и Наума, учеников Кирилла и Мефодия, распространявших славянскую письменность (конец IX—начало X в.). В городе Деволе (Δεάβολις), находившемся у реки того же названия (место, где был этот город, до сих пор не уточнено), Климентом было основано первое славяно-болгарское училище.[152]

Богатая роспись в церквах XIV в. — в деревне Мборья близ Корчи, на острове Малиград (озеро Преспа), близ деревни Пустец,[153] а также в пещерах схимников на озере Преспа,[154] является памятником средневекового искусства албанского народа, создававшимся в процессе дружественного симбиоза с македонскими болгарами на территории, входившей в сферу влияния Болгарского царства. Восточные районы южной Албании, лежащие в непосредственном соседстве с Македонией, вблизи таких ее центров, как Охрид, Битоль (Монастир), Костур (Кастория), на протяжении столетий были тесно связаны с ней в культурном отношении. Влияние Охрида, как церковного центра, на христианско-православную часть населения этих районов было вплоть до ликвидации Охридской патриархии в 1767 г. сильнее, чем влияние патриархии Константинополя.[155]

Помимо славян, известную роль в этнической истории края играли влахи (аромуны). Большие поселения оседлых влахов с давних пор существовали в горах юго-восточной Албании: Лэнга (Llëngë) в уединенной долине краины Мокра,[156] Грабова (Grabovë), в краине Го́ра, Шипска (Shipskë), недалеко от Воскопои[157] и др. На альпийских лугах хребта Моравы (к востоку от Корчи) в летнее время пасли свои стада кочевые влахи-фаршериоты.[158]

В городах юго-восточной Албании влахи составляли довольно заметную часть населения. Так, в Корче в конце XIX в. проживало, по подсчетам Г. Вейганда, около 130 влашских семей. Из них 50 принадлежали к торговому и ремесленному сословиям, остальные (преимущественно фаршериоты) были пастухами или кираджи (qiraxhi — «лицо, занимающееся извозом», тур. ki-

---

[152] А. М. Селищев. Славянское население в Албании, стр. 62. Также см.: Histori e Shqipërisë, I, стр. 163.

[153] См.: Dh. Dhamo. L'église de Notre-Dame à Maligrad. Studia Albanica, 2, Tirana, 1964.

[154] См.: Th. Popa. Piktura e shpellave eremite në Shqipëri. Studime Historike, Tiranë, 1965, № 3.

[155] См.: Histori e Shqipërisë, I, стр. 59 и сл.

[156] См.: G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 59 и сл.

[157] См.: там же, стр. 105.

[158] См.: там же, стр. 289.

raci).[159] Влахи составляли большинство населения в богатом торговом городе Воскопое в эпоху его расцвета (XVIII век).

Христианское население юго-восточной Албании, принадлежавшее к восточной церкви, всегда испытывало сильное влияние греко-византийской культуры. Это сказалось, в частности, и на облике городов в этой части страны. Начатки городской жизни здесь относятся к довольно давнему времени. Однако о большом городе Деаболисе, существовавшем в эпоху раннего средневековья в краине Девол, сведения сохранились лишь в письменных источниках. Турецкое завоевание замедлило процесс экономического развития края, и главный его город — Корча — имеет сравнительно недавнее происхождение. Правда, еще до прихода турок на месте нынешней Корчи существовало селение, которое в церковной иерархии XIV в. отмечалось как центр небольшой епископии.[160] В конце XV в. в этом селении, лежавшем на перекрестке важных дорог у края плодородной равнины, турецким военачальником Мирахором Ильяз Беем была воздвигнута большая мечеть.[161] Специальным указом султана Баязида II селение было сделано центром обширных вакуфных владений, включавших еще ряд деревень. Но на протяжении XVI—XVII столетий Корча продолжала оставаться скорее большой деревней и лишь в первой половине XVIII в. приобрела облик небольшого городка.[162]

В период XVII—XVIII вв., отмеченный некоторым оживлением экономической жизни страны, в юго-восточной Албании наибольшее значение как городские центры имели Воскопоя (Voskopojë), или Мосхóполь (Μοσχόπολις), и Вискукь (Vithkuq), лежавшие в горах к западу от Корчи. В этих городах получили развитие ремесленное производство, торговля, а также греческо-православная церковная культура. Особенно значительна была Воскопоя, население которой состояло из влахов и албанцев. Предположения, высказываемые относительно количества жителей этого города в период его расцвета (XVIII век), противоречивы. По преданиям, собранным Вейгандом в конце прошлого века, в городе было 12 тысяч домов. Считая эту цифру преувеличенной, он все же полагал, что число жителей Воскопои в XVIII в. могло доходить до 40 и даже 60 тысяч.[163] Однако, вероятно, более правы авторы «Истории Албании», определяющие это количе-

---

[159] См.: там же, стр. 109.

[160] См.: P. Pepo. Kodiku i madh i Korçës si burim historik. Konferenca e parë, стр. 530.

[161] См.: P. Pepo. Dy dokumente mesjetare mbi Shqipërinë. Bul. Shk. Shoq., 1956, № 3, стр. 272.

[162] См.: Z. Shkodra. Rreth kumtesës «Të dhena mbi Shqipërinë e Mesme dhe të Jugut sipas një dokumenti të shekullit XVII». Bul Univ., Ser., Shk. Shoq., 1958, № 4, стр. 265.

[163] См.: G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 100.

ство в 15—20 тысяч человек.[164] Во всяком случае, нет сомнения в том, что для своего времени Воскопоя была относительно большим городом, оказывавшим влияние на экономическую и культурную жизнь края. Купечество Воскопои, помимо широкой торговой деятельности внутри страны, имело также интенсивные торговые отношения с другими странами. Многочисленные церкви, сохранившиеся среди развалин города, свидетельствуют о его прошлом богатстве и населенности. В пору расцвета в нем существовала типография, печатавшая книги на греческом языке. Знаменитое училище Воскопои, основанное в 1744 г. и получившее название «Новой Академии», на короткое время стало одним из выдающихся центров просвещения на Балканах.

Однако судьба Воскопои была печальна. Во второй половине XVIII в., в обстановке феодальной анархии, царившей в стране, богатый город трижды (в 1769, 1772 и 1789 гг.) подвергался опустошительным нападениям, после чего больше уже не возродился. Значительная часть уцелевшего населения покинула его и обосновалась в других городах южной Албании и Македонии, в том числе в Корче. В конце XIX в., по свидетельству Вейганда, в деревне Воскопое, сохранившейся на месте прежнего города, было всего лишь 220 домов.[165]

Город Вискукь испытал сходную судьбу. В 1823 г. он также подвергся опустошению и утратил прежнее значение.

С начала XIX в. роль главного экономического и культурного центра юго-восточной Албании перешла к Корче, которая в своем быстром росте вскоре опередила многие старые города. В середине века она уже успешно конкурировала с центром Эпира Яниной в отношении как внутренней, так и внешней торговли. Хан сообщает, что корчинским купцам удалось к тому времени, минуя Янину, установить непосредственные связи с Корфу и Триестом и доставлять английские товары в Албанию и внутренние области Балканского полуострова кратчайшим путем — через Влёру. Этому благоприятствовало выгодное положение города как узлового пункта нескольких важных дорог.[166]

В 1805 г. в Корче было, по свидетельству М. Лика, только 450 домов.[167] По приблизительным подсчетам число жителей при этом должно было составлять около 3150 человек.[168] В 1888 г. население Корчи исчислялось, согласно официальным турецким данным, в 10 тысяч человек, из которых две трети составляли

---

[164] См.: Histori e Shqipërisë, I, стр. 407.

[165] См.: G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 96. Я видела Воскопою в 1956 г. После разрушений, дополнительно причиненных двумя мировыми войнами, деревня имела совсем жалкий и опустошенный вид.

[166] См.: J. G. Hahn. Albanesische Studien, I, стр. 55.

[167] См.: W. M. Leake. Travels in Northern Greece, I, стр. 337.

[168] См.: Z. Shkodra. Rreth kumtesës «Të dhena mbi Shqipërinë», стр. 266.

православные христиане и лишь одну треть мусульмане.[169] В 90-е годы прошлого века количество жителей достигло 12 тысяч.[170] Для тогдашней Албании это была относительно высокая цифра.[171] Число жителей росло благодаря переселению в город семей из различных краин юго-восточной Албании, в первую очередь из ближайших деревень, расположенных к югу и северу от Корчи, также из краин Девола, Колоньи и др.

Корчинский базар играл большую роль в экономической жизни всего края, еженедельно привлекая в город много крестьян из ближних и дальних районов. Широко развитое ремесленное производство и мелкая торговля определяли уклад городской жизни. В 1888 г. в Корче насчитывалось 757 лавок (dyqane), принадлежавших ремесленникам и торговцам.[172] Уже в конце прошлого века Корча производила впечатление богатого и благоустроенного городка.[173] Этому содействовали значительные средства, поступавшие благодаря внешнеторговым операциям корчинского купечества, а также благодаря накоплениям эмигрантов (kurbetllínj), часть из которых возвращалась на родину с достаточными сбережениями. Зажиточные граждане Корчи строили себе дома европейского образца. Характерно, что в отличие от других албанских городов в Корче европейский покрой одежды начал распространяться уже с середины XIX в.[174] Особую роль в истории города играло влияние греческой церкви. Еще с конца XVII в. в Корче была учреждена митрополия, которая сперва (до 1767 г.) находилась в подчинении патриарху Охрида, а затем целиком перешла в непосредственную зависимость от церковных властей Константинополя.[175] В городе, преобладающее большинство населения которого составляли православные христиане, в юрисдикцию митрополита входили, согласно нормам турецкого управления, не только церковные дела, но и все стороны жизни религиозной общины, включая экономические вопросы, дела эснафов, школьное образование и др. Греческая церковь настойчиво пыталась проводить политику эллинизации всей культурной жизни христианского населения южной Албании и среди корчинской буржуазии прогреческая партия была довольно сильна. В то же время уже к концу XIX в. Корча стала одним из главных очагов албанского национально-освободительного движения, которое здесь развивалось в острой борьбе против ассимиляторской

[169] См.: K. Frashëri. Mbi formimin e kombit shqiptar dhe lëvizjen nacionale shqiptare. Bul. Shk. Shoq., 1953, № 3, стр. 60.

[170] См.: G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 109.

[171] В 1955 г. число жителей Корчи составляло 31 833 человека (см.: Annuari statistikor i Republikës Popullore të Shqipërisë. Tiranë, 1958, стр. 28).

[172] См.: K. Frashëri. Mbi formimin a kombit shqiptar, стр. 58.

[173] См.: G. Weigand. Die Aromunen, I, стр. 107.

[174] См.: Andr. Gjergji. Veshja e popullit në qytetin e Korçës gjatë shekullit të XIX-të. Studime Historike, 1965, № 3, стр. 166.

[175] См.: P. Pepo. Kodiku i madh i Korçës si burim historik, стр. 530.

политики греческой церкви и поддерживавших ее грекофилов из среды богатого купечества. Именно в Корче была основана в 1887 г. первая школа с обучением на албанском языке.

Во внешнем облике Корчи и в укладе жизни ее обитателей греческое влияние сочеталось с национальными албанскими чертами, а также с особым налетом «европеизма», который в старой Албании считался характерной особенностью именно этого города.[176] Своеобразие дополняется наличием ориентальных черт, присущих не только мусульманской части населения, но характеризующей общий тип балканского «ориентального урбанизма», ярко выраженный в облике всех городов Албании. Как и в других городах, в Корче рядом с церквами поднимаются тонкие минареты мечетей, а находящееся на ее окраине большое теке́ бекташей (Teqeja e Turanit) является религиозным центром для многочисленных членов этой секты не только в городе, но и в окрестных деревнях.

Быстро распространившееся на протяжении XIX—XX вв. влияние Корчи как экономического и культурного центра, конечно, сказалось и в языке восточной Тоскерии.

Опубликованные материалы не дают исчерпывающего представления о всей диалектной карте ареала. Специальные описания посвящены только его периферийным частям — говорам краин Опар и Девол. Сведения о говорах остальной части территории не имеют систематического характера.

Говор Опара[177]

Краина Опар, лежащая глубоко в горах, составляет западную окраину северо-восточного района; она находится в самом центре северной Тоскерии, на середине пути между Корчей и Бератом. Со всех сторон ее окружают горные районы. На севере с Опаром граничат Верча и Го́ра, на западе — Скрапар, на востоке и юго-востоке — краины Воскопоя и Вискуть.

По территории Опара протекает Девол, пробивающий себе путь через глубокие ущелья. Высокие горы, альпийские луга, мало земли, пригодной для обработки, — таковы природные условия этого сурового края. Однако Опар относительно хорошо населен, особенно нижняя его часть (Opari i ulët), лежащая на склонах, обращенных к Деволу. Из 34 деревень 26 относятся к Нижнему и 8 — к Верхнему Опару. Население состоит частично из православных христиан и частично из мусульман. Еще в XV—

---

[176] См.: Ant. H a r a p i. Korçë e Shkoder. Përshtypje e kujtime. Hylli i Dritës, 1936, стр. 210.

[177] См.: J. G j i n a r i. Një vështrim mbi të folmet e Oparit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1957, № 1.

XVI вв. в Опаре сохранялось славянское население, о чем ясно сообщает хроника князя И. Музаки.[178] В настоящее время память об этом хранит полузабытое название Shqerí ('Славянщина'), относимое к деревням, лежащим на правом берегу Девола.[179] Славяне Опара давно полностью ассимилировались, и в устной традиции события того времени уже не отмечаются. Зато народные предания еще полны воспоминаний о происходивших в первую половину XIX в. переселениях лябов, которые в упорной борьбе со старым населением краины захватывали пастбища и пахотные земли.[180]

Смешанность нынешнего населения Опара, состоящего из коренных жителей — тосков и пришельцев — лябов, не отразилась, однако, на говоре, в котором, по наблюдениям Й. Гьинари, не обнаруживается никаких следов ляберийского слоя. Небольшие диалектные различия, отмечаемые на данной территории, связаны с ее периферийным положением. На участках, примыкающих к соседним диалектным территориям — к западнотоскскому Скрапару, а также к зоне переходных говоров на севере Тоскерии (Верча и Го́ра), наблюдаются явления, распространившиеся в результате постоянного взаимообщения с населением этих территорий (торговые связи, отношения свойства и др.). Кроме того, для сложения диалектной карты района большое значение имел тот факт, что через Опар с давних пор проходила очень важная для албанской торговли дорога из Берата на Воскопою, Корчу и далее на Битоль (Монастир). Диалектные связи отразили промежуточное положение Опара на полпути между Бератом и Корчей. Но все же определяющее значение имели экономические отношения с Корчей (ранее, по всей вероятности, с Воскопоей), благодаря чему в говоре Опара явно преобладают явления, характерные для северо-восточной части тоскского диалектного ареала.

Достойно внимания то, что в краине Опар, казалось бы затерянной и изолированной глубоко в горах, не создалось своего обособленного говора, и речь жителей ее, в сущности, очень мало отличается от того, что можно определить как общетоскский речевой стандарт или общетоскская народно-разговорная койне.

Известное влияние в этом отношении могла оказать большая подвижность мужской части населения Опара. Недостаток земли, годной для обработки, уже с давних пор послужил причиной развития курбета — ухода на заработки в другие районы и за пределы страны. Опарцы были широко известны, как искусные строители — каменщики и плотники. С наступлением летнего сезона они собирались в артели и расходились по различным

---

[178] См.: Ch. H o p f. Chroniques Gréco-Romanes. Berlin, 1853, стр. 280.

[179] См.: A. G e o r g e — Rr. Z o j z i. Vështrim etnografik mbi krahinën e Oparit. Bul. Shk. Shoq., 1952, № 2, стр. 35 и сл.

[180] См.: там же.

районам южной Албании. Так, жители деревни Лавдар обычно отправлялись в Берат, Мюзеке и Шпат, жители деревень Тудас, Лекас, Шкозань — в Малакастру; из Марьяна ходили в Фиер и Влёру, а также в область Гьирокастры и т. д.[181]

Основные фонетичекие особенности [182] в области вокализма:

1) два локальных варианта произношения *ё* в ударных слогах. На бо́льшей части территории распространен обычный для северотоскской диалектной зоны тип произношения этой фонемы: гласный смешанного ряда, среднего подъема, слегка продвинутый вперед [ə]: dhëmp 'зуб', këmbë 'нога', dhëndër 'жених', kam qënë 'я был', bën 'он делает'. В деревнях центральной части Нижнего Опара (Peshtan, Opar, Misras, Tudas и др.) отмечается произношение с некоторым снижением подъема и отодвижением назад. Определяя этот вариант как звук средний между *ё* и *а*, Й. Гьинари обозначает его *ё*^{a} : dhë^{a}mp, kë^{a}mbë, dhë^{a}ndër, kam që^{a}në.

2) На большей части диалектной территории гласный *е* в положении перед носовым согласным сохраняет свое качество: brenda 'внутри', vent 'место', zemër 'сердце', ndenji 'он сел', qen 'собака'. Это характерная особенность, общая для всего северо-восточного района Тоскерии. Лишь в западной части Опара (деревни Мазрека — Mazrekë, Душар — Dushar и др.), в непосредственном соседстве с краиной Скрапар, распространилось явление, характерное для западных ареалов Тоскерии: переход *e+nas.>ё+nas.* — brënda, vënt, zëmër и др. (однако *е* в слове qen). Этой изоглоссой оказалась захвачена также деревня Протопапа (Protoparë), находящаяся в центре Нижнего Опара.

3) Дифтонги *ua*, *ye* на большей части территории Опара произносятся независимо от характера слога с ударением, фиксированным на первом элементе.

ua: thúa 'ноготь', ftúa 'айва', dúar 'руки', múaj 'месяц', e múarrë 'его взяли' (3-е л. аор.), i dërgúar 'посланный', shúall, shúalli 'подошва'.

ye: krýe 'голова', u thýe 'разбился', fýell 'флейта', i lýer 'смазанный', u thýen 'они разбились' (3-е л. мн. ч. аор.), dýer 'двери', pýeste 'он спрашивал'.

В деревне Мазрека, находящейся близко от Скрапара, сохраняется позиционная вариантность произношения *ua*, *ye*, характерная для северо-западной Тоскерии: а) с ударением на втором элементе в закрытых слогах и в открытых внутри слова — duár 'руки', kuáj 'лошади', i dërguár 'посланный', pluár, pluári 'плуг', shuáll, shuálli 'подошва'; dyér 'двери', e thyén 'его разбили', e lyén 'его намазали'; б) с ударением на первом элементе в открытых конечных слогах — thúa 'ноготь', ftúa 'айва'; u thýe 'разбился'.

---

[181] См.: там же, стр. 43.

[182] J. Gjinari. Një vështrim mbi të folmet e Oparit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1957, № 1, стр. 137—141.

Дифтонг *ie* произносится повсеместно с ударением, фиксированным на втором элементе: qjéll [hi̯éɫ] 'небо', djéll [di̯éɫ] 'солнце', mbjell [mbi̯eɫ] 'я сею'.

4) Неударенное *ë* сохраняет относительную устойчивость. Оно произносится в открытом конечном слоге двухсложных и частично трехсложных слов — kohë 'время', kam marrë 'я взял', puntórë 'работники', dhëmbállë 'коренной зуб'; в начальных предударных слогах — vëllá 'брат', përrúa 'ручей'; часто также в предударных неначальных слогах — mundësí 'возможность', mbretërí 'царство'.

В области консонантизма:

1) фарингальный щелевой *h* устойчиво сохраняется на северо-западе диалектной территории и исчезает, притом во всех позициях, на юго-востоке. Изоглосса инновации, последовательно распространившаяся, как полагает Й. Гьинари, во всех деревнях Верхнего Опара, лежащих за хребтом Островица,[183] проходит далее очень извилистой линией, захатывая лишь часть деревень Нижнего Опара (Пештан — Peshtan, Опар — Opar и др.) и далеко отступая на участке села Протопапа. С сохранением *h*: të hollët 'деньги', hajdútë 'разбойники', ahére 'тогда', behári 'лето', u fshéha 'я спрятался', shtríhet 'простирается', krah 'рука (от кисти до локтя)', gjynáh 'грех' (деревни Моглица — Moglicë, Душар, Протопапа, Мазрека). С падением *h*: amáj (hamáj) 'грузчики', allâll (hallâll) 'справедливое дело', duán (duhán) 'табак', çfryet (çfryhet) 'надувается', ngróet (ngrohet) 'нагревается', sho (shoh) 'вижу', njo (njoh) 'знаю' (деревни Опар, Пештан,[184] Гьонбабас, Гьергьевица — Gjergjevicë).

2) Устойчивость сохранения среднеязычного носового *nj* [ń] связана с позицией,а также с характером морфемы и местом, которое в ней занимает данная фонема. В начальной позиции *nj* сохраняется повсеместно и во всех случаях. В неначальных позициях *nj* устойчиво в составе именных основ: shqipónjë 'орлица', zonja 'хозяйка, госпожа', brinjë 'ребро', florínj 'золотые монеты' (мн. ч. от florí 'золото'), sazexhínj 'музыканты' (мн. ч. от sazexhí); также в глагольных основах имперфекта: qepnja, qepnje 'я шил, ты шил', lanja, lanje 'я, ты мыл' и т. д. В основах изъявит. и сослаг. накл. наст. вр. действ. зал. глаголов I спряжения на части территории *-nj* > *-j* : 1-е л. ед. ч. liroj (< lironj) 'освобождаю', сослаг. накл. të liroj, 3-е л. ед. ч. të lirojë (të lironj, të lironjë), 1-е л. ед. ч. laj (< lanj) 'мою', сослаг. накл. të laj, 3-е л. ед. ч. të lajë (të lanj, të lanjë). В остальной части Опара сохраняются формы с *-nj* : lironj, të lironj, të lironjë; lanj, të lanj, të lanjë. Инновация продвигается с севера. Ею захвачены все деревни, ле-

---

[183] См.: там же, стр. 139.

[184] Однако в коротком тексте из Пештана записаны формы с *h*-: tri herë 'три раза', Holtë — название местности.

жащие на правом берегу Девола и некоторые более восточные деревни Нижнего Опара. Произношение указанных глагольных форм с *-nj* сохраняется в западной и юго-восточной частях диалектной территории, в основном в горных деревнях. Распространение инновации, по-видимому, отражает далеко зашедшее влияние гегской диалектной области. В соседней краине Гóра, к которой непосредственно примыкают правобережные деревни Опара, переход *-nj* > *-j* в соответствующих глагольных формах является нормой переходной гегско-тоскской диалектной зоны.[185]

3) Сложные фонемы *mb*, *nd*, *ng*, *ngj* устойчиво сохраняются во всех позициях. Только в конечном положении второй элемент оглушается — в соответствии с общей закономерностью, характерной для тоскских говоров.

4) Оглушение звонких согласных в конце слова и в середине слова перед глухими проводится последовательно: shelk (shelg) 'ива', funt (fund) 'конец', baktíja (bagëtíja) 'скот', vents (véndës) 'местный житель' и др.

5) Ассимиляция *rn* > *rr*, *lln* > *ll*, *tn* > *n*, *dhn* > *dh*, *sn* > *z* на стыке морфем: в формах 3-го л. мн. ч. аор. — muarrë (< muarnë) 'они взяли', u mblodhë (< u mblodhnë) 'они собрались', u ndezë (< u ndeznë) 'загорелись'; в формах опред. вин. п. ед. ч. — të birrë (të birnë) 'сына', të zonë (të zotnë) 'хозяина'.

Основные морфологические особенности:[186]

1) широкое употребление формы предложного (так называемого местного) падежа: vemi të dy në dasmët 'мы оба идем на свадьбу', hyri në kavenét 'он вошел в кофейню', qajnë njëri për tjatrit 'плачут один о другом'; me mashët 'щипцами'.

2) Определенная форма вин. п. ед. ч. от имен мужск. р. образуется в основном путем присоединения окончания *-n(ë)* непосредственно к основе: fitimnë 'прибыль, заработок' (им. п. опред. fitimi), lumnë 'реку' (им. п. опред. lumi); также с ассимиляцией: litarrë 'веревку' (< litarnë, опред. им. п. litari), hallë 'заботу' (< hallnë, опред. им. п. halli), mbrenë 'короля, султана' (< mbretnë, опред. им. п. mbreti); иногда с метатезой: qilimën 'ковер' (< qilimnë, опред. имп. п. qilimi), grekën 'грека' (< greknë, опред. им. п. greku). Наряду с этим архаическим типом образования формы вин. п. ед. ч. опред. от основ мужск. р. с исходом на согласный отмечается также проникновение и распространение (главным образом в речи молодежи) более нового типа — с гласным *i* (или с гласным *u* после заднеязычных согласных) между основой и окончанием: djalin 'мальчика' (опред. им. п. djali), prokurorin 'прокурора' (опред. им. п. prokurori), xverkun 'затылок' (опред. им. п. xverku).

---

[185] См.: J. Gjinari. Tipare të folmeve të toskërishtes veriore të njëjtë me të gegërishtes jugore, стр. 135.

[186] См.: J. Gjinari. Një vështrim mbi të folmet e Oparit, стр. 141—149.

3) Формы род.-дат. п. мн. ч. (опред. и неопред.) образуются по новой морфологической модели — с согласным *-v-* в составе форманта. Например, формы дат. п. опред. в поговорке: sheshi shqerravet, pylli derravet 'ровное место для ягнят, лес для кабанов'. Только у границы с западнотоскской краиной Скрапар, в деревне Мазрека (Mazrrekë), были засвидетельствованы архаические формы без *-v-*: дат. п. опред. minjet 'мышам', род. п. опред. в сочетании në kohët të pleqet mi 'во времена моих стариков', т. е. 'при жизни моих стариков'.

4) В числе разнообразных типов образования основ мн. ч. существительных мужск. р. следует отметить как специфический, с суффиксом *-s* (*-z*): veshas 'уши' (ед. ч. vesh), varres 'могилы' (ед. ч. varr), yjs 'звезды' (ед. ч. yll). В эту группу входят также некоторые существительные женск. р.: faras 'семена' (ед. ч. farë), prrallas 'сказки' (ед. ч. prrallë) и др. Как справедливо полагает Й. Гьинари, суффикс множественности *-s* (*-z*) является по своему происхождению известным суффиксом уменьшительности *-z*.[187] В конечном положении *-z* > *-s*.

5) В парадигме ед. ч. наст. вр. глаголов II спряжения ликвидировано чередование -s/-t в исходе основы. Обобщена форма с конечным *-t*: 1-е л. vadit, 2-е л. vadit, 3-е л. vadit 'поливаю, -ешь, -ет'; 1-е л. këput, 2-е л. këput, 3-е л. këput 'обрываю, -ешь, -ет'. Во мн. ч. парадигма образуется по образцу парадигмы I спряжения: 1-е л. vadijmë, 2-е л. vadini, 3-е л. vadijnë 'поливаем, -ете, -ют'; 1-е л. këpujmë, 2-е л. këpuni, 3-е л. këpujnë 'обрываем, -ете, -ют', ср. 1-е л. fshijmë, 2-е л. fshini, 3-е л. fshijnë 'подметаем, -ете, -ют'.

6) Формы имперф. действ. зал. от глаголов всех спряжений образуются с окончаниями ед. ч.: *-nja*, *-nje*, *-nte* (-te); мн. ч.: *-nim*, *-nit*, *-nin* (со включением в состав окончаний основообразующего суффикса *-n-* (*-nj-*)). Так, от глагола lanj (laj) 'мою': ед. ч. — 1-е л. lanja, 2-е л. lanje, 3-е л. lante, мн. ч. — 1-е л. lanim, 2-е л. lanit, 3-е л. lanin; от глагола qep 'шью': ед. ч. — 1-е л. qepnja, 2-е л. qepnje, 3-е л. qepte; мн. ч. — 1-е л. qepnim, 2-е л. qepnit, 3-е л. qepnin.

7) Большое распространение (по аналогии) получил сигматический тип образования формы 1-го л. ед. ч. аор. страд. зал.: u trempç 'я испугался', u vraç 'я ударился, поранился', u këpuç 'я оборвался, обессилел', u lash 'я умылся, искупался'. Но также употребляются и асигматические формы: u lava 'я умылся', u lodha 'я устал' и др.

В предшествующем изложении речь шла о «говоре» Опара. Термин «говор» поставлен и в заглавии этого раздела. Однако Й. Гьинари озаглавил свою статью «Обзор говоров Опара» и в заклю-

[187] См.: там же, стр. 142.

чительной ее части пришел к выводу о том, что на территории краины Опар можно установить четыре говора, различающихся между собой по некоторым признакам. Предлагается следующее деление: 1) говор деревень, находящихся на правом берегу Девола, 2) говор деревень, составляющих центральную часть краины, 3) говор деревень, лежащих в западной части Опара, своими основными чертами сходный с западнотоскским говором соседней краины Скрапар, 4) говор горных деревень (Верхний Опар), лежащих на юго-востоке, ближе других к Корче и поэтому наиболее подвергшихся ее влиянию.

Характерно, однако, что изоглоссы отдельных признаков не окружают пучками намечаемые этим делением участки, но дают довольно пеструю картину пересечений.

Как о «говоре», так и о «говорах» Опара можно говорить лишь условно. Ни единого говора, ни отдельных говоров в собственном смысле слова, как самостоятельных, более или менее обособленных лингвистических единиц, на этой территории не существует. «Говор» (или «говоры») Опара — это отрезок языковой непрерывности, выделяемый в соответствии с исторически сложившейся народноалбанской традицией деления страны на «краины». Лингвистический ареал Опара, весь пересеченный линиями изоглосс, представляет собой характерную промежуточную область, непосредственно переходящую в соседние с ней ареалы и при этом являющуюся переходным звеном между ними. При этом черты одного из ареалов Тоскерии — северо-восточного — выражены в нем более отчетливо, что связано, конечно, с определенными условиями географического и социально-исторического порядка. Следует отметить значительную близость диалектного типа Опара к общетоскской наддиалектной норме (южноалбанская народно-разговорная койне), что вообще более всего характерно именно для восточных областей Тоскерии.

С точки зрения обычных представлений о соотношении диалектного членения с географическим характером местности можно удивляться тому, что район, лежащий в самом сердце гор, оказался не изолированной диалектной территорией, но частью языковой непрерывности. Однако для Албании, особенно для южной, именно такой тип развития был исторически закономерен.

О говорах других горных краин северо-восточной Тоскерии

К северу и северо-востоку от Опара лежат горные краины Гóра и Мóкра (или Поградец), также относимые к северо-восточному ареалу Тоскерии.[188]

[188] См.: J. G j i n a r i. Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmevet të saj, стр. 246.

Никаких материалов по говорам этих краин до сих пор не публиковалось. На основе имеющихся очень общих сведений можно полагать, что диалектный тип Го́ры и Мо́кры близок к диалектному типу Опара, с некоторым усилением тех признаков, в которых нашли отражение влияния южногегской области, прошедшие через среду говоров переходной зоны. Сюда относится, в частности, последовательное проведение перехода *-nj* > *-j* в формах 1-го л. ед. ч. изъявит. накл. (также 1-е и 3-е л. ед. ч. сосл. накл.) наст. времени глаголов I спряжения (lironj > liroj, mbanj > mbaj и др.).

Восточнее Опара, постепенно понижаясь в направлении Корчинской котловины, лежит большая горная краина, в глубине которой находятся остатки некогда богатого города Воскопои, или Мосхо́полиса. Село Вискукь (Vithkuq), также сохранившееся от прежнего города, расположено в этих же горах, южнее Воскопои. Восточной своей стороной краина Воскопоя непосредственно обращена к Корче. На юге она граничит с краинами Дангелы и Колоньи, относящимися к юго-восточному ареалу Тоскерии. Входя в округ Корчи и находясь поблизости от этого центра, краина Воскопоя тесно связана с ним в экономическом и культурном отношении.

Диалектных материалов, относящихся к району Воскопои—Вискукя, также не публиковалось. Однако есть возможность использовать языковые памятники конца XVIII и начала XIX в., дающие представление об основных особенностях говора этого края. Одним из таких памятников является трехъязычный (греко-аромуно-албанский) словарь, составленный во второй половине XVIII в. известным балканским просветителем, протоиереем и учителем из Воскопои, Теодором Каваллиоти.[189] Этот словарь, содержащий 1170 слов, включен в учебную книгу «Πρωτοπειρία» («Начатки знаний»), напечатанную автором в Венеции в 1770 г.[190] Текст этого редчайшего издания доступен для использования в переиздании Г. Мейера.[191] Мейер сохранил греческое написание албанских и аромунских слов в том виде, как оно было дано в оригинале. Значительный интерес представляет также греко-албано-английский словарь, опубликованный в 1814 г. В. М. Ликом в его труде «Разыскания в Греции».[192] Как сообщает автор, при составле-

---

[189] См.: Historia e letërsisë shqipe, I. Tiranë, 1959, стр. 306 и сл.; M. Ruffini, Teodor Anastasie Cavallioti: scrittore moscopolitano del sec. XVIII. Rivista d'Albania, III, Milano, 1942, стр. 110 и сл.

[190] Πρωτοπειρία παρὰ τοῦ σοφολογιωτάτου καὶ αἰδεσιμωτάτου διδασκάλου, ἱεροκήρυκος καὶ πρωτοπαπᾶ κυρίου Θεοδώρου Ἀναστασίου Καβαλλιώτου τοῦ Μοσχοπολίτου. Ἐνετίησι, 1770.

[191] G. Meyer. Albanesische Studien, IV. Das griechisch-südrumänisch-albanesische Wortverzeichnis des Kavalliotis, herausgegeben und erklärt. Sitzungsberichte d. Philos.-hist. Kl. d. Akad. d. Wiss., Bd. 132, Abt. XII, Wien, 1895.

[192] W. M. Leake. Researches in Greece.

нии словаря им были использованы материалы, содержащиеся в вышеуказанном словаре Т. Каваллиоти, а также в «Четырехъязычном Лексиконе» (греко-албано-аромуно-болгарском) священника Даниила из Воскопои (Михаль Адам Хаджи), изданном в 90-е годы XVIII в. (вторично в 1802 г.)[193] в Венеции.[194] Кроме того, Лик добавил материал, собранный им самим в разное время и в разных частях страны. Особенно интересно и важно то, что весь текст словаря Лика был исправлен и дополнен его «албанским учителем» — священником Евстратием.[195] О Евстратии Лик сообщает следующие сведения: родом из Вискукя, он был священником и учителем в Мосхополе (Воскопое). Хорошо владея древне- и новогреческим языками, Евстратий также обладал более точным, чем другие ученые албанцы, знанием своего родного албанского диалекта, «чего и следовало ожидать от столь образованного человека».[196] Он же снабдил Лика основным материалом для краткого грамматического очерка албанского языка, также опубликованного в «Researches in Greece». Благодаря участию Евстратия в создании грамматического очерка и словаря М. Лика эти последние приобретают значение надежного и полноценного источника сведений о говоре краины Воскопоя в том виде, каким он был в конце XVIII—начале XIX в.

В дополнение к краткой грамматике и словарю Лик поместил в своем труде также «Пятиязычные упражнения» («Pentagloss exercises»), содержащие сопоставление отдельных слов и выражений новогреческого, албанского, влашского (аромунского) и болгарского языков с английским переводом. Эти материалы были им извлечены из Λέξικον τετράγλωσσον Даниила. В написании албанских слов Лик заменил, так же как и в «Словаре», греческую графику латинской.

Перечисленные материалы дают сведения очень ценные, хотя и неполные, об основных признаках говора краины Воскопои—Вискукя. Эти сведения относятся к тому периоду, когда норм литературного языка не существовало, и поэтому в записях должно было отразиться реальное звучание народно-разговорной речи.

Некоторые фонетические и морфологические признаки говора Воскопои—Вискукя в конце XVIII—начале XIX в.:[197]

1) гласный *e* в положении перед носовым сохранял свое качество. Это отчетливо выявляется по материалам Каваллиоти,

---

193 Εἰσαγωγικὴ διδασκαλία περιέχουσα τετράγλωσσον τῶν τεσσάρων κοινῶν διάλεκτων ἤτοι τῆς ἁπλῆς ρωμαϊκῆς, τῆς ἐν Μουσία βλαχικῆς, τῆς βουλγαρικῆς καὶ τῆς ἀλβανιτικῆς. Συντεθεῖσα παρα τοῦ αἰδεσιμωτάτου καὶ λογιωτάτου διδασκάλου, οἰκονόμου καὶ ἱεροκήρυκος κυρίου Δανιὴλ (Μιχάλη 'Αδάμη Χατζῆ) τοῦ ἐκ Μοσχοπόλεως. 1802.

194 См.: Historia e letërsisë shqipe, I, стр. 312.

195 W. M. Leake. Researches in Greece, стр. 290.

196 Там же, стр. 264.

197 См.: G. Meyer. Albanesische Studien, IV, стр. 8—127; W. M. Leake. Researches in Greece, стр. 262—363 и 383—402.

различавшего звуки *e* (написание ε) и *ë* (написание α). Например: μένντ (ment)[198] 'мнение' (гр. γνώμη), βέννt (vent) 'место', ἐμαρ (emër) 'имя', κιέν (qen) 'собака'. Однако *e* > *ë* в словах: ζάμρα (zëmrë) 'сердце', βά (vë) 'кладу'.

2) Дифтонги *ua*, *ye* во всех положениях имели ударение на первом элементе.

Дифтонг *úa* — из словаря Каваллиоти: γκρούα (grúa) 'женщина', θούα (thúa) 'ноготь', φτούα (ftúa) 'айва', ντούα (dúa) 'я хочу', πλιούαρ (plúar) 'плуг', μούαϊ (múai) 'месяц', η χούαϊ (i húai) 'чужой', σσκρούαγ (shkrúaj) 'пишу', πλιούαγ (pluai, совр. bluaj) 'мелю, толку', γκατούανν (gatúanj) 'готовлю', κρούαγ (krúaj) 'чешу, царапаю', παγκούαγ (pagúaj) 'плачу́'.

Из материала Лика: dúa 'хочу', grúa, grúaia 'женщина', krúa 'источник', thúa 'ноготь', ftúa 'айва', perúa (përrúa) 'ручей', trúal (trúall) 'пол, почва', múakhi (múaji) 'месяц', tre múai 'три месяца', liakrúar (lakrúar) 'пирог', dúait (dúajt) 'снопы', isenterúare (i shënterúarë) 'священный', tuke kentúar (tuke këndúar) 'читая' («in reading»), iturperúare (i turpëruarë) 'опозоренный', skrúan (shkrúanj) 'пишу', gatúan (gatúanj) 'готовлю (пищу)', gíúan (gjúanj) 'охочусь, преследую', súan (shúanj) 'гашу', rúan (rúanj) 'стерегу', 1-е л. ед. ч. аор. rúaita, dúalne (dúalnë) 'они вышли' (3-е л. мн. ч. аор.), dúane (dúanë) 'они любят' и др.

Дифтонг *ýe* из словаря Каваллиоти: λιούεγ (lýej) 'мажу', θιούεγ (thýej) 'разбиваю', πιούες (pýes) 'спрашиваю', κριούε (krýe) 'голова'. Из материалов Лика: teliúem (tëlýem) 'масло'.

Дифтонг *ie* в словаре Каваллиоти в преобладающем большинстве случаев зафиксирован с ударением на втором элементе: μιέλ (miéll) 'мука́', ντιέλα (diéllë) 'солнце', μμπιέλ (mbiéll) 'сею', πιέλ (piéll) 'производить на свет' (о животных), παρμιέρ (përmiér) 'pissen', πιέρδ (pierdh) 'furzen', βγέλ (vjéll) 'speien', βγιέλλ (vjél) 'собираю урожай винограда', πιέκ (piék) 'варю'. Только в слове μπίε (bíe) 'ударяю' ударение стоит на первом элементе дифтонга.

Иную картину дают материалы Лика. В них отчетливо засвидетельствовано ударение на первом элементе дифтонга *ie*: míel (míell) 'мука́', díelne (díellnë) 'солнце' (вин. п. опред.), kíelne (qíellnë) 'небо' (вин. п. опред.), te díelne (të díelnë) 'в воскресение' (вин. п. опред.), bíe si (bíe shi) 'идет дождь', víel (víell) 'рвать, отрыгивать', te síele (të síellë) 'принесет' (3-е л. ед. ч. сосл. накл. наст. вр.).

По-видимому, материалы Лика отразили иной, чем в Воскопое, тип произношения, характерный для Вискукя, лежащего в южной части краины. Произношение Воскопои, зафиксированное в тексте Каваллиоти, совпадает с произношением, отмеченным в краине Опар. И там и здесь проводится различие между дифтонгами *úa*,

---

198 В скобках дается транслитерация средствами современной албанской графики.

ýe, с одной стороны, в которых ударение закрепилось за первым элементом, и дифтонгом *ie* — с другой. В говоре Вискукя результатом ликвидации позиционной вариантности ударения явилось закрепление его за первым элементом одинаково для всех трех дифтонгов. Возможно, что в то время (начало XIX в.) типы произношения еще не были окончательно стабилизированы и свободная вариантность «истинных» дифтонгов еще продолжала сохраняться, в особенности в связи с различным темпом речи.

3) Неударенное *ë* сохранялось довольно устойчиво. Так, например, в конечных слогах двух- и трехсложных слов у Каваллиоти: λιόπα (lópë) 'корова', ντάρδα (dardhë) 'груша', δέλπαρα (dhelpërë) 'лисица', μιέκαρα (miekërë) 'борода'. В материалах Лика: dhite (dhítë) 'козы', detne (detnë) 'море' (вин. п. опред.), liúlete (lúletë) 'цветы', dimere (dimërë) 'зима', natene (natënë) 'ночь' (вин. п. опред.), frikene (frikënë) 'страх' (вин. п. опред.).

В неконечных слогах — у Каваллиоти: βαλά (vëllá) 'брат', σσπαρέσα (shpërésë) 'надежда', μπαρέτ (mbërét) 'царь', κουπατόγ (kupëtoj) 'понимаю' и др.

4) Согласный *h* сохранялся устойчиво во всех позициях.

h- — у Каваллиоти: χέκουρ (hekur) 'железо', χούννταα (hundë) 'нос', χούμμπ (hump) 'теряю', ηχόλα (i hollë) 'тонкий'. У Лика: khékur (hékur) 'железо', ikhólle (i hollë) 'тонкий', khamál (hamáll) 'грузчик', khap (hap) 'открываю', kharón (harónj) 'забываю'.

-h- — у Каваллиоти: πλιούχουρ (plúhur), но также πλλιούρ (plur) 'пыль', μπάχεμ (bëhem) 'делаюсь', πλιέχα (plehë) 'навоз'. У Лика: kókhe (kohë) 'время', pliúkhur (pluhur) 'пыль', igrókhet (i grohët) 'теплый'.

-h — у Каваллиоти: σσιόχ (shoh) 'вижу', ντίχ (dih) 'помогаю', ννιόχ (njoh) 'знаю'. У Лика: sokh (shoh) 'вижу', rrakh (rah) 'бью', lekh (leh) 'лаять'.

5) В отношении среднеязычного носового *nj* в исходе основы в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. глаголов I спряжения материалы Каваллиоти обнаруживают некоторые колебания. Преобладают случаи с конечным *-j* ($<$ *-nj*): σσπατόγ (shpëtój) 'спасаю', παγκούαγ (pagúaj) 'плачу́', σσούαγ (shúaj) 'гашу́', θιούεγ (thýej) 'разбиваю' и др. Однако изредка встречаются и формы с *-nj*, например: γκατούανν (gatúanj) 'готовлю', γκαρρούανν (gërrúanj) 'скоблю'.

В материалах Лика только *-nj*: dertón (dërtónj) 'строю', giúan (giúanj) 'охочусь', kenton (këndonj) 'пою', lian (lanj) 'мою' и др.

В области морфологии можно отметить (по материалам Лика) 1) употребление предложного (так называемого местного) падежа: bi dhet 'на земле'; 2) архаический тип образования формы вин. п. ед. ч. опред. от основ мужск. р. с исходом на согласный — путем непосредственного присоединения к основе окончания *-në*: giákne

(gjaknë) 'кровь', detne (detnë) 'море', trupne (trupnë) 'тело', kíelne (qiellnë) 'небо', díelnë (diellnë) 'солнце'; 3) образование формы 1-го л. ед. ч. имперф. с окончанием *-nja* от глаголов с исходом основы не только на гласные, но и согласные звуки: skrúana (shkrúanja) 'я писал', ipna (ipnja) 'я давал', khídhna (hidhnja) 'я кидал', dilna (dilnja) 'я выходил' и т. д.; 4) различие вариантов образования форм аориста в I спряжении. В материалах Лика засвидетельствованы два варианта формы 3-го л. ед. ч. действ. залога: urdherói (urdhëroi) 'он приказал' и skrókhti (неудачная запись формы shkroiti) 'он написал', 1-е л. ед. ч. rúaita 'я стерег'.

В рассмотренных материалах оказались отмеченными признаки, довольно существенные для определения соотношения говора краины Воскопои-Вискукя с другими говорами. Обнаружилось, что этот говор в основных своих чертах тождествен говору Опара. Собственно говоря, его можно считать непосредственным продолжением той же диалектной «непрерывности», которая, в сущности, есть не что иное, как южноалбанская народно-разговорная койне, получившая свой наиболее стандартизованный облик на востоке Тоскерии. Материалы Каваллиоти и Лика показывают, что этот обобщенный тип южноалбанской речи сложился уже к началу XIX в. Вероятно, не случаен тот факт, что священник Даниил в заглавии своего труда (см. сноску на стр. 318) назвал составленный им словарь «Четырехъязычным лексиконом четырех общих диалектов». Таким образом, албанская речь Воскопои оказалась представленной как κοινὴ διάλεκτος.

Говор Девола[199]

Краина Девол (Devoll) лежит на юго-востоке албанской территории, к югу от озера Преспа. Богатые села этого района раскинулись по долине верхнего течения реки Девола и по спускающимся к ней восточным склонам хребта Моравы. В географическом отношении Девол представляет собой в известной мере замкнутую территорию. Восточной и южной сторонами она примыкает непосредственно к государственной границе с Грецией; с запада она отделена от Корчинской равнины горами Моравы; с севера выход на равнину открывается через ущелье Цангонь (Cangonj), по которому устремляется на запад извилистый Девол.

При турецком владычестве южная часть краины Девол в административном отношении входила в округ (kaza) Кастории (болг. и алб. Костур), а остальная часть территории — в округ Корчи.[200] Соответственно этому города Кастория и Корча являлись основными центрами экономического и культурного притяжения

[199] См.: J. G j i n a r i. Mbi të folmen e Devollit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1960, № 4; Vas. X h a ç k a. Një shikim mbi të folmen e krahinës së Devollit. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 2.

[200] См.: там же, стр. 197.

для крестьян Девола. В краине были и локальные экономические центры — с базарами, лавками ремесленников и торговцев, например: Билишт (Bilisht), также Хочишт (Hoçisht).[201] В настоящее время Девол входит в Корчинский округ. Центрами локалитетов являются Билишт, Прóгер (Progër) и Божиград (Bozhigrad).

Поддерживавшиеся на протяжении столетий двухсторонние связи — с внутриалбанской Корчинской равниной и с районами греческой Македонии, заселенными преимущественно болгарами, наложили отпечаток на характер бытового уклада и говора албанского населения этой типичной пограничной зоны.[202] В лексике Девола особенно много славянских элементов, которые можно рассматривать и как заимствования, и как остаточный лексический слой, сохранившийся от речи ассимилировавшихся славян.[203] Есть и новогреческие заимствования, но их относительно меньше.[204] В то же время говор Девола, благодаря периферийному положению и известной изолированности территории, сохранил отдельные архаические явления, давно утерянные большинством албанских говоров. Однако в говоре есть и некоторые специфические инновации.

Население Девола принадлежит к двум вероисповеданиям — христианско-православному и мусульманскому. Отмечается, что между христианами и мусульманами этого района сохраняются некоторые различия не только в бытовом укладе, но также и в говоре, притом иногда даже в пределах одного и того же села.[205] Это может быть объяснено существовавшей в прошлом культурной изоляцией христианского населения, находившегося под сильным влиянием греческой церкви (митрополии Кастории и Корчи).

Долина Девола была населена с давних времен. В северной ее части найдены остатки неолитического поселения. Из свидетельств античных и византийских историков известно, что в этом краю существовал еще в средние века богатый и культурный город Διάβολις или Δεάβολις, точное местоположение которого не установлено. Этот город был центром деятельности славянского

---

[201] F. Pouqueville. Voyage dans la Grèce, II, стр. 420.

[202] Ср.: J. Gjinari. Mbi të folmen e Devollit, стр. 104.

[203] См.: А. В. Десницкая. *Славянские заимствования*, стр. 27. К большому списку незарегистрированных ранее албанских славизмов (там же, стр. 11 и сл.) можно добавить также следующие слова, употребляемые в Деволе: rëshetkë, -a f. 'решетка для очищения воды на мельнице', çoçanik, -u m. 'свежая оболочка грецкого ореха, употребляемая для окраски тканей', potrésë, -a f. 'ужас, потрясение', potresitem 'ужасаться, потрясаться' zaparítem 'запариться (от жары)', lekovás, lekovátem 'лечить, лечиться'.

[204] Например: kartofor, -i m. 'письмоносец', tagar, -i m. 'мешок для зерна' (гр. τὸ ταγάρι 'заплечный мешок, котомка'), mastrapá, -ja f. 'жестяная кружка для молока' (гр. ὁ μαστραπᾶς 'кружка'), gjiton, -i m. 'сосед' (гр. ὁ γείτων), aguridhe, -ja f. 'незрелый виноград', vjasitem 'торопиться' (гр. βιάζω, βιάζομαι 'торопить, торопиться'), nomatís 'заговаривать (болезнь)' (гр. νοματίζω 'именовать') и др.

[205] См.: J. Gjinari. Mbi të folmen e Devollit, стр. 104.

просветителя Климента. Многие из деревень Девола сохранили славянские названия (Божиград — Bozhigrad, Синица — Sinicë, Николица — Nikolicë, Брадвица — Bradvicë, Хочишт — Hoçisht, Ракицка — Rakickë), наряду с исконно албанским Дарда (Dardhë).

Относительно происхождения и передвижений отдельных групп населения Девола Й. Гьинари, обследовавший говор, не обнаружил сведений ни в письменных документах, ни в устных преданиях.[206] Однако около трех десятилетий тому назад в Дарде (Dardhë) еще сохранялась память о том, что некоторые семьи этого села ведут свое происхождение от сулиотов, поселившихся в Деволе в начале XIX в., после уничтожения Сули́.[207] Если действительно в состав населения Девола вошел чамерийский слой, это может послужить основанием для нового объяснения некоторых специфических особенностей говора этой краины (об этом ниже).

Для истории деревень Девола и эволюции их говора важное значение имели отношения свойства́ (krushqí). Брачные союзы жители Девола заключали не только внутри краины, но в прошлом также с жителями соседних македонских деревень (по ту сторону государственной границы с Грецией, установленной лишь в 1913 г.) и в особенности с жителями Корчинской равнины.

Наиболее прочные и интенсивные связи с Корчей и окружающим ее сельским районом поддерживало население северной части Девола, при турецком владычестве входившей в Корчинскую каза́. С ростом экономического и культурного значения Корчи как главного центра юго-восточной Албании влияние ее в краине Девола все более распространялось и укреплялось. Многие семьи из Девола переселились в Корчу, привнеся в смешанную речь жителей этого относительно нового города черты своего родного говора. С установлением государственной границы Албании в 1913 г., отделившей албанскую краину Девол от греческой части Македонии, традиционные связи албанцев Девола с городами Касторией, Флориной и примыкающими к границе болгароязычными районами оказались нарушенными. Тем самым еще более усилилась притягательная сила Корчи как экономического и культурного центра.

Долина верхнего течения Девола отличается своим плодородием. Поэтому земледелие было издавна основным занятием ее населения, наряду со скотоводством, условия для которого тоже очень благоприятны. Дополнительным промыслом жителей Девола, особенно христиан, по традиции была заготовка и продажа древесного угля. Угольщики — кюмюрджи (qymyrxhínjtë) — обычно уходили на зимний сезон в недалекий курбет (в различные районы Албании, на Афон и в другие местности Греции). Деревни Девола, с их плотной застройкой каменными домами и относительно

---

[206] См.: там же, стр. 104.
[207] B a r d h y l i. Suli. Hylli i Dritës, 1939, стр. 268.

высоким уровнем жизни, уже к началу XIX в. приобрели полугородской облик; это было отмечено еще Пукевилем, которого поразили богатый базар и благоустройство домов в селе Хочиште.[208]

Во второй половине XIX в. в Деволе, как и во многих других районах южной Албании, широкое развитие получил курбет иного рода — вызывавшаяся экономическими причинами временная эмиграция на более или менее длительные сроки в отдаленные края (Румынию, США, в первой половине XX в. также в Аргентину и Австралию), нередко причинявшая страдания многим семьям. Подвижность мужской части населения, усваивавшей в своих странствиях навыки городской жизни, влияла на бытовой уклад деревень Девола, приближая его к городскому, притом со значительными элементами западной цивилизации. И в то же время крестьяне Девола продолжают сохранять многие народные обычаи, унаследованные от далекой старины — ритуал и фольклор календарных праздников, свадьбы и др.[209]

После освобождения Албании от фашизма краина Девол стала одним из передовых в экономическом и культурном отношениях районов страны.

Основные фонетические признаки говора [210] в области вокализма:

1) в произношении старейших носителей говора гласный *ë* [ə] в ударяемых слогах сильнее отодвинут назад и слегка лабиализован. В речи преобладающей части жителей Девола звучит обычный для северной Тоскерии гласный смешанного ряда, среднего подъема, слегка продвинутый вперед, нелабиализованный.

2) Гласный *e* перед носовыми, как правило, сохраняет свое качество: embrë (emër) 'имя', zembrë (zemër) 'сердце', brenda 'внутри', ment 'разум', dhen 'овцы', qen 'собака', fre (осн. *fren-) 'узда', ze (осн. *zen-) 'схватываю', le (осн. *len) 'оставляю'. Однако иногда можно услышать и произношение с переходом *e* > *ë* : mënt, lë, kam lënë 'я оставил', kam zënë 'я схватил' и др. Такое произношение, в частности, характерно для села Битинцка (Bitinckë, на севере Девола).

3) Дифтонги *ua*, *ye*, *ie* имеют ударение на втором элементе, независимо от характера и положения слога.

ua: bluájmë 'мы мелем', quájmë 'называем', duállmë 'мы вышли', shuánj 'гашу', kam dëgjuár 'я слышал', për të martuár 'чтобы женить', thuá 'ноготь', ftuá 'айва', u martuá 'он женился'.

ye: fyéll, fyélli 'флейта', dyért 'двери', pyétmë 'мы спросили', lyén 'мажет', i lyérë 'смазанный', i thyérë 'разбитый', u thyé 'разбился'.

---

[208] F. Pouqueville. Voyage dans la Grèce, II, стр. 420.

[209] См.: Vas. Xhaçka. 1) Lindja dhe martesa në Devoll. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1959, N 1; 2) Disa zakone në festa kalendarike në Devoll. Там же, 1959, № 3.

[210] См.: J. Gjinari. Mbi të folmen e Devollit, стр. 104—112.

ie: diéll 'солнце', mbiéllëm 'мы сеем', siéllëm 'мы приносим', i përziérë 'смешанный', bié 'падаю'.

Таким образом, в говоре Девола проведена существенная инновация: полностью ликвидирована вариантность «истинных» дифтонгов, и место ударения фиксировано на втором элементе, независимо от позиции. Остатком прежнего состояния является лишь отклонение от общего правила при произношении форм mua 'мне' и grua (вин. п. gruan) 'женщина'. Эти формы чаще слышатся с ударением на первом элементе: múa, grúa, grúan.

4) Специфической особенностью говора является наблюдаемое на большой части территории Девола изменение конечного неударяемого *u*, которое переходит в губно-зубной щелевой *v* и затем, согласно общему закону оглушения конечных звонких, действующему в южноалбанской диалектной области, превращается в глухой губно-зубной щелевой *f*: *-u* > -u̯ > *-v* > *-f*. Характерно, что *-u*, подвергающееся такой эволюции, во всех случаях представляет собой морфологический элемент — показатель им. п. ед. ч. мужск. р. в определенной схеме склонения, показатель род.-дат. п. ед. ч. мужск. р. в неопредел. схеме, личное глагольное окончание (3-е л. ед. ч. аор.): dhef (dheu) 'земля', (им. п. опред.), shif (shiu) 'дождь' (им. п. опред.), bef (beu) 'бей' (им. п. опред.), i zif (i ziu) 'несчастный'. Аналогично в род.-дат. п. неопред.: dhef, shif, bef; raf (rrau < rrahu) 'он ударил' (3-е л. ед. ч. аор.), kthef (ktheu) 'он повернул' (3-е л. ед. ч. аор.). Кое-где можно наблюдать начальную фазу указанной эволюции. Так, в деревнях Хочишт и Синица в исходе соответствующих форм стоит неслоговое *u̯*: kau̯ zi (kau i zi) 'черный бык', dheu̯ çaet (dheu çahet) 'земля раскалывается'.

5) Гласный *ë* в неударенных слогах сохраняется довольно устойчиво. Так, например, в конце слова непосредственно после ударного слога (независимо от количества слогов в слове): dégë 'ветка', shúmë 'много', sëpátë 'топор', lagështírë 'сырость', krastavécë 'огурцы'; в середине слова непосредственно после ударения: kópësht 'сад', úrëzë 'мостик'; перед ударным слогом: dëbórë 'снег', gëdhínej 'рассветало', misëríshtë 'кукурузная солома'.

Если слово с ударением на предпоследнем слоге оканчивается на сонант *r*, *l*, стоящее перед сонантом неударяемое *ë* переходит в конечную позицию, а сонант оказывается в сочетании с предшествующими (одним или двумя) согласными: vatrë (vatër) 'очаг', i voglë (i vogël) 'маленький', embrë (emër) 'имя', dhelprë (dhelpër) 'лисица' и др.

В области консонантизма:

1) конечное *h* не произносится на всей территории Девола: njo (njoh) 'знаю', kra (krah) 'рука (от кисти до плеча)', ple (pleh) 'навоз'. В начале и середине слова *h* отсутствует в произношении христианской части населения: ekur (hekur) 'железо', undë (hundë) 'нос', aére (ahérë) 'тогда', láemi (láhemi) 'моемся', fliet (flihet)

'говорится'. Однако *h*-, -*h*- сохраняется в произношении мусульман: hanko 'госпожа', hédhim 'мы кидаем', duhán 'табак', déhet 'напивается, пьянеет', shërohen 'исцеляются', ftohët 'холодно'.

2) Среднеязычный носовой *nj* устойчиво сохраняется во всех положениях, в том числе (на большей части территории) также в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. глаголов I спряжения: dëgjónj 'слушаю', lyénj 'мажу'. Однако в северной части Девола, в частности в с. Прогер (Progër), отмечается произношение указанной формы с изменением -*nj* > -*j*: laj (lanj) 'мою', fshij (fshinj) 'подметаю', bluáj (bluanj) 'мелю'.

3) Не произносится долгое *r* [*r̄*]. Тем самым ликвидировано фонологическое противопоставление *rr* [*r̄*] — *r* [*r*], благодаря чему некоторые пары слов стали омонимичными, например: ara (arra) 'грецкий орех' — ara (ara) 'поле'; ra (rrah) 'ударяю' — ra (ra) 'он упал'; вин. п. опред. ед. ч. gurë (gurrë < gurnë) — им.-вин. п. неопред. мн. ч. gurë.

4) Сочетание согласных *sht* > *shç* [*št* > *šč*] : boshç (bosht) 'ось', e shçunë (e shtunë) 'суббота', selishçe (selishtë) 'участок земли около дома', gjashçë (gjashtë) 'шесть', shçatë (shtatë) 'семь', jashçë (jashtë) 'снаружи'. Возможно, что это специфическое для говора Девола изменение отражает особенности речи ассимилированных на данной территории славян — македонцев.[211]

5) В некоторых словах сохраняется произношение старых сочетаний *kl*, *gl*: klishë 'церковь', klyç 'ключ', zgleth 'развязываю'. Во всех остальных случаях старые *kl* и *gl* заменены, как во всех севернотоскских говорах, среднеязычными смычными *q* [*ћ*], *gj* [*ђ*]. По свидетельству стариков деревни Синицы, еще 20—30 лет тому назад произношение сочетаний *kl*, *gl* шире сохранялось среди людей старшего поколения. Этой детали обычно посвящается особое внимание, так как она выделяет говор Девола среди прочих севернотоскских говоров. Наличие старых сочетаний *kl*, *gl* в отдельных словах объясняют как архаический реликт, имеющий параллелью аналогичное явление на периферии южноалбанского ареала — в говоре Чамерии, а также в говорах албаноязычных селений Греции, Италии, Украины.[212]

Однако возможна и иная трактовка указанной особенности говора Девола. Если в состав населения Девола действительно вошел чамерийский элемент — сулиотские семьи, обосновавшиеся на новых местах в начале XIX в., то именно этим может объясняться сохранение сочетаний *kl*, *gl* в нескольких изолированных словах.

---

[211] В македонском говоре сел Бобоштица и Дренова, лежащих несколько западнее Девола, ст.-слав. *tj, *kt' > šč, ср nošč 'ночь', ôvošč 'овощ', pešča 'печь' (см.: A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud, стр. 50).

[212] См.: E. Çabej. Per historinë e konsonantizmit, стр. 51.

6) Ассимиляция *rn* > *r*, *ln* > *l*, *lln* > *ll*, *dhn* > *dh*, *zn* > *z* на стыке морфем. В формах 3-го л. мн. ч. аор.: múarë (muarnë) 'они взяли', dúallë (duallnë) 'они вышли', húadhe 'они бросили'; в формах опред. вин. п. ед. ч.: gjelë (gjelnë) 'петуха', bullgarë (bullgarnë) 'болгарина', brezë (breznë) 'пояс'.

7) Некоторые особенности фонетического развития проклитик. В частности, предлоги подвергаются заметной деформации (в фонетическом отношении), например: *në* > *ndë* > *dë*, *më* > *mbë* > *bë*, *prej* > *pe*.

Основные морфологические особенности говора:

1) широкое употребление формы предложного (местного) падежа: hynë dë (ndë, në) grazhdit 'вошли в хлев', dë atë përuát 'в этом ручье', hipi n pamport 'поднялся на пароход', bë (mbë) diéllt 'на солнце', bë (mbë) kalt 'на коня', dëpër (ndëpër, nëpër) bart 'по траве', me gjilpërët 'иголкой'. Наряду с этим начала распространяться конструкция предлогов с формой вин. п. неопред. — в тех же значениях: nëpër lum 'через реку, по реке', me lugë 'ложкой', në qilar 'в погреб, в погребе'.

2) Опред. форма вин. п. ед. ч. от имен мужск. р. образуется путем присоединения окончания *-në* непосредственно к основе. Так, от основ с исходом на гласные звуки: dhénë 'землю', efendínë 'господина', të vëllánë 'брата'. От основ с исходом на согласный: atnë 'коня', lisnë 'дуб, дерево', besímnë 'веру, доверие', litárë (< litarnë) 'веревку', gjelë (< gjelnë) 'петуха'. Однако довольно широко распространился также новый тип образования формы вин. п. ед. ч. опред. мужск. р. — с гласным *i* (или *u* после заднеязычных согласных) между основой и окончанием: dhëndrin 'жениха', popullin 'народ', gjishtin 'палец'.

3) Во II спряжении глаголов ликвидировано чередование в исходе основы. Во всех трех лицах ед. ч. наст. вр. обобщен тип с конечным *-t*: 1-е, 2-е, 3-е л. ед. ч. наст. вр. vadit 'поливаю, -ешь, -ет', branovit 'бороню, -нишь, -нит'.

4) Глаголы с основой на согласный имеют в 1-м и 3-м л. мн. ч. наст. вр. действ. зал. окончания *-ëm*, *-ën*: rahëm, rahën 'бьем, бьют', dalëm, dalën 'выходим, -ят', mbushëm, mbushën 'наполняем, -ют'.

5) Специфической чертой говора является образование формы 3-го л. ед. ч. аор. действ. зал. от глаголов с основой на гласный с элементом *-v-* между основой и окончанием — по аналогии с 1-м и 2-м л. ед. ч.: dërtovi 'он построил', ср. 1-е л. ед. ч. dërtova, 2-е л. ед. ч. dërtove, arivi 'он пришел', ср. 1-е л. ед. ч. ariva, 2-е л. ед. ч. arive, previ 'он разрезал', ср. 1-е л. ед ч. preva, 2-е л. ед. ч. preve.

6) 1-е л. ед. ч. имперф. действ. зал. имеет окончание *-nja* (независимо от типа основы): mernja 'я брал', kërkonja 'я искал'.

В области словообразования имен существительных привлекает внимание очень широкое употребление суффиксов славянского происхождения: *-kë*, *-çkë*, *-ckë*, *-ushkë*, *-ovinë*, *-icë*, *-nik*.

Протянувшаяся на высоте 800 м с юга на север, от гор Моравы до Охридского озера, Корчинская равнина в географическом отношении не представляет собой замкнутого и изолированного района. Не была она в прошлом и обособленной феодальной территорией. В период турецкого завоевания равнинные земли в первую очередь подвергались распределению и перераспределению в качестве пожизненного вознаграждения (тимар) за службу в армии (военно-ленная система). Некоторые части территории находились в распоряжении мусульманского духовенства (вакуфы). В дальнейшем, по мере разложения турецкой военно-феодальной организации, на землях Корчинской равнины создались основы феодально-поместного владения иного типа — система наследственных чифтликов. Крестьянское население равнинных сел, обрабатывавшее земли помещиков-чифтлигаров, не составляло вольных родовых общин, но было смешанным по своему происхождению. Жители окрестных малоземельных горных районов в разное время спускались на равнину и, поселяясь на ней, включались в существовавшую там систему феодально-поместных отношений.

Есть сведения о том, что некоторые деревни Корчинской равнины разрослись в большие поселения сравнительно недавно. Так, например Рембец (Rëmbec), одна из характерных равнинных деревень к северу от Корчи, в конце XVIII в. (по устным преданиям) имела не более 20 домов. Жители этой деревни платили десятину, которую собирали владельцы тимаров — спахи́ (тур. sipahi). В XIX в. Рембец стал чифтликом, как и другие деревни равнины, превратившиеся в наследственные владения крупных и мелких помещиков. На протяжении XIX и начала XX в. население его непрерывно увеличивалось, притом не только за счет естественного прироста, но также благодаря поселению в нем новых семей, спускавшихся с гор и арендовавших или покупавших участки земли. К 1935 г. количество жителей села Рембец достигло 600 человек.[213]

Если считать такое развитие типичным для деревень Корчинской равнины, можно заранее утверждать, что на этой территории не было условий для сложения и обособления своего специфического говора. Наоборот, в обстановке интенсивного движения и смешения крестьянского населения, прибывавшего из окружающих горных районов восточной Тоскерии, были условия для более быстрого распространения обобщенного речевого типа южноалбанской народно-разговорной койне. В настоящее время, когда Корчинская равнина стала одним из наиболее интенсивно развивающихся

[213] Andr. G j e r g j i. Provë për një studim etnografik në fshatin Rëmbec (Korçë). Etnografia Shqiptare, I, Tiranë, 1962, стр. 195.

сельскохозяйственных районов страны, центром молодой сахарной промышленности, остатки диалектной речи стали быстро исчезать под влиянием распространяющихся норм южноалбанского литературного языка в его устной форме, в целом очень близкой к тому обобщенному типу речи, который ранее создался на территории Тоскерии.

Речь жителей Корчинской равнины до сих пор не описывалась и фольклорных материалов, которые могли бы дать о ней представление, почти не публиковалось. То немногое, что доступно изучению, например записи сказок из деревень Дренова (Drenovë), Колонец (Kolonec), Пляса (Plasë),[214] поговорок из деревни Колонец,[215] нескольких песен из Новосели (Novoselë) [216] показывает обобщенный тип севернотоскской речи.

Можно предполагать, что в XIX и в первой половине XX в. жители Корчинской равнины в основном продолжали говорить так, как говорили в тех местностях, откуда они переселились, и речь их в основном была продолжением «языковой непрерывности» краин Опара и Воскопои. Именно из этих горных краин, окаймляющих с западной стороны Корчинскую котловину, вероятно в разное время, спустилось наибольшее количество поселенцев, чем в целом и определился тип речи. Помимо этого основного движения с гор на равнину, шедшего с запада, переселения совершались также с севера — из краин Мóкра, Гóра и соседних с ними районов переходной диалектной зоны, и с юга — из краины Девол. С этими движениями было также связано распространение определенных диалектных признаков, которые в той или иной степени окрашивали преобладающий на равнине обобщенный тип севернотоскской речи.

С севера, в частности, продвигалось такое явление, как переход *-nj* > *-j* в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. глаголов I спряжения: lanj > laj 'мою', lëronj > lëroj 'пашу', lyenj > lyej 'мажу', bluanj > bluaj 'мелю'. Изоглосса этого явления охватывает в основном правобережье реки Девол и на востоке доходит до ущелья Цангоня.[217]

С юга, из краины Девол на равнину проникло образование формы 3-го л. ед. ч. аор. (от глаголов с основой на гласный) с элементом *-v-* между основой и окончанием. Так, например, в тексте сказки из Дреновы употреблены формы kërkovi 'он потребовал', nuk e zgjovi 'не разбудила его', а рядом — обычные общетоскские формы dërgoi 'послал', shkoi 'пошла' и др.[218]

---

[214] Visaret e Kombit, IV. Tiranë, 1939, стр. 297, 313, 335.

[215] В сборнике: Fjalë të urta të popullit tone. Tiranë, 1958.

[216] Visaret e Kombit, IV, *стр. 216 и сл.*

[217] См.: J. G j i n a r i. Tipare të folmeve të toskërishtes veriore të njëtë me të gegërishtes jugore. (Studime Filologjike, 1965, № 2, стр. 134 и сл.). *Там же о некоторых других явлениях, отражающих влияния переходной* гегско-тоскской зоны.

[218] Visaret e Kombit, IV, стр. 296 и сл.

О говоре города Корчи

В Албании нередко можно слышать упоминания о речевых особенностях жителей Корчи, иногда о корчинском говоре. Однако, строго говоря, вряд ли можно ожидать, чтобы город, смешанное население которого выросло на протяжении сравнительно недолгого периода, мог иметь свой сложившийся особый говор. Те или иные явления, выделяемые в качестве особых его примет, например форма 3-го л. ед. ч. аор. действ. зал. с окончанием *-vi* (këndovi 'он спел'), отражают особенности говоров тех мест, откуда ведут свое происхождение отдельные группы населения, обосновавшиеся в городе нередко на протяжении всего нескольких десятков лет. Конечно, эти особенности стали в какой-то степени показательными для общего типа распространенной в Корче речи. Тем не менее при определении наиболее характерных явлений корчинского говора нельзя не считаться с их разнородностью, с наличием вариантов и колебаний, связанных с тем, что отдельные группы городского населения происходят из различных местностей.

Говор Корчи до сих пор не описывался. Возможно, что это не случайно. Задача описания городского говора требует несколько иного подхода, чем при изучении говора сельского района.

Фольклорных материалов опубликовано также очень мало. К числу наиболее интересных и надежных языковых документов принадлежат тексты сказок из собрания корчинского фольклориста Евф. Митко, опубликованные Г. Мейером.[219] Анализ этих текстов позволяет выявить некоторые признаки говора (для второй половины XIX в.).

В области вокализма:

1) гласный *e* перед носовыми сохранял свое качество в словах vent 'место', ndë vendit 'на место', šeńɛ (shenjë) 'знак', ḱénavet (qenavet) 'собакам' (дат. п. мн. ч. от qen). В словах mɛnt (mënt) 'ум', zɛmbrɛ (zëmbrë) 'сердце', brɛnda (brënda) 'внутри', zɛnɛ (zënë) — причастие от zɛ (zë) 'схватываю', совершился переход *e* > *ë*.

2) Дифтонги *ua*, *ye* представлены в текстах совершенно отчетливо с ударением на первом элементе.

ua: me tre kúajɛ 'с тремя лошадьми', ndɛ δē tɛ húajɛ 'в чужую землю', per tɛ fitúarɛ 'чтобы заработать', išnin ngarkúarɛ 'были нагружены', iš zotúarɛ 'она поручилась', kiš dergúarɛ 'он послал', nuk e dúante 'не хотела' и др. (примеров очень много). Там, где *ua* стоит в конечном открытом слоге, ударение не обозначено; однако совешенно ясно, что оно в этих случаях падает также на первый элемент: grúa 'жена', udzǵúa 'он пробудился', ugɛzúa 'обрадовалась' и др.

[219] G. Meyer. Kurzgefasste albanesische Grammatik, стр. 57—67.

ye: pŷeti 'он спросил', pɛr tšperblŷerɛ 'чтобы вознаградить', tuke řɛfŷerɛ 'рассказывая', pɛr tɛ nkɛϑŷerɛ perapɛ 'чтобы вернуться назад', e krŷesɛ 'головы' (род. п. ед. ч.), e vlŷera 'помолвленная' и др.

В обозначении дифтонга *ie* наблюдаются различия. С ударением на первом элементе: řɛz e díeƚit 'луч солнца', mɛ e híešime 'более красивая', i a špíemɛ 'ему ее доставим'. С ударением на втором элементе: špiér 'доставь?', i pɛrtsiéƚ 'сопровождаемый'.

3) Устойчиво сохранялось произношение неударенного *ë* в различных позициях (в предударных и заударных слогах, в том числе во втором и даже в третьем заударном конечном): kɛjó 'эта', pɛrápɛ 'опять', mbɛréti 'царь', pergɛzíme 'поздравления', pɛrsɛrí 'снова', i vápɛk 'бедный', mótɛr 'сестра', húndɛtɛ 'носы', tšúpɛnɛ 'девушку, дочку' (вин. п.), tšúpɛzɛsɛ 'доченьки' (род. п.) и др.

В области консонантизма:

1) фарингальный щелевой *h* произносился во всех позициях: humbi 'потерял', hoδi 'бросил', hante 'ел', koha 'время', pa ńohur 'не зная', atɛhérɛ 'тогда', fšéhuraj 'тайком'; šoh, šeh 'вижу, видишь, -ит'.

2) Среднеязычный носовой *nj* сохранял свое качество во всех позициях, в том числе и в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. глаголов I спряжения: mbaroń 'завершаю', mbroń 'охраняю', viń 'прихожу'.

Нетрудно заметить, что в этих текстах отражены фонетические признаки говора, в основном совпадающие с признаками, характеризующими говор горных краин Воскопои и Вискукя, лежащих к западу от Корчи. Известно, что многие корчинские семьи происходят именно из этих мест.

Однако в Корче распространен и другой тип речи: с ударением, фиксированным на втором элементе дифтонгов *ua*, *ye*, *ie* и с утерей фонемы *h*, главным образом в середине и конце слова. И тот, и другой признаки характерны для говора краины Девол, откуда также происходит много городских семей.

Параллельно с глагольными формами на *-nj* употребляются формы на *-j* — ариант, распространившийся с севера, из переходной гегско-тоскской зоны.

В области морфологии тексты сказок обнаруживают: 1) частое употребление формы предложного (местного) падежа: ndɛ vendit 'на место', ndɛ kiƚắrt 'в погреб', ndɛ mburímt 'в источнике', trokiti mbɛ derɛt 'постучал в дверь', per ndert 'за честь', 2) очень продуктивен тип образования основы аориста от глаголов I спряжения с суффиксом *-t* (по аналогии с основами на *-t*/*-s*): škoiti 'он пошел', ngarkoiti 'нагрузил', tregoiti 'рассказал', kuitoiti 'вспомнил', mbl'ōiti 'покрыл', špɛtoiti 'спас'. Наряду с этими формами употребляются обычные общетоскские (и общеалбанские): mbl'oi 'наполнил', špɛtoi 'спас' и др. Формы на *-vi*, характерные для говора Девола, в этих текстах не представлены совсем.

Некоторые особенности корчинского говора обнаруживаются в языке писателей, связанных с Корчей. Так, например, в романе Ф. Постоли «Цветок воспоминания»[220] формы аориста глаголов I спряжения с суффиксом *-t* представлены очень широко: shkojti 'пошел', tregojti 'рассказал', shkrojti 'написал' (рядом nënëshkroi 'подписал') и др. Формы 3-го л. ед. ч. аор. с характерным окончанием *-vi* тоже встречаются, но очень редко (всего 3—4 случая): ndjevi 'почувствовал', shtrovi 'развернул'. В этом же тексте представлены формы 3-го л. мн. ч. аор. с ассимилятивным изменением *ln > ll, rn > r(r)* на стыке морфем: duallë (dualnë) 'они вышли', muar (muarnë) 'они взяли', thirrë (thirnë) 'они позвали' и др. Также встречается архаический тип образования формы вин. п. ед. ч. опред. от основ мужск. р.: veshnë 'ухо', fatnë 'судьбу' и др. Сходную картину обнаруживает анализ языка М. Грамено,[221] ср. формы 3-го л. ед. ч. аор. dëgjojti 'он услышал', qëndrojti 'остановился'; 3-го л. мн. ч. аор.: muarë 'взяли'; вин. п. ед. ч. опред. veshnë 'ухо', shkaknë 'причину' и др. Формы 3-го л. ед. ч. аор. с характерным окончанием *-vi* встречаются у Сп. Конды, происходящего, как известно, из селения Дарда (Девол). Так, в переводе «Апологии Сократа»:[222] më ngjavi 'со мной случилось', kuptovi 'он понял', dëgjovi 'он услышал' и др.

Обобщая разноречивые сведения об особенностях говора Корчи, можно сделать заключение о том, что этот говор, в том виде, как он звучит в устном общении, представляет собой южноалбанскую народно-разговорную койне, сохраняющую, однако, некоторую вариантность, которая отражает историю формирования городского населения, происходящего из различных краин юго-восточной Албании. В речи жителей Корчи ясно различимы специфические явления, привнесенные из говора краины Девол и наслоившиеся на более обобщенный тип северотоскской речи, в основных своих чертах совпадающий с говором горных краин к западу от Корчинской равнины. Кроме того, из речи равнинных деревень в корчинский говор проникают некоторые явления, распространившиеся с севера, из переходной гегско-тоскской зоны, в частности употребление формы 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. глаголов I спряжения с конечным *-j*.

Вариантность наиболее заметна в следующих явлениях.

1) Сохранение качества гласного *e* перед носовыми или переход его в *ë* (под ударением): vent // vënt 'место', ment // mënt 'ум', ve // vë 'кладу'.

2) Произношение дифтонгов *ua*, *ye*: а) с ударением, фиксированным на первом элементе; б) с ударением, фиксированным на втором элементе; в) с изменением места ударения в зависимости от характера слога и, возможно, от темпа речи.

---

[220] F. Postoli. Lulja e kujtimit. Tiranë, 1957.
[221] M. Grameno. Kryengritja shqiptarë. Tiranë, 1959.
[222] Hylli i Dritës, 1939, стр. 553—564; 1940, стр. 252—257.

3) Сохранение или утрата согласного *h* в середине и в конце слова.

4) Образование формы вин. п. ед. ч. опред. основ мужск. р. по двум моделям: а) архаический тип — fshatnë, fshanë 'деревню', shkaknë 'причину', benë 'бея'; б) новый тип — fshatin, shkakun, beun.

5) Форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. глаголов I спряжения с конечным *-nj* или *-j*: kuptonj // kuptoj 'понимаю'.

6) Образование основы аориста глаголов I спряжения по двум моделям: а) kuptova, б) kuptojta. При этом форма 3-го л. ед. ч. модели kuptova имеет варианты: kuptoi // kuptovi.

Юго-восточный район

По классификации тоскских говоров, предложенной Йорги Гьинари, юго-восточный диалектный район охватывает краины Дангели́ (Dangëllí), Шкери́ (Shqerí), Колонью (Kolonjë) и Лесковик (Leskovik), лежащие к югу от Корчинской котловины.

Котловина Колоньи, отделенная от Корчинской перевалом Кьарри (Qafa e Qarrit), протянулась в направлении с севера на юг, на высоте около 1100 м, вдоль хребта Грамос, по которому проходит государственная граница Албании с Грецией. У подножия Грамоса, в отдалении от большой дороги, идущей по дну котловины, расположились живописные села Колоньи, имеющие благодаря плотной застройке облик маленьких городков. Колонья образует в настоящее время самостоятельный округ, административным и экономическим центром которого является городок Эрсека (Ersekë), лежащий посреди котловины, на пути из Корчи в южные районы страны. С юга и юго-запада к Колонье примыкают небольшие горные краины, занимающие пространство между реками Осумом и Вийосой (в их верхнем течении). Южнее других, непосредственно у греческой границы лежит краина Лесковик (Leskovik) или Карамуратас (Karamuratas). К северо-западу от нее — Шкери и далее Дангелы, охватывающая район хребта Кокойка (Mali i Kokojkës) и граничащая на севере с краинами Вискукем и Опаром, а на северо-западе — со Скрапаром. Шкери и Дангелы составляют северную часть Перметского округа.

В прошлом северная часть Колоньи административно была связана с Корчей, а южная, так же как прилегающие к ней Лесковик, Шкери и Дангелы, — с Перметом.[223] Поскольку Корчинская каза́, как единица турецкого административного деления, подчинялась Монастиру (Битолю), а Пермет — Янине, и при этом дорога, связывавшая эти два важных центра турецкой власти

---

[223] Q. H a x h i h a s a n i. **Kërkime dhe vëzhgime folklorike në rrethin e Përmetit**, стр. 119.

на Балканах, проходила через котловину Колоньи, юго-восточный район Тоскерии *своими административными и экономическими* связями оказывался обращенным в две стороны — на север (Корча и области западной Македонии) и на юг (области Албанского Эпира). Этим в известной мере определяется промежуточное положение соответствующего диалектного ареала, примыкающего к северо-восточному району Тоскерии и к южнотоскской диалектной зоне, границу которой принято определять по течению реки Вийосы.

Исконными занятиями населения всех краин юго-восточного района были скотоводство и земледелие. Некоторые местности, например Лесковик, славились виноградарством. Однако недостаток земли, пригодной для обработки, с давних пор обусловливал необходимость дополнительных промыслов, связанных с уходом мужской части населения на заработки в другие районы (курбет). Особенно это касалось христиан, которые находились в более трудных экономических условиях, чем магометане, пользовавшиеся некоторыми привилегиями.

Для жителей Колоньи традиционной была профессия каменщиков. Если первоначально каменщики из Колоньи растекались в сезон строительных работ преимущественно по районам южной Албании, то со временем диапазон их сезонных передвижений охватил также Грецию и Болгарию. В конце XIX в. некоторые жители Колоньи стали отправляться еще далее, в частности в Россию, добираясь даже до Сибири.[224] В краинах, относящихся к Перметскому округу, распространены также профессии пильщиков леса (sharrëxhí), лудильщиков (kallaixhí) и др.[225] Дух предприимчивости, характерный для жителей южноалбанских горных краин, находил себе, кроме того, выход в мелкой торговле и в освоении различных городских профессий. При этом, если даже курбет растягивался на длительные сроки, часто на годы, связи с родными селами не порывались и kurbetllinj возвращались к своим семьям иногда после многолетнего отсутствия. В первые десятилетия XX в. из Колоньи, как и из других горных краин южной Албании, усилился поток эмиграции в страны Америки.

Следствием большой подвижности населения в деревнях Колоньи и соседних с нею краин уже в XIX в. явилось распространение и усвоение некоторых элементов городского быта, что находило себе выражение в характере построек, убранстве жилищ, в домашнем обиходе, в одежде. Отмечается, что население деревень, лежащих вдоль дороги Корча—Лесковик в большей степени, чем где-либо в другом районе Албании, отошло от местных

---

[224] Q. Haxhihasani. Ekspedita folklorike e Kolonjës, стр. 197.
[225] Q. Haxhihasani. Kërkime dhe vëzhgime folklorike në rrethin e Përmetit, стр. 119.

традиций национальной одежды и усвоило городскую манеру одеваться.[226] Однако при всем том в этом краю довольно устойчиво сохраняются многие старые обычаи и обряды, а также традиции песенного фольклора.[227]

Характерным моментом прошлой истории края было несколько особое положение таких селений, как Лесковик и Фрашер, служивших местом постоянного проживания мусульманской военной аристократии, связанной со старой турецкой феодальной системой. В этих селениях концентрировались албанские беи — спахи́, получавшие от турецкого правительства за службу в армии земельные участки — тимары, с которых они извлекали доход, собирая в свою пользу налоги. Беи Лесковика имели свои тимары по большей части в Греции, на равнинах Фессалии, но жить предпочитали в родных горах. Богатые беи, воздвигавшие себе укрепленные жилища в селении Фрашер, владели поместьями в Греции и Боснии.[228] После того как турецкое правительство провело в первой половине XIX в. реформу своей военно-феодальной организации, албанские беи-спахи́, связанные со старой системой, потеряли свои владения, стали переселяться в города, многие из них обеднели, а дома их уже к началу XX в. превращались в развалины.[229]

Топонимика юго-восточного диалектного района, как и других районов Тоскерии, сохраняет много славянских названий. Таковы, например, следующие названия населенных пунктов Колоньи: Бежан (Bezhan), Гостивишт (Gostivisht), Борова (Borovë), Селеница (Selenicë), Водица (Vodicë), Крешова (Kreshovë), Рахова (Rahovë); в краине Дангелы: Кострец (Kostréc), Стернец (Sternéc), Гостомиска (Gostomiskë), Новоселя (Novoselë), Завалян (Zaválàn) и др. Название Шкери́ (Shqerí 'Славянщина')[230] указывает на длительность сохранения в этой краине славянского элемента. В целом ассимиляция славян во всем юго-восточном районе произошла, вероятно, уже очень давно.

Некоторое место в этническом составе населения Колоньи и примыкающих к ней краин занимают влахи. Одним из центров их концентрации был в прошлом район Фрашер (краина Дангелы). Свидетельством этому может служить название «фаршериоты» (Fărşirót), закрепившееся за одной из влашских племенных группировок.[231] Позднее летние кочевья влахов-фаршериотов

---

[226] Guide d'Albanie. Tiranë, 1958, стр. 294.

[227] См.: Q. H a x h i h a s a n i. 1) Ekspedita folklorike e Kolonjës, 2) Kërkime dhe vëzhgime folklorike në rrethin e Përmetit.

[228] См.: Mali K o k o j k a. Naim be Frashëri. Sofie. 1901, стр. 4.

[229] См.: там же, стр. 3. К числу таких обедневших албанских феодальных семей принадлежала та, из которой вышли виднейшие представители албанского возрождения — братья Сами и Наим Фрашери.

[230] См. выше, стр. 257.

[231] См.: G. W e i g a n d. Die Aromunen, I, стр. 275.

концентрировались главным образом в горах Грамоса и Моравы.[232]

Тип албанской речи, распространенный в краинах юго-восточного района Тоскерии, в целом очень близок к наддиалектной норме общетоскской народно-разговорной койне. Отклонения от этого идеального стандарта очень незначительны. Такое положение исторически вероятно может быть объяснено не только срединным положением самого языкового ареала, граничащего на севере с областью Корчи (северо-восточный район Тоскерии), на северо-западе со Скрапаром (северо-западный район), а на юге с южнотоскской диалектной зоной. Не менее важным фактором, способствовавшим речевой стандартизации, была, по-видимому, исключительная подвижность жителей Колоньи и соседних с нею краин, из года в год временно покидавших родные места и искавших дополнительных заработков в других районах страны и за ее пределами.

Интенсивность сообщения внутри района и с соседними краинами облегчалась наличием проходившей через Колонью важной дороги, которая на протяжении столетий соединяла южные области Албании с Корчей, Монастиром и областями западной Македонии. Речные долины (вдоль течения Осума и Вийосы) в свою очередь создавали благоприятные географические условия для передвижения из района в район.

С относительно высоким уровнем экономической и культурной жизни, уже с давних пор характерным для Колоньи и примыкающих к ней краин, было связано относительно раннее развитие литературноязыковых традиций. Ко второй половине XVIII в. относилась литературная деятельность выдающегося поэта из мусульманской среды — Хасана Зюко Камбери, родившегося и умершего в краине Колонье (с. Старья — Starjë). В первой половине XIX в. теке́ (обитель) бекташей в селении Фрашер (краина Дангелы) сделалась одним из основных центров создания религиозной мусульманской поэзии на албанском языке, использовавшейся как средство пропаганды бекташинского вероучения. Большие поэмы, авторами которых были Далип Фрашери и Шахин Фрашери, предназначались для чтения вслух на собраниях членов секты в дни траура (matem) по семье Магомета.[233] Язык этих поэм, перенасыщенный ориентальной (в основном арабской) лексикой, сохранял некоторые специфические для краины Дангелы особенности. Однако в общем он соответствовал неписаным нормам южноалбанской народно-разговорной койне. Во второй половине XIX в. ту же литературноязыковую традицию продолжали выдающиеся деятели албанского Возрождения — братья

---

[232] См.: там же, стр. 288 и сл.

[233] O. Myderrizi. Lëtersia fetare a bektashive. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 3, стр. 136.

Сами и Наим Фрашери. Язык их произведений отразил родной им говор краины Дангелы и в то же время как основа новоалбанского литературного языка он соответствовал сложившейся ранее наддиалектной норме, по отношению к которой говоры отдельных районов восточной и юго-восточной Тоскерии выступают как локальные варианты, лишь в незначительной степени окрашенные мало существенными диалектными особенностями. В отличие от предшественников, для братьев Фрашери, боровшихся за национальное объединение албанского народа, была характерна сознательная установка на дальнейшую унификацию норм использованной ими южноалбанской народно-разговорной койне, а также обостренная позиция пуризма, выразившаяся в отказе от ориентализмов и в создании множества неологизмов на чисто албанском речевом материале.[234]

Во фрашерианскую литературно-языковую традицию, зародившуюся в мусульманско-бекташинской среде краины Дангелы, непосредственно влилась литературно-языковая деятельность соратника братьев Фрашери по «Стамбульскому обществу албанского книгопечатания» — Яни Врето из села Постенан краины Лесковик, который принадлежал к православно-христианской среде. В 80—90-е годы XIX в. в Колонье были открыты первые сельские школы с обучением на албанском языке, пособиями для которых служили учебники, изданные в Румынии братьями Фрашери и Яни Врето. Организатором этих школ был Петро Люараси, сам уроженец Колоньи.

До сих пор описан лишь один участок юго-восточного диалектного ареала — говор краины Дангелы, имеющий особый интерес в связи с фрашерианской литературно-языковой традицией, легшей в основу тоскской формы современного албанского литературного языка.[235] Остальная часть этой диалектной территории не описана. Опубликованные фольклорные тексты не свидетельствуют о каких-либо специфических особенностях говоров Колоньи,[236] Лесковика и др.

Й. Гьинари, предложивший классификацию диалектных районов Тоскерии, выделил некоторые признаки, характеризующие, наряду с общими признаками севернотоскской диалектной зоны, специально юго-восточный участок этой зоны. Среди них наиболее существенными являются: а) закрепление места ударения на первом элементе дифтонга *ua*, независимо от позиции и б) распростра-

[234] См.: Shaban Demiraj. Gjuha e Sami Frashërit. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 3, стр. 191 и сл.

[235] Sp. Floqi. Skicë e së folmes së Dangëllisë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1958, № 3.

[236] См.: Q. Haxhihasani. Ekspedita folklorike e Kolonjës.

нение на 1-е л. ед. ч. имперф. окончания, характеризующего 2-е л. ед. ч. имперф.: (unë) qepnje 'я шил', (unë) lanje 'я мыл'; ср. в говорах северо-западной группы 1-е л. ед. ч. имперф. qepjam, lanjam и в говорах сев.-вост. группы qepnja, lanja.[237] Показательны для данного диалектного района также случаи употребления формы 3-го л. ед. ч. имперф. с окончанием *-tej*, которая представляет собой результат контаминации окончаний 3-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. (*-te*) и 3-го л. ед. ч. имперф. страд. зал. (*-ej*).

Опубликованное описание говора краины Дангелы дает представление об основных признаках, характерных для юго-восточного диалектного района.

Основные фонетические и морфологические особенности говора краины Дангелы [238] заключаются в следующем.

Явления в области вокализма:

1) передний гласный *e* в положении перед носовым согласным в преобладающей массе случаев отодвигается назад, переходя в *ë* (гласный среднего ряда): dhḗntë 'овцы', brḗnda 'внутри', kam qḗnë 'я был', qḗntë 'собаки', gjḗmbi 'шип'. Наблюдаются колебания в произношении некоторых слов: ndénjta, ndéjta // ndḗnjta // ndḗjta 'я сел', qéndër // qḗndër 'центр'. В отдельных словах *e* перед носовым (произносимым или отпавшим) сохраняет свое качество: émër 'имя', pe (осн. *pen-) 'нить', fre (осн. *fren-) 'узда'.

2) Произношение гласного *y* сохраняется: sy 'глаз', dy 'два', tym 'дым'. Этот признак имеет важное дифференциальное значение при сопоставлении с говорами соседней южнотоскской диалектной области, для которой характерна делабиализация *y*.

3) В дифтонге *ua* ударение фиксировано на первом элементе, независимо от характера слога: ftúa 'айва', krúa 'источник', grúa, grúaja 'женщина', múaj, múaji 'месяц', kam punúar 'я работал', lakrúar 'пирог с начинкой из зелени'.

Точно так же в дифтонге *ye*: dýer 'двери', fýell 'флейта', kam kthýer 'я повернул', kam lýer 'я намазал'. Однако в формах глагола pyes ударение закрепилось на втором элементе: pyés 'спрашиваю', pyéta 'я спросил', i pyétur 'спрошенный'.

Дифтонг *ie* изменил свое качество. В словах qjéll 'небо', djellë 'солнце', mbjell 'сею', mjel 'дою', vjel 'убираю урожай' и других при закреплении ударения за вторым элементом обнаруживается тенденция к превращению неслогового *i̯* в среднеязычный щелевой согласный *j*. В словах bie, bije 1) 'падаю', 2) 'приношу', shpie, shpije 'отношу' произошло разложение дифтонга и распределение его бывших элементов по двум различным слогам, при-

---

[237] См.: J. G j i n a r i. Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmevet të saj, стр. 252 и сл.

[238] Sp. F l o q i. Skicë e së folmes së Dangëllisë, стр. 90—107.

знаком чего можно считать появление вставного *-j-*, ликвидирующего возникшее зияние.

4) Для речи стариков еще характерно произношение неударенного *ë* во многих позициях, в частности во втором заударном слоге в конце слова: núsenë 'невесту' (вин. п. опред. ед. ч.), núsetë 'невесты' (имен.-вин. п. опред. мн. ч.), i várfërë 'бедный', píninë 'пьют', háninë 'едят', kemi árdhurë 'мы пришли'. В речи среднего поколения отмечаются колебания, *ë* в этой позиции оказывается неустойчивым. Молодежь уже не произносит совсем гласного *ë* во втором и в первом заударном слогах. В предударной позиции произношение *ë* сохраняется несколько более устойчиво.

Явления в области консонантизма:

1) согласный *h* неустойчив. В конце слова он не произносится совсем: sho (shoh) 'вижу', she (sheh) 'видишь' и др. В начале и середине слова отмечаются колебания. Специфической особенностью говора является замена начального *h* согласным *r* во всех формах глагола hyj 'входить': rynj 'вхожу', ryra 'я вошел' (1-е л. ед. ч. аор.), причастие ryrë (изредка hyrë). Это явление, возможно, имеет ассимилятивный характер.

2) Наблюдается тенденция к смешению фонем *rr*[*r̄*] и *r*[*r*].

3) Среднеязычный носовой сохраняется, в частности в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. глаголов I спряжения: mbaronj 'оканчиваю', lanj 'мою', thyenj 'ломаю'.

4) На стыке слогов осуществляется ассимиляция сочетаний: *rr+n > rr*, *r+n > r(r)*, *ll+n > ll*, *l+n > l*, *dh(th)+n > dh*, *z(s)+n > z*. Так, в форме 3-го л. мн. ч. аор.: múarrë (muarnë) 'они взяли', mbúallë (mbúallnë) 'они посеяли', lidhe (lidhnë) 'они связали', i ndezë (ndeznë) 'они зажгли'.

Морфологические явления:

1) широко употребительна форма предл. п.: në dhet 'в земле, в землю'; nënë dhet 'под землей', përmi dhet 'на землю', në syt 'в глаз, в глазу', me sharrët 'пилой', me shamit '(с) платком'.

2) Форма вин. п. ед. ч. опред. мужск. р. образуется непосредственным присоединением окончания *-në* к основе (архаический тип): vëllánë 'брата', mullínë 'мельницу', shkopnë 'палку', mbrenë (<mbretnë) 'царя, султана', gjaknë 'кровь', shoknë 'товарища', zjarrë (<zjarrnë) 'огонь'. Если основа имеет в исходе сочетание согласных, перед окончанием появляется гласный *i* (после заднеязычного согласного *u*): dhëmbin(ë) 'зуб', bárkun(ë) 'живот'. В речи молодежи отмечается тенденция к общей замене архаичного типа образования формы вин. п. опред. ед. ч. новым (с гласным *i* или *u* между основой и окончанием): detin 'море', gjakun 'кровь'. В этом несомненно сказывается влияние нормы современного литературного языка.

3) В речи стариков еще сохраняется архаическая форма род.-дат. п. мн. ч. без элемента *-v-* для основ с исходом на согласный: u ka thënë këtyre djemet 'сказал этим парням' (djemet — дат. п.

опред. мн. ч. от djalë), një dhi në mes të dhënet 'одна коза среди овец', e pleqet 'стариков' (род. п. опред. мн. ч. от plak).

4) В 1-м л. ед. ч. имперф. действ. зал. выступает та же форма, что во 2-м л. ед. ч.: 1-е и 2-е л. ед. ч. mbushnje 'я, ты наполнял', 3-е л. mbushte; 1-е и 2-е л. ед. ч. shkonje 'я, ты шел', 3-е л. shkonte. В спряжении вспомогательных глаголов jam и kam: 1-е и 2-е л. ед. ч. jeshe 'я, ты был', 3-е л. ishte 'он был'; 1-е и 2-е л. ед. ч. keshe 'я, ты имел', 3-е л. kishte 'он имел'. Этой своей особенностью говор Дангелы выделяется среди остальных говоров.

5) Иногда форма 3-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. образуется с помощью окончания *-tej*, которое представляет собой результат контаминации окончания *-te* с окончанием *-ej*, принадлежащим форме 3-го л. ед. ч. имперф. страд. зал.: bëntej 'он делал', vintej 'он приходил'.

Средневийосский диалектный район

Средневийосский или, как его обозначает Й. Гьинари, южный район севернотоскской диалектной области, включает небольшую территорию правобережья Вийосы севернее ущелья Кельцюры (Gryka e Këlcyrës). В него входят: горная краина со славянским названием Дешница (Dëshnicë), собственно «Правобережье», северная часть краины Тепелена — также по правому берегу Вийосы, и, кроме того, южная оконечность граничащей с севера краины Скрапара.[239]

Основное занятие жителей этих сравнительно слабо населенных горных краин составляет скотоводство. Административным центром Дешницы является селение Кельцюра (Këlcyrë), лежащее у входа в грандиозное ущелье — Fauces Antigonenses античной поры, по которому вдоль бурно стремящейся Вийосы проходит дорога, известная с древнейших времен. Западная часть этого небольшого ареала примыкает к городу Тепелена, лежащему на левом — «ляберийском» — берегу Вийосы.

Характерные черты средневийосского говора определяются положением этого района на стыке нескольких ареалов. На севере и северо-западе с ним граничат краины северо-западной Тоскерии — Скрапар и южная часть области Берата; на востоке — Дангелы, представляющая юго-восточную окраину севернотоскской диалектной зоны; на юге, на левом берегу Вийосы, непосредственно начинается южнотоскская диалектная зона.

Специальных работ, посвященных говору краин, лежащих на правобережье Вийосы, в области среднего ее течения, не опубликовано. Важнейшие особенности этого говора кратко перечислил Й. Гьинари в своем общем обзоре севернотоскской диалектной

---

[239] См.: J. G j i n a r i. Toskërishtja veriore dhe grupimi i të folmevet të saj, стр. 246.

зоны.[240] Определяющим для говора он считает наличие в нем некоторых отчетливо выраженных явлений южнотоскской зоны, проникших из соседних районов Ляберии.[241]

Фонетические особенности:

1) полностью осуществлен переход *e* > *ё* в положении перед носовым согласным: vënd 'место', zëmbër 'сердце', ëmbër 'имя', fëmra 'женщина', ënde 'и', pë, опред. përi (осн. *pen-) 'нить', frë, опред. frëri (осн. *fren-) 'узда'. Как и в ляберийских говорах, артикуляционный сдвиг захватил *e* не только перед носовыми, но частично также и в других позициях: ngëc (ngec) 'остаюсь, застреваю', ngrë (ngre) 'поднимаю', strë(h) (strehë) 'стреха́, убежище'.

2) Специфичным для данного, в отличие от соседних с ним говоров, является закрепление ударения за вторым элементом дифтонга *ua*, независимо от характера слога: duár 'руки', buáll, buálli 'буйвол', ftuá 'айва', u mbaruá 'окончился'. Аналогичную картину представляют дифтонги *ye, ie*. В то время как в соседнем северо-западном диалектном районе еще сохраняются остатки вариантности «истинных» дифтонгов, в средневийосском ударение оказалось закрепленным за одним определенным элементом дифтонга, независимо от позиции. Таково положение в говорах, граничащих с ним на востоке (Дангелы) и на юге (ляберийские говоры). Однако в этих говорах ударение фиксировано на первом элементе дифтонгов *ua, ye*. Направление инновации у средневийосского говора оказалось тождественным только с говором Девола, где ударение также закрепилось за вторым элементом. При отсутствии территориальной смежности совпадение результатов изменения в говорах средневийосском и Девола является одним из примеров параллелизма развития в одном из двух возможных направлений.

3) Среднеязычный носовой *nj* в конечной позиции перешел в *j*. Наиболее заметные примеры этого изменения дает форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. очень продуктивного класса глаголов (I спряжение): laj (lanj) 'мою', lëroj (lëronj) 'пашу́', lyej (lyenj) 'ма́жу', bluaj (bluanj) 'мелю'. Проведение этого изменения можно считать фактом инновации, распространившейся из южнотоскской диалектной зоны.

4) Характерным моментом, отличающим средневийосский от южнотоскских говоров, является, однако, сохранение в системе гласного *y*.

В области морфологии отмечается сохранение архаического типа образования формы род.-дат. п. мн. ч. от основ мужск. р. с исходом на согласные звуки — без элемента *-v-*: (i) miqet 'друзей, друзьям', (i) qënet 'собак, собакам'.

---

[240] См.: там же, стр. 253.
[241] См.: там же.

ЮЖНОТОСКСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗОНА

В южнотоскскую диалектную зону входят 1) обширная область ляберийских говоров, 2) Чамерия, составляющая самую южную окраину албаноязычного ареала.

Область ляберийских говоров

Эта диалектная область охватывает западную часть территории южной Албании. На севере она граничит с районом Влёры, говор которого обнаруживает картину перехода от севернотоскского к южнотоскскому типу. Южная ее граница проходит в районе между Дельвиной и Конисполем, расплываясь в широкой полосе переходов от ляберийских говоров к чамерийским. Восточной границей принято считать течение реки Вийосы, что, однако, тоже не создает строгой линии, так как на правом и на левом берегах господствует, в сущности, один тип говора. Западная сторона — побережье Ионического моря.

Название «ляберийские говоры» является в значительной мере условным, так как собственно Ляберия — это не вся означенная территория, но лишь горный район, лежащий к северо-западу от долины реки Дриноса, в которой расположен главный центр области — город Гьирокастра. К горной Ляберии непосредственно примыкает узкая полоса Приморья (Bregdeti).[242] Употребляя название «ляберийские говоры» в его расширенном толковании, албанские лингвисты имеют в виду общее единство диалектного типа, распространенного в обширной области, частью которой является историческая Ляберия. При этом немалую роль играет также узус, установившийся в албанской школьной географии, согласно которому Ляберией именуется вся территория к юго-западу от Вийосы, до границы с Чамерией.

Географический ландшафт области ляберийских говоров отличается значительным разнообразием, представляя сочетание горных районов с полосами низинных земель. Пространство между левым берегом Вийосы и долиной ее притока Дриноса заполняют небольшие горные краины, частично составляющие южную часть округа Пермет, но в основном тяготеющие к главному городу области — Гьирокастре. Это краины Малешова (Malëshovë) и Перметская Реза [243] (Rrëza e Përmetit), непосредственно примыкающие к Пермету краины Загори́ (Zagori) и Погон (Pogon), окруженные горами, а также лежащие к западу от них Тепелен-

---

[242] См.: Rr. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar. Etnografia Shqiptare, I, Tirane, 1962, стр. 58.

[243] Алб. rrëzë 'основание, подножие горы'. Этим названием часто обозначается относительно пологий склон горы, спускающийся к реке, ср. ниже Тепеленская Реза (Rrëza e Tepelenës).

ская Реза (Rrëza e Tepelenës) и Люнджери́ (Lunxhërí), открывающиеся в сторону Дриноса. Плодородная долина реки Дриноса, над которой высятся башни Гьирокастры, делит область на восточную и западную части. К западу от этой долины снова поднимаются горы и начинается собственно Ляберия; центром ее является плато Курвелеш. К Лябершi принадлежит также гористое побережье Ионического моря — от перевала Логара́ (Llogara) до района Саранды на юге. Южную часть ареала составляет широкая Дельвинская низина (Vurgu i Delvinës), обращенная к морю. По ней текут реки Каляса (Kalasë), Бистрица (Bistricë) и Павла (Pavlë).

По составу населения ареал, условно определяемый как область ляберийских говоров, не представляет собой единого целого. Историческая однородность населения обнаруживается лишь в пределах отдельных его районов, так например в собственно Ляберии, жители которой, известные как «лябы», составляют одну из старых албанских этнографических группировок.[244] Значительная степень исторической однородности присуща также населению краин, лежащих в горах между Дриносом и Вийосой (Lunxhërí, Zagorí, Malëshóvë, Rrëzë e Përmetit). Жители этих горных краин, примыкающих к долине Вийосы, за которой начинается севернотоскский диалектный район, не считаются лябами.[245] Население Погона, граничащего с Загори и Люнджери на юго-востоке, грекоязычно. Греческое национальное меньшинство живет также в деревнях краины Дро́пул (Drópull) — у подножия гор по левому берегу Дриноса и в Дельвинской низине. Жители грекоязычных деревень морского побережья (Himarë, Dhërmi и др.) — ассимилированные албанцы.[246]

Албанское население Дельвинской низины по своему происхождению является смешанным. Часть его составляют лябы, в прошлом скотоводы, спустившиеся с гор и арендовавшие пастбища у феодалов, захвативших в период турецкого владычества земли на равнине. Помимо лябов, в этой местности есть и чамы. Кроме албанцев и греков, на землях Дельвинской низины расселилось некоторое количество влахов — кочевых пастухов, переходящих к оседлости.

Исторические условия социального развития отдельных частей обширной территории, занимающей пространство между Вийосой и Ионическим морем, также были различны.

В малоземельных горных деревнях на востоке этой территории (краины Малешова, Перметская Реза, Загори, Люнджери) определяющей отраслью хозяйственной деятельности населения с давних пор стали отхожие промыслы. В таких деревнях сельско-

---

[244] См.: там же, стр. 58 и сл.
[245] См.: там же, стр. 59.
[246] См. выше, стр. 252.

хозяйственные работы прежде выполнялись преимущественно женщинами, а мужчины бо́льшую часть времени проводили в курбете. Подвижность, предприимчивость, знакомство с жизнью городов, характерные для жителей этих местностей, оказывали значительное влияние на их бытовой уклад и сказывались также на состоянии говора. Во всем указанном районе не только не происходило диалектного обособления, но, наоборот, речь эволюционировала в сторону все большего сближения с общетоскской народно-разговорной койне.

Иной была картина развития в горной Ляберии, где основу экономики составляло скотоводство отгонного типа, а в общественном строе длительно сохранялась система родо-племенных отношений. Ляберийские старики до сих пор еще хранят память о существовавшем в XVII—XVIII вв. объединении 33 фисов. Как и на севере Албании, нормы обычного права были в Ляберии кодифицированы в форме устного канона («Kanuni i Papa Zhulit»).[247] Родовое общество Ляберии свято берегло свои древние традиции и на протяжении четырех веков турецкого владычества в Албании оказывало упорное сопротивление распространению турецкой военно-феодальной системы. Сопротивление в известной мере облегчалось тем, что население центральной части горной Ляберии приняло мусульманство. Однако, несмотря на то что лябы упорно держались за свои древние обычаи и независимость, процесс разложения их родового общества неуклонно прогрессировал, особенно в XVIII—XIX вв. Этому, в частности, содействовал тот факт, что зимние пастбища на равнинных землях долины Дриноса и Дельвинской низины стали собственностью феодалов (беев Кардики и Дельвины). Ляберийские пастухи оказывались вынужденными арендовать или откупать у них земельные участки и тем самым вовлекались в систему отношений феодального строя. При этом крупными земельными собственниками делались также отдельные представители ляберийской родовой знати, выделявшейся из среды общинников. Процесс этот сопровождался обнищанием значительной массы горцев Ляберии, о бедности и низком жизненном уровне которых рассказывали европейские путешественники начала XIX в.[248]

Широкая и плодородная долина Дриноса, а также земли Дельвинской низины уже очень рано стали ареной, на которой разыгрывались события кровавой истории албанского феодализма. В эпоху турецкого владычества все лучшие земли оказались во владении крупных и мелких беев, которые непрерывно враждовали между собой. Это положило отпечаток и на характер городов в этой части страны. Гьирокастра и Дельвина (административный центр санджака) были не только средоточием торговли и ремесленного про-

---

[247] Rr. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar, стр. 60 и сл.
[248] См.: W. M. L e a k e. Travels in Northern Greece, I, стр. 60.

изводства, но и местами скопления феодальной знати, предпочитавшей жить не в поместиях, но в хорошо укрепленных городских жилищах. Состояние непрерывной войны между отдельными группами феодалов, длившейся десятками лет и столетиями, определило весь облик города Гьирокастры, с его мрачными домами-башнями, построенными на крутых склонах холмов, над глубокими оврагами, разделяющими городские кварталы.[249] Аналогичный характер имели городки Кардики (Kardhiqi), Тепелена (Tepelena) и Либохова (Libohova), население которых в основном состояло из семейств крупных и мелких беев, владевших землями в долине Дриноса, а также в других местностях за пределами области.[250]

На протяжении последнего столетия (со второй половины XIX в.) города юго-западной Албании постепенно утрачивали свой воинственный облик, который был связан с феодальной анархией XVII—XVIII вв. Гьирокастра и Дельвина продолжали развиваться, подобно другим албанским городам, в качестве центров торговли и ремесленного производства, и влияние их на экономику и культуру края заметно усилилось. Кардики, население которого подверглось в начале XIX в. жестоким репрессиям со стороны Али-Паши Тепеленского, и Либохова (бывшая резиденция родственников Али-Паши) потеряли свое былое значение и превратились в большие деревни. Более интенсивными сделались связи между отдельными районами края. Горная Ляберия все более теряла свою былую обособленность, включаясь в общий процесс экономического и политического развития страны, особенно в связи с подъемом национально-освободительного движения, в котором лябы принимали активное участие. Все это не могло не отражаться на развитии языковых отношений, эволюционировавших в сторону дальнейшего расширения базы и распространения общетоскской народно-разговорной койне.

После освобождения страны в экономике края обозначился существенный прогресс, связанный с кооперацией крестьянских хозяйств, мелиорацией заболоченных земель, с развитием таких сельскохозяйственных культур, как производство риса, цитрусовых и др. Некоторые изменения произошли и в размещении отдельных групп населения. Так, например, часть жителей горной Ляберии переселилась на равнинные земли, объединившись в сельскохозяйственные кооперативы вместе с коренными жителями соответству-

---

[249] В таких домах, имеющих до четырех этажей, два первых этажа не имеют окон, но только бойницы. Сама схема подобных строений является дальнейшим развитием модели башни (кулы) албанских горцев. В настоящее время старинная часть Гьирокастры с ее своеобразной архитектурой объявлена музейной.

[250] Дж. Гобгауз, посетивший Либохову в начале XIX в., отметил, что этот город был застроен хорошими каменными домами, но торговая часть была в нем, однако, слаба и базар беден (см.: J. C. H o b h o u s e. A Journey through Albania, стр. 95).

ющих местностей.[251] Всеобщее начальное обучение, массовое распространение печати, радио — все это содействует быстрому завершению процесса языковой унификации на основе усвоения устной формы литературного языка. В южнотоскской диалектной области, как и в севернотоскской, процесс освоения литературно-языковых норм значительно облегчается тем, что распространение очень близких к ним норм общетоскской народно-разговорной койне значительно продвинулось вперед уже на протяжении предшествующих столетий.

Территория распространения так называемых ляберийских говоров географически членится на три района: 1) горные краины, лежащие к востоку от долины Дриноса; 2) горные краины, лежащие к западу от долины Дриноса (собственно Ляберия); 3) Дельвинская низина. Несколько особое положение занимает сама долина реки Дриноса с городом Гьирокастрой, находящаяся в в центре ареала. В обзоре говоров представляется удобным исходить из предлагаемого членения.

Говоры горных краин, лежащих к востоку от долины Дриноса

Говор краины Загори[252]

Типичным для этого диалектного района является говор Загори́ (Zagorí). Маленькая краина, имеющая славянское название, лежит глубоко в горах, в долине речки, также зовущейся Загори́, или Загори́ца. От долины верхнего течения Вийосы и города Пермета Загори́ отделена хребтом Дембель (Dhëmbel), от долины Дриноса и Гьирокастры — горами Люнджери. На юго-востоке Загори граничит с Погоном — краиной, населенной греками. Жители десяти загорийских деревень, лежащих по обеим сторонам небольшой долины, принадлежат к греческо-христианскому вероисповеданию. Загориты отличаются своей подвижностью, инициативностью, общительностью. Несмотря на уединенность их горной краины, они издавна поддерживают активные связи с внешним миром. Некогда основу хозяйства их составляли скотоводство и земледелие. Однако в связи с недостатком земли загориты уже с конца XVIII в. были вынуждены искать работу за пределами своих деревень. Обычными местами курбета для них были Константинополь, Греция, Македония, Египет, а также различные города

[251] Так, например, известный животноводческий кооператив имени А. Зенели в долине Дриноса был основан в 1947 г. переселенцами из Курвелеша, объединившими в дальнейшем свое хозяйство с кооперативами нескольких деревень соседней краины Люнджери (см.: F. H a x h i u. Kooperativa blegtorale-bujqësore «Asim Zeneli». Etnografia Shqiptare, II, Tiranë, 1963).

[252] См.: M. T o t o n i. E folmja e Zagorisë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1962, № 1.

внутри страны. Применение своим силам и способностям они находили чаще всего как торговцы фруктами, садовники, мясники, повара и др.[253] Традиционным для деревень Загори было также ткацкое ремело. В эпоху турецкого владычества Загори была административно связана с Тепеленой, позднее с Перметом, с 1924 г. — с Гьирокастрой. Наиболее тесные экономические отношения загориты всегда поддерживали с Перметом, где некоторые из них держали свои лавки и постоялые дворы (ханы). Сообщение с Перметом и Гьирокастрой осуществлялось через горные ущелья и перевалы.

Географическое положение Загори между Тоскерией и Ляберией и двусторонний характер экономических, административных и культурных связей (с районами Пермета и Гьирокастрой) определили многие особенности культуры,[254] быта и говора этой краины. Загориты не считают себя лябами, однако, как отмечает Менела Тотони, такими этнографическими особенностями, как манера пения, исполнения похоронных причитаний (të vajtuarit), и другими, они сближаются с лябами, отличаясь от своих соседей — жителей Перметского округа. Аналогичным является соотношение и диалектных особенностей. Исследовательница загорийского говора считает, что его следует отнести к числу ляберийских. В то же время, будучи говором переходного типа, он соединяет с ляберийскими особенностями также ряд признаков, характерных для соседней севернотоскской зоны.[255]

Фонетические особенности:[256]

1) гласный *e* перед носовыми переходит в *ë* — как в говорах Ляберии. Однако в отличие от последних место артикуляции ударенного *ë* не отодвинуто назад, но является относительно передним. Этот звук во всех случаях (и там, где он соответствует гегскому *ā*) слышится как «средний между *ë* и *e*, с колебаниями то в сторону *ë*, то в сторону *e*»:[257] dhɛmp 'зуб', dhɛndër 'зять', 'жених', zɛmër 'сердце', frɛ, frɛri (осн. *fren-) 'узда'; i ɛmbël 'сладкий', bɛj 'делаю'. В некоторых словах переход *e* > *ë* осуществляется также перед *h*: plɛ (pleh) 'навоз', strɛ (strehë) 'стреха' и др.

2) Фонема *y* сохраняется: sy, syri 'глаз', tym 'дым', mbyll 'закрываю'. В этом отличие загорийского говора от говоров со-

---

[253] И до сего дня в деревне работает мало мужчин. Загоритов можно встретить в Албании всюду — в качестве служащих, учителей, работников гостиниц, поваров. Полевые же работы выполняются женщинами (там же, стр. 182).

[254] Отмечается, что фольклор краины Загори, при наличии своих оригинальных особенностей, представляет собой в то же время посредствующее звено между фольклором Пермета, с одной стороны, Люнджери и Гьирокастры — с другой (см.: A. F i c o. Kërkime folklorike në krahinën e Zagorisë. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1961, № 2, стр. 134).

[255] См.: M. T o t o n i. E folmja e Zagorisë, стр. 219.

[256] См.: там же, стр. 183-190.

[257] См.: там же, стр. 184.

седних Люнджери и Гьирокастры, в которых *y* делабиализуется. Сохранение *y* в системе фонем является характрной чертой севернотоскских говоров. Однако эта особенность присуща и некоторым говорам Ляберии (Тепеленская Реза, Верхний Курвелеш). Стремлением подчеркнуть «правильность» произношения в соответствии с нормами общетоскской народно-разговорной койне объясняются наблюдаемые в загорийском говоре отдельные случаи лабиализации *i*, например: shpyrt (shpirt) 'душа'.

3) В дифтонгах *ua*, *ye* ударение твердо фиксировано на первом элементе, независимо от характера слога: dúar 'руки', i fitúar 'заработанный', múa 'мне', grúa 'женщина'; pýes 'спрашиваю', lýej 'мажу', i thýer 'разбитый'. Эта особенность является общей для всех южнотоскских говоров, а также для части говоров северо-восточной Тоскерии (см. выше). Дифтонг *ie* произносится 1) с ударением на первом элементе в словах míell 'мука', qíell 'небо', díell 'солнце', e díel 'воскресенье', zíej 'кипячу', i kthíellt 'светлый, ясный' и 2) с ударением на втором элементе в словах mjél 'дою', vjél 'собираю урожай плодов', sjéll 'приношу' и др. В формообразовании некоторых глаголов наблюдается чередование íe/ié: bíe 'приношу' — bjérë 'принеси', shpíe 'отношу' — shpjérë 'отнеси', shtíe 'вбиваю' — shtjérë 'вбей'.

4) В первых предударных и заударных слогах *ë* в основном сохраняется: vëllá 'брат', thërrés 'кричу', bagëtía 'скот', búkë 'хлеб', míqtë 'друзья', e bárdhë 'белая', vúmë 'мы положили' (аор.); qúmështi 'молоко', vëllézërit 'братья'. Во вторых заударных слогах *ë* обычно редуцируется: nátën(ë) 'ночью', shókët(ë) 'товарищи'. Однако старики еще произносят второе заударное *ë*.

5) Неудар. *i*, являющееся элементом флексии, присоединяемой к основе с исходом на гласный, сохраняет качество гласного (с функцией слогообразования): babá 'отец' — им. п. опред. babái, род. п. babáit, përrúa 'ручей' — им. п. опред. përrói, род. п. përróit; 3-е л. ед. ч. опред. mbarói 'окончил', kuptói 'понял' и др. Это характерная особенность ляберийских говоров (в севернотоскском обычно *-i* > *-j*).

6) Согласный *h* устойчиво сохраняется в начале и в середине слова: hall 'забота', hump 'теряю'; duhán 'табак', ahére 'тогда'. Это черта, общая с говорами Ляберии. Колебания наблюдаются лишь там, где *-h-* фонетически возникло на стыке слогов, в зиянии: qúhem/qúem 'я зовусь'; zíhemi/zíemi 'ссоримся' и др. Конечное *h* отпадает: sho (shoh) 'вижу'. На юге Загори (с. Shepér) в некоторых словах отмечается палатализация начальнего *h*: h́eth (hedh) 'кидаю', H'omódhe (топоним).

Это можно объяснить влиянием греческого произношения (на юге краина Загори граничит с грекоязычным Погоном). Аналогичное явление наблюдается в говоре Гьирокастры и в чамерийских говорах.

7) Как и в говорах Ляберии, процесс изменения среднеязыч-

ного носового *nj* в среднеязычный щелевой *j* наблюдается в различных фазах своего развития. В начале и середине слова (в составе корневых морфем) *nj* сохраняется: njerí 'человек', njo(h) 'знаю', brínjë 'ребро', e ɛnjtë 'четверг'. В конце слова переход nj > j в основном осуществился. Так, например, в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. глаголов I спряжения: laj 'мою', punoj 'работаю'. Также в образовании именных основ мн. ч.: thoj(thonj) 'ногти', mij (minj) 'мыши'. Однако отмечаются и варианты произношения с конечным *-nj*: vinj 'прихожу', bɛnj 'делаю'; mullínj 'мельницы', kërcúnj 'пни' и др.

8) В деревнях Нижней Загории отмечается переход *q*, *gj* > *j* перед согласными *t*, *m*, *n*, *ç*: zojt (zogjt) 'птицы', ndojm (ndoqm) 'мы преследовали', dojnë (dogjnë) 'они сожгли' u dojçë (1-е л. ед. ч. аор. страд. от djeg 'жечь'). В Верхней Загории наблюдается только перед *ç*.

9) В отличие от говора Гьирокастры не наблюдается смешения фонем *ll* [*ł*] и *dh* [*đ*]. В этом проявляется соответствие загорийского говора севернотосккскому диалектному типу.

10) Как в говорах Ляберии, сохраняется произношение *rr* [*ř*] (в отличие от *r*).

11) В соответствии с общетоскской закономерностью звонкие согласные оглушаются в конце слова и перед глухими.

12) Сохраняется произношение сложных фонем *mb*, *nd*, *ng*, *ngj*.

13) На стыке морфем происходит ассимилятивное изменение сочетаний *-ln-* > *-l-*, *-lln-* > *-ll-*, *-rrn-* > *-rr-*, *-rn-* > *-r-*, *-dhn-* > *-dh-*, *-zn-* > *-z-*. Так, например: dili (< dilni) 'выходите!', duall(ë) (< duallnë) 'они вышли', gomarë (< gomarnë) 'осла' (вин. п.), lidhë (< lidhnë) 'они связали', dhezë (< dheznë) 'они зажгли' и др.

Морфологические особенности:[258]

1) отсутствует форма предложного падежа. По этому признаку загорийский говор существенно отличается от говоров севернотоскской зоны и сближается с говорами Ляберии.

2) Форма вин. п. опред. ед. ч. от основ мужск. р. образуется по архаической модели — путем непосредственного присоединения к основе окончания *-n(ë)*: njerí — njerínë 'человека', babá — babánë 'отца', vesh — veshnë 'ухо', prak—praknë 'порог', behár — behárë (< behárnë) 'лето'. Если основа имеет в исходе сочетание согласных, перед окончанием вставляется элемент *-i-* (или *-u-*): shpyrt — shpyrtin 'душу', bark — barkun 'живот'. В речи молодого поколения этот последний тип обобщен и продуктивен (под влиянием литературной нормы): zjarrin 'огонь', plakun 'старика' и др.

3) Форма род.-дат. п. мн. ч. от основ с исходом на согласный образуется по архаичной модели — без эпентетического *-v-*: folet e zogje 'гнезда птиц'.

---

[258] См.: там же, стр. 190—204.

4) В глагольной системе отмечаются новообразования, имеющие характер аналогических переносов, заимствования отдельных моделей из одного типа спряжения в другие, особенно в построении парадигм настоящего времени. Значительную вариантность обнаруживает парадигма имперфекта. Это связано как с различиями фонетических условий образования форм, так и с сосуществованием параллельных вариантов, возникших в говоре переходного типа. Так, форма 1-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. от глаголов с основой на согласный часто образуется с характерным для говоров Ляберии окончанием *-ij* (< *ijë*): qepij 'я шил', thérij 'я резал', márrij 'я брал', vjélij 'я собирал урожай плодов' (ср. 1-е л. ед. ч. наст. вр. qep, ther, marr, vjel). Параллельно употребляются варианты с окончаниями *-një* и *ë*: qepnjë, thernjë, marrë, vjelë (также vilnjë). Глаголы с основой на гласный образуют форму 1-го л. ед. ч. имперф. с окончанием *-j(ë)*: vuaj(ë) 'я страдал', thyej(ë) 'я ломал', по аналогии с ними также shojë 'я видел', njojë 'я знал' — ср. 1-е л. ед. ч. наст. вр. sho(h), njo(h). В образовании формы 3-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. выступают варианты с окончаниями *-te*, *-tej* и без окончания: mirrte, mirrtej, mirr 'он брал'. Формы имперфекта от вспомогательных глаголов kam и jam образуются по ляберийскому типу: ед. ч. — 1-е л. kesh(ë) 'я имел', jesh(ë) 'я был', 2-е л. keshe, jeshe, 3-е л. kishte, kishtej, kish, ishte, ishtej, ish.

Образование основ аориста действ. зал. соответствует общетоскскому типу, не обнаруживая особых инноваций. В образовании 1-го л. ед. ч. аор. страд. зал. большую продуктивность получила сигматическая модель: u ngriçë 'я поднялся', u ndaçë 'я отделился', u preçë 'я порезался'. Параллельно употребляются асигматические варианты: u ngrita, u ndava, u preva. Более продуктивен, чем в севернотоскском, тип образования причастий от глаголов с основой на согласный с помощью суффикса *-ë*. Ср. варианты: djegë и djegur — от djeg 'жгу', hedhë и hedhur — от hedh 'бросаю'.

С говором Загори очень сходен говор города Пермета, на материалах которого построил свое грамматическое описание Огюст Дозон.[259] Расхождения между ними отмечаются лишь в некоторых деталях формообразования, в частности в парадигмах имперфекта. В перметском говоре парадигма имперфекта строится по такой же модели, как в говоре Дангелы — с омонимией форм 1-го и 2-го л. ед. ч., при общем окончании *-nje*: lidhnje 'я, ты связывал'.[260] Говор краины Дангелы, относимый к юго-восточному району севернотоскской зоны, со своей стороны так же очень близок к го-

---

[259] Aug. D o z o n. Manuel de la langue chkipe on albanaise. Paris, 1878, II, Grammaire, стр. 159—325.

[260] Там же, стр. 234. Ср. выше описание говора Дангелы.

вору Пермета — города, лежащего на самой границе севернотоскской и южнотоскской диалектных зон, условно проводимой по течению Вийосы. Диалектная непрерывность, в которую включен загорийский говор, продолжается и в западном направлении. С говором краины Загори в основных чертах сходен и говор Тепеленской Резы (Rrëzë e Tepelenës), описанный И. Г. Ханом.[261] С этим говором у загорийского общими являются, в частности, варианты форм имперфекта, ср. 1-е л. ед. ч. pjellijë, pjellë (в транскрипции Хана: πjἕλ-ι-jε̱, πjέλ-ε̱) от глагола pjell 'порождать'.[262]

Таким образом, несмотря на то что говоры Загори и Тепеленской Резы принято относить к ляберийскому ареалу южнотоскской диалектной зоны, а говор Пермета — скорее к юго-восточному ареалу севернотоскской зоны (вместе с говором Дангелы), определенно выраженной границы между ними, в сущности, нет. В целом, это всё одна и та же языковая непрерывность, протянувшаяся с северо-востока на юго-запад, дифференцированная лишь в незначительных деталях. Общий тип говоров (или говора) горных краин, занимающих пространство между Вийосой и Дриносом, в основных своих признаках столь же соответствует неписаным нормам тоскской народно-разговорной койне, как и типы говоров северной Тоскерии. Если в конце XIX в. братья Фрашери, вырабатывая тоскские литературные нормы, опирались на уже существовавшую общетоскскую народно-разговорную койне в варианте родного им говора краины Дангелы, то в первые десятилетия XX в. Антон Зако Чаюпи, продолжавший их дело и точно так же опиравшийся на общетоскский тип речи, исходил, однако, из своего загорийского говора. Как известно, результатом деятельности южноалбанских писателей эпохи Национального Возрождения (Rilindje) явилось создание единого в своих определяющих признаках литературного языка на общетоскской диалектной основе, с очень незначительными локальными вариантами.

Говоры собственно Ляберии

Собственно Ляберия — это горная область на юго-западе Албании, между Влёрой на севере и Сарандой на юге, Ионическим морем на западе и долиной реки Дриноса на востоке.[263] Географи-

---

[261] J. G. H a h n. Albanesische Studien, H. II, Beiträge zu einer Grammatik des toskischen Dialektes. Главным осведомителем Хана был A. G. Panajotides, уроженец села Лябова (Labovë).

[262] Там же, стр. 71.

[263] В народе говорят: лябы живут между тремя мостами — Драшовицким (14 км от Влёры), Тепеленским (у впадения Дриноса в Вийосу) и мостом через реку Калясу (недалеко от Саранды). См.: Rr. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar, стр. 58.

чески она членится на внутреннюю Ляберию и Приморье (Bregdet). Центральную часть внутренней Ляберии составляет плато Курвелеш (Kurvelesh). Эта высокогорная область богата альпийскими пастбищами и бедна землей, годной для посевов. В деревнях Курвелеша живут лябы — мусульмане. Приморье — узкая полоса побережья Ионического моря, протянувшаяся у подножия высоких гор. На склонах, спускающихся к морю, среди богатой субтропической растительности разбросаны живописные поселения краины Химара, имеющие вид маленьких укрепленных городков. Этот красивый берег называют албанской Ривьерой. Население этих деревень также составляют албанцы-лябы. Некоторые из них грекоязычны.

Названия lab, labi 'ляб', Labërí 'Ляберия' восходят к древнему этнониму албанцев и являются производными от корня *arb-/*alb-. Вариант lab- возник путем метатезы из *alb- в речи славянского населения.[264] Наряду с названием Labërí для обозначения горной местности, лежащей внутри треугольника Влёра — Саранда—Тепелена, употребляется также название Arbërí.[265] И та, и другая формы первоначально должны были означать 'область, населенная собственно албанцами': (*arb-/*alb-/*lab-, произв. arbërór, arbërésh 'албанец'). Характерно, что на территории Ляберии гораздо меньше славянских топонимов, чем в остальных областях южной Албании. Названия деревень в Курвелеше, например: Чо́ррай, Сина́ней, Браиля́т, Татза́т, Яница́т, Лупса́т, Жуля́т, Прогона́т, Калара́т, Докса́т (Çórraj, Sinánëj, Brailát, Tatzát, Janicát, Llupsát, Zhulát, Progonát, Kallarát, Dhoksát) и др., по форме представляющие собой албанские образования коллективно-множественные — это обозначения родовых поселений (katunde fisi), построенные по схеме: потомки такого-то (Progonát — потомки Прогона).[266] Можно предполагать, что связь таких моментов, как сохранение за горным краем названия Arbëri // Labëri, и малое количество в нем славянских топонимов, изобилующих в других районах южной Албании, не случайно. Вероятно, волна расселения славян, охватившая некогда значительную часть южноалбанской территории, не докатилась до гор Курвелеша и Химары, благодаря чему албанское население этих гор и сохранило свою этническую однородность, не смешавшись со славянами в той мере, как это было характерно для тосков. В устах смешанного славяно-албанского населения Тоскерии пастухи Курвелеша некоторое время оставались «лябами», т. е. собственно албанцами. С течением времени, после того как на албанских землях завершился процесс ассимиляции славян, название «лябы» переосмыслилось и стало обозначением одной из этниче-

---

[264] См.: Е. Ç a b e j. Për gjenezën e literaturës shqipe, стр. 9.

[265] См.: J. G. H a h n. Albanesische Studien, I, стр. 15 и 230; Е. Ç a b e j. Për gjenezën e literaturës shqipe, стр. 7 и сл.

[266] См.: там же, стр. 22.

ских группировок албанского народа наряду с названиями «тоски», «чамы», «геги».

Лябы Курвелеша занимались кочевым (отгонным) скотоводством 200 лет тому назад. Но уже значительно ранее отдельные группы их отселялись, переходили к оседлому хозяйству на побережье Химары, в Дельвинской низине и др. Отсутствие этнических смешений, вероятно, было одним из факторов, благоприятствовавших более устойчивому сохранению лябами родо-племенной организации. В памяти курвелешских стариков до сих пор еще живы названия ляберийских фисов и традиции происходящих от них семей.[267] В Химаре (на побережье) еще в начале XIX в., по свидетельству У. М. Лика, 300 семей объединялись в 5 союзов — «фратрий» (греч. φράτριαι).[268] Эти общины уже находились, однако, в состоянии разложения, благодаря имущественному неравенству, возникшему среди членов общин.[269] Подобно горцам северной Албании, лябы длительно сохраняли законы и обычаи родового строя. На протяжении столетий горы Химары (это название распространялось ранее на всю Ляберию) были одним из очагов борьбы против турецкого владычества, и турецкая администрация так и не получала доступа в эту естественную крепость.

Процесс экономического и культурного развития отдельных частей собственно ляберийской территории протекал, однако, по-разному. Лябы Курвелеша до самого освобождения страны вели свое скотоводческое хозяйство в трудных условиях высокогорной области, и уровень жизни их оставался низким. Лябы, поселившиеся на морском побережье, с давних пор в основном перешли на занятия садоводством (виноградарство, культура оливков и др.), частично рыболовством, ремеслами. Жители некоторых сел имели также поля. Как во многих других малоземельных краинах южной Албании, на побережье Химары довольно рано установились традиции курбета. Жизненный уклад во многих селениях этого края приобрел полугородской облик. Некоторые селения были зажиточны уже в начале XIX в.[270] Находясь в зоне греческого влияния, в непосредственной близости к острову Корфу, православные химариоты частично подверглись грецизации. Жители сел Химары (Himarë), Дерми (Dhërmi), Палясы (Palasë) говорят по-гречески, но продолжают считать себя, тем не менее, албанцами. При всем том население прибрежных сел продолжает осознавать свои генетические связи с внутренней Ляберией, откуда происходят их предки.[271] Особенно тесные связи

[267] См.: там же, стр. 22 и сл.; Rr. Z o j z i. Ndamja krahinore e popullit shqiptar, стр. 60.

[268] W. M. L e a k e. Travels in Northern Greece, I, стр. 84 и сл.

[269] Как сообщил Лик, главы фратрий были собственниками значительной части виноградников, полей и скота (там же, стр. 87).

[270] См.: P o u q u e v i l l e. Voyage dans la Grèce, I, стр. 64 и сл.

[271] См.: Gj. K o l a. Himara. Hylli i Dritës, 1939, стр. 352.

с Курвелешем сохраняют жители мусульманских сел Борш (Borsh) и Сасай (Sasaj), поддерживающие традиции брачных союзов с мусульманами курвелешских деревень.

Ляберийские говоры почти не изучались. В частности, говор Курвелеша до сих пор не описан, и сведения о нем не имеют систематического характера. Совсем недавно появилась работа Менелы Тотони, посвященная говору деревень южной части побережья — «Нижнего Приморья» (Bregdeti i Poshtëm).[272] Маленький район «Нижнего Приморья» состоит из семи деревень, лежащих вдоль моря между Сарандой и бухтой Порто Палермо. Внутри этого района отмечаются некоторые диалектные различия, в частности жители мусульманских сел Борш и Сасай имеют в своей речи больше общего с речью горцев Курвелеша (тоже мусульман), чем жители христианских сел (Пикерас — Piqeras, Нивица-Бубáр — Nivicë-Bubar и др.). Говор албаноязычных сел «Верхнего Приморья» Вунó (Vunó), Пилюра (Pilúr), Кепáро (Qeparo), Кудеса (Kúdhës)[273] систематически не обследован. По имеющимся сведениям, он обнаруживает некоторые специфические особенности и в ряде моментов более сходен с говором горцев Курвелеша. В целом говор «Нижнего Приморья», описанный в работе М. Тотони, дает представление об основных признаках собственно ляберийского диалектного типа.

Говор Нижнего Приморья

Основные особенности в области фонетики:[274]

1) количественные различия гласных. Под ударением говор различает три степени количества гласных: долгие, средние и краткие. Во многих случаях степень долготы обусловливается позицией. Так, в открытых конечных слогах гласные обычно бывают долгими: kalā́ 'крепость', vëllā́ 'брат', mullī́ 'мельница', drū́ 'дерево', kē, kā 'ты имеешь, он имеет' (от kam). Обычно долгими являются также гласные закрытых ударных слогов в положении перед плавными: bā́r 'трава', ushtā́r 'солдат', habḗr 'известие' gū́r 'камень', kërmī́ll 'улитка', qū́ll 'мучная каша'. Ударные гласные открытых слогов внутри слова обычно имеют среднюю ступень долготы: láni 'мойте!', qúlle мн. ч. от qūll. Ударные гласные в закрытых слогах, как правило, бывают краткими: korrík 'июль', laj 'мою'. Сюда относятся также много-

---

[272] M. T o t o n i. E folmja e Bregdetit të Poshtëm. Studime Filologjike, 1964, №№ 1, 2.

[273] Села Химара, Паляса и Дерми грекоязычны.

[274] См.: там же, стр. 133—145.

численные случаи, в которых закрытость слога является вторичной, возникая в результате отпадения конечного неударного -*ë*: lopåt(ë) 'лопата', kŏk(ë) 'голова', krĭp(ë) 'соль'. Во многих случаях, однако, позиционная обусловленность степеней долготы нарушается. В частности, это отмечается в словах с этимологической долготой гласного, которая сохраняется и в закрытом слоге: dēt 'море', urīth 'еж' и др.; так же при отпадении конечного -*ë*: gjūn(ë) вин. п. 'колено', vūm(ë) 'мы положили' (1-е л. мн. ч. аор.), причастие pār(ë) от shoh 'видеть' и др. Иногда различия в степени долготы создают возможность преодоления омонимии, возникающей в результате отпадения -*ë*, например: çăn 'раскалывает' (3-е л. ед. ч. наст. вр.) — çān(ë) 'они раскололи' (3-е л. мн. ч. аор.). Однако в целом различение долгот имеет скорее фонетический, чем фонологический характер.[275] В распределении их большое значение имеет также исторический момент.[276] Сохранение различий долгот относится к числу наиболее существенных признаков ляберийского диалектного типа в его соотношении с севернотоскским.

2) Ударенное *e* перед носовыми последовательно переходит в *ë*: pënd (< pendë) 'перо', qën (< qen) 'собака', ёmër (< emër) 'имя'. В ряде случаев переход *e* > *ë* осуществляется не только перед носовыми. По своему качеству удар. *ë* (различного происхождения) является несколько более задним, чем в севернотоскских говорах. Спорадически отмечается легкая степень лабиализации: kam bë̊r 'я сделал'.

3) Существенной особенностью является выпадение из фонологической системы гласного *y*. В результате делабиализации *y* > *i*: grik (< grykë) 'горло, ущелье', pill (< pyll) 'лес', qiqe (< qyqe) 'кукушка', si (< sy) 'глаз', di (< dy) 'два'. В словах, заимствованных из турецкого, вместо *y* подставляется *u*: burek (< byrek) 'пирог', musafir (< mysafir) 'гость'.

4) В дифтонге *ua* ударение всегда стоит на первом элементе, независимо от характера слога: i húaj 'чужой', gatúaj 'готовлю', ftúa 'айва', múa 'мне'. Дифтонг *ie* сохраняет остатки вариантности, которые распределяются по отдельным словам и даже формам слов. Ударение на первом элементе: díell 'солнце', e díel 'воскресение', míell 'мука́', qíell 'небо', i kthíellt 'ясный', bíe 'приношу', shpíe 'отношу' и др. Ударение на втором элементе: bi̯ér(ë) 'принеси', bi̯érij 'я приносил' (1-е л. ед. ч. имперф.), shpi̯érij 'я относил' и др. С изменением *i̯* > *j*: mjél 'дою', mbjéll 'сею', tjérr 'пряду'. С сохранением вариантности: míel — mjél 'дою', píell — pjéll 'порождаю'. В тех случаях, когда *ie* является результатом, де-

---

[275] См.: там же, стр. 135.

[276] E. Ç a b e j. Kuantiteti i zanorevet të theksuara të shqipes. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1957, № 2.

лабиализации *ye*, ударение по большой части стоит на первом элементе: kríe (< krye) 'голова', líej (< lyej) 'мажу', thíej (< thyej) 'разбиваю'. В формах глагола pies (< pyes) 'спрашивать' наблюдается вариантность.

5) Неударенное *ë* менее устойчиво, чем в севернотоскских говорах. Конечное неудар. *-ë* отпадает всегда: lug (< lugë) 'ложка', tuke qar (< qarë) 'плача', muarm (< muarmë) 'мы взяли' (1-е л. мн. ч. аор.). Несколько лучше оно сохраняется в середине слова, особенно в предударных слогах: vëllá 'брат', dëgjój 'слышу'.

6) Неударенное *i*, следующее за ударенным гласным (обычно как самостоятельная морфема), сохраняет свое качество, не переходя в *į* или *j*: babái 'отец' (им. п. опред.) qëndrói 'он остановился' (3-е л. ед. ч. аор.).

7) Фарингальный щелевой *h* сохраняется в начале слова, менее устойчив в середине слова и еще менее устойчив в конечной позиции. В этом отношении наблюдаются различия в речи жителей отдельных сел. В селе Борш (Borsh) произносят *-h*: njoh 'знаю', shoh 'вижу', plëh 'навоз'. В говоре сел Пикерас (Piqeras) и Нивица-Бубар (Nivicë-Bubar) *-h* очень ослаблено или пропадает: njo^{h} 'знаю', kra^{h} 'рука', gju^{h} (< gju^{h}) 'язык'. В речи христианского населения отмечаются случаи палатализации, вероятно, под влиянием греческого произношения: aǩerë 'тогда', h'e (< hie) 'тень', H'imár 'Химара'.

8) Среднеязычный носовой *nj* хорошо сохраняется в начале и вообще в корневой части слова: njo(h) 'знаю', njerí 'человек', e shtrënjt 'дорогая' (однако также shtrëjt). В составе формообразующих элементов в системе глагола *nj* > *j*: bëj (< bënj) 'делаю', punoj (< punonj) 'работаю', punoim (< punojëm < punonjëm) 'мы работаем' и др. При образовании именных основ мн. ч. *-nj* чаще сохраняется: mullínj 'мельницы', ullínj 'оливы' (но также ullíj).

9) Сложные фонемы *mb*, *nd*, *ng*, *ngj* в христианских селах произносятся во всех позициях, согласно общетоскской закономерности. В речи мусульман села Борш, так же как и в говоре горцев Курвелеша, отмечаются изменения, аналогичные тем, которые характерны для гегской диалектной области. Вместо *mb* произносится *m*: mleth (< mbledh) 'собираю', pamúk (< pambúk) 'хлопок', dhëm (< dhëmb) 'зуб'. На месте *nd* появляется долгий переднеязычный носовой *n̄*: n̄ih (< ndih) 'помогаю', n̄rishe (< ndryshe) нар. 'иначе', hen̄ék (< hendék) 'канава', vën̄ (< vend) 'место'. На месте *ng* произносится заднеязычный носовой *ŋ*: ŋordhi (< ngordhi) 'сдох', hëŋra (< hëngra) 'я съел', këŋ (< këngë) 'песня'. На месте *ngj* (*njgj*) произносится *nj*: njállem (< ngjállem) 'оживаю', mënjés (< mëngjés) 'утро', qënj (< qëngj) 'ягненок'.

10) Среднеязычный смычный *q* перед согласными *t*, *m*, *n* переходит в среднеязычный щелевой: *q* > *j*. Например: armijt (< ar-

miqt) 'враги', plejt (< pleqt) 'старики', zojt (< zoqt < zogjtë) 'птицы', u pojm (< u poqmë) 'мы встретились'.

11) Звонкие согласные в конце слова и в середине перед глухими оглушаются в речи жителей села Борш, но сохраняют звонкость в говоре сел Пикерас и Нивица-Бубар. Последнее является неожиданным для южноалбанской диалектной области исключением.

12) Ассимиляция сочетаний *ll+n*, *r+n*, *dh+n*, *t+n* на стыке слогов осуществляется: duall (< duallnë) 'они вышли', muar (< muarnë) 'они взяли', erdh (< erdhnë) 'они пришли', men (< mbetnë) 'они остались'.

Нельзя не заметить, что некоторые явления, например сохранение долгот гласных, делабиализация *y*, *ye*, изменение *mb* > *m*, *nd* > *n̄*, *ng* > *ŋ*, *ngj* > *nj*, отсутствие оглушения звонких согласных в конечной позиции, выделяющие ляберийский среди других южноалбанских говоров, имеют прямые аналогии в гегской диалектной области. Характерно, кроме того, что именно ляберийский диалектный район является одним из очагов распространения таких изменений, как переход *nj* > *j*, *q* > *j* (в определенных позициях), что также находит себе соответствия в гегской диалектной среде. При отсутствии территориальных контактов нет оснований усматривать в подобных особенностях ляберийского говора результат влияния гегской речи. Перед нами факт параллелизма в развитии фонетических процессов. Это сходство развития, имеющее типологический характер, относится к числу наиболее интересных проблем исторической диалектологии албанского языка.

Некоторые явления в области морфологии:

1) категория предложного (местного) падежа отсутствует. Однако в речи жителей села Борш засвидетельствовано очень ограниченное употребление обстоятельственных конструкций с предлогом и формантом *-t* при имени: në mest 'в середине', në shesht 'на открытом месте, на виду', më darkët 'вечером, за ужином'.

2) Старая модель образования формы вин. п. опред. ед. ч. сохраняется только для основ с исходом на гласный: mullín 'мельницу', sin 'глаз', gjun 'колено' (ср. неопред. mullí, si, gju — опред. mullíri, síri, gjúri). От основ мужск. р. с исходом на согласный форма вин. п. опред. образуется по новой схеме — с элементом *-i-* (соотв. *-u-*) между основой и окончанием: kecin 'козленка', shtegun 'тропинку' (ср. им. п. неопред. (kec, shteg — опред. keci, shtegu).

3) Формы род. и дат. п. мн. ч. (опред. и неопред.) образуются по старому типу — с окончанием *-e* (без эпентетического *-v-*): në mes të ullínje 'среди масличных деревьев', u shpum çpërblim miqe 'мы доставили вознаграждение друзьям'.

4) Форма 1-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. образуется с окончаниями *-ij* (для глагольных основ с исходом на согласный), *-j*

(для основ с исходом на гласный): hédhij 'я бросал', punój 'я работал' (совпадение с формой 1-го л. ед. ч. наст. вр. punój), shoj 'я смотрел' (от sho(h)), flij 'я спал'. Лишь изредка встречаются реликтовые формы с окончанием *-ë* (отпадающим). От вспомогательных глаголов kam и jam форма 1-го л. ед. ч. имперфекта имеет варианты: kesh // keshij 'я имел', jesh // jeshij 'я был'. Варианты с окончанием *-ij* употребляются реже.

5) В образовании причастий конкурируют окончания *-ë* (отпадающее) и *-ur*: heq // hequr (от heq) 'тащить', marr // marrur (от marr) 'брать', dal // dalur (от dal) 'выходить', dhën // dhënur (от ap) 'давать', thën // thënur (от them) 'говорить', qën // qënur (от jam) 'быть'.

Для говора Нижнего Приморья, как и вообще для ляберийских говоров, характерна продуктивность образования имен действия с суффиксом *-ij(ë)* (< **-ilë*): líndij (от lind) 'рождение', vrásij (от vras) 'убийство', lútij (от lutem) 'просьба', márrij (от marr) 'взятие', rrójtij (от rroj, прич. rrojtur) 'житье'.

Для говоров Курвелеша и Верхнего Приморья, насколько позволяют судить имеющиеся данные, характерны в основном те же признаки, что и для говора Нижнего Приморья. В опубликованных фольклорных текстах из Курвелеша [277] засвидетельствовано изменение *mb* > *m*, *nd* > *n*. Так, в тексте песни из Турана (Turan) — mlodhi (< mblodhi) 'он собрал', в текстах из Нивицы (Nivicë) — plumbatë (plumatë) 'пули', treqin (< treqind) 'триста', в тексте из Прогоната (Progonat): u tun vëni (= u tund vendi) 'затряслась местность'. Также засвидетельствовано изменение *y* > *i*.[278] В тексте песни из Фтерры (Fterrë): «mbillurë di kapetanë (mbyllurë dy kapetanë)» 'заперты два капетана'; в тексте из Куча (Kuç): sitë (sytë) 'глаза' и др. Пример изменения *-gjn-* > *-jn-* в тексте песни из Болены (Bolenë): e dojnë (e dogjnë) 'его сожгли'.

В текстах песен из сел Верхнего Приморья также засвидетельствован переход *y* > *i*, *ye* > *ie*. Так, в тексте из Кепаро (Qepáro): qitet (< qytet) 'город'; в текстах из Вуно (Vunó): diqan (< dyqan) 'лавка', krie (< krye) 'голова'.

Специфической особенностью говора села Вуно является значительное отодвижение назад ударенного *ë*, сопровождаемое лабиализацией. Результат этого сдвига — появление открытого *o*, что также зарегистрировано в опубликованных фольклорных записях, например: u bo (u bë) 'сделался'.

---

[277] K. pop. hist., стр. 308, 161, 309, 160, 270, 152, 387, 295, 272, 256.

[278] Однако кое-где (Верхний Курвелеш — Kurvelesh i Sipër) фонема *y* сохраняется в системе. Ср. в тексте из Турана: tym 'дым' (там же, стр. 154); в тексте из Levan Cirua: dy 'два' (там же, стр. 156).

Говоры Дельвинской низины

Область Дельвины охватывает широкую котловину, с трех сторон окаймленную горами, а на западе обращенную к Ионическому морю. Посреди нее расположен город Дельвина (Delvinë), в турецкие времена являвшийся центром санджака. На берегу моря лежит сравнительно молодой портовый город Саранда (Sarandë). Большинство деревень Дельвинской низины грекоязычно.[279] В албаноязычных деревнях, из числа которых более крупными являются Сеница (Senicë), Музина (Muzinë), Жулят (Zhulat), население частично мусульманское, частично православно-христианское. Относительно времени их образования точных сведений нет. Известно, что в первые века турецкого владычества значительная часть христианского населения этого края бежала в Италию. Низинные земли Дельвинской котловины лишь постепенно заселялись снова — греками, а также ляберийскими и аромунскими (влашскими) пастухами, спускавшимися с гор и переходившими к оседлому хозяйству. На более возвышенных участках, по окраинам котловины, по-видимому, продолжали сохраняться группы более старого населения этого края.

Образцы говора с. Лекуреса (Lëkurës), лежащего немного южнее Саранды, были записаны в 1893 г. Г. Педерсеном.[280] Это ляберийский говор, в основных своих чертах совпадающий с говором христианских сел Нижнего Приморья. Известное отличие его состоит лишь в более устойчивом сохранении безударного *ë*. Это отличие, вероятно, имеет хронологический характер, так как записи Педерсена отражают говор, каким он был около 100 лет тому назад.

Более существенное отличие от ляберийского диалектного типа обнаруживает говор с. Музйны, краткое описание которого недавно опубликовала М. Тотони.[281] Музина лежит на склоне гор, окаймляющих Дельвинскую низину с восточной стороны, при дороге, соединяющей Дельвину с Гьирокастрой. Жители этого христианского (греческо-православного) села говорят на двух языках — албанском и греческом. Основное занятие их составляет садоводство. При недостатке земли, годной для обработки, существенное значение для их экономики с давних пор приобрел курбет. Мужчины села в прежнее время отправлялись на заработки премущественно в Константинополь. В 20—30-е годы XX в. музинцы по большей части искали применения своим силам и

---

[279] Материалы, относящиеся к 30-м годам XX в., собраны в работе Бардили (B a r d h i l i. Hronikat e ca nënprefekturavet të Toskërisë. Leka, 1936). Сообщая краткие сведения этнографического характера о каждой деревне, автор отмечает язык и религиозную принадлежность жителей.

[280] H. P e d e r s e n. Albanesische Texte mit Glossar. Abhandl. d. Philol.-hist. Kl. d. Sächs. Gesellsch. d. Wiss., Leipzig, 1895, № 3, стр. 94—98.

[281] M. T o t o n i. Vëzhgime për të folmen e Muzinës. Studime Filologjike, 1965, № 3.

способностям в различных городах Албании — в Эльбасане, Тиране, Берате, занимаясь там главным образом торговлей или работая в качестве садовников.

Возможно, что Музина принадлежит к числу старых поселений этого края. Говор ее обнаруживает некоторые архаические черты, характерные в основном для чамерийского диалектного района. Следует заметить, что М. Тотони собирала материал главным образом у женщин старше 70 лет, никогда не покидавших деревню.[282] В основу описания положен именно этот материал, отражающий старое состояние говора.

Говор Музины

Основные особенности в области фонетики: [283]

1) гласный *е* перед носовыми переходит в *ё* (под ударением): brënda 'внутри', qëngj 'ягненок', ëmbër (< emër) 'имя'. Также при отсутствии носового в словах flë (< fle) 'сплю', plëhë (< plehë) 'навоз', strëhë (< strehë) 'стреха'. Ударенное *ё* различного происхождения (из старого *ā* и из *е* пред носовыми) — гласный среднего ряда, более продвинутый вперед, чем в говорах собственно Ляберии.

2) Гласный *у* и дифтонг *уе* отсутствуют. Обычно происходит их делабиализация: di (< dy) 'два', dill (< dyll) 'воск', tim (< tym) 'дым', ill (< yll) 'звезда', dier (< dyer) 'двери'. В словах, заимствованных из турецкого, на место *у* обычно подставляется *u*: burék (< byrek) 'пирог', gjuná (< gjynah) 'грех'. Также в некоторых албанских словах: e ture (< e tyre) 'их' (род. п. мн. ч.), shutë (< shytë) 'свинка' (болезнь).

3) Дифтонг *ua* имеет ударение на первом элементе. Дифтонг *ie* сохраняет остатки старой вариантности, распределившиеся по отдельным словам. С ударением на первом элементе: díell 'солнце', míell 'мука́', bíe 'приношу', shpíe 'отношу' и др. С ударением на втором элементе: mjél 'доить', vjél 'собирать урожай плодов' и др. В тех случаях, когда *ie* представляет собой результат делабиализации *уе*, ударение несет на себе первый элемент: díer (< dyer) 'двери', líej (< lyej) 'мажу'. Исключение составляет глагол pi̯ét 'спрашивать'.

4) Неудар. *ё* несколько более устойчиво, чем в говорах собственно Ляберии. Отмечаются колебания, связанные с темпом речи. При медленном темпе *ё* иногда сохраняется даже во втором заударном конечном слоге, например: i véshurë 'одетый', nátënë 'ночью'.

5) Согласный *h* устойчиво сохраняется в начале и середине слова, но ослабляется или совсем пропадает в конечной позиции: njo^{h}, njo 'знаю'. В некоторых словах палатализуется перед глас-

[282] См.: там же, стр. 102.
[283] См.: там же, стр. 103—106.

ными переднего ряда: aћere 'тогда', ћedh 'бросаю'. Аналогичное явление, отмечаемое и в других южнотоскских говорах, связывается с влиянием греческого произношения.

6) Среднеязычный носовой *nj* переходит в *j* только в глагольном формообразовании: 1-е л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. bëj (< bënj) 'делаю', punoj (< punonj) 'работаю', 1-е л. ед. ч. имперф. действ. зал. punoje (punonje) 'я работал', mirje 'я брал'. В других случаях *nj* обычно сохраняется.

7) Среднеязычные смычные *q*, *gj* обнаруживают тенденцию к переходу в *j* перед *t*, *m*, *n*. Наблюдаются варианты: miqtë // mijtë 'друзья', pleqte // plejtë 'старики'.

8) Самым заметным признаком говора, отличающим его от говоров собственно ляберийских (и северотоскских), является сохранение старого палатального *l'* в интервокальном положении: bilë 'дочь', golë 'рот', malë 'вершина'; также сохраняются сочетания *kl'*-, *gl'*-, -*l'k*-: klaj 'пла́чу', klúmësht 'молоко', klíshë 'церковь', i glat 'длинный', glëmb 'шип', glisht 'палец', glu 'колено', zglidh 'развязываю'; bulk 'земледелец', ulk 'волк', ulkonjë 'волчица'. Этой своей архаичной чертой говор Музины объединяется с говорами Чамерии.

9) Ликвидировано противопоставление фонем *r* и *rr* [*r̄*]. Всюду произносится *r*-: rogë (< rrogë) 'плата' rush (< rrush) 'виноград', shara (< sharra) 'пила', zjar (< zjarr) 'огонь', mar (< marr) 'я беру'.

10) Не происходит оглушения звонких согласных в конце слова и в середине слова перед глухими — как в говоре Нижнего Приморья (в речи жителей христианских сел).

11) Ассимиляция сочетаний -*ln*-, -*lln*-, -*rn*-, *dhn*-, -*tn*- на стыке слогов производится непоследовательно. Так, например: muar (< muarnë) 'они взяли', duall (< duallnë) 'они вышли', mbluadh (< mbluadhnë) 'они собрали', zjarë (< zjarnë) вин. п. 'огонь', но также nxuarnë 'они извлекли', erdhnë 'они пришли'.

Основные особенности в области морфологии:[284]

1) отсутствует форма предложного (местного) падежа.

2) Форма вин. п. опред. ед. ч. мужск. р. образуется по двум моделям: а) с присоединением окончания -*në* непосредственно к основе: имен. festim, -i 'праздник', zjar, -i 'огонь', shejtan, -i 'черт' — вин. опред. festimnë, zjarrë (< zjarnë), shejtanë (shejtannë); б) с элементом -*i*- (соответственно -*u*-) между основой и окончанием (более новый тип): им. п. shejtan, -i, dhḗmb, -i 'зуб', gjárpër, -i 'змея', burek, -u 'пирог', prak, -u 'порог' — вин. п. опред. shejtánin, dhḗmbin, gjarpërin, burékun, prákun. Второй тип уже стал более употребительным. От основ мужск. р. с исходом на -*ë* форма вин. п. опред. образуется по первому типу: burë, -i 'мужчина', djalë, -i 'мальчик', lumë,-i 'река' — вин. п. опред.

[284] См.: там же, стр. 107—115.

burnë, djalnë, lumnë. Эта модель проникает и в парадигму склонения основ женск. р. с исходом на *-ë*: им. п. dorë, -a 'рука', pulë, -a 'курица' — вин. п. опред. dornë, pulnë.

3) Форма род.-дат. п. мн. ч. от основ с исходом на согласный образуется по старой модели, т. е. без элемента *-v-*: folé e zógjet 'гнездо птиц' и thoshin pléqet 'они говорили старикам'. Но отмечается и образование по новой модели: brinjët e déshëvet 'рога баранов'.

4) Форма 1-го л. ед. ч. имперф. действ. зал. образуется с окончаниями *-je*, *-e* и *-jë*, *-ë*. Более употребительны и характерны для говора формы первого типа — с окончаниями *-je*, *-e*: heqje 'я тащил', mirje 'я брал', shkoje 'я шел', bëje 'я делал', lëre 'я оставлял', flëre 'я спал', gatúae 'я готовил' и др. Формы с окончаниями *-jë*, *-ë* употребляются очень редко: dojë 'я хотел', bejë 'я делал', lërë 'я оставлял'. По своему происхождению окончание *-e* (*-je*) — это окончание 2-го л. ед. ч. имперф. Распространение его на 1-е л. ед. ч. составляет инновацию говора Музины, отличающую его как от ляберийских, так и от чамерийских говоров, пользующихся старым окончанием (*-ë*). Аналогичная инновация характерна для юго-восточных говоров севернотоскской зоны.

5) В образовании основ аориста от глаголов I спряжения обращает на себя внимание распространение модели с формантом *-t*: 3-е л. ед. ч. (аор. kuptojti 'он понял', thajti 'он высушил', gënjéjti 'он обманул', 3-е л. мн. ч. kuptójtin, thájtin, gënjéjtin и др.

В области словообразования для говора характерна широкая продуктивность типа имен действия с суффиксом *-ël(ë)*: mbrojtël — от mbroj, прич. mbrojtur 'защищать', vdekël — от vdes, прич. vdekur 'умирать'. Употребление суффикса *-imtë* для образования прилагательных, например i florímtë 'золотой' (от flori 'золото'), i llustrímtë 'лакированный' (от llustër 'сверкание, лак') сближает говор Музины с чамерийским говором Конисполя.[285]

Лексика говора очень богата заимствованиями из новогреческого языка, что вполне естественно при двуязычии населения.

Итак, наиболее заметные признаки говора села Музина сближают его с чамерийским говором Конисполя. В то же время он сходен с говором города Гьирокастры и албанских деревень долины Дриноса.

Говор Гьирокастры

Главный центр юго-западной Албании, город Гьирокастра (Gjirokástra) обладает своим говором, который, как и все городские говоры, отражает диалектные особенности тех мест, откуда происходят основные группы городского населения. Гьирокастра лежит в долине реки Дриноса, у подножия Ляберийских гор.

---

[285] См.: там же, стр. 102.

Собственно ляберийская краина Курвелеш, а также Люнджери на противоположном берегу Дриноса — это ближайшие к Гьирокастре горные районы, из которых несомненно шел приток населения, оседавшего в городе. Тепеленская Реза и Загори, лежащие к северу и востоку от Люнджери, в свою очередь входили в зону влияния Гьирокастры как старого экономического и культурного центра. Не меньшее значение для процесса сложения населения этого города должна была играть широкая и плодородная речная долина, над которой возвышаются башни Гьирокастры. Население долины образуется, с одной стороны, группой грекоязычных сел краины Дропул (Drópull), лежащих на левобережье, у подножия гор, с другой стороны — албанскими селами правобережья, из которых наиболее значительным является бывший город Либохова (Libohovë). Долина Дриноса уже с давних пор была густо населена и хорошо возделана.[286]

Говоры Люнджери и Либоховы не описывались; нет и фольклорных записей, на основании которых можно было бы судить об их наиболее заметных признаках. Городской говор Гьирокастры известен по литературным памятникам начала XIX в., а также по некоторым материалам более позднего времени. Недавно найденный текст стихотворения Эльмаса, мусульманского поэта из Гьирокастры, относящийся к 1819 г.,[287] позволяет судить о таком ярком признаке ляберийского диалектного типа, как делабиализация *y* и *ye*: di ($<$ dy) 'два', kriet ($<$ kryet) 'голова', gjináh (тур. günah) 'грех'. Также ср. случаи замены отсутствующей в говоре фонемы *y* фонемой *u*: dunjá (тур. dünya) 'мир, вселенная', e ture (e tyre) 'их' (род. п. мн. ч.). Специфично для говора сохранение старого палатального *l* в интервокальной позиции: murtálë (ср. лит. murtajë) 'чума'.[288] В основном сходную картину дает текст перевода Евангелия, изданный в 1827 г. на острове Корфу. Ср. явление делабиализации *y*, *ye*: illi ($<$ ylli) 'звезда', pieti ($<$ pyeti) 'он спросил'; подстановка *u* на место *y* в форме ature и др.[289] Отличие от предшествующего памятника обнаруживается в трактовке палатального *l* в интервокальной позиции, ср. изменение *-l-* $>$ *-j-* в слове vdékëjë ($<$ vdekëlë) 'смерть'. Но в то же время в тексте Евангелия зафиксировано сочетание *kl* в слове kluhetë 'зовется'. Трудно сказать, в какой мере сохранение подобного архаизма могло быть в то время фактом живой речи для говора Гьирокастры, а тем более для говора Тепеленской Резы, откуда происходил

---

[286] Ср. свидетельства путешественников, относящиеся к первой половине XIX в: J. C. Hobhouse. A Journey through Albania, стр. 93; J. G. Hahn. Albanesische Studien, I, стр. 40 и сл.

[287] O. Myderrizi. Një dorëshkrim shqip i panjohur i Gjirokastrës. Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq., 1957, № 1.

[288] См.: там же, стр. 179—182.

[289] См. отрывок, опубликованный в «Antologji e letërsisë shqipe» (Tiranë, 1958, стр. 80 и сл.).

В. Мекси, автор перевода. Можно допустить предположение о том, что в городском говоре Гьирокастры, на который в общем ориентировался язык перевода, сочетание *kl* могло еще сохраняться в начале XIX в. в речи жителей, происходивших из более южных районов. Характерные черты городского просторечья зафиксированы в текстах рассказов Мусины Кокалари из Гьирокастры, относящихся к 30-м годам XX в. Лингвистическому анализу этих текстов, отразивших архаическое состояние гьирокастрийского говора в том виде, как он сохранялся еще несколько десятилетий тому назад, посвящена специальная работа немецкого албановеда М. Ламберца.[290] Ламберц выделяет некоторые фонетические признаки говора.[291] Из них наиболее показательны 1) делабиализация *y*, *ye*: sitë i mbante gjismë të mbillura (=sytë i mbante giysmë të mbyllura) 'глаза он держал полузакрытыми', krie (< krye) 'голова' и др. Соответственно также подмена фонемы *y* фонемой *u* в формах род. п. мн. ч. ature (atyre) 'их', këture (këtyre) 'этих'; 2) сохранение старого палатального *l* в интервокальной позиции: bilë 'дочь', fëmilë 'дитя', golë 'рот', malë 'вершина', также в производных существительных с суффиксом *-lë*: árdhëlë 'приход', íkëlë 'уход', rójtëlë 'жизнь' vdékëlë 'смерть' (словообразовательная модель, вообще характерная для ляберийского диалектного района); 3) переход *rr* > *r* и смешение этих двух фонем: burat (< burrat) 'мужчины', ferë (< ferrë) 'колючий кустарник', i thirur (< i thirrur) 'званый' и др.; 4) проявление тенденции к смешению фонем *dh* [*đ*] и *ll* [ł]: duadhnë (< duallnë) 'они вышли', mbidhi (< mbylli) 'он закрыл', однако holla (< hodha) 'он бросил' mblolli (< mblodhi) 'он собрал', krolla (< krodha) 'хлебные корки'. (Это явление, часто встречающееся в гегской диалектной области, в южноалбанских говорах вообще мало распространено). К этому перечню следует добавить некоторые из не отмеченных Ламберцем фонетических признаков ляберийского диалектного типа, например: закрепление ударения на первом элементе дифтонгов *ua*, *ie*, переход *e* > *ë* перед носовыми, а также в некоторых других сочетаниях (например: do të prëhemi 'отдохнем') и др. Сохранение палатального *l* в интервокальной позиции представляет собой архаизм, не характерный для говоров Лябериии. Этой своей особенностью говор Гьирокастры частично сближается с рассмотренным выше говором с. Музина, который занимает промежуточное положение между ляберийским и чамерийским диалектными типами. Горная местность, в которой лежит с. Музина, находится на переходе из долины Дриноса в Дельвинскую низину и непосредственно смыкается с южной частью этой долины. Возможно, что наличие в говоре Гьирокастры такой архаической особенности,

---

[290] См.: M. L a m b e r t z. Zur albanischen Umgangssprache (Gjirokastra). Lingua Posnaniensis, vol. VII, 1958.

[291] См.: там же, стр. 86 и сл.

как сохранение палатального *l* в положении между гласными явилось отражением диалектных признаков речи той части населения, которая происходит не из собственно Ляберии, но из горных районов, лежащих южнее, в верховьях Дриноса, в непосредственной близости к чамерийскому диалектному району.

Своеобразие городского говора Гьирокастры к настоящему времени является уже в значительной мере фактом истории. Те незначительные отклонения, которые отличают его от общетоскского речевого типа, довольно легко и быстро исчезают в условиях массового распространения литературноязыковых норм через посредство школы, печати, радио. В частности, такой яркий признак, как делабиализация *y* и *ye*, легко поддается ликвидации, как мне в этом привелось лично убедиться во время посещений занятий в школах Гьирокастры. Речь гьирокастритов, получивших школьное образование, обычно полностью соответствует неписаным нормам общетоскского стандарта, отразившимся в нормах литературного языка, созданного на основе тоскского диалекта.

Чамерийский говор

Самую южную периферию албаноязычного ареала составляет Чамерия (Çamërí). Территория, населенная албанцами-чамами, основной своей частью входит в состав Греции и непосредственно примыкает к южной границе Албанского государства. В Албании чамы живут в пограничном с Грецией районе, на крайнем юго-западе страны, южнее озера Бутринта. Центром этого небольшого района является селение Конисполь, расположенное у самой границы. Основная часть собственно Чамерии территориально соответствует греческой провинции Теспротии, лежащей на северо-западе Эпира, на побережье Ионического моря. Селения чамов расположены в долине реки Тиамúс (Θυαμίς) и в горных районах к югу от нее. Вероятно, от имени этой реки произошло название «Чамерия» (ср. тур. Çam-sancak).[292] Таким образом, название населяющих эту область «чамов» не было в основе своей племенным, но связано с обозначением жителей определенной местности. Селения Филиатес, Парамития, Мазаракия, Игуменица — это старые центры Чамерии. Албанцами-чамами были также знаменитые горцы-сулиоты, прославившиеся в конце XVIII—начале XIX в. своим героическим сопротивлением агрессивной политике Али-Паши, визиря Янины.

Христианская часть албанского населения Чамерии, на протяжении XIX и XX вв. в сильной степени подвергавшаяся ассимиляции в условиях греческой государственности, греческой школы и греческой церкви, из состояния билингвизма [293] постепенно

[292] См.: F. Pouqueville. Voyage dans la Grèce, I, стр. 462.

[293] У сулиотов греко-албанский билингвизм был засвидетельствован в начале XIX в. См.: W. M. Leake. Researches in Greece, стр. 414.

переходила на преимущественное или исключительное пользование греческим языком. Чамы-мусульмане более устойчиво сохраняли свою языковую и этническую принадлежность к албанскому народу. Еще три десятилетия тому назад количество албанцев в Чамерии доходило, по некоторым сведениям, до 65 тысяч и составляло около 87 процентов от общего количества населения соответствующих районов.[294] К настоящему времени число их резко уменьшилось и не превышает 10 тысяч.[295] Это объясняется не только дальнейшим развитием процесса ассимиляции, но и переселением в Албанию значительного количества чамов-магометан после окончания второй мировой войны.

В эпоху турецкого владычества Чамерия не была изолирована от основной части албаноязычной территории. В XVII в. она вошла в состав Дельвинского санджака. В конце XVIII — начале XIX в. за овладение этой областью, находившейся в состоянии феодальной анархии, долго и упорно боролся Али-Паша Тепеленский, преодолевая сопротивление многочисленных чамерийских беев, правивших каждый в своем феоде, а также независимых горских общин, державшихся за остатки вольностей патриархально-родового строя.[296] На протяжении ряда столетий Чамерия составляла окраину непрерывно простиравшегося албаноязычного ареала; она превратилась в изолированную его часть лишь после того как в 1913 г., по окончании 2-й Балканской войны, южный Эпир был включен в состав Греческого государства.

Связь чамерийского диалектного района со всей южнотоскской диалектной зоной совершенно очевидна. Чамерийская речь очень близка к ляберийским говорам, отличаясь от них по существу лишь одной консервативной особенностью, которая к тому же характерна и для некоторых окраинных участков ляберийской диалектной области.

Чамерийский говор известен главным образом по записям сказок, сделанным Г. Педерсеном более 70 лет тому назад (в 1893 г.)[297]

Опубликованные им тексты были записаны от уроженца села Мурси́ (Mursí), расположенного севернее Конисполя (на территории Албании). Язык этих текстов в целом очень близок к общетоскскому диалектному типу, в его южном варианте. Специфиче-

---

[294] R. Busch-Zantner. Albanisches Volkstum in Griechenland, стр. 27.

[295] Народы зарубежной Европы, I. М., 1964, стр. 515.

[296] См.: Г. Л. Арш. Албания и Эпир в конце XVIII—начале XIX в., главы III, IV, VII, VIII.

[297] H. Pedersen. Albanesische Texte mit Glossar. Abhandl. d. Philol.-hist. Kl. d. Sächs. Gesellsch. d. Wiss., XV, Leipzig, 1805. Примеры из текстов, записанных Педерсеном, приведены здесь в современной албанской графике. Педерсен не отмечал особыми знаками оттенки произношения, и все использованные им знаки фонетической транскрипции (ε, r̄, ł, δ, s и др.) имеют соответствие в албанской графической системе.

ские отличия, дающие возможность говорить об особом чамерийском говоре, в сущности очень незначительны.

Признаками говора в области фонетики [298] являются: 1) сохранение старых долгот гласных: kālë 'лошадь', fōli 'он заговорил'; 2) переход *e* > *ë* перед носовыми в ударном положении: vënd 'место', zëmërë 'сердце'; 3) исключение *y*, *ye* из системы фонем. Это осуществляется в основном путем делабиализации *y* > *i*, *ye* > *ie*: grika (< gryka) 'горло', hiri (< hyri) 'он вошел', krie (< krye) 'голова'. В некоторых случаях производится подстановка *u* на место *y*: ature (atyre) род. п. мн. ч. 'этих', обычно также в турецких словах: dunjá (dynjá, тур. dünya) 'мир, вселенная, люди'; 4) ударение в дифтонгах *ua*, *ie* фиксировано на первом элементе: më ka dërgúarë grúaja 'меня послала жена'; díelli 'солнце', однако pjéti (< pyeti) 'он спросил'; 5) относительная устойчивость неударного *ë*: *i* várfërë 'бедный', digjuanë 'они услышали'. Все эти признаки являются у чамерийского общими с говорами ляберийской диалектной области. Специфичен лишь: 6) переход в некоторых случаях ударенного *ë* > *i*: ishtë (< është) 'он есть', bij (< bënj 'я делаю', gjij (< gjënj) 'нахожу'; 7) консонантизм обнаруживает лишь одну специфическую особенность, имеющую характер архаизма, бросающегося в глаза наблюдателям, и отмечаемую самими говорящими. Это сохранение старого палатального *l* в интервокальной позиции: fëmílë 'дитя', bilë 'дочь', malë 'вершина, острие', а также сочетаний а) *kl*-, *gl*-: klumësht 'молоко', klan 'плачет', të klarët 'плач', gluhë 'язык', gledh 'развязывать' glúnas 'становиться на колени' (произв. от glu 'колено'); б) -*lk*, -*lg*: ulk 'волк', balëgë (< balëgë, balgë) 'навоз'. Из остального можно отметить: 8) сохранение *h* в начале и середине слова, при отпадении конечного: hap 'отрываю', klahem 'плачусь', однако sho (< shoh) 'вижу'; 9) переход -*nj* > *j* в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. глаголов I спряжения: punoj (< punonj) 'работаю', klaj (< klanj) 'пла́чу', изменение -*qt* > *jt*, -*gjt* > -*jt*: plejt (< pleqtë) 'старики', zojtë (< zogjtë) 'птицы'. Все это имеет соответствия в говорах ляберийской диалектной области.

Морфологические признаки говора: в склонении имен проведен ряд инноваций общетоскского характера. 1) Отсутствует форма предложного (местного) падежа. 2) В образовании опред. формы вин. п. ед. ч. от основ мужск. р. с исходом на согласный новая модель (с элементом -*i*- (-*u*-) между основой и окончанием) почти вытеснила старую модель (с непосредственным присоединением окончания -*n* (ë) к основе). Формы типа gomarrë (< gomarnë) 'осла' встречаются в текстах очень редко. Преобладают формы типа gomarin. 3) Относительно редки формы род.-дат. п. мн. ч. старого типа (без элемента -*v*-). Более распространены формы, образованные по новой модели: hilét e gravet 'хитрости женщин', u thot

[298] См.: там же, стр. 4—9, тексты стр. 24—92.

çobanevet 'говорит пастухам'. В формулах устно-поэтического речевого стиля образования по двумя моделям иногда встречаются параллельно: gluhëtë e kafshevet edhe të shpézëret edhé të zogjet 'языки животных и птиц' (shpend и zog — синонимы). 4) В образовании форм имперфекта (действ. зал.) следует отметить окончание *-ë* в 1-м л. ед. ч.: kërkonjë 'я искал', hajë 'я ел', djegë 'я сжигал', flërë 'я спал'. В 3-м л. ед. ч. представлены краткие формы типа kërkon 'он искал', ish 'он был', hidh 'он бросал', vrit 'он убивал', ip 'он давал', haj 'он ел'; также формы с окончанием *-ej*, заимствованным из парадигмы имперфекта страд. зал.: kërkónej 'он искал', shkrúanej 'он писал'. 5) В парадигме аориста довольно распространены формы 3-го л. мн. ч. с ассимиляцией в сочетаниях *-dhn-*, *-ln-*, *-lln-*, *-rn-*, *-tn-*: hodhë (< hodhnë) 'они бросили', duallë (< duallnë) 'они вышли', muarrë (< muarnë) 'они взяли', shine (< shitnë) 'они продали'. 6) Образование основ аориста соответствует общетоскским моделям. 7) В соответствии с нормами общетоскской народно-разговорной койне находится и образование причастий. 8) Чертой, общей с другими южнотоскскими говорами, является широкая продуктивность типа образования отглагольных имен с суффиксом *-ëlë*: mbledhëlë 'собрание', pjetëlë 'вопрос', dashëlë 'согласие' (от глаг. dua, прич. dashur 'желать'). Специфично для чамерийского образование с этим же суффиксом наименований лиц женского пола: mbretëlë 'царица', magjistrëlë 'волшебница'.

Из этого обзора видно, что чамерийский говор в целом мало отличается от общего южноалбанского диалектного типа. Наиболее заметным признаком, выделяющим чамерийский на фоне других говоров южнотоскской диалектной зоны, можно считать лишь его консервативную особенность — сохранение старого палатального *l* в интервокальной позиции, а также сочетаний *kl*, *gl*, *lk*, *lg*.[299] Эта консервативная особенность, по-видимому, связана с окраинным положением чамерийского диалектного района, хотя в других отношениях говор не является консервативным. Характерно, что изоглосса сохранения старого интервокального *l* и сочетаний *kl'-*, *gl'-*, *-l'k*, *-l'g* выходит за пределы собственно чамерийского

---

[299] Чамерийский говор и в настоящее время сохраняет этот свой характерный признак. В моих записях из Конисполя, сделанных в 1956 г., зафиксированы формы fëmilë 'ребенок', gluhë 'язык', glisht 'большой палец', klumësht 'молоко', ka klenë 'он был', ulk 'волк.' Однако наблюдаются и колебания. Старый партизан Ш. Бейта (Sh. Bejta) сперва произносил qumështuar 'молочный' (в сочетании burek qumështuar 'пирог на молоке'), а затем повторял: klumështuar. Также звучали варианты gjisht и glisht. Школьница 8 лет произносила, соответственно литературной норме, только: qumësht, gjisht. Несравненно более устойчивым признаком говора следует считать общее для чамерийского и ляберийского фонетическое явление делабиализации *y*, которое характерно для всех говорящих: ill (< yll) 'звезда', pillra (< pyllëra) 'лесá', di (< dy) 'два.'

района. Как уже отмечалось ранее, она захватывает говор сел (например, с. Музины) горной местности, лежащей на границе Дельвинской низины с долиной реки Дриноса, и частично также городской говор Гьирокастры (интервок. *l'* в словах bilë 'дочь', golë 'рот', ardhëlë 'приход' и др.). Чамерийский диалектный район оказывается, таким образом, частью южноалбанской диалектной непрерывности, причем изоглосса, определяемая как наиболее для него характерная, вдается глубоким клином (по течению реки Дриноса) в область ляберийских говоров (оставляя, однако, в стороне горную Ляберию).

Глава 5

ТОСКСКИЕ ГОВОРЫ АЛБАНОЯЗЫЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ГРЕЦИИ, БОЛГАРИИ, УКРАИНЫ И ИТАЛИИ

Жители албаноязычных поселений Греции, Болгарии, Украины и Италии говорят на южноалбанском (тоскском) диалекте. Говоры их в разной степени обнаруживают специфические особенности, связанные с условиями развития в изоляции от основного албаноязычного массива. Некоторые из этих особенностей имеют консервативный характер, представляя собой архаизмы, сохранившиеся на далекой периферии. Наряду с реликтовыми чертами обнаруживаются инновации, возникавшие как результат внутреннего развития системы говора; некоторые из инноваций возможно объясняются влиянием окружающей языковой среды.

Основание албаноязычных поселений за пределами Албании относится к разному времени; создавались они выходцами из различных районов. Наиболее старыми являются поселения в Греции.

АЛБАНСКАЯ РЕЧЬ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ГРЕЦИИ

Возникновение многочисленных албаноязычных поселений в центральной и южной Греции [300] относится к XIV—XV вв.[301] На территории, пустовавшие в результате кровопролитных войн, средневековые феодалы привлекали албанских поселенцев, спасавшихся от малоземелья и нужды горных районов. В этот период большие группы албанских деревень возникли в Аттике, Мегариде,

[300] По приблизительным подсчетам И. Г. Хана, албаноязычное население Греции (без Эпира) в середине XIX в. составляло около 173 000 человек (J. G. Hahn. Albanesische Studien, I. Jena, 1854, стр. 32).

[301] См.: R. Busch-Zantner. Albanisches Volkstum in Griechenland. Volksforschung, Bd. 5, H. 1, 1941, стр. 23 и сл.; J. Ph. Fallmerayer. Das albanische Element in Griechenland. Abhandl. d. Bayer. Akad. d. Wiss., Hist. Kl. Bd. 8, Abt. 2, 3; Bd. 9, Abt. 1, München, 1857—1862.

Беотии, на Эвбее, в различных частях Пелопоннеса. Позднее, уже в XVIII в., албанцы поселились на островах Поросе, Гидре, Специи. В городах Греции, в частности в Афинах, известную часть населения также составляли албанцы.[302] Принеся с собой старое этническое наименование arbër, arbëresh, албанцы Греции не знают появившегося позднее названия shqiptar 'албанец'.

Процесс языковой и культурной ассимиляции албанцев грекоязычной среде, при отсутствии письменности на родном языке,[303] особенно интенсивно развивался в XIX—XX вв. На ускорение этого процесса влияла также общность религии, способствовавшая культурному и бытовому сближению православных албанцев с греками, притом в условиях большой активности греческой церковной пропаганды. В настоящее время, по свидетельству К. Хеблера, албанский сохраняется в качестве языка домашнего общения в деревнях Беотии, Аттики, Коринфии и Арголиды. Пользуются им преимущественно женщины старших поколений. Молодежь, получающая школьное образование на греческом языке, албанским уже почти не владеет.[304]

Сведения о говорах албаноязычных поселений центральной и южной Греции являются достоянием науки уже с середины XIX в., главным образом по материалам фольклорных записей.[305] Совсем недавно появилось специальное описание говора острова Саламина (Аттика), дающее довольно полное представление об относительно архаическом типе албанской диалектной речи на территории центральной Греции.[306] При наличии очень незначительной локальной вариантности [307] отчетливо выделяются общие признаки этого типа, в основном совпадающие с признаками, характерными для южнотоскской диалектной зоны.

---

[302] См.: J. C. Hobhouse. A Journey through Albania and other Provinces of Turkey, vol. I, стр. 295 и сл. В конце XIX в. в Афинах, как сообщает Г. Вейганд, албанцы, проживавшие в квартале севернее Акрополя, еще пользовались албанским как языком домашнего общения (см.: G. Weigand. Die Aromunen. Ethnograph.-philol.-histor. Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren, I, Leipzig, 1895, стр. 197 и сл.).

[303] Попытка создания письменности для арберешей Греции, предпринятая в конце XIX в. Анастасом Кулурнотисом, не увенчалась успехом (см. Historia a letërsise shqipe, II. Tiranë, 1959, стр. 208 и сл.).

[304] См.: Cl. Haebler. Grammatik der albanischen Mundart von Salamis. Wiesbaden, 1965, стр. 21.

[305] См.: C. H. Th. Reinhold. Noctes pelasgicae vel symbolae ad cognoscendas dialectos Graeciae pelasgicas collatae. Athenis, 1855; G. Meyer. Albanesische Studien, 5. Sitzungsberichte d. Philos.-hist. Kl. d. Akad. d. Wiss., Bd. 136, Wien, 1896; G. Weigand. Das Albanische in Attika. Balkan-Archiv, Bd. II, Leipzig, 1926; P. A. Φουρίκης. Ἡ ἐν Ἀττικῇ ἑλληναλβανικὴ διάλεκτος (Ἀθηνᾶ, 44, 1932; 45, 1933). К сожалению, в моем распоряжении не оказалось этого важного труда П. Фурикиса.

[306] См.: Cl. Haebler. Grammatik der albanischen Mundart von Salamis.

[307] См.: E. P. Hamp. On the Arvanitika Dialects of Attika and the Megarid. Балканско езикознание, III, 2, София, 1961, стр. 105.

Из фонетических особенностей можно отметить следующее: 1) отсутствие фонологического различения долготы гласных;[308] 2) в связи с явлением делабиализации выпали из состава фонем *y*, *ye*, например: 'frim[309] (< 'frym) 'дыхание', 'krie (< 'krye) 'голова'; 3) дифтонги *ua*, *ie* имеют ударение на первом элементе — 'duar 'руки', 'bie 'ударяю' (однако 1-е л. ед. ч. импер. 'bjer 'ударь!'); 4) фонема *ə* в безударном положении не обладает устойчивостью; 5) звонкие согласные в конце слова оглушаются, например: 'zok (< 'zog) 'птица', ka'raf (< ka'rav) 'корабль'; 6) в сочетаниях *kl'*, *gl'*, *l'k* и в интервокальном положении сохраняется старое палатальное *l'* (как в чамерийском говоре) — 'kλuməʃ 'молоко', 'gλuhə 'язык', 'uλk 'волк'; 'biλə 'дочь'; 7) среднеязычный носовой сохраняется во всех позициях, в частности в окончании 1-го л. ед. ч. наст. вр. глаголов I спряжения — kər'koɲ 'ищу'; 8) сложные фонемы *mb*, *nd* в начальной позиции могут утрачивать носовой элемент — 'mbrəmə // 'brəmə 'вечер', 'ndihmə // 'dihmə 'помощь'; 9) фарингальный спирант *h* проявляет неустойчивость в интервокальной позиции. Иногда вместо *h* произносится глухой среднеязычный спирант, например 'çeϑ (heϑ) 'бросаю', аор. çođa (hođa) 'я бросил'. Эта новая для языка фонема проникает вместе с потоком новогреческих заимствований, ср.: 'çiro (н.-греч. χῆρος) 'вдовец'. Только в греческих словах произносится глухой заднеязычный спирант — 'xorə 'страна', xri'saf 'золото'; 10) на стыках слогов осуществляются, как и в других южноалбанских говорах, различные виды ассимиляции, например: 'birr (< 'birnə) 'сына' (вин. п. ед. ч.), 'duaɫə (< duaɫnə) 'они вышли' (аор.), 'denə (< 'detnə) 'море' (вин. п. ед. ч.), 'hamnə (< 'hapnə) 'они открыли' (аор.).

Морфологическая система в основном соответствует общетоскскому типу и не обнаруживает заметных инноваций. Характерно отсутствие специальной формы местного (предложного) падежа. Продуктивность словопроизводства ограничена, что, по-видимому, связано с массовым характером заимствования греческой лексики.[310]

ГОВОР с. МАНДРИЦЫ В БОЛГАРИИ[311]

Албаноязычное село Мандрица находится на юго-востоке Болгарии (район Ивайловграда), у границы с Грецией и Турцией. Невдалеке, но по другую сторону турецкой границы, в районе Адрианополя, расположено еще несколько албаноязычных сел

[308] См.: Cl. Haebler. Grammatik der albanischen Mundart von Salamis., стр. 44.

[309] Примеры даются в записи К. Хеблера, пользующегося международной фонетической транскрипцией.

[310] См.: там же, стр. 111.

[311] См.: Dh. S. Shuteriqi. Fshati shqiptar i Bullgarisë, Mandrica. Studim dhe tekste. Studime Filologjike, 1965, № 1, стр. 103 и сл.

(Заллэф, Ибриктепе,[312] Алтенташ и др.). Жители Мандрицы хранят память о том, что предки их пришли из юго-восточной Албании — из области Корчи и Виткукя (Vithkuq). По-видимому, Мандрица была основана в XVIII в. Благодаря тесным связям с окружающим болгарским населением и при наличии школьного обучения на болгарском языке жители Мандрицы двуязычны, и их албанский говор подвергается сильному влиянию болгарской речи (особенно за последние 50 лет).

Источником сведений о говоре Мандрицы являются записи фольклорных текстов и наблюдения, сделанные албанским писателем и филологом Дим. Шутерики в 1959 г. По этим материалам составлено предварительное описание говора, опубликованное в 1965 г.[313]

В основных своих явлениях говор близок к северо-восточнотоскскому диалектному типу. Из архаизмов в области фонетики обращает на себя внимание сохранение сочетаний *kl'*, *gl'*, *l'k*, *l'g*, а также старого палатального *l'* в интервокальном положении: klumësht 'молоко', kle 'он был' (3-е л. ед. ч. аор.), glu 'колено', glisht 'палец'; ulk 'волк', dilgon 'слушаю, -ешь, -ет'; bilë 'дочь', val, vali 'растительное масло'. Довольно устойчиво сохраняется *ë* в неударных слогах. Вряд ли, однако, можно считать архаизмом [314] лабиализацию второго элемента общетоскского дифтонга *ua*, отмечаемую в записях Д. Шутерики в качестве параллельного варианта *uo*, например: suall // suoll 'он принес'.

Наиболее заметной инновацией, по-видимому связанной с влиянием болгарской речи, является устранение из фонологической системы интердентальных спирантов *th* [ϑ] и *dh* [đ], осуществляемое путем субституции других звуков. Так, вместо *th* произносится *s*: sotë (=thotë) 'он говорит', djasë (=djathë) 'сыр'; вместо *dh* обычно появляется *z*: za (=dha) 'он дал', zëndër (=dhëndër) 'зять', uzë (=udhë) 'дорога', реже *d* — dardë (=dardhë) 'груша'.

В области грамматики обнаруживается целый ряд инноваций, наиболее значимой из которых можно считать изменение порядка слов в атрибутивных сочетаниях. В отличие от общеалбанского типа в говоре Мандрицы (так же и в говоре албаноязычных сел Украины) определение передвигается со второго места на первое: ni bardë kalë (лит. një kalë i bardhë) 'белый конь', mbretit bir (лит. biri i mbretit) 'сын царя'. В глагольной морфологии характерно установление омонимии форм ед. ч. наст. вр. для глаголов I спряжения: 1-е, 2-е, 3-е л. ед. ч. punon 'работаю, -ешь, -ет'.

---

[312] Уроженцем Ибриктепе был классик албанской литературы епископ ФанНоли, скончавшийся в 1965 г.

[313] См.: M. D o m i — Dh. S h u t ë r i q i. Një vështrim mbi të folmen shqipe të Mandricës. Studime Filologjike, 1965, № 2, стр. 103 и сл.; Dh. S. S h u t ë r i q i. Fjalorth i të folmes shqipe të fshatit Mandricë (Bullgari). Там же.

[314] Ср.: M. D o m i — Dh. S h u t ë r i q i. Një vështrim mbi të folmen shqipe të Mandricës, стр. 103.

Благодаря отпадению начального согласного частицы (*d*)*o* своеобразный вид приобрели формы буд. вр.: un o t'e mar 'я (это) возьму', nuk o t'vemë 'мы не пойдем'.

Очень интересны факты использования болгарских грамматических элементов. Так, в образовании формы возвратного залога участвует болгарское возвратное местоимение *si*, например: u sëmur-si (лит. u sëmur) 'он заболел'. Часто заимствуются из болгарского также местоименные энклитики (h)i (=болг. и) 'ей', (h)im (=болг. им) 'им', например: hima-hi 'ее мать', Stano i sa-him 'Стано сказал им'.

Используется также болгарская вопросительная частица: vërtet-li? 'правда ли?'.

Архаические явления в морфологии в общем менее заметны. К числу их можно отнести образование формы вин. п. опред. ед. ч. мужск. р. типа kalnë 'коня', konaknë 'ночлег'.

В прошлом на территории Болгарии существовали и другие албаноязычные деревни. Вместе с потоком переселенцев из западной Македонии, передвигавшихся на земли центральной и восточной Болгарии в период с конца XV по начало XIX в.[315], переселялись и отдельные группы албанцев (из краин юго-восточной и центральной Албании). Следы этого сохранились в болгарской топонимике (например, в названиях сел Арбанаси, Кара-Арнаут, Бей-Арнаут, Арнаутито). Есть сведения о существовании в прошлом албаноязычного населения в деревнях Бей-Арнаут и Девня в районе Варны.[316]

ГОВОР АЛБАНОЯЗЫЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ УКРАИНЫ [317]

Албанцы из с. Девни (близ Варны) в начале XIX в. вместе с болгарскими переселенцами перешли на территорию Российской империи и в 1810—1811 гг. основали село Каракурт Измаильского уезда (ныне Жовтневое Болградского района Одесской обл.).

[315] См.: Д. Ярановъ. Преселническо движение на българи от Македония и Албания къмъ източнитѣ български земи презъ XV до XIX вѣкъ. Македонски прегледъ, VII, кн. 2 и 3, София, 1932, стр. 90.

[316] См.: там же, стр. 75.

[317] См.: S. Islami. 1) Material gjuhësor nga kolonitë shqiptare të Ukrainës. Bul. Shk. Shoq., 1955, № 2; 2) Materiel linguistique des colonies albanaises d'Ukraine. Studia Albanica, 1965, № 2; Н. В. Котова. Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины). Уч. записки Инст. славянов. АН СССР, т. XIII, 1956. См. также: Н. С. Державин. 1) Из исследований в области албанской иммиграции на территории б. России и УССР. Сб. «Милетич», София, 1933; 2) Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР. Советская этнография, 1948, № 2. Основные сведения о говоре Каракурта мною были получены от уроженки этого села Марины Стомат, окончившей албанское отделение Ленинградского университета.

В 1862 г. часть жителей Каракурта переселилась в Приазовье, где ими были основаны три села: Гаммовка, Георгиевка и Девненское (Приазовский район Запорожской обл.). Таким образом, в настоящее время в пределах УССР существуют четыре албаноязычных села, из которых самым большим и самым старым является Каракурт. В Каракурте вместе с албанцами проживают в основном гагаузы и болгары; в Гаммовке, Георгиевке и Девненском, помимо албанцев — украинцы, русские и некоторое количество болгар. Кроме родного (албанского) говора, все «арнауты» (так называют себя албанцы, живущие на Украине) владеют русским языком; многие говорят также на украинском, а в Каракурте — на болгарском и гагаузском языках.[318]

Память о переселении из Девни еще сохраняется. Старики в Каракурте отмечают происхождение некоторых семей также из Сливны и из Варны.[319] Где жили их предки до переселения в Болгарию, никто не помнит. Основываясь на исторических сведениях о том, что одним из основных районов, откуда шло переселение болгарских «арнаутов», были граничащие с Македонией юго-восточные области Албании, можно полагать, что из тех же мест происходят и предки арнаутов, пришедших в начале прошлого века на Украину. Сходство говора их с говором жителей Мандрицы, помнящих о том, что основателями этого села были люди из области Корчи-Виткукя, также говорит в пользу такого предположения. Однако более точная локализация исходного ареала по лингвистическим данным вряд ли возможна.

Говор арнаутов (албанцев) Украины в общем соответствует севернотоскскому диалектному типу в его архаическом состоянии, но в то же время обнаруживает значительные инновации. Некоторые из инноваций представляют результат внутренней эволюции говора, некоторые же возможно связаны с влиянием иноязычной среды.

В области фонетики релевантно (в качестве архаизма) сохранение сочетаний *kl'*, *gl'*, *l'k*, *l'g*, а также старого палатального *l'* в интервокальной позиции: klumësht 'молоко', gluhë 'язык'; ulk 'волк', ndëlgon 'слушаю, -ешь, -ет'; bilë 'дочь', golë 'рот'. Устойчиво сохраняется *ë* в неударных слогах. Важнейшей инновацией фонетической системы говора является монофтонгизация дифтонгов: *ua* > *u*, *ye* > *y*, *ie* > *i*. Например: gru (< grua) 'женщина', du (< dua) 'хочу', muj (< muaj) 'месяц'; kry (< krye) 'голова', dyr (< dyer) 'двери', pys (< pyes) 'спрашиваю'; dill (< diell) 'солнце', mill (< miell) 'мука'; также vihër (< vjehër) 'свекор', dhitë (< dhjetë) 'десять'. Это изменение, имеющее себе аналогию в гегских говорах, по-видимому представляет результат внутренней эволюции фонетической системы говора. С влиянием

[318] См.: Н. В. Котова. Материалы по албанской диалектологии, стр. 255 и сл.

[319] Сообщение М. Стомат.

иноязычного окружения, возможно, связана субституция *h* вместо *f*: hort (=fort) наречие 'сильно', hurrë (=furrë) 'печь'. В отличие от говора Мандрицы, интердентальные спиранты *th*, *dh* сохраняются и лишь спорадически их подменяют смычные *t*, *d*.

Заметные грамматические инновации являются общими с говором Мандрицы. Это прежде всего изменение порядка слов в атрибутивных сочетаниях — выдвижение определяющего на первое место, например: të bukura çupa (=çupa e bukur) 'красивая девушка', në të Dolos bahçet (=në bahçen e Dolos) 'в саду Доло'. Отмечаются сходные изменения в области морфологии глагола, например образование форм будущего времени с усечением начального согласного частицы *(d)o*: un o t'shkrun 'я напишу', ata o të bënet 'это сбудется'.

Архаическим признаком северо-восточнотоскской зоны в говоре является употребление формы предложного (местного) падежа: në të bahçet 'в саду', djali zallahet ma çupët 'мальчик разговаривает с девушкой'. Нельзя не отметить глагола zallahit // zallahin 'разговаривать', который до сих пор зарегистрирован, помимо говора украинских арнаутов, только в говоре Мандрицы.

ГОВОРЫ АЛБАНОЯЗЫЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ИТАЛИИ [320]

Начало образования албаноязычных поселений на территории южной Италии относится к середине XV в., когда жители югозападных областей Албании, спасаясь от турецкого нашествия, впервые стали искать убежища за морем. Эмиграция усилилась после смерти Скандербега и подавления албанского сопротивления. В период 1468—1478 гг. большое количество албанских эмигрантов расселилось на пустовавших в результате феодальных войн землях Неаполитанского королевства — в провинциях Базиликата, Молизе, Апулия и особенно в Калабрии. Следующая большая волна переселения относится к 1532—1533 гг. На этот раз эмигрировали в основном албанцы из Греции, образовавшие группу поселений в Сицилии. Самая поздняя по времени возникновения албанская колония в Италии — это деревня Вилла Бадесса (Villa Badessa) в Абруццах, основанная в 1744 г. переселенцами из села Пикераса (Piqeras) в окрестностях Саранды.

В результате переселений, имевших массовый характер, на территории южной Италии возникло значительное количество деревень с албаноязычным населением. По данным 1959 г., албанцев, или арберешей (это их самоназвание), в Италии было 80 000 человек.[321] До второй половины XIX в. они жили довольно изолированно и устойчиво сохраняли язык и старинные обычаи. Однако

[320] См.: M. L a m b e r t z. Albanische Mundarten in Italien. Indogermanisches Jahrbuch, II, Straßburg, 1915.

[321] Численность и расселение народов мира. М., 1962, стр. 126.

с конца XIX в. процесс языковой и культурной ассимиляции арберешей окружающей их италоязычной среде усилился.

Традиции итало-албанской письменности восходят к XVI в. В XIX в. из среды арберешей Италии выдвинулся ряд крупных поэтов (Дж. де Рада, Гавр. Дара Младший, Зеф Серембе, Зеф Скиро), писавших на местных говорах. Интерес к фольклору и национальной старине арберешская интеллигенция культивировала уже с XVIII в.

К настоящему времени итало-албанская диалектная речь зарегистрирована во многих публикациях фольклорных текстов, а также в произведениях художественной литературы. Говоры итальянских арберешей уже привлекали к себе внимание исследователей.[322] Однако предметом систематического изучения эти говоры в целом еще не были, и поэтому сведения в данной области до сих пор еще носят в значительной мере фрагментарный характер.

Так как албанские поселения в Италии основывались в разное время и выходцами из различных местностей юго-западной Албании, говоры этих поселений, по-видимому, должны быть смешанными по своему образованию. Правда, приносившаяся переселенцами южнотоскская диалектная речь была относительно мало дифференцирована. Тем не менее при сохранении даже незначительных старых диалектных различий, к тому же в условиях территориальной разбросанности отдельных групп поселений, на новой почве могли складываться и закрепляться новые различия. Результатом этого явилась довольно значительная локальная вариативность итало-албанской диалектной речи.

Наиболее заметны различия между говорами арберешей Калабрии и Сицилии. Так, для сицилийского говора характерно изменение интервокального *ll* [*ł*] > *gh* [γ], как результат дальнейшего усиления веляризации: mogha (< molla) 'яблоко', qieghia (< qiellja) 'небо'.[323] Калабрийско-албанский говор этим изменением не охвачен. В то же время в сицилийском отсутствует характерное для говора Калабрии изменение *h* > *g* — так у де Рада: të gapura (të hapura) 'раскрытые', ndigu (ndihu) 'помог'. В сицилийско-албанском, как и в говорах арберешей Греции, сохраняются сочетания kl′, gl′, например: pse kla? 'почему плачешь?' (Г. Дара). Эта архаическая особенность сохраняется также в говоре деревни Монтечильфоне (Montecilfone) в провинции Молизе. Более широкий ареал имеет сохранение старого *l′* в интервокальном положении.

Много локальных вариантов, связанных с разного рода инновациями, обнаруживается в морфологии итало-албанских говоров.

---

[322] См.: M. L a m b e r t z. Italo-albanische Dialektstudien. Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft, Göttingen, 51, 1923; 52, 1924; 53, 1925.

[323] См.: E. Ç a b e j. Tekste italo-shqiptare në Hyllin e Dritës. Hylli i Drites, 1935, № 4, стр. 197.

СОКРАЩЕНИЯ

вр.	— время.
г.	— гегский.
гр.	— греческий.
л.	— лицо.
лат.	— латинский.
нар.	— наречие.
неопред.	— неопределенная форма.
п.	— падеж.
опред.	— определенная форма.
р.	— род.
с.-т.	— севернотоскский.
ст.-алб.	— староалбанский.
т.	— тоскский.
ч.	— число.
ю.-г.	— южногегский.
ю.-т.	— южнотоскский.
Bul. Shk. Shoq.	— Buletin për Shkencat Shoqërore, Tiranë.
Bul. Inst. Shk.	— Buletin i Institutit të Shkencavet, Tiranë.
Bul. Univ., Ser. Shk. Shoq.	— Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës, Seria Shkencat Shoqërore.
K. pop. legjend.	— Këngë popullore legjendare. Tiranë, 1955.
K. pop. hist.	— Këngë popullore historike. Tiranë, 1956.
Konferenca e parë	— Konferenca e parë e studimeve albanologjike. Tiranë, 15—21 nëndor 1962 — Tiranë, 1965.

ОГЛАВЛЕНИЕ